ТРУДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАГО РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕЯ

Выпускъ I

Дневникъ А. С. Пушкина

МОСКВА
1923

ДНЕВНИКЪ
А. С. ПУШКИНА

(1833—1835 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАДЪ

lib.pushkinskijdom.ru

Гиз. 524. · Москва. Главлит № 4422. 3.000 экз.

„Мосполиграф“. 16 типография, Трехпрудный, 9.

lib.pushkinskijdom.ru

Лѣтомъ 1920-го года подлинная рукопись „Дневника“ А. С. Пушкина 1833—1835 гг. стала, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, достояніемъ Государственнаго Румянцовскаго Музея въ Москвѣ.

Желая отмѣтить столь важное событіе въ жизни Музея, его Ученая Коллегія постановила издать этотъ „Дневникъ“, опубликовавши текстъ его въ безусловно подлинномъ и впервые полномъ видѣ, съ соотвѣтствующимъ научнымъ объясненіемъ.

Для осуществленія такого научнаго заданія Ученая Коллегія Музея, въ засѣданіи своемъ 2 октября 1920 года, образовала спеціальную для того Комиссію въ составѣ: Гр. П. Георгіевскаго, Вл. Ф. Саводника, М. Н. Сперанскаго и Н. И. Шатерникова; Комиссіи даны были Коллегіей соотвѣтствующія общія указанія касательно предположеннаго изданія и его состава; разработка же плана въ частностяхъ и выполненіе его предоставлены были самой Комиссіи.

Исполняя порученіе Ученой Коллегіи Музея, Комиссія въ рядѣ засѣданій остановилась на слѣдующихъ принципахъ и пріемахъ работы, которые и были осуществлены ею при изданіи „Дневника“ Пушкина:

1) Издаваемый текстъ „Дневника“ воспроизводитъ автографъ А. С. Пушкина съ возможной для печати точностью; поэтому: а) сохранены въ неприкосновенности правописаніе и интерпункція подлинной рукописи, какъ это было принято въ свое время въ академическомъ изданіи Переписки А. С. Пушкина (1906—1911. СПб.); б.) подчеркнутое въ подлинной рукописи передано: курсивомъ—числа „Дневника“, разрядкой—слова въ самомъ текстѣ; в) поправки, неточности и другія особенности оригинала оговорены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ подъ страницами самого текста; д) счетъ листовъ и ихъ оборотовъ подлинной рукописи от-

lib.pushkinskijdom.ru

мѣченъ соотвѣтствующей цифрой на правомъ полѣ печатнаго текста, а въ немъ самомъ—двумя и одной вертикальными черточками; д) сохранены, насколько это допускалось типографскими средствами, своеобразныя начертанія рукописи, каково употребленіе горизонтальной черты надъ буквой, разъ она удваивается (н̄-нн, т̄-тт, с̄-сс); е) приложены къ изданію снимки съ рукописи Пушкина въ естественную величину письма, при чемъ выбраны изъ текста преимущественно тѣ мѣста и части страницъ, чтеніе которыхъ представляло трудности или колебанія при ихъ воспроизведеніи печатно, или тѣ, которыя характерны для почерка Пушкина или данной его рукописи; первая страница „Дневника“ дана цѣликомъ и помѣщена впереди текста, остальные снимки—въ концѣ книги съ соотвѣтствующими ссылками на настоящее изданіе.

2) Во избѣжаніе пестроты текста и для облегченія его чтенія, на лѣвомъ полѣ данъ постранично счетъ строкъ печатнаго текста черезъ пять: руководясь этимъ счетомъ, подъ строкой самого текста, сверхъ замѣчаній графическаго характера, приводится раскрытіе многочисленныхъ въ рукописи сокращенныхъ написаній (преимущественно именъ, фамилій, титуловъ), при чемъ это раскрытое написаніе указывается только при первомъ случаѣ его въ текстѣ. Этимъ же счетомъ страницъ и строкъ текста „Дневника“ Комиссія руководилась для пріуроченія отдѣльныхъ историко-литературныхъ примѣчаній къ тѣмъ или инымъ мѣстамъ „Дневника“—во второй половинѣ книги.

3) Въ интересахъ возможно полнаго и углубленнаго ознакомленія съ содержаніемъ „Дневника“, какъ документа, обнимающаго одинъ изъ самыхъ важныхъ, но въ то же время менѣе разъясненныхъ періодовъ въ жизни великаго поэта, къ изданію текста присоединены:

А) Предисловіе, которое заключаетъ въ себѣ внѣшнюю исторію текста „Дневника“, какъ въ рукописи, такъ и въ печати, до настоящаго его изданія. Предисловіе составлено М. Н. Сперанскимъ.

Б) Хронологическая канва для біографіи А. С. Пушкина за 1833—1835 годы, извлеченная изъ текста „Дневника“ съ возможной подробностью фактовъ. Канва составлена Н. И. Шатерниковымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

В) Обширный историческій и литературный комментарій къ отдѣльнымъ мѣстамъ „Дневника“; за образецъ для такого комментарія приняты, поскольку это вызывалось существомъ дѣла, примѣчанія В. И. Саитова въ изданіи „Остафьевскаго Архива кн. Вяземскихъ“ (СПб. 1899—1913) и Л. Н. Майкова въ извѣстномъ большомъ изданіи „Сочиненій К. Н. Батюшкова“ (СПб. 1885—7). Такъ какъ конечной цѣлью такого комментарія Комиссія поставила стремленіе дать по возможности живую картину эпохи 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія и обстановки жизни самого писателя того же времени, поскольку та и другая отразились въ его „Дневникѣ“, а также дать матеріалъ для возможно близкаго подхода къ личности поэта того же времени, то при составленіи комментарія Комиссія руководилась такого рода принципами: а) комментарій долженъ быть безусловно объективнымъ въ освѣщеніи тѣхъ или иныхъ фактовъ и лицъ, которыя получили мѣсто въ немъ; б) комментарій не долженъ заключать въ себѣ излишнихъ подробностей и не ставитъ себѣ цѣлью дать исчерпывающую полноту біо- и библіографическихъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ лицахъ, при чемъ главное вниманіе должно быть обращено на освѣщеніе взаимныхъ отношеній Пушкина и упоминаемыхъ имъ въ своемъ „Дневникѣ“ лицъ; о лицахъ общеизвѣстныхъ (каковы, напр., В. А. Жуковскій, М. М. Сперанскій, А. А. Аракчеевъ и др.) біографическихъ свѣдѣній не давать, ограничиваясь лишь выясненіемъ ихъ отношеній къ Пушкину и Пушкина къ нимъ; особое же вниманіе удѣлять лицамъ, стоявшимъ близко къ Пушкину, имѣвшимъ значеніе и вліяніе въ его жизни и творчествѣ (напр., Вяземскій, Жуковскій, Загряжская); в) для другихъ лицъ изъ круга и друзей Пушкина, помимо главнѣйшихъ біографическихъ припоминаній, давать также по возможности сжатую ихъ характеристику, основанную преимущественно на отзывахъ и запискахъ ихъ современниковъ, какъ наиболѣе способныхъ выяснить нравственную физіономію даннаго лица, то впечатлѣніе, какое оно производило на окружающихъ; г) включить въ комментарій объясненіе и изложеніе событій и случаевъ, отчасти, намековъ, отмѣченныхъ „Дневникомъ“, какъ матеріалъ для возстановленія той же картины общественной среды, на почвѣ которой возникъ „Дневникъ“ Пушкина. Составленіе комментарія

lib.pushkinskijdom.ru

принялъ на себя Вл. Ф. Саводникъ въ сотрудничествѣ съ М. Н. Сперанскимъ (отдѣльные комментаріи, составленные послѣднимъ, отмѣчаются въ концѣ каждаго иниціалами М. С.).

4) Въ концѣ книги присоединенъ подробный указатель къ „Дневнику“ и прочимъ частямъ книги, составленный Н. И. Шатерниковымъ. Общее наблюденіе за печатаніемъ текста самого „Дневника“ принялъ на себя Г. П. Георгіевскій.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВІЕ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I. Судьбы „Дневника“ А. С. Пушкина въ печати.

Одинъ изъ первыхъ по времени нашихъ „пушкинистовъ“ Павелъ Васильевичъ Анненковъ въ своемъ цѣнномъ трудѣ: „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“ (Спб. 1855), составившемъ, какъ извѣстно, 1-й томъ издаваемаго имъ тогда собранія сочиненій Пушкина, говоря о жизни поэта въ 1834 и 1835 годахъ, сообщаетъ (на стр. 383 по 2-му изд. „Матеріаловъ“, Спб. 1873), что Пушкинъ въ половинѣ августа 1834 года поѣхалъ за своимъ семействомъ въ деревню черезъ Москву, а затѣмъ говоритъ уже словами самого Пушкина: „Потомъ отправился въ Калугу на перекладныхъ безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но..... я поставилъ на своемъ. Въ Зав. прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Нат. Ник. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и кажется неудачно“. Цитата, по словамъ П. В. Анненкова, взята имъ изъ „одной записки“. Ниже въ своей книгѣ (стр. 395), сообщая о жизни Пушкина въ Петербургѣ въ 1835 году, онъ приводитъ еще „двѣ замѣтки Пушкина, касающіяся тогдашнихъ литературныхъ явленій“, именно: „Моя Пиковая Дама въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза“; затѣмъ: „вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофѣевичемъ — очень оригинально и очень смѣшно“. Нѣсколькими строками ниже изъ того же источника — еще цитата: „Гоголь по моему совѣту началъ исторію русской критики“. Приведенныя П. В. Анненковымъ цитаты взяты имъ изъ „Дневника“ Пушкина и были первыми строками изъ него въ печати. Къ довольно раннимъ упоминаніямъ „Дневника“ до появленія его въ печати слѣдуетъ отнести ссылку на него въ „Воспоминаніяхъ“ гр. В. А. Сологуба (Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина. М. 1866): въ примѣчаніи (стр. 31), подписанномъ иниціалами П. Б. (П. И. Бартеневъ?), по поводу Дантеса читаемъ: „Поразительная случайность: въ памятной книжкѣ Пушкина, гдѣ онъ записывалъ разные анекдоты, встрѣчи и проч., отмѣченъ пріѣздъ въ Петербургъ Дантеса:

lib.pushkinskijdom.ru

вѣроятно, онъ много о немъ наслышался отъ гр. Фикельмона, съ которымъ былъ друженъ". Что здѣсь идетъ рѣчь о „Дневникѣ", видно изъ характеристики этой „памятной книжки", совпадающей съ общимъ характеромъ „Дневника". Обратившись къ послѣднему, мы, дѣйствительно, найдемъ въ немъ подъ 26 янв. 1834 г. упоминаніе о только что появившихся въ Петербургѣ д'Антесѣ и де-Пина, хлопотавшихъ о поступленіи въ гвардію; графъ же Фикельмонъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, въ частности его жена (давнишняя знакомая Пушкина, урожд. Хитрово), не разъ упоминаются въ „Дневникѣ" (ср. подъ 17 апр. 1834 г., 7 апр., 3 іюля того же года). Пушкинъ, дѣйствительно, бывалъ у него часто и съ женою его былъ очень близокъ. Наконецъ, тотъ же П. В. Анненковъ въ извѣстной статьѣ своей „Общественные идеалы А. С. Пушкина" (Вѣстникъ Европы, 1880 г., № 6) [1]), излагая взгляды Пушкина на дѣятельность Петра I, говоритъ, что Пушкинъ до того сроднился со своимъ представленіемъ о революціонномъ характерѣ многихъ мѣропріятій Петра и его преемниковъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же духѣ, что разсказываетъ самъ въ „Запискахъ" своихъ, какъ однажды, посѣтивъ вел. кн. Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставаньи: Je connais bien votre famille. Les R*—ont été de tout temps révolutionnaires. „Спасибо,—отвѣчалъ шутя великій князь,—что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его не доставало". Всѣ приведенныя цитаты Пушкина были выдержками изъ его „Дневника": первыя передаютъ Пушкинскія слова точно, послѣдняя—приблизительно (см. подлинный текстъ подъ 28 ноября, 22 дек., 4 апрѣля 1834 г. и подъ 3 дек. 1833 г.).

Одновременно съ послѣдней статьей П. В. Анненкова появляются и первые подлинные отрывки въ болѣе значительномъ объемѣ изъ „Дневника" и самостоятельно: въ томъ же 1880 году, сынъ поэта А. А. Пушкинъ по подлинной рукописи отца напечаталъ значительную часть его въ „Русской Мысли" (1880 г., VI, стр. 1—10), съ такого рода примѣчаніемъ редакціи журнала: „Настоящій отрывокъ изъ записокъ А. С. П—на представленъ для помѣщенія въ „Русской Мысли" А. А. Пушкинымъ и, кромѣ этого отрывка, въ настоящее время остальная часть записокъ не будетъ напечатана ни въ отдѣльномъ, ни въ какомъ-либо иномъ періодическомъ изданіи". Напечатанные отрывки начинаются съ 30 ноября 1833 г. (т.-е. опущены первыя три записи „Дневника": 24, 28, 29 ноября) и заканчиваются 5-мъ декабря 1834 года (иначе сказать, опущены: большая часть записи подъ этимъ числомъ, записи 18-го и 22-го декабря и все за 1835 годъ: 8 января и февраль). Сверхъ того, внутри отрывковъ произведены значительныя купюры, коснувшіяся

lib.pushkinskijdom.ru

не только отдѣльныхъ чиселъ „Дневника“, но и отдѣльныхъ фразъ и словъ въ печатаемыхъ записяхъ и даже отдѣльныхъ именъ лицъ (хотя въ другихъ случаяхъ отмѣченныя А. С. Пушкинымъ сокращенно имена и фамиліи напечатаны полностью) [2]). Всѣ эти купюры подсказаны были, видимо, извѣстной деликатностью по отношенію къ людямъ, о которыхъ говорится въ „Дневникѣ“, щепетильностью по отношенію къ тому аристократическому кругу, котораго преимущественно касался А. С. Пушкинъ, и къ которому принадлежалъ его сынъ; конечно, не малое число пропусковъ было вызвано тогдашними условіями нашей цензуры, а отчасти обычными правилами этики печатнаго слова, чувствомъ приличія.

Въ томъ же году этотъ текстъ почти въ томъ же самомъ видѣ появился и въ „Русскомъ Архивѣ“, издававшемся П. И. Бартеневымъ (1880 г. II, 488—499), подъ заглавіемъ: „Новые отрывки изъ Записокъ А. С. Пушкина“, при чемъ редакторъ-издатель предпослалъ имъ небольшое введеніе, изъ котораго видно, что онъ при изданіи имѣлъ въ рукахъ (какъ, разумѣется, и А. А. Пушкинъ) подлинную рукопись поэта (онъ описываетъ ея внѣшній видъ), и сообщилъ, что ему и С. А. Юрьеву дозволилъ напечатать возможныя извлеченія изъ этой тетради самъ А. А. Пушкинъ. Изданіе П. И. Бартенева отличается отъ перваго (кромѣ двухъ случайныхъ пропусковъ) [3]) только тѣмъ, что оно снабжено довольно обстоятельными объяснительными примѣчаніями опытнаго и начитаннаго въ документахъ и мемуарахъ Пушкинской эпохи П. И. Бартенева.

Т. о. первые, ставшіе извѣстными въ печати отрывки „Дневника“ Пушкина въ основѣ своей восходятъ непосредственно къ подлинной рукописи поэта.

Тотъ же П. И. Бартеневъ нѣсколько позднѣе далъ въ печати и еще одинъ небольшой отрывокъ изъ „Дневника“ подъ заглавіемъ: „Эпизодъ изъ дѣятельности Пестеля“, повидимому, получивъ на это согласіе владѣльца рукописи А. А. Пушкина. Это была запись 24 ноября 1833 года, т.-е. самое начало „Дневника“ (см. Русск. Арх. 1881 г., II, 495); судя по мелкимъ особенностямъ правописанія изданнаго отрывка сравнительно съ подлинной рукописью Пушкина (большія буквы по-пушкински, знакъ восклицанія, правильное чтеніе — „оскорбляли“ вм. „оскорбили“, какъ въ другихъ изданіяхъ), выписка сдѣлана непосредственно изъ автографа.

Въ 1890-мъ году становятся въ печати извѣстными дальнѣйшіе отрывки изъ „Дневника“: Л. Н. Павлищевъ (племянникъ Пушкина, сынъ его сестры Ольги Сергѣевны) во второмъ отдѣлѣ своихъ

lib.pushkinskijdom.ru

записокъ: „Изъ семейныхъ воспоминаній объ А. С. Пушкинѣ“ (Русское Обозрѣніе, 1890 г., сентябрь, стр. 158 и сл.) далъ „Дополненіе къ отрывкамъ „Дневника“ А. С. Пушкина“ (см. стр. 159—165), при чемъ сообщаетъ: „считаю необходимымъ привести изъ имѣющагося у меня въ настоящее время подъ рукой подлиннаго дневника дяди Александра нѣсколько мѣстъ, не включенныхъ въ отрывки этого драгоцѣннаго документа, напечатанные въ послѣднемъ изданіи сочиненій великаго поэта“. Въ этомъ изданіи (это было или изданіе Литературнаго фонда, т. V, Спб. 1887, или изданіе А. С. Суворина, Спб. 1887, т. IX) воспроизведенъ текстъ по отрывкамъ, напечатаннымъ А. А. Пушкинымъ и П. И. Бартеневымъ съ случайными пропусками въ записи подъ 14 апр. и о присягѣ в. к. Александра Николаевича (тѣми же, что у Бартенева; см. стр. 288, IX т. изд. Суворина или V, 206—207 изд. Лит. фонда) [4]; Л. Н. Павлищевъ возстанавливаетъ этотъ пропускъ; затѣмъ, исходя изъ извѣстнаго въ печати текста „Дневника“, даетъ рядъ дополненій къ разнымъ мѣстамъ этого текста, иногда доводя такимъ образомъ его до полноты въ передачѣ оригинала въ записяхъ отдѣльныхъ дней [5]); въ другихъ записяхъ имъ возстановлены по рукописи отдѣльныя ранѣе пропускавшіяся мѣста, хотя въ этихъ случаяхъ подлинный текстъ оставался, все-таки, неполнымъ въ передачѣ [6]). Наконецъ, Л. Н. Павлищевъ даетъ нѣсколько выписокъ изъ конца „Дневника“ (начиная съ 18 декабря 1834 г.), не нашедшихъ, какъ мы видѣли, мѣста въ извлеченіяхъ А. А. Пушкина и П. И. Бартенева, а слѣдовательно и въ изданіяхъ сочиненій Пушкина до этихъ поръ [7]). Въ результатѣ, если дополненія Л. Н. Павлищева и приблизили насъ болѣе къ знакомству съ „Дневникомъ“ въ полномъ его составѣ, все же мы были далеки еще до знакомства съ нимъ въ полной мѣрѣ. Принципы, которыми руководился Л. Н. Павлищевъ, исключая изъ своихъ „Дополненій“ тѣ или иныя мѣста, остались въ общемъ тѣ же, что были и у А. А. Пушкина, только были они нѣсколько ослаблены въ своемъ ригоризмѣ, что̀ и давало возможность ввести въ печатный оборотъ еще новые отрывки „Дневника“. Это обстоятельство — помимо цензурныхъ условій — повело къ тому, что и послѣ дополненій Л. Н. Павлищева въ „Дневникѣ“ все еще оставался матеріалъ, который по своему содержанію могъ представлять общій интересъ для читателей и изслѣдователей А. С. Пушкина.

Это обстоятельство и вызвало опубликованіе дальнѣйшихъ отрывковъ и выдержекъ изъ „Дневника“, сдѣланное В. Е. Якушкинымъ,

lib.pushkinskijdom.ru

большимъ знатокомъ и почитателемъ Пушкина. Но на этотъ разъ дѣлать эти выписки и извлеченія пришлось уже не по подлинной рукописи поэта: В. Е. Якушкинъ, какъ онъ самъ сообщаетъ („О Пушкинѣ", М. 1899, стр. 167), получилъ отъ П. А. Ефремова копію съ нѣкоторыхъ бумагъ Пушкина, въ томъ числѣ съ его „Дневника". Не приводя поправокъ и частныхъ дополненій къ тексту Л. Н. Павлищева и тому, что печаталось въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина (сталобыть, по тексту А. А. Пушкина или П. И. Бартенева), В. Е. Якушкинъ даетъ нѣсколько выдержекъ изъ „Дневника", совершенно новыхъ, до сихъ поръ не напечатанныхъ; въ то же время, по его собственнымъ словамъ, онъ не имѣлъ въ виду исчерпать рукопись „Дневника", а только познакомить отчасти съ матеріаломъ, который въ ней остается. Далѣе, дѣйствительно, имъ и приводится рядъ выдержекъ (стр. 167—172 указ. соч.), большею частію текстуально, частію въ пересказѣ, съ немногими замѣчаніями біографическаго свойства. Выдержки эти, все-таки, значительно дополняютъ, если и не по подлинной рукописи А. С. Пушкина, составъ „Дневника"[8]). Однако, и послѣ статьи В. Е. Якушкина (1897 года) мы цѣликомъ не говоря уже о цензурныхъ исключеніяхъ) „Дневника" Пушкина не имѣли. Болѣе же пристальное изученіе выписокъ В. Е. Якушкина сравнительно съ автографомъ Пушкина и изданіемъ сочиненій Пушкина 1903 года (ред. П. А. Ефремова), даетъ возможность отвѣтить и на вопросъ, вполнѣ естественный: что за копія съ „Дневника" была у него подъ руками? Копія эта, какъ мы видѣли, идетъ отъ П. А. Ефремова; П. А. Ефремовъ же самъ нѣсколько позднѣе (въ изданіи сочиненій А. С. Пушкина—А. С. Суворина подъ его, Ефремова, редакціей, Спб. 1903) напечаталъ этотъ „Дневникъ" по списку, сдѣланному еще П. В. Анненковымъ (см. указ. изд., т. V, стр. 630, прим.) Сличая чтенія, даваемыя В. Е. Якушкинымъ и текстъ въ чтеніяхъ по изданію П. А. Ефремова, убѣждаемся въ ихъ полномъ тождествѣ, въ частности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подлинная Пушкинская рукопись даетъ чтенія, отличныя отъ чтенія Ефремова: ясно, что оба списка, Якушкина и Ефремова, воспроизводятъ одинъ и тотъ же оригиналъ, а такимъ, какъ только что было сказано, для Ефремова была копія П. В. Анненкова [9]). Этотъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ случайно В. Е. Якушкинымъ оброненныхъ словахъ въ его статьѣ: на стр. 169 къ фразѣ „Дневника" подъ 8 марта: „Вчера былъ у С. Ц—и анекдоты", имъ дано такое примѣчаніе: „Ц—и"—П. В. Анненковъ объяснялъ: „циничные"—ясное указаніе на то, что эти слова стояли именно въ копіи Анненкова, откуда ихъ и взялъ Якушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Слѣдующій шагъ въ дѣлѣ обнародованія „Дневника“ А. С. Пушкина былъ сдѣланъ П. А. Ефремовымъ: въ 1903 году вышелъ подъ его редакціей упомянутый выше V-й томъ Сочиненій А. С. Пушкина, и въ немъ (стр. 630—664) напечатанъ былъ „Дневникъ“ въ объемѣ, превышающемъ всѣ до сихъ поръ бывшія его изданія. Текстъ печатался, какъ мы уже знаемъ, по списку, сдѣланному П. В. Анненковымъ, который имѣлъ въ рукахъ и В. Е. Якушкинъ. Копія П. В. Анненкова представляла, судя по изданію ея у Ефремова, полный списокъ съ автографа Пушкина: изданіе воспроизводитъ „Дневникъ“ цѣликомъ за исключеніемъ мѣстъ и словъ, вообще неудобныхъ для печати и недопустимыхъ по условіямъ цензуры того времени; изъ случайныхъ пропусковъ (кромѣ отдѣльныхъ словъ) можно отмѣтить только одинъ и то небольшой.—Но, если въ отношеніи полноты текста изданіе П. А. Ефремова оставляетъ желать лишь немногаго, то въ отношеніи точности воспроизведенія самого текста А. С. Пушкина оно далеко не стояло на уровнѣ даже снисходительныхъ требованій, предъявляемыхъ нами къ изданію русскаго классика: копія П. В. Анненкова страдаетъ цѣлымъ рядомъ недочетовъ, отразившихся и въ изданіи П. А. Ефремова, въ другихъ случаяхъ проявившаго свою незаурядную опытность издателя памятниковъ русской литературы. Эти недочеты копіи, при ея сличеніи съ подлинникомъ, настолько многочисленны, что могутъ быть сведены къ отдѣльнымъ группамъ; не говоря уже о томъ, что копія (а за нею и печатное изданіе) не воспроизводила внѣшняго облика письма Пушкина, не соблюдая привычнаго Пушкинскаго правописанія, его сокращеній, поправокъ и т. п.—она измѣняла подлинный текстъ писателя невѣрными и произвольными чтеніями, внося т.о. искаженіе [11]), дѣлала пропуски отдѣльныхъ словъ, чѣмъ, разумѣется, также болѣе или менѣе искажалась мысль писателя [12]); наконецъ, не придавала значенія такимъ характернымъ особенностямъ правописанія Пушкина, гдѣ отразилось характерное произношеніе писателя или его времени, что однако легко могло бы быть сохранено безъ ущерба для принятаго въ изданіи правописанія [13]). Такіе промахи Анненковской копіи, если даже часть ихъ отнести на долю печатнаго ея изданія, не мѣняютъ сущности дѣла, поскольку рѣчь идетъ объ исправной передачѣ текста, вышедшаго изъ подъ пера Пушкина; и это обстоятельство является тѣмъ болѣе досаднымъ, что ко времени изданія П. А. Ефремова въ распоряженіи редактора уже были нѣкоторыя средства ослабить недочеты чтеній его оригинала, если ему и осталась недоступной подлинная

lib.pushkinskijdom.ru

рукопись поэта, ревниво оберегаемая его сыномъ: вѣдь, изданію П. А. Ефремова предшествовали изданія „Дневника“, хотя бы и не въ полномъ его видѣ, но по подлинной рукописи писателя; сличеніе Анненковской копіи съ изданіями А. А. Пушкина, П. И. Бартенева и Л. Н. Павлищева (особенно внимательно отнесшагося къ автографу своего дяди) [14]) могло, безъ сомнѣнія, освободить и изданіе П. А. Ефремова отъ ряда недочетовъ. Т. о. и въ изданіи П. А. Ефремова, при всѣхъ его преимуществахъ передъ болѣе ранними, въ смыслѣ почти полнаго воспроизведенія „Дневника“ по составу, мы его не получили въ томъ видѣ, въ какомъ желали бы имѣть.

Дальнѣйшая судьба „Дневника“ въ печати отмѣчена изданіемъ его въ VI томѣ Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова (Книгоиздательское товарищество „Просвѣщеніе“, Спб. 1904)[15]). Текстъ въ этомъ изданіи перепечатанъ съ указаннаго выше изданія П. А. Ефремова „съ нѣкоторыми поправками“, по замѣчанію редактора (см. стр. 698 указ. изд.). Но поправки эти не внесли ничего новаго, ограничившись лишь незначительнымъ механическимъ измѣненіемъ текста въ изданіи П. А. Ефремова: въ общемъ все дѣло свелось къ удаленію изъ текста того, что въ поясненіе его ввелъ П. А. Ефремовъ, отмѣчая свои дополненія прямыми скобками; это было преимущественно раскрытіе иниціаловъ разныхъ лицъ, писанныхъ въ подлинникѣ и въ копіи сокращенно; впрочемъ, П. О. Морозовъ и со своей стороны прибавилъ кое-гдѣ расшифровку неразгаданнаго П. А. Ефремовымъ[16]). Но эти „поправки“, произведенныя безъ свѣрки съ подлинной рукописью Пушкина, не прошли безнаказанно для редактора: удаляя изъ своего текста все, взятое его предшественникомъ въ скобки, онъ удалилъ и то, что принадлежало рукѣ самого Пушкина; такъ: въ записи 4 дек. 1833 г., стр. 541 изд. Морозова, имя и отчество Загряжской (Нат. Кир.) писано было въ скобкахъ и въ рукописи Пушкина; также и ниже, слова: „авторъ записокъ“, при имени Храповицкаго принадлежатъ самому Пушкину. Ввелъ же его въ этотъ грѣхъ П. А. Ефремовъ, заключивъ по недосмотру эти слова въ прямыя редакторскія скобки. Если П. О. Морозовъ и не даетъ намъ новаго для самого текста „Дневника“, то все же мы обязаны ему справками о судьбѣ подлинной рукописи; объ этихъ справкахъ—рѣчь ниже.

Однако ни изданіе Ефремова, ни изданіе Морозова не исчерпали полностью всего текста Пушкинскаго „Дневника“. Поэтому и послѣ нихъ стали появляться въ печати отрывки изъ него, исключенные редакторами по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Такъ, въ

lib.pushkinskijdom.ru

1908 году В. И. Саитовъ въ своихъ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ къ 3-му тому „Остафьевскаго Архива“ (стр. 627) привелъ цѣликомъ всю замѣтку Пушкина о Вигелѣ, включивъ въ нее и опускавшееся раньше упоминаніе о привычкѣ Вигеля сводить всякій разговоръ къ толкамъ о мужеложствѣ. Въ 1912 году вел. кн. Николай Михайловичъ, пользовавшійся непосредственно рукописью „Дневника“, въ своемъ трудѣ: „Императоръ Александръ Первый. Опытъ историческаго изслѣдованія“, привлекъ эту рукопись въ числѣ другихъ матеріаловъ для освѣщенія обстоятельствъ убіенія имп. Павла I и впервые опубликовалъ тѣ мѣста ея, которыя до тѣхъ поръ не могли быть напечатаны по цензурнымъ условіямъ; такимъ образомъ, если намъ были уже извѣстны изъ Дневника характеристика Александра I (подъ 21. V. 1834 г.—указ. соч. стр. 5, по 2-му изд.), замѣтка о мемуарахъ императрицъ (изъ записи подъ 4. XII. 1833 г.—тамъ же, стр. 11), то теперь впервые напечатаны цѣликомъ по рукописи замѣтка о похоронахъ Уварова (подъ 8. III. 1834 г.—стр. 16) и мѣста, въ которыхъ упоминается „цареубійца“ Скарятинъ (8 и 17 марта 1834 г.; 28 февраля въ указ. книгѣ ошибочно помѣчено 17 января того же года, стр. 16). Впрочемъ, цитаты изъ Дневника въ книгѣ великаго князя буквальной точности не представляютъ, зато вполнѣ точно указана страница рукописи (16-я) „неизданныхъ еще записокъ поэта А. С. Пушкина, находящихся у его сына А. А. Пушкина“.

Наконецъ, послѣднимъ, при томъ довольно значительнымъ, фактомъ въ исторіи изданія „Дневника“ надо назвать текстъ его въ V томѣ изданія Сочиненій А. С. Пушкина (Спб. 1911 — Брокгауза и Эфрона) подъ редакціей С. А. Венгерова (стр. 438—450). Къ сожалѣнію, покойный нынѣ редакторъ изданія не успѣлъ сообщить намъ о ближайшемъ источникѣ, которымъ онъ пользовался для напечатанія „Дневника“ [17]). И это тѣмъ болѣе жаль, что изданіе С. А. Венгерова оказалось значительнымъ шагомъ впередъ въ знакомствѣ нашемъ съ подлиннымъ текстомъ „Дневника“: С. А. Венгеровъ, пользуясь болѣе льготными условіями печати, нежели прежніе издатели, въ 1911 году восполнилъ всѣ пропуски, которые дѣлали его предшественники, руководясь сверхъ того, вѣроятно, и личными соображеніями (какъ А. А. Пушкинъ и Л. Н. Павлищевъ). Т. о. въ изданіи С. А. Венгерова „Дневникъ“ А. С. Пушкина предсталъ передъ нами, наконецъ, цѣликомъ, за исключеніемъ разумѣется, лишь мѣстъ вообще неудобныхъ для печати. Несомнѣнно, что въ рукахъ Венгерова при подготовкѣ текста къ изданію въ числѣ другихъ былъ и такой источникъ, который переда-

lib.pushkinskijdom.ru

валъ текстъ автографа много лучше, нежели копія Анненкова, и, разумѣется, полнѣе, нежели печатныя извлеченія А. А. Пушкина или Л. Н. Павлищева. Опредѣленіе этого источника, хотя бы въ видѣ весьма вѣроятнаго предположенія, кажется, возможно путемъ детальнаго сравненія текста, даннаго въ печати С. А. Венгеровымъ, съ автографомъ Пушкина и предшествующими его частичными и неполными изданіями, намъ теперь уже извѣстными; это же сличеніе отчасти вскроетъ и самый процессъ редакторской работы Венгерова. Сличеніе его изданія съ наиболѣе полными изданіями прежняго времени (П. А. Ефремова, П. О. Морозова) показываетъ, что онъ (что̀ вполнѣ естественно) принималъ ихъ во вниманіе при редактированіи своего текста „Дневника“: это сказалось въ томъ, что онъ перенесъ въ свое изданіе нѣкоторыя конъектуры своихъ предшественниковъ, находя ихъ правильными; напр.: въ записи въ „Среду на Св. недѣлѣ“ (въ концѣ, у Ефремова на стр. 650) неясные иниціалы онъ прочелъ согласно съ предшественниками, какъ „См.“, и истолковалъ: „Смирнова“ (см. его изд., стр. 445); подъ 3 мая (Ефр., стр. 651) добавилъ въ прямыхъ скобкахъ [„курляндское“], какъ поправку описки Пушкина „лифляндское“ (стр. 445); подъ 21 мая, согласно съ предшественниками (см. Ефр., стр. 653), онъ печатаетъ: „неустойчивый [неуступчивый?]“ и т. п. Но рядомъ съ такими изданіями, какъ Ефремовское, С. А. Венгеровъ имѣлъ, несомнѣнно, и еще текстъ „Дневника“, откуда идутъ его дополненія и лучшія, нежели у его предшественниковъ, чтенія. Какой же могъ быть это текстъ? Что имъ не была копія Анненкова, явствуетъ изъ того, что промахи ея, которые воспроизвелъ, какъ мы видѣли, П. А. Ефремовъ, а за нимъ и П. О. Морозовъ, въ значительной степени устранены С. А. Венгеровымъ, при томъ согласно съ автографомъ Пушкина; это особенно видно изъ мелкихъ графическихъ чертъ Анненковской копіи (иначе, изданія Ефремова), характерныхъ для нея, намъ уже знакомыхъ [13]).—Ясно, что въ рукахъ у С. А. Венгерова былъ или подлинный текстъ Пушкина, или копія съ него, точно воспроизводившая оригиналъ въ его написаніяхъ. Это находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что въ самомъ печатномъ текстѣ Венгерова отразились (болѣе, нежели въ Анненковской копіи и ея изданіяхъ) графическія особенности Пушкинскаго автографа; это видно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изданіе Венгерова сохранило ихъ въ отличіе отъ предшествующихъ; такъ, А. С. Пушкинъ въ своемъ автографѣ подчеркивалъ нѣкоторыя слова и выраженія, желая, очевидно, ихъ выдѣлить изъ остального; эти мѣста предшественники

lib.pushkinskijdom.ru

Венгерова (въ частности П. А. Ефремовъ) также передавали въ печати, какъ обычно, курсивомъ, но не послѣдовательно (очевидно, и въ копіи Анненкова не было послѣдовательности въ этомъ отношеніи): С. А. Венгеровъ эту особенность Пушкинской графики проводитъ послѣдовательно, согласно съ автографомъ, напр.: онъ согласно съ подлинной рукописью уничтожилъ у себя курсивъ своего предшественника во фразѣ: Sur le sort de ce poète (запись 11 апр. 1834 г.); въ словахъ: „евнухъ“ (Среда на Св. недѣлѣ), „Библ. Смирдина“ (22 дек. 1834 г.) и т. п. Во-вторыхъ, имъ возстановлены мелкія особенности автографа сравнительно съ изданіями Ефремова и Морозова: онъ печатаетъ числа мѣсяцевъ согласно съ автографомъ (20, 21...) тамъ, гдѣ прежнія изданія печатали иначе: „20-го, 21-го...“; кое-гдѣ, согласно манерѣ Пушкина, оставляетъ въ текстѣ тире (—), замѣняющее часто въ рукописи точку, которую въ этихъ мѣстахъ и ставили прежнія изданія, и т. п. [19]). Точно имъ передаются и привычныя сокращенія словъ у Пушкина тамъ, гдѣ прежніе издатели безъ оговорокъ восполняли недостающее; таково, напр., большинство именъ и фамилій лицъ, упоминаемыхъ въ „Дневникѣ“, титулы (въ родѣ: великій князь, князь, графъ, государь, государыня). Наконецъ, связь съ автографомъ поэта (или съ точной его копіей) сказалась у С. А. въ томъ, что онъ возстановилъ мелкія, частью индивидуальныя особенности автографа, случайные въ копіи Анненкова пропуски отдѣльныхъ словъ, напр.: двѣ отдѣльныя записи подъ 15 декабря 1833 года (прежнія изданія печатали 15 и 16)[20]); „она простудилась“ (тамъ же), „уже въ Москвѣ“ (26 янв. 1834; прежн. изд. „ужъ“), „доплясались“ („доплясалась“—6 марта), „клобѣ“ („клубѣ“—2 апр.), „у себя на столѣ“ (16 апр.) и т. п.

Всѣ эти наблюденія надъ текстомъ въ изданіи Брокгауза и Эфрона показываютъ, что С. А. Венгеровъ, если и исходилъ изъ изданій „Дневника“, основанныхъ на Анненковской копіи (Ефремова или Морозова), редактируя текстъ, имѣлъ подъ руками либо автографъ Пушкина, либо точную до мелочей копію съ него. Какое изъ двухъ этихъ предположеній правильнѣе, за отсутствіемъ прямыхъ указаній, рѣшить трудно. Повидимому, слѣдуетъ отдать предпочтеніе, все же, второму. Во время подготовки Венгеровскаго изданія „Дневника“ (до 1911 года) былъ еще живъ А. А. Пушкинъ, который тщательно берегъ у себя отцовскій автографъ, „опубликованіе котораго въ полномъ видѣ признавалъ онъ еще несвоевременнымъ“ [21]), и, сколько можно судить по той осторожности и щепетильности, какія проявлялъ до сихъ поръ А. А. Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кинъ по отношенію къ „Дневнику“ отца, едва ли охотно согласился бы дать разрѣшеніе издателю полностью использовать автографъ въ печати. Съ другой стороны, подъ рукой С. А. Венгерова могла быть точная копія съ этого автографа, сдѣланная для Пушкинской Комиссіи при Академіи Наукъ, находящаяся (подъ сигн. 42. 9. 2) въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи: она была изготовлена по особой просьбѣ (22 апр. 1903 г.) великаго князя Константина Константиновича, президента А. Н., обращенной непосредственно къ А. А. Пушкину, для чего автографъ Пушкина на время былъ доставленъ изъ Москвы въ Петербургъ; сдѣланная здѣсь копія была провѣрена по оригиналу такими опытными „пушкинистами“, какъ В. И. Саитовъ и Б. Л. Модзалевскій, которые, конечно, довели ее до полнаго сходства съ автографомъ, достижимаго въ копіи. При снятіи копіи и передачѣ ее въ библіотеку, не видно, чтобы сдѣланы были какія-либо ограниченія въ пользованіи ею[22]). Этой-то копіей и могъ пользоваться С. А. Венгеровъ, готовя къ изданію свой текстъ „Дневника“, внося изъ нея свои дополненія и поправки въ прежній печатный текстъ. Что мы имѣемъ передъ собою, именно, лишь правку и дополненіе прежняго печатнаго текста, а не простое воспроизведеніе упомянутой „академической“ копіи, видно изъ того, что и изданіе Венгерова, несмотря на всю свою близость къ автографу (или точной съ него копіи), все же даетъ мелкія отъ него отклоненія, сближающія его изданіе съ Анненковской копіей (иначе, съ изданіемъ Ефремова)[23]).

Произведенный выше детальный анализъ изданія С. А. Венгерова, какъ видимъ, показываетъ, что и послѣ этого изданія мы еще не имѣемъ безусловно точнаго и безусловно полнаго изданія „Дневника“ А. С. Пушкина: только непосредственное пользованіе автографомъ при изданіи, исчерпывающемъ всѣ особенности написаннаго самимъ Пушкинымъ, можетъ гарантировать намъ точное представленіе о текстѣ, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ пера писателя. Теперь, когда автографъ Пушкина поступилъ въ Государственный Румянцовскій Музей и сталъ доступенъ всѣмъ, имъ интересующимся, стало это возможно и путемъ печати.

2. Судьба рукописи „Дневника“ А. С. Пушкина.

Послѣ кончины поэта (29 янв. 1837 г.), какъ извѣстно, всѣ его бумаги, уже часъ спустя, были запечатаны, по приказанію императора, въ его кабинетѣ В. А. Жуковскимъ, а затѣмъ въ двухъ сундукахъ, также за печатями Жуковскаго же и еще Дубельта,

lib.pushkinskijdom.ru

препровождены на квартиру В. А. Жуковскаго, гдѣ съ 7-го по 28-е февраля просматривались Жуковскимъ совмѣстно съ Дубельтомъ, присланнымъ по распоряженію гр. Бенкендорфа изъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи; при этомъ велся журналъ осмотра, составлена опись бумагъ Пушкина, которая черезъ Бенкендорфа представлена была императору[24]); для этой описи всѣ бумаги и тетради были перенумерованы по листамъ красными чернилами по распоряженію жандармеріи[25]). Послѣ этой операціи почти всѣ бумаги[26]) возвращены В. А. Жуковскому, тогда же начавшему хлопотать о посмертномъ изданіи сочиненій поэта въ пользу его семьи, опекуномъ которой, вмѣстѣ со Віельгорскимъ и Строгановымъ, онъ былъ назначенъ. Въ числѣ возвращенныхъ бумагъ находился и „Дневникъ“: исписанные листы книги несутъ на себѣ красную „жандармскую“ нумерацію. Въ промежутокъ времени съ 1837 года и кончая 1841-мъ бумаги Пушкина находились въ семьѣ поэта въ распоряженіи его друзей, ведшихъ печатаніе посмертнаго изданія во главѣ съ В. А. Жуковскимъ: онѣ были ими, правда, въ незначительной степени, использованы. „Дневникъ“, повидимому, также находился въ числѣ этихъ бумагъ у нихъ, но, конечно, изданъ быть не могъ[27]): слѣдомъ пребыванія „Дневника“ въ рукахъ редакторовъ, быть можетъ, является приписка въ рукописи Пушкина, сдѣланная рукой кн. П. А. Вяземскаго (см. подъ 3 іюня 1834 г.)[28]).

Послѣ посмертнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина его бумаги—а съ ними и „Дневникъ“—оставался въ семьѣ поэта вплоть до 1850—51 гг.: въ этомъ году вдова Пушкина задумала новое изданіе его сочиненій; поэтому она заключила для этого условіе съ И. В. Анненковымъ. Этотъ послѣдній пригласилъ къ участію своего брата Павла Васильевича, который и сталъ фактически редакторомъ: въ 1855—1857 гг. онъ и издалъ первое критическое, стремившееся къ полнотѣ изданіе сочиненій поэта; для этого П. В. широко использовалъ всѣ рукописи, какъ хранившіяся въ семьѣ поэта, такъ и разысканныя имъ у другихъ, использовалъ настолько, насколько это было доступно въ его время при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ[29]). Но и въ это изданіе „Дневникъ“, конечно, не могъ войти: имѣя его въ числѣ другихъ бумагъ въ своемъ распоряженіи, П. В. Анненковъ ограничился снятіемъ съ него для себя копіи (именно, намъ уже извѣстной), которой и пользовался для своихъ работъ по Пушкину[30]).

Послѣ изданія сочиненій Пушкина 1855—57 гг., его бумаги вмѣстѣ съ „Дневникомъ“ вернулись въ семью поэта, гдѣ, вѣроятно,

lib.pushkinskijdom.ru

и оставались до смерти Н. Н. Ланской, никому изъ постороннихъ недоступныя [31]). Позднѣе „Дневникъ“ вмѣстѣ съ другими рукописями перешелъ во владѣніе старшаго сына поэта, Александра Александровича Пушкина. Въ 1880 году „въ ознаменованіе торжественнаго открытія памятника Пушкину въ Москвѣ“ бумаги эти въ томъ составѣ, въ какомъ онѣ были возвращены семьѣ послѣ изданія Анненкова [32]), переданы были для общественнаго пользованія въ Рукописное отдѣленіе Румянцовскаго Музея въ Москвѣ сыномъ поэта [33]). Но „Дневникъ“ не поступилъ при этомъ въ Музей и остался въ семьѣ А. А. Пушкина, повидимому, бережно охраняемый отъ постороннихъ взоровъ, какъ о томъ можно судить уже изъ изложенной выше исторіи его появленія въ печати [34]). Владѣльцемъ „Дневника“ оставался А. А. Пушкинъ до своей смерти (19 іюля 1914 г. [35]). За все это время, сколько извѣстно, рукопись „Дневника“ только одинъ разъ на время для снятія съ нея копіи въ 1903 году путешествовала въ Петербургъ и обратно въ Москву.

По смерти А. А. Пушкина „Дневникъ“ перешелъ къ его сыновьямъ (внукамъ поэта), у коихъ и оставался до момента поступленія въ Румянцовскій Музей. Относительно судьбы рукописи за послѣдніе дни пребыванія ея въ частномъ владѣніи и исторіи ея перехода въ Музей достаточно ограничиться выдержкой изъ упомянутой (см. прим. 34) статьи въ „Художественной Жизни“ (1920 г., № 3, стр. 40): „Наступившіе вскорѣ бурные дни революціи лишили „Дневникъ“ бережнаго и любовнаго храненія въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Его стали прятать, чтобы уберечь отъ всякихъ случайностей. Наступившее затѣмъ тяжелое время заставило владѣльцевъ вскорѣ видѣть въ автографѣ великаго поэта не только реликвію, но и матеріальную цѣнность. Къ счастью, вниманіе Румянцовскаго Музея все время слѣдило за „Дневникомъ“ и за всѣми перипетіями его судьбы послѣ кончины А. А. Пушкина, и въ удобный моментъ „Дневникъ“ сталъ собственностью Рукописнаго Отдѣла Музея, присоединившись къ остальнымъ тетрадямъ въ „Пушкинскомъ шкапикѣ“.

3. Рукопись „Дневника“ А. С. Пушкина.

Рукопись „Дневника“ представляетъ переплетенную книгу въ листъ обыкновенной писчей бумаги (точнѣе: 35,8 сант. длины и 21,3 с. ширины); переплетъ твердый, картонный, обклеенный цвѣтной съ рисункомъ бумагой, съ корешкомъ темнымъ кожанымъ, и съ обклееннымъ сплошь кожей клапаномъ, на мысикѣ котораго была петля къ замочку, врѣзанному въ срединѣ задней крышки пере-

lib.pushkinskijdom.ru

плета; замочекъ плоскій, овальный, стальной, гладко отполированный. На внутренней сторонѣ передней крышки переплета на срединѣ страницы выставленъ, повидимому, рукой самого Пушкина: № 2 [36]) Затѣмъ идетъ листъ, относящійся къ переплету, чистый съ обѣихъ сторонъ (въ настоящее время нѣсколько надорванный снизу); далѣе—начинается самая книга съ четырехъ вырѣзанныхъ вдоль корешка листовъ (остались полоски пальца въ полтора шириною); первый, занятый письмомъ листъ, несетъ на себѣ вдоль наружнаго края слѣды сырости [37]). Бумага въ книгѣ—сложена тетрадями при переплетѣ по четыре листа двойныхъ (плотная, нѣсколько желтоватая, безъ всякихъ филиграней). Всѣхъ занятыхъ письмомъ листовъ 51 (они правильно перемѣчены посрединѣ на лицевой сторонѣ красной „жандармской“ цифрой); за ними слѣдуетъ 181 листъ чистой бумаги [38]). Для письма листы книги перегибались вдоль пополамъ; писалъ Пушкинъ на внѣшнемъ полѣ листа (правомъ лицевой стороны и лѣвомъ оборотной). Число строкъ на каждой страницѣ не одинаково (не считая случаевъ, когда страница немного не дописывалась до края), но въ большинствѣ колеблется между 23—25, доходя изрѣдка до 29. Помарокъ, перечеркиваній, приписокъ, поправокъ очень немного [39]). Текстъ оканчивается въ рукописи на лицевой сторонѣ 51-го листа, почти на серединѣ страницы. Заглавія (“Дневникъ“) въ рукописи нѣтъ [40]); текстъ ея начинается вверху страницы непосредственно, при чемъ на полѣ противъ первой строки проставлена первая дата записи: „24 ноября“.

Навыки письма (начертанія словъ) Пушкина въ „Дневникѣ“ не представляютъ чего-либо оригинальнаго среди другихъ рукописей его; интересны они, быть можетъ, только потому, что въ данномъ случаѣ (какъ, впрочемъ, и въ черновикахъ) Пушкинъ, не имѣя въ виду печатанія написаннаго, пиша менѣе считался съ принятымъ тогда книжнымъ правописаніемъ, и рукопись т. о. ближе отразила сложившуюся къ концу жизни у Пушкина манеру письма. Такъ, онъ въ „Дневникѣ“ многое писалъ, произвольно сокращая, не только имена и фамиліи и обычныя слова (напр. титулы), но и другія, вродѣ: фр. (фрейлина), дв. (дворцовый), оч. (отчество), слыш. (слышалъ) и т. п., но въ общемъ не часто. Довольно часто Пушкинъ сокращалъ удвоеніе гласныхъ внутри слова, замѣняя его надстрочнымъ тире напр.: бѣлоруской, пожалованой, посланикомъ, Лита и т. д. Не особенно строго слѣдилъ Пушкинъ у себя за прописными буквами, часто писалъ ихъ безо всякой надобности, вмѣсто обычной строчной, иногда рядомъ съ той и другой буквой:

lib.pushkinskijdom.ru

Вокабулы и Ариѳметику, любопытный Анекдотъ, Арестъ, обѣдня и Молебенъ, о Дамскихъ мундирахъ,въ большой Модѣ, Дворянскій Балъ для Бѣдныхъ, для Будущаго бала и т. п.; въ то же время онъ обычно пишетъ съ большой буквы слова „офиціальнаго“ характера: Государь, Великій Князь, Князь, Правительство, Гвардія, Дворянство, Дивизіонный Генералъ и т. п. [41]). Держась въ общемъ довольно послѣдовательно обычнаго употребленія буквы Ѣ, онъ пишетъ ее изрѣдка и произвольно, замѣняетъ Е: Аракчѣевъ и Аракчеевъ, въ бѣломъ платьице, на поприще (мѣстн. пад.), развѣлся, расцеловалъ, именіе и др. Соблюдая въ общемъ различіе окончаній: ыя, ые и ія, іе, часто однако онъ употребляетъ ихъ смѣшивая, отдавая, кажется, предпочтеніе окончаніямъ на ыя и ія: дамскія, бархатныя, шитыя мундиры, молодыя офицеры, новыя брилліянты и т. п. Согласно съ тогдашней графикой, онъ послѣдовательно пишетъ: изключая, произшествіе, разпутный, изкрошилъ; точно также въ согласіи съ тогдашнимъ правописаніемъ и онъ пишетъ: щастіе, щастливцамъ, нещастіе. Нѣсколько своеобразно у Пушкина употребленіе знаковъ препинанія: почти никогда онъ не пишетъ запятой передъ „что“ и „который“, вмѣсто точки весьма часто ставитъ только тире или и ту и другое; при всемъ томъ легко замѣтить, что знаки препинанія у него стоятъ, всегда строго подчиняясь синтаксическому и логическому смыслу рѣчи, точно отражая связь мыслей и понятій между собою. При общемъ тонѣ и правописаніи тогдашней книжной рѣчи у Пушкина пробивается иногда, конечно, безсознательно, живое произношеніе или его самого или окружающихъ; поэтому мы встрѣчаемъ: ее приказаніе (хотя рядомъ: ея смерти), я ни явился, Юго (Гюго), другова, Туркистанова, эдакой, такова примѣра, генварь, нейдетъ, фрейлена, и фрейлина, незапной смерти, и т. п.; передаетъ онъ, вѣроятно, и тогдашнее произношеніе нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, какъ, напр.: обвахта, сивилизація, ценсоръ, аристокрація; сюда же слѣдуетъ отнести и такіе случаи словоупотребленія: „Въ одномъ изъ домовъ... мебели вздумали двигаться и прыгать... Н. сказалъ что мебель придворная...“; „принялъ (узналъ въ немъ) за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ знакомыхъ“; „законы на воровство“; „все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу“; „не оказала... знака горести“; „здѣсь объ этомъ смѣются“ (рядомъ: всѣ надо мною смѣялись); „Кн. Долгорукій.. Шуваловъ распоряжаютъ этимъ“; „изъ перевода съ письма“; „охолодила дѣйствіе“ (рядомъ: произвело сильное дѣйствіе); „я довольно съ этимъ согласенъ“; „оно перетрусилось“. Отмѣтимъ оставшееся теперь лишь въ простонародной рѣчи: „вечоръ“ (вчера вечеромъ).

lib.pushkinskijdom.ru

4. А. С. Пушкинъ—авторъ «Дневника».

Составъ „Дневника“ показываетъ, что велся онъ Пушкинымъ довольно неравномѣрно въ теченіе полутора года (съ 24 ноября 1833-го и по февраль 1835-го); при этомъ нельзя не замѣтить, что, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, повидимому, Пушкинъ теряетъ интересъ къ веденію записокъ: чѣмъ далѣе, тѣмъ записей меньше и тѣмъ, естественно, записи рѣже; наконецъ, послѣдняя запись дана даже безъ числа — суммарно („Февраль“); такъ, напр., если въ ноябрѣ 1833 г. (за недѣлю) у Пушкина 5 записей, въ декабрѣ—7, въ январѣ 1834 г.—4, въ апрѣлѣ—8, въ маѣ—4, то затѣмъ число записей сразу падаетъ до двухъ и даже до одной въ мѣсяцъ [42]). Присматриваясь же пристальнѣе къ тексту самыхъ записей въ „Дневникѣ“, можно догадываться и о томъ, какъ А. С. Пушкинъ дѣлалъ свои записи: весьма часто онъ писалъ ихъ на слѣдующій день послѣ происшествія, случая или наблюденія, остановившихъ его вниманіе и сочтенныхъ стоющими памяти; поэтому, онъ весьма часто начинаетъ свою запись словомъ: „вчера“; въ другихъ случаяхъ, если этого „вчера“ и нѣтъ, изъ контекста рѣчи ясно, что рѣчь идетъ о „вчерашнемъ“ событіи, о происшествіи, совершившемся наканунѣ записи; таковы, напр., записи 29 и 30 ноября 1833 г., 3 декабря, 14 и 15 того же декабря (первая), 26 янв. 1834 г. и т. д. — всего 21 запись такого рода. Довольно часто записываетъ онъ и на третій день послѣ факта, подсоединяя иногда эту „третьедневнишную“ запись ко „вчерашней“, иногда оставляя ее и самостоятельною; поэтому, запись начинается словами „третьяго дня“; таковы записи: 1 янв. 1834 г., 28 февр., 17 марта и др. — всего девять записей. Рѣже запись дѣлалась въ тотъ же день („сегодня“): 6 дек., 14 дек. 1833 г. — всего пять записей. Конечно, заносились записи и позднѣе этихъ сроковъ: напр., 2 іюня Пушкинъ записалъ то, что было 26 и 27 мая, 2 апр.—то, что было 25 и 26 марта. Какой-либо опредѣленной связи между цѣнностью въ глазахъ Пушкина записываемаго факта и временемъ занесенія его въ „Дневникъ“ не замѣтно; скорѣе можно сказать, что, записывая тотъ или иной фактъ, онъ руководился тѣмъ, стóитъ ли онъ, или не стóитъ памяти потомства, при чемъ, вспоминая и другіе факты по соотвѣтствію, заносилъ и ихъ. Поэтому, рядомъ со свѣжими фактами и наблюденіями, мы находимъ заинтересовавшіе его разсказы о прошломъ, довольно иногда давнемъ (о вступленіи на престолъ Александра I, объ Екатеринѣ II, которой,

lib.pushkinskijdom.ru

кстати сказать, Пушкинъ удѣляетъ замѣтное вниманіе и въ „Дневникѣ“): видимо, дорожа исторической цѣнностью слышаннаго, Пушкинъ заносилъ это, разъ оно приходило ему на память, и тогда, когда онъ писалъ о томъ или иномъ злободневномъ событіи; такъ, 4 дек. 1833 г. онъ довольно обстоятельно закрѣпляетъ въ своемъ „Дневникѣ“ слышанный имъ наканунѣ у Н. К. Загряжской разсказъ объ Екатеринѣ II и кн. Е. Р. Дашковой, подъ 7 янв. 1834 г.—разсказъ Ф. Ф. Вигеля о кормилицѣ той же Екатерины II, подъ 6 марта — о 13 іюля 1826 г. (день казни декабристовъ), 21 мая—опять о Екатеринѣ II и Александрѣ I, 9 авг.—о Трощинскомъ и Александрѣ I и т. п. Въ общемъ также нельзя не замѣтить, что историческіе разсказы и анекдоты того же характера Пушкинъ охотно заносилъ въ свой „Дневникъ“, внося туда же и такія современныя ему событія, которыя, казалось ему, носили историческій характеръ и могли быть цѣнны для потомства, каковы, напр., описаніе присяги наслѣдника престола (25 апр. 1834 г. — середа Святой недѣли), разсказы о Скарятинѣ (подъ 8 марта) и др. Если присоединить сюда нѣсколько записей литературнаго характера (о Гоголѣ, о цензурѣ „Мѣднаго Всадника“, о Лексиконѣ Плюшара, о Никитенкѣ и т. п.) [44]), то на долю остального содержанія „Дневника“ останется (не говоря о немногихъ замѣткахъ личнаго характера) почти исключительно то, что мы могли бы назвать извѣстіями „придворными“ и „сплетнями“, какъ ихъ назвалъ и самъ Пушкинъ (запись „февраль 1835 г.“), т.-е. то, что могъ дать аристократическо-придворный служилый кругъ столицы, среди котораго пришлось такъ много вращаться въ эти годы самому А. С. Пушкину. Взгляды его на событія въ этомъ кругу, поскольку они обращали на себя его вниманіе, судя по тону записей ихъ въ „Дневникѣ“, носятъ въ большинствѣ случаевъ характеръ критическаго отношенія къ этимъ фактамъ, иногда отзываются рѣзкой ироніей и даже раздраженіемъ: Пушкинъ, видимо, въ своихъ воззрѣніяхъ не могъ слиться съ этимъ кругомъ, да, конечно, и не желалъ этого, инстинктивно отдѣляя себя отъ него и оберегая свою духовную самобытность и независимость: такое отношеніе его къ окружающему явно сквозитъ особенно въ тѣхъ записяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ его личныхъ отношеніяхъ ко двору (напр., см. 1 янв. 1834 г., 6 марта, 5 дек. того же года), о событіяхъ, могущихъ, по мнѣнію Пушкина, имѣть общественное значеніе, вліяніе за предѣлами дворцовыхъ сферъ (ср. 14 дек. 1833 г. — о голодѣ и Кочубеѣ и Нессельроде,

lib.pushkinskijdom.ru

17 марта—о голодѣ и балахъ, 14 апр. того же года—о концертѣ въ пользу бѣдныхъ и общественной благопристойности); здѣсь Пушкинъ откровенно и трезво осуждаетъ совершившееся или имѣющее совершиться; въ этихъ, сказанныхъ съ явнымъ раздраженіемъ и укоромъ словахъ (см. еще запись подъ 10 мая 1834 г.—о распечатанномъ письмѣ), ясно сказывается нравственная потребность Пушкина выразить, хотя бы и только про себя и для себя, свой протестъ противъ совершающагося кругомъ людьми, не умѣющими или не желающими дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ съ этической точки зрѣнія. Съ этой стороны „Дневникъ“ является цѣннымъ историческимъ документомъ для эпохи 30-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, особенно для исторіи нашей общественности [45]).

Что же могло побудить Пушкина принять на себя роль мемуариста и, именно, въ такой формѣ, формѣ дневника, выразить (прежде всего для себя, а затѣмъ и для потомства) свое отношеніе къ переживаемому и окружающему? Не говоря уже о томъ, что веденіе мемуаровъ, по наслѣдію отъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, и въ 30-хъ годахъ все еще сохраняло за собой права въ русскомъ обществѣ, только что пережившемъ знаменитую эпоху начала столѣтія, а сверхъ того переживающемъ реакціонную эпоху стѣсненія печатнаго слова и свободы выраженія мысли,—помимо всего этого, Пушкинъ и лично имѣлъ вкусъ къ этого рода литературѣ: припомнимъ хотя бы то, что среди его сочиненій мы встрѣчаемся съ значительнымъ рядомъ отрывковъ и записей именно „мемуарнаго“ характера, начиная съ 1821 года и до 30-хъ годовъ включительно [48]). Вполнѣ естественно, поэтому, предположить у него въ 30-хъ годахъ, когда онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ той средой, которая тогда „дѣлала исторію“, сознаніе, что онъ является въ весьма выгодномъ положеніи наблюдателя этихъ „историческихъ“ событій; это сознаніе, несомнѣнно, поддерживало въ немъ увѣренность, что и его наблюденія могутъ представить интересъ для потомства, какъ одного изъ непосредственныхъ свидѣтелей событій и переживаній эпохи: поэтому, надо думать, онъ тѣмъ охотнѣе рѣшилъ использовать выгоду своего положенія и своей давней склонности къ мемуарамъ; слѣдъ именно такого взгляда на свои записи (по крайней мѣрѣ, на многія изъ нихъ) остался и на страницахъ его „Дневника“ 1833—35 г.г., напримѣръ: въ не разъ уже упомянутой записи о намѣреніи его стать „русскимъ Данжо“ (1 янв. 1834 г.), въ замѣткѣ о „непри-

lib.pushkinskijdom.ru

личномъ" придворномъ маскарадѣ въ январѣ 1835 г. (запись подъ 8 янв.), о своемъ первомъ появленіи въ Аничковомъ дворцѣ („опишу все въ подробности для будущаго Вальтеръ-Скотта" — 18 дек. 1834), начало записи за февраль 1835 г. („Придворными сплетнями мало занятъ. Шишъ потомству") [47]). Съ другой стороны, 1833—35 годы были въ жизни Пушкина порой интенсивныхъ работъ историческаго характера, когда Пушкинъ погруженъ былъ во всевозможные документы, мемуары прошлаго (въ это время спѣшно писалась имъ Исторія Пугачевскаго бунта, собирались матеріалы по задуманной исторіи Петра Великаго): если это поддерживало въ немъ желаніе и въ свою очередь записывать современныя происшествія для потомства, то и отвлекало его въ то же время отъ систематическаго веденія этихъ записей. Пушкинъ въ это время имѣетъ къ тому же слишкомъ мало времени для посѣщенія баловъ, вечеровъ, разныхъ собраній, гдѣ главнымъ образомъ онъ и могъ дѣлать свои наблюденія, собирать матеріалъ для своихъ записей. Здѣсь, быть можетъ, лежитъ причина скачковъ, той неровности, съ какой онъ заносилъ свои замѣтки въ „Дневникъ". По видимому, чѣмъ дальше, тѣмъ больше охладѣвалъ онъ къ своему „Дневнику", тѣмъ меньше находилъ онъ достойнаго для записи. Конечно, и личныя, и семейныя дѣла, становившіяся все сложнѣе и тяжелѣе, частые разъѣзды изъ Петербурга должны быть приняты во вниманіе при уясненіи состава „Дневника"... [48]).

Что же касается настроенія и міросозерцанія, въ частности общественныхъ воззрѣній Пушкина этого времени, то, разумѣется, они должны были оставить тотъ или иной слѣдъ и на страницахъ его „Дневника", отразившись и въ самомъ подборѣ останавливавшихъ его вниманіе происшествій и фактовъ, и въ оцѣнкѣ ихъ, разъ они попадались ему подъ перо. Конечно мелкія отмѣтки о томъ, гдѣ бывалъ Пушкинъ за это время, имѣютъ значеніе второстепенное: онѣ, пожалуй, помогутъ намъ только намѣтить тотъ кругъ или тѣ круги, въ которыхъ онъ проводилъ время, большею частію вечера, внѣ дома и семьи; этотъ кругъ намъ знакомъ и по другимъ источникамъ: это были давнишніе его друзья (кн. П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, кн. В. Ф. Одоевскій, А. О. Смирнова), или люди, знакомствомъ съ которыми Пушкинъ въ томъ или иномъ отношеніи дорожилъ (Е. А. Карамзина, Н. К. Загряжская, М. М. Сперанскій); но въ спискѣ мѣстъ, посѣщавшихся Пушкинымъ, который можно составить по его „Дневнику", преобладаетъ все же петербургская придворная, родовая и служилая, аристократія, съ ея балами, раутами

lib.pushkinskijdom.ru

вечерами. Частое упоминаніе въ „Дневникѣ“ о лицахъ этой послѣдней категоріи находитъ себѣ объясненіе, съ одной стороны, въ общественныхъ взглядахъ Пушкина этого времени; онъ, гордившійся древнимъ происхожденіемъ своего рода, всегда чувствовалъ себя аристократомъ [49]), высоко ставилъ въ обществѣ аристократическій принципъ, иногда, быть можетъ, безсознательно подмѣняемый принципомъ умственной аристократіи—„избраннаго цвѣта даннаго общества“ [50]). Съ теченіемъ времени эта черта аристократизма стала, какъ извѣстно, въ немъ замѣчаться болѣе отчетливо—по мѣрѣ того, какъ крѣпла связь его, женатаго на свѣтской красавицѣ, съ дворомъ, съ довольно тѣснымъ кругомъ придворной среды: Пушкинъ поневолѣ все чаще и чаще соприкасается съ этимъ кругомъ, хотя нерѣдко болѣзненно чувствуетъ всю тяжесть этихъ отношеній, убѣждаясь въ невозможности вполнѣ подчинить свои взгляды взглядамъ этой среды [51]). Но, съ другой стороны, эти частыя замѣтки о придворныхъ и аристократическихъ происшествіяхъ объяснять однимъ тяготѣніемъ тогдашняго Пушкина къ этому кругу едва ли возможно: въ этихъ кругахъ онъ бывалъ, повидимому, не только поэтому, но, видимо, и потому, что тамъ можно было узнать много новаго о настроеніяхъ общества, о политикѣ, которой онъ живо интересовался, даже о прошломъ, также, какъ мы видѣли, сильно привлекавшемъ Пушкина; такъ, пересматривая внимательно „Дневникъ“, легко можно подмѣтить, что эти „аристократическія“ въ немъ записи о балахъ, раутахъ рѣдко стоятъ одиноко, всегда же почти сопровождаются болѣе или менѣе обстоятельными и интересными „историческими“ записями, указывая на то, что Пушкинъ, посѣщая эти балы и рауты, постоянно дѣлалъ наблюденія: въ этихъ наблюденіяхъ и заключалась, можно думать, если не только привлекательность той „красивой“ жизни, къ которой далеко не былъ равнодушенъ и самъ Пушкинъ, то во всякомъ случаѣ и смыслъ, толкъ этихъ посѣщеній; напр. на балу у Бутурлина—у него любопытный разговоръ съ Блайемъ политическаго характера о расширеніи русскаго государства (30, XI, 1833 г.), на балу у Бобринскаго—интересная замѣтка о сестрѣ Пугачева, о которой ему сообщилъ императоръ (17, I, 1834 г.), на обѣдѣ у австрійскаго посланника—о Скарятинѣ и о декабристахъ (17, III), на придворномъ балу — замѣтка о Николаѣ (28, II), у Уварова—о Свиньинѣ (10, IV), на вечерѣ у S.— разговоръ о дворянствѣ (18, XII), въ Аничковомъ дворцѣ — о Мицкевичѣ и Польшѣ (въ тотъ же день) и т. д. Въ томъ же смыслѣ пользовался Пушкинъ и своими посѣщеніями лицъ болѣе

lib.pushkinskijdom.ru

ему близкихъ: Карамзиной, Загряжской, Сперанскаго и др.: вездѣ онъ преимущественно собиратель „историческихъ“ матеріаловъ, въ такомъ обиліи заполняющихъ его „Дневникъ“. Конечно, сюда не слѣдуетъ причислять записей, связанныхъ съ его камеръ-юнкерствомъ, его личными отношеніями ко двору; но записи эти интересны въ томъ же отношеніи, что въ нихъ особенно отчетливо сквозитъ отмѣченный выше критицизмъ Пушкина въ оцѣнкѣ происходящаго вокругъ него и тотъ протестъ, который такъ опредѣленно сказывался у Пушкина въ юношескую пору; теперь протестъ этотъ сталъ гораздо умѣреннѣе, но глубже. Въ этомъ отношеніи „Дневникъ“ подтверждаетъ то измѣненіе, эволюцію политическихъ и общественныхъ взглядовъ Пушкина, какъ они рисуются по другимъ даннымъ его біографіи и произведеніямъ этого послѣдняго періода его дѣятельности: не смотря на сознаніе, что въ его положеніи женатаго человѣка, и тѣмъ введеннаго въ тяжелый для него кругъ придворной служилой аристократіи, прежнее будирующее отношеніе къ этому кругу уже немыслимо на дѣлѣ; тѣмъ не менѣе онъ все же не можетъ примириться съ создавшимся для него положеніемъ, не можетъ подружиться съ правительствомъ; этотъ протестъ теперь у него не выражается такъ открыто, но онъ не отсутствуетъ въ его сознаніи и находитъ себѣ выходъ на страницахъ „Дневника“ въ подборѣ такихъ явленій, которыя вызываютъ съ его стороны осужденіе въ видѣ суровыхъ, ѣдкихъ, иногда даже саркастическихъ оцѣнокъ наблюдаемыхъ явленій... но протестъ этотъ выражается теперь „про себя“, въ своемъ интимномъ дневникѣ, предназначенномъ для грядущихъ поколѣній. Суровыя условія матеріальныя, сопровождавшія послѣдніе годы жизни поэта, тяжелая нравственно опека, наложенная на его плечи внутренней политикой Николаевскаго режима, не сломили душевнаго строя Пушкина, но принудили его быть осторожнѣе, сдержаннѣе на глазахъ общества и правительства: недовѣрчивому Николаю такъ и не удалось „приручить“ Пушкина, обезвредить его, какъ бы того ему хотѣлось [52]). Значительно смирившійся наружно, Пушкинъ въ душѣ и про себя остался тѣмъ же протестующимъ противъ гнета: это и сквозитъ въ его „Дневникѣ“. Этимъ „Дневникъ“ и цѣненъ для пониманія душевной трагедіи А. С. Пушкина тридцатыхъ годовъ....

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Перепечатано въ „Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ“ П. В. Анненкова, т. III (Спб., 1881), стр. 225 и сл.; цитату см. на стр. 236—237.

[2]) Чтобы точнѣе судить объ объемѣ и составѣ этого перваго изданія „Дневника“, приводимъ результаты сравненія этого изданія съ подлинной рукописью А. С. Пушкина: 1) подъ 30 ноября 1833 г. опущено объ открытіи Александровской колонны; 2) опущена вся запись 3 дек. 1833; 3) подъ 4 дек.—конецъ со словъ: „Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается“; 4) 6, 14, 15, 17 дек. — цѣликомъ выпущены; 5) подъ 1 янв. 1834 г. нѣтъ кусковъ: „Но двору хотѣлось... онъ, кажется, сошелъ съ ума“, и: „Встрѣтилъ новый годъ... о Ермоловѣ, etc.“; 6) въ записи 7 янв. опущено все, кромѣ конца: „Гос. сказалъ княгинѣ Вяз..... меня поздравили“; 7) подъ 26 янв. выкинутъ конецъ записи (о Безобразовыхъ); 8) также въ записи 28 февр. (со словъ: „Вчера обѣдъ у Гр. Бобр.... австр. посл.“); 9) изъ записи 6 марта осталось только: „Царь далъ мнѣ взаймы... Спасибо!“, и эпизодъ о 13 іюля 1826 г.—цѣликомъ; 9) 8 марта опущено цѣликомъ; 10) изъ 17 марта удалены: „Недавно на балѣ у него былъ... ...погибшими 14 декабря“ (также замѣтка на полѣ рукописи: „онъ услышалъ бы...“), и: „Много говорятъ о балѣ..,“ до конца; 11) вся запись 20 марта вычеркнута; 12) въ записи 2 апр. отсутствуетъ вся середина: „Третьяго дня въ Англ. клобѣ... ...ему пріятно“; 13) въ записи 7 апр. выкинута фраза: „Вчера raout у Фик. S. не было. Впрочемъ весь городъ“; 14) подъ 8 апрѣля опущены начало („Вчера raout... ея мать“) и конецъ („Я простился съ Вольховскимъ... или повѣситъ“); 15) 10 апр. выкинуто цѣликомъ; 16) изъ зап. 14 апр. оставлена только первая фраза (о концертѣ для бѣдныхъ); 17) конецъ записи 16 апр. (со словъ „Сух. брюхата...“) удаленъ; 18) въ записи въ середу на св. недѣлѣ опущено: „Всегда много смѣшного... Кочубей сдѣланъ Государственнымъ Канцлеромъ“; 19) подъ 3 мая—начало до словъ: „не объявляли о томъ до самаго бала“, и ниже: „Лифл. дворянство... и подѣломъ“, выкинуты; 20) записи 10 и 12 мая цѣликомъ отсутствуютъ; 21) въ записи 21 мая опущена ея вторая половина: „Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ...“; 22) подъ 3 мая опущено: „великаго шарлатана... 1200 р.“, и фразы: „Гр. Фикельмонъ очень боленъ. .... ложны“, „О Кочубеѣ сказано... разболѣлись“ и „Послѣдній частный домъ... Сенатъ“.

[3]) Именно: „В. К. былъ чрезвычайно тронутъ... обнялись въ слезахъ“ (зап. середы на св. недѣлѣ) и „Слухъ о томъ, что Полевой... на улицѣ тому съ недѣлю“ (зап. 14 апр.).

[4]) По этому можно заключать, что редакторъ Суворинскаго изданія имѣлъ въ рукахъ именно текстъ Бартенева.

lib.pushkinskijdom.ru

[5]) Такъ возстановлены: 1) почти цѣликомъ (кромѣ фразы: „Вечеръ у Вяз.“) запись 27 ноября 1833 г.; 2) 30 ноября; 3) 17 дек. (кромѣ фразы: „N. сказалъ, что мебель придворная и просится въ Аничковъ“); 4) 28 февр 1834 г. (кромѣ фразъ: „Вчера обѣдъ у Гр. Б.“, и; „на балѣ явился убійца Скарятинъ“); 5) 2 апр.; 6) Середа на Святой недѣлѣ (кромѣ тирады: „Всегда много смѣшного... принуждены были слово евнухъ замѣнить другимъ“); 7) 12 мая.

[6]) Именно, добавлены: 1) новый отрывокъ записи 4 дек. 1833 г. („Государыня пишетъ свои записки... Слыш. отъ Кат. Андр.“); 2) начало 14 дек. („11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк..... 200,000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ“); 3) значительная часть записи 7 янв. 1834 г. („Вигель получилъ звѣзду..... пять лѣтъ послѣ“, но выкинута при этомъ фраза „но всегда кончается толками о мужеложствѣ“); 4) почти половина записи 6 марта („Слава Богу, масленица кончилась... ихъ имена въ спискѣ не стояли“); 5) двѣ фразы („Много говорятъ о балѣ..... наслѣдника“, и: „Вѣроятно, купечество .. полмилліона“) изъ зап. 17 марта; 6) начало 20 марта („Третьяго дня..... за недосугомъ“); 7) замѣтка о Мердерѣ изъ записи 3 мая; 8) двѣ замѣтки (о Фикельмонѣ и Нащокинѣ изъ записи 3 іюня.

[7]) 1) Изъ записи 14 дек. 1834—двѣ выписки („Третьяго дня былъ я наконецъ въ А.... Балъ кончился въ 1½“, и: „Разговоръ съ Нордингомъ... не имѣютъ гербовъ“); 2) изъ 22 дек.: „Ценсоръ Никитенко на обвахтѣ... сказать бы ты не могъ“; 18 янв. 1835 г. („В. к. взяла у меня Записки... 4 часа на подъѣздѣ“); 4) изъ послѣдней записи „Дневника“ (февраль) отдѣльныя фразы: „Съ генваря я очень занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3“, „Въ публикѣ... о возмутительномъ сочиненіи“, „Уваровъ большой..... съ одного согласія Государя“ (конечно, съ пропускомъ нелестныхъ эпитетовъ, относящихся къ Уварову и Дундукову).

[8]) Такъ: 1) окончательно возстановлены записи 24, 28 и 29 ноября 1833 г. (впрочемъ, въ послѣдней выпущены слова: „Прилично ли Г—ю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство?“), 8, 10 апр., 3 мая (только нѣтъ конечной фразы: „Вотъ тебѣ шишъ, и подѣломъ“), 10 мая, 18 дек. 1834 г., 8 янв. 1835 г; 2) даны новые отрывки: подъ 3 дек. 1833 г. (о поѣздкѣ государя въ Москву), 4 дек. („Щумъ о дамскихъ мундирахъ... въ прежнихъ русскихъ платьяхъ“), 6 дек. (все, кромѣ тирады о Скобелевѣ), конецъ 1 янв. 1834 г. („Встрѣтилъ новый годъ... о Ермоловѣ etc.“), 8 марта („Вчера былъ у См.. . застаетъ наставника своего сына, дружелюбно бесѣдующаго съ“, и: „Государь не любитъ Аракчеева. Это—извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году“), 5 дек. („Вчера былъ у Лекса... фельдъегеря или Арндта“).

[9]) Нѣсколько примѣровъ: 1) 28 ноября 1833 г. „Раутъ у Салтыкова“ (Ефр., Якушк.)—„И. С. Салтыкова“ (или Н. С., или С.—неясно въ рукописи): 2) 29 ноября: „черезъ Яшвиль“ (Ефр., Якушк.)—„черезъ Яшвиля“ (автогр.); 3) 6 дек.: „Мартыновъ комендантомъ“—„М. комендантъ“; 4) 5 дек. 1834 г.: „Курвахъ (дочь генералъ-маіора)“—„Курвахъ (дочь ген. Моро)“.

[10]) Именно подъ 21 мая въ разсказѣ объ имп. Александрѣ и Лагарпѣ, гдѣ послѣ словъ: „письма молодого Великаго Князя (Александра), въ которыхъ“, недостаетъ: „сильно выражается это чувство, и видѣлъ письма его же Ланжерону, въ которыхъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

[11]) Налѣво изд. Ефремова, направо—подлинная рукопись:

Стр. 631 оскорбило—оскорбляло.
„ 633 смотрѣли на карту—смотрѣли карту.
„ 634 Храповицкій [авторъ записокъ]—Храповицкій (авторъ записокъ). Слова, заключенныя въ круглыя скобки, принадлежатъ самому Пушкину, а не редактору, обозначавшему свои дополненія прямыми скобками.
„ 635 Мнѣ возвращаютъ—Мнѣ возвращенъ.
„ 636 былъ остановленъ—былъ атакованъ.
„ — Don-Juan—Dangeau.
„ 637 ревнивъ до безобразія—ревнивъ до безумія.
„ 642 Воспоминанія—мои Воспоминанія.
„ 643 Много говорено—Много говорятъ.
„ 646 идеализированная ея знать—идеализированная ея мать.
„ 649 написалъ извиненіе—написалъ изъясненіе.
„ 652 получилъ... записку—получилъ... записочку.
„ 658 Курвахъ (дочь генералъ-маіора)—Курвахъ (дочь ген. Моро)
„ — aristocratiques—aristocratie.
„ 663 что онъ лютеранинъ—будто онъ лютеранинъ.
„ 662 Въ концѣ прошлой недѣли—въ концѣ прошлаго года.

[12]) Пропуски:

Стр. 636 простудилась—она простудилась.
„ 637 или чего подобнаго—или чего-то подобнаго.
„ 642 въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ—въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ.
„ — покойный Государь окруженъ—но пок. Гос. окруженъ.
„ 643 изъ перевода письма—изъ перевода съ письма.
„ 645 онъ разсказывалъ—онъ разсказывалъ мнѣ.
„ 652 наслѣдникомъ Аракчееву—наслѣдникомъ Графу А.
„ 659 треугольная шляпа—треугольная шляпа съ плюмажемъ.
„ 660 о русскомъ дворянствѣ—о Р. дворянствѣ, о гербахъ.
„ 662 она бѣдна—она довольно бѣдна.

[13]) Стр. 635 высочайшей цензурою—высочайшею цензурою.

Стр. 638 съ 1774 года—съ 1774 году.
„ 642 объ 11 марта—объ 11-м мартѣ.
„ 644 въ Англійскомъ клубѣ—въ Англ. клобѣ.
„ 652 на дворцовую гауптвахту (тоже: 661, 663)—на дворцовую обвахту.
„ 656 подъ Аустерлицемъ—подъ Остерлицомъ.
„ 661 этакой—эдакой.
„ — В. Гюго—В. Юго.
„ 662 во вся тяжкія—во все тяжкое.
„ 663 видали—видѣли.
„ — Января—Генваря.

[14]) См. Русское Обозрѣніе, сент. 1890 г., стр. 160 примѣч. 3, стр. 162 прим. 1, 2, 3, стр. 164 прим. 1, 3. Впрочемъ, П. А. Ефремовъ позднѣе, при печатаніи VIII т. своего изданія (стр. 544 и 578—579), получивъ болѣе точную копію „Дневника“, кое-что исправилъ въ текстѣ, но поправки эти по существу не измѣнили неудовлетворительности Анненковской копіи и ея изданія у П. А. Ефремова.

lib.pushkinskijdom.ru

[15]) Въ первомъ редактированномъ П. О. Морозовымъ изданіи Пушкина (Литературнаго Фонда, Спб. 1887) перепечатанъ текстъ П. И. Бартенева (см. т. V, 200—211), даже остались не возстановленными случайные пропуски послѣдняго (см. выше, прим. 3). Во второмъ изданіи Морозова „Дневникъ"—на стр. 538—574 и примѣчанія къ нему—на стр. 697—706.

[16]) Такъ: подъ 1, 7 янв. и 4 марта 1834 г. онъ цѣликомъ печатаетъ фа, милію Безобразовыхъ (стр. 544, 545, 546, 551; ср. у Ефр. 637, 638, 643) вмѣсто „Н. Н." — Наталья Николаевна; вноситъ (впрочемъ, неудачно: въ рукоп. П—а „Сув.") поправку въ записи 16 апр.: С на См., очевидно, предполагая здѣсь А. О. Смирнову, на основаніи послѣдней фразы въ записи въ среду на Св. недѣлѣ (см. стр. 557 и 559).

[17]) Какъ извѣстно, изданіе осталось незаконченнымъ; примѣчанія, гдѣ бы могли быть нужныя намъ свѣдѣнія, въ немъ отстали: до примѣчаній къ V тому дѣло такъ и не дошло.

[18]) Примѣры (налѣво—автографъ и изд. Венгерова, направо—копія Анненкова и изд. Ефремова):

24 ноября 1833 г.—это оскорбляло его самолюбіе — это оскорбило его самолюбіе. (Такое возстановленіе могло быть, впрочемъ, и результатомъ свѣрки чтенія Ефремова съ выпиской П. И. Бартенева въ Рус. Арх. 1881 г., II, 495)

29 „ „ —черезъ Яшвиля педераста — черезъ Яшвиль П..... (или: „п—ста").

6 декабря „ —Мартыновъ комендантъ—Мартыновъ комендантомъ.

14 „ „ —мнѣ возвращенъ—мнѣ возвращаютъ.

1 января 1834 г.—сдѣлаюсь русскимъ Dangeau — сдѣлаюсь русскимъ Don-Juan.

„ „ —до безумія—до безобразія.

6 марта „ —С—вой, С—ва — С—ой, С—а.

8 апрѣля „ —идеализированная ея мать—идеализированная ея знать.

16 „ „ —написалъ изъясненіе—написалъ извиненіе.

21 мая „ —возстановленъ случайный пропускъ предшеств. изданій: „сильно выражается... Ланжерону"; далѣе стоитъ правильно имя Ланжерона вм. ошибочного въ изданіяхъ имени Лагарпа.

[19]) Впрочемъ, у Венгерова часто стоитъ и то, и другое.

[20]) Отсюда, кстати сказать, - ошибка въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина" (Н. О. Лернера), изд. 2-е (Спб. 1910), стр. 296, гдѣ вторая запись помѣчена 16 декабря.

[21]) Б. Л. Модзалевскій въ некрологѣ А. А. Пушкина; см. „Пушкинъ и его современники", вып. XIX—XX (Спб. 1914), стр. VIII.

[22]) См. „Пушкинъ и его современники", II (Спб. 1904), стр. XI—XII и 13. Ограниченіе въ пользованіи рукописями Пушкина, находящимися въ академической библіотекѣ, коснулось, кажется, только одной ихъ части, именно, находящихся среди бумагъ Л. Н. Майкова.

[23]) Примѣры (налѣво—Венгеровъ и Ефремовъ, направо—автографъ)

30 ноября 1833 г.—на карту—карту.

14 декабря „ —Нессельроде—Нессельрода.

„ —высочайшей—высочайшею.

lib.pushkinskijdom.ru

17 марта 1834 г.—шарлатанъ—есть шарлатанъ.
„ „ —пособниками—погибшими.
2 апрѣля „ —разсказывалъ—разсказывалъ мнѣ.
10 мая „ —записку—записочку.
2 іюня „ —главный цензоръ—славный цензоръ.
5 декабря „ —въ бытность мою—въ бытность Его.
18 „ „ —[опущено]—вѣроятно, противу етикета.
8 января 1835 г.—бѣдна—довольно бѣдна.

[24]) Вся офиціальная переписка по этому поводу издана: „Дѣла III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“ (Спб. 1906, изд. И. Балашова), гдѣ на стр. 196—198 напечатана „Опись бумагамъ покойнаго Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“; на поляхъ документа отмѣтки рукой императора, куда направить какія бумаги: „журналъ“ Пушкина врученъ „Д. С. С. Жуковскому“. Ср. тамъ же, стр. 193 и 194.

[25]) По этому признаку иногда и можно заключить, откуда идутъ тѣ или иныя бумаги Пушкина. Эта же „жандармская“ помѣта теперь даетъ указаніе намъ на то, что тѣ или иныя бумаги Пушкина находились у него дома до самой смерти; эта помѣта дѣлалась съ внѣшней стороны очень тщательно, видимо, людьми привычными, не пропускавшими ни одного клочка, попадавшаго къ нимъ въ руки, что, однако, не мѣшало имъ самымъ безцеремоннымъ образомъ соединять въ одну тетрадь совершенно разныя бумаги, внося т. о. большую путаницу для изслѣдователей (ср. В. Е. Якушкина, „Бумаги Пушкина“. Рус. Стар. 1884 г., стр. 414). Бумаги Пушкина, не носящія этой помѣты, ясно, идутъ не изъ домашняго архива поэта.

[26]) Изъ описанныхъ Жуковскимъ и Дубельтомъ бумагъ Пушкина, судя по упомянутымъ помѣтамъ „Описи“, были изъяты: Записки Екатерины (которыя взялъ къ себѣ Николай I), пакетъ съ билетами (взятъ Бенкендорфомъ), бумаги кн. В. В. Долгорукова, бумаги для „Современника“ (возвращено то и другое В. В. Долгорукову и А. И. Тургеневу). Ср. „Дѣла III Отд.“, стр. 194.

[27]) Посмертное изданіе въ 11 томахъ (Спб. 1837—1841). Къ этому изданію относится докладная записка В. А. Жуковскаго имп. Николаю съ проектомъ публикаціи объ изданіи и резолюціей на ней императора, который требовалъ „строжайшаго разбора еще неизданныхъ сочиненій“ (см. „Пушкинъ и его современники“, XII (1909), стр. 34, № 48). Ясно, что тогда нельзя было и думать объ изданіи не только „Дневника“, но и многаго, что могло уже войти въ изданіе П. В. Анненкова. Ср. В. Е. Якушкина „О Пушкинѣ“ (М. 1899), стр. 115.

[28]) Иное объясненіе появленія этой приписки едва-ли нужно подъискивать; возможно, пожалуй, предположить, что Пушкинъ еще при жизни показывалъ своему другу свой „Дневникъ“, и Вяземскій при этомъ вписалъ свои строки; но такое предположеніе сомнительно: судя по содержанію „Дневника“, Пушкинъ считалъ его дѣломъ своимъ интимнымъ и, конечно, берегъ его отъ постороннихъ, хотя бы и дружественныхъ взоровъ. Что приписка сдѣлана кн. П. А. Вяземскимъ, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ не только потому, что въ рукописи подъ ней кѣмъ-то позднѣе сдѣлано карандашомъ

lib.pushkinskijdom.ru

соотвѣтствующее указаніе, но и потому, что почеркъ Вяземскаго настолько характеренъ, что смѣшать его съ инымъ нельзя (ср., напр., снимокъ съ письма его 1835 г. 27 (15) іюня въ Отчетѣ Отд. рус. яз. и сл. А. Н. за 1912 г., стр. 61 (№ 43), или 1837 г. (8 февр.) въ показаніи его по поводу дуэли Пушкина—„Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное судное дѣло" (Спб. 1900), къ стр. 46—47).

[29]) См. „П. В. Анненковъ и его друзья" (Спб. 1892): „Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ" (стр. 382 и сл.); ср. И. А. Шляпкинъ „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина" (Спб. 1903), стр. VI. Наталья Николаевна Пушкина въ 1846 г. вышла вторично замужъ, за П. П. Ланского, который съ нею и принялъ вмѣсто гр. Г. А. Строганова на себя опеку надъ дѣтьми Пушкина (см. „Дѣла III Отд.", стр. 212).

[30]) Прежде всего въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пущкина", составившихъ, какъ извѣстно, первый томъ (1855) изданія сочиненій Пушкина подъ его редакціей. См. выше.

[31]) Н. Н. Ланская-Пушкина скончалась 26 ноября 1863 г. Весьма возможно, что бумаги Пушкина и раньше были переданы его дѣтямъ, когда кончилась опека (старшій сынъ поэта Александръ Александровичъ родился въ 1833 году). Сколько извѣстно, вплоть до 1887 года въ изданіяхъ, сдѣланныхъ къ этому времени, слѣдовъ пользованія бумагами, хранившимися въ семьѣ Пушкиныхъ, мы не наблюдаемъ. (Ср. В. Е. Якушкинъ, «О Пушкинѣ", стр. 115—117).

[32]) Еще послѣ посмертной описи нѣкоторыя бумаги Пушкина не вернулись въ его семью: рядъ листковъ переданъ былъ В. А. Жуковскимъ А. Ѳ. Онѣгину, въ парижскомъ музеѣ котораго они и до сихъ поръ (см. Б. Л. Модзалевскаго. „Описаніе рукописей Пушкина, находящихся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина"—„Пушкинъ и его совр." XII (19 9), стр. 7—47). И изъ рукъ П. В. Анненкова вернулось уже не все: кое-что осталось среди бумагъ П. В—ча послѣ изданія 1855 г. въ видѣ листковъ, носящихъ „жандармскую" помѣту, т.-е. принадлежавшихъ къ наслѣдію Пушкина; эти бумаги разысканы и изданы частью Д. И. Сапожниковымъ („Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина", Симбирскъ, 1899 г.), частью И. А. Шляпкинымъ въ ук. выше изданіи; ср. В. Е. Якушкина „Новыя изданія текстовъ Пушкина" (Рус. Вѣд. 1903 г., № 72, фельетонъ).

[33]) См. Отчетъ Рум. Муз. за 1879—1882 г., стр. 34; позднѣе, въ декабрѣ того же года, имъ же переданы въ музей письма къ Пушкину разныхъ лицъ (Муз. № 2396), въ маѣ 1882 г. — письма самого Пушкина, его жены, съ условіемъ не выдавать ихъ для пользованія въ теченіе 50 лѣтъ со дня пожертвованія.

[34]) Въ краткомъ сообщеніи о „Дневникѣ", помѣщенномъ въ журналѣ „Художественная жизнь" (1920 г., № 3, мартъ—апрѣль, стр. 40, за подписью „Н." говорится: „А. А. Пушкинъ бережно и ревниво хранилъ ее (т.-е. рукоп. „Дневника") у себя въ кабинетѣ, подъ замкомъ, въ зеркальномъ шкафу, показывая ее лишь изрѣдка роднымъ, и то избраннымъ". Въ числѣ этихъ надо полагать, былъ и племянникъ поэта Л. Н. Павлищевъ, использовавшій рукопись въ 1890 г., а раньше его П. И. Бартеневъ и С. А. Юрьевъ, имѣвшіе ее въ рукахъ въ 1880 г. (см. выше).

[35]) Не 1918 года, какъ ошибочно указано въ „Художеств. Жизни" (ср.

lib.pushkinskijdom.ru

некрологъ А. А. Пушкина въ „Пушкинѣ и его совр.“, XIX—XX); въ томъ же журналѣ сообщается извѣстіе о намѣреніи А. А. Пушкина въ концѣ жизни передать и эту рукопись Рум. Музею, что́, однако, осталось невыполненнымъ.

[36]) Такъ полагалъ и П. И. Бартеневъ, имѣвшій въ рукахъ „Дневникъ“ (см. Русск. Арх. 1880, II, 488) и знавшій, конечно, хорошо руку Пушкина. Какъ понимать эту цифру: указываетъ ли она, что мы должны предполагать, что существовала еще первая (намъ теперь неизвѣстная) тетрадь „Дневника“, или то, что этотъ „№ 2“ къ самому „Дневнику“ отношенія не имѣетъ? Т.-е. допустить, что Пушкинъ рѣшилъ употребить для „Дневника“ тетрадь, раньше для другихъ цѣлей помѣченную вторымъ номеромъ, и только въ ноябрѣ 1833 года сталъ ею пользоваться для записей „Дневника“ (съ этого мѣсяца, стало быть, и начинался „Дневникъ“)? Если принять первое предположеніе (его держался П. И. Бартеневъ, а за нимъ П. О. Морозовъ: см. Соч. П—а изд. „Просвѣщенія“, VI, 697), то придется допустить, что тетрадь „Дневника“ за № 1 существовала, но послѣ описи бумагъ Пушкина В. А. Жуковскому возвращена не была въ числѣ другихъ рукописей Пушкина и задержана была чинами III Отдѣленія, а впослѣдствіи пропала, либо была уничтожена, по словамъ П. О. Морозова (ук. стр.); академикъ М. И. Сухомлиновъ, имѣвшій доступъ во всѣ архивы, всюду тщетно искалъ эту рукопись и ничего не могъ узнать объ ея судьбѣ. Мы теперь имѣемъ въ рукахъ опись бумагъ Пушкина (см. выше, прим. 24): въ ней числится „журналъ“ Пушкина, при чемъ количество тетрадей не указано, какъ это дѣлалось въ другихъ случаяхъ, когда описывавшіе имѣли дѣло съ сочиненіемъ въ нѣсколькихъ частяхъ; т. о. у нихъ была только о д н а книга „Дневника“ намъ теперь извѣстная. Съ этимъ согласенъ самый видъ внѣшній дошедшей рукописи, и самыя обстоятельства біографіи Пушкина этого времени заставляютъ склоняться въ пользу второго предположенія (т.-е. что тетради „Дневника“ № 1 и не существовало, а потому № 2 относится къ иной группѣ бумагъ): въ книгѣ передъ началомъ самого дневника вырѣзаны четыре листа, заключавшіе, вѣроятно, хотя бы отчасти, что-либо такое, что къ дневнику отношенія не имѣло; затѣмъ: если Пушкинъ, какъ онъ самъ говоритъ иронически, рѣшилъ стать „русскимъ Dangeau“ (1 янв. 1834 г.) т.-е. мемуаристомъ придворнаго стиля, дѣйствительно, сталъ заполнять свой „Дневникъ“ записями придворнаго характера, то это слѣдуетъ сопоставить съ пожалованіемъ его въ камеръ-юнкеры (приказъ состоялся 30—31 дек. 1833 г.), что́ подготовлялось, конечно, и раньше (объ этомъ могли ходить слухи и въ декабрѣ, и въ ноябрѣ, о чемъ можно заключить потому, что и до 1 янв. 1834 г. въ дневникѣ обильно представлены эти „придворныя“ вѣсти); т. о. нѣтъ ничего невозможнаго, что Пушкинъ еще въ ноябрѣ началъ вести свой дневникъ во вкусѣ Dangeau. Косвенно это подтверждается и тѣмъ, что Пушкинъ только 20 ноября 1833 г. пріѣхалъ въ Петербургъ изъ своей поѣздки по Казанской и Оренбургской губ., гдѣ ему было не до веденія дневника, съ заѣздомъ, опять таки спѣшнымъ, въ Болдино и въ Москву — условія, едва ли подходящія для веденія дневника вообще, а тѣмъ болѣе такого, какимъ хотѣлъ его сдѣлать Пушкинъ (Ср. Н. О. Лернеръ: „Труды и дни“, изд. 2, стр. 293). Наконецъ, и опять таки косвенно, за то, что въ тетради со 2-мъ № мы имѣемъ „Дневникъ“ весь (или почти весь, м. б. безъ листка въ началѣ) го-

lib.pushkinskijdom.ru

воритъ и то, что „Дневникъ“ по просмотрѣ его Дубельтомъ и Бенкендорфомъ (а это было, какъ мы знаемъ, 20 февр. 1837 г.), былъ съ согласія императора сданъ Жуковскому. Если III Отдѣленіе нашло возможнымъ вернуть семьѣ ту книгу „Дневника“, которую мы знаемъ, но которая по своему содержанію въ глазахъ жандармовъ вовсе не была такъ „невинна“, то необходимо допустить, что первая тетрадь, если только она существовала, заключала въ себѣ много худшее съ точки зрѣнія III Отдѣленія; въ то же время непонятно, какъ Жуковскій, зная это, могъ рѣшительно доказывать императору, что Пушкинъ вовсе не такъ либераленъ и неблагонадеженъ, какъ то говорили про него (см. „Пушкинъ и его соврем.“ XXV—XXVII (1916), 117 и сл., особ. 129—130). И когда Пушкинъ могъ писать такія „ужасныя“ вещи въ своемъ „Дневникѣ“, да еще находясь внѣ Петербурга, поглощенный спѣшной работой надъ „Исторіей Пугачевскаго бунта“, надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра I ? Допустить же какую-либо небрежность въ „Описи“ со стороны III Отд. также едва-ли возможно. Поэтому понятна безрезультатность розысковъ М. И. Сухомлинова. Принявши же предложеніе о томъ, что первой книги „Дневника“ не было, что дошедшая до насъ съ № 2-мъ и есть единственная, существовавшая, всѣ эти затрудненія мы легко устраняемъ.

[37]) Эта мелочь, все-таки, указываетъ на то, что для „Дневника“ употреблена была старая, давнишняя книга, съ чѣмъ согласно и то, что въ началѣ ея было что-то начато, но затѣмъ вырѣзано. Это говоритъ опять таки въ пользу того, что предположено въ предыд. примѣчаніи.

[38]) Такимъ образомъ занятыхъ письмомъ страницъ 101 (оборотъ л. 51-го—чистый); если къ нимъ условно причислить четыре вырѣзанныхъ листа (т.-е. 8 страницъ), то все же не получимъ цифры страницъ (114), указываемой П. И. Бартеневымъ (Рус. Арх. 1880, II, 488), и за нимъ и другими издателями (впрочемъ, рукописи не видавшими); вырванныхъ, вырѣзанныхъ листовъ (кромѣ четырехъ упомянутыхъ) въ рукописи нѣтъ: она хорошо сохранилась подъ твердымъ, цѣльнымъ до сихъ поръ переплетомъ. У П. О. Морозова, кстати сказать, форматъ рукописи показанъ ошибочно—in 4° (VI, 697).

[39]) Поправки и помарки указываются въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ издаваемаго текста подъ строками.

[40]) Было ли заглавіе и затѣмъ вырѣзано съ начальными страницами дневника (что вполнѣ возможно: Пушкинъ, пріѣхавъ 20 ноября, вскорѣ могъ начать дневникъ, записать нѣсколько страницъ и затѣмъ выкинуть вмѣстѣ съ чѣмъ либо, что было на другихъ вырѣзанныхъ имъ листахъ), или нѣтъ, сказать теперь невозможно. Въ литературѣ о Пушкинѣ наша рукопись называется различно: то „Дневникомъ“ (у Л. Н Павлищева, въ Пушкинской комиссіи при Академіи, у Венгерова въ его изданіи соч. Пушкина, у Модзалевскаго (некрологъ А. А. Пушкина) и др.), то „Записками“ (у Ефремова въ изд. соч. П—а 1903 г., А. А. Пушкинымъ въ изданіи 1880 г., вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ (въ его „Александрѣ I[2]), то „Журналомъ“ (Опись бумагъ П—а).

[41]) Это своего рода пристрастіе къ прописнымъ буквамъ П. В. Анненковъ, (Собр. соч. П—а, II, 91), а за нимъ В. Я. Брюсовъ („Что даетъ академич. изданіе Пушкина“ въ Рус. Арх. 1899, отд. отт., стр. 6) считаютъ свойственнымъ юношеской порѣ письма Пушкина; „Дневникъ“ показываетъ, что привычка эта сохранилась у него и до поздняго времени.

lib.pushkinskijdom.ru

[42]) Только въ декабрѣ 1834 г. находимъ три записи; за то между августомъ и ноябремъ того же года—ни одной: въ это время Пушкинъ отсутствовалъ изъ Петербурга.

[43]) Всего въ „Дневникѣ"—43 дня, когда производилась запись; конечно, приведенныя выше цифры точнаго „статистическаго" значенія имѣть не могутъ, давая лишь общее представленіе о манерѣ производства записей: Пушкинъ, садясь записывать, вспоминалъ замѣченное имъ и въ другіе дни, почему подъ однимъ числомъ у него не только иногда нѣсколько фактовъ одного и того же дня, но и различныхъ дней.

[44]) Разбросанныя на пространствѣ всего „Дневника" эти записи составляютъ въ немъ, однако, меньшую долю, нежели записи иного характера, „историческія и придворныя": всего ихъ наберется десятка полтора, включая сюда и такія, которыя касаются литературной дѣятельности и самого Пушкина (напр., 14 дек. 1833 г. о „Мѣдномъ всадникѣ", 17 янв, 1834 г., 28 февр., 6 марта того же года, февраля 1835—всѣ объ „Исторіи Пугачевскаго бунта", 7 апр. 1834—о „Пиковой дамѣ").

[45]) Въ такомъ качествѣ „Дневникъ" и былъ частью использованъ историками нашей общественности, напр., М. Лемке въ его „Николаевскихъ жандармахъ" (Спб. 1908; см. стр. 509 и слѣд.), Н. Н. Фирсовымъ въ его примѣчаніяхъ къ XI т. академич. изд. сочиненій Пушкина (Спб. 1814; см. стр. 5 и слѣд.).

[46]) Изъ „Кишиневскаго дневника" (впослѣдствіи уничтоженнаго), „Программа записокъ" (окт. 1830 г.; доведена до 1815 г. въ сохранившемся отрывкѣ) и т. п.

[47]) Ср. слова А. С. Пушкина къ А. Н. Вульфу: „Непремѣнно должно описывать современныя происшествія, чтобы на насъ могли сослаться" (А. Н. Майковъ, „А. С. Пушкинъ", стр. 178); ср. П. В. Анненкова „Пушкинъ въ Александр. эпоху", стр. 309.

[48]) Ср. П. В. Анненкова, „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", главн. обр. главы XXXIV и XXXV.

[49]) Ср. „Отрывки изъ писемъ, мысли, примѣчанія": „гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; неуваженіе къ оной есть постыдное малодушіе..." (Соч. изд. подъ ред. Венгерова, IV, 503): ср. тамъ же, I, 23; II, 524; IV, 475; V, 1, 6, 7, 423. Ср. также. И. И. Панаева, Воспоминанія, стр. 95.

[50]) Эта двойственность была подмѣчена и современниками Пушкина; ср. А. В. Никитенка, Дневники, I, 364 (по поводу Н. В. Кукольника).

[51]) Ср. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. XI, стр. 34.

[52]) Настроенія и политическіе и общественные взгляды Пушкина этого времени не разъ служили предметомъ изслѣдованій въ обширной „Пушкиньянѣ"; изъ новѣйшихъ, наиболѣе объективныхъ, можно указать на изслѣдованіе Н. Н. Фирсова въ XI т. Соч. А. С. Пушкина, изд. Акад. Наукъ, гдѣ дана характеристика Пушкина, какъ разъ, времени писанія имъ „Дневника" (см. „Условія, при которыхъ А. С. Пушкину пришлось работать надъ „Исторіей Пугачевскаго бунта". Примѣчанія къ изданію „Исторіи", стр. 1—46, въ частности: 12—13, 34—35, 36).

---

lib.pushkinskijdom.ru

ДНЕВНИКЪ

А. С. ПУШКИНА

1833—1835

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

24 Ноября

Обѣдалъ у К. А. Карамзиной—видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ Rowt у Фикельмонтъ—Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мущина лѣтъ 45 въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ Кишеневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо бывшій Молдавскій Господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ—не знаю еще за чѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ что въ 1821 году былъ я у него въ Кишеневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разказалъ ему какимъ образомъ Пестель обманулъ его, и предалъ этерію—представя ее Императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады—тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера! Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

27—Обѣдъ у Энгельгарда — говорили о Сухозан, назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements, сказалъ Энг.—

Осуждаютъ очень дамскія мундиры — бархатныя шитыя золотомъ—особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное—

Вечеръ у Вяз.

Строка 20. Сухозан—ген. Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ.
Стр. 21. Въ рукописи описка: въ начальникѣ.
Стр. 23. Энг.—Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ.
Стр. 27. Вяз.—кн. Вяземскій. Петръ Андреевичъ.

lib.pushkinskijdom.ru

28 Роутъ у С. Салтыкова. Гр. Орл. говоритъ о Тур. посл. C'est un animal.—Il a donc un secretaire?—Oui un Phanariote et c'est tout dire. ||

29. Три вещи осуждаются вообще—к по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вошедшаго въ люди черезъ Яшвиля — педераста, и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только изувѣченнаго воина, и назначилъ ему важнѣйшій постъ въ Государствѣ какъ спокойное мѣстечко въ домѣ Инвалидовъ. 2) Дамскія мундиры. 3) Выдача гвардейскаго офицера v. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ; Г. не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ Курляндскому дворянству; Это за чѣмъ? | Къ чему такое своенравное различіе между Дворяниномъ Псковскимъ и Курляндскимъ; между Гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ? Прилично-ли Г-ю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что если Курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, уже какъ дворянина Рускаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которыя повторяются вездѣ. Конечно со стороны Г-я есть что-то рыцарское, но Г. не рыцарь..... Или хочетъ онъ сдѣлать || опять изъ Гвардіи то что была она прежде? поздно!

Молодая Графиня Штакелбергъ (урожд. Тизенгаузенъ) умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм.

Стр. 1. Передъ С неясная буква: не то И, не то В, не то Н.
Ib. Гр. Орл.—графъ Орловъ, Алексѣй Ѳедоровичъ.
Стр. 2. Тур. посл.—турецкій посланникъ.
Стр. 13. Г.—Гсударь.
Стр. 28. Поправка: Штакелбергъ—на полѣ; урожд.—между строкъ.
Стр. 30. Фикельм.—Фикельмонъ.

lib.pushkinskijdom.ru

вчера играли здѣсь Les Enfants d'Edouard и съ большимъ успѣхомъ—Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Экернъ удивляется смѣлости примѣненій. . . Блай ихъ не замѣтилъ. Блай, кажется, правъ.

30 Нояб вчера балъ у Бутурлина (Жомини)—любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у Васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? для безопасности П. Б.? но онъ защищенъ Кронштатомъ. игрушка!—Долго-ли вамъ разпространяться (мы смотрѣли карту постепеннаго разпространенія Россіи, составленную Бут.) Ваше мѣсто Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ сивилизаціи . . . etc. 3

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В. К. ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа... Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ Гвардіи—Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ Царствованія А., офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны—а Гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

... При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100,000 гвардіи подъ ружьемъ.

Декабрь 1833— 4

3. вчера Гос. возвратился изъ Москвы—онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали—Во дворцѣ не было ни одной топленой комнаты—Онъ не могъ добиться чашки чаю.

Стр. 8. П. Б.—Петербургъ.
Стр. 11. Бут.—графъ Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ.
Стр. 15. В. К.—Великій Князь Михаилъ Павловичъ.
Стр. 16 Въ рукописи описка: шларфокѣ.
Стр. 21. А.—императоръ Александръ I.
Стр. 27. 3—вмѣсто зачеркнутаго: 4.

lib.pushkinskijdom.ru

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку Какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимоѳ. — очень оригинально и очень смѣшно.—

4 вечеромъ у Загряжской (Нат. Кир.) Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на Кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ эрмитажъ. Кн. Д. спросила у придворныхъ какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: Черезъ алтарь. Дашк. на другой день съ десятилѣтнемъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту—поговорила съ сыномъ о святости того мѣста— и прошла съ нимъ | въ Эрмитажъ. На другой день всѣ 42
ожидали Государыни, въ томъ числѣ и Дашкова.— Вдругъ дверь отворилась и Государыня влетѣла и прямо къ Дашк. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлены перепугались. Дашк. извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря что она не знала чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ Алтарь—Какъ Вамъ не стыдно отвѣчала Екатерина—Вы русская— и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на Васъ мнѣ жаловаться... Нат. Кир. разсказала анекдотъ съ большой живостію. Кн. Кочубей замѣтила что Дашк. вошла вѣроятно въ алтарь—въ качествѣ президента Русской академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ— ||

Шумъ о Дамскихъ мундирахъ продолжается—Къ 5
6му мало будетъ готовыхъ — Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкой (авторъ записокъ) былъ нѣкогда адъютантомъ у Графа Кир. Разумовскаго. — У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь Будакова. Это знала Нат. Кир. отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Государыня пишетъ свои записки.... Дойдутъ-ли они до потомства? Елисавета Алекс. писала свои, они были созжены ея фрейлиною, Марія Ѳед. также— Государь сжегъ ихъ по ея приказанію.—Какая потеря! Елис. хотѣла завѣщать свои записки Карамзину (слыш. отъ Кат. Андр.)

6 дек. Имянины Гос. Мартыновъ комендантъ. 4 полныхъ Генераловъ — | Перовскій — Генералъ - лейтенантъ—Меншиковъ, адмиралъ—Дамы представлялись въ русскомъ платьѣ. На это нѣкоторыя смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безрукій сказалъ Кн. В-ой: Я отдалъ бы послѣднія три пальцы для такого торжества! В— съ начала не могла его понять. 5²

Обѣдалъ у Гр. А. Бобр. Мятлевъ читалъ умори-
тельныя стихи. Молодыя офицеры, которыхъ В. К. засталъ ночью въ неисправности, и которыя содержались подъ Арестомъ, прощены.

14 дек. обѣдъ у Блая вечеръ у Ст.

11№ получено мною приглашеніе отъ Бенк. явиться къ нему на другой день утромъ. Я | пріѣхалъ. 6

Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя Слово к у м и р ъ не пропущено высочайшею цензурою; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва
Какъ передъ новою Царицей
Порфироносная вдова—

Вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?)— все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200,000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ.— Эти

Стр. 12. Кн. В-ой—княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская.

Стр. 14. Гр. А. Бобр.—графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій.

Стр. 18. Ст.: можно прочесть и См. (Смирнова?).

Стр. 19. Бенк.—графъ Бенкендорфъ, Александръ Христофоровичъ.

lib.pushkinskijdom.ru

четыреста тысячь останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о снисканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если-же крестьяне узнаютъ что Правительство или помѣщики намѣрены | ихъ кормить, то они не станутъ работать, 6[2] и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно—Въ обществѣ ропщутъ—а у Несельроде и Кочубей будутъ балы (что также есть способъ льстить двору)

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ; Имп. была не здорова — По утру обѣдня и Молебенъ.

15 балъ у Кочубея—Имп. должна была быть но не пріѣхала. Она простудилась — Балъ былъ очень блистателенъ—Гр. Шувалова удивительно была хороша—

17 вечеръ у Жуковскаго: Нѣмецкій amateur ученикъ Тиковъ, читалъ | Фауста—неудачно, по моему 7 мнѣнію—

Въ городѣ говорятъ о странномъ произшествіи. Въ одномъ изъ домовъ принадлежащихъ Вѣдомству придворной Конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству — Кн. В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе — Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разныя толки. N. сказалъ что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтельнъ былъ атакованъ на дворцовой площади и ограбленъ. Полиція, видно занимается | политикой, а не ворами и мостовою— 7[2] Блудова обокрали прошедшею ночью.

Стр. 1. Четыреста—вписано между строкъ, вм. зачеркнутаго: двести.

Стр. 32. Въ рукописи описка: Блицова.

lib.pushkinskijdom.ru

1 *1834.*

1 Янв. третьяго дня я пожалованъ въ камеръ юнкеры—(что довольно неприлично моимъ лѣтамъ) Но Двору хотѣлось чтобы N.N. танцовала въ Аничковѣ. Такъ я-же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило не разъ до драки и даже до ножа—Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей. не довѣряя никому. Третьяго дня она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подъ Арестомъ. Онъ кажется сошелъ съ ума. 8

Меня спрашивали доволенъ-ли я моимъ камеръюнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ— а по мнѣ, хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ Вокабуламъ и Ариѳметикѣ.

Встрѣтилъ новой годъ у Нат. Кир. Загр.— Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царств. Алекс., о Ермоловѣ etc.—

7го Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. 8 Вчера былъ онъ у меня—Я люблю его разговоръ— онъ занимателенъ и дѣленъ, но всегда кончается толками о мужеложствѣ. Вигель разказалъ мнѣ любопытный Анекдотъ. Нѣкто Норманъ, или Лехрманъ—сынъ кормилицы Екатерины II, умершей 96 лѣтъ нѣкогда разказалъ Вигелю слѣдующее— Мать его жила въ бѣлоруской деревнѣ, пожалованой ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну. Запиши сегодняшнее число: я видѣла

Стр. 4. N. N.—Наталья Николаевна Пушкина.

Стр. 31. Передъ словомъ: Мать—было написано: Кормилица, но затѣмъ зачеркнуто.

Стр. 32. Ей: въ рукописи ошибочно—ею.

lib.pushkinskijdom.ru

странный сонъ. Мнѣ снилось будто я держу на колѣняхъ || маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьи- 9
це — какъ помню ее 60 лѣтъ тому назадъ. Сынъ исполнилъ ее приказаніе. Нѣсколько времени спустя, дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей записки. На ней стояло 6го Ноября 1797. Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ—Онъ еще подъ арестомъ—Жена его вчера ночью | уѣхала 92
къ своему брату, къ Дивизіонному Генералу. Думаютъ что Безобр. не останется флигель адъютантомъ. Гос. сказалъ Княгинѣ Вяз. J'espère que Pouchkin a pris en bonne part sa nomination—Jusqu'à present il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc. etc.—Великій Кн. намѣдни поздравилъ меня въ театрѣ: Покорнѣйше благодарю Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, Вы первый меня поздравили.

17 балъ у Гр. Бобр. одинъ изъ самыхъ блистательныхъ — Гос. мнѣ || о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ. Жаль что я не зналъ что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости (съ 1774го году!) правда она жила на свободѣ въ предмѣстіи, но далеко отъ своей донской станицы на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ— 10

Стр. 7. 1797—слѣдуетъ: 1796.

Стр. 8. Никакого; въ рукописи описка: никаго.

Стр. 28. Въ крѣпости: между строкъ вставлено названіе ея, но крайне неразборчиво.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ пріѣхалъ въ мундирѣ. | Мнѣ сказали что гости 10²
во фракахъ—Я уѣхалъ оставя N. N., и переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С. В. С.—Гос. былъ недоволенъ, и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ: Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у Кн. Тр.—трауръ по какомъ то Князѣ. (т.-е. Принцѣ) Дамы въ черномъ. Гос. пріѣхалъ неожиданно. Былъ на полъ-часа. Сказалъ женѣ. Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernierement? (мундирныя пуговицы. Старуха Гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ 11
что у меня не были они нашиты.).

Баронъ д'Антесъ и Маркизъ де Пина, два Шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

Безобразовъ отправленъ на Кавказъ; жена его уже въ Москвѣ.

28 февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ—Множество баловъ, роутовъ etc. Масленица. Государыня была больна, и около двухъ недѣль не выѣзжала — Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными) въ воскресеніе | на 11²
балѣ въ концертной Г. долго со мною разговаривалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія—

Стр. 4. N. N.—Н. Н. Пушкина.
Стр. 5. С. В. С.—Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ.
Стр. 8. Faites lui—далѣе зачеркнуто: en.
Стр. 9. Кн. Тр.—князь С. В. Трубецкой.
Стр. 14. Гр. Бобр.—графиня Бобринская, Анна Владиміровна
Стр. 27. Г.—Государь.

lib.pushkinskijdom.ru

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у Гр. Шувалова—На балѣ явился цареубійца Скарятинъ—В. Кн. говорилъ множество каламбуровъ: Полиціи много дѣла; (такой разпутной масляницы я не видывалъ)—Сегодня балъ у Австр. Посл.

6 Марта. Слава Богу!... Масленица кончилась, а съ нею и балы. || Описаніе послѣдняго дня (4 мар) масленицы дастъ понятіе и о прочихъ. Избранные 12
званы были во дворецъ на балъ утренній къ половинѣ перваго. Другія на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я пріѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались, а тѣ которыя были съ утра во дворцѣ перемѣняли свой нарядъ—Было пропасть недовольныхъ: тѣ которыя званы были на вечеръ, завидывали утреннимъ щастливцамъ. Приглашенія были разосланы кое какъ и по списку баловъ Князя Кочубея; такимъ образомъ ни Кочубей, ни его семейство ни его приближенныя не | были приглашены, потому что ихъ имена 12²
въ спискѣ не стояли — Все это кончилось тѣмъ что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясались.

Царь далъ мнѣ въ займы 20,000 на напечатаніе Пугачева—Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой Княгини С. съ Графомъ В.—Замѣтили на ней новыя брилліанты—разказывали что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В—(будто бы по завѣщанію покойной его жены) что С. имѣлъ за то жестокое объясненіе съ женою etc. etc. Все это пустыя сплетни:
|| Брилліанты принадлежали К—вой, заловкѣ С—вой, 13
и были присланы изъ Одесы для продажи—Однако неосторожное повѣденіе С—вой, привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила

Стр. 6 Передъ словомъ *Марта* зачеркнуто: фев.
Стр. 7 (4 мар)—приписано на полѣ и подчеркнуто.
Стр. 8. Въ ркп. описка: масленица.

lib.pushkinskijdom.ru

ее, Царь еще пуще. С-ва разплакалась. Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des soeurs — voila pourquoi l'on m'envie, etc. С. очень глупа, и очень смѣлая кокетка, если не хуже—

Соб. говоритъ о Графѣ Вел. Jl est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта былъ я вечеромъ у Кн. Од. Соб. любезничая съ Ланской (бывшей Полетика) сказалъ ей велегласно: le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon— cul. Онъ ужасно смутился, свидѣтели (въ томъ числѣ Ланская) не могла воздержаться отъ смѣха. Княгиня Од. обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости—Соб. убѣжалъ — 13²

13 Іюля 1826 года—въ полдень Гос. находился въ Царск. Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду заставляя собаку свою выносить его на берегъ— Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку и платокъ и побѣжалъ во дворецъ—Собака выплывъ на берегъ и не на шедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фр... подняла платокъ въ память историческаго дня — 14

8' ***марта*** вчера былъ у См. ц. н. — анекдоты: Жук. поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) цареубійцу Скарятина, и заставилъ его разказывать II^ое марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Гос. съ Гр. Бенкенд. и застаетъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующаго съ убійцею его Отца! Скар.

Стр. 5. Соб.—Соболевскій, Сергѣй Александровичъ.
Ib. Гр. Вел.—графъ Вельгорскій (Віельгорскій).
Стр. 7. Кн. Од.—князь Одоевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ.
Стр. 18. Въ эту минуту,—въ ркп. описка: Въ это.
Стр. 20. Выплывъ,—въ ркп. выплавъ.
Стр. 21. Фр.—фрейлина.
Стр. 23. См.—Смирнова, Александра Осиповна.
Ib. Ц. н.: см. примѣчаніе въ концѣ книги.
Стр. 24. Жук.—Жуковскій Вас. Андр.

lib.pushkinskijdom.ru

снялъ съ себя | шарфъ, прекратившій жизнь Павла Iго— 14²
Княжна Туркистанова, фрейлена, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ Кн. Вл. Гол. который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры—и она родила во дворцѣ, такъ что никто и не подозрѣвалъ. Имп. Марія Ѳед. приходила къ ней, и читала ей Евангеліе, въ то время какъ она безъ памяти лежала въ постелѣ. Ее перевели въ другія комнаты—и она умерла. Госуд. сердилась, узнавъ обо всемъ; Вл. Гол. разболталъ все по городу—

|| На похоронахъ Уварова, пок. Государь слѣдовалъ 15
за гробомъ. Аракчѣевъ сказалъ громко (кажется А. Орлову) Одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?—(Уваровъ, одинъ изъ цареубійцъ IIго марта)—

Гос. не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году—(après avoir travaillé avec lui, et en rentrant chez l'Imp. dans le plus grand desordre de toilette).

17 марта вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи Рускаго Conversacion's Lexikon. Насъ было человѣкъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ рускихъ великихъ людей. Гречь | сказалъ 15²
мнѣ предварительно: Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ: пью его лѣкарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ—Гаевскій подписался, но съ условіемъ. К. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сбо-

---

Стр. 3. Кн. Вл. Гол.—князь Владимиръ Сергѣевичъ Голицынъ.
Стр. 14—15. Каково-то: въ рукописи—какого-то.
Стр. 22. Число 17 поправлено изъ 13 или 18.

lib.pushkinskijdom.ru

рище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему 16
обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ,
и ободрялъ меня на поприще мною избранномъ.
Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года
Мои Воспоминанія въ Ц. селѣ. Устряловъ сказывалъ мнѣ что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр. посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ, вмѣсто $5\frac{1}{2}$, и ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ $11^{\text{мъ}}$ мартѣ. Не давно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикель- 16²
монъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества. Но Пок. Гос. окруженъ былъ убійцами своего отца — Вотъ причина почему при жизни его, никогда не было бы суда надъ молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Онъ услышалъ бы слишкомъ жестокія истины — NB. Государь нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить Цареубійцъ, или помышленія о Цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ который должно дать Дво 17
рянство по случаю совершеннолѣтія Г. Наслѣдника. К. Долгорукій (об. шталмейстеръ и П. Б. предводитель) и Г. Шуваловъ разпоряжаютъ этимъ. Долг ... послалъ Нарышкину письмо писанное по французски въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар. ... отвѣчалъ: «М. Г., изъ перевода съ письма В. С—ва, усмотрѣлъ я etc»

Стр. 16. Пок. Гос.—Покойный государь (Александръ I)

Стр. 20. «Онъ услышалъ бы... истины»: вся эта фраза приписана на полѣ рукописи.

Стр. 28. П. Б.—Петербургскій.

Стр. 32. Нар.—Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣроятно Купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на пол-милліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

| Изъ Москвы пишутъ что Безобразова выкинула. 17²

Изъ Италіи пишутъ что Гр. Полье идетъ замужъ за какого-то принца вдовца и богача—Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются и рады вѣрить.

* *20* третьяго дня былъ у Кн. Мещ... Изъ кареты моей украли подушки; но оставили медвѣжій коверъ, вѣроятно за недосугомъ.

Нѣкто Карцовъ женатый на Парижской дѣвкѣ въ 1814 году—развѣлся съ нею, и жилъ розно. На дняхъ онъ къ ней пришелъ ночью, и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженаго ртутью. || Онъ подъ судомъ. 18 Она еще жива.

2 апрѣля на дняхъ (въ прошлый четвергъ) обѣдалъ у Кн. Ник. Труб... съ Вязем., Нар. и съ Кук. котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю имѣетъ-ли онъ талантъ. Я не дочелъ его Тасса, и не видалъ его Р у k и etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно. Il brédouille en musique, comme en vers.—Кук. пишетъ Липунова. Хомяковъ то-же—Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта—

| Третьяго дня въ Англ. клобѣ избирали новыхъ членовъ—Смирновъ (кам. юнкеръ) былъ заболотированъ; иныя говорятъ, потому что его записалъ Икскуль; другія, потому что его смѣщали съ его однофамильцомъ Игрокомъ Не правда: Его не хотѣли выбрать 18²

Стр. 8. Кн. Мещ.—князь Мещерскій, Петръ Ивановичъ.

Стр. 16. Вмѣсто: въ прошлый четвергъ, — было: въ прошлую среду.

Стр. 17. Кук.—Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ.

Стр. 20. «Дочелъ»—надъ строкой; раньше было: читалъ.

Стр. 30. Игрокомъ: поправка изъ какой-то фамилии (Смирновъ?) въ началѣ слова: поэтому—большая буква.

lib.pushkinskijdom.ru

нѣкоторые Гв. офицеры которыя, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ, вступилась за Смирнова. Говорили что послѣ такова примѣра, ни одинъ порядочный человѣкъ не возмется предложить новаго члена, что шутить общимъ мнѣніемъ не годится, и что надлежитъ снова балотировать. Законъ говоритъ именно что разъ забалотированный человѣкъ, не имѣетъ уже никогда права быть избираемымъ. Но были изключенія: Гр. Чернышевъ (воен. министръ, и Гладковъ Об. полицмейстеръ) Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова балотировали снова, и онъ былъ выбранъ—Это впрочемъ дѣлаетъ ему честь—онъ не министръ и не Оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человѣку частному должно быть ему приятно.

Кн. Одоевскій, Доктор Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей Conversations Lexikon. Прочія были обижены нашей оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ; но въ другой разъ обманутъ только дуракъ. Этотъ Лексиконъ будетъ ни что иное какъ Сѣверная пчела и Библіотека для Чтенія, въ новомъ порядкѣ и объемѣ—

Въ прошлое воскресеніе обѣдалъ я у Сперанского. Онъ разказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. б. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатыя полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! помилуйте! Заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей намъ не даютъ—

Сперанскій у себя очень любезенъ—Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ Царствованія Александра—Вы и Аракчеевъ вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого

lib.pushkinskijdom.ru

Царствованія, какъ Геніи Зла и Блага. Онъ отвѣчалъ комплиментами, и совѣтовалъ мнѣ писать Исторію моего времени.

7 апрѣля—Телеграфъ запрещенъ—Уваровъ представилъ Государю выписки веденыя нѣсколько мѣсяцевъ, и обнаруживающія неблагонамѣренное на || правленіе 21 данное Полевымъ его журналу. (Выписки ведены Брюновымъ, по совѣту Блудова) Ж. говоритъ: я радъ что Тел. запрещенъ, хотя жалѣю что запретили. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей; мудрено съ большей наглостію проповѣдовать якобинизмъ, передъ носомъ Правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее что его либерализмъ пустая только маска—

Вчера raout у Гр. Фик... S. не была. Впрочемъ весь городъ

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ— 21[2]
Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой Графиней и Кн. Н. П. и кажется, не сердятся....

Гоголь по моему совѣту началъ Исторію Русской Критики.

8 апрѣля. вчера raout у Кн. Од. — Изъясненіе съ S. К.—Вся семья Гр. Л.* Гр. Кис..., идеализированная ея мать.

Сей часъ ѣду во дворецъ представиться Царицѣ. 22[2]
2 часа. Представлялись. Ждали Царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20. Братъ || Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа Вольховскій—и другія. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла

Стр. 6. Неблагонамѣренное: поправка; было: неблагонамѣренныя.

Стр. 8. Ж.—Жуковскій.

Стр. 15. S.: см. примѣчаніе въ концѣ книги.

Стр. 20. Кн. Н. П.—княгиня Наталья Петровна Голицына.

Стр. 23. Вчера—вписано между строкъ.

Стр. 24. Фамилія написана очень не разборчиво, можно прочесть и Кас., и Кел...

lib.pushkinskijdom.ru

ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir, quel P. me sera présenté—Il se trouve que c'est vous!... comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d' adoption... и перевернулась. Я ужасно люблю Царицу, не смотря на то что ей ужъ 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Во льховскимъ. которыи на дняхъ 22[2]
ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго (Героя) Онъ (т.-е. Б.) очень зло отзывается объ Одеской жизни, о Гр. Вор. о его соблазнительной связи съ О. Н., etc etc. Хвалитъ очень Графиню В.

Бринкена, сказываютъ, Финляндское Дворянство повѣсило или повѣситъ—

10 апр. Вчера вечеръ у Уварова—живыя картины— 23
Долго сидѣли въ темнотѣ. S. не было—скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадриль. Ужинъ плохой—Говоря о Свиньинѣ предлагающимъ Р. Академіи свои манускрипты XVI[го] вѣка, Ув. сказалъ: Надобно будетъ удостовѣриться нѣтъ-ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ за старинныя рукописи тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ будто бы Полевой въ крѣпости: какой вздоръ! —

11[е] апрѣля—Сей часъ получаю отъ Гр. Строгонова Листокъ Франкф. журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья: 23[1]

St Petersbourg 27 fevrier.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la

---

Стр. 9. Б.—Болховской.
Стр. 13. О. Н.—О. С. Нарышкина.—В.—Воронцова.

lib.pushkinskijdom.ru

calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée...

(Дѣло идетъ о праздникѣ данномъ въ Брисселѣ польскими емигрантами, и о рѣчахъ произнесенныхъ Лелевелемъ, || Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. 24
Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14-го декабря.)

... après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause Mr Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poëte Russe de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous | ignorons si A. Pouschkine à 24a
une époque, où son talent éminent en fermentation ne s'étoit pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées et d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine rela || tivement à la rebel- 25
lion Polonaise, il se trouve énoncé dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie, qu'il a fait paraître dans le tems.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt pour le sort de ce poëte réléguéaux confins réculés de l'Empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour, et qu'il est traité par son Souverain avec bonté et bienveillance....

| *14 апрѣля*—Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ 25a
въ концертѣ—800 мѣстъ и 2,000 билетовъ!

Стр. 2. Слово impudence вписано между строкъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ропщутъ на двухъ дамъ выбранныхъ для Будущаго бала въ представительницы П.Бго Дворянства: Княгиню К. Ѳ. Долгорукую и Гр. Шувалову. Первая, наложница Кн. Потемкина, и любовница всѣхъ Итальянскихъ Кастратовъ, а вторая—кокетка Польская т.-е. очень неблагопристойная; Надобно признаться что мы въ благопристойности общественной не очень тверды—

Слухъ о томъ что Полевой былъ взятъ и привезенъ 25
въ П. Б. подтверждается. Говорятъ кто-то его встрѣтилъ, въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ тому съ недѣлю.

16го. вчера проводилъ Н. Н. до Ижоры. Возратясь нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ, и приказъ явиться къ Графу Литѣ. Я догадался что дѣло идетъ о томъ что я ни явился въ придворную церковь ни къ вечерни въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресеніе. Такъ и вышло: Ж. сказалъ мнѣ что Государь былъ недоволенъ отсут- 26
ствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ, и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство ихъ избавить.—Литта толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: Mais enfin, il y a des regles fixes pour les chambellans et le gentilshommes de la chambre— На что Нар... возразилъ: pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur. Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

„Говорятъ будто бы надняхъ выдетъ указъ о томъ, 27
что уничтожается право русскимъ подданымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ если слухъ сей оправдается.

Сув. брюхата: и кажется не во время. Любо-

Стр. 18. Ж.—Жуковскій.
Стр. 24. Enfin—поправка, было: ра.
Стр. 34. Фамилія написана очень неразборчиво.

lib.pushkinskijdom.ru

пытныя справляются въ Инвалидѣ о времени приѣзда ея мужа въ П.Б. Они уѣхали въ Москву.

Середа на святой недѣлѣ.

Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество Государственное и семейственное.—В. Кн. | былъ черезвычайно тронутъ. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ Но начавъ молитву принужденъ былъ остановиться—и залился слезами. Государь и Государыня плакали также—Наслѣдникъ прочитавъ молитву кинулся обнимать отца, который разцеловалъ его въ лобъ и въ очи и въ щеки — и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялися въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ подъ знаменами была повтореніемъ первой—и охолодила дѣйствіе — Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища— || Многіе плакали; а кто не плакалъ тотъ отиралъ сухія глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу; мнѣ надобно было свидиться съ К. И. З. — Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворныя ропщутъ; ихъ не пустили въ церковь, куда говорятъ всѣхъ пускали— Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самыя торжественныя. Филаретъ сочинялъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для пареміи Главу изъ Книги Царствъ—гдѣ между прочимъ ска | зано что Царь собралъ тысящниковъ, и сотниковъ, и Евнуховъ своихъ. К. А. Нар... сказалъ что это искусное примѣненіе къ Камеръ-герамъ—а въ городѣ стали говорить что во время службы будутъ молиться за Евнуховъ. Принуждены были слово Евнухъ замѣнить другимъ—

27²

28

28²

Стр. 6. В. Кн.—великій князь Александръ Николаевичъ.
Стр. 20. К. И. З.—Екатерина Ивановна Загряжская.
Стр. 30. К. А. Нар.—Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ Канцлеромъ.

Мердеръ умеръ—человѣкъ добрый и честный незамѣнимый. В. Кн. еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости—Откроютъ ему послѣ бала 28го. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новогородскій пріѣхалъ въ П. Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни, и для принятія приказаній нащетъ бумагъ у Графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ. 29

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышешь вездѣ одно и тоже—Одна См.—по прежнему мила, и холодна къ окружающей суетѣ—Дай Богъ ей щастливо родить, а страшно за нее— 29²

3 Мая. Прошедшаго апр. 28 былъ наконецъ балъ данный Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія В. Кн. Онъ очень удался, какъ говорятъ—Не было суматохи при разъѣздѣ, ни нещастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское село.

Мердеръ умеръ въ Италіи—Великому Князю очень къ нему привязанному, не объявляли о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о Русскихъ подданныхъ прибывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются изключенія то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства. 30

Гуляніе 1го мая не удалось отъ дурной погоды—

Стр. 16. См.—Смирнова, А. О.

lib.pushkinskijdom.ru

было экипажей десять. Гр. Хреб. однако поплелась туда-же, мало ей разсѣянія. Случилось нещастіе: какая то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и | нѣ- 30²
сколько людей бывшихъ на ней ушиблись. Къ стати вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа

Хв... нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы Русской скупость,
Самодержавіе Петра,
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою Комедію Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей записки

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle.
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole
et cet.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ! будетъ Графъ Ламберъ и съ
нимъ его супруга.
Зовите жъ и Лаваль—

Лифл. Дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишь, и по дѣломъ.

10 мая. Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж. 31
записочку изъ Ц. с. Онъ увѣдомлялъ меня что какое то письмо мое ходитъ по городу, и что Г. объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ исполненныхъ отвратительнаго пахабства и которыя публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Москов-

---

Стр. 1. Гр. Хреб.—Графиня Хребтовичъ.
Стр. 7. Хв.—Хвостовымъ,—гр. Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ.
Стр. 12. Слова: «на свой вечеръ» вписаны между строкъ.
Стр. 25. Г.—Государь

lib.pushkinskijdom.ru

ская почта разпечатала письмо писанное мною Н. Н., и нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В. Кн. писанный видно слогомъ не офиціальнымъ, донесла обо всемъ Полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г[№], который сгоряча также его не понялъ. | Къ щастію, письмо показано было Ж., который и 31[2] объяснилъ его. Все успокоилось. Г. неугодно было что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію—Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ,—но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего Правительства! Полиція разпечатываетъ письма мужа къ женѣ, и приноситъ ихъ читать Царю (человѣку благовоспитанному и честному) и Царь не стыдится въ томъ признаться—и давать ходъ интригѣ достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавнымъ. 32

12 Вчера былъ парадъ который какъ то не удался Г. посадилъ наслѣдника подъ арестъ на дворцовую обвахту за то что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія, выпросилъ маіоратство для Грузина, предоставя себѣ избрать себѣ наслѣдника, а въ случаѣ незапной смерти поручая то Государю.—Онъ умеръ не написавъ духовной, и не причастившись; потому что по его мнѣнію дол женъ онъ былъ дожить до 30 августа, дня 32[2] открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ Графу А.—кадетской Новогородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

21 вчера обѣдалъ у См. съ Полетикой, съ Вельг., и съ Жук. Разговоръ коснулся Екатерины. Пол.

Стр. 8—9. Не съ умиленіемъ.—было: «съ не умиленіемъ».
Стр. 26. Слово: «то» вписано между строкъ.
Стр. 33. См.—Смирновы, Н. М. и О. А.

lib.pushkinskijdom.ru

разказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивой, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему, и обнялъ его говоря: Ахъ ты мой красавецъ!—Чертковъ былъ очень дуренъ лицемъ. Онъ осердился и обратясь къ Зубову сказалъ || ему: Я сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу. 33
Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ-же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить т а к о г о т о (Черткова по им. и оч.) а я его помню, и могу Васъ увѣрить что онъ очень былъ недуренъ.

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали, но воцарился Павелъ, и негодованіе увеличилось. Laharpe показывалъ письма молодаго Великаго Князя (Александра) въ которыхъ сильно вы | ражается это чувство—Я видѣлъ письма 33^2
его-же Ланжерону въ которыхъ онъ говоритъ столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu, et rarement, car je suis sous la hache. Ланжеронъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: voilà comme il m'écrivait; il me traitoit de son ami, me confiait tout—aussi lui étois-je dévoué. Mais à présent ma foi, je suis prêt à detacher ma propre écharpe. Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, || что давъ свободу и конституцію 34
землѣ своей, онъ отречется отъ трона, и удалится въ Америку. Пол. сказалъ: L'Emp. Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionaire. Кто-то сказалъ о Гос. Il y a beaucoup du Praporchique en lui, et un peu du Pierre le-Grand.

2 іюня.

Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія

Стр. 2. Неустойчивой,—вѣроятно, вмѣсто: неуступчивый.

lib.pushkinskijdom.ru

с у с п и ц і и, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена-
| Блай недоволенъ—Онъ говоритъ, mais Medeme c 'est 34²
un tout jeune homme—c'est à dire un blanc-bec—
Гос. не хотѣлъ принять Каннинга (Strangfor) потому что будучи Вел. Кн. имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26 мая былъ я на параходѣ и провожалъ Мещерскихъ отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел. Кнѣ. Насъ было человѣкъ 8; между прочимъ Красовскій (славный ценсоръ) В. К. спросила его: Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paroit. Oui, 35
V. A. I., отвѣчалъ онъ la littérature actuelle est si detestable que c'est un supplice. В. Кн. скорѣй отъ него отошла—Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К. А. Она ѣдетъ въ Таицы принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу моему прадѣду. У нее былъ Вяз. Жук. и Пол. — Я очень люблю Полѣтику — Говорили много о Павлѣ Iмъ—романтическомъ нашемъ Императорѣ.

3го іюня обѣдали мы у Вяз. Жук. Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его правленіи въ 35²
Валахіи. Онъ можетъ самый замѣчательный изъ нашихъ Государственныхъ людей, не изключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См... игралъ. выигралъ 1,200 р.

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишеневѣ онъ ихъ мнѣ читалъ) Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты

Стр. 5. Strangfor—такъ въ рукописи, вмѣсто Stratford.
Стр 10. Вел. Кн.– великая княгиня Елена Павловна.
Стр 14. Послѣ la зачеркнуто: lecture.
Стр 17. К. А.—Екатерина Андреевна Карамзина.

lib.pushkinskijdom.ru

видѣлъ? Что я видѣлъ? возразилъ Б. || Да я видѣлъ 36
такія вещи о которыхъ никто и понятія не имѣетъ. Начиная съ того что я видѣлъ голую жопу Государыни (Екатерины II, въ день ея смерти)
Гр. Фикельмонъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живетъ.

19 числа послалъ 1000 Нащ. Славу Богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти Кн. Кочубея Оно произвело сильное дѣйствіе; Государь былъ неутѣшенъ. Новыя министры повѣсили голову. Казалось, смерть такова ничтожнаго человѣка не должна, | была сдѣлать никакого переворота въ 36²
теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ Государственныхъ людяхъ, что и Кочубея некѣмъ замѣнить! Вотъ сужденія о немъ: C'étoit un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre etc... Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе.— || Дѣло въ томъ что онъ былъ 37
человѣкъ хорошо воспитанный—и это у насъ рѣдко; и за то спасибо. О Кочубеѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Графъ Викторъ Кочубей
Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей,
Не знаю, чортъ меня убей.

Согласенъ; но эпиграму припишутъ мнѣ, и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь Прусской Кронъ Принцъ съ его женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ, и у ней глаза разболѣлись.

Стр. 7. Нащ.—Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ.

Стр. 27. Противъ послѣдней строки на полѣ рукой П. А. Вяземскаго: «надобно было-бы кончить:

Не знаю, хоть убей.»

lib.pushkinskijdom.ru

22 іюля—прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ — но все перемололось—Однако это мнѣ не пройдетъ—

| Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади 37²
и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ— Арнтъ объявилъ что онъ внѣ опасности — Подъ Остерлицомъ онъ изкрошилъ кавалергардовъ—Долгъ платежемъ красенъ—

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ Кн. Трубецкому. Екатерина купила его, и помѣстила въ немъ сенатъ—

9 авг. Трощинскій въ концѣ Царствованія Павла, былъ въ опалѣ. Изключенный изъ службы просился онъ въ деревню. Государь, ему на зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ П.Б., никуда не | являясь, сидя дома вставая рано, ложась 38
рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъ-егерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаевшемъ снѣгу отыскалъ камень, и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота—и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому объявляя ему что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять что съ нимъ дѣлается— 38²
Наконецъ видитъ онъ что ведутъ его на половину Великаго Князя Александра Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ произшедшей въ Государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Панинъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ Императоромъ. Трощинскій нашелъ Государя въ мундирѣ облакотившимся на столъ, и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею, и сказалъ: будь моимъ руководителемъ. Тутъ

Стр. 4. «На маневрахъ»—вписано на полѣ.
Стр. 17. Цифра 2 поправлена изъ какой-то другой.

lib.pushkinskijdom.ru

былъ тотъ-часъ-же написанъ манифестъ и подписанъ Госу|даремъ не имѣвшимъ силы ничѣмъ за- 39
няться.

28 ноября

я ничего не записывалъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ я былъ въ отсутствіи—выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской колонны чтобъ не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ амеръ-юнкерами — своими товарищами — былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ—видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ— можетъ быть это пройдетъ — Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ | пьяные ямщики чуть меня не убили—Но я 39²
поставилъ на своемъ—Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они—Намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь. Гр. Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ—и увѣряютъ что Церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь а при ней школа, полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ.—Въ Зав. прожилъ я 2 недѣли потомъ привезъ Н. Н. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ || Нижегородскую 40
деревню гдѣ управители меня морочили—а я передъ ними шарлатанилъ, и кажется неудачно—воротился къ 15 окт. въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ Я ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. В. Кн. Мих. Павл. привезъ эту новость на балъ Бутурлина—балъ былъ прекрасенъ. воротился въ 3 ч.

5 дек. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ—у меня еще нѣтъ мундира—Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами—

Стр 23 Зав. — Полотняные Заводы (имѣніе Гончаровыхъ).

lib.pushkinskijdom.ru

молококосами 18-тилѣтними. Царь разсердится—да 40[2]
что мнѣ дѣлать? Покамѣсть давайте злословить.

Въ бытность Его въ Москвѣ нынѣшняго году много было проказъ—Москва, хотя ужъ и не то что прежде, но все таки имѣетъ еще похоти боярскія des velléités d'Aristocratie. Царь мало занимался старыми сенаторами заступившими мѣсто Екатерининскихъ Бригадировъ—они роптали глядя какъ онъ ухаживалъ за молодою Кн. Д (за дочерью Сашки Булгакова! говорили ворчуны съ негодованіемъ)

Царь однажды пошелъ за кулисы и на сценѣ разговаривалъ съ московск Актрисами; Это еще менѣе по- 41
нравилось публикѣ. Въ бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Галиц. взялъ на себя должность полицейскаго сыщика, одѣвался жидомъ и проч. Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ!—Въ Н. Новѣгородѣ Царь былъ очень суровъ, и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера балъ у Лекса. Я зналъ его въ 821 году въ Кишеневѣ. У него не было кровати, онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову что Лексъ человѣкъ умный и дѣловой.

Въ тотъ-же день балъ у Салт.—N. N. сказала voilà M-me Jermoloff, la sale. (Lassale) Ермолова и 41[2]
Курваль (дочь Ген. Моро) всѣхъ хуже одѣваются.

Я все таки не былъ 6го во дворцѣ—и рапортовался больнымъ. За мною Царь хотѣлъ прислать фельдъ-егеря или Арнта.—

18го дек. третьяго дня былъ я наконецъ въ А опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-

---

Стр. 9. Кн. Д.—княгиня Долгорукова.
Стр. 11. На сценѣ: въ рукописи: на стѣнѣ.
Стр. 19. Балъ—повидимому, описка, вмѣсто: былъ.
Стр. 20 Въ А.—въ Аничковомъ Дворцѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Скотта. Придв. лакей по утру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8½ въ А., мнѣ въ мунд. фракѣ, Н. Н. какъ обыкновенно.—Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Г. Бобр., которая || всегда за меня лжетъ и вывозитъ меня изъ хлопотъ. 42
Она замѣтила что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ, (не по формѣ: въ А. ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще не все) Гостей было уже довольно, балъ начался контрдансами. Гня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ; Гъ въ кавалергардск. мундирѣ. Гя очень похорошѣла. Г. Бобр. замѣтя мою △ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли — Вообще балъ мнѣ понравился. Грь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. | Тутъ-же были молодыя сыновья Кеннинга и Веллингтона.—У Дуро спросили какъ находитъ онъ балъ: Je m'ennui, отвѣчалъ онъ—Pourquoi celà?—On est debout et j'aime à être assis. 42²

Я заговорилъ съ Ленскимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ.— — Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne.—Choisissez un terrain neutre, chez l'Amb d'Autr., par exemple. Балъ кончился въ 1½.

Утромъ того-же дня встрѣтилъ я въ Дв. саду, В. Кн.—Что ты одинъ здѣсь философствуешь?— || Гуляю 43
—Пойдемъ вмѣстѣ. Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню въ вашемъ семействѣ мущины молодые оплѣшивливаютъ—Государь Ал., и К. П. оттого рано оплѣшивили что при Отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса; На морозѣ сало леденѣло—и волоса лѣзли. Нѣтъ-ли новыхъ каламбуровъ?—есть, да не хороши, не смѣю представить ихъ В. Ву—У

Стр. 4. Г. Бобр.—графиня Бобринская, Анна Владиміровна.
Стр. 12. Гр. Бобр.—графъ Бобринскій, Алексѣй Алексѣевичъ.
Стр. 26—27. В. Кн.—великій князь Михаилъ Павловичъ.
Стр. 30. К. П.—вел. кн. Константинъ Павлович[illegible].

lib.pushkinskijdom.ru

меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ.—Доведши В. Кн. до моста, я ему откланился (вѣроятно противу Етикета).

| Вчера (17) вечеръ у S — Разговоръ съ Нордингомъ о Р. дворянствѣ, о гербахъ, о семействѣ Екатерины I^ой etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого въ Гербѣ Кн. Вяземскихъ, Ржевскихъ, пушка. Многіе изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ. 43²

22 дек. суббота—въ середу былъ я у Хитр—имѣлъ долгій разговоръ съ В. Кн. — Началось журналами: Вообрази какую глупость напечатали въ Сѣв. Пч.: Дѣло идетъ о пребываніи Г^ра въ Москвѣ. Пч. говоритъ: Г. И., обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и || съ высоты краснаго крыльца н и з к о (низко!) поклонился народу». Этаго не довольно: журналистъ дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть Вел. Г^ра преклоняющаго священную главу передъ гражданами Московскими!—Не забудь что это читаютъ лавочники. В. Кн. правъ а журналистъ конечно глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В. К. былъ противу постановленія о почетномъ гражданствѣ: зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую цѣль честолюбія? За чѣмъ составлять t,i e r s, é t a t, сію вѣчную стихію мятежей и опозиціи? | Я замѣтилъ 44²
что или дворянство не нужно въ Государствѣ, или должно быть ограждено и недоступно иначе какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по изключительной волѣ Г^ра, а по порядку службы, то вскорѣ дворянство не будетъ существовать или (что все равно) все будетъ дворянствомъ. Что касается до tiers état; что-же 44

Стр. 4. О Р. дворянствѣ—русскомъ дворянствѣ.

Стр. 6. Ржевскихъ—приписано на полѣ.

Стр. 13. Г. И.—Государь Императоръ.

Стр. 21. Гражданствѣ—поправка между строкъ, было: дворянствѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

значитъ наше старинное дворянство съ именіями, уни || чтоженными безконечными раздробленіями, съ 45 просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу Аристократіи, и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Эдакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 декабря? Одни Дворяне. сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous... etc. В. Кн. былъ очень любезенъ и откровененъ. Vous êtes bien de votre famille, сказалъ я ему tous les Romanof 45² sont révolutionnaires et niveleurs.—Спасибо: такъ ты меня жалуешь въ якобинцы! благодарю, voilà une réputation qui me manquait. Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его Высочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!—

Censоръ Никитенко на обвахтѣ подъ арестомъ и вогъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ. 46 Смирдина переводъ оды В. Юго: въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ, за поцелуй Милены или Хлои. Митрополитъ (которому досугъ читать наши бредни) жаловался Государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина—Отселѣ буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой ругъ, когда бы былъ ты Богъ
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бъ я былъ Архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи пля | сать французскій кадриль. А 46²

Стр. 2. Слово «безконечными» вставлено между строкъ.

Стр. 7. Слова: «сколько жъ ихъ» вписаны между строкъ вмѣсто зачеркнутаго: Что же.

Стр. 20. Библ.—«Библіотека для чтенія».

lib.pushkinskijdom.ru

все виноватъ Глинка (Ѳедоръ) Послѣ его ухорскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, Ценсоръ подумалъ, что Онъ пустился во все тяжкое... Псаломъ Глинки уморительно смѣшонъ.

1835

8 янв. Начнемъ новый годъ злословіемъ, на щастіе....

Брилліанты и дорогіе каменья были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ брилліанты Н. Н. заложенныя въ Московскомъ Ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки — не согласившись продать ихъ за бѣзцѣнокъ. Нынче узнаю что брилліанты опять возвысились, ихъ требуютъ въ Кабинетъ, и вотъ по какому случаю. 47

Недавно Государь приказалъ К. В. принести къ нему изъ кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось какъ въ 9,000 руб.—К. В. принесъ табакерку. Государю показалась она довольно бѣдна. Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В.—Если такъ, дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь: я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ—возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать 47[1] брилліанты — Теперь въ кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60,000 р.

В. Кн. взяла у меня Записки Екатерины II и сходитъ отъ нихъ съ ума.

6го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка—

Въ концѣ прошлаго года свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять В. Кн[ю]. Ея лакей повздорилъ со швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ по-

Стр. 3. Въ ркп. ошибочно: Ценсуръ.
Стр. 16. К. В.—князь Волконскій. Петръ Михайловичъ.
Стр. 26. В. Кн.—великая княгиня Елена Павловна.

lib.pushkinskijdom.ru

садилъ его на обвахту—и К. Н. принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками; || но 48
такой скотины каковъ Мартыновъ, мы еще не видали.

6го балъ придворный (приватный маскарадъ) Дворъ въ мундирахъ временъ Павла Iго; Г. Панинъ (товарищъ министра) одѣтъ дитятей. Бобр. Брызгаловымъ (кастеланомъ Мих. замка; полуумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ, въ сопровожденіи двухъ колекъ—сыновей, одѣтыхъ скоморохами. Замѣч. для потомства) Гос. Полковникомъ Изм. полка. etc. въ городѣ шумъ. Находятъ это все непріличнымъ—

| *Февраль* 48²

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ. Шишъ потомству.

На дняхъ въ театрѣ Г. Фикельмонъ говоря что Bertrand и Raton не были играны на П. Б. театрѣ, по представленію Блума, Датскаго посланика (и нашего стариннаго шпіона) присовокупилъ: Je ne sais pourquoi; Dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

|| Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго будто 49
бы онъ лютеранинъ — Павскій отставленъ отъ В. Князя. Митрополитъ и Cунодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Гос. сказалъ что въ дѣлахъ Духовныхъ онъ не судія; но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго, и добраго священика! Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ, за то что онъ зная Еврейскій языкъ,

---

Стр. 1. К. Н.—Екатерина Николаевна Гончарова.
Стр. 10. Колекъ—т. е. калѣкъ.
Стр. 20. Въ рук. описка: представлю.

lib.pushkinskijdom.ru

доказалъ какую-то нелѣпость въ корняхъ президента. | Митрополитъ на мѣсто Павскаго, предлогалъ 49²
попа Кочтова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ
и выбралъ другова, человѣка, говорятъ, очень по-
рядочнаго. Этотъ пріѣзжалъ къ митрополиту, а ста-
рый лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Госу-
дарю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже не покупаютъ—Уваровъ, большой подлецъ. Онъ кричитъ о моей | книгѣ какъ о возмутительномъ 50
сочиненіи. Его клеветъ Дундуковъ (дуракъ и Бар-
дашъ) преслѣдуетъ меня своимъ ценсурнымъ коми-
тетомъ. Онъ не соглашается чтобъ я печаталъ свои
сочиненія съ одного согласія Государя. Царь лю-
битъ да Псарь не любитъ. Къ стати объ Уваровѣ:
Это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его
извѣстенъ. Низость до того доходитъ, что онъ у дѣ-
тей Канкрина былъ на посылкахъ. Объ немъ ска-
зали что онъ началъ тѣмъ что былъ б..., потомъ нянь-
кой, и попалъ въ Презид. Ак. Наукъ какъ Кн. Даш-
кова, въ през. Р. Ак.—Онъ кралъ | казенныя дрова и 50²
до сихъ поръ на немъ есть счеты—(у него 11,000 душъ)
казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную
работу. etc. etc. Дашковъ (министръ) который
прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтилъ Жук.
подъ руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону,
говоря: какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ
такимъ человѣкомъ!

| Ценсура не пропустила слѣдующія стихи въ сказкѣ 51
моей о золотомъ пѣтушкѣ

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложъ, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Времена Красовскаго возратились. Никитенко глупѣе Бирукова.

Стр. 21. Въ през. Р. Ак.—въ президенты Россійской Академіи.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

ДЛЯ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА

ПО ЕГО ДНЕВНИКУ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

для біографіи А. С. Пушкина по его Дневнику.

Дневникъ Пушкина былъ уже использованъ для составленія хронологической канвы Н. О. Лернеромъ въ его книгѣ: „Труды и дни А. С. Пушкина“ (2-е изд. СПб., 1910). Однако въ этой книгѣ помѣщено далеко не все, что можно извлечь изъ Дневника; встрѣчаются въ ней также нѣкоторыя, правда немногія и маловажныя, погрѣшности и неточности. Въ предлагаемой теперь вниманію читателя канвѣ приводится все существенное изъ Дневника, благодаря чему она представляетъ собой какъ бы экстрактъ его содержанія. Назначеніе канвы заключается, съ одной стороны, въ томъ, чтобы облегчить пользованіе Дневникомъ, а съ другой—въ томъ, чтобы установить строго хронологически послѣдовательность фактовъ и событій изъ жизни Пушкина, упоминаемыхъ въ его Дневникѣ, въ виду того, что въ запискахъ Дневника они приводятся иногда внѣ ихъ дѣйствительной послѣдовательности; поэтому въ настоящей канвѣ принято за правило датировать факты изъ жизни Пушкина, а не записи о нихъ.

lib.pushkinskijdom.ru

1833.

24 ноября. Обѣдъ у Ек. А. Карамзиной; встрѣча съ Жуковскимъ; раутъ у гр. Фикельмонъ (Суццо, разговоръ съ нимъ о Пестелѣ).

27 ноября. Обѣдъ у Энгельгардта (разговоръ о Сухозанетѣ); вечеръ у кн. Вяземскаго.

28 ноября. Раутъ у С. В. Салтыкова.

29 ноября. Свѣтскіе толки о назначеніи Сухозанета, о дамскихъ мундирахъ и о дѣлѣ Бринкена. Отмѣтка о представленіи 28 ноября трагедіи „Les Enfants d'Edouard". Упоминаніе объ Экернѣ. Балъ у Бутурлина, разговоръ съ Блаемъ.

2 декабря. Гоголь читалъ Пушкину сказку: „Какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимофеевичемъ".

4 декабря. Вечеромъ у Н. К. Загряжской — разговоръ о Екатеринѣ II и кн. Дашковой. Замѣтка о побочной дочери имп. Елисаветы Петровны, Будаковой. Замѣтка о запискахъ имп. Александры Ѳедоровны, Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳедоровны.

6 декабря. Обѣдъ у А. А. Бобринскаго (Мятлевъ читалъ свои стихи).

11 декабря. Получилъ приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться на другой день утромъ.

12 декабря. Былъ у Бенкендорфа — возвращенъ „Мѣдный Всадникъ" съ замѣчаніями Государя.

14 декабря. Обѣдъ у Блая, вечеръ у Смирновой. Замѣтка о Кочубеѣ и Нессельродѣ, получившихъ по двѣсти тысячъ рублей на прокормленіе крестьянъ.

16 декадря. Балъ у Кочубея.

lib.pushkinskijdom.ru

17 декабря. Вечеръ у Жуковскаго (нѣмецкій amateur, Тиковъ ученикъ, читалъ „Фауста“ .

30 декабря. Пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

31 декабря. Встрѣча Новаго года у Н. К. Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о собраніи законовъ, о началѣ царствованія Александра, о Ермоловѣ.

1834.

1 января. Отмѣтка о семейной исторіи Безобразовыхъ, о своемъ камеръ-юнкерствѣ.

6 января. У Пушкина былъ Вигель: его разсказъ о пророческомъ снѣ, связанномъ со смертью Екатерины II.

7 января. Отмѣтка о словахъ Государя, сказанныхъ про Пушкина, и о томъ, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ поздравилъ Пушкина съ камеръ-юнкерствомъ.

17 января. Балъ у графа Бобринскаго, разговоръ съ Государемъ (объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“) и съ Государыней.

23 января. Былъ званъ въ Аничковъ, но уѣхалъ оттуда, оставивъ Наталью Николаевну; недовольство по этому поводу Государя; вечеромъ у Салтыкова.

25 января. Балъ у кн. Трубецкого.

26 января. Замѣтка о пріемѣ на русскую службу барона Д'Антеса и маркиза Де-Пина.

25 февраля. На придворномъ балу разговоръ Государя съ Пушкинымъ.

26 февраля. Балъ у графа Шувалова (на балу присутствовалъ цареубійца Скарятинъ).

27 февраля. Обѣдъ у графа Бобринскаго.

28 февраля. Балъ у австрійскаго посла гр. Фикельмона. Отмѣтка о прошедшемъ мѣсяцѣ, о своемъ представленіи Государю, о его позволеніи печатать „Пугачева“ и о возвращеніи рукописи съ замѣчаніями.

3 марта. Вечеръ у князя В. Ѳ. Одоевскаго.

4 марта. Послѣдній день масляницы. Утренній и вечерній балъ во дворцѣ, Пушкинъ съ женой на вечернемъ балу.

lib.pushkinskijdom.ru

6 марта. Царь далъ Пушкину взаймы 20 тысячъ рублей на изданіе „Пугачева“. Отмѣтка о свѣтскихъ толкахъ по поводу одной любовной исторіи. Замѣтка о томъ, какъ Николай принялъ извѣстіе о казни декабристовъ (13 іюля 1826 г.).

7 марта. У Смирновой. Отмѣтка о разговорѣ Жуковскаго со Скарятинымъ на балу у Фикельмона; замѣтка о княжнѣ Туркестановой и объ Аракчеевѣ.

15 марта. Разговоръ на обѣдѣ у австрійскаго посла Фикельмона объ убійствѣ Павла I.

16 марта. Литературное совѣщаніе у Греча по поводу изданія русскаго Conversation's Lexicon'а, задуманнаго Плюшаромъ. Встрѣча съ Галичемъ.

17 марта. Отмѣтка о предстоящихъ балахъ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника и о замужествѣ графини Полье.

18 марта. У князя Мещерскаго. Изъ кареты Пушкина украли подушки.

20 марта. Отмѣтка о нѣкоемъ Карцовѣ.

25 марта. Обѣдъ у Сперанскаго, разговоръ о ссылкѣ въ 1812 году. Отзывъ Пушкина о Сперанскомъ и Аракчеевѣ.

29 марта. Обѣдъ у кн. Н. Трубецкого съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ и Н. Кукольникомъ.

2 апрѣля. Отзывъ о Кукольникѣ, Хомяковѣ и бар. Розенѣ. Отмѣтка о выборахъ въ Англійскомъ клубѣ (по поводу забаллотированія камеръ-юнкера Смирнова). Отмѣтка о томъ, что Одоевскій, Гаевскій, Зайцевскій и Пушкинъ исключены изъ числа издателей Conversation's Lexicon'а.

6 *апрѣля.* Раутъ у гр. Фикельмонъ.

7 апрѣля. Отмѣтка о запрещеніи „Телеграфа“, о томъ, что „Пиковая дама“ въ большой модѣ, и что Гоголь, по совѣту Пушкина, началъ „Исторію русской критики“. Раутъ у князя Одоевскаго.

8 апрѣля. Представленіе Царицѣ. Встрѣча съ Вольховскимъ, товарищемъ по Лицею.

9 апрѣля. Вечеръ у С. С. Уварова.

10 апрѣля. Замѣтка о Свиньинѣ и о Полевомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

11 апрѣля. Получилъ отъ графа Строганова номеръ „Франкфуртскаго журнала“ съ опроверженіемъ статьи Лелевеля о Пушкинѣ.

13 апрѣля. Концертъ въ пользу бѣдныхъ.

14 апрѣля. Отмѣтка о томъ, что слухъ объ арестѣ Полевого оказался вѣренъ.

15 апрѣля. Проводилъ Наталью Николаевну до Ижоръ. Получилъ приглашеніе на Дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литта.

16 апрѣля. Слухъ объ указѣ, отмѣняющемъ право русскихъ подданныхъ проживать заграницей.

25 апрѣля. Отмѣтка о празднованіи совершеннолѣтія Наслѣдника, на которомъ самъ Пушкинъ не присутствовалъ. Отмѣтка о смерти Мердера и Аракчеева.

28 апрѣля. Дворянскій балъ по случаю совершеннолѣтія Наслѣдника.

3 мая. Указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ: сужденіе о немъ Пушкина. Отмѣтка о гуляніи 1-го мая и о томъ, что Гоголь читалъ свою комедію у Дашкова.

10 мая. Отмѣтка о запискѣ Жуковскаго съ увѣдомленіемъ о распечатанномъ Московской полиціей письмѣ Пушкина къ женѣ.

12 мая. Замѣтка объ Аракчеевѣ.

20 мая. Обѣдъ у Смирновой съ Полетикой, Вьельгорскимъ и Жуковскимъ. Разсказы Полетики о Екатеринѣ.

21 мая. Замѣчанія Пушкина о концѣ царствованія Екатерины и объ Александрѣ I.

26 мая. Проводилъ на пароходъ семью Мещерскихъ, отправлявшихся въ Италію.

27 мая. Представленіе вел. кн. Еленѣ Павловнѣ вмѣстѣ съ цензоромъ Красовскимъ; разговоръ великой княгини съ Пушкинымъ о Пугачевѣ.

1 іюня. Вечеръ у Ек. А. Карамзиной; были—Жуковскій и Полетика; разговоръ о Павлѣ I.

3 іюня. Обѣдъ у Вяземскаго—съ Жуковскимъ, Давыдовымъ и Киселевымъ. Вечеръ у Смирновой. Пушкинъ выигралъ 1200 рублей. Отмѣтка о генералѣ Болховскомъ (со словъ Киселева).

lib.pushkinskijdom.ru

19 іюня. Отмѣтка о посланныхъ Нащокину 1000 рубляхъ, о смерти князя Кочубея и о впечатлѣніи, произведенномъ ею въ свѣтѣ.

22 іюля. Отмѣтка о несостоявшейся попыткѣ Пушкина выйти въ отставку и о несчастномъ случаѣ съ маршаломъ Мезономъ.

9 августа. Разсказъ о Трощинскомъ и о воцареніи Александра I.

27 ноября. Балъ у Бутурлина.

28 ноября. Объясненіе трехмѣсячнаго пропуска въ „Дневникѣ" и разсказъ о своей жизни въ теченіе этого времени. Отмѣтка объ окончаніи печатанія „Пугачева".

4 декабря. Былъ у стараго Кишиневскаго знакомаго—Лекса. Вечеромъ балъ у Салтыкова.

5 декабря. Отмѣтка о своемъ положеніи при Дворѣ, о пребываніи Царя въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ.

6 декабря. Не былъ во дворцѣ на торжественномъ выходѣ—рапортовался больнымъ.

16 декабря. Утромъ встрѣча во Дворцовомъ саду съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ и бесѣда съ нимъ. Вечеромъ въ Аничковомъ дворцѣ на балу. Разговоръ съ Ленскимъ о Мицкевичѣ и о Польшѣ.

17 декабря. Вечеръ у S. Разговоръ съ Нордингомъ о русскомъ дворянствѣ, о гербахъ, о семействѣ Екатерины I.

19 декабря. Балъ у Е. М. Хитрово; длинный разговоръ съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ—о замѣткѣ въ „Сѣверной Пчелѣ" по поводу пребыванія Государя въ Москвѣ, о дворянствѣ, о почетномъ гражданствѣ, о воспитаніи.

22 декабря. Отмѣтка объ арестѣ цензора Никитенка.

1835.

6 января. Приватный маскарадъ при дворѣ; отмѣтка о вызванныхъ имъ неодобрительныхъ толкахъ.

8 января. Замѣтка по поводу кн. Волконскаго и полученной имъ въ подарокъ отъ Государя табакерки. Замѣчаніе о брилліантахъ жены, которые Пушкинъ принужденъ былъ заложить. Отмѣтка о томъ, что вел. княгиня Елена Павловна взяла у Пушкина

lib.pushkinskijdom.ru

записки Екатерины II; случай со свояченицей Пушкина Екатериной Николаевной; отзывъ о комендантѣ Мартыновѣ.

Февраль. Усиленныя занятія (съ января) исторіей Петра Вел. Отмѣтка объ отставкѣ Павскаго и о томъ, что въ публикѣ очень бранятъ „Пугачева“. Рѣзкій отзывъ объ Уваровѣ и Дундуковѣ. Исключеніе цензурой двухъ мѣстъ изъ „Сказки о Золотомъ пѣтушкѣ“. Отзывъ о цензорѣ Никитенкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

КОММЕНТАРІИ

КЪ ДНЕВНИКУ ПУШКИНА

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 55 (2). Карамзина, Екатерина Андреевна (1780—1851) урожденная княжна Вяземская, сестра писателя кн. Петра Андреевича Вяземскаго и вдова историографа Николая Михайловича Карамзина. Въ ея гостиной, наряду съ представителями свѣтскаго общества, собирались также и литературные дѣятели, преимущественно изъ числа прежнихъ „арзамасцевъ". Гр. Сологубъ въ своихъ Воспоминаніяхъ пишетъ объ этомъ литературномъ салонѣ 20—30-хъ годовъ: „Самой остроумной и ученой въ Петербургѣ была, разумѣется, гостиная г-жи Карамзиной. Все, что было извѣстнаго и талантливаго въ столицѣ, каждый вечеръ собиралось у Карамзиныхъ; пріемы отличались самой радушной простотой; дамы пріѣзжали въ простыхъ платьяхъ, на мужчинахъ фраки были цвѣтные, и то только потому, что другой одежды не носили. Но не смотря на это пріемы эти носили отпечатокъ самаго тонкаго вкуса, самой высокопробной порядочности" (Воспоминанія гр. В. А. Сологуба. Спб. 1887, стр. 135). По свидѣтельству Вигеля, Е. А. Карамзина отличалась нѣкоторой холодностью и сдержанностью въ обращеніи съ людьми, что однако не исключало въ ней возможности проявленія скрытой душевной теплоты (Записки Ф. Ф. Вигеля, часть IV-я. Москва. 1892. Стр. 125). А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ также указываетъ на эти черты характера Е. А. Карамзиной, называетъ ее „гордой, даже надменной", отмѣчаетъ нѣкоторую чопорность (morgue) въ ея манерѣ держать себя въ обществѣ (Рус. Старина, 1870, изд. 3-е, т. I, стр. 235). Сама Карамзина въ письмѣ къ Пушкину, написанномъ въ отвѣтъ на его сообщеніе о своей женитьбѣ, писала ему, что „malgré ses dehors froids et sévères", ея сердце преисполнено чувства любви и преданности къ людямъ, ей близкимъ и дорогимъ (Переписка Пушкина, изд. Имп. Академіи Наукъ, подъ ред. В. И. Сантова; т. II, стр. 229). —Что касается до Пушкина, то, относясь съ глубокимъ піэтетомъ ко всему, связанному съ именемъ Карамзина, „священной памяти" котораго онъ посвятилъ своего „Бориса Годунова", Пушкинъ перенесъ это отношеніе и на его вдову. Хо-

lib.pushkinskijdom.ru

рактерно, что къ ней обращаются мысли Пушкина именно въ рѣшительные моменты его жизни: такъ, напр., готовясь вступить въ бракъ, онъ, въ отвѣтъ на поздравленія князя Вяземского, пишетъ ему (2 мая 1830 г.): „Сказывалъ ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи, но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому". Впослѣдствіи, на смертномъ одрѣ онъ также вспомнилъ о Карамзиной и пожелалъ ее видѣть, а когда она пріѣхала, то попросилъ перекрестить его и поцѣловалъ у ней руку (см. письмо В. А. Жуковскаго къ С. Л. Пушкину отъ 15 февраля 1837 г., съ описаніемъ послѣднихъ дней и минутъ Пушкина).

Стр. 35 (2). Жуковскій, Василій Андреевичъ (1783—1852) принадлежалъ къ числу наиболѣе близкихъ къ Пушкину лицъ. Существуетъ вполнѣ правдоподобное предположеніе, что начало ихъ личнаго знакомства относится еще ко времени отрочества Пушкина, когда Жуковскій подолгу проживалъ въ Москвѣ (напр., въ 1808—1810 гг.) и вращался въ томъ же кругу общества, къ которому принадлежалъ и отецъ поэта Сергѣй Львовичъ; съ братомъ его, извѣстнымъ стихотворцемъ Василіемъ Львовичемъ, онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ (см. статью Бартенева въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1854 г., № 71). Жуковскій одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ дарованіе молодого поэта, еще во время его пребыванія въ Царскосельскомъ лицеѣ; И. В. Кирѣевскій сохранилъ его отзывъ по поводу стихотворенія лицеиста-Пушкина: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ" (1815 г.): прочитавъ его, Жуковскій будто-бы воскликнулъ: „Вотъ у насъ настоящій поэтъ!" (Академическое изданіе сочиненій Пушкина, подъ редакціей Л. Н. Майкова. Т. I-й, примѣчанія, стр. 90). Есть свѣдѣнія, что осенью 1815 года Жуковскій посѣтилъ Пушкина въ Лицеѣ и подарилъ ему экземпляръ только что вышедшаго въ свѣтъ перваго изданія своихъ стихотвореній; этотъ подарокъ имѣлъ для юноши-поэта столь важное значеніе, что онъ внесъ упоминаніе о немъ въ свои лицейскія записки, отрывокъ изъ коихъ дошелъ до насъ (тамъ-же, стр. 345). По окончаніи лицея Пушкинъ, какъ извѣстно, примкнулъ къ обществу Арзамасъ, въ которомъ Жуковскій игралъ едва-ли не первенствующую роль въ качествѣ его дѣятельного члена и секретаря. Въ 1817 году Пушкинъ написалъ свое посланіе „Къ Жуковскому", заключающее въ себѣ литературное profession de foi юнаго арзамасца, всецѣло усвоившаго себѣ взгляды, вкусы и симпатіи, господствовавшіе въ кружкѣ дѣятелей новаго лите-

lib.pushkinskijdom.ru

ратурнаго направленія, однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей котораго былъ Жуковскій. Къ слѣдующему, 1818 году относятся два стихотворенія Пушкина, посвященныя Жуковскому: изъ нихъ стихотвореніе „Къ портрету Жуковскаго“ представляетъ собою яркую характеристику и восторженную оцѣнку поэзіи пѣвца Свѣтланы, показывающую, какое высокое положеніе занималъ Жуковскій въ сознаніи Пушкина.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И внемля имъ вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Весьма высокую оцѣнку этого юношескаго стихотворенія, заключеннаго въ сжатой формѣ „надписи“, даетъ академикъ Александръ Ник. Веселовскій, считающій, что „Жуковскій—весь въ характеристикѣ, которую, объединяя свои юношескія впечатлѣнія, далъ Пушкинъ; это—цѣлый образъ и вмѣстѣ программа“ („Поэзія чувства и сердечнаго воображенія“. СПб., 1904.. Стр. 29).

Почти всѣ изслѣдователи признаютъ, что поэзія Жуковскаго оказала значительное, хотя и преходящее вліяніе на творчество молодого Пушкина. Вліяніе это съ особенной наглядностью обнаруживается, напр., въ многочисленныхъ „элегіяхъ“ Пушкина, написанныхъ имъ въ эпоху пребыванія его въ лицеѣ. Въ этихъ элегіяхъ Пушкинъ прекрасно усвоилъ себѣ духъ сентиментально-унылаго и мечтательнаго романтизма, составляющаго характерную черту „поэзіи сердечнаго воображенія“, какъ опредѣляетъ сущность поэзіи Жуковскаго академикъ Александръ Ник. Веселовскій; впослѣдствіи въ лицѣ Ленскаго Пушкинъ далъ прекрасно очерченный и ярко типичный образъ сентиментально-романтическаго поэта школы Жуковскаго, какимъ онъ былъ и самъ въ эпоху своихъ „ученическихъ годовъ“. Нѣсколько обособленную позицію въ вопросѣ о вліяніи поэзіи Жуковскаго на творчество молодого Пушкина занялъ комментаторъ академическаго изданія его сочиненій Леонидъ Ник. Майковъ: онъ склоненъ признать это вліяніе лишь съ существенными оговорками, ссылаясь на полное несходство въ складѣ личности и характерѣ міросозерцанія обоихъ поэтовъ, исключающее, по его мнѣнію, возможность подобнаго вліянія, въ смыслѣ усвоенія опредѣленныхъ идей и настроеній и ихъ творческой переработки (Сочиненія Пушкина, изданіе Академіи Наукъ Т. I, примѣчанія, стр. 205 -206); однако и Майковъ принужденъ

lib.pushkinskijdom.ru

признать, что въ отношеніи внѣшней формы и художественной техники Пушкинъ въ своихъ „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ обнаруживаетъ несомнѣнныя чертызависимости отъ произведеній Жуковскаго (тамъ-же, стр. 212—214, 262, 297, 396). Правда, уже довольно рано, вскорѣ послѣ выхода изъ лицея, Пушкинъ началъ освобождаться отъ этого вліянія, преодолѣвать его въ естественномъ процессѣ собственнаго творческаго роста,—это преодолѣніе сказалось, между прочимъ, напр., въ его шутливыхъ эпиграммахъ и пародіяхъ на стихи Жуковскаго, впрочемъ вполнѣ безобидныхъ, такъ что самъ служившій ихъ мишенью поэтъ-„учитель“ нисколько не былъ обиженъ ими и первый смѣялся остроумнымъ выходкамъ „побѣдителя-ученика“ (Анненковъ: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. СПб., 1874, стр. 119); такъ, напр., въ эпизодѣ приключеній Ратмира въ волшебномъ замкѣ (въ „Русланѣ и Людмилѣ“) Пушкинъ остроумно травестировалъ романтическую балладу Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, передѣлавъ ее въ духѣ легкой французской поэзіи XVIII вѣка.

Это освобожденіе Пушкина отъ вліянія своего „учителя“ сказывается и въ его отзывахъ о поэтическомъ творчествѣ Жуковскаго: онъ недоволенъ его малой продуктивностью и называетъ его: „въ Бозѣ почивающимъ“ (см. письмо къ князю Вяземскому, отъ начала марта 1820 года: „Переписка Пушкина“. Изданіе Имп. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. И. Саитова. Т. I, стр. 15); онъ осуждаетъ его за недостатокъ самостоятельности и выражаетъ удивленіе его выбору образцовъ для подражанія: „Жуковскій меня бѣситъ,—пишетъ онъ тому же лицу:—что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди; пора ему имѣть собственное воображеніе“ (тамъ-же, стр. 37). Признавая великое мастерство Жуковскаго, какъ переводчика, онъ сожалѣетъ о присущемъ его поэзіи недостаткѣ оригинальности, объ отсутствіи у него собственнаго творческаго одушевленія; въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 27 сентября 1822 года изъ Кишинева Пушкинъ пишетъ по поводу „Шильонскаго узника“: „Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! Должно быть Байрономъ, чтобы выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ чтобы это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобы онъ началъ создавать!“ (тамъ-же, стр. 55). Однако,

lib.pushkinskijdom.ru

вполнѣ сознавая естественные предѣлы поэтическаго дарованія Жуковскаго, Пушкинъ даже въ пору полной зрѣлости собственнаго генія не забывалъ, чѣмъ онъ нѣкогда былъ обязанъ своему старшему собрату, и вообще весьма высоко оцѣнивалъ заслуги Жуковскаго и его значеніе въ исторіи развитія русской поэзіи; такъ въ письмѣ къ Рылѣеву отъ 25 января 1825 года, возражая противъ слишкомъ строгаго, по его мнѣнію, отзыва А. А. Бестужева о творчествѣ Жуковскаго, онъ пишетъ: „Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ" (тамъ-же, стр. 168). Нѣсколько позднѣе, 25 мая того-же года, онъ пишетъ князю Вяземскому по поводу статьи послѣдняго въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полевого: „Ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Переводы избаловали, изнѣжили; онъ не хочетъ самъ созидать—но онъ, какъ Voss, геній перевода" (тамъ-же, стр. 218).

Что касается до Жуковскаго, то онъ относился къ молодому поэту съ искренней любовью, радуясь отъ души раннему развитію его поэтическаго таланта и охотно признавая его превосходство надъ собою (въ извѣстной надписи къ портрету: „побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя"). Послѣ выхода въ свѣтъ I-ой главы „Евгенія Онѣгина", Жуковскій писалъ Пушкину: „Ты имѣешь не дарованіе, а Геній. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ... По данному мнѣ полномочію, предлагаю тебѣ *первое* мѣсто на русскомъ Парнассѣ. И какое мѣсто, если съ *высокостью генія* соединишь и *высокость цѣли*! Милый братъ по Аполлону! это тебѣ возможно!" („Переписка", т. I, стр. 147 148). При такой высокой оцѣнкѣ художественнаго дарованія Пушкина, естественно, что Жуковскій принималъ близкое и горячее участіе и въ его личной судьбѣ. Когда въ 1820 году надъ нимъ разразилась гроза, вызванная его свободолюбивыми и сатирическими стихами, Жуковскій вмѣстѣ съ Карамзинымъ усердно хлопоталъ за него: въ результатѣ этихъ хлопотъ друзьямъ Пушкина удалось добиться его перевода на службу на югъ, подъ начальство близкаго къ кружку „карамзинистовъ" генерала Инзова, взамѣнъ угрожавшей молодому поэту ссылки въ Соловецкій

lib.pushkinskijdom.ru

монастырь. Впослѣдствіи, во время вторичной ссылки Пушкина (въ село Михайловское), когда у опальнаго поэта произошло непріятное столкновеніе съ отцомъ, вслѣдствіе котораго жизнь подъ родительскимъ кровомъ стала для Пушкина невыносимой, онъ обратился именно къ Жуковскому съ просьбой о помощи, умоляя спасти его „хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ“ (письмо изъ Михайловскаго отъ 31 октября 1824 года: „Переписка“, т. I-й, стр. 142). Интересно отмѣтить, что къ Жуковскому же обратилась съ просьбой о Пушкинѣ и его сосѣдка и пріятельница П. А. Осипова, въ гостепріимномъ домѣ которой онъ находилъ себѣ единственную отраду въ дни горькаго изгнанія; хотя она не была лично знакома съ Жуковскимъ, но, очевидно, достаточно была освѣдомлена о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ поэтовъ и потому рѣшилась прибѣгнуть къ его содѣйствію для облегченія участи Пушкина („Русскій Архивъ“, 1872 г., стр. 2358). Отвѣтъ Жуковскаго Пушкину написанъ въ тонѣ отеческаго увѣщанія и чрезвычайно ярко характеризуетъ взаимныя отношенія между спокойно-уравновѣшеннымъ авторомъ Свѣтланы и его младшимъ собратомъ, съ его бурнымъ и „неуимчивымъ“ (по выраженію няни Арины Родіоновны) характеромъ. Жуковскій обращается къ благоразумію Пушкина, журитъ его за несдержанность и уговариваетъ приняться за серьезный литературный трудъ, памятуя, что для него одно спасеніе въ поэзіи. „На все, что съ тобою случилось и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ—поэзія. Ты имѣешь не дарование, а Геній. Ты богачъ, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженнаго несчастія и *обратить въ добро* заслуженное; ты болѣе, нежели кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ вся твоя мораль, все твое возможное счастіе и всѣ вознагражденія“ („Переписка“, т. I-й, стр. 147).

Весной 1825 года у Пушкина возникаетъ планъ такъ или иначе вырваться изъ опротивѣвшаго ему „глухого“ Михайловскаго; его соблазняетъ мысль уѣхать заграницу, привлекавшую его своей кипучей и разносторонней жизнью, которой жаждала его дѣятельная, жадная до новыхъ впечатлѣній натура. И вотъ Пушкинъ распространяетъ слухъ о серьезной болѣзни (аневризмѣ), развившейся у него и угрожающей его жизни, въ расчетѣ на то, что ему будетъ разрѣшено, подъ предлогомъ лѣченія, покинуть деревню, гдѣ онъ не могъ найти никакой врачебной помощи. Какъ только слухи эти дошли до Жуковскаго, послѣдній немедленно написалъ Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кину увѣщательное письмо, въ которомъ явственно звучитъ его безпокойство за жизнь и здоровье любимаго имъ собрата. „Мой милый другъ, прошу тебя отвѣчать, какъ можно скорѣе на это письмо, но отвѣчай человѣчески, а не сумасбродно. Я услышалъ отъ твоего брата и отъ твоей матери, что ты боленъ: правда ли это?.. Теперь это уже не тайна и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступиться въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно... Согласись, милый другъ, обратить на здоровье свое то внимание, котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты долженъ, долженъ, долженъ взять (теперяшняя никуда не годится, не годится не потому единственно, что другіе признаютъ ее такою, нѣтъ, болѣе потому, что она несогласна съ твоимъ достоинствомъ); ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность—теперь ты получилъ только первенство по таланту, присоедини къ нему и то, что лучше еще таланта—достоинство!“ („Переписка“, т. I-й, стр. 216). Въ такомъ тонѣ отеческаго внушенія и нравственнаго назиданія могъ говорить съ Пушкинымъ только Жуковскій, не оскорбляя самолюбія молодого поэта, не вызывая съ его стороны соотвѣтствующаго отпора. И дѣйствительно, Пушкинъ не только не обижается упреками Жуковскаго, но, получивъ его увѣщательное письмо, немедленно обращается къ нему съ просьбой исходатайствовать ему разрѣшеніе на выѣздъ въ Петербургъ или заграницу; къ этому письму своему Пушкинъ приложилъ соотвѣтствующее прошеніе на имя императора Александра Павловича, предоставивъ Жуковскому распорядиться этой официальной бумагой по своему усмотрѣнію. Неизвѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ Жуковскій изъ присланнаго ему прошенія Пушкина и представилъ ли онъ его по назначенію. Во всякомъ случаѣ хлопоты его о Пушкинѣ лишь наполовину увѣнчались успѣхомъ: Александръ разрѣшилъ Пушкину только пріѣхать для лѣченія въ Псковъ, о чемъ псковскій губернаторъ 26 іюня получилъ увѣдомленіе изъ Управленія Главнаго штаба (И. И. Василевъ. „Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи“. СПб., 1899, стр. 5—6).

Однако мнимый „аневризмъ“ Пушкина чрезвычайно встревожилъ Жуковскаго и онъ, не ограничиваясь одними наставленіями, предпринялъ нѣкоторые реальные шаги въ своихъ заботахъ о здоровьѣ своего молодого собрата. Для этого онъ обратился къ своему другу, дерптскому профессору Мойеру, извѣстному

lib.pushkinskijdom.ru

и опытному врачу и хирургу, съ просьбой пріѣхать въ Псковъ для производства необходимой Пушкину операціи. „Прошу не упрямиться,—писалъ онъ ему 9 августа 1825 года,—не играть безразсудно съ жизнью и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога. До сихъ поръ ты тратилъ ее съ недостойною тебя и съ оскорбительной для насъ расточительностью, тратилъ и физически и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенной поэмою. Она должна быть достойна твоего Генія и тѣхъ, которые, какъ я, знаютъ ему цѣну, его любятъ и потому тебя не оправдываютъ“ („Переписка“, томъ I-й, стр. 258). Пушкину, болѣзнь котораго въ значительной мѣрѣ была мнимой, стоило большихъ усилій, чтобы отклонить это предложеніе своего заботливаго друга, грозившее поставить его въ неловкое положеніе относительно Мойера. Въ отвѣтъ на настойчивое увѣщаніе Жуковскаго обратиться къ Мойеру для лѣченія своего аневризма, Пушкинъ спѣшитъ увѣдомить своего друга о невозможности воспользоваться этимъ предложеніемъ: „Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: прими его какъ меня. Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ. Онъ не ты. Конечно, я съ радостью и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову; отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело – а отъ другого не хочу. Будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина“ (Переписка“, т. I-й, стр. 302). Весь этотъ эпизодъ съ мнимымъ аневризмомъ Пушкина прекрасно обрисовываетъ характеръ взаимныхъ отношеній обоихъ поэтовъ. Со стороны Жуковскаго мы видимъ чисто-отеческое попеченіе о судьбѣ своего младшаго собрата: онъ волнуется о состояніи его здоровья, журитъ Пушкина за его беззаботное отношеніе къ собственной жизни, упрекаетъ въ неосторожности, въ прошлыхъ „грѣхахъ“, призываетъ его къ „исправленію“, даетъ совѣты благоразумія,—однимъ словомъ,—беретъ на себя роль ментора-руководителя. И Пушкинъ принимаетъ эти упреки и наставленія, какъ что-то должное и заслуженное, ставя себя по отношенію къ Жуковскому какъ-бы въ положеніе блуднаго сына. „Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой!“—восклицаетъ онъ шутливо въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени („Переписка“, т. I-й, стр. 267). „Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь“,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, пытаясь какъ бы оправдаться передъ своимъ строгимъ ментором: „Подумай о моемъ положеніи: вовсе незавидное, что̀ ни толкуютъ. Хоть кого съ

lib.pushkinskijdom.ru

ума сведетъ" (тамъ же, стр. 303). Особенно настаиваетъ Жуковскій на томъ, чтобы Пушкинъ принялся за какой-нибудь „серьезный" трудъ, создалъ бы что-либо значительное, и такимъ образомъ далъ бы возможность своимъ петербургскимъ друзьямъ хлопотать объ измѣненіи его участи. „Создай что-нибудь безсмертное, и самыя бѣды твои (которыя самъ же состряпалъ) разлетятся въ прахъ. Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою: тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право. Ты самъ себя не понимаешь; ты только бунтуешь какъ ребенокъ противъ несчастія, которое само не иное что, какъ плодъ твоего ребячества: а у тебя такіе есть способы сладить съ своею судьбою, какихъ нѣтъ у простыхъ сыновъ сего свѣта, способы благородные, высокіе. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой" („Переписка", т. I-й стр. 292).

Послѣ воцаренія Николая I у Пушкина снова появляется надежда вырваться изъ опротивѣвшаго ему Михайловскаго, и онъ снова обращается, во второй половинѣ января 1826 года, къ Жуковскому съ просьбой выяснить передъ правительствомъ его непричастность заговору декабристовъ и хлопотать о снятіи съ него опалы („Переписка", т. I, стр. 317—319). Со своей стороны, Жуковскій, черезъ посредство Плетнева, состоявшаго съ Пушкинымъ въ дѣятельной перепискѣ, обратился къ Михайловскому изгнаннику съ предложеніемъ написать ему официальное письмо, въ которомъ Пушкинъ далъ бы обязательство не выступать въ своихъ произведеніяхъ съ идеями, „которыя бы противорѣчили какому-нибудь всѣми принятому порядку" („Переписка", т. I-й, стр. 330). Пушкинъ съ радостью ухватился за эту мысль, надѣясь такимъ путемъ добиться освобожденія: 7 марта 1826 года онъ пишетъ адресованное Жуковскому письмо, выдержанное въ официальномъ тонѣ и заканчивающееся обѣщаніемъ воздержаться отъ какихъ-либо выступленій, противорѣчащихъ видамъ правительства: „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости" („Переписка", т. I-й, стр. 335). Пересылая это письмо Плетневу, для передачи Жуковскому, Пушкинъ сопровождаетъ его слѣдующимъ любопытнымъ замѣчаніемъ: „При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и башмакахъ. Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Ж., а не отъ другого: впрочемъ, держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ" („Переписка", т. I-й, стр. 334). Пушкину, дѣйствительно,

lib.pushkinskijdom.ru

пришлось утѣшаться „стоической пословицей“, такъ какъ предпринятые имъ шаги не привели въ ближайшее время къ какому-либо положительному результату: встрѣтилъ-ли Жуковскій какія-либо препятствія для формальнаго возбужденія дѣла о снятіи опалы съ молодого поэта, или же вслѣдствіе присущей ему осторожности онъ счелъ неудобнымъ выступать со своимъ ходатайствомъ въ моментъ, когда еще не было закончено слѣдствіе по дѣлу декабристовъ, въ которомъ было замѣшано столько близкихъ Пушкину лицъ, но фактически онъ ничего не сдѣлалъ для освобожденія Пушкина изъ Михайловскаго заточенія. Въ письмѣ отъ 12 апрѣля Жуковскій писалъ ему: „Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ накакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться покойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но писать для славы: Дай пройти несчастному этому времени“. И далѣе Жуковскій обращается снова къ благоразумію Пушкина и повторяетъ свои прежніе совѣты—работать надъ крупными и серьезными произведеніями: „пиши Годунова и подобное: они отворятъ тебѣ дверь свободы“ („Переписка“, т. I-й, стр. 340).

Однако Пушкинъ не склоненъ былъ пассивно выжидать теченія событій: 11 мая онъ подалъ псковскому губернатору барону Адеркасу прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ, принимая на себя обязательство „не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку“, и ссылаясь на свою болѣзнь, требующую серьезнаго лѣченія, просилъ разрѣшенія о выѣздѣ въ столицы или заграницу. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, пока это прошеніе, пройдя черезъ нѣсколько инстанцій, было доложено государю, находившемуся въ Москвѣ по случаю коронаціи. Въ результатѣ—въ Михайловское былъ посланъ фельдъегерь, который и привезъ Пушкина въ Москву, и 8 сентября 1826 года въ Кремлевскомъ дворцѣ состоялось первое свиданіе опальнаго поэта съ императоромъ Николаемъ, который возвратилъ Пушкину свободу, но въ то же время поставилъ его подъ наблюденіе Бенкендорфа, въ такой мѣрѣ стѣснившаго эту „свободу“, что она скоро превратилась для Пушкина въ фикцію.

Такимъ образомъ опала съ Пушкина была снята, по крайней мѣрѣ—формально. Въ этомъ освобожденіи Пушкина Жуковскій не принималъ непосредственнаго участія, такъ какъ еще 12 мая уѣхалъ заграницу для поправленія своего разстроеннаго здоровья (Дневники В. А. Жуковскаго, съ примѣчаніями И. А. Бычкова. СПб., 1903. Стр. 179). Не былъ Жуковскій и на коронаціи въ Москвѣ, такъ какъ проживалъ въ это время еще заграницей. Личныя отноше-

lib.pushkinskijdom.ru

нія обоихъ поэтовъ возобновились лишь годъ спустя, въ Петербургѣ осенью 1827 г., вѣроятно, въ концѣ октября, когда Жуковскій возвратился, наконецъ, изъ своего долгаго заграничнаго путешествія, а Пушкинъ почти одновременно съ нимъ пріѣхалъ въ сѣверную столицу, гдѣ онъ и провелъ почти цѣлый годъ („Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу". Москва, 1895. Стр. 230). Но особенно близко сошлись они лѣтомъ 1831 года въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Пушкинъ поселился на дачѣ въ концѣ мая, и куда въ серединѣ іюля переѣхалъ на жительство, вмѣстѣ со дворомъ и Жуковскій. Въ концѣ іюля послѣдній писалъ своему другу А. И. Тургеневу: „Пушкинъ мой сосѣдъ и мы видаемся съ нимъ часто... А женка Пушкина очень милое твореніе. C'est le mot. И онъ съ нею мнѣ весьма нравится. Я болѣе и болѣе за него радуюсь тому, что онъ женатъ. И душа, и жизнь, и поэзія въ выигрышѣ. Мнѣ же пришлось только повторять стихъ: „Чувствительна душа и вчужѣ веселится" („Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу" Москва, 1895. Стр. 256). Вообще лѣто 1831 года, проведенное Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ, является едва ли не самой счастливой и спокойной эпохой во второй половинѣ его жизни. Онъ только что женился, его семейное счастье съ молодой и любимой женой не было еще омрачено ни мученіями ревности, ни матеріальными заботами, ни столкновеніями съ обществомъ; поэтому его настроеніе въ эту эпоху отличалось бодростью и жизнерадостностью, что̀ выразилось и въ его произведеніяхъ, написанныхъ имъ въ это время. Онъ вращался въ кругу симпатичныхъ и близкихъ ему по духу лицъ: его постоянными собесѣдниками были въ это время Жуковскій, А. О. Россети, Гоголь, проводившій это лѣто также въ Ц. Селѣ. „Вообще пребываніе поэта въ Царскомъ Селѣ,—пишетъ его біографъ П. В. Анненковъ,—было цѣпью дружескихъ веселыхъ бесѣдъ, въ которыхъ царствовало постоянно одинаковое, ровное состояніе духа. Случалось, что В. А. Жуковскій спрашивалъ въ этомъ кругу совѣта, не разсердиться ли ему на то или другое обстоятельство; Пушкинъ почти всегда отвѣчалъ одно: непремѣнно разсердиться,—но ни самъ онъ, ни искавшій его совѣта не слѣдовали приговору. Пушкинъ былъ любезенъ, добродушенъ и радовался всякому счастливому слову отъ души" (Анненковъ. „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній". Изд. 2-е. СПб., 1873. Стр. 310).

Близость и общеніе съ Жуковскимъ сказались и въ поэтическомъ творчествѣ Пушкина; ко времени его пребыванія въ

lib.pushkinskijdom.ru

Ц. Селѣ относятся его извѣстныя стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, напечатанныя вмѣстѣ со стихами Жуковскаго въ книжкѣ: „На взятіе Варшавы“, вышедшей въ сентябрѣ 1831 года. Ко времени совмѣстной жизни въ Царскомъ Селѣ относится и поэтическое состязаніе Пушкина съ Жуковскимъ въ области русской народной сказки. „Кому принадлежитъ первая мысль этого поэтическаго турнира, мы можемъ только догадываться“, замѣчаетъ по этому поводу тотъ же біографъ Пушкина, склоняющійся, однако, къ мысли, что инициатива въ данномъ случаѣ исходила отъ Пушкина, уже давно интересовавшагося русской народной поэзіей, собиравшаго народныя пѣсни и записавшаго нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ со словъ няни Арины Родіоновны; одинъ изъ этихъ сюжетовъ Пушкинъ между прочимъ уступилъ Жуковскому, который и положилъ его въ основу своей сказки „О царѣ Берендѣ“ (Анненковъ. „Матеріалы“, стр. 311). Впрочемъ, еще въ апрѣлѣ 1831 года Пушкинъ писалъ изъ Москвы Плетневу со словъ И. И. Дмитріева, что Жуковскій въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать себѣ сказки и потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи“ („Переписка“, т. 2-й, стр. 237), а въ іюлѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда Жуковскаго въ Царское Село, онъ извѣщаетъ того же Плетнева, что для „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, которые предполагалось издать въ пользу семьи незадолго до того времени скончавшагося барона Дельвига, онъ самъ даетъ *Моцарта*, а Жуковскій — свою „гекзаметрическую сказку“, т.-е. „Сказку о царѣ Берендѣ“ (тамъ же, стр. 277). Во всякомъ случаѣ, пальма первенства въ этомъ поэтическомъ состязаніи осталась несомнѣнно за Пушкинымъ, сказка котораго „О царѣ Салтанѣ“, помимо своихъ чисто художественныхъ достоинствъ, носитъ яркій колоритъ народности, несмотря на всѣ отступленія отъ первоначальной народной основы и даже несмотря на тотъ полуироническій, насмѣшливый тонъ, въ который Пушкинъ облекъ свой разсказъ; между тѣмъ этой печати народности вовсе нѣтъ на сказкахъ Жуковскаго („О царѣ Берендѣ“ и „О спящей царевнѣ“), которыя, по выраженію Анненкова, „совершенно покинули мѣстный сказочный колоритъ и скорѣе принадлежатъ германской легендѣ и романтической поэзіи, чѣмъ русскому міру“. Есть извѣстіе, переданное впервые Ефремовымъ въ 3-мъ томѣ сочиненій Пушкина, изд. Анекаго 1882 г. въ примѣчаніи къ „Сказкѣ о царѣ Салтанѣ“ (стр. 442), что она „впервые была напечатана въ особой брошюрѣ вмѣстѣ со сказками Жуковскаго, но брошюра эта назначена была Жуковскимъ

lib.pushkinskijdom.ru

только для высочайшихъ особъ"; однако ни въ одномъ изъ главныхъ книгохранилищъ Москвы и Петербурга этой брошюры не имѣется, вслѣдствіе чего возникаетъ естественное сомнѣніе въ томъ, чтобы она была въ дѣйствительности издана и, слѣдовательно, въ правильности самаго указанія Ефремова, которое онъ не подтвердилъ никакими конкретными ссылками и котораго онъ уже не повторилъ въ болѣе позднемъ изданіи Пушкина (Суворина), вышедшемъ подъ его редакціей (Синявскій и Цявловскій: „Пушкинъ въ печати". Москва, 1914. Стр. 111).

Живое и постоянное общеніе обоихъ поэтовъ, возникшее на почвѣ ихъ взаимныхъ симпатій, поддерживавшееся ихъ общими вкусами и интересами и приведшее даже ихъ къ своеобразному литературному сотрудничеству, естественно можетъ вызвать и мысль о возможности ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга. Въ послѣднее время этотъ вопросъ былъ поставленъ П. Е. Щеголевымъ въ его обстоятельномъ трудѣ: „Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованія и матеріалы". Петроградъ, 1916. Щеголевъ склоненъ приписывать Жуковскому весьма значительную роль какъ въ личной жизни Пушкина, такъ и въ развитіи его міросозерцанія, какъ оно окончательно сложилось къ началу 30-хъ годовъ. „Первые мѣсяцы своей женатой жизни по отъѣздѣ изъ Москвы Пушкинъ провелъ въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Жуковскимъ и подвергся длительному вліянію его личности, его политическаго и этическаго міросозерцанія... Вмѣстѣ съ Жуковскимъ Пушкинъ дышалъ воздухомъ придворной атмосферы. Въ томъ освѣщеніи, которое создавалъ прекраснодушный Жуковскій, воспринималъ Пушкинъ и личность императора... Подъ его вліяніемъ, по его совѣтамъ, Пушкинъ сталъ искать разрѣшенія житейскихъ задачъ и затрудненій около двора и отъ государя. Жуковскій всячески облегчалъ Пушкину сношенія съ государемъ; конечно, при его содѣйствіи было устроено и личное общеніе поэта съ государемъ въ допустимой этикетомъ мѣрѣ. Жуковскій былъ иниціаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія. Онъ докладывалъ государю о Пушкинѣ и говорилъ Пушкину о государѣ... Но Жуковскій мощно вліялъ и на политическое міросозерцаніе Пушкина. Если на одинъ моментъ воспользоваться привычными теперь терминами, то придется сказать, что въ 1831 году убѣжденія Пушкина достигли зенита своей правизны: послѣ 1831 года они подвергались колебаніямъ, но всегда влѣво. Политическія обстоятельства этого года дали большую пищу для политическихъ размышленій; мысли Жуковскаго и Пушкина совпали удивительнѣйшимъ образомъ. Не даромъ

lib.pushkinskijdom.ru

ихъ политическія стихотворенія появились въ одной брошюрѣ. Есть указаніе на то, что „Клеветникамъ Россіи“ написано по предложенію Николая Павловича и первыми слушателями этого стихотворенія были члены царской семьи. Поэтъ отражалъ, несомнѣнно, мысли и настроенія тѣснаго придворнаго круга. Князь Вяземскій, ближайшій пріятель Пушкина, весьма освѣдомленный объ эволюціи его политическихъ взлядовъ, былъ горестно пораженъ политическими стихотвореніями Пушкина 1831 года: взгляды Пушкина были *неожиданностью* для Вяземскаго, хотя со времени разлуки, съ отъѣзда Пушкиныхъ изъ Москвы, прошло всего какихъ-нибудь три мѣсяца... Нельзя отрицать того, что общія черты были и раньше въ политическихъ взглядахъ Жуковскаго и Пушкина, но полнаго тождества не было: оно было создано подчиненіемъ Пушкина политической мысли Жуковскаго. Но это подчиненіе приводило Пушкина не только къ зависимости теоретическаго характера, но и къ зависимости чисто практической, ибо центральный объектъ теоретической мысли воплощался на практикѣ въ лицѣ императора Николая Павловича. Пушкинъ, конечно, не могъ успокоиться на безропотномъ подчиненіи; онъ пробовалъ протестовать,—но являлся на сцену, какъ это было лѣтомъ 1834 года, Жуковскій и погашалъ протестъ призывомъ къ чувству благодарности“ (назв. соч., стр. 032—035).

Всѣ эти соображенія почтеннаго изслѣдователя представляютъ большой интересъ и заключаютъ въ себѣ значительную долю истины; однакоже все-таки нѣкоторыя изъ этихъ утвержденій требуютъ весьма значительныхъ оговорокъ и во всякомъ случаѣ не могутъ быть приняты въ той категорической формѣ, въ какой они выражены авторомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Жуковскій прилагалъ всѣ усилія для сближенія Пушкина со дворомъ, въ частности съ Николаемъ Павловичемъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ ближайшій способъ устроить судьбу Пушкина и его семьи; однако едва ли можно такъ категорически утверждать, что „при его содѣйствіи было устроено личное общеніе поэта съ государемъ“ и что онъ былъ „иниціаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія“. Личныя отношенія Пушкина съ имп. Николаемъ завязались безъ всякаго посредничества Жуковскаго и первое представленіе поэта государю, какъ было указано выше, произошло во время пребыванія Жуковскаго заграницей. Что касается до „милостей“ Николая Павловича Пушкину, то въ этомъ случаѣ Николай слѣдовалъ вполнѣ опредѣленной системѣ, усвоенной имъ въ отношеніи къ Пушкину: путемъ ихъ онъ хотѣлъ привязать къ себѣ поэта,

lib.pushkinskijdom.ru

возбудить въ немъ чувство благодарности и такимъ образомъ воздѣйствовать на его поведеніе и образъ мыслей. Возможно, что такой способъ обращенія съ Пушкинымъ былъ подсказанъ государю Бенкендорфомъ, который явно не довѣрялъ поэту, считалъ его способнымъ на противодѣйствіе правительству, опасался его вліянія на русское общество и потому искалъ средствъ, такъ сказать, „приручить“ и обезвредить его; такъ, напр , въ одной докладной запискѣ Николаю, относящейся еще къ іюлю 1827 года, Бенкендорфъ, сообщая о томъ, что во время своего пребыванія въ Петербургѣ Пушкинъ въ Англійскомъ клубѣ съ восторгомъ говорилъ о государѣ и заставлялъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить за его здоровье, дѣлаетъ характерную прибавку: „Il n'en est pas moins un bien mauvais garnement, mais si on peut diriger sa plume et ses propos, ce sera un avantage“ („Старина и Новизна“, книга 6-я. СПб., 1903. Стр. 6). Что касается до сближенія Пушкина со дворомъ, то въ этомъ отношеніи рѣшающую роль сыграло, повидимому, опредѣленное желаніе Нат. Ник. Пушкиной и ея родни, поддержанное теткой, фрейлиной Екат. Ив. Загряжской, пользовавшейся при дворѣ значительнымъ вліяніемъ и очень озабоченной устройствомъ судьбы своей любимой племянницы. Уже 13 августа 1831 года О. С. Павлищева, сестра Пушкина, писала своему мужу о томъ, что Наталья Николаевна пользуется большимъ успѣхомъ въ Царскомъ Селѣ, и что императрица заинтересовалась ею и изъявила желаніе, чтобы она была представлена ко двору, а 4 сентября Павлищева извѣщала мужа, что представленіе уже состоялось и что Наталья Николаевна чрезвычайно понравилась государынѣ („Пушкинъ и его современники“. Вып. XV, стр. 84 и 89). Это представленіе жены Пушкина ко двору естественно влекло за собой, согласно тогдашнимъ понятіямъ объ этикетѣ, вопросъ о положеніи въ свѣтскомъ обществѣ ея мужа, и дѣлало необходимымъ такъ или иначе урегулировать его отношенія къ придворному міру; это и было достигнуто пожалованіемъ Пушкину званія камеръ-юнкера,—званія, котораго самъ Пушкинъ не искалъ, но отъ котораго онъ не имѣлъ силы отказаться (объ этомъ подробнѣе см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ записи Дневника отъ 1 января 1834 года).

Что касается до утвержденія П. Е. Щеголева, что Жуковскій имѣлъ опредѣляющее вліяніе на установленіе взглядовъ Пушкина на императора Николая и что будто бы „Пушкинъ воспринималъ личность императора въ томъ освѣщеніи, которое создавалъ прекраснодушный Жуковскій“, то въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ за-

lib.pushkinskijdom.ru

бывать такихъ стихотвореній какъ „Стансы“ (1826 г.) „Друзьямъ“ („Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю...“ 1828 г.) и „Герой“ (1830 г.), въ которыхъ отразились взгляды Пушкина на Николая и которые написаны, конечно, безъ всякаго воздѣйствія со стороны Жуковскаго (о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и Николая Павловича см. въ примѣчаніяхъ къ записи Дневника отъ 17 февраля 1834 г.) Еще осторожнѣе слѣдуетъ быть въ оцѣнкѣ вліянія Жуковскаго на міросозерцаніе Пушкина вообще. П. Е. Щеголевъ считаетъ возможнымъ говорить о „подчиненіи Пушкина политической мысли Жуковскаго“. Едва ли, однако, такое утвержденіе пріемлемо въ столь категорической формѣ; характерно, что самъ авторъ тутъ же ослабилъ его силу указаніемъ на то, что и раньше до ихъ сближенія лѣтомъ 1831 года, въ политическихъ взглядахъ обоихъ поэтовъ были „общія черты“. Вообще Пушкинъ по природѣ своей не принадлежалъ къ натурамъ, отличающимся легкой внушаемостью: взгляды и убѣжденія его могли съ теченіемъ времени измѣняться, иногда даже весьма рѣзко, но эти измѣненія всегда бывали результатомъ сложной внутренней работы, въ которую постороннія вліянія входили лишь на правахъ сопутствующихъ ингредіентовъ. Совершенно вѣрно, что в 30-е годы его общественные политическіе взгляды во многомъ совпадали со взглядами Жуковскаго, однако, было бы рискованно выводить отсюда заключеніе о вліяніи послѣдняго на ходъ развитія его младшаго собрата, въ виду того, что почва, на которой выросли и сложились эти взгляды у того и другого поэта, была совершенно различна: у Жуковскаго его политический консерватизмъ естественно вытекалъ изъ его общаго религіозно-нравственнаго міросозерцанія, служилъ выраженіемъ его мечтательнаго піетизма, между тѣмъ какъ консерватизмъ Пушкина основывался, преимущественно на весьма сильно выраженномъ въ немъ сословномъ чувствѣ, былъ тѣсно связанъ съ его старо-дворянскими тенденціями, и потому носилъ совершенно другую окраску, чемъ у Жуковскаго: вспомнимъ, наприм., его размышленія о роли дворянства въ государствѣ, къ которымъ онъ возвращался неоднократно какъ разъ въ эти годы; а также его будирующие выпады противъ новой, неродовой аристократіи, среди которой онъ, „родовъ обиженныхъ обломокъ“, невольно чувствовалъ себя униженнымъ, herabgesetzt, которой онъ иногда мстилъ ядовитыми стихами, въ родѣ своей „Родословной“, и которая, въ свою очередь, отомстила ему клеветой и интригами, отравившими послѣдніе годы жизни поэта и приведшими къ роковой

lib.pushkinskijdom.ru

развязкѣ. Наконецъ, соображенія П. Е. Щеголева относительно оды „Клеветникамъ Россіи“ также, по нашему мнѣнію, требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ: разсуждая о происхожденіи этихъ стиховъ, нельзя забывать, что многія идеи, выраженныя въ нихъ Пушкинымъ, сложились у него гораздо раньше событій 1831 года, повидимому, совершенно независимо отъ какого-либо посторонняго вліянія; такъ, напр., мы ихъ встрѣчаемъ уже въ Посланіи къ графу Олизару (1824 года), нѣкоторыя выраженія котораго цѣликомъ перешли въ оду „Клеветникамъ Россіи“. Вообще польскій мятежъ вызвалъ въ Пушкинѣ подъемъ патріотическаго чувства, онъ весьма внимательно слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣлъ въ Польшѣ, какъ это видно изъ его частыхъ упоминаній въ письмахъ къ друзьямъ, очень огорчался неудачами русскаго оружія и искренно возмущался выраженіемъ злорадства и удовольствія, съ которыми эти неудачи принимались въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества. Это настроеніе Пушкина было хорошо извѣстно всѣмъ его знакомымъ; поэтому графиня Ламбертъ поспѣшила сообщить Пушкину извѣстіе о взятіи Варшавы, какъ только эта новость дошла до ея свѣдѣнія; такъ же поступила и А. О. Смирнова, которой позднѣе Пушкинъ писалъ, посылая ей свою оду: „Вы были вѣстницею славы и вдохновеньемъ для меня“.

Всѣ эти соображенія нисколько, однако, не противорѣчатъ основной мысли Щеголева о томъ подчиненіи Пушкина вліянію Жуковскаго, какое наблюдается въ послѣдній, петербургскій періодъ жизни нашего поэта; нужно только не упускать изъ виду, что это вліяніе простиралось преимущественно на внѣшнюю, житейскую сторону его существованія, на ходъ и устройство его личныхъ дѣлъ и отношеній, мало касаясь его внутренней, духовной жизни развитія его взглядовъ и убѣжденій. Притомъ нельзя также не согласиться съ Щеголевымъ, что вліяніе это далеко не всегда было благотворнымъ и полезнымъ для Пушкина: лучшій способъ устройства его судьбы Жуковскій видѣлъ въ сближеніи Пушкина со дворомъ, въ привлеченіи къ нему „милостей“ Николая Павловича, въ установленіи въ той или иной формѣ прочныхъ отношеній его съ правительствомъ, между тѣмъ какъ мы теперь ясно сознаемъ, что единственный путь спасенія для Пушкина заключался въ томъ, чтобы, наоборотъ, порвать всѣ отношенія къ Петербургу, вернуть себѣ утраченную свободу, поселиться на нѣсколько лѣтъ гдѣ-нибудь въ Болдинѣ или Михайловскомъ и вновь отдаться на свободѣ поэтическому творчеству, которое петербургская жизнь и связан-

lib.pushkinskijdom.ru

ныя съ нею волненія грозили совершенно парализовать. Повидимому самъ Пушкинъ понималъ необходимость и спасительность такого выхода, инстинктивно стремился къ нему, и лѣтомъ 1834 г. даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ для его практическаго осуществленія; однако этотъ планъ встрѣтилъ самое рѣшительное противодѣйствіе Жуковскаго, и Пушкинъ долженъ былъ отъ него отказаться (подробнѣе объ этомъ эпизодѣ см. въ примѣчаніи къ записи Дневника отъ 22 іюня 1834 г.)

Тѣсныя личныя отношенія, завязавшіяся между обоими поэтами въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1831 года, продолжались и послѣ ихъ переселенія въ Петербургъ, прерываясь только на время ихъ выѣздовъ изъ столицы. Самымъ продолжительнымъ перерывомъ этихъ отношеній является промежутокъ времени съ іюня 1832 года по ноябрь 1833 года; Жуковскій въ это время путешествовалъ заграницей, откуда онъ вернулся 10 сентября 1833 г. (Дневникъ В. А. Жуковскаго съ примѣчаніями И. А. Бычкова. СПб., 1903. Стр. 314). Но въ моментъ его возвращенія въ Петербургъ Пушкинъ самъ находился въ отлучкѣ (поѣздка въ Казанскую и Оренбургскую губ., въ связи съ работой надъ Исторіей Пугачевскаго бунта) и вернулся въ столицу лишь 20 ноября, такъ что его отмѣтка въ Дневникѣ указываетъ на его первую встрѣчу съ Жуковскимъ послѣ продолжительной разлуки. Этимъ объясняется и замѣчаніе Пушкина о внѣшнемъ видѣ Жуковскаго: „онъ здоровъ и помолодѣлъ“. Затѣмъ Жуковскій поминается въ Дневникѣ 17 декабря 1833 года, 8 марта, 7 апрѣля, 16 апрѣля, 10 мая, 21 мая, 2 іюня, 3 іюня 1834 года и въ послѣдней, недатированной записи въ февралѣ 1835 года, въ общей сложности десять разъ, т.-е. чаще, чѣмъ кто-либо другой изъ знакомыхъ и друзей Пушкина. Еще чаще имя Жуковскаго упоминается въ письмахъ Пушкина; поэтому можно по справедливости сказать, что въ послѣдній, петербургскій періодъ его жизни, Жуковскій, наряду съ кн. Вяземскимъ, былъ наиболѣе близкимъ къ Пушкину лицомъ, его интимнымъ другомъ, совѣтчикомъ и руководителемъ.

Стр. 35 (3). Графъ Карлъ-Людвигъ Фикельмонъ (Ficquelmont) родился въ 1777 году. Онъ происходилъ изъ старой французской семьи (изъ Лотарингіи), члены которой издавна служили Австріи на разныхъ поприщахъ.

Съ 1793 г. Фикельмонъ состоялъ на военной службѣ и участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ, убѣжденнымъ противникомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

котораго онъ былъ. Между прочимъ, въ періодъ, когда Австрія вошла въ соглашеніе съ Наполеономъ, Фикельмонъ перешелъ въ англійскую армію и служилъ (въ 1811—13 г.г.) въ Испаніи, подъ начальствомъ Веллингтона, который очень цѣнилъ его, какъ талантливаго кавалерійскаго офицера. Послѣ низверженія Наполеона, Фикельмонъ перешелъ на дипломатическую службу, при чемъ ему особенно покровительствовалъ всемогущій въ то время Меттерних ъ. Онъ занималъ послѣдовательно должности австрійскаго дипломатическаго представителя въ Стокгольмѣ, Флоренціи и Неаполѣ, при чемъ принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи неаполитанской революціи 1821 года, состоя при штабѣ австрійской арміи, посланной для этой цѣли по постановленію Лайбахскаго конгресса. В январѣ 1829 года Фикельмонъ былъ отправленъ въ Петербургъ со спеціальной миссіей способствовать сближенію между австрійскими и русскимъ правительствами; ему удалось блестящимъ образомъ выполнить поставленную ему задачу, такъ какъ онъ сумѣлъ при первомъ же свиданіи съ имп. Николаемъ Павловичемъ пріобрѣсти его довѣріе и расположеніе, а также завоевать себѣ симпатіи петербургскаго высшаго общества. Въ бытность свою при петербургскомъ дворѣ, Фикельмонъ весьма искусно проводилъ политику Меттерниха, находя въ этомъ отношеніи поддержку со стороны русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, всецѣло состоявшаго подъ вліяніемъ ловкаго австрійскаго дипломата. Отозванный въ 1839 г. изъ Петербурга, Фикельмонъ въ сороковыхъ годахъ занималъ различныя видныя должности въ вѣнскомъ правительствѣ. Когда въ 1848 году вспыхнула въ Вѣнѣ революція, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ составѣ министерства Коловрата, но въ качествѣ друга Меттерниха и сторонника русской оріентаціи, онъ оказался слишкомъ непопулярнымъ, вызвалъ противъ себя враждебныя народныя демонстраціи и долженъ былъ въ началѣ мая оставить свой постъ. Съ этого времени онъ уже не возвращался болѣе къ государственной дѣятельности и проживалъ въ качествѣ частнаго человѣка въ Вѣнѣ и Венеціи, посвящая свой досугъ научно-литературнымъ работамъ. Имъ издано было за эти годы нѣсколько сочиненій по историческимъ и политическимъ вопросамъ; одно изъ нихъ, между прочимъ, посвящено проблемамъ, связаннымъ съ Восточной войною: „Russlands Politik und die Donaufürstenthümer" (Wien, 1854) и составлено въ весьма недружелюбномъ для Россіи духѣ. Умеръ Фикельмонъ въ Венеціи весною 1857 года въ глубокой старости. Избранныя сочиненія его, со вступительной статьей о

lib.pushkinskijdom.ru

немъ историка Баранта, его сослуживца на дипломатическомъ поприщѣ въ Петербургѣ, были изданы послѣ его смерти, подъ заглавіемъ: „Pensées et réflexions morales et politiques“ (Paris, 1859).

Фикельмонъ былъ женатъ на русской, именно на графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ, дочери пріятельницы Пушкина Елизаветы Михайловны Хитрово отъ ея перваго брака съ флигель-адъютантомъ, графомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тизенгаузеномъ. Дарья (Dolly) Ѳедоровна родилась въ 1804 году и вышла замужъ за Фикельмона въ 1821 г. во Флоренціи, гдѣ въ это время проживала ея мать, послѣ смерти своего второго мужа, ген.-майора Н. Ф. Дурново, состоявшаго посланникомъ при тосканскомъ дворѣ. Въ Петербургскомъ обществѣ Дарья Ѳедоровна славилась какъ одна изъ первыхъ красавицъ; повидимому, у нея было не мало поклонниковъ; въ одномъ письмѣ Пушкина къ Вяземскому, первый въ шутливой формѣ высказываетъ подозрѣніе въ неравнодушіи къ красавицѣ-графинѣ своего корреспондента, бывшаго также постояннымъ посѣтителемъ дома Фикельмоновъ (см. письмо Пушкина къ нему отъ 2 мая 1830 г.). Поэтъ-слѣпецъ И. И. Козловъ воспѣлъ графиню Фикельмонъ въ русскихъ, англійскихъ и итальянскихъ стихахъ. Салонъ ея былъ, по выраженію князя Вяземскаго, „европейско-русскимъ: въ немъ и дипломаты, и Пушкинъ были дома“ („Собраніе сочиненій“, т. VII, стр. 226). Пушкинъ, такъ цѣнившій все истинно-европейское, охотно посѣщалъ этотъ салонъ, въ которомъ, по словамъ того-же свидѣтеля, „имѣла вѣрные отголоски вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная; въ немъ можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная съ политической брошюры и парламентской рѣчи французскаго или англійскаго оратора и кончая романомъ или драматическимъ произведеніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обозрѣніе текущихъ событий; былъ premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и живописный... А какая была непринужденность, терпимость, вѣжливая и себя и другихъ уважающая свобода въ этихъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ разговорахъ! Даже при выраженіи спорныхъ мнѣній не было слишкомъ кипучихъ преній: это былъ мирный обмѣнъ мыслей, воззрѣній, оцѣнокъ,—система free trade, приложенная къ разговору“ (тамъ-же, т. VII, стр. 493—494). Пушкинъ познакомился съ Фикельмонами еще въ 1829 году, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ отмѣтки въ его черновыхъ бумагахъ, опубликованныхъ В. Е. Якуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кинымъ (Рус. Старина, 1884 г., № 11, стр. 349 и 351). Весьма возможно, что Пушкина, очень неравнодушнаго къ женской красотѣ, привлекала въ домъ австрійскаго посланника, помимо интереса вечернихъ собраній, также и самая личность красавицы-графини. Въ недавнее время М. А. Цявловскій опубликовалъ записанный П. И. Бартневымъ со словъ П. В. Нащокина разсказъ объ одномъ любовномъ приключеніи Пушкина, героиней котораго была графиня Фикельмонъ („Голосъ Минувшаго", 1922 г., № 2, стр. 108—123); однако самый разсказъ Нащокина, по своему содержанію и по характеру приводимыхъ подробностей, представляется маловѣроятнымъ и неправдоподобнымъ, такъ что самое предположеніе о существованіи какихъ-либо болѣе интимныхъ отношеній между Пушкинымъ и гр. Фикельмонъ, кромѣ отношеній свѣтскаго знакомства, должно быть отвергнуто, доколѣ не будетъ представлено болѣе вѣскихъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что домъ австрійскаго посла былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ Пушкину домовъ въ Петербургскомъ высшемъ „свѣтѣ". Эта близость его къ дому австрійскаго посла подтверждается неоднократными упоминаніями въ дневникѣ (см. записи 24 ноября 1833 г., 28 февраля, 17 марта, 7 апрѣля и 3 іюня 1834 г.) и въ письмахъ къ женѣ.

Во всякомъ случаѣ въ семьѣ Фикельмоновъ онъ встрѣчалъ, повидимому, самый радушный пріемъ; его умѣли здѣсь понимать и цѣнить, интересовались его личною судьбою. Еще въ самомъ началѣ семейной жизни Пушкина, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ съ молодой женой, графиня Фикельмонъ писала кн. Вяземскому: „Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ, къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который къ нему и идетъ. Жена его—прелестное созданіе; но ея меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены—вся меланхолія отреченія отъ себя" (Рус. Архивъ, 1884 г., № 4, стр. 418). Что касается до самого посла, то и съ нимъ, повидимому, у Пушкина установились если не близкія, то вполнѣ дружелюбныя и доброжелательныя отношенія. По крайней мѣрѣ въ библіотекѣ Пушкина сохранились два тома французскаго перевода „Reisebilder" Г. Гейне, подаренныхъ Пушкину Фикельмономъ: это произведеніе Гейне было въ то время запрещено въ Россіи и

lib.pushkinskijdom.ru

являлось такимъ образомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ „контрабандой“, какъ указываетъ и самъ посолъ въ своей сопроводительной запискѣ („Пушкинъ и его современники“. Вып. IX—X. СПб., 1910 г., стр. 247). Осенью 1837 г. Фикельмонъ посѣтилъ Крымъ и встрѣтился тамъ съ Жуковскимъ, который отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ „интересный разговоръ“ съ нимъ о Пушкинѣ („Дневники Жуковскаго“, съ примѣчаніями И. А. Бычкова. СПб., 1903 г., стр. 362). Графиня Д. Ф. Фикельмонъ на нѣсколько лѣтъ пережила своего мужа и умерла въ Вѣнѣ въ 1863 году.

Стр. 35 (7—17) Съ кн. Михаиломъ Суццо, также какъ и съ Пестелемъ, Пушкинъ познакомился во время своего пребыванія въ Кишиневѣ въ 1821 году. Въ сохранившемся отрывкѣ кишиневскаго дневника мы находимъ слѣдующую запись отъ 9 апрѣля: „Утро провелъ съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю“. Въ другомъ отрывкѣ того же дневника, найденномъ Н. О. Лернеромъ, Пушкинъ отмѣчаетъ 26 мая посѣщеніе его Пестелемъ; тамъ же, подъ 9 мая, онъ записываетъ о своемъ визитѣ къ кн. Суццо. Какъ видно изъ этихъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ его дневника, а также изъ писемъ къ друзьямъ, относящихся къ этому времени, Пушкинъ очень интересовался греческимъ возстаніемъ и горячо сочувствовалъ смѣлому предпріятію Ипсиланти, перешедшаго въ февралѣ 1821 года Прутъ съ небольшимъ отрядомъ грековъ, арнаутовъ и русскихъ удальцовъ. Молдавскій господарь Михаилъ Суццо, родомъ грекъ, присоединился къ нему, и 24 февраля Ипсиланти издалъ манифестъ къ населенію, въ которомъ призывалъ его свергнуть съ себя турецкое иго. Вслѣдствіе этихъ событій П. Д. Киселевъ, бывшій въ то время начальникомъ штаба 2-й арміи, отправилъ въ Скуляны, на границу Молдавіи, П. И. Пестеля, къ которому онъ очень благоволилъ, съ порученіемъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ и для наблюденія за пропускомъ черезъ границу жителей, бѣжавшихъ оттуда въ Россію вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ. При проѣздѣ черезъ Кишиневъ Пестель представился ген. Инзову, управлявшему Бессарабской областью, и совѣщался съ нимъ, съ ген. Пущинымъ, губернаторомъ Катакази и другими оффиціальными лицами, а затѣмъ отправился къ мѣсту своего назначенія и занялся собираніемъ необходимыхъ ему свѣдѣній. Въ своемъ донесеніи Киселеву, описавъ подробно все случившееся

lib.pushkinskijdom.ru

въ княжествахъ, Пестель указывалъ между прочимъ на то, что тогдашнія событія „могутъ имѣть важныя послѣдствія; если существуетъ 800 тысячъ итальянскихъ карбонаріевъ, то, можетъ быть, еще болѣе существуетъ грековъ, соединенныхъ политическою цѣлью. Самъ Ипсиланти, я полагаю, только орудіе въ рукахъ *скрытой силы*, которая употребила его имя точкою соединенія". Это донесеніе Пестеля было препровождено Киселевымъ князю П. М. Волконскому для доклада государю, находившемуся въ то время на конгрессѣ въ Лайбахѣ, при чемъ Александръ остался „весьма доволенъ яснымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого дѣла". (Заблудовскій-Десятовскій: „Графъ П. Д. Киселевъ и его время." Т. I-й, стр. 138). Возвращаясь изъ Скулянъ, Пестель вновь посѣтилъ Кишиневъ, гдѣ ему нужно было переговорить съ Инзовымъ, относительно карантинныхъ и другихъ мѣръ, вызываемыхъ обстоятельствами; вѣроятно, именно въ этотъ пріѣздъ Пестеля въ Кишиневъ и произошло его знакомство съ Пушкинымъ, о которомъ сохранилась приведенная выше запись въ дневникѣ послѣдняго. Несомнѣнно, что во время ихъ свиданія разговоръ коснулся и греческихъ дѣлъ, которыя въ то время представляли для всѣхъ интересъ злободневности, и весьма возможно, что Пестель сообщилъ своему собесѣднику свои соображенія о роли гетеріи въ дѣлѣ подготовки возстанія,—роли, которую онъ въ своей докладной запискѣ совершенно справедливо сравнивалъ съ ролью итальянскихъ карбонаріевъ въ дѣлѣ политическаго возрожденія Италіи. Разговоръ этотъ, очевидно, запомнился Пушкину и воскресъ въ его памяти при его неожиданной встрѣчѣ съ другимъ кишиневскимъ знакомымъ и членомъ гетеріи Михаиломъ Суццо, переселившимся въ Россію послѣ неудачи возстанія, поднятаго „безрукимъ княземъ" — Ипсиланти. Въ концѣ 1834 года Мих. Суццо былъ назначенъ греческимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ (его представленіе государю и врученіе вѣрительныхъ грамотъ состоялись 2-го декабря), такъ что и самый пріѣздъ его въ Петербургъ осенью предшествующаго года объясняется, вѣроятно, его желаніемъ соотвѣтствующимъ образомъ подготовить почву для своего перехода на дипломатическую службу въ Россію. Что касается до предположенія Пушкина, будто Пестель „предалъ этерію, представивъ ее императору Александру отраслью карбонаризма", то оно, несомнѣнно, слишкомъ преувеличиваетъ значеніе чисто-дѣлового, служебнаго донесенія Пестеля и приписываетъ ему значеніе и вліяніе, которыхъ оно не имѣло и не могло имѣть. Позиція, занятая императоромъ Александромъ въ гре-

lib.pushkinskijdom.ru

ческомъ вопросѣ, гораздо правильнѣе объясняется тѣмъ вліяніемъ, какое пріобрѣлъ на него въ эту эпоху знаменитый руководитель австрійской политики князь Меттернихъ, ловко пользовавшійся дорогими для Александра принципами Священнаго Союза для проведенія своихъ плановъ и отстаиванія чисто австрійскихъ интересовъ. „Хотя событія на Балканскомъ полуостровѣ не имѣли ничего общаго съ броженіемъ умовъ въ Западной Европѣ, Меттерниху удалось убѣдить императора Александра, что греческое возстаніе есть явленіе, тождественное съ революціонными движеніями, и что оно произведено по общему революціонному плану, чтобы повредить Союзу и его охранительнымъ стремленіямъ. На основаніи подложныхъ документовъ онъ установилъ связь Ипсиланти съ карбонаріями и существованіе тайныхъ происковъ послѣднихъ, имѣвшихъ цѣлью, при помощи греческаго возстанія, нарушить согласіе между Россіею и Австріею“ (Шильдеръ: „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“. Спб., 1905. Т. IV-й, стр. 198).

Стр. 35 (20). Василій Васильевичъ Энгельгардтъ (1785—1837) полковникъ въ отставкѣ, извѣстный богачъ того времени, внучатый племянникъ Потемкина, унаслѣдовавшій отъ него громадное состояніе. По словамъ кн. Вяземскаго, его товарища по іезуитскому пансіону, он, „хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немного на Парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами; острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу“ („Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго“. Т. I-й, стр. XVII—XVIII). Пушкинъ сблизился съ Энгельгардтомъ еще въ первый періодъ своей петербургской жизни, когда оба они были членами веселаго и разгульнаго общества „Зеленой Лампы“.

Къ 1819 году относится „посланіе“ къ нему Пушкина („Я ускользнулъ отъ Эскулапа...“), въ которомъ молодой поэтъ, извѣщая своего старшаго друга о своемъ выздоровленіи, выражаетъ желаніе повидаться съ нимъ и приглашаетъ его посѣтить „полубольного“:

„Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ".

Стр. 35 (21) Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ (1785—1861), генералъ-адъютантъ, первый директоръ Военной Академіи. Образованіе получилъ въ Инженерномъ корпусѣ, но служба его прошла преимущественно въ артиллеріи. Участвовалъ въ Наполеоновскихъ войнахъ 1805—1814 гг., былъ раненъ подъ Прейсишъ-Эйлау и подъ Фридландомъ (смятъ непріятельской кавалеріей и замертво вынесенъ съ поля сраженія); въ 1812 году состоялъ въ арміи Витгенштейна и отличился въ битвѣ подъ Полоцкомъ, гдѣ своей энергичной атакой спасъ нашу артиллерію. Во время заграничнаго похода Сухозанетъ сыгралъ выдающуюся роль въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ онъ, въ критическую минуту, успѣлъ развернуть всю русскую артиллерію и огнемъ ея отразилъ рѣшительный натискъ французской конницы. Въ 1819 году онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гвардейскаго корпуса и во главѣ ея принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи возстанія 14-го декабря, за что и былъ взысканъ милостями новаго императора, произведшаго его въ генералъ-адъютанты. Позднѣе онъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828—29 гг. и въ Польской кампаніи, при чемъ при взятіи Праги потерялъ ногу, оторванную ядромъ. Въ 1831 году Сухозанетъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Артиллерійскаго училища, а въ слѣдующемъ году директоромъ только что основанной Военной Академіи (впослѣдствіи Академія Генеральнаго Штаба), которая была организована по выработанному имъ плану. Онъ управлялъ Академіей болѣе 20-ти лѣтъ, вплоть до ея преобразованія въ 1854 году, причемъ въ основу всей жизни Академіи былъ имъ положенъ принципъ *дисциплины*, проводимой съ безпощадной суровостью и прямолинейностью.

Указание на недовольство, съ какимъ было встрѣчено среди Петербугскаго общества назначеніе директоромъ Военной Академіи генерала Сухозанета, а также отчасти и на причины, которыми это недовольство было вызвано, находимъ мы въ воспоминаніяхъ князя Н. С. Голицына, долгое время состоявшаго въ Академіи профессоромъ стратегіи и военной исторіи, въ статьѣ „Императорская Военная Академія въ 1834—1848 гг.": „Въ началѣ 1832 г., имѣя въ Гвардейскомъ штабѣ ежедневныя занятія по службѣ, я только по приказамъ и слухамъ зналъ о томъ, что касалось новоучреждаемой

lib.pushkinskijdom.ru

Военной Академіи, именно: что съ начала 1832 г. приступлено было къ распоряженіямъ по открытію ея, наконецъ, въ августѣ (потомъ 26 ноября) этого года; что 11 января того же года директоромъ ея былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ I-й, и что ему, по уставу Академіи, былъ предоставленъ выборъ вице-директора и всѣхъ штатныхъ чиновъ ея. Назначеніе Сухозанета директоромъ Академіи было встрѣчено со стороны общественнаго мнѣнія (конечно, „негласнаго“, ибо „гласнаго“ тогда не было и быть не могло) и особенно—Гвардейскаго и Генеральнаго штаба въ Петербургѣ—съ изумленіемъ и несочувственно. Всѣ очень хорошо знали, кто и что́ такое былъ Сухозанетъ, и полагали, что если онъ, потерявъ ногу въ сраженіи, сталъ неспособенъ къ строевой службѣ, то могъ быть назначенъ въ военно-административную, или же—комендантомъ крѣпости (въ какую должность обыкновенно назначали безрукихъ, безногихъ и т. п. ветерановъ-генераловъ „на покой“), но уже вовсе не „первымъ“ директоромъ такого новаго, высшаго военно-учебнаго заведенія, какъ Военная Академія, предназначенная для образованія офицеровъ къ службѣ Генеральнаго штаба и для „вящаго“ (какъ было сказано въ уставѣ Академіи) распространенія военныхъ познаній въ русской арміи. Между этими двумя цѣлями и Сухозанетомъ не было и не могло быть ничего общаго. Но тому же негласному общественному мнѣнію было извѣстно, что выбору Сухозанета въ директоры Академіи немало содѣйствовало представленіе управляющаго Главнымъ штабомъ Е. И. В., генералъ-адъютанта графа Чернышева—по родственнымъ связямъ его съ Сухозанетомъ, женатымъ на княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Женившись на ней, Сухозанетъ породнился не только съ Чернышевымъ, но и съ Петербургскою знатью, хотя эта знать, тѣмъ не менѣе, все-таки считала Сухозанета „мѣщаниномъ во дворянствѣ“ (чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно). Словомъ—назначеніе Сухозанета было вовсе не по вкусу общества и Генеральнаго штаба“ (*Рус. Старина*, 1883 г., т. I, стр. 410—411).

Сухозанетъ, благодаря богатству своей жены, жилъ на широкую ногу, велъ большую игру, а зимою давалъ по средамъ великолѣпные балы, на которые стекалось самое блестящее петербургское общество. Тѣмъ не менѣе онъ особенной популярностью среди этого общества, какъ это видно и изъ замѣтки Пушкина, не пользовался. Хорошо знавшій его гр. Д. А. Милютинъ (впослѣдствіи военный министръ и фельдмаршалъ) въ своихъ Воспоминаніяхъ характеризуетъ его личность мало симпатичными чертами. По его словамъ,

lib.pushkinskijdom.ru

„Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые не дѣлаютъ ничего безъ какого-нибудь расчета или, какъ говорится, безъ задней мысли.“ Даже среди военныхъ служакъ Николаевскаго времени Сухозанетъ выдѣлялся своей мелочной требовательностью, придирчивостью и взыскательностью, граничившей съ жестокостью. Характеризуя его, какъ директора Военной Академіи, и сопоставляя его съ его помощникомъ, вице-директоромъ ген. Ренненкампфомъ, тотъ же Милютинъ пишетъ: „Насколько Ренненкампфъ былъ добродушенъ и мягокъ, настолько же Сухозанетъ былъ крутъ, взыскателенъ, придирчивъ. Съ обучающимися офицерами первый обходился учтиво, гуманно; второй считалъ нужнымъ держать ихъ въ строгой дисциплинѣ, какъ будто искалъ случаевъ, чтобы показать свою власть. Ренненкампфа мы любили и уважали, а Сухозанета—боялись и ненавидѣли. Въ тѣ времена господствовала въ военной службѣ, можно сказать, система террора: только тотъ начальникъ считался исполнительнымъ, надежнымъ, который держалъ подчиненныхъ, по тогдашнему выраженію, „въ ежовыхъ рукавицахъ“. Сухозанетъ былъ достойный ученикъ Аракчеева и Яшвиля: не ограничиваясь строгостію въ служебныхъ требованіяхъ, онъ допекалъ подчиненныхъ всякими мелочными стѣсненіями и готовъ былъ изъза какихъ-нибудь пустяковъ погубить всю будущность офицера. Самою непріятною и тяжелой обязанностью обучавшихся офицеровъ были установленныя дежурства у директора: каждый день одинъ изъ офицеровъ по-очередно долженъ былъ по окончаніи лекцій, вмѣсто отдыха и обѣда, отправляться въ мундирѣ и шарфѣ къ генералу Сухозанету и ждать въ его пріемной часа, когда угодно будетъ Его Высокопревосходительству потребовать къ себѣ дежурнаго. Случалось, что до самаго вечера онъ не былъ дома, иногда же и былъ дома, но умышленно заставлялъ дежурнаго офицера сидѣть безъ дѣла нѣсколько часовъ въ пріемной, и по временамъ высматривалъ—сидитъ ли онъ съ подобающею мѣсту почтительностью... Генералъ Сухозанетъ наводилъ страхъ и трепетъ на всю Академію in corpore. Приведу одинъ примѣръ его начальственныхъ пріемовъ: однажды, въ какой-то торжественный день, на большомъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ служащихъ и обучающихся въ Академіи пріѣзжали не довольно заблаговременно, генералъ Сухозанетъ счелъ нужнымъ „проучить“ насъ и приказалъ всѣмъ отправиться прямо изъ дворца въ Академію, гдѣ и ожидать его прибытія. Заставивъ всѣхъ насъ, съ генераломъ Ренненкампфомъ во главѣ, прождать нѣсколько часовъ, въ полной формѣ, онъ при-

lib.pushkinskijdom.ru

слалъ, наконецъ, адъютанта съ объявленіемъ, что сегодня Его Высокопревосходительство не изволитъ пріѣхать, и приказалъ собраться всѣмъ на другой день, въ опредѣленный часъ, также въ полной формѣ. На другой день опять вся Академія прождала прибытія начальника до захожденія солнца, и опять напрасно; вторично приказано было собраться на слѣдующій день; но и въ этотъ третій разъ Сухозанетъ не явился, а приказалъ просто разойтись. Академія получила достаточный урокъ. Таковы были тогда нравы въ военной службѣ. Подобныя выходки самодура никого не поражали; всѣ, не исключая старыхъ заслуженныхъ генераловъ, безропотно покорялись произволу старшаго начальства. Въ этомъ только и выражалась тогдашняя военная дисциплина" („Воспоминанія генералъ-фельдмаршала графа Димитрія Алексѣевича Милютина." Изданіе Военной Академіи. Томскъ, 1919. Томъ I, стр. 120—121).

Приблизительно такъ же характеризуетъ Сухозанета и его административную систему оффиціальный историкъ Академіи Генеральнаго штаба Глиноецкій: „Самая жизнь въ Академіи (при Сухозанетѣ) была чрезвычайно трудна. Директоръ Академіи на первомъ планѣ ставилъ охраненіе дисциплины между молодыми офицерами; любимое его выраженіе, употребляемое имъ въ приказахъ и въ рѣчахъ офицерамъ было: „безъ науки побѣждать возможно, но безъ дисциплины—никогда". На науку онъ смотрѣлъ, какъ на что-то придаточное къ военному дѣлу; „наука въ военномъ дѣлѣ,—говорилъ И. О. Сухозанетъ,—не болѣе, какъ пуговица къ мундиру: мундиръ безъ пуговицы нельзя надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира". Относительно офицеровъ, по понятіямъ Сухозанета, всѣ академическія власти должны были стоять въ строго начальственныхъ отношеніяхъ, т.-е. не принимая никакихъ объясненій, не вдаваясь въ разговоры съ офицерами, употреблять лишь власть карательную при малѣйшемъ проступкѣ; узнавать причину проступка офицера, вводить, слѣдовательно, смягчающія обстоятельства, значило бы, по словамъ Сухозанета, „становиться болѣе отцомъ, нежели начальникомъ"... Неудивительно, что при такихъ взглядахъ высшаго начальника, обучающимся офицерамъ приходилось очень жутко; малѣйшая провинность подвергалась взысканію. Каждый малѣйшій случай служилъ поводомъ или къ грозному приказу по Академіи или же къ не менѣе грозной бесѣдѣ директора со всѣми собранными офицерами и административными властями Академіи" (Глиноецкій. „Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба". СПБ., 1882. Стр. 106—107). Естественнымъ результатомъ режима,

lib.pushkinskijdom.ru

введеннаго Сухозанетомъ въ Академіи, является ея быстрый упадокъ, такъ что въ 1851 году выпущено было изъ этого заведенія лишь 10 лицъ, а принято въ него 7 изъ числа 10-ти, явившихся къ экзамену; изъ этого видно, что, несмотря на всѣ предоставленныя Академіи льготы и преимущества, она не въ силахъ была привлечь къ себѣ желающихъ, благодаря чему русская армія лишена была притока офицеровъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ, а это, въ свою очередь, явилось одной изъ причинъ нашихъ военныхъ неудачъ во время Восточной войны 1853—56 годовъ.

Стр. 35 (25). По поводу этихъ дамскихъ мундировъ мы находимъ въ дневникѣ сенатора Дивова слѣдующую запись (2 декабря 1833 г.): „Петербургъ занятъ преобразованіемъ въ костюмѣ фрейлинъ и придворныхъ дамъ. Придумали новый, какъ говорятъ, національный костюмъ, который эти дамы будутъ обязаны носить въ дни большихъ выходовъ при дворѣ. Это нѣчто въ родѣ офранцуженнаго сарафана изъ бархата зеленаго цвѣта для статсъ-дамъ и пунцоваго для фрейлинъ“ (Рус. Старина, 1900 г., апр., стр. 136). Объ этой мундирной реформѣ говоритъ неоднократно и К. Я. Булгаковъ въ своихъ письмахъ къ брату; такъ, въ письмѣ отъ 4 апрѣля 1833 г., сообщая брату о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ мундирахъ для чиновниковъ, Булгаковъ присовокупляетъ: „Говорятъ, что и дамы для главныхъ табельныхъ дней будутъ имѣть платья по классамъ“, а въ письмѣ отъ 1 марта 1834 г. онъ говоритъ: „Дамскія платья также утверждены; положительно всякая будетъ знать, что ей носить. Это также хорошо“ („Рус. Архивъ“, 1904 г., № 3, стр. 412). Рисунокъ этого новаго придворнаго дамскаго костюма былъ тогда-же помѣщенъ въ № 1-мъ „Библ. для Чтенія“, за 1834 г.

Стр. 35 (25—26). „Время бѣдное и бѣдственное“.—Пушкинъ, конечно, имѣетъ въ виду тяжелый неурожай, постигшій въ 1833 году значительную часть Россіи. По поводу этого стихійнаго бѣдствія А. С. Ермоловъ пишетъ въ своей книгѣ: „Наши неурожаи и продовольственный вопросъ“ (Спб., 1909): „Уже осень 1832 года, сопровождавшаяся во многихъ губерніяхъ, особенно сѣверныхъ, крайними холодами, неблагопріятной погодой, неумѣренными дождями, частыми инеями и несвоевременно выпавшимъ снѣгомъ, давала поводъ опасаться за состояніе посѣвовъ. Весна 1833 года отличалась почти повсюду необыкновенными холодами, препятствовавшими росту хлѣбовъ; непосредственно за холоднымъ временемъ наступила

lib.pushkinskijdom.ru

продолжительная засуха, съ сильными палящими вѣтрами, особенно въ губерніяхъ Новороссійскихъ, Малороссійскихъ, Воронежской и Области Войска Донского" (назв. соч., стр. 43—44). Всеподданнѣйшій отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1833 годъ, кромѣ перечисленныхъ Ермоловымъ губерній, указываетъ въ качествѣ пострадавшихъ отъ неурожая также Харьковскую, Тамбовскую, Саратовскую, Витебскую, Смоленскую, Могилевскую и нѣкоторые уѣзды Пензенской, Нижегородской, Костромской, Тверской, Псковской и Калужской. „Въ другихъ губерніяхъ,—пишетъ министръ,—урожай былъ по большей части лишь посредственный; въ нѣкоторыхъ ожидали обильнаго, но проливные дожди въ Іюлѣ и Августѣ испортили жатву. Травы въ полуденной части Имперіи отъ засухи почти совершенно пропали" („Сѣв. Пчела", 22 сент. 1834 г., № 214). Результатомъ неурожая было сильное поднятіе цѣнъ на предметы продовольствія, отъ котораго, конечно, болѣе всего страдала бѣднѣйшая часть населенія. „По цензурнымъ условіямъ того времени, литература сохранила немного данныхъ о размѣрахъ бѣдствія, которое претерпѣвалось населеніемъ вслѣдствіе неурожая 1833 года, какъ и другихъ неурожаевъ Николаевской эпохи. Однако о нихъ можно судить по даннымъ о продажныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, которыя повысились въ 7 и даже въ 10 разъ противъ нормальныхъ. Такъ, я могу отмѣтить, что въ губ. Тамбовской, вмѣсто обычной средней цѣны четверти ржи въ 4 руб., цѣна возрасла до 27 руб. за четверть, въ Саратовской—съ 3 до 21 руб., въ Курской—съ 3 р. 75 к. до 31 руб., а въ Тульской—съ 5 до 50 руб. Очевидно, что покупать хлѣбъ по такимъ цѣнамъ сельскимъ обывателямъ было совершенно не подъ силу, и положеніе тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не кормило правительство или помѣщики, и тамъ, гдѣ не хватало мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые весьма часто были крайне недостаточны, представлялось совершенно отчаяннымъ" (Ермоловъ: назв. соч., стр. 47—48). Правительство принимало нѣкоторыя мѣры помощи голодающимъ: ассигновало значительныя для того времени денежныя суммы для закупки хлѣба (ок. 20 мил. руб.), разрѣшило безпошлинный ввозъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ-заграницы, отсрочило на годъ рекрутскій наборъ въ голодающихъ губерніяхъ и на два года платежи государственныхъ податей и земскихъ повинностей (манифестъ 1 августа 1833 г.), устраивало общественныя работы, поощряло частную благотворительность и т. д.; но, повидимому, мѣры эти мало помогали дѣлу. Недостатокъ хлѣба заставлялъ населеніе прибѣгать къ различнымъ суррогатамъ; само правительство

lib.pushkinskijdom.ru

поощряло ихъ употребленіе и рекомендовало печеніе хлѣба съ примѣсью картофеля, винной барды и т. д.; какой-то досужій обыватель выступилъ даже съ проектомъ печь хлѣбы изъ соломенной муки, и проектъ этотъ былъ напечатанъ въ полу-оффиціальной „Сѣверной Пчелѣ“ (27 янв. 1834 г., № 22). Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вполнѣ понятно, почему Пушкинъ назвалъ переживаемое время „бѣднымъ и бѣдственнымъ“. Упоминаніе о голодѣ встрѣчается въ Дневникѣ еще въ записяхъ 14 декабря 1833 г. и 17 марта 1834 г.

Стр. 35 (27). Кн. П. А. Вяземскій (1792—1878) принадлежалъ, подобно Жуковскому, къ числу наиболѣе близкихъ, интимныхъ друзей Пушкина. Человѣкъ прекрасно образованный, остроумный собесѣдникъ, талантливый писатель, Вяземскій представлялъ собою замѣтную величину въ томъ избранномъ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ. Аристократъ по происхожденію, имѣвшій полную возможность по личнымъ и семейнымъ связямъ сдѣлать блестящую карьеру, Вяземскій, однако, никогда не увлекался мечтами честолюбія и, если и достигъ на склонѣ лѣтъ „степеней извѣстныхъ“, то все же служебные успѣхи никогда не были настоящей цѣлью его стремленій. Въ молодости Вяземскій пользовался репутаціей „либерала“ и дѣйствительно не былъ чуждъ тѣхъ довольно безпредметныхъ „вольнолюбивыхъ мечтаній“, которыя были такъ распространены среди русской молодежи Александровской эпохи и которыя выразились впослѣдствіи въ политическихъ планахъ и стремленіяхъ декабристовъ; однако ни къ какимъ тайнымъ обществамъ Вяземскій не принадлежалъ, хотя и былъ близокъ со многими изъ лицъ, причастныхъ движенію. Во время его службы въ Варшавѣ, онъ принималъ участіе въ выработкѣ проекта русской конституціи, составленіе которой было поручено имп. Александромъ I-мъ Н. Н. Новосильцеву, при которомъ кн. Вяземскій въ это время служилъ, и лѣтомъ 1819 года, во время своего пріѣзда въ Петербургъ, представлялся государю и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ по поводу этого проекта (см. его *Исповѣдь* въ „Собраніи сочиненій“, т. II-й, стр. 86—88).

„Либеральное“ настроеніе выражалось у кн. Вяземскаго преимущественно въ неодобрительныхъ отзывахъ о политикѣ и дѣйствіяхъ русскаго правительства, въ осужденіи крѣпостного права и другихъ золъ тогдашней русской жизни, а также въ повышенномъ интересѣ и сочувствіи къ конституціонной борьбѣ на Западѣ: во

lib.pushkinskijdom.ru

Франціи, Испаніи, Неаполѣ. Этимъ же либеральнымъ духомъ проникнуты и нѣкоторыя изъ его стихотворныхъ произведеній 20-хъ годовъ, напр., стихотворенія „Петербургъ“ и „Негодованіе“. Рѣзкіе отзывы и сужденія Вяземскаго въ частныхъ письмахъ, подвергшихся перлюстраціи, возбудили противъ него неудовольствіе высшей власти, а въ 1821 году онъ былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія и за нимъ былъ установленъ негласный надзоръ полиціи. Въ этомъ положеніи опальнаго и поднадзорнаго Вяземскій состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Къ этому времени относится расцвѣтъ его журнальной дѣятельности, при чемъ въ 1825—1828 гг. онъ принималъ дѣятельное участіе въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого, наиболѣе передовомъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако, къ 30-мъ годамъ юношескій либерализмъ Вяземскаго значительно потускнѣлъ: съ помощью своихъ вліятельныхъ друзей: Жуковскаго, Блудова, А. И. Тургенева ему удалось до извѣстной степени реабилитироваться въ глазахъ власти, хотя все-таки Бенкендорфъ и самъ императоръ Николай Павловичъ продолжали относиться къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Однако, въ 1830 году кн. Вяземскій былъ снова принятъ на службу Канкринымъ въ Министерство Финансовъ и въ 1832-мъ году назначенъ вице-директоромъ Департамента внѣшней торговли и редакторомъ „Коммерческой Газеты“.

Какъ человѣкъ, князь П. А. Вяземскій представлялъ собою счастливое сочетаніе многихъ блестящихъ качествъ: ума, образованія, вкуса, остроумія, съ одной стороны, а съ другой—душевнаго благородства, привязчивости, сердечности и простоты. Пушкинъ еще въ 1822 году въ своей „Надписи къ портрету кн. П. А. Вяземскаго“ далъ слѣдующую мастерскую характеристику его, въ которой онъ отмѣтилъ именно это разнообразіе природныхъ даровъ, выпавшихъ на долю Вяземскаго:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

Одной изъ главныхъ характерныхъ чертъ Вяземскаго, составившихъ ему опредѣленную репутацію среди современниковъ, было его аттическое остроуміе. Блестящій causeur во французскомъ духѣ, Вяземскій привыкъ пересыпать блесками острыхъ словъ какъ дружескія бесѣды и письма, такъ и свои стихотворныя произведенія и критическія статьи. По его собственному признанію, онъ рано на-

lib.pushkinskijdom.ru

чалъ „промышлять устною литературой“, пуская въ общественный оборотъ меткія словечки, остроумные bon-mots, краткія, но выразительные опредѣленія и характеристики своихъ друзей и недруговъ. Литературные противники сильно побаивались его ѣдкихъ эпиграммъ, его „сатирической палицы“, по выраженію Пушкина. Многіе изъ пущенныхъ имъ въ ходъ эпитетовъ и опредѣленій получили право гражданства среди современнаго общества; такъ не имъ придуманное, но имъ пущенное въ ходъ прозвище *Фиглярина* (см. его эпиграмму: „Журналистъ Фигляринъ и Истина“ въ „Московск. Телеграфѣ“, 1827 г., ч. XV, стр. 5), было подхвачено всѣми полемистами того времени, въ томъ числѣ и Пушкинымъ, и навсегда закрѣплено ими за Булгаринымъ. Эту именно природную ѣдкость и остроту ума Вяземскаго имѣлъ въ виду Пушкинъ, начиная свое неоконченное „Посланіе“ къ нему (1822 г.), сохранившееся только въ черновомъ наброскѣ:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

Какъ писатель, кн. Вяземскій, конечно, не принадлежалъ къ числу первоклассныхъ; дарованіе его, нелишенное чертъ своеобразія, не отличалось особенною силой и яркостью. Впрочемъ, онъ самъ, повидимому, хорошо сознавалъ размѣры своего таланта и былъ скромнаго о себѣ мнѣнія; въ одномъ письмѣ къ Жуковскому отъ 9 сентября 1824 г. онъ называетъ себя „стихотворцемъ, а не поэтомъ“ (П. Бартеневъ. Бумаги А. С. Пушкина. Вып. 2-й М. 1885. Стр. 26); а въ болѣе позднемъ письмѣ къ тому же лицу онъ пишетъ по поводу возникшаго плана изданія журнала: „Я радъ содѣйствовать, а другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной, или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь“ (тамъ же, стр. 37). Впослѣдствіи, въ одной изъ замѣтокъ своей *Записной книги*, онъ называетъ свою Музу: „Muse à courte haleine“ („Собраніе сочиненій,“ т. X, стр. 202). Все это указываетъ на то, что Вяземскій былъ чуждъ авторскаго самомнѣнія и умѣлъ весьма трезво и объективно оцѣнивать свое собственное дарованіе. Такъ, онъ самъ совершенно вѣрно подмѣтилъ нѣкоторую разсудочность своей поэзіи, придающей ей иногда отпечатокъ холодности и надуманности. Посылая въ 1824 году Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кину свое стихотвореніе: *Нарвскій водопадъ*, онъ пишетъ ему: „Я доволенъ тутъ однимъ нравственнымъ примѣненіемъ, но стихи что-то холодны! Я совсѣмъ отвыкъ отъ стиховъ. Я говорю, какъ на иностранномъ языкѣ: можно угадать мысли и чувства, но нѣтъ для слушателей увлеченія краснорѣчія. Я въ стихахъ—Франклинъ на французскомъ языкѣ: сдается какое-то чужеязычіе“ („Переписка“, подъ ред. Саитова, т. I, стр. 254).—Тѣмъ не менѣе среди второстепенныхъ поэтовъ Пушкинской эпохи Вяземскому, несомнѣнно, принадлежитъ вполнѣ опредѣленное и замѣтное мѣсто. Его высоко цѣнили Жуковскій, Плетневъ и Гоголь, давшій въ своей статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, краткую, но выпуклую характеристику Вяземскаго, какъ поэта. Самъ Пушкинъ постоянно отзывался сочувственно о его стихахъ и нерѣдко выражалъ сожалѣніе, что онъ такъ мало пишетъ. „Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ: они плѣнительны и оживительны; *Первый снѣгъ* прелесть, *Унынiе*— прелестнѣе,“—писалъ онъ ему въ мартѣ 1820 года („Переписка“, т. I, стр. 15); „*Первый снѣгъ* я знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? пришли, ради Бога,“—повторяетъ онъ въ письмѣ изъ Кишинева два года спустя (ib., стр. 60). Въ отвѣтъ на нѣкоторыя сомнѣнія самого Вяземскаго, Пушкинъ пишетъ ему уже изъ Михайловскаго 14 августа 1825 года: „Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-росскомъ“.—Въ раннюю эпоху творчества Пушкина, въ эпоху его литературныхъ Lehrjahre, стихотворенія Вяземскаго оказали несомнѣнное вліяніе на выработку его поэтическаго стиля, на его стихотворную технику: вліяніе это особенно ясно чувствуется на его „посланіяхъ“, написанныхъ излюбленнымъ Вяземскимъ александрійскимъ размѣромъ; но и позднѣе это вліяніе обнаруживается иногда даже на произведеніяхъ, написанныхъ въ эпоху полной зрѣлости: любопытныя наблюденія по этому поводу собраны въ статьѣ И. Н. Розанова: „Князь Вяземскій и Пушкинъ: къ вопросу о литературныхъ вліяніяхъ“ („Бесѣды,“ сборникъ общества Исторіи Литературы въ Москвѣ. Т. I, М., 1915). Случалось также, что стихи Вяземскаго вызывали у Пушкина непосредственный поэтическій отголосокъ: такъ, на присланное ему Вяземскимъ изъ Ревеля лѣтомъ 1826 года стихотвореніе „Море“ онъ отвѣтилъ 14 августа стихами же: „Такъ море, древній душегубецъ, воспламеняетъ геній твой...“ Весьма охотно заимствовалъ Пушкинъ изъ стихотвореній Вяземскаго эпиграфы для своихъ про-

lib.pushkinskijdom.ru

изведеній; такъ эпиграфъ къ *Кавказскому Плѣннику*: „Подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьи страсти—легкій листъ!“ взятъ имъ изъ Посланія Вяземскаго *Графу Θ. И. Толстому*, а эпиграфъ къ первой главѣ Евгенія Онѣгина: „И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ“, заимствованъ изъ стихотворенія *Первый снѣгъ*.—Однако отъ чуткаго вкуса Пушкина не укрылись и слабыя стороны поэзіи Вяземскаго и, при существовавшихъ между ними отношеніяхъ дружеской откровенности, онъ не стѣснялся высказывать своему другу свои критическія соображенія. Такъ, по поводу уже отмѣченной разсудочности, присущей поэзіи Вяземскаго, Пушкинъ выразился однажды въ слѣдующей остроумной формѣ: „Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ слишкомъ умны,—а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата“ („Переписка“, т. I, стр. 349). Другой недостатокъ стиховъ Вяземскаго — ихъ небрежность, отсутствіе художественной отдѣлки, вслѣдствіе чего Гоголь называлъ ихъ „импровизаціями“, также неоднократно вызывалъ замѣчанія Пушкина; такъ, въ письмѣ отъ 14—15 августа 1825 года онъ довольно подробно разбираетъ присланное ему Вяземскимъ стихотвореніе *Водопадъ*, отмѣчая въ немъ рядъ неточныхъ образовъ и неловкихъ выраженій; критика эта, въ свою очередь, вызвала отвѣтъ Вяземскаго, въ которомъ онъ выступаетъ съ объясненіями, пытаясь защитить свое произведеніе отъ нападокъ своего друга-цѣнителя (тамъ же, стр. 281—282).

Другая сторона литературной дѣятельности Вяземскаго, его критическая дѣятельность, также вызывала къ себѣ постоянно сочувственное отношеніе Пушкина. Быть можетъ, это отчасти объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что литературное развитіе того и другого шло приблизительно одними и тѣми же путями, что въ ходѣ его было у нихъ немало общаго. Какъ Пушкинъ, такъ и Вяземскій воспитались на литературныхъ образцахъ французскаго классицизма, который оставилъ явные слѣды на ихъ раннихъ произведеніяхъ: недаромъ молодой Пушкинъ назвалъ Вяземскаго однажды въ шутку *Шолье Андреевичемъ* (въ Письмѣ къ Вас. Л. Пушкину 1816 г.). Однако, подобно Пушкину, Вяземскій рано примкнулъ къ новому литературному направленію, къ которому принадлежали многія изъ близкихъ ему лицъ: Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ и др. Вмѣстѣ съ ними онъ принялъ дѣятельное участіе въ литературной борьбѣ *Арзамаса*, направляя стрѣлы своего остроумія противъ представителей старой школы, преимущественно противъ Шаховского и Каченовскаго. Его сатиры и эпиграммы отличаются ѣдкостью

lib.pushkinskijdom.ru

и остроуміемъ, и создали ему репутацію опаснаго противника. Тѣми же качествами отличаются и его критическія статьи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что, выступая на полемической аренѣ въ качествѣ сторонника и защитника „романтической школы", Вяземскій былъ совершенно чуждъ односторонности и предвзятости этого направленія, къ которымъ, напр., былъ такъ склоненъ Полевой, и постоянно оставался искреннимъ цѣнителемъ и поклонникомъ такихъ представителей французскаго классицизма, какъ Расинъ: въ этомъ отношеніи онъ также сходился съ Пушкинымъ, который умѣлъ цѣнить красоту и поэзію, независимо отъ всякихъ формулъ и правилъ литературной догматики (о литературныхъ взглядахъ Вяземскаго см. статью, къ сожалѣнію неоконченную, проф. Н. К. Кульмана: „Князь П. А. Вяземскій, какъ критикъ" въ „Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ", 1904 г., т. IX, кн. 1-я). Дѣятельность Вяземскаго, какъ литературнаго критика, относится преимущественно къ 20-мъ и къ первой половинѣ 30-хъ годовъ; разцвѣтъ ея совпадаетъ съ эпохой его сотрудничества въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полевого (1825—1828 гг.) и въ „Литературной Газетѣ" бар. Дельвига (1830—1831 гг.). Пушкинъ очень высоко цѣнилъ критическія статьи Вяземскаго; въ письмѣ къ Погодину отъ 31 августа 1827 г. онъ слѣдующимъ образомъ отзывается о нихъ: „Въ Телеграфѣ) похвально одно ревностное трудолюбіе—а хороши однѣ статьи Вяземскаго—но зато за одну статью Вяз. въ Тел. отдамъ 3 дѣльныя статьи М(осковскаго) Вѣст(ника). Его критика поверхностна или несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста!.." „Проза кн. Вяземскаго,—пишетъ Пушкинъ въ одной изъ своихъ мелкихъ замѣтокъ,—чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастію, онъ мыслитъ, что довольно рѣдко". Въ одной замѣткѣ въ „Литературной Газетѣ" (1830 г., 15 февр., № 40) онъ даетъ слѣдующую характеристику Вяземскаго, какъ критика: „Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглащаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ силою разсужденія (discussion) и ловкостью самого софизма". Особенно высоко ставилъ Пушкинъ изслѣдованіе Вяземскаго о Фонвизинѣ, представляющее, дѣйствительно, наиболѣе крупный и цѣльный литературно-

lib.pushkinskijdom.ru

критическій трудъ его, до сихъ поръ сохраняющій научное значеніе (см. отзывъ о немъ акад. К. Н. Бестужева-Рюмина въ его юбилейной рѣчи о кн П. А. Вяземскомъ: „Публичное засѣданіе Имп. Академіи Наукъ 19 октября 1892 года". СПб., 1892; стр. 25). Въ этой книгѣ Вяземскому удалось избѣжать того отпечатка остроумнаго дилетантизма, который нерѣдко сказывается въ другихъ его критическихъ работахъ. Объ этомъ сочиненіи Вяземскаго Пушкинъ писалъ между прочимъ Плетневу 11 апрѣля 1831 года: „Вяземскій везетъ къ вамъ Жизнь Ф.-Визина, книгу едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги". Пушкинъ интересовался этимъ трудомъ Вяземскаго еще въ то время, когда онъ не былъ еще законченъ, и даже оказывалъ автору нѣкоторую помощь въ работѣ; такъ, по просьбѣ Вяземскаго, Пушкинъ, между прочимъ, посѣтилъ въ Москвѣ князя Н. Б. Юсупова, съ цѣлью получить отъ него свѣдѣнія объ авторѣ „Недоросля", съ которымъ Юсуповъ былъ лично знакомъ („Переписка", под. ред. Саитова, т. II, стр. 203). Ему же первому Вяземскій прочелъ свой трудъ, воспользовавшись пріѣздомъ Пушкина въ Остафьево въ декабрѣ 1830 года, гдѣ въ это время Вяземскій проживалъ съ семьей, укрываясь отъ свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Въ своей автобіографіи Вяземскій сообщаетъ по этому поводу: „Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятеля, и судилъ о трудѣ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика мѣткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще онъ болѣе хвалилъ, нежели критиковалъ... Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то-есть лучшую награду за свой трудъ" („Собраніе сочиненій", т. I, стр. 51).

Въ своей критической дѣятельности, посвященной преимущественно текущей литературѣ, Вяземскій, конечно, не могъ не коснуться также и Пушкина. Онъ одинъ изъ первыхъ почувствовалъ и оцѣнилъ силу художественнаго дарованія молодого поэта. Такъ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 25 апрѣля 1818 года Вяземскій пишетъ по поводу одного стихотворенія Пушкина: „Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. Въ дыму столѣтій! Это выраженіе—городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, какъ отцовъ нашихъ. Знаешь

lib.pushkinskijdom.ru

ли, что и Державинъ испугался бы *дыма столѣтій*? О прочихъ и говорить нечего!" (П. Бартеневъ. „Бумаги Пушкина". Вып. 2-й. М. 1885, стр. 14) Уже этотъ восторженно-юмористическій отзывъ показываетъ, какъ высоко цѣнилъ Вяземскій уже первые, еще незрѣлые, юношескіе поэтическіе опыты Пушкина и какъ чутко отнесся онъ къ его расцвѣтающему дарованію. Съ тѣхъ поръ и до конца Вяземскій остался горячимъ поклонникомъ Пушкина, а нерѣдко выступалъ и въ роли его защитника. Такъ, когда первыя поэмы Пушкина подверглись придирчивой критикѣ и несправедливымъ нападкамъ со стороны представителей старыхъ литературныхъ традицій въ родѣ Каченовскаго, Вяземскій горячо выступилъ на его защиту: въ 1822 году онъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* статью: „О Кавказскомъ Плѣнникѣ, повѣсти соч. А. Пушкина", а въ 1824 г. онъ присоединилъ къ сдѣланному имъ изданію „Бахчисарайскаго Фонтана" спеціально написанное введеніе, въ видѣ „Разговора между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго Острова"; эта статья возбудила въ тогдашнихъ журналахъ оживленную полемику между приверженцами стараго *классицизма* и сторонниками новаго *романтическаго* направленія, продолжавшуюся въ теченіе всѣхъ 20-хъ годовъ. Самъ Пушкинъ былъ очень доволенъ статьей Вяземскаго и, благодаря его за нее, писалъ ему изъ Одессы въ апрѣлѣ 1824 года: „Разговоръ прелесть, какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ... Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси" („Переписка", т. I-й, стр. 105-106). Наконецъ, въ 1827 году Вяземскій напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* критическую статью о „Цыганахъ"

Эти три статьи Вяземскаго о такъ назыв. „байроническихъ" поэмахъ Пушкина, для своего времени, представляютъ явленіе достойное замѣчанія. Въ нихъ критикъ обнаружилъ не только тонкій вкусъ, но и чуткую проницательность по отношенію къ новому, небывалому до сихъ поръ въ русской литературѣ явленію, какимъ были эти поэмы Пушкина, своеобразныя какъ по формѣ, такъ и по содержанію, при чемъ явное сочувствіе къ Пушкину нисколько не мѣшаетъ однако критику видѣть и отмѣчать также и недостатки его произведеній, наряду съ ихъ высокими поэтическими достоинствами. Однако нѣкоторыя отдѣльныя критическія замѣчанія Вяземскаго въ послѣдней статьѣ (о Цыганахъ) вызвали неудовольствіе Пушкина, которое, впрочемъ, нисколько не отразилось на ихъ взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ, но повело къ тому, что Вяземскій впослѣд-

lib.pushkinskijdom.ru

ствіи уже не рѣшался при жизни Пушкина выступать съ критическими статьями о его произведеніяхъ (см. объ этомъ въ Собраніи сочиненій Вяземскаго, т. I, стр. 321—325).

Если въ общемъ и основномъ литературные взгляды, вкусы и симпатіи Пушкина и Вяземскаго были въ значительной мѣрѣ однородны, то во многихъ частностяхъ они расходились, благодаря чему между ними нерѣдко возникали разногласія и споры по поводу разницы въ оцѣнкѣ того или другого автора или отдѣльнаго литературнаго произведенія. Въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ Вяземскій не чуждъ былъ нѣкоторой партійной узости; „изо всѣхъ членовъ Арзамаса отецъ мой былъ болѣе прочихъ человѣкомъ партіи", замѣчаетъ о немъ кн. П. П. Вяземскій въ своей статьѣ: „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива" (Собраніе сочиненій. Спб. 1893. Стр. 511); самъ Пушкинъ, имѣя въ виду эту черту Вяземскаго, назвалъ его однажды „сектантомъ" (sectaire). Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева отъ 13 іюня 1823 г. Пушкинъ пишетъ между прочимъ: „Признаюсь, что ни съ кѣмъ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою и съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня". И Вяземскій, со своей стороны, вспоминаетъ объ этихъ спорахъ съ Пушкинымъ въ своей Автобіографіи: „Онъ (Пушкинъ) гдѣ-то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ... Споры наши бывали большею частью литературные. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились: развѣ бывало иногда разномнѣніе въ такъ называемыхъ чисто русскихъ вопросахъ" („Собраніе сочиненій", т. I, стр. 57). А въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Со мною любилъ онъ спорить: и спорили мы до упаду, до охриплости объ Озеровѣ, Дмитріевѣ, Батюшковѣ и о многомъ прочемъ и прочемъ" (тамъ же, стр. 160).

Какъ указываетъ въ данномъ случаѣ Вяземскій, къ числу литературныхъ разногласій его и Пушкина относилась, напр., разница въ оцѣнкѣ такихъ писателей, какъ И. И. Дмитріевъ и Озеровъ, которыхъ Вяземскій ставилъ очень высоко, особенно перваго,—но къ которымъ Пушкинъ относился сдержанно и критически. Такъ, возражая противъ статьи Вяземскаго: „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева", Пушкинъ пишетъ: „Грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей

lib.pushkinskijdom.ru

басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго" (Переписка, подъ ред. Саитова, т. I, стр. 102). Подобные отзывы о Дмитріевѣ неоднократно встрѣчаются въ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ также, какъ неоднократно Дмитріевъ становился предметомъ ихъ словесныхъ споровъ, о которыхъ вспоминаетъ Вяземскій: „Пушкинъ не любилъ Дмитріева, какъ поэта, то-есть, правильнѣе сказать, часто не любилъ его. Скажу откровенно, онъ былъ или бывалъ сердитъ на него... Какъ бы то ни было, споры наши о Дмитріевѣ часто возобновлялись и, какъ обыкновенно въ спорахъ бываетъ, отзывы, сужденія, возраженія становились все болѣе и болѣе рѣзки и заносчивы. Были мы оба натуры спорной и другъ передъ другомъ ни на шагъ отступать не хотѣли. При задорной перестрѣлкѣ нашей мы горячились: онъ все ниже и ниже унижалъ Дмитріева; я все выше и выше поднималъ его. Однимъ словомъ, оба были мы неправы" (тамъ же, стр. 159). Повидимому, главная причина, почему пристрастіе Вяземскаго къ Дмитріеву такъ сильно задѣвало Пушкина, заключалась въ томъ, что въ этой преувеличенной оцѣнкѣ Дмитріева Пушкинъ видѣлъ несправедливое предпочтеніе его Крылову, котораго онъ самъ ставилъ такъ высоко. Свой взглядъ на Крылова Пушкинъ выразилъ въ статьѣ: „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова", вызванной изданнымъ въ Парижѣ гр. Г. В. Орловымъ французскимъ переводомъ Крыловскихъ басенъ. Въ этой статьѣ Пушкинъ, между прочимъ, называетъ Крылова „представителемъ русскаго народа". Выраженіе это какъ-то задѣло Вяземскаго за живое и вызвало съ его стороны рѣшительный протестъ; въ письмѣ къ Пушкину отъ 16—18 октября 1825 г. онъ говоритъ: „Статья твоя о Лемонтеѣ очень хороша по слогу зрѣлому, ясному и по многимъ мыслямъ блестящимъ. Но что такое за представительство Крылова?.. Какъ ни говори, а въ умѣ Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань изъ-за угла, трусость передъ господами, все это перемѣшано вмѣстѣ. Можетъ быть и тутъ есть черты народныя, но по крайней мѣрѣ не намъ признаваться въ нихъ и не намъ ими хвастаться передъ иностранцами. И (....) есть нѣкоторое представительство человѣческой природы, но смѣшно же было бы живописцу ее представить какъ типическую принадлежность человѣка". На это Пушкинъ въ письмѣ отъ конца октября 1825 г. изъ Михайловскаго (въ Академическомъ изданіи переписки Пушкина неправильно отнесенномъ къ началу октября: см. Переписку т. I, стр. 300) пишетъ: „Ты уморительно критикуешь Крылова:

lib.pushkinskijdom.ru

молчи, то знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума. Я назвалъ его представителемъ *духа* русскаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался Смердъ — (см. Госп. Кар.). Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша".

Другимъ писателемъ, вызывавшимъ постоянно разногласіе и споры между Вяземскимъ и Пушкинымъ, былъ извѣстный драматургъ начала XIX вѣка В. А. Озеровъ. Въ Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ сохранилась статья Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова", съ рукописными замѣтками Пушкина на поляхъ и на вкладныхъ листахъ; эти замѣтки, не смотря на свою отрывочную форму, даютъ намъ ясное представленіе о характерѣ литературныхъ споровъ, возникавшихъ между Пушкинымъ и Вяземскимъ, о которыхъ много позднѣе, на склонѣ своихъ лѣтъ, Вяземскій вспоминалъ: „Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько заносчивы, я—еще болѣе, нежели Пушкинъ. Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Со временемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полудорогѣ... Болѣе всего Пушкинъ не прощалъ мнѣ сказаннаго мною, что трагедіи Озерова уже нѣсколько принадлежатъ къ драматическому роду, такъ называемому *романтическому*. Пушкинъ никакъ не хотѣлъ признать его романтикомъ". (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 55—56. См. также статью акад. Л. Майкова: „Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ" въ его книгѣ: „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". Спб., 1899. Стр. 266—283).

Кромѣ литературныхъ вопросовъ, въ перепискѣ Пушкина и Вяземскаго нерѣдко встрѣчаются и политическія извѣстія. По свидѣтельству самого Вяземскаго, ихъ политическіе взгляды во многомъ совпадали: въ 20-хъ годахъ, они были окрашены нѣкоторымъ либерализмомъ; оба друга-поэта въ это время состояли „на замѣчаніи" у правительства, находились въ опалѣ, хотя ни тотъ, ни другой не были членами тайныхъ обществъ и потому послѣ декабрьской катастрофы не были привлечены къ процессу декабристовъ. Аналогія ихъ политическаго настроенія вызываетъ у нихъ иногда тождественныя заявленія, доходящія почти до полнаго совпаденія. Подобно Пушкину, Вяземскій также томился въ условіяхъ русской дѣйствительности, иногда даже мечталъ о томъ, чтобы уѣхать изъ Россіи: такъ, въ одномъ письмѣ къ А. И. Тургеневу онъ пи-

lib.pushkinskijdom.ru

шетъ, жалуясь на свое „интеллектуальное заточеніе“ въ деревенской глуши Саратовской губерніи („la Saratovie petrée“):

„Я, очевидно, здѣсь деревенѣю... Неужели можно честному русскому быть русскимъ въ Россіи? Русскій патріотизмъ можетъ заключаться въ одной ненависти къ Россіи, такой, какой она намъ представляется. Другой любви къ отечеству у насъ не понимаю“. Въ другомъ письмѣ, относящемся къ тому же времени, Вяземскій говоритъ: „Какъ бы мнѣ хотѣлось прочь убраться лѣтъ на десять... Я для Россіи уже пропалъ и могъ бы экспатріироваться безъ большого огорченія“ (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 180—181). Совершенно аналогичныя заявленія находимъ мы и у Пушкина, напр., въ письмѣ къ Вяземскому отъ 27-го мая 1826 года: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство... Если царь дастъ мнѣ *слободу*, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б... и, то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“ („Переписка“, т. I, стр. 352).

Конечно, эти пессимистическія заявленія вырвались у Пушкина и у Вяземскаго въ моментъ унынія и досады, но все-таки они являются характерными для ихъ настроенія въ извѣстную эпоху, въ связи съ опредѣленными условіями личной и общественной жизни. Въ 30-е годы и у Пушкина, и у Вяземскаго происходитъ процессъ постепеннаго замиранія прежнихъ либеральныхъ порывовъ: ихъ политическое міросозерцаніе получаетъ болѣе консервативную окраску, хотя и тотъ, и другой остаются чужды принципамъ оффиціальнаго правовѣрія, которому нѣсколько позднѣе гр. Уваровъ далъ опредѣленіе въ своей знаменитой трехчленной формулѣ. Но если въ области общихъ политическихъ вопросовъ взгляды Пушкина и Вяземскаго во многомъ сходствуютъ, то въ частныхъ вопросахъ между ними нерѣдко можно встрѣтить разномысліе. Такъ, напр., Вяземскій былъ совершенно чуждъ того „милитарнаго патріотизма“, которому иногда поддавался Пушкинъ; такъ, напр., онъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 27 сентября 1822 г. осуждаетъ Пушкина за то, что тотъ въ своемъ Вступленіи къ *Кавказскому Плѣннику* воспѣваетъ кровавые подвиги Котляревскаго и Ермолова, привѣтствуетъ усмиреніе и истребленіе кавказскихъ племенъ: „Гимны поэта,—пишетъ онъ,—не должны быть никогда славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ—настоящій анахронизмъ“ (Остафьев-

lib.pushkinskijdom.ru

скій Архивъ, т. II, стр. 275). Впослѣдствіи Вяземскій такъ же отрицательно отнесся и къ политическимъ выступленіямъ Пушкина (и Жуковскаго) вызваннымъ польскимъ мятежомъ. 14 сентября 1831 года онъ писалъ Пушкину: „Попроси Жуковскаго прислать мнѣ поскорѣе какую-нибудь новую сказку свою. Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые въ Москвѣ ходятъ въ шинели по домамъ съ поздравительными одами) и не совѣстно ли пѣвцу во станѣ Русскихъ воиновъ сравнивать нынѣшнее событіе съ Бородинымъ? Тамъ мы бились одинъ противъ 10, а здѣсь, напротивъ, 10 противъ одного. Это дѣло весьма важно въ государственномъ отношеніи, но тутъ нѣтъ ни на грошъ поэзіи". А 22 сентября Вяземскій записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Пушкинъ въ стихахъ своихъ: *Клеветникамъ Россіи* кажетъ имъ шишъ изъ кармана. Онъ знаетъ, что они не прочтутъ стиховъ его, слѣдовательно и отвѣчать не будутъ на *вопросы*, на которые отвѣчать было бы очень легко даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европѣ* любить насъ?... Мнѣ также уже надоѣли эти географическія фанфаронады: *Отъ Перми до Тавриды*, и проч. Что же тутъ хорошаго, чѣмъ радоваться и чѣмъ хвастаться, что мы лежимъ въ растяжку, что у насъ отъ *мысли* до *мысли* пять тысячъ верстъ...

Вы грозны на словах, попробуйте на дѣлѣ.

А это похоже на Яшку, который горланитъ на мірской сходкѣ: да что вы, да сунься-ка, да гдѣ вамъ, да мы-то! Неужели Пушкинъ не убѣдился, что намъ съ Европою воевать была бы смерть. Зачѣмъ же говорить нелѣпости и еще противъ совѣсти и болѣе всего безъ пользы... И что опять за святотатство сочетать *Бородино* съ *Варшавою!* Россія вопіетъ противъ этого беззаконія. Хорошо *Инвалиду* сближать эпохи и событія въ календарскихъ своихъ калейдоскопахъ, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно... Послѣ этихъ стиховъ не понимаю, почему Пушкину не воспѣвать Орлова за побѣды его Старорусскія, Нессельроде за подписаніе мира. Когда рѣшишься быть поэтомъ *событій*, а не *соображеній*, то нечего робѣть и жеманиться" („Собраніе сочиненій", т. IX, стр. 158—159).

Обращаясь къ исторіи личныхъ отношеній Пушкина и Вяземскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что начало этихъ отношеній восходитъ еще къ дѣтскимъ годамъ Пушкина, ко времени его пребыванія въ Москвѣ, въ родительскомъ домѣ. Вяземскій, коренной москвичъ по происхожденію, принадлежалъ къ тому же кругу образованнаго московскаго общества, въ которомъ вращались и Пушкины: отецъ

lib.pushkinskijdom.ru

поэта Сергѣй Львовичъ и дядя его, извѣстный стихотворецъ Василій Львовичъ, съ которымъ Вяземскаго, несмотря на разницу лѣтъ, соединяла искренняя дружба. Посѣщая гостепріимный домъ Пушкиныхъ, Вяземскій, несомнѣнно, видалъ въ немъ и будущаго поэта, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Между прочимъ, къ нему родители Пушкина обратились за совѣтомъ, когда возникъ вопросъ о его дальнѣйшемъ образованіи, и Вяземскій посовѣтовалъ имъ отдать его въ Петербургскій іезуитскій пансіонъ, въ которомъ онъ самъ воспитывался и о которомъ навсегда сохранилъ благодарное воспоминаніе; но вмѣшательство А. И. Тургенева рѣшило дѣло въ пользу только что учрежденнаго Лицея. Настоящее знакомство Вяземскаго съ молодымъ Пушкинымъ началось весной 1816 года, когда Вяземскій, вмѣстѣ съ Карамзинымъ и Вас. Льв. Пушкинымъ, посѣтилъ юношу-поэта въ его лицейской келіи (Я. К. Гротъ. „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи". СПб., 1892. стр. 47). Не смотря на то, что Вяземскій былъ на нѣсколько лѣтъ старше Пушкина, между ними тотчасъ образовалась дружеская связь, основанная на сходствѣ интересовъ, вкусовъ и настроеній. Вяземскій былъ въ это время однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Арзамаса и ревностныхъ сторонниковъ новаго литературнаго направленія. Въ своихъ остроумныхъ посланіяхъ, пародіяхъ и эпиграммахъ онъ высмѣивалъ представителей старой школы „шишковистовъ", „славенофиловъ"; весьма возможно, что эти полемическія сужденія Вяземскаго имѣли свою долю вліянія на молодого Пушкина, литературные взгляды котораго въ это время еще только слагались. Это посѣщеніе, такъ же какъ и предшествовавшее ему посѣщеніе Жуковскаго, несомнѣнно, имѣло на Пушкина благотворное вліяніе и въ томъ отношеніи, что возвысило его въ собственныхъ глазахъ, заставило болѣе серьезно отнестись къ своему таланту и своей поэтической дѣятельности.

Это же посѣщеніе вызвало и первое письмо Пушкина къ Вяземскому (отъ 27 марта 1816 г.), которое является вообще первымъ по времени изъ числа опубликованныхъ до сихъ поръ писемъ Пушкина, если не считать одного, болѣе ранняго, но чисто дѣлового и оффиціальнаго письма его къ И. И. Мартынову, касающагося лицейскихъ дѣлъ (отъ 25 ноября 1815 г.). На этомъ, повидимому, личныя сношенія обоихъ поэтовъ оборвались, такъ какъ Вяземскій возвратился въ Москву, а затѣмъ, въ февралѣ 1818 года, уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ поступилъ на службу въ канцелярію Намѣстника, подъ начальство Н. Н. Новосильцева. Въ январѣ 1819 г. онъ снова на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ,

lib.pushkinskijdom.ru

гдѣ, вѣроятно, и видѣлся съ Пушкинымъ. Но и проживая въ Варшавѣ, Вяземскій не переставалъ живо интересоваться молодымъ собратомъ, дарованіе котораго онъ сумѣлъ рано оцѣнить по достоинству. Въ своихъ письмахъ къ А. И. Тургеневу изъ Варшавы Вяземскій постоянно упоминаетъ о Пушкинѣ, то запрашивая о немъ свѣдѣній, то прося своего корреспондента передать Пушкину что-либо, или прислать его новые стихи, или же сообщить мнѣніе Пушкина о его, Вяземскаго, произведеніяхъ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 118, 130, 149, 158, 161 и др.). Безпокоится Вяземскій и о личной судьбѣ Пушкина; такъ, когда опальный поэтъ проживалъ въ Кишиневѣ, онъ пытается черезъ Тургенева улучшить его положеніе и съ этою цѣлью пишетъ своему другу 31 мая 1821 года: „Поговорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ. Непремѣнно надобно бы ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ точно хочетъ остепениться, а скука и досада— плохіе совѣтчики". Въ слѣдующемъ письмѣ от 3 іюня онъ настойчиво повторяетъ ту же просьбу (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 327 и 330).

Съ 1822 года завязывается между Пушкинымъ и Вяземскимъ регулярная переписка, продолжавшаяся, съ небольшими перерывами, вплоть до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина. Общее число писемъ Пушкина къ его другу, сохранившихся до нашего времени, доходитъ до 74-хъ, при чемъ мы имѣемъ основаніе предполагать, что не всѣ письма его дошли до насъ. Такимъ образомъ по числу обращенныхъ къ нему писемъ кн. Вяземскій стоитъ на первомъ мѣстѣ среди корреспондентовъ Пушкина, далеко опережая въ этомъ отношеніи прочихъ друзей поэта: Жуковскаго, Дельвига, Плетнева, Нащокина; только письма поэта къ женѣ числомъ (78) нѣсколько превосходятъ переписку Пушкина съ Вяземскимъ. Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о степени близости обоихъ друзей и потребности ихъ въ дружескомъ общеніи. Что же касается до содержанія ихъ переписки, то съ этой стороны она какъ нельзя лучше обрисовываетъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Переписка ихъ проникнута чувствомъ взаимной симпатіи и отличается дружеской интимностью и непринужденностью. Пушкинъ держитъ своего друга въ курсѣ всѣхъ своихъ литературныхъ замысловъ и занятій: ему первому сообщаетъ онъ, напр., о томъ, что началъ „романъ въ стихахъ," т.-е. Евгенія Онѣгина (въ письмѣ изъ Одессы отъ 4 ноября 1824 г.); для него же спеціально переписываетъ онъ первую главу этого романа, шутливо замѣчая при этомъ:

lib.pushkinskijdom.ru

„Отроду ни для кого не переписывалъ, даже для Голицыной; изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ“ (Михайловское, 22 апрѣля 1825 г.). Точно также Вяземскаго перваго извѣщаетъ онъ о томъ, что работаетъ надъ *Борисомъ Годуновымъ* (13 іюля 1825 г.) и его же спѣшитъ обрадовать извѣстіемъ объ окончаніи своей трагедіи: „Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена, я перечелъ ее вслухъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!“ („Переписка“, подъ редак. Саитова. Т. I, стр. 301),

Вообще въ перепискѣ обоихъ друзей явно преобладаютъ литературные интересы: можно сказать, что письма ихъ прямо насыщены литературой. Такъ, еще въ первомъ письмѣ своемъ къ Вяземскому отъ 27 марта 1816 года, изъ Царскаго Села, Пушкинъ проситъ стиховъ „русскаго Шапеля и Буало,“ сообщаетъ ему свои новые стихи и выражаетъ свою досаду на то, что до сихъ поръ лишенъ возможности принять участіе „даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова“ („Переписка Пушкина“, подъ ред Саитова, т. I, стр. 2-3); въ письмѣ отъ начала марта 1820 г. изъ Петербурга Пушкинъ касается сатирическихъ стиховъ Вяземскаго, посвященныхъ Катенину (въ Посланіи къ И. И. Дмитріеву), и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ и собственное мнѣніе объ этомъ писателѣ („онъ опоздалъ родиться—и своимъ характеромъ, и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію“), проситъ Вяземскаго прислать своихъ новыхъ стиховъ и сообщаетъ объ окончаніи своей поэмы („Руслана и Людмилы“); въ письмѣ отъ 2 января 1822 г. изъ Кишинева Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за всѣ его „сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія“, но критикуетъ его Посланіе къ Каченовскому („довольно было съ него легкаго хлыста, а не сатирической твоей палицы“), удивляется пристрастію Жуковскаго къ Муру, „чопорному подражателю безобразному восточному воображенію“, восторгается стихами Баратынскаго и сообщаетъ объ окончаніи Кавказскаго Плѣнника (тамъ же, стр. 37); въ письмѣ изъ Кишинева отъ 6 февраля 1823 г. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за статью о *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, напечатанную въ „Сынѣ Отечества“, привѣтствуетъ его выступленіе въ защиту романтизма, но отвергаетъ его мнѣніе объ Озеровѣ, какъ романтическомъ поэтѣ, и уговариваетъ его серьезно заняться критикой („читалъ твои стихи въ П. Звѣздѣ; всѣ прелесть—да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзинъ одни владѣете ею... кому, какъ не тебѣ взять

lib.pushkinskijdom.ru

на себя скучную, но полезную должность надзирателя нашихъ писателей"); 19 августа 1823 года изъ Одессы проситъ Вяземскаго взять на себя второе изданіе Руслана и Людмилы и написать къ нему предисловіе („освяти его своею прозою, единственною въ нашемъ прозаическомъ Отечествѣ"); 14 октября благодаритъ Вяземскаго за его согласіе издать Кавказскаго Плѣнника со своимъ предисловіемъ и сообщаетъ нѣкоторыя замѣчанія и поправки къ отдѣльнымъ стихамъ поэмы; въ началѣ ноября того же года соглашается внести въ нее нѣкоторыя измѣненія, предложенныя Вяземскимъ, а также запрашиваетъ его по поводу дошедшихъ до Одессы слуховъ о комедіи Грибоѣдова: „Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чедаева". Въ письмахъ отъ 8 марта и отъ начала апрѣля 1824 года („Переписка", т. I, стр. 101 и 105) Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за его хлопоты по изданію *Бахчисарайскаго фонтана* и за написанное имъ предисловіе къ этой поэмѣ („твой разговоръ болѣе написанъ для Европы, чѣмъ для Руси"), но вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая статью Вяземскаго: „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева", осуждаетъ его пристрастіе къ послѣднему и несправедливое пренебреженіе по отношенію къ Крылову и, наконецъ, признается, что статья Вяземскаго расшевелила въ немъ желаніе самому испытать свои силы въ области критики: „Читая твои критическія статьи и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго".

Приведенные выше примѣры ясно показываютъ, какую важную роль играли литературные интересы въ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ; изъ разбросанныхъ въ письмахъ Пушкина отзывовъ и замѣчаній о различныхъ писателяхъ и объ отдѣльныхъ произведеніяхъ можно извлечь много цѣннаго матеріала для опредѣленія его литературныхъ взглядовъ и вкусовъ: таковы его отзывы о Байронѣ („Переписка", т. I, стр. 118 и 286), о Шенье (тамъ же, стр. 123), о Т. Мурѣ (206), о „Горѣ отъ ума" (171), о Рылѣевѣ (218), о Крыловѣ (301), о Карамзинѣ (358). Въ свою очередь, Вяземскій въ своихъ письмахъ сообщалъ Пушкину литературныя новости и свои мнѣнія по поводу того или другого писателя или произведенія, пересыпая, по обыкновенію, всѣ свои сообщенія блестками своего язвительнаго остроумія. Поэтому Пушкинъ очень любилъ его письма и высоко цѣнилъ его эпистолярныя способности. „Твои письма,—пишетъ онъ изъ Михайловскаго 15 авгу-

lib.pushkinskijdom.ru

ста 1825 г.,—гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини"; а 24 мая слѣдующаго года, жалуясь на молчаніе Вяземскаго, онъ обращается къ нему съ просьбой: „Напиши жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ" (нѣсколько ранѣе, въ томъ же письмѣ Пушкинъ замѣчаетъ, что „поэзія должна быть глуповата").

Очень часто въ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ поднимается и обсуждается вопросъ о необходимости изданія самостоятельнаго печатнаго органа, который могъ бы руководить общественнымъ мнѣніемъ, по крайней мѣрѣ въ литературныхъ вопросахъ. Эта мысль уже издавна занимала Вяземскаго, который недаромъ называлъ себя „прирожденнымъ журналистомъ"; она зарождается у него очень рано, еще въ началѣ его литературной дѣятельности: по крайней мѣрѣ въ письмѣ Батюшкова къ нему отъ 4 марта 1817 года уже упоминается о проектѣ какого-то еще небывалаго въ Россіи журнала, который Вяземскій хотѣлъ издавать въ сотрудничествѣ съ Жуковскимъ („Сочиненія К. Н. Батюшкова", подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 428). Въ серединѣ 1824 года съ такимъ же планомъ обратился Вяземскій и къ Пушкину, въ недошедшемъ до насъ письмѣ; отвѣчая на это письмо, Пушкинъ пишетъ (Одесса, первая половина іюня 1824 г.): „То, что ты говоришь на щетъ журнала, давно уже бродитъ у меня въ головѣ... Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣнтяй на лѣнтяѣ—матеріалы есть, матеріалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? гдѣ мы найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго?.. Еще бѣда: ты—Sectaire, а тутъ нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступишь ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василья Львовича; отречешься ли отъ Воейкова? Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разсѣяны по лицу земли—между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія". („Переписка", подъ ред. Саитова, т. I, стр. 116).

Такимъ образомъ Пушкинъ очень трезво взглянулъ на поданную Вяземскимъ мысль и, при всемъ своемъ сочувствіи къ ней, вѣрно оцѣнилъ многочисленныя затрудненія, стоявшія на пути къ ея осуществленію. Но Вяземскій не оставилъ своей мысли и, не будучи въ состояніи основать своего журнала, примкнулъ къ „Московскому Телеграфу" Полевого, основанному, какъ онъ самъ разсказываетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

отчасти по его, Вяземскаго, побужденію („Собраніе сочиненій", т. I, стр. 48). 6 ноября 1824 г. онъ сообщаетъ о предполагаемомъ изданіи журнала Пушкину и проситъ его сотрудничества, но Пушкинъ отнесся къ этому предложенію довольно холодно и ограничился тѣмъ, что далъ въ журналъ Полевого нѣсколько мелочей. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 25 мая 1825 г. онъ благодаритъ своего корреспондента за отзывъ о его стихахъ въ „Телеграфѣ", и, не отказываясь отъ сотрудничества въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ Вяземскаго „смотрѣть" за Полевымъ, потому что „ему случается завираться"; то же самое повторяетъ онъ мѣсяцъ спустя: „Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный—но враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ" („Переписка", т. I, стр. 234).

Недовольство Полевымъ снова приводитъ Пушкина къ мысли о необходимости самостоятельнаго журнала; 10 августа 1825 г. онъ пишетъ Вяземскому: „Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется"; а 20 ноября того же года онъ старается заинтересовать въ этомъ дѣлѣ и А. А. Бестужева: „Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ объ журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость—а дѣло было бы чудно-хорошо" (тамъ-же стр. 307). Въ слѣдующемъ году въ письмѣ къ Вяземскому отъ 27 мая онъ снова возвращается къ этой же мысли: „Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала—онъ находка" (тамъ же, стр. 351).

Осенью 1826 года освобожденный отъ опалы Пушкинъ побывалъ въ Москвѣ и здѣсь сошелся съ кружкомъ молодыхъ московскихъ литераторовъ-„любомудровъ", группировавшихся вокругъ Д. В. Веневитинова. Результатомъ ихъ сближенія и бесѣдъ явилось рѣшеніе издавать литературный журналъ новаго направленія, который и сталъ выходить въ свѣтъ съ начала слѣдующаго 1827 года, подъ названіемъ „Московскаго Вѣстника". Пушкинъ сначала очень горячо отнесся къ этому, возникшему какъ бы подъ его эгидой, изданію и прежде всего употребилъ усилія для того, чтобы привлечь къ участію въ немъ и Вяземскаго; возвратившись изъ своей поѣздки въ Москву снова въ свое Михайловское уединеніе, онъ пишетъ оттуда своему другу 9 ноября 1826 года: „Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться—чѣмъ переписываться. Къ тому же Журналъ... Я

lib.pushkinskijdom.ru

ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, ей-Богу—грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ, и царствовать самовластно и единовластно... Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я—буду хозяинъ новаго журнала—тогда, какъ ты хочешь, а ужъ Полевова ты пошлешь къ матери въ гузно" („Переписка", т. I, стр. 383). Однако, несмотря на эти уговоры своего друга, Вяземскій остался пока вѣренъ „Телеграфу", хотя отношенія его къ Полевому въ это время уже начинали портиться, и самъ онъ сталъ подумывать объ изданіи самостоятельнаго органа. 12 ноября 1827 года онъ писалъ А. И. Тургеневу: „Я хотѣлъ бы кромѣ журнала издавать „Современникъ" по третямъ года, соединяющій качества Quarterly Review и Annuaire historique. Я пустилъ это предложеніе въ Петербургъ къ Жуковскому, Пушкину, Дашкову. Не знаю, что будетъ... Но врядъ ли пойдетъ дѣло на ладъ" (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 166). А 27 ноября того же года онъ самъ запрашиваетъ Пушкина: „Что нашъ *Современникъ*, пойдетъ-ли со временемъ"? Однако мысль объ изданіи своего органа въ ближайшіе годы такъ и не осуществилась, хотя въ 1828 году Вяземскій окончательно разошелся съ Полевымъ и прекратилъ свое сотрудничество въ „Телеграфѣ", а Пушкинъ также, по разнымъ причинамъ, довольно скоро охладѣлъ къ „Московскому Вѣстнику", почти пересталъ снабжать его своими произведеніями, и журналъ быстро захирѣлъ и сошелъ на-нѣтъ.

Только съ возникновеніемъ въ 1830 году „Литературной Газеты" барона Дельвига, Вяземскій и Пушкинъ получили наконецъ въ свое распоряженіе печатный органъ, въ которомъ они могли чувствовать себя полными хозяевами. И тотъ, и другой приняли ближайшее и дѣятельное участіе въ изданіи; разысканія Н. О. Лернера выяснили, какой большой вкладъ въ „Литературную Газету" былъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ (см.-„Собраніе сочиненій" Пушкина подъ ред. Венгерова, т. VI, стр. 197 и сл.); не менѣе значительна была и доля участія кн. Вяземскаго, помѣстившаго въ „Газетѣ" цѣлый рядъ критическихъ и полемическихъ статей. Статьи Пушкина и Вяземскаго, ихъ совмѣстная и согласованная журнальная работа придавали изданію Дельвига особый отпечатокъ, выдѣлявшій его среди тогдашнихъ русскихъ журналовъ и заслужившій ему со стороны литературныхъ противниковъ (Булгарина, Надеждина, Полевого) ироническое про-

lib.pushkinskijdom.ru

званіе органа „литераторовъ-аристократовъ“. Въ полемической борьбѣ съ этими противниками Пушкинъ и Вяземскій шли рука объ руку, взаимно поддерживая другъ друга; такъ уже въ № 4 „Литер. Газеты“ (отъ 16 января) Пушкинъ выступилъ съ рѣзкой критикой „Исторіи русскаго народа“ Полевого, статья котораго о Карамзинѣ, служившая какъ бы предисловіемъ къ его труду („Московск. Телеграфъ“, 1829 г., № 12), явилась ближайшей причиной его разрыва съ Вяземскимъ; со своей стороны, и Вяземскій выступилъ противъ Полевого въ остроумной и ѣдкой статьѣ: „Исторіи Русскаго Народа. Критика на нее Вѣстника Европы и другихъ журналовъ. Одинъ томъ на лицо, одиннадцать будущихъ томовъ въ волѣ Божіей“ („Литер. Газета“, № 31 отъ 31 мая 1830 г.). Единодушно выступали также Вяземскій и Пушкинъ противъ ядовитыхъ выпадовъ Булгарина по адресу „литераторовъ-аристократовъ“; въ № 23 „Литер. Газеты“ отъ 21 апрѣля была напечатана статья Вяземскаго: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ. Статья I-я. О духѣ партій; о литературной аристократіи“, а нѣсколько позднѣе выступилъ и Пушкинъ съ двумя статьями на ту же тему: „О неблаговидности нападокъ на дворянство“ (№ 36 отъ 25 іюня) и „О выходкахъ противъ литературной аристократіи“ (№ 45 отъ 9 августа; безъ заглавія); всѣ эти статьи проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ и отчасти повторяютъ однѣ и тѣ же мысли, при чемъ, противъ инсинуацій Булгарина, авторы, какъ это отмѣтилъ еще Анненковъ, пробуютъ бороться его же оружіемъ, ссылаясь на примѣръ французской революціи, руководимой духомъ вражды противъ аристократіи, сословной и умственной (см. статью Анненкова: „Общественные идеалы Пушкина“ въ „Вѣст. Европы“, 1880, № 6, стр. 611). Противъ того же Булгарина направлена и статья Пушкина: „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“, напечатанная въ видѣ письма къ издателю „Телескопа“ (1831 г., ч. IV, № 15); мысль этой статьи дана Пушкину Вяземскимъ въ письмѣ изъ Остафьева отъ 27 іюля 1831 г.; отвѣчая на это письмо, Пушкинъ пишетъ своему корреспонденту 3 августа изъ Царскаго Села: „Твое замѣчаніе о Мизинцѣ Булгарина не пропадетъ: обѣщаюсь тебя насмѣшить“ (Переписка, т. II, стр. 296). Въ свою очередь, Пушкинъ также снабжалъ Вяземскаго матеріалами для его статей; такъ, въ мартѣ 1830 г. онъ посылаетъ ему копію съ доноса Сумарокова на Ломоносова, которымъ и воспользовался Вяземскій въ своей статьѣ о Сумароковѣ („Литер. Газета“, № 28 отъ 16 мая 1830 г.)

lib.pushkinskijdom.ru

Такимъ образомъ въ „Литер. Газетѣ“ Пушкинъ и Вяземскій нашли себѣ наконецъ органъ, въ которомъ они могли дружно выступать на защиту литературныхъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ собственной художественной дѣятельности. Однако очень скоро въ ихъ перепискѣ начинаютъ проскальзывать ноты недовольства и разочарованія. 26 апрѣля 1830 г. Вяземскій пишетъ Пушкину изъ Петербурга: „Надобно бы намъ затѣять что-либо литературное впрокъ... На Литературную Газету надежды мало. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только sur sa bête de somme ou de Somoff. Въ Маіѣ пріѣду на нѣсколько времени въ Москву: тогда переговоримъ“; 1 мая Пушкинъ отвѣчаетъ ему изъ Москвы: „Пріѣзжай, мой милый... мы поговоримъ объ Газетѣ или Альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его Газета хороша, ты много оживилъ ее.—Поддерживай ее покамѣсть у насъ нѣтъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину—Дѣло въ томъ, что чисто-литературной Газеты у насъ быть не можетъ, должно принять въ союзницы или Моду или Политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Но неужъ то Булгарину отдали монополію политическихъ новостей?.. Справься-ка, съ молодыми [подразумѣвается: министрами,—т.-е. Блудовымъ и Дашковымъ] да съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, а о сухомъ изложеніи событій... Пожалуйста поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ по своему обыкновенію пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься“ („Переписка“, т. II, стр. 144). Эта мысль объ изданіи собственнаго печатнаго органа особенно оживляется въ перепискѣ обоихъ друзей послѣ неожиданной и преждевременной смерти бар. Дельвига и выяснившагося издательскаго неуспѣха Литературной Газеты. Тотчасъ послѣ своего переѣзда въ Царское Село, 27 мая 1831 года Пушкинъ обращается къ Бенкендорфу съ письмомъ, носящимъ, правда, совершенно частный характеръ, въ которомъ онъ выражаетъ свое желаніе приступить къ изданію журнала, мотивируя это желаніе необходимостью изыскать средства для существованія, въ виду новыхъ расходовъ, связанныхъ съ семейной жизнью. Объ этомъ шагѣ Пушкина былъ освѣдомленъ и Вяземскій, какъ это видно изъ его письма отъ 11 іюня изъ Москвы: „Что твои литературные проекты? Есть ли начало? Хорошо-бы съ новаго года начать журналъ, а къ новому году изготовить Альманачикъ“. Мѣсяцъ спустя, вполнѣ увѣренный, что Пушкинъ своего плана не оставилъ, а также принялъ и его

lib.pushkinskijdom.ru

проектъ альманаха, Вяземскій подаетъ совѣты, къ кому изъ литераторовъ обратиться за матеріаломъ для него и со своей стороны обѣщаетъ дать критическій разборъ „Рославлева“ (Переписка, т. II. стр. 271). 14 августа Пушкинъ снова возвращается къ своей мысли объ изданіи журнала: „Ждемъ тебя. Право, надобно намъ начать журналъ, да какой? Quarterley [sic!]. Въ 3 мѣсяца книжку, нѣтъ книжищу выдадимъ, съ помощью Божіей и Лизы голенькой“ (т. е. Елиз. Мих. Хитрово, при помощи которой, очевидно, Пушкинъ разсчитывалъ добиться разрѣшенія на изданіе). Въ отвѣтъ на это письмо Вяземскій выражаетъ свое полное сочувствіе мысли Пушкина и настойчиво совѣтуетъ ему не оставлять своего плана: „Сдѣлай одолженіе занимайся приготовленіемъ журнала, корми эту мысль, но прежде всего напиши планъ и представь его, куда слѣдуетъ“ („Переписка“, т. II, стр. 310). Но очень скоро къ мечтамъ о журналѣ присоединяется мысль о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, стоящихъ на пути къ ея осуществленію. Объ этихъ препятствіяхъ говоритъ Пушкинъ въ письмѣ отъ 3 сентября изъ Царскаго Села: „Ты пишешь о журналѣ: да чорта съ два! кто намъ разрѣшитъ журналъ? Ф. Фокъ умеръ, того и гляди поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречъ. Хороши мы будемъ! О Газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четыремѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать—одна бѣда: *безъ модъ* онъ не пойдетъ, а съ *модами*, стать намъ наряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч.—совѣстно. Какъ ты? съ, или безъ?“ („Переписка“ т. II, стр. 318). Подобные же сомнѣнія представляются и Вяземскому, который въ отвѣтъ на послѣднее письмо Пушкина пишетъ ему: „Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехъ мѣсячномъ или третейскомъ журналѣ? Куда-же поспѣютъ наши моды, развѣ въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни, чтобы мѣсячныя наши имѣть всегда къ сроку“ („Переписка“, т. II, стр. 321). Однако Пушкинъ все еще не терялъ надежды такъ или иначе обзавестись собственнымъ печатнымъ органомъ. Онъ вошелъ по этому поводу даже въ переговоры съ Н. И. Гречемъ объ изданіи совмѣстно съ нимъ литературно-политической газеты, а одновременно съ этимъ возбудилъ непосредственно передъ властями ходатайство о разрѣшеніи ему такового изданія; въ концѣ концовъ разрѣшеніе это было ему дано, о чемъ онъ и сообщалъ Погодину 11 іюля 1832 года; тѣмъ не менѣе, въ силу различныхъ обстоятельствъ планъ Пушкина на этотъ разъ не осуществился (подробности см. въ статьѣ Н. К. Пик-

lib.pushkinskijdom.ru

санова: „Несостоявшаяся газета Пушкина“ въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. V, стр. 30—74; срав. также Ѳ. А. Бычкова: „Неосуществившаяся газета Пушкина“—„Ист. Вѣст“. 1886 г. т. XXIII, стр. 387). Только значительно позже, въ 1836 году Пушкинъ выступилъ въ качествѣ журналиста, со своимъ „Современникомъ“, заглавіе котораго, кажется, было ему подсказано Вяземскимъ (см. выше, стр. 132), помѣстившимъ въ журналѣ Пушкина нѣсколько произведеній въ стихахъ и въ прозѣ.

Однако не одни только литературные интересы связывали Вяземскаго съ Пушкинымъ. Вяземскій принималъ живое участіе и въ личной судьбѣ Пушкина, интересовался всѣмъ, что такъ или иначе затрагивало его и отражалось на его существованіи. Такъ, въ годы его пребыванія на югѣ Россіи и въ селѣ Михайловскомъ, Вяземскій не перестаетъ слѣдить за нимъ, проявляетъ дружеское участіе къ судьбѣ опальнаго поэта, хлопочетъ о немъ, даетъ ему совѣты. Въ концѣ марта 1824 года, обезпокоенный, очевидно, дошедшими до него слухами о неосторожномъ поведеніи Пушкина, Вяземскій пишетъ ему: „Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ?“ („Переписка“, т. I, стр. 103). Не ограничиваясь дружескимъ внушеніемъ Пушкину, Вяземскій старался воздѣйствовать на его судьбу и черезъ другихъ, болѣе вліятельныхъ друзей; такъ, 7 іюля 1824 г. онъ пишетъ Жуковскому: „Пишутъ, что Пушкинъ снова напроказничалъ, вслѣдствіе чего проситъ объ отставкѣ, но навѣрное ея не получитъ. Пишутъ, что нельзя не сожалѣть Пушкина, но что онъ кругомъ виноватъ: рѣдко встрѣтишь такую вѣтренность и такую наклонность къ злословію; сердце у него доброе, но онъ очень склоненъ къ мизантропіи; онъ избѣгаетъ не общества, а людей, которыхъ боится; это объясняютъ его несчастіями и отношеніями къ нему родителей“. Передавая это извѣстіе, Вяземскій присовокупляетъ: „Разумѣется, будь остороженъ съ этими выписками; но видно, дѣло такъ повернулось, что онъ не просится: это не ясно! Грѣшно, если и надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе, попроси Северина устроить, что можно къ лучшему. Онъ его, кажется, не очень любитъ, тѣмъ болѣе долженъ стараться спасти его“, (Бартеневъ. „Бумаги Пушкина“. Вып. II, стр. 27; относительно даты, см. Лернера: „Труды и дни Пушкина“, 2-е изд., стр. 486). Въ концѣ слѣдующаго года, когда Пушкинъ проживалъ уже въ Михайловскомъ и, въ надеждѣ на возможность получить право на выѣздъ оттуда,

lib.pushkinskijdom.ru

распустилъ слухъ о своей серьезной болѣзни, Вяземскій, подобно Жуковскому вполнѣ повѣрившій этому слуху, былъ сильно обезпокоенъ имъ и въ длинномъ письмѣ пѣнялъ ему за то, что онъ мало заботится о своемъ здоровьѣ и пренебрегаетъ совѣтами своихъ друзей, отказываясь ѣхать въ Псковъ для лѣченія своего аневризма: „Положимъ, что поѣздка въ Псковъ не улучшитъ твоего политическаго положенія, но она улучшитъ твое здоровье—это положительный барышъ, а въ барышахъ будетъ и то, что ты уважилъ заботы друзей... Въ твоемъ положеніи пренебрегать ничѣмъ не должно, тѣмъ болѣе, когда ничего не рискуешь. Я подозрѣваю нѣкоторые недочеты въ твоихъ соображеніяхъ. Ты любуешься въ гоненіи: у насъ оно, какъ и авторское ремесло, еще не есть почетное званіе, ce n'est même pas du tout un état. Оно—званіе только для немногихъ; для народа оно не существуетъ... Нѣтъ сомнѣнія que la disgrâce ne donne pas chez nous de popularité; elle n'est que le prix du succès. Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ: за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрыжка“ („Переписка“, т. I, стр. 276 и сл.). Заботясь объ улучшеніи положенія Пушкина и объ освобожденіи его отъ опалы, Вяземскій, въ письмѣ своемъ отъ 12 іюля 1826 г., даетъ ему совѣтъ написать молодому государю откровенное письмо и просить о своемъ освобожденіи (тамъ же, стр. 356). Но Вяземскій не ограничился одними совѣтами, а старался и дѣломъ помочь своему другу; такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ объ этомъ П. И. Бартеневъ: „Князь Вяземскій принадлежалъ къ числу людей, которые, разъ полюбивъ человѣка, уже на всю жизнь остаются ему вѣрны. Его чудесное сердце, даже и въ глубокой старости, было необыкновенно дѣятельно. Когда Пушкина сослали, онъ непрестанно заботился о немъ и, находясь самъ подъ правительственной опалой, всячески старался объ освобожденіи Пушкина, объ улучшеніи его участи. Несомнѣнно, что Пушкинъ отчасти обязанъ ему позволеніемъ жить, гдѣ угодно. Изъ Ревеля лѣтомъ 1826 года мать Пушкина послала новому Государю въ Москву письмо съ просьбой о дарованіи свободы ея сыну. Письмо это до сихъ поръ не найдено, но оно, конечно, подѣйствовало, отличаясь въ ряду всякаго рода прошеній убѣдительнымъ краснорѣчіемъ искренняго сердца: его сочинялъ князь Вяземскій“ (*Рус. Архивъ*, 1879 г., т. II, стр. 471).

Личное свиданіе обоихъ друзей, послѣ долголѣтней разлуки, состоялось только въ сентябрѣ 1826 года, когда Пушкинъ, по при-

lib.pushkinskijdom.ru

казу имп. Николая Павловича, былъ освобожденъ отъ опалы и привезенъ въ Москву, гдѣ въ это время находился государь по случаю коронаціи. Остановился Пушкинъ не у Вяземскаго, а у Соболевскаго, но мы имѣемъ всѣ основанія предположить, что Вяземскій былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, которыхъ Пушкинъ навѣстилъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, сохранился разсказъ княгини В. Ѳ. Вяземской, что, когда Пушкинъ пріѣхалъ къ нимъ, то ея мужа не было дома: онъ находился въ банѣ; Пушкинъ не пожелалъ дожидаться его и самъ отправился туда же, такъ что первая встрѣча ихъ состоялась въ банѣ („Рус. Архивъ“ 1888 г., № 7, стр. 307). Изъ Михайловскаго Пушкинъ, какъ извѣстно, привезъ въ законченномъ видѣ своего „Бориса Годунова“; одно изъ первыхъ чтеній этой трагедіи происходило у кн. П. А. Вяземскаго („Собраніе сочиненій“, т. X, стр. 266).

Со времени освобожденія изъ Михайловскаго заточенія начинается въ жизни Пушкина кочевой періодъ, продолжавшійся до его женитьбы и до переселенія въ Петербургъ въ маѣ 1831 года. Пушкинъ въ эту эпоху проявляетъ большую непосѣдливость, безпрестанно мѣняя мѣста своего пребыванія: то переѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, то возвращаясь въ оставленное Михайловское, то посѣщая деревенскія усадьбы своихъ друзей (напр., Малинники Вульфа), то предпринима я дальнія путешествія (на Кавказъ, въ Арзрумъ). Что касается до Вяземскаго, то онъ въ это время, находясь въ отставкѣ и отчасти въ опалѣ, проживалъ большею частью въ Москвѣ или въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Остафьевѣ, но иногда подолгу гостилъ въ имѣніи своихъ родственниковъ Кологривовыхъ въ с. Мещерскомъ, Саратовской губерніи. Весною 1828 г. Вяземскій пріѣзжалъ въ Петербургъ и тамъ видѣлся съ Пушкинымъ (Лернеръ. „Труды и дни Пушкина“. 2-е изд., стр. 171); къ этому времени относится и слѣдующій эпизодъ: Пушкинъ и Вяземскій, повидимому, съ общаго уговора, но, конечно, каждый въ отдѣльности подали заявленіе о своемъ желаніи принять участіе въ открывавшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но оба получили отъ государя отказъ, при чемъ письма ген. Бенкендорфа съ сообщеніемъ объ этомъ отказѣ написаны одновременно (20 апрѣля 1828 г.) и составлены почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и съ тождественной мотивировкой („Переписка“, подъ ред. Саитова, т. II, стр 62; „Собраніе сочиненій“ кн. Вяземскаго, т. IX, стр. 98). Въ мартѣ 1830 года Вяземскій поступилъ на службу въ Министерство финансовъ и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, при чемъ въ дорогѣ онъ разъѣхался съ Пушкинымъ, который какъ разъ въ это

lib.pushkinskijdom.ru

время собрался опять въ Москву (см. письмо Вяземскаго отъ 16 марта 1830 г. въ Перепискѣ Пушкина, т. II, стр. 120). Однако уже 16 іюля Пушкинъ снова уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и свидѣлся съ Вяземскимъ, а 10 августа они вмѣстѣ вернулись въ Москву (Собраніе сочиненій, т. IX, стр. 137). Затѣмъ, побывавъ осенью въ Болдинѣ, Пушкинъ 5 декабря возвратился въ Москву, къ невѣстѣ; Вяземскій въ это время проживалъ въ Остафьевѣ, гдѣ его и посѣтилъ Пушкинъ 17 декабря 1830 года („Собр. сочин.", т. IX, стр. 152); при этомъ Пушкинъ познакомилъ своего друга съ написанными имъ въ Болдинѣ новыми произведеніями, а Вяземскій, въ свою очередь, прочелъ ему отрывки изъ своей біографіи Фонвизина, надъ которой онъ въ это время работалъ. Вторично Пушкинъ посѣтилъ Остафьево 4 января 1831 г., въ компаніи съ Денисомъ Давыдовымъ и другими лицами (Собр. сочин., т. IX, стр. 155). 27 января 1831 г. Пушкинъ, вмѣстѣ съ Вяземскимъ, Баратынскимъ и Языковымъ, справляли въ ресторанѣ Яра поминки по скончавшемся баронѣ Дельвигѣ, а 17 февраля, наканунѣ своей свадьбы, Пушкинъ устроилъ „мальчишникъ", прощаясь съ холостой жизнью, на которомъ присутствовалъ въ числѣ прочихъ и Вяземскій (Письма Н. М. Языкова къ брату. „Истор. Вѣстн." 1883 г., № 12, стр. 531). Вяземскій расписался въ качествѣ свидѣтеля на брачномъ „обыскѣ" Пушкина, а во время свадебной церемоніи онъ исполнялъ, вмѣстѣ съ своей женою, княгиней Вѣрой Ѳедоровной, обязанности посаженного отца и матери, а ихъ малолѣтній сынъ, которому въ то время исполнилось только 10 лѣтъ, несъ въ церковь благословенную икону (Невзоровъ. „Къ біографіи А. С. Пушкина, матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ". СПб., 1899). Съ переѣздомъ Пушкина на жительство въ Царское Село, а затѣмъ въ Петербургъ, въ маѣ 1831 года, личныя сношенія его съ кн. Вяземскимъ временно прерываются, но за то снова оживляется ихъ переписка. Въ свою очередь, въ январѣ 1832 года Вяземскій, уже прочно основавшійся на службѣ, переѣзжаетъ на жительство въ Петербургъ, а въ октябрѣ переводитъ туда всю свою семью. Къ этому времени отношенія Вяземскаго къ правительству налаживаются: онъ получаетъ званіе камергера (см. шуточные стихи Пушкина по этому поводу въ его письмѣ отъ 14 августа 1831 г.) и назначается вице-директоромъ Департамента внѣшней торговли. Съ переѣздомъ Вяземскаго въ Петербургъ возобновляются личныя сношенія его съ Пушкинымъ, и онъ естественно входитъ въ тотъ небольшой, но дружески-спаянный кружокъ литераторовъ (Пушкинъ, Жуковскій, кн. Одоевскій, Гоголь, Плетневъ), который внѣшнимъ образомъ объединялся вокругъ Жуков-

lib.pushkinskijdom.ru

скаго, съ его литературными субботами на „Олимпійскомъ чердакѣ“ Шепелевскаго дворца, но душою котораго былъ, несомнѣнно, Пушкинъ. За послѣдніе пять лѣтъ жизни Пушкина личныя сношенія его съ Вяземскимъ прерываются только ихъ временными отлучками изъ Петербурга: такъ, напр., въ августѣ 1834 г. Вяземскій уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ для лѣченія больной дочери, и вернулся въ Россію только въ серединѣ мая слѣдующаго года: этимъ и объясняется, что во второй половинѣ Пушкинскаго дневника имя Вяземскаго ни разу не упоминается.—Нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Пушкина къ семьѣ кн. Вяземскаго, касающіяся именно этихъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта, находятся въ статьѣ князя Павла Петровича Вяземскаго, сохранившаго въ своей памяти нѣкоторыя черты живой личности поэта, отзвукъ его мнѣній и словъ (Бартеневъ. „Бумаги Пушкина“. Вып. II-й, стр. 52.и сл.; перепечатано въ „Собраніи сочиненій князя П. П. Вяземскаго“. СПб. 1893. Стр. 467—566). Самъ кн. Петръ Андреевичъ, на сорокъ лѣтъ пережившій своего геніальнаго друга, къ сожалѣнію, не оставилъ намъ цѣльныхъ и связныхъ воспоминаній о немъ; однако среди его богатаго литературнаго наслѣдія разсѣяно немало цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики Пушкина, напр., въ критическихъ статьяхъ, снабженныхъ позднѣйшими замѣчаніями, въ отрывкахъ „Изъ старой записной книжки“ и въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, изъ которыхъ особый интересъ представляютъ его обширныя письма къ А. Я. Булгакову и къ вел. кн. Михаилу Павловичу, касающіеся обстоятельствъ послѣднихъ дней жизни Пушкина, его дуэли, смерти и похоронъ (*Рус. Архивъ*, 1879 г., № 3, стр. 387—398; № 6, стр. 237—257).

Стр. 36 (21). Салтыковъ, Сергѣй Васильевичъ (1777—1846) богачъ-оригиналъ занималъ въ Петербургскомъ обществѣ довольно видное положеніе, благодаря своему крупному состоянію и широкому образу жизни. Среди чиновничьяго Петербурга онъ выдѣлялся еще и тѣмъ, что нигдѣ не служилъ, даже нигдѣ не числился на службѣ и не носилъ никакого придворнаго званія; впрочемъ, объясняется это, повидимому, не столько независимостью его характера, нѣсколько строптиваго и мало способнаго подчиняться условіямъ служебныхъ отношеній, сколько неудачей, постигшей его въ самомъ началѣ его карьеры, вслѣдствіе какого-то столкновенія съ вел. княземъ Александромъ Павловичемъ, навсегда закрывшаго для него доступъ къ лѣстницѣ чиновъ и служебныхъ отличій. Можетъ

lib.pushkinskijdom.ru

быть, этимъ обстоятельствомъ объясняется также и тотъ отпечатокъ недовольства и фрондированія, который онъ усвоилъ себѣ, хотя, повидимому, это недовольство было лишено какихъ-либо серьезныхъ идейныхъ основаній, а фрондированіе не шло дальше словесныхъ выпадовъ по адресу правительственныхъ лицъ. Пушкинъ, повидимому, находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и охотно посѣщалъ его домъ; по крайней мѣрѣ на протяженіи его дневника мы находимъ три раза записи такихъ посѣщеній: 28 ноября 1833 г., 26 января и 5 декабря 1834 года.—Вильгельмъ фонъ Ленцъ, жившій въ Петербургѣ какъ разъ въ эти годы и вращавшійся въ томъ же свѣтскомъ кругу, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, оставилъ интересныя воспоминанія объ этомъ времени, первоначально напечатанныя (анонимно) въ „St. Petersburger Zeitung“ подъ заглавіемъ: „Schicksale eines Livländers in St. Petersburg von 1833 bis auf die Gegenwart“ (1878 г., №№ 23—69); Воспоминанія эти были тогда же переведены на русскій языкъ и напечатаны въ Русскомъ Архивѣ, однако съ произвольными сокращеніями и съ пропускомъ иногда весьма важныхъ подробностей (Рус. Архивъ, 1878, т. I, стр. 436 и сл.). Между прочимъ мы находимъ въ этихъ запискахъ слѣдующую характеристику Салтыкова, съ которымъ Ленцъ былъ хорошо знакомъ: „Любопытное лицо (ein gar kurioser Herr) былъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, жившій въ собственномъ домѣ на Малой Морской. Въ теченіе всей зимы у него собиралось по вторникамъ высшее общество на танцовальные вечера, для которыхъ имѣлся небольшой бальный оркестръ. Салтыковъ принадлежалъ къ старому боярскому роду; жена его была тоже урожденная Салтыкова, но принадлежала къ княжеской вѣтви этого рода. Есть также графы, носящіе эту фамилію; но Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, не имѣвшій никакого титула, былъ старшій въ родѣ. Свои вторники онъ называлъ „les mardis Européens“. Онъ былъ большой хвастунъ, но человѣкъ образованный и съ богатыми познаніями. Его значительная библіотека заключала въ себѣ величайшія рѣдкости, напр., подлинныя записки ювелировъ братьевъ Бемовъ, касающіяся ожерелья королевы Маріи Антуанеты, съ раскрашеннымъ изображеніемъ этого ожерелья въ натуральную величину и съ описаніемъ всѣхъ его большихъ, пріобрѣтшихъ историческую извѣстность, брилліантовъ. Салтыковъ не любилъ когда кто-либо разсматривалъ его книги или даже читалъ ихъ названія на корешкахъ переплетовъ; но если называли при немъ какую-либо книгу, то онъ самъ выносилъ ее и говорилъ: „у меня все есть“. У него была представи-

lib.pushkinskijdom.ru

тельная наружность, ростъ нѣсколько ниже средняго и широкія плечи. Такіе оригиналы, какъ онъ, въ настоящее время невозможны Онъ пресерьезно разсказывалъ исторіи, въ которыя самъ не вѣрилъ, и сочинилъ для собственнаго своего обихода свою исторію Россіи, ссылаясь на которую разсуждалъ объ историческихъ событіяхъ такъ, что слушатель недоумѣвалъ, ужели это онъ находится въ знатномъ домѣ, въ бесѣдѣ съ здравомыслящимъ человѣкомъ, а не съ галлюцинатомъ. Показаться на улицѣ ранѣе трехъ часовъ Салтыковъ считалъ для себя унизительнымъ. Ровно въ 4 часа онъ ежедневно являлся въ книжный магазинъ Белизара, осматривалъ на выставкахъ всѣ книги, хотя онѣ за одинъ день и не могли перемѣниться, въ теченіе двухъ часовъ, стоя, перелистывалъ ихъ, никому не кланялся, а только кивалъ головой на поклонъ знакомаго или же давалъ ему одинъ палецъ, если знакомый принадлежалъ къ высшему обществу. Затѣмъ онъ отбиралъ себѣ цѣлыя полки книгъ и немедленно расплачивался за нихъ. Ровно въ 6 часовъ онъ возвращался пѣшкомъ домой, пробѣгалъ мелкими, звонкими шагами черезъ первую комнату, въ которой уже былъ накрытъ обѣденный столъ, и входилъ, все еще со шляпой на головѣ, въ каминную, смежную съ библіотекой. Въ этой комнатѣ, которой придавалъ уютность постоянно поддерживаемый въ каминѣ огонь, проводили дообѣденное время его жена, дѣти и пришедшіе гости. Только немногіе изъ нихъ являлись неприглашенными, такъ какъ всѣ опасались злого языка Салтыкова и его историческихъ откровеній, а приглашать онъ не имѣлъ обыкновенія. У перваго окна каминной стоялъ, собственно для него одного, маленькій столикъ, съ микроскопическими сандвичами и цѣлой батареей водокъ на массивномъ серебряномъ подносѣ. Онъ выпивалъ одну рюмку водки, клалъ себѣ въ ротъ крохотный кусочекъ хлѣба и, все еще со шляпой на головѣ ни съ кѣмъ не здороваясь, какъ будто бы онъ былъ совершенно одинъ въ комнатѣ, проходилъ, сильно стуча своей испанской тростью, черезъ библіотеку въ свой кабинетъ. Все это онъ называлъ своимъ „инкогнито“. Выйдя изъ кабинета, онъ становился совершенно другимъ человѣкомъ, привѣтствовалъ весь собравшійся кружокъ, подавалъ чужимъ палецъ, а знатнымъ гостямъ отвѣшивалъ сухой поклонъ, и приглашалъ всѣхъ къ столу. Къ изысканнымъ, богатымъ обѣдамъ Салтыкова можно было весь годъ имѣть свободный доступъ, только нужно было являться во фракѣ, хотя самъ хозяинъ всегда оставался въ сюртукѣ. За столомъ прислуживало множество лакеевъ въ ливреѣ. Тяжелая посуда и каждая отдѣль-

lib.pushkinskijdom.ru

ная тарелка были украшены гербомъ Салтыкова. Салтыковъ любилъ разсказывать историческіе эпизоды, и разсказы его обыкновенно не имѣли конца; недаромъ онъ въ свѣтѣ носилъ прозвище—le menteur. Но тѣмъ не менѣе онъ казался мнѣ интереснымъ человѣкомъ. Онъ игралъ роль, въ 1834 году становившуюся необычайной, роль „крайне недовольнаго“ (eines gründlich Unzufriedenen). Въ молодости онъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, позднѣйшимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, но забылся однажды противъ своего высокаго товарища и былъ удаленъ изъ дворца. На военной службѣ онъ не пошелъ дальше корнета. Однажды онъ удивилъ меня словами: „Я не могу купить ни дома, ни имѣнія. У насъ при всемъ нужно имѣть чинъ или званіе: не могу же я подписаться: корнетъ Салтыковъ. Я отказался отъ всѣхъ званій“. Часто Салтыковъ обращался къ своей женѣ со словами, возбуждавшими мое удивленіе: „я видѣлъ сегодня le grand bourgeois“,— кого онъ подразумѣвалъ подъ этимъ, нетрудно догадаться: „увѣряю тебя, ma chère, онъ *можетъ* выпороть тебя розгами, если *захочетъ*; повторяю: онъ *можетъ*“. И онъ оставался при своемъ утвержденіи, не смотря на протесты уважаемо матроны. Благодаря своему вранью или, лучше сказать, бреду, Салтыковъ попалъ однажды по отношенію къ Блудову въ очень неловкое положеніе. Старый архитекторъ Вендрамини былъ ежедневно въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣннымъ застольнымъ гостемъ Салтыкова, и Салтыковъ между прочимъ увѣрилъ его, будто онъ еще мальчикомъ получилъ отъ императора Павла Андреевскую звѣзду, осыпанную особенно крупными брилліантами, и будто онъ сохраняетъ эту драгоцѣнность среди своей коллекціи табатерокъ. Простосердечный итальянецъ вполнѣ повѣрилъ этой исторіи и, конечно, думалъ сдѣлать пріятное Салтыкову, обратясь однажды, въ присутствіи Блудова, къ нему съ просьбой: „Ахъ, пожалуйста, покажите намъ вашу прекрасную Андреевскую звѣзду, которую пожаловалъ вамъ императоръ Павелъ. Вы мнѣ уже столько разъ обѣщали“. Я видѣлъ, какъ Блудовъ поднялъ голову: у него у самого былъ еще только Александръ Невскій. Салтыковъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы не разслыхалъ словъ Вендрамини. Но когда старый архитекторъ повторилъ свою просьбу, онъ повернулъ его кругомъ и сказалъ съ досадою: „Ужъ эти мнѣ итальянцы! Они ничего-таки не понимаютъ въ русской исторіи“.— Однажды за столомъ Салтыковъ разсказывалъ мнѣ: „Видите вы этотъ столбъ на дворѣ, вокругъ котораго гоняютъ на кордѣ лошадей? Когда я покинулъ дворъ, у меня была лучшая верховая ло-

lib.pushkinskijdom.ru

шадь во всемъ Петербургѣ. Императоръ Александръ прислалъ ко мнѣ одного изъ генералъ-адъютантовъ, для того, чтобы во что бы то ни стало купить у меня эту лошадь. Я приказалъ вывести ее изъ конюшни, привязать къ столбу и тотчасъ пристрѣлилъ ее изъ пистолета въ присутствіи посланца государя". Не всегда однако же онъ въ такóй мѣрѣ ослаблялъ повода своей фантазіи; иногда разсказы его были очень интересны, напр., о великой французской революціи, во время которой онъ жилъ съ родителями въ Парижѣ. Онъ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ въ Пале-роялькомъ саду Камиль Демуленъ вскочилъ на столъ и произнесъ свою знаменитую рѣчь. Правда, имѣлись достаточныя основанія сомнѣваться въ истинѣ также и этого разсказа: ибо въ 1789 году онъ былъ еще очень молодъ, и родители его, скрывавшіеся тогда въ Парижѣ отъ опасности, врядъ ли отпустили бы юношу въ такое тревожное время въ Пале-рояль.—Салтыковъ любилъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Онъ былъ мнѣ благодаренъ за мое посредничество при знакомствѣ съ графомъ Михаиломъ Вьельгорскимъ, но самъ онъ никогда не оказалъ бы никакой услугѝ ни мнѣ, ни кому-либо другому; да никто и не обращался къ нему за этимъ. Успѣшнѣе было бы пойти стучаться у входа въ гробницы Ѳивскихъ царей.—Самое драгоцѣнное въ домѣ, какъ тогда говорили, была коллекція табатерокъ, хранившаяся въ ящикахъ изъ зеркальнаго стекла: ее однако Салтыковъ никому не показывалъ. Онъ былъ страшнымъ нюхальщикомъ, и каждый день употреблялъ новую табатерку, одну другой богаче. Онъ любилъ, чтобы ихъ замѣчали и съ удовольствіемъ пускался на ихъ счетъ въ объясненія. По большей части это были историческія табатерки, которыя онъ покупалъ, чего бы онѣ ни стоили, имѣя для этого особыхъ агентовъ въ Парижѣ.—Послѣ его смерти домъ и все его движимое имущество были проданы. Двухъэтажный домъ, съ невысокими уютными покоями, былъ вполнѣ барское жилище. Въ немъ посѣтитель чувствовалъ себя, какъ въ укрѣпленномъ замкѣ, какъ въ деревенской усадьбѣ богатаго землевладѣльца. Первый затопляемый осенью каминъ въ особенности привлекалъ меня туда. Даже самый входъ въ него, прямо съ тротуара въ нижній этажъ, дышалъ уютностью, благодаря камину, пылавшему между колоннъ этой обширной прихожей. Смерть Салтыкова прошла почти незамѣченной въ обществѣ, пользовавшемся въ теченіе столькихъ лѣтъ его гостепріимствомъ. Я сожалѣлъ о немъ, какъ объ истинно оригинальномъ человѣкѣ. „N'est pas originale qui veut, mais qui peut", возражалъ я всякій разъ,

lib.pushkinskijdom.ru

когда заходила рѣчь о Салтыковѣ, „le glorieux“, какъ его все еще называли.—Салтыковъ не бывалъ ни въ театрахъ, ни въ концертахъ; онъ былъ отшельникъ, эгоистъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ съ сердцемъ. Когда я имѣлъ несчастіе переломить себѣ ногу и лежалъ въ постели, онъ навѣщалъ меня ежедневно. Для этого ему нужно было только продолжить свою прогулку изъ Малой Морской къ Белизару до Литейной, и притомъ пѣшкомъ; ибо онъ, имѣя возможность держать столько экипажей, сколько пальцевъ на рукахъ, никогда не ѣздилъ. Въ это время онъ опаздывалъ къ обѣду, заставляя себя ждать и, выходя изъ своего „инкогнито“, печально приговаривалъ: „онъ умретъ!“ Къ моей постели онъ, разумѣется, подходилъ со шляпою на головѣ и слегка стуча своей испанской тростью. Стереотипнымъ вопросомъ его было: „Долго ли еще придется мнѣ васъ навѣщать?“ Это была его манера освѣдомляться о моемъ здоровьѣ“. (St. Petersburger Zeitung, 1878, №№ 58—65; Рус. Архивъ, 1878, т. I-й, стр. 456—460).

Стр. 36 (*1*) Графъ, впослѣдствіи князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (1786—1861) былъ, подобно своему брату, Михаилу Ѳедоровичу, арзамасцу и члену Союза Благоденствія, побочнымъ сыномъ одного изъ братьевъ Орловыхъ, игравшихъ такую видную роль при восшествіи на престолъ Екатерины II и въ первые годы ея царствованія. Въ молодыхъ годахъ Орловъ принималъ участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ 1805—1814 гг., былъ на поляхъ сраженій при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Бородинѣ (гдѣ получилъ семь ранъ), Кульмѣ и при осадѣ Парижа; но особенно способствовала его возвышенію активная роль, сыгранная имъ при подавленіи мятежа 14 декабря, во время котораго онъ командовалъ конно-гвардейскимъ полкомъ; за услуги, оказанные имъ въ этотъ роковой день, императоръ Николай наградилъ его графскимъ титуломъ. Съ тѣхъ поръ Орловъ вошелъ въ кругъ наиболѣе близкихъ и довѣренныхъ лицъ государя и до конца пользовался его неизмѣннымъ благоволѣніемъ. Въ 1828—29 гг. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, а также въ дипломатическихъ переговорахъ, приведшихъ къ заключенію Адріанопольского мира, послѣ котораго онъ былъ отправленъ въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, для возстановленія мирныхъ отношеній съ Портой. Вторично Орловъ былъ посланъ въ Константинополь въ 1833 году, когда Россія, по просьбѣ султана Махмуда, вмѣшалась въ турецко-египетскую распрю: Ункьяръ-Искелесскій союзный договоръ былъ результатомъ его настойчивости и

lib.pushkinskijdom.ru

дипломатическаго искусства. Возвратившись изъ своей миссіи, Орловъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ не занималъ никакого опредѣленнаго поста, но оказывалъ весьма значительное вліяніе на дѣла какъ внѣшней, такъ и внутренней нашей политики, въ качествѣ ближайшаго совѣтчика Николая I, котораго онъ также сопровождалъ во время его поѣздокъ заграницу. Въ 1844 году, послѣ смерти гр. Бенкендорфа, онъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія. Онъ участвовалъ въ качествѣ представителя Россіи въ Парижскомъ конгрессѣ 1856 года и подписалъ мирный договоръ отъ имени русскаго правительства. По возвращеніи въ Россію Орловъ занялъ постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, а также предсѣдателя Комитета министровъ. При возникновеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Орловъ принялъ участія въ образованныхъ для обсужденія этого вопроса комитетахъ, при чемъ рѣшительно высказывался противъ эмансипаціи, считая ее преждевременной и опасной. Въ началѣ 1861 года онъ просилъ объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей и въ томъ же году скончался.—Личное знакомство Пушкина съ Орловымъ относится еще къ раннему періоду его жизни; Орловъ даже сыгралъ нѣкоторую роль въ судьбѣ поэта, отговоривъ его отъ поступленія на военную службу, о чемъ Пушкинъ серьезно мечталъ въ юношескіе годы, послѣ окончанія Лицея. Объ этомъ самъ поэтъ говоритъ въ стихотворномъ „посланіи“, обращенномъ къ Орлову и относящемся къ 1819 году; въ этомъ посланіи Пушкинъ, характеризуя Орлова, говоритъ о немъ, съ обычной для подобнаго рода произведеній идеализаціей, что онъ „сочеталъ съ душою пылкой, откровенной (хотя и русскій генералъ) любезность, разумъ просвѣщенный“, и восхваляетъ его за то, что, преподавая „усталымъ усачамъ“—солдатамъ „царей науку“, онъ „не безславитъ сгоряча свою воинственную руку презрѣнной палкой палача“.—Кн. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“, характеризуя Орлова, отмѣчаетъ въ немъ „свѣтлый и смѣтливый умъ, тонкость и уловчивость, сродныя русской натурѣ и какъ-то дружно сливающіяся съ какимъ-то простосердечіемъ... Орловъ зналъ, такъ сказать, наизусть царствованія Александра I и Николая I; зналъ онъ коротко и великаго князя Константина Павловича, при которомъ былъ нѣкогда адъютантомъ. Свѣдѣнія его были историческія и преимущественно анекдотическія, общія, гласныя, частныя и подноготныя. Жаль, если кто изъ приближенныхъ къ нему не записывалъ разсказовъ его. Онъ разсказывалъ мастерски и охотно, даже иногда на распашку. Ни записокъ, ни дневник

lib.pushkinskijdom.ru

по себѣ онъ, вѣроятно, не оставилъ: онъ для этого былъ слишкомъ лѣнивъ и не довольно литературенъ" (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 180).

Стр. 36 (*2*) Пріѣздъ въ Петербургъ чрезвычайнаго турецкаго посла Мушира-Ахметъ-паши (22 ноября 1833 г.) стоялъ въ тѣсной связи съ общими политическими условіями и событіями того времени. Турецкій посолъ явился въ русскую столицу, въ которой до тѣхъ поръ Турція не имѣла постояннаго дипломатическаго представителя, для того чтобы передать императору Николаю благодарность султана за помощь, оказанную Турціи въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, пережитыхъ ею въ связи съ возстаніемъ египетскаго правителя Мегмета-Али. Когда войска Мегмета-Али заняли всю Сирію, а сынъ его Ибрагимъ на голову разбилъ подъ Иконіей турецкаго сераскира Решибъ-пашу и угрожалъ уже самой столицѣ Турціи, испуганный султанъ обратился съ просьбой о помощи къ своему недавнему противнику, императору Николаю, и тотъ отправилъ къ берегамъ Босфора русскую черноморскую эскадру, вмѣстѣ съ отрядомъ десантныхъ войскъ подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева. Вслѣдъ затѣмъ для веденія дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополь былъ командированъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла; 26 іюня 1833 г. былъ заключенъ въ Константинополѣ союзный договоръ между Россіей и Турціей (такъ называемый „Ункьяръ-Искелесскій"), по которому Россія гарантировала султану цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи и обязалась поддержать ее военною силой въ случаѣ опасности. Этотъ договоръ представлялъ собой крупный успѣхъ русской дипломатіи и знаменовалъ моментъ наибольшаго вліянія Россіи на турецкія дѣла, хотя вліяніе это было скоро парализовано вмѣшательствомъ французскаго и англійскаго правительства, обезпокоенныхъ успѣхами Россіи (см. книгу Татищева: „Внѣшняя политика императора Николая Перваго". СПб.; 1887. Стр. 383). Естественно, что прибытіе турецкаго посольства въ русскую столицу возбудило среди петербургскаго общества всеобщее вниманіе; такъ сенаторъ Дивовъ въ своихъ запискахъ, отмѣчая то важное значеніе, какое придавали этому факту въ свѣтскихъ и политическихъ кругахъ Петербурга, пишетъ: „Однимъ изъ выдающихся событій конца прошлаго года былъ пріѣздъ чрезвычайнаго турецкаго посланника, съ которымъ очень носились". („Рус. Старина", 1900 г., іюль, стр. 186). К. Я. Булгаковъ въ своихъ письмахъ къ брату также неоднократно упоминаетъ о турецкомъ

lib.pushkinskijdom.ru

посольствѣ, при чемъ постоянно подчеркиваетъ европейскія манеры и обращеніе посла и его свиты (Рус. Архивъ, 1904 г., февр., стр. 277, 278, 280). Запись въ дневникѣ Пушкина о турецкомъ послѣ сдѣлана 28 ноября, всего черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія посольства (22 ноября), когда это событіе было еще животрепещущей новостью, вызывавшей въ обществѣ вниманіе и толки. Записанный Пушкинымъ отзывъ о турецкомъ послѣ принадлежитъ графу А. Ф. Орлову, лицу, достаточно знакомому съ нравами и обычаями турецкаго высшаго общества, благодаря его двукратному пребыванію въ Константинополѣ (въ 1829 и 1833 гг.); съ Ахметъ-пашой Орловъ лично познакомился еще въ Константинополѣ во время своего послѣдняго посольства, когда Ахметъ-паша, въ качествѣ любимца султана и главнаго сторонника русской оріентаціи, сыгралъ видную роль при заключеніи союзнаго договора, который и былъ подписанъ имъ, вмѣстѣ съ двумя другими высшими представителями турецкаго правительства (Татищевъ, назв. соч., стр. 380).

Стр. 36 (*6*) Яшвиль, князь Левъ Михайловичъ (1768—1836), родомъ грузинъ, былъ еще мальчикомъ привезенъ съ Кавказа и опредѣленъ въ кадетскій корпусъ. Выпущенный въ артиллерію, Яшвиль въ 1787 г. принималъ участіе въ осадѣ Очакова, а въ 1792—95 гг. въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ. Наполеоновскія войны способствовали его быстрому возвышенію по службѣ: особенно отличился онъ въ бояхъ подъ Гейльсбергомъ и при Прейсишъ-Эйлау, и въ 1808 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а въ 1813 г., во время заграничнаго похода, былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи главной дѣйствующей арміи; въ этомъ званіи онъ принималъ участіе въ бояхъ при Люценѣ и Бауценѣ, при чемъ своими дѣйствіями значительно способствовалъ успѣху русскаго оружія. Блестящее состояніе, въ какомъ Яшвиль представилъ свою артиллерію на высочайшемъ смотру въ Шампани, доставило ему орденъ Владиміра I-й степени. По возвращеніи въ Россію, Яшвиль былъ назначенъ въ 1816 году начальникомъ артиллеріи I-й арміи и оставался въ этой должности до 1833 года, когда, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, вышелъ въ отставку, въ званіи члена Военнаго совѣта и въ чинѣ генерала-отъ-артиллеріи. Аракчеевъ, въ дни своей силы, очень благоволилъ къ Яшвилю, и послѣдній не безъ основанія считался въ арміи и въ обществѣ яркимъ представителемъ Аракчеевской системы (Потоцкій. Столѣтіе конной артиллеріи Спб., 1894. Стр. 8).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 36 (7). Мартыновъ, Павелъ Петровичъ (1782—1838), одинъ изъ числа такъ назыв. „генералъ-адъютантовъ 14-го декабря", получившихъ это званіе за участіе въ усмиреніи мятежа декабристовъ; въ 30-хъ годахъ онъ занималъ почетную должность петербургскаго коменданта, а до этого былъ командиромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Графъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ отзывается о немъ: „человѣкъ безъ образованія, безъ высокаго ума, но правдивый, честный и добрый"; а графъ Д. А. Милютинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказывая объ одномъ курьезномъ столкновеніи съ Мартыновымъ, замѣчаетъ о немъ: „генералъ, прославленный безчисленными анекдотами на счетъ его простоты" (Воспоминанія генералъ-фельдмаршала графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Изданіе Военной Академіи. Томскъ, 1919. Томъ I-й, стр. 93). Очень недалекій отъ природы, но усердный служака—фронтовикъ Аракчеевской школы, Мартыновъ сумѣлъ сдѣлать довольно блестящую карьеру, хотя и не пошелъ дальше почетнаго, но мало вліятельнаго поста столичнаго коменданта. Тотъ же Корфъ приводитъ о немъ отзывъ имп. Николая, сказанный по поводу его кончины: „Мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ, и я у него бралъ первые уроки военной службы" (Изъ Записокъ графа М. А. Корфа. Рус. Старина, 1899 г., іюнь, стр. 530). Нѣкоторыя свѣдѣнія о Мартыновѣ, характеризующія его ограниченность, приведены въ *Рус. Старинѣ*, 1871 г., т. IV, стр. 648—649. Ему между прочимъ приписывается анекдотическій отвѣтъ на вопросъ принца Карла прусскаго: „êtes-vous marié, général?"—„Энъ пэ" (*Рус. Старина*, 1881 г., т. I, стр. 34).

Стр. 36 (8). Никитинъ Алексѣй Петровичъ (1777—1858), съ 1847 года—графъ, видный военный дѣятель Николаевскаго времени. Вся служба его прошла въ конной артиллеріи. Онъ участвовалъ въ бояхъ при Бородинѣ и подъ Малоярославцемъ и особенно отличился подъ Краснымъ (5—6 ноября 1812 г.), гдѣ сосредоточеннымъ огнемъ своихъ орудій разгромилъ корпусъ Даву. Во время заграничнаго похода, онъ принималъ дѣятельное участіе въ битвахъ при Люценѣ, Лейпцигѣ, Бріеннѣ и др. Въ 1816 г., послѣ возвращенія въ Россію, Никитинъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи гренадерскаго корпуса. Въ 1830—31 гг. участвовалъ въ Польской кампаніи; въ 1834—39 гг. состоялъ начальникомъ Украинскихъ военныхъ поселеній, а въ 1839 году былъ назначенъ инспекторомъ кавалерійскаго резерва. Съ 1856 г.—членъ Государственнаго Со-

lib.pushkinskijdom.ru

вѣта. Въ качествѣ артиллериста, Никитинъ былъ воспитанникомъ Аракчеевской школы и въ своей военно-административной дѣятельности былъ яркимъ представителемъ Аракчеевской системы. Весьма показательно для Пушкина его отрицательное отношеніе къ упоминаемымъ въ Дневникѣ представителямъ аракчеевщины: Сухозанетъ, Яшвилю, Мартынову и Никитину: хотя онъ приводитъ здѣсь лишь толки, вызванные въ обществѣ назначеніемъ этихъ лицъ, не по самому тону записи видно, что онъ и самъ раздѣлялъ общее мнѣніе, осуждавшее эти назначенія.

Стр. 36 (11—26). Нѣкоторыя подробности о дѣлѣ фонъ-Бринкена находимъ мы въ письмахъ К. Я. Булгакова къ брату. 29 сентября 1833 г. онъ пишетъ своему корреспонденту: „Въ Англійскій магазинъ является неизвѣстный, назвавшій себя графомъ Ламсдорфомъ, отбираетъ на 4 тысячи серебряныхъ вещей и велитъ прислать съ commis въ трактиръ Лондонъ. Дѣвка говоритъ: къ барынѣ нельзя. Ламсдорфъ беретъ у commis вещи—и скрывается!“ (Рус. Архивъ, 1904 г., февр., стр. 270). 24 ноября Булгаковъ сообщаетъ о новой продѣлкѣ того же лица, на этотъ разъ окончившейся для него неудачно: „Та же продѣлка у русскаго купца, торгующаго оружейными вещами—но неудачно. Купецъ оказался догадливѣе и донесъ. Мошенника арестовали, нашли и серебро. Кто этотъ несчастный?—Офицеръ, дворянинъ... Государь приказалъ отослать его въ Курляндію, предоставивъ дворянству судить его“ (тамъ-же, стр. 279). Въ виду того, что въ эту исторію былъ замѣшанъ гвардейскій офицеръ, дѣло возбудило вниманіе въ Петербургскомъ обществѣ и имъ заинтересовался также и Пушкинъ, что видно изъ того, что онъ еще два раза упоминаетъ о немъ въ своемъ дневникѣ (см. записи отъ 8 апрѣля и 3 мая 1834 г.), при чемъ настойчиво осуждаетъ необычный и внѣзаконный ходъ, приданный этому дѣлу правительствомъ. Въ послѣдней записи, касающейся дѣла фонъ-Бринкена, Пушкинъ заноситъ въ своемъ дневникѣ, что курляндское (у Пушкина ошибочно—лифляндское) дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ Петербургѣ. Окончательное рѣшеніе по данному дѣлу вылилось въ формѣ спеціальнаго высочайшаго указа на имя генералъ-губернатора Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго отъ 23 февраля 1834 года: „Разсмотрѣвъ представленный мнѣ вами чрезъ Военнаго Министра приговоръ представителей дворянства Курляндской губерніи, постановленный надъ преданнымъ мною ихъ сужденію тамошнимъ дво-

lib.pushkinskijdom.ru

рянином, выключеннымъ изъ службы подпоручикомъ Рихардомъ фонъ-денъ-Бринкеномъ, который слѣдствіемъ и собственнымъ своимъ сознаніемъ изобличенъ въ ложномъ себя именованіи и воровствѣ изъ нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ магазейновъ и у ремесленниковъ разныхъ вещей, и находя приговоръ сей соотвѣтственнымъ винѣ подсудимаго и сообразнымъ съ общими Государственными узаконеніями, я утверждаю оный въ полной силѣ и сообразно съ тѣмъ повелѣваю: лишивъ подпоручика Рихарда фонъ-денъ-Бринкена чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и исключивъ имя его изъ числа дворянъ Курляндской губерніи, отослать его къ Командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса для опредѣленія на службу въ одинъ изъ тамошнихъ линейныхъ батальоновъ рядовымъ безъ выслуги, подъ именемъ Рихарда Егорова, съ воспрещеніемъ навсегда именоваться фамиліей фонъ-денъ-Бринкенъ. Вамъ поручаю привести приговоръ сей въ надлежащее исполненіе" (Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Изданіе А. С. Суворина. Томъ V, стр. 632). Весьма характерно для тогдашней боязни гласности, что, препровождая этотъ высочайшій указъ въ Правительствующій Сенатъ, министръ юстиціи Дашковъ сопроводилъ его спеціальнымъ указаніемъ: „Государю Императору, какъ видно изъ отношенія г. генералъ-губернатора графа Чернышева, благоугодно, дабы указъ сей былъ принятъ токмо для свѣдѣнія, а не для опубликованія".

Стр. 36 (28). Графиня Штакельбергъ, Аделаида Павловна (1807—1833), дочь сенатора графа Павла Ивановича Тизенгаузена и двоюродная сестра графини Д. Ѳ. Фикельмонъ; она была замужемъ за графомъ Рейнгольдомъ-Андреемъ (Андреемъ Ивановичемъ) Стакельбергомъ и скончалась 7 ноября 1833 г. (Кн. П. Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Ч. III-я, стр. 263, 269).

Стр. 36 (28) Елизавета Михайловна Хитрово (1783 –1839), дочь св. князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, бывшая въ первомъ бракѣ за графомъ Ѳ. И. Тизенгаузеномъ, а во второмъ—за генералъ-майоромъ Н. Ѳ. Хитрово (ум. въ 1819 г.), состоявшимъ нашимъ посланникомъ при тосканскомъ дворѣ. Дочь ея отъ перваго брака (Dolly) была замужемъ за австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ графомъ Фикельмономъ. Е. М. Хитрово занимала довольно видное мѣсто среди высшаго Петербургскаго общества, вращаясь преимущественно въ придворномъ и диплома-

lib.pushkinskijdom.ru

тическомъ кругу, но она не чужда была и нѣкоторымъ литературнымъ интересамъ: такъ, напр., она была большой почитательницей Пушкина, котораго высоко цѣнила какъ поэта, и горячо любила какъ человѣка. Всѣ отзывы современниковъ единогласно свидѣтельствуютъ о ея душевной добротѣ и сердечности, о ея глубокой привязанности къ друзьямъ, о ея искренности, отзывчивости и другихъ цѣнныхъ моральныхъ качествахъ. Что же касается до ея умственнаго уровня, то въ этомъ отношеніи она, повидимому, не стояла на соотвѣтствующей высотѣ, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, тотъ тонъ легкой насмѣшки и безобидной ироніи, который часто замѣтенъ въ отзывахъ о ней лицъ, даже весьма къ ней расположенныхъ, напр., Пушкина, Вяземскаго и др. Не чужда она была и нѣкоторыхъ женскихъ слабостей, въ родѣ невиннаго кокетства и свѣтской суетности; такъ, напр., уже въ пожилымъ годахъ она продолжала рядиться и любила декольтироваться, выставляя свои плечи, отличавшіяся особенной бѣлизною и красотою; вслѣдствіе этого она среди своихъ друзей и знакомыхъ получила прозваніе „Лизы голенькой“, о чемъ и говоритъ приписываемая Пушкину эпиграмма:

Лиза въ городѣ жила,
Съ дочкой Долинькой,
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой;
У австрійскаго посла
Нынѣ Лиза en gala,
Не по прежнему мила,
Но по прежнему гола.

Кн. П. А. Вяземскій, близко знавшій Елизавету Михайловну, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ее въ своей „Старой записной книжкѣ“: „Вотъ еще любезная личность, которой миновать не можетъ сочувственное воспоминаніе. Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общества имя ея осталось также незамѣнимо, какъ оно было привлекательно въ теченіе многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ, продолжавшіяся отъ часу до четырехъ пополудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонъ, неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастіе въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ. Не нужно было читать газеты, какъ у Аѳинянъ, которые также не нуждались въ газетахъ, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались въ портикахъ и на площади. Такъ и въ этихъ двухъ салонахъ можно

lib.pushkinskijdom.ru

было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора, и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обозрѣніе и текущихъ событій; былъ и premier Pétersbourg съ сужденіями своими, а иногда и осужденіями, былъ и легкій фельетонъ, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, эта всемірная изустная, разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ. Подобныхъ издателей не скоро найдешь! А какая была непринужденность, терпимость, вѣжливая и себя и другихъ уважающая свобода въ этихъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ разговорахъ! Даже при выраженіи спорныхъ мнѣній не было слишкомъ кипучихъ преній; это былъ мирный обмѣнъ мыслей, воззрѣній, оцѣнокъ,—система free trade, приложенная къ разговору.—Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Елизавету Михайловну, едва ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить немудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалѣя себя, не опасаясь за себя неблагопріятныхъ послѣдствій, личныхъ пожертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другого. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальною и загадочною обстановкой, породила много толковъ въ Петербургскомъ обществѣ; она сдѣлалась какимъ-то интернаціональнымъ вопросомъ. Вообще жалѣли о жертвѣ; но были и такіе, которые прибѣгали къ обстоятельствамъ, облегчающимъ вину виновника этой смерти и, если не совершенно оправдывали его (или, правильнѣе, ихъ), то были за нихъ ходатаями. Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Хотя Елизавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на Русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи“ (Собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 493—494).

Приблизительно такими же чертами характеризуетъ личность Е. М. Хитрово и ея „салонъ“ и графъ В. А. Сологубъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Самой оживленной, самой „эклектической“, чтобы выразиться моднымъ словомъ, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Она никогда не была красавицей, но имѣла сонмище поклонниковъ, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранникомъ, что въ тѣ

lib.pushkinskijdom.ru

времена была большая рѣдкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала въ высшей степени свѣтскостью, привѣтливостью самой изысканной и той особенной, всепрощающей добротою. Въ ея салонѣ, кромѣ представителей большого свѣта, ежедневно можно было встрѣтить Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго и двухъ-трехъ другихъ тогдашнихъ модныхъ литераторовъ. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала слѣдующій анекдотъ. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала въ кровати и принимала избранныхъ посѣтителей у себя въ спальнѣ; когда гость допускался къ ней, то, поздоровавшись съ хозяйкой, онъ, разумѣется, намѣревался сѣсть; г-жа Хитрово останавливала его:—„Нѣтъ, не садитесь на это кресло, это Пушкина,—говорила она,—нѣтъ, не на этотъ диванъ—это мѣсто Жуковскаго, нѣтъ, не на этотъ стулъ—это стулъ Гоголя; садитесь ко мнѣ на кровать: это мѣсто всѣхъ! (Assayez vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde) („Воспоминанія графа В. А. Сологуба". СПб., 1887. Стр. 132).

Пушкинъ познакомился съ Елизаветой Михайловной Хитрово, вѣроятно, во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1827—28 гг.; во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ относить начало ихъ знакомства къ болѣе раннему времени. Е. М. Хитрово была одной изъ немногихъ свѣтскихъ женщинъ Петербурга, сумѣвшихъ понять и оцѣнить геній Пушкина и заинтересоваться самою личностью поэта. Склонная къ нѣкоторой экзальтаціи, она, не смотря на свой почтенный возрастъ, стала питать къ нему привязанность, переходящую въ обожаніе, нисколько не стараясь скрыть своего чувства, надъ которымъ подтрунивали пріятели Пушкина; такъ, напр., въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 25 апрѣля 1830 г., по поводу стиховъ Пушкина къ митрополиту Филарету, князь П. А. Вяземскій упоминаетъ между прочимъ объ „общей ихъ пріятельницѣ, Элизѣ Хитрово, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому языческою любовью" (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 193). Объ этой привязанности говоритъ и Н. М. Смирновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ. „Нѣкоторая безпечность нрава позволяла часто имъ (Пушкинымъ) овладѣть; такъ, напр., Е. М. Хитрово, женщина умная, но странная (ибо на 50 году не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою) возымѣла страсть къ генію Пушкина и преслѣдовала его нѣсколько лѣтъ своею страстью. Она надоѣдала ему несказанно, но онъ никогда не могъ рѣшиться огорчить ее, оттолкнувъ отъ себя,

lib.pushkinskijdom.ru

хотя смѣясь бросалъ въ огонь, не читая, ея ежедневныя записки; но, чтобъ не обидѣть ея самолюбія, онъ не переставалъ часто навѣщать ее въ пріемные дни ея передъ обѣдомъ" („Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова". *Рус. Архивъ*, 1882 г., № 2, стр. 238). Имѣющіяся у насъ данныя не позволяютъ намъ судить какъ далеко простиралась „страсть" г-жи Хитрово къ Пушкину и насколько справедливы были намеки друзей на характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, но письма ея къ Пушкину явно проникнуты чувствомъ нѣсколько наивной и сентиментальной, но искренней и глубокой привязанности, дышатъ материнской нѣжностью, проникнуты безпокойствомъ о его здоровьи, о его дѣлахъ, мѣстами исполнены непритворной грусти и тихой резиньяціи при мысли о томъ, что ея чувство не встрѣчаетъ соотвѣтствующаго себѣ отвѣта. Въ первомъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ (отъ 18 марта 1830 г.), она пишетъ Пушкину: „Demain il y a quinze jours que vous êtes parti — il est inconcevable que vous n'ayez pas écrit un mot. Vous ne connaissez que trop ma tendresse et inquiète et déchirante pour moi. Jl n'est point dans votre noble caractère de me laisser sans aucunes nouvelles à votre sujet. Défendez moi de vous parler de moi, mais ne me privez du bonheur d'être votre commissionaire. Je vous parlerai grand monde, littérature étrangère, probabilité d'un changement du Ministère en France,—hélas, je suis à la source de tout, il n'y que le bonheur qui me manque... Malgré que je suis avec vous (malgré l'Antipathie que cela vous donne) et douce et inofensive et resignée,—accusez au moins de tems en tems mes lettres. Je serai radieuse rien que de voir votre écriture!" (Переписка, т. II, стр. 123). Трогательной заботливостью о Пушкинѣ проникнуто и письмо Елиз. Мих. Хитрово къ князю П. А. Вяземскому, вызванное ея опасеніями тѣхъ непріятныхъ для Пушкина послѣдствій, которыя могло повлечь за собою опубликованіе его статьи о Видокѣ, со стороны больно задѣтаго въ ней Булгарина, мстительность котораго могла выразиться въ клеветахъ и доносахъ на Пушкина. „Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ,—пишетъ она,—что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ, человѣкъ благоразумный, мнѣ говорилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати: самое незначительное послѣдствіе было бы, если бы Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кина. По крайней мѣрѣ, необходимо посовѣтоваться съ Жуковскимъ. Пушкинъ любитъ его, а на его мнѣнія рѣдко можно опереться въ пользу перебранокъ. Это первое движеніе еще старая закваска. Нельзя ли отложить статью въ ожиданіи отвѣта Жуковскаго? Я совершенно убита тѣмъ, что сказалъ мнѣ Перовскій" (Кн. П. П. Вяземский. „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива" въ „Собраніи сочиненій", СПб., 1893. Стр. 521—522). Женитьба Пушкина была, повидимому, для любящаго сердца Елиз. Мих. Хитрово тяжелымъ ударомъ. Въ ея письмахъ къ Пушкину, написанныхъ въ маѣ 1830 года, вслѣдъ за полученіемъ ею извѣстія о его помолвкѣ съ Н. Н. Гончаровой, явственно звучитъ нота глубокой горечи, грустнаго сознанія разбитыхъ надеждъ. Но врожденная доброта души и благородство натуры позволили ей съ честью выйти изъ пережитаго испытанія, изъ котораго не вынесла она никакого дурного чувства—обиды или зависти; напротивъ того, она готова искренно радоваться счастью дорогого для нея человѣка и если и безпокоится за его судьбу, то только потому, что боится, что онъ не найдетъ въ семейной жизни полнаго удовлетворенія. „C'est le côté prosaique du mariage, que je crains pour vous!— пишетъ она.—J'ai toujours pensé aussi que le génie ne se soutenait, que dans une parfaite indépendance et ne se dévelopaient que dans une séries d'infortunes,—qu'un bonheur parfait positif, continuel et à la longue un peu monotone tuait les moyens, faisait engraisser et rendait bon homme plutôt que grand poête... Et c'est peut être après une douleur personnelle ce qui m'a le plus frappé au premier moment... Dieu a permis, vous ai-je dit, que je n'aie aucun égoïsme dans mon coeur. J'ai reflechi, combattu, souffert, et me voilà aussitot au point de désirer que bien vite vous soyez marié... Rien au fond n'est changé entre nous—je vous verrai plus souvent. (Si Dieu permet que je vous revoie encore). Desormais mon coeur, mes pensées intimes seront pour vous un místère impénetrable et mes lettres telles quelles doivent être — l'Océan sera entre vous et moi — mais avant ou après — vous trouverez toujours en moi pour vous, votre femme et vos enfans — une amie — semblable à un roc—contre le quel tout viendra échouer. — Comptez y à la vie et à la mort, disposez de moi pour tout et sans délicatesse... Quand j'aurai noyé mon amour pour vous dans mes larmes, je n'en serais pas moins cet être passioné, doux et inofensif, qui irait pour vous dans la glace—car c'est ainsi que j'aime, même ceux que j'aime peu!" (Переписка, т. II, стр. 152—153).

lib.pushkinskijdom.ru

Что касается до Пушкина, то съ его стороны мы замѣчаемъ въ отношеніи къ Елизаветѣ Михайловнѣ большую сдержанность, граничащую съ полнымъ равнодушіемъ и даже явнымъ пренебреженіемъ. Повидимому, влюбленность въ него старѣющей женщины ставила его въ неловкое положеніе и налагала на ихъ отношенія, въ глазахъ свѣта, отпечатокъ чего-то комическаго, „ридикюльнаго", къ чему Пушкинъ былъ весьма чувствителенъ; поэтому онъ въ своихъ письмахъ къ общимъ знакомымъ постоянно отзывается о г-жѣ Хитрово въ тонѣ легкой насмѣшки, афишируетъ свое ироническое къ ней отношеніе. Такъ, приготовляясь сдѣлать предложеніе Н. Н. Гончаровой, онъ пишетъ кн. Вяземскому изъ Москвы въ концѣ марта 1830 года: „Письмо это доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ Красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у К. Мещерской) и она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефреихи" (Переписка, т. II, стр. 126). Въ письмѣ Вяземскому отъ 2 января 1831 года: „Лиза пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо" (очевидно, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и возможностью иностранной интервенціи). 3 іюля того-же года, Пушкинъ, сообщая Вяземскому о холерныхъ безпорядкахъ въ Петербургѣ, прибавляетъ: „Элиза приготовляется къ смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе". 14-го августа, говоря о своихъ планахъ относительно изданія журнала, онъ замѣчаетъ: „Въ 3 мѣсяца книжку, нѣтъ книжищу, выдадимъ, съ помощью Божіей и Лизы голенькой. Къ стати: Лиза написала было мнѣ письмо въ родѣ духовной: croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau и проч. да и замолкла; я спокойно себѣ думаю, что она умерла—Что-жъ узнаю? Элиза влюбилась въ вояжера Mornay да съ нимъ кокетничаетъ! Каково? O femme, femme! créature faible et décevante..." 8 октября 1833 г. Пушкинъ пишетъ женѣ изъ Болдина: „Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова" (Переписка, т. II, стр. 308, 267, 200: т. III, стр. 51) Явно иронической тонъ, которымъ проникнуты эти отзывы Пушкина о Е. М. Хитрово въ достаточной степени характеризуетъ его отношеніе къ ней. Пушкинъ не оцѣнилъ въ должной мѣрѣ трогательной привязанности къ нему этой доброй женщины, а сама г-жа Хитрово не сумѣла завоевать къ себѣ его уваже-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе; поэтому дружба ихъ не сыграла никакой роли въ личной жизни поэта и не оставила замѣтнаго слѣда въ его біографіи.

Стр. 37 (1) „Les Enfants d'Edouard" — трагедія Казиміра Делавиня, впервые поставленная на сценѣ Théatre français 18 мая 1833 года. Сюжетъ ея представляетъ собой переработку одного изъ эпизодовъ Шекспировскаго „Ричарда Третьяго", именно—убійство малолѣтнихъ сыновей короля Эдуарда IV-го, съ помощью котораго ихъ опекунъ Ричардъ, герцогъ Глостерскій, проложилъ себѣ путь къ престолу. Это кровавое событіе, повидимому, напомнило зрителямъ Петербургскіе дворцовые перевороты, скорѣе всего—убійство имп. Павла, хотя ни дѣйствующія лица піесы Делавиня, ни ихъ положеніе и взаимныя отношенія ни въ чемъ не напоминаютъ обстоятельствъ русской исторической трагедіи, разыгравшейся въ стѣнахъ Михайловскаго замка, такъ что можно только удивляться „смѣлости примѣненій", которыя дѣлались зрителями и которыя вызвали недоумѣніе Пушкина. Характерна, впрочемъ, въ данномъ случаѣ самая готовность Петербургской публики ловить всякій намекъ на событія 11-го марта 1801 года, многіе свидѣтели и участники котораго были еще въ живыхъ. Нужно сказать, что само правительство не придало никакого значенія толкамъ публики: вопреки распространившимся слухамъ, пьеса не была запрещена и продолжала даваться на французской сценѣ въ теченіе всего слѣдующаго года, а 6 января 1835 г. она была поставлена въ русскомъ переводѣ на сценѣ Александринскаго театра, подъ заглавіемъ: „Сыны Эдуарда, короля англійскаго" (см. отзывъ о постановкѣ ея въ „Сѣверной Пчелѣ" 18 янв. 1835 г.).

Стр. 37 (3) Экернъ — нидерландскій посланникъ баронъ фанъ-Геккеренъ (1791—1884), сыгравшій впослѣдствіи такую трагическую роль въ судьбѣ Пушкина. Изъ настоящей записи въ дневникѣ Пушкина можно заключить, что еще въ 1833 году поэтъ былъ знакомъ съ нимъ лично: едва ли онъ сталъ бы заносить въ свой дневникъ случайный отзывъ неизвѣстнаго ему лица. Баронъ Геккеренъ де Бефферваардъ (полное имя его Jacob-Théodore-Borhaardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard) родился въ 1791 году и принадлежалъ по своему происхожденію къ одной изъ древнѣйшихъ голландскихъ фамилій. Начавъ свою службу во флотѣ, онъ въ 1815 году перешелъ на дипломатическое поприще, будучи назначенъ секретаремъ нидерландскаго посольства въ Стокгольмѣ

lib.pushkinskijdom.ru

но уже въ 1823 году онъ находился въ Петербургѣ, гдѣ въ отсутствіи нидерландскаго посланника Ферсталкъ-фанъ-Зелена исправлялъ его обязанности въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Уже черезъ три года, въ 1826 году, онъ былъ назначенъ на постъ посланника при русскомъ дворѣ, при которомъ сумѣлъ, какъ представитель родственнаго двора (сестра имп. Николая, вел. кн. Анна Павловна была замужемъ за принцемъ Оранскимъ, впослѣдствіи королемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ III), занять довольно видное положеніе, хотя и не пользовался, благодаря своимъ личнымъ качествомъ, особой симпатіей общества. Н. М. Смирновъ, мужъ извѣстной пріятельницы Пушкина Александры Осиповны, урожд. Россетъ, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Геккеренъ былъ человекъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительны для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, перессорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли“ (*Рус. Архивъ*. 1882 г., т. I, стр. 234). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ дипломатическомъ кругу Геккеренъ выдѣлялся своимъ умомъ и остроуміемъ; такъ, напр., княгиня Ливенъ, характеризуя въ письмахъ къ лорду Грею Петербургскихъ дипломатовъ, отмѣчаетъ среди нихъ только двухъ gens d'esprit—графа Фикельмона и барона Геккерена. Впослѣдствіи, послѣ своего отъѣзда изъ Россіи, Геккеренъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1842 по 1875 г.) постъ нидерландскаго посланника въ Вѣнѣ, гдѣ онъ пользовался репутаціей умнаго и образованнаго человѣка, но гдѣ также побаивались его злого языка (Воспоминанія бар. Ѳ. Ѳ. Торнау. *Истор. Вѣстникъ*, 1897 г., Январь, стр. 66). Выйдя въ отставку въ 1875 году, онъ поселился въ Парижѣ, въ семьѣ своего пріемнаго сына Дантеса-Геккерена, и умеръ здѣсь въ глубокой старости, 93-хъ лѣтъ отъ роду, въ 1884 году. Свѣдѣнія о немъ см. въ книгѣ П. Е. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы“. Петроградъ, 1916, и въ статьѣ Н. В. Чарыкова: „Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи“ („Пушкинъ и его современники“. Вып. XI-й, стр. 73).

Стр. 37 (4). Блай (John Bligh)—секретарь англійскаго посольства въ Петербургѣ; повидимому, онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ числа заурядныхъ дипломатическихъ чиновниковъ и не оставилъ по себѣ никакого слѣда. Имя его не встрѣчается ни въ Британской Энциклопедіи, ни въ Dictionary of national Biographie. Вторично упоминается Пушкинымъ въ записи дневника отъ 2 іюня 1834 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 37 (6). Бутурлинъ, графъ Дмитрій Петровичъ (1790—1849), въ 1808 году поступилъ на военную службу въ кавалерію, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ заграничныхъ походахъ 1813—1815 гг., а впослѣдствіи въ войнѣ съ Турціей 1828—1829 гг. Произведенный еще въ молодыхъ годахъ (въ 1824 г.) въ генералъ-майоры, онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ I-ой арміи и почетнымъ членомъ Военно-ученаго комитета. Бутурлину принадлежитъ цѣлый рядъ военно-историческихъ трудовъ (на французскомъ языкѣ), посвященныхъ преимущественно Наполеоновскимъ войнамъ, участникомъ и очевидцемъ которыхъ онъ самъ былъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: „Tableau de la campagne d'automne de 1813 en Allemagne, par un officier russe. Revu par le baron de Jomini". Paris, 1817—1820 (въ русскомъ переводѣ этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи" Спб., 1830); „Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. 2 vols. Paris et St. Pétersbourg. 1824. Atlas in folio (въ русскомъ переводѣ: „Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 году". Перевелъ А. Хатовъ. 2 части Спб., 1837). По русски имъ была написана „Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII стол." 3 части. Спб. 1839—1846. Въ 1830 г. Бутурлинъ былъ уволенъ отъ военной службы съ производствомъ въ тайные совѣтники; въ 1833 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1840-мъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 1842 года онъ состоялъ директоромъ Имп. Публичной библіотеки, а 2 апрѣля 1848 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ негласнаго Комитета для надзора за печатью и цензурой, такъ называемаго—„Бутурлинскаго", прославившагося своей драконовской строгостью и выработавшаго цѣлый рядъ мѣръ, еще болѣе стѣснившихъ и безъ того тяжелое положеніе русской печати и литературы, такъ что эпоха дѣйствія этого „Бутурлинскаго комитета" по справедливости именуется „эпохой цензурнаго террора".—Впрочемъ, въ частной жизни, какъ человѣкъ общества, Бутурлинъ нелишенъ былъ и нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ; такъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ запискахъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени остроумномъ, оживленномъ и пріятномъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, хотя и она отмѣчаетъ въ немъ „врожденную рѣзкость и деспотизмъ характера", проявлявшійся особенно рѣзко въ эпоху его цензорской дѣятельности, когда онъ въ своемъ инквизиторскомъ увлеченіи доходилъ до того, что готовъ былъ выискивать опасные мѣста въ акафистахъ и даже въ самомъ Евангеліи (*Рус. Архивъ*,

lib.pushkinskijdom.ru

1874 г., I, стр. 726). Князь Вяземскій, со своей стороны, характеризуетъ его какъ человѣка честолюбиваго, ловкаго, сумѣвшаго своею ловкостью побѣдить даже личное нерасположеніе къ нему императора Николая, при чемъ въ этомъ случаѣ немалую услугу оказали ему свѣтскіе успѣхи его жены, знаменитой петербургской красавицы того времени, Елизаветы Михайловны, урожд. Комбурлей. „Впрочемъ,—прибавляетъ Вяземскій,—успѣхи его по службѣ и по другимъ отношеніямъ небезосновательны. Онъ человѣкъ былъ умный и со способностями, съ большими предубѣжденіями; сердца, я полагаю, довольно жесткаго, и честолюбія на многое готоваго, но вообще одаренный тѣмъ, что выводитъ людей вездѣ и всюду“ (Собраніе сочиненій, т. X, стр. 120). По свидѣтельству того же Вяземскаго, Бутурлинъ носилъ въ Петербургскомъ обществѣ прозваніе „Жомини“ за свои военно-историческіе труды (ген. Жомини—извѣстный военный писатель того времени). Среди современниковъ Бутурлинъ пользовался репутаціей „учености“ и самъ онъ былъ въ этомъ отношеніи высокаго мнѣнія о своемъ умѣ и знаніяхъ, вслѣдствіе чего отличался большой самоувѣренностью въ сужденіяхъ, за что Вяземскій и называетъ его „доктринеромъ“. Впрочемъ уже и въ тѣ времена многіе находили въ сочиненіяхъ Бутурлина весьма существенные недостатки; такъ, напр., кн. С. Г. Волконскій (декабристъ) даетъ о его военно-историческихъ трудахъ слѣдующій неблагопріятный отзывъ: „Исторія его большей частью, кромѣ искаженій многихъ обстоятельствъ и событій, есть панегирикъ живымъ, въ силѣ при Дворѣ состоящимъ лицамъ, и очень часто хула несправедливая на тѣхъ, которые были въ немилости или отъ которыхъ, какъ отъ умершихъ, не ожидалъ онъ себѣ поддержки и не боялся возраженій“ („Записки князя С. Г. Волконскаго “. Изд. 2-е. Спб., 1902. Стр. 170). Послѣ Бутурлина остались интересныя и цѣнныя бумаги, хранящіяся въ Публичной библіотекѣ и относящіяся преимущественно къ Наполеоновскимъ войнамъ. Часть ихъ была использована Н. К. Шильдеромъ въ его монографіи объ имп. Александрѣ I-мъ.—Пушкинъ еще въ посланіи „Кн. А. М. Горчакову“ (1819 г.) упоминаетъ имя Бутурлина, называя его „законодателемъ невѣждъ“; возможно, что онъ уже въ то время былъ знакомъ съ нимъ лично. Обладая значительнымъ состояніемъ, Бутурлинъ велъ открытый образъ жизни, устраивалъ блестящіе балы и вечера, на которыхъ бывалъ и Пушкинъ: кромѣ настоящей записи, онъ вторично упоминаетъ о своемъ посѣщеніи дома Бутурлина въ записи отъ 28 ноября 1834 года, отмѣчая при

lib.pushkinskijdom.ru

этомъ: „балъ былъ прекрасенъ". Карта распространенія Россіи, о которой упоминается въ первой записи, составляетъ приложеніе къ книгѣ Бутурлина: „Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII ст. 4 ч. (1819—1823).

Стр. 37 (15). Великій князь Михаилъ Павловичъ (1798—1849), младшій братъ имп. Николая I-го, съ которымъ онъ съ дѣтства росъ и воспитывался вмѣстѣ, подъ руководствомъ суроваго и требовательнаго ген. Ламсдорфа. Совмѣстная жизнь и ученіе способствовали тѣсному сближенію братьевъ, связанныхъ другъ съ другомъ чувствомъ искренней и неизмѣнной привязанности и дружбы. Не смотря на обиліе приглашенныхъ для занятій съ великими князьями учителей, общее ихъ образованіе было весьма недостаточно, но за то уже съ раннихъ лѣтъ у обоихъ ихъ обнаружилось одинаковое тяготѣніе къ военному дѣлу, унаслѣдованное отъ отца пристрастіе къ строевымъ занятіямъ, къ парадамъ и къ мунштровкѣ. По молодости лѣтъ братья не имѣли возможности принять участіе въ войнахъ съ Наполеономъ, и хотя въ 1814 году они получили отъ императора разрѣшеніе прибыть въ дѣйствующую армію, однако прибытіе ихъ совпало съ моментомъ взятія Парижа и фактическаго прекращенія войны. Для довершенія образованія великаго князя, онъ, по мысли императрицы-матери, совершилъ двухлѣтнюю (1817—1819) поѣздку по Россіи и Западной Европѣ, при чемъ по Италіи его сопровождалъ знаменитый воспитатель Александра I-го Лагарпъ. Дѣйствительная военная служба великаго князя началось въ 1816 году, когда онъ былъ назначенъ шефомъ I-ой лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, а три года спустя онъ, носившій со дня рожденія званіе генералъ-фельдцейхмейстера, былъ поставленъ во главѣ всей артиллеріи. Въ 1825 году Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, а въ 1831 году главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Наконецъ, въ 1844 году состоялось его назначеніе главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Такимъ образомъ въ рукахъ вел. князя сосредоточилась громадная власть, получавшая особенное значеніе въ виду его близости къ государю. Михаилъ Павловичъ участвовалъ въ войнѣ съ турками 1828—1829 гг. и въ Польской кампаніи 1831 года, но какихъ-либо военныхъ дарованій не проявилъ и никакой замѣтной роли въ боевыхъ дѣйствіяхъ не игралъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ военныхъ администраторовъ Николаевской эпохи, которые предпо-

lib.pushkinskijdom.ru

читали мирныя занятія мунштровкой и выправкой солдатъ рискованнымъ предпріятіямъ на полѣ брани, даже находили, что „война портитъ солдата“,—афоризмъ, приписываемый между прочимъ и вел. князю Михаилу Павловичу. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей господствовавшей въ эту эпоху военной системы, придававшей наибольшее значеніе внѣшнимъ формамъ, а не существу дѣла, и поддерживавшей порядокъ и дисциплину при помощи „служебнаго террора“, по выраженію гр. Д. А. Милютина; забота о внѣшней выправкѣ солдатъ, о безукоризненности равненія и стройности маршировки стояла на первомъ планѣ, и съ этой плацъ-парадной точки зрѣнія оцѣнивались достоинства какъ войсковыхъ частей, такъ и ихъ начальниковъ. Тотъ же Милютинъ, получившій свое военное образованіе въ эпоху безраздѣльнаго господства этой системы, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ее въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „На ученіяхъ, такъ называемыхъ *линейныхъ*, и даже на маневрахъ строго соблюдались мелочныя и педантическія правила: равненіе, стройность, какъ на плацъ-парадѣ. Рѣдкое ученіе или смотръ обходились безъ бури, безъ распеканій, арестовъ и даже розогъ для солдатъ. Къ смотрамъ Государя и Великаго Князя Михаила Павловича готовились, какъ на страшный судъ; все храброе воинство, отъ простого рядового до высшаго начальника, находилось постоянно въ напряженномъ состояніи духа, ожидая день и ночь со страхомъ и трепетомъ грозы. Малѣйшее отступленіе отъ формальностей устава лагерной службы въ лагерныхъ караулахъ, при лагерномъ разводѣ, церковномъ парадѣ, на „зарѣ съ церемоніей“ и т. д. могло имѣть печальныя послѣдствія для офицера, для начальника, даже для цѣлой части войска. Каждый долженъ былъ держать ухо востро, потому что высшіе начальники, начиная отъ самого Великаго Князя Михаила Павловича, считали своею обязанностью „ловить“ подчиненныхъ неожиданнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ наименѣе можно было ожидать ихъ. Исправность лагерной службы провѣрялъ самъ Государь, пріѣзжая въ лагерь внезапно въ ночное время и поднимая войска по тревогѣ“ (Воспоминанія генералъ-фельдмаршала графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Изданіе Военной Академіи. Томскъ, 1919. Томъ I, стр. 87). О томъ почти паническомъ страхѣ, который внушалъ вел. князь своимъ подчиненнымъ есть комическій разсказъ Д. В. Григоровича (въ его Воспоминаніяхъ). Григоровичъ, будучи воспитанникомъ Инженернаго училища, пропустилъ однажды на улицѣ великаго князя, не ставши передъ нимъ во фронтъ, и на

lib.pushkinskijdom.ru

его грозный окрикъ, сломя голову, бросился бѣжать и спасся въ первый попавшійся магазинъ; хотя эпизодъ этотъ кончился для Григоровича сравнительно благополучно, однако онъ такъ подѣйствовалъ на его настроеніе, что онъ уговорилъ мать подать прошеніе объ его увольненіи изъ училища (Д. В. Григоровичъ. Полное собраніе сочиненій. Спб., 1896. Т. XII, стр. 236—238).

Великій князь Михаилъ Павловичъ по своему много заботился о нуждахъ ввѣренныхъ ему вѣдомствъ; такъ, были введены нѣкоторыя усовершенствованія по артиллерійскому и инженерному дѣлу, „для образованія искусныхъ артиллерійскихъ офицеровъ“ было учреждено Артиллерійское (позднѣе Михайловское) училище, для подготовки офицерскихъ кадровъ было основано 14 кадетскихъ корпусовъ и нѣсколько юнкерскихъ школъ; однако при господствѣ указанной системы всѣ эти усилія поднять военное дѣло въ Россіи не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Будучи въ служебныхъ отношеніяхъ неумолимо строгимъ, требовательнымъ и придирчивымъ, въ силу принципа и усвоенной системы, вел. князь въ частной жизни умѣлъ быть очень простымъ и обходительнымъ, проявлялъ нерѣдко черты сердечности, отзывчивости и великодушія. Эти противорѣчія въ его характерѣ отмѣчаютъ многіе изъ современниковъ, знавшіе его болѣе или менѣе близко; такъ И. К. Зайцевъ, много лѣтъ служившій подъ его начальствомъ въ качествѣ преподавателя кадетскихъ корпусовъ, пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ стараго учителя“:—„Вел. князь Михаилъ Павловичъ былъ человѣкъ серьезный, строгій, гроза всѣхъ военныхъ, хотя въ душѣ былъ добрый и великодушный. Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что онъ только маскировался грозою, для большаго внушенія военнымъ дисциплины. Начать съ того, что онъ только во время смотровъ являлся суровымъ и придирчивымъ, а какъ кончался смотръ, дѣлался простъ и обходителенъ“ (*Рус. Старина.* 1887 г., т. II, стр. 680). Точно такъ же характеризуетъ его и графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ Запискахъ: „Вѣрно вполнѣ, что великій князь былъ добрѣйшей души человѣкъ; всѣ его приближенные подтверждаютъ это и отзываются о немъ съ глубокой преданностью, вслѣдствіе ежедневныхъ и домашнихъ съ нимъ отношеній. Но таковымъ онъ далеко не представлялся намъ, фронтовымъ его подчиненнымъ: онъ силился казаться звѣремъ и достигъ своей цѣли. Мы его боялись, какъ огня, и старались избѣгать всякой уличной съ нимъ встрѣчи. Милитарный его педантизмъ, отражавшійся въ застежкѣ крючковъ и пуговицъ, въ прическѣ волосъ

lib.pushkinskijdom.ru

и пр., отступленіе отъ каковыхъ формъ преслѣдовалось съ неумолимой строгостью (иногда при колкихъ весьма выраженіяхъ), не могъ привести насъ къ тому, чтобы раздѣлять мнѣніе о немъ, общее съ болѣе приближенными къ нему лицами. Въ немъ были двѣ личности, противорѣчащія одна другой. Мы не столько боялись Государя, какъ его; казалось, впрочемъ, что роли въ отношеніи мундирныхъ строгостей разыгрывались обоими братьями со взаимнаго уговора, если судить по слѣдующему случаю, переданному мнѣ чуть-ли не очевидцемъ. Николай Алексѣевичъ Свистуновъ, тогда поручикъ и нѣчто въ родѣ льва въ кавалергардскомъ полку, уже пользовавшійся извѣстностью при дворѣ, явился однажды на одномъ изъ маленькихъ Аничковскихъ баловъ въ неимовѣрно высокой прическѣ по послѣднему Парижскому журналу, невозможной безъ длинныхъ волосъ. Государь подошелъ къ нему и шутливо сказалъ: „Смотри, не попадайся на глаза великому князю съ твоей прической.“ Рядомъ съ этимъ преслѣдованіемъ мелочей, чего и чего не спускалъ великій князь въ сороковыхъ годахъ шалуну и остряку Константину Александровичу Булгакову (служившему въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку), выходками коего великій князь даже потѣшался. Одинъ гвардейскій офицеръ, растративъ казенныя деньги, безъ средствъ пополнить ихъ, рѣшился прибѣгнуть къ великодушію великаго князя черезъ одно близкое къ послѣднему лицо, которое, не назвавъ по фамиліи просящаго, представило, вѣроятно, его положеніе въ такомъ видѣ, что ему не было другого исхода, какъ пулю въ лобъ, и великій князь, запретивъ предварительно ходатаю сказать ему фамилію несчастнаго, пополнилъ растрату изъ своихъ средствъ“ (*Рус. Архивъ*, 1897 г., № 7, стр. 341). Повидимому, самъ вел. князь зналъ о производимомъ имъ впечатлѣніи и, можетъ быть, иногда тяготился имъ. Въ запискахъ кн. Имеретинскаго приводится между прочимъ разказъ его сослуживца по Преображенскому полку К. Ѳ. Коссаковскаго, касающійся вел. кн. Михаила Павловича. Однажды лѣтомъ Коссаковскій пріѣхавъ изъ лагеря въ Петербургъ, встрѣтилъ у Михайловскаго дворца августѣйшаго командира гвардіи, который привѣтствовалъ отдавшаго ему честь офицера словами: „Bonjour, mon cher, je suis content de vous voir. Que fait on chez vous (т. е. въ лагерѣ)?“ Коссаковскій отвѣчалъ, что дѣло идетъ своимъ порядкомъ, и началъ было входить въ подробности учебныхъ занятій и смотровъ; но великій князь шутливо перебилъ его разсказъ: „Halte! Je ne veux pas vous faire subir un examen, mais je déclare que dans ce moment vous avez peur, parce que

lib.pushkinskijdom.ru

je vous ai accosté dans la rue... Je suis donc l' épouventail, la bête noire de tous ces messieurs de la garde. On veut faire de moi un homme sans coeur et sans entrailles qui ne demande pas mieux, je dirai plus, qui aime à se procurer le plaisir de faire des malheureux! Je ne vous en dis pas davantage, car vous savez parfaitement vous même et vous aurez tort de ne pas me le dire dans le blanc des yeux". И на возраженія своего собесѣдника, вел. князь заявилъ: „On a tort de me craindre; je fais mon devoir, je ne redoute rien, mais je ne veut du mal à personne" (Лалаевъ. Очеркъ жизни и дѣятельности вел. князя Михаила Павловича. Спб., 1898. Стр. 88—89).

Особенной характерной чертой вел. князя Михаила Павловича была его склонность къ остроумнымъ выходкамъ, къ игрѣ словъ и каламбурамъ; онъ любилъ и самъ придумывать и пускать въ ходъ различныя bon-mots, но умѣлъ и въ другихъ цѣнить находчивость и остроуміе: поэтому такою неизмѣнною его симпатіей пользовался знаменитый своимъ остроуміемъ Костя Булгаковъ, которому вел. князь нерѣдко прощалъ, ради остраго словца, различныя упущенія по службѣ, несоблюденіе формы и тому подобныя прегрѣшенія. Наряду со склонностью къ остротамъ и каламбурамъ, князь П. А. Вяземскій отмѣчаетъ у Михаила Павловича присущій ему даръ живого и яркаго разсказа, а также и его комическій талантъ, его умѣніе изображать въ лицахъ передаваемые эпизоды. „Онъ свободно и часто съ особенной живостью и мѣткостью выражался на русскомъ языкѣ и на французскомъ, пересыпая рѣчи свои каламбурами, не только французскими, но и русскими, и часто весьма удачными. Особенно мастеръ былъ онъ разсказывать. Память его была неистощима. Онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ и искусствомъ мимики. Выраженіе лица его, голосъ, ужимки, все въ разсказѣ его олицетворяло личность, которую онъ хотѣлъ представить". И въ видѣ иллюстраціи этой артистической способности великаго князя Вяземскій приводитъ случай, когда онъ съ такимъ искусствомъ представилъ въ лицахъ извѣстнаго своими чудачествами баварскаго короля, что только что пріѣхавшій изъ Мюнхена Тютчевъ почувствовалъ себя какъ бы снова перенесеннымъ въ баварскую столицу (Кн. П. А. Вяземскій. Собраніе сочиненій. Т. VII, стр. 150—151). Эту способность великаго князя сочетать въ своемъ лицѣ грознаго суроваго начальника и веселаго шутника отмѣчаетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ и гр. В. А. Сологубъ: „Великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза гвардіи и всего, что въ Петербургѣ носило мундиръ, былъ въ семейномъ быту и съ приближенными къ себѣ ли-

lib.pushkinskijdom.ru

цами не только добръ и обходителенъ, но даже веселъ до шалости... Каждое лѣто въ Петергофѣ давался праздникъ съ фейерверками, иллюминаціями и разными другими затѣями; при императорѣ Николаѣ Павловичѣ этому празднику придавался особенно торжественный характеръ. Великій князь Михаилъ Павловичъ на этотъ день назначался генералъ-губернаторомъ Петергофа; я его видѣлъ въ этой должности: грозный, нахмуренный, съ треуголкой, надвинутой на самыя брови, заложивъ руки за спину, сердито расхаживалъ онъ между толпами гуляющихъ; онъ, казалось, болѣе чѣмъ когда-либо олицетворялъ свой девизъ: „государь долженъ миловать, а я карать". Но этотъ грозный видъ не мѣшалъ ему даже и тутъ повременамъ предаваться своей привычкѣ щекотать огромный животъ толстаго К., жандармскаго офицера; злополучный капитанъ уже привыкъ къ этой шуткѣ и только подобострастно мычалъ всякій разъ, когда великому князю приходила фантазія его пощекотать" (Воспоминанія графа Владиміра Александровича Сологуба. СПб., 1887. Стр. 145). Остроумныя каламбуры и оригинальныя выходки великаго князя отразились во многочисленныхъ анекдотахъ о немъ, разбросанныхъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, напр., въ запискахъ Богуславскаго (*Рус. Старина.* 1879 г., т. III, стр. 230—232).

Пушкинъ познакомился лично съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, повидимому, вскорѣ послѣ своего переселенія на жительство въ Петербургъ, можетъ быть, уже въ концѣ 1831 года. Весьма возможно, что посредницей при этомъ знакомствѣ была его пріятельница Елизавета Михайловна Хитрово, у которой вел. князь часто бывалъ запросто. Въ письмѣ своемъ къ Пушкину отъ 18 марта 1830 г. она передаетъ слѣдующія слова Михаила Павловича по поводу Пушкина: „Savez vous que je n'ai jamais vu Pouchkin de très près. J'avais de grandes préventions contre lui, mais d'après ce qu'il m'en revient je desire beaucoup le connaitre et surtout je tiens à avoir une longue conversation avec lui" (Переписка Пушкина, подъ ред. Саитова, т. II, стр. 123). Повидимому, при личномъ знакомствѣ Пушкинъ произвелъ на вел. князя благопріятное впечатлѣніе; по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ упоминаній о встрѣчахъ и разговорахъ съ нимъ, какія находятся въ дневникѣ Пушкина, мы имѣемъ право заключить, что между ними установились, если не близкія, то вполнѣ дружескія отношенія, при которыхъ Пушкинъ позволялъ себѣ высказываться вполнѣ откровенно даже по поводу вопросовъ нѣсколько щекотливаго характера; таковъ, напр., записанный Пушкинымъ подъ 22 декабря 1834 г. разговоръ съ Михаиломъ Павловичемъ, во время

lib.pushkinskijdom.ru

котораго Пушкинъ назвалъ Романовыхъ революціонерами и „уравнителями“ (nivelleurs), имѣя въ виду соціальное значеніе переворота, произведеннаго нѣкогда Петромъ Великимъ и подорвавшаго значеніе стараго боярства. Благосклонное отношеніе вел. князя къ Пушкину и интересъ къ его личности были, повидимому, извѣстны въ кругу Петербургскаго общества; этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что послѣ смерти поэта кн. Вяземскій счелъ необходимымъ обратиться къ Михаилу Павловичу съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ онъ подробно изложилъ обстоятельства трагическаго дѣла, приведшаго Пушкина къ гибели, а также выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ тѣхъ толковъ, которые распространялись въ обществѣ недругами поэта по поводу обстоятельствъ его кончины и похоронъ (*Рус. Архивъ*, 1879 г. № 3, стр. 386—396).

Стр. 37 (24). Александровская колонна, воздвигнутая въ память имп. Александра I и его царствованія, въ то время подготовлялась къ открытію. Работы надъ нею начались въ концѣ 1829 года, вскорѣ послѣ того какъ былъ утвержденъ имп. Николаемъ (въ сентябрѣ с. г.) представленный ему архитекторомъ Монферраномъ проектъ, и продолжались около пяти лѣтъ. Современники очень интересовались ходомъ работъ надъ этимъ сооруженіемъ, которое по своимъ размѣрамъ должно было превзойти всѣ существовавшіе до сихъ поръ памятники этого рода. Задача, поставленная себѣ строителемъ, и связанныя съ нею техническія затрудненія были, дѣйствительно, чрезвычайно велики. Открытіе колонны состоялось 30 августа 1834 года, въ день тезоименитства имп. Александра, и было обставлено большою торжественностью. На церемоніи открытія присутствовала вся царская фамилія, дипломатическій корпусъ и около 100 тысячъ войска, въ томъ числѣ многочисленная военная депутація отъ прусской арміи, присланная королемъ на открытіе памятника своему бывшему союзнику. Пушкинъ не присутствовалъ на торжествѣ, т. к. въ то время уѣхалъ изъ Петербурга, но онъ впослѣдствіи вспомнилъ о царственномъ монументѣ въ стихотвореніи „Памятникъ“, когда въ гордомъ сознаніи своего великаго творческаго дѣла, заявлялъ, что онъ создалъ себѣ самъ „памятникъ нерукотворный“, къ которому

...не заростаетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 38 (1—3). Во взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя довольно отчетливо различаются ихъ отношенія личныя и общественныя, точнѣе литературно-общественныя, и представляются, если внимательнѣе отнестись къ источникамъ для сужденія о нихъ, сложнѣе, нежели это казалось до недавнихъ поръ; опредѣлять ихъ простой, краткой формулой „дружбы" обоихъ поэтовъ (см. В.И. Шенрокъ: Матеріалы для біографіи Гоголя, I, 338; ср. „легенду" объ этой дружбѣ въ изложеніи Б. Е. Лукьяновского—„Бесѣды", сборн. Общ. исторіи литературы, I, М. 1915, стр. 33 и сл.) съ прибавленіемъ тѣхъ или иныхъ эпитетовъ (въ родѣ: интимный, теплый и т. п.) мы уже не можемъ, хотя не имѣемъ основаній и противополагать личныя отношенія поэтовъ отношеніямъ ихъ общественнымъ или общественно-литературнымъ: въ силу условій жизни обоихъ поэтовъ, ихъ личныхъ свойствъ отношенія эти не могутъ быть сочтены совпадающими въ той и другой области. Отношенія личныя прежде всего находятъ себѣ объясненіе въ значительномъ различіи общественныхъ условій, среди которыхъ сложились рамки жизни того и другого: съ одной стороны—Пушкинъ, по рожденію, воспитанію и привычкамъ принадлежавшій къ старой русской родовой и культурной аристократіи конца XVIII и нач. XIX в., среди нея прожившій съ юныхъ лѣтъ всю жизнь, получившій лучшее воспитаніе того времени, углубившій его путемъ общенія съ передовыми людьми своего времени, много работавшій надъ этимъ углубленіемъ въ лучшихъ кругахъ Петербурга и Москвы, старшій, нежели Гоголь, и годами, и выступленіемъ на литературно-художественное поприще, наконецъ, уже задолго до Гоголя и встрѣчи съ нимъ, признанный духовнымъ руководителемъ литературно-образованной или интересовавшейся литературой части русскаго общества; съ другой стороны — Н. В. Гоголь, вышедшій изъ мелкаго, не чисто даже русскаго, малорусскаго, провинціальнаго дворянства, получившій далеко не удовлетворительное, даже по тому времени, образованіе, выросшій и воспитавшійся въ деревнѣ съ ея во многомъ еще патріархальными нравами и обычаями, испытавшій, правда, на себѣ вліяніе возрождавшейся украинской народности, но зато своеобразной и отличной во многомъ отъ того, что Гоголю пришлось встрѣтить на сѣверѣ, гдѣ началась для него новая жизнь и литературная дѣятельность, гдѣ онъ встрѣтилъ столь для него непривычную среду съ почти чуждыми ему нравами и навыками. И самые характеры того и другого поэта, взятые сами по себѣ, различны другъ отъ друга: Пушкинъ—общителенъ, свободно

lib.pushkinskijdom.ru

держится въ обществѣ, которое онъ считаетъ для себя привычнымъ, экспансивенъ, подвиженъ, въ то же время мягкій, благорасположенный, открытый; Гоголь—натура сосредоточенная, недовѣрчиво-застѣнчивый, но въ то же время наблюдательный новичокъ, постоянно насторожѣ въ чуждомъ для него обществѣ, замкнутый, особенно въ аристократическомъ кругу, почему со стороны кажется человѣкомъ „себѣ на умѣ". Хотя оба поэта чутко относятся къ окружающему, но реагируютъ на него различно, каждый по своему: Пушкинъ—открыто, подчасъ черезчуръ откровенно, Гоголь—больше про себя. Наконецъ, отпечатокъ на личныя ихъ отношенія кладетъ и разница возрастовъ и положенія обоихъ въ литературномъ мірѣ. Пушкинъ на 10 лѣтъ старше, уже съ опредѣленной высокой репутаціей, вполнѣ сложившейся, Гоголь—младшій, начинающій, ко времени ихъ встрѣчи, (въ маѣ 1831 г.), писатель, при томъ начавшій не совсѣмъ удачно („Гансъ Кюхельгартенъ"), еще только ищущій и не вполнѣ въ этотъ моментъ нашедшій свой путь (который, кстати сказать, имъ лично никогда и не признавался найденнымъ). На этой почвѣ различныхъ условій предшествовавшей поры, различнаго вліянія общей среды, въ которой встрѣтились оба писателя, различія духовной организаціи объясняются тѣ взаимныя личныя ихъ отношенія, поскольку они нашли себѣ отраженіе въ матеріалахъ біографій того и другого съ момента ихъ встрѣчи и до смерти Пушкина, главн. обр. въ письмахъ.

Введенный благодушнымъ В. А. Жуковскимъ въ кругъ литературныхъ людей, при томъ лучшій того времени, сверхъ того принадлежавшій къ сферамъ аристократическаго и придворнослужилаго класса, Гоголь, повидимому, сразу оцѣнилъ про себя значеніе этого круга для себя лично, для устроенія своихъ личныхъ дѣлъ, но многое, кажется, въ то же время и переоцѣнилъ; именно: ласковое къ нему отношеніе главы литературнаго кружка А. С. Пушкина (для послѣдняго обычное и привычное и по отношенію къ другимъ), Смирновой, Жуковского онъ въ мысляхъ своихъ, особенно при извѣстной склонности къ „гиперболизму" (объ этой чертѣ характера Гоголя см. у В. Я. Брюсова „Испепеленный" въ „Гоголевскихъ дняхъ въ Москвѣ". М. 1910, стр. 89, 157 и сл.), особенно когда ему приходилось касаться этихъ отношеній въ письмахъ къ близкимъ, къ Пушкину и литературныхъ выступленіяхъ въ печати, онъ истолковывалъ односторонне въ свою пользу: литературныя его отношенія къ Пушкину готовы въ этихъ случаяхъ у него слиться съ отношеніями личными, тѣмъ болѣе, что на это давали, какъ ему казалось, нѣко-

lib.pushkinskijdom.ru

торое право отношенія къ нему окружавшихъ Пушкина лицъ, каковы: тотъ же Жуковскій и Смирнова, дѣйствительно, искренне и любовно отнесшихся къ нему со времени появленія его въ Петербургѣ и сохранившихъ эти отношенія и потомъ въ видѣ особой близости. На дѣлѣ же этого про Пушкина сказать нельзя: какъ и къ большинству людей своего круга, онъ и къ Гоголю отнесся безусловно съ расположеніемъ, тотчасъ и вѣрно оцѣнилъ его талантъ, особенно его наблюдательность, завидную способность выхватывать изъ жизни и окружающаго самое характерное, человѣческое; но все же Пушкинъ въ Гоголѣ интересовался больше писателемъ и цѣнилъ въ немъ прежде всего писателя: личныя переживанія Гоголя, его сокровенныя мысли (которыя и самъ Гоголь къ тому же берегъ осторожно больше про себя) были для него не такъ близки и доступны, да, пожалуй, и не такъ интересны какъ то, что давалъ начинающій Гоголь въ печати. Отсюда понятенъ и тонъ отношеній его къ Гоголю, насколько онъ сквозитъ въ ихъ небольшой, правда, перепискѣ, а также въ отзывахъ о немъ у Пушкина въ письмахъ къ другимъ и въ печати: отзываясь съ искреннимъ восторгомъ о „Вечерахъ на хуторѣ“, какъ явленіи замѣчательномъ въ современной литературѣ (чего, конечно, Пушкинъ не могъ не замѣтить при его чуткости и знаніи литературы) (ср. письмо его къ А. Ѳ. Воейкову, конецъ авг. 1831 г.—у Саит.: Переписка Пушкина, изд. Акад. Наукъ, № 600), остроумно и проницательно оцѣнивая произведенія Гоголя еще до выхода ихъ въ свѣтъ, онъ въ личныхъ къ нему отношеніяхъ держится, хотя и ласково, но нѣсколько шутливо, не допуская въ то же время большой интимности; оба поэта въ перепискѣ такъ и остались на „вы“ при тогдашней распространенной привычкѣ между знакомыми быстро переходить на „ты“; ласковымъ юморомъ, но въ то же время не лишеннымъ нѣкоторой иронiи, сквозятъ строки Пушкина къ Гоголю о „назиданіи“ Уварова на счетъ возможной смерти Гоголя, на счетъ „вашей Надежды Николаевны, т. е. моей Натальи Николаевны“ (письмо 29 авг. 1831 г.—у Саит. № 602); не лишено того же тона и поздравленіе Гоголю съ „первымъ торжествомъ—фырканьемъ наборщиковъ (набиравшихъ „Вечера“, о чемъ его извѣщалъ самъ Гоголь) и изъясненіями фактора—въ томъ же письмѣ (ср. письмо къ А. Ѳ. Воейкову о томъ же въ письмѣ № 600). Ту же шутливость, не выходящую, впрочемъ, за предѣлы свѣтской вѣжливости, но отнюдь не указывающую на какую-либо интимность отношеній, обнаруживаетъ и остальное содержаніе этого письма: отзывъ о проектѣ „ученой“ критики, соста-

lib.pushkinskijdom.ru

вленный хитроумнымъ и остроумнымъ Гоголемъ (ср. письмо Гоголя отъ 21 авг. 1831 г.—у Саит. № 598) съ замѣткой: „но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе“, въ концѣ также не лишенная легкаго издѣвательства надъ мнительностью Гоголя, шутка: „будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено“. Тонъ этотъ, несомнѣнно отвѣчавшій дѣйствительнымъ личнымъ отношеніямъ къ Гоголю, послѣдній, понятно, вполнѣ понималъ и руководился имъ съ своей стороны въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Пушкину: и онъ довольно отчетливо разграничивалъ отношенія къ Пушкину, своему знакомому, съ которымъ онъ бывалъ (и довольно часто) вмѣстѣ въ кружкѣ Жуковскаго, и къ Пушкину-поэту, духовной главѣ новой школы русской литературы. Эта двойственность, можетъ быть, кажется, отмѣчена и въ письмахъ Гоголя, адресованныхъ Пушкину, особенно если ихъ изучать сравнительно съ письмами Гоголя же къ другимъ лицамъ, гдѣ ему такъ или иначе приходилось касаться Пушкина.

Въ письмахъ Гоголя къ Пушкину (ихъ дошло до насъ до десятка, не считая среди нихъ письма о первомъ представленіи „Ревизора“ (25 мая 1835 г.—у Саит. № 1021), какъ стоящаго особнякомъ по своему характеру и содержанію) за весь періодъ съ 1831 и до 1836 года преобладаетъ тонъ просьбы о ходатайствѣ, помощи въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни Гоголя (см. 13 мая 1836 г.—у Саит. № 815; ср. тамъ же № 855, № 873), сдержаннаго уваженія и почтительности, быть можетъ, къ адресату, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рука толкала Гоголя къ юмору, непринужденной шуткѣ, въ соотвѣтствіи съ веселой шутливостью и игривостью писемъ Пушкина: у него же, если и прорывается шутка, то это шутка надъ самимъ собой, желаніе разсмѣшить читающаго письмо; фактическое же содержаніе писемъ составляютъ большею частью сообщенія о своихъ злоключеніяхъ (16 авг. 1831 г.—у Саит. № 596, 21 авг. того же года—тамъ же № 598, 22 дек. 1833 г.—тамъ же № 765, 7 окт. 1835 г.—тамъ же № 937), о городскихъ происшествіяхъ самого обывательскаго характера (№ 598), либо чисто дѣловыя (мартъ 1836 г.—у Саит. № 989). Все это показываетъ, что Пушкинъ не находилъ возможнымъ итти въ личныхъ отношеніяхъ къ Гоголю дальше преимущественно дѣловыхъ: это чувствовалъ и понималъ и Гоголь, стараясь, въ тонъ Пушкину, и самъ стать въ своихъ письмахъ на ту же дѣловую почву или ограничиваясь „нейтральными“ сообщеніями (о погодѣ, наводненіи и т. п.).

Нѣсколько иначе обрисовываются взгляды Гоголя на Пушкина,

lib.pushkinskijdom.ru

когда онъ пишетъ своимъ пріятелямъ, преимущественно пріятелямъ дѣтства, каковъ, напр., А. С. Данилевскій; тутъ онъ сдерживается меньше, становится откровеннѣе, остается болѣе самъ собой: если онъ въ восторженныхъ и риторичныхъ фразахъ выражается о Пушкинѣ въ письмѣ къ Жуковскому (напр. въ письмѣ 10 окт. 1831 г.— у Шенрока, Письма Гоголя, I, 188: „это была радостная минута [встрѣча съ Пушкинымъ на улицѣ], она уже прошла"), зная хорошо, какъ любилъ Жуковскій Пушкина, какъ любовно шелъ навстрѣчу къ нему, то въ письмахъ къ А. С. Данилевскому, стоявшему въ сторонѣ отъ кружка Пушкина, онъ либо самонадѣянно-хвастливо (этотъ тонъ довольно замѣтенъ и въ раннихъ письмахъ Гоголя), въ то же время, несомнѣнно, преувеличивая интимность своихъ отношеній къ кружку Пушкина, характеризуетъ этотъ кружокъ („Сильфида-Урусова, Ласточка-Розетти"), что не мѣшаетъ ему, однако, забыть заглавіе „Домика въ Коломнѣ" (при чтеніи котораго онъ присутствовалъ) и назвать эту пьесу Пушкина „Кухаркой" (письмо 2 ноября 1831 г.—у Шенрока, I, 194), либо, сообщая (можетъ быть, ходячія фразы, съ чужихъ словъ) о разсѣянной жизни Пушкина, принять дидактическій тонъ, осуждая эту жизнь (8 февр. 1833 г.—у Шенр., I, 241), или же самоувѣренно оцѣнивая, сообщать о литературныхъ новостяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Пушкина.

Въ итогѣ, личныя отношенія поэтовъ можно бы формулировать приблизительно такъ: ни изъ чего не видно, чтобы Пушкинъ добродушно и ласково относясь къ Гоголю, но самъ не входя въ его интимную жизнь, чувствовалъ побужденіе и потребность передъ нимъ раскрывать интимныя стороны своей жизни; иначе въ откровенной бесѣдѣ съ другомъ это сказалось бы и въ его письмахъ, сказалось бы и у Гоголя, такъ высоко цѣнившаго Пушкина, и такъ естественно долженствовавшаго дорожить желаніемъ ближе узнать Пушкина-человѣка, не только Пушкина-поэта; у Гоголя этого стремленія мы не видимъ: онъ поневолѣ сдержанъ и введенъ въ эти границы поведеніемъ по отношенію къ нему самого Пушкина. Но въ наиболѣе тревожные моменты душевнаго движенія, наболѣвшая душа Гоголя, однако, не могла сохранить этой сдержанности, диктовавшейся въ значительной степени Пушкинымъ: въ минуту кризиса, подъ впечатлѣніемъ перваго представленія „Ревизора", написано было Гоголемъ Пушкину извѣстное письмо: „Ревизора сыгранъ...." (у Саит. № 1021), столь отличное отъ предыдущихъ, выдѣляющееся своей искренностью, непосредственностью. Но.... оно оста-

lib.pushkinskijdom.ru

лось не посланнымъ: порывъ прошелъ, и Гоголь одумался, хотя вполнѣ могъ разсчитывать на сочувствіе Пушкина: однако, хотя эта „исповѣдь“ и не дошла до Пушкина, онъ заботливо принялъ участіе въ судьбѣ „Ревизора“, хлопоча о болѣе благопріятныхъ условіяхъ постановки комедіи на Московской сценѣ (письмо къ Н. Н. Пушкиной изъ Москвы 5 мая 1836 г. у Саит. № 1011).

Иначе рисуются „литературныя“ отношенія обоихъ поэтовъ: здѣсь и со стороны Пушкина видно иное отношеніе къ Гоголю, и Гоголь опредѣленнѣе и ярче отзывается о Пушкинѣ. Пушкинъ, если въ письмахъ къ Гоголю и держится свѣтско-шутливаго тона, когда дѣло идетъ о личныхъ дѣлахъ Гоголя и даже иногда объ его литературныхъ дѣлахъ, то въ своихъ отзывахъ о литературной работѣ Гоголя, въ разговорахъ на эту тему съ пріятелями и людьми ему болѣе близкими, чѣмъ Гоголь, онъ обнаруживаетъ иное, серьезное, участливое отношеніе, откровеннѣе показываетъ свой интересъ и одобреніе Гоголю, или лучше сказать, его таланту. Пока лично и непосредственно онъ не ознакомился съ первыми литературными опытами Гоголя, онъ сдержанъ и остороженъ; такъ, въ апрѣлѣ 1831 г. онъ еще не можетъ сказать о немъ ничего, „потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ“, пишетъ онъ Плетневу (у Саит. № 535) въ отвѣтѣ на восторженный отзывъ послѣдняго и Жуковскаго и желаніе ихъ познакомить Гоголя съ нимъ (рѣчь идетъ о статьяхъ Гоголя подъ псевдонимомъ 0000 въ „Сѣверн. Цвѣтахъ“; см. Соч. и письма П. А. Плетнева, III, 366). Но вскорѣ же, прочтя „Вечера на хуторѣ“, онъ пишетъ А. Ѳ. Воейкову: „Сейчасъ прочелъ Вечера близь Диканьки—они изумили меня.... Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ... Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ (о чемъ самъ Гоголь писалъ Пушкину; ср. письмо къ Гоголю у Саит. № 602). Поздравляю публику съ истинно веселой книгой, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ“ (у Саит. № 600). Съ этихъ поръ Пушкинъ съ интересомъ слѣдитъ за литературной дѣятельностью и развитіемъ Гоголя, охотно идетъ ему навстрѣчу въ этихъ дѣлахъ, высоко оцѣнивая его талантъ и значеніе его для русской литературы. Это видно не только изъ извѣстныхъ фактовъ о темахъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, идущихъ отъ Пушкина, но и въ шутливыхъ даже отзывахъ о произведеніяхъ и замыслахъ Гоголя въ письмахъ къ пріятелямъ и близкимъ; такъ, въ письмѣ къ В. Ѳ. Одоевскому (изъ Болдина, 30 окт. 1833—у Саит. № 753), онъ заботливо справляется о Гоголѣ: „что его комедія, въ ней же есть за-

lib.pushkinskijdom.ru

корючка?“ (дѣло идетъ о „Владимирѣ 3-й степени“), а въ письмѣ къ П. А. Плетневу (изъ Михайловскаго, окт. 1835 г. — у Саит. № 939) благодаритъ за „Коляску“, въ которой Альманахъ (затѣянный Плетневымъ) „далеко можетъ уѣхать“, совѣтуетъ для виньетки взять мотивы изъ „Утра дѣловогo человѣка“ (цвѣточки, лиры, чаши, плющъ, „какъ въ квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя: это будетъ натурально“). Послѣ первой постановки въ Петербургѣ „Ревизора“ онъ изъ Москвы усердно настаиваетъ, чтобы Гоголь лично пріѣхалъ сюда и самъ прочелъ комедію артистамъ: „не надо, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ“ (письмо женѣ 5 мая 1836). Разумѣется, Пушкинъ зналъ всю исторію постановки „Ревизора“, пріемъ его Петербургской публикой и, быть можетъ, не остался въ сторонѣ при хлопотахъ по его постановкѣ еще въ Петербургѣ (ср. В. Ѳ. Саводникъ: „Замѣтки о Пушкинѣ“ въ Рус. Арх. 1904, II, стр. 158). Касаясь другихъ произведеній Гоголя, Пушкинъ совершенно опредѣленно, притомъ положительно, ихъ оцѣниваетъ: извѣстенъ его печатный отзывъ о „Вечерахъ“ (по поводу второго ихъ изданія) въ „Современникѣ“ (1836, I), согласный въ общемъ съ приведеннымъ выше въ письмѣ къ Воейкову, но въ частностяхъ его пополняющій: „достоинства ихъ заставляютъ простить автору неровность, неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобность нѣкоторыхъ разсказовъ“; этимъ онъ старается (и не безъ основанія) предупредить нападенія тогдашней критики, чего онъ опасался еще при появленіи перваго изданія „Вечеровъ“, и о чемъ онъ самъ писалъ и Гоголю (у Саит. № 602): „съ нетерпѣніемъ ожидаю толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца“ (т. е. Н. Полевого), и къ Воейкову (тамъ же, № 600): „Бога ради возьмите его сторону, если журналисты по своему обыкновенію нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч“... Въ той же печатной статьѣ Пушкинъ пользуется случаемъ упрочить, такъ сказать, положеніе Гоголя, еще сравнительно въ то время молодого писателя, давая авторитетную и высокую оцѣнку литературной дѣятельности его съ начала ея (съ 1831 по 1836 г.): цѣня его прежде всего, какъ художника, и только почти какъ художника, онъ считаетъ наиболѣе „полнымъ“ его созданіемъ въ „Арабескахъ“—„Невскій проспектъ“, въ „Миргородѣ“—„Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ (идиллія, смѣхъ сквозь слезы грусти и умиленія), приравниваетъ начало „Тараса Бульбы“ къ Вальтер-Скоттовскимъ романамъ, оповѣщаетъ о предстоящемъ появленіи „Ревизора“, наконецъ заявляетъ: „Гоголь идетъ еще впередъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

Зная, конечно, о томъ, что Гоголь уже занятъ „Мертвыми душами“, онъ, какъ видно, увѣренъ въ ростѣ таланта Гоголя, ожидаетъ отъ него многаго.

Если Пушкинъ такъ высоко цѣнилъ Гоголя какъ писателя-художника, то, повидимому, ему не на столько импонировалъ Гоголь-критикъ: если въ письмѣ къ нему по поводу остроумнаго и хитроумнаго проекта Гоголя (см. письмо 1831 г.—у Саит. 602) онъ надъ нимъ подтруниваетъ, явно не довѣряя серьезности этого плана и способности Гоголя осуществить его, то въ „ Дневникѣ“ онъ все же пробуетъ разъяснить себѣ претензіи его на роль литературнаго критика, записавъ, что онъ посовѣтовалъ ему заняться *исторіей* критики (7 апр. 1834); опытъ оказался у Гоголя неудачнымъ: едва-ли онъ и началъ эту исторію, какъ отмѣтилъ было у себя Пушкинъ, вѣроятно, со словъ Гоголя, желавшаго видимо себя попробовать не на исторіи критики, а на разборѣ современной литературы послѣ опыта надъ „Борисомъ Годуновымъ“ (1830—31 г.; см. соч. Г-я, изд. X, т. 5, стр. 546—547). И въ этомъ случаѣ Пушкинъ отнесся вполнѣ безпристрастно, давши мѣсто статьѣ Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1835 г.“ въ своемъ „Современникѣ“ (кн. IV, 1836 г.), но снадбивъ ее своимъ замѣчаніемъ, ясно показывающимъ разницу въ оцѣнкѣ критическихъ взглядовъ Гоголя отъ своего взгляда на Гоголя-художника: онъ нашелъ нужнымъ, подчеркивая признаваемую имъ свободу и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, прибавить оговорку (правда, вызванную замѣткой А. Б. (Безсонова) въ „Современникѣ“ же, III, 321), что онъ не раздѣляетъ взглядовъ Гоголя вполнѣ и еще менѣе согласенъ смотрѣть на принципы Гоголя, высказанные въ статьѣ, какъ на принципы руководимаго имъ журнала (что̀ позднѣе вспоминалъ и Гоголь). И въ общемъ Пушкинъ былъ правъ, отнесясь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ Гоголю, какъ къ критику, при томъ критику современныхъ явленій литературы; пригласивъ его въ „Современникъ“ въ качествѣ руководителя или по крайней мѣрѣ главнаго сотрудника для критическаго отдѣла, Пушкинъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ своей ошибкѣ: изъ Гоголя не только не вышло критика-публициста, но не вышло даже и путнаго рецензента; его интересы лежали въ другой области, журнальной работѣ онъ не могъ отдаться: это и показали отзывы, напечатанные Гоголемъ в „Современникѣ“. А кромѣ того, и самая статья „О движеніи журнальной литер.“, какъ извѣстно, писана была независимо отъ желанія или заказа Пушкина (ср. соч. Г-я, изд. X, т. 5, стр. 652—653).

lib.pushkinskijdom.ru

Т. о. литературно-общественныя отношенія Пушкина къ Гоголю, ясно отличаясь по характеру отъ его отношеній къ нему, какъ къ личности, также не представляются цѣльными: Пушкинъ довольно отчетливо различалъ въ Гоголѣ-писателѣ—писателя-художника и писателя-критика, несомнѣнно, гораздо выше оцѣнивая его, какъ художника, нежели какъ критика и публициста-аналитика; не даромъ изъ всѣхъ „Арабесокъ“ онъ остановился, рекомендуя публикѣ Гоголя, только на художественныхъ его произведеніяхъ...

Какъ Гоголь реагировалъ на эти сложныя отношенія къ нему Пушкина, можно судить, въ свою очередь, по отзывамъ его о сочиненіяхъ Пушкина, помимо личныхъ его отношеній къ нему, очерченныхъ выше. Съ произведеніями Пушкина Гоголь знакомъ былъ еще въ нѣжинскій свой періодъ: еще въ 1824 г. онъ проситъ отца прислать ему „Онѣгина“ (письмо см. у Шенрока, I, 22), но изъ этой коротенькой просьбы еще не видно, какъ онъ въ то время смотрѣлъ на произведенія Пушкина; просьба объ „Онѣгинѣ“—между другими просьбами, въ томъ числѣ о стихахъ вообще („какихънибудь“). Конечно, къ этому времени и до глухого Нѣжина дошла уже слава Пушкина, но для Гоголя это еще ничего особеннаго не говоритъ. Но уже въ 1831 г. (письмо къ Жуковскому отъ 10 окт. изъ Спб.), послѣ состоявшагося уже личнаго знакомства съ Пушкинымъ, мы видимъ восторженное (хотя и не лишенное обычной риторики и гиперболизма въ выраженіяхъ) отношеніе его къ произведеніямъ Пушкина; но тутъ дань восторговъ Пушкинъ долженъ дѣлить еще въ глазахъ Гоголя съ Жуковскимъ, своимъ другомъ и адресатомъ письма. Все же несомнѣнно, здѣсь уже и значительная доля искренности и чистаго увлеченія художника, хотя еще только выходящаго на дорогу (см. у Шенр. I, 188). Это доказываетъ и писанная тогда же (1830—31), но не попавшая въ свое время въ печать (издана только въ 1881 г. въ „Руси“, № 12) статья о „Борисѣ Годуновѣ“ (правда, предназначенная также близкому къ Пушкину человѣку—П. А. Плетневу, но, повидимому, еще до личнаго знакомства Гоголя съ Пушкинымъ; см. Соч. Г-я, изд. X, т. 5, стр. 547), рядомъ съ этими общими восторженными отзывами о произведеніяхъ Пушкина слѣдуетъ поставить письма его къ Данилевскому 1 янв. и 10 окт. 1832 г. (о „Моцартѣ и Сальери“ и „Онѣгинѣ“—у Шенр. I, 200, 207, къ Погодину 8 мая 1833 (объ „Исторіи Пугачевскаго бунта“)—тамъ же I, 250, и позднѣе 25 янв. 1837, къ Прокоповичу (о „Полководцѣ“)—тамъ же I, 426): здесь у Гоголя одновременно замѣтно стремленіе дать себѣ болѣе точный и опредѣленный отчетъ о нихъ. Это же сказалось въ его письмахъ

lib.pushkinskijdom.ru

къ близкимъ ему людямъ, не входившимъ въ Пушкинскій кружокъ; такъ, въ письмѣ къ А. С. Данилевскому, если онъ по разсѣянности и переименовалъ въ „Кухарку“ „Домикъ въ Коломнѣ“, онъ подмѣтилъ уже реализмъ повѣсти и оцѣнилъ его, какъ слѣдовало: „у Пушкина повѣсть, октавами писанная, „Кухарка“, въ которой вся Коломна и Петербургская природа живая“ (2 ноября 1831 г.—у Шенр. I, 196); оцѣнилъ онъ и народность въ сказкахъ Пушкина: „кромѣ того есть у Пушкина сказки русскія народныя—не то, что „Русланъ и Людмила“, но совершенно русскія“ (тамъ же; имѣются въ въ виду сказки о Салтанѣ и о Балдѣ—ср. Н. Лернеръ, стр. 250, 252). Этотъ взглядъ на народность въ произведеніяхъ П-а скоро превращается у Гоголя въ опредѣленіе Пушкина, какъ поэта національнаго: уже извѣстная его статья „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“ (соч. X, изд. 5, стр. 207—212), писанная, какъ извѣстно, въ 1832-мъ и доконченная въ 1834-мъ году—свидѣтельствуетъ объ этомъ совершенно отчетливо; здѣсь видимъ уже дальнѣйшую попытку (и при томъ удачную, впослѣдствіи признанную критикой Бѣлинскаго) опредѣлить общій характеръ поэзіи Пушкина: національность поэта—основная черта Пушкина - поэта, выявленіе этихъ національныхъ чертъ—основной характеръ поэзіи Пушкина (ср. Н. Гудзій, „Гоголь—критикъ Пушкинъ“ (Чтенія въ Общ. Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ; 1913, XXIV, 1, стр. 15 и сл.). Смерть Пушкина, потрясши сильно Гоголя, несомнѣнно, отразилась, вмѣстѣ съ переломомъ его настроенія, и на взглядахъ его на литературную дѣятельность Пушкина: оставаясь по прежнему горячимъ поклонникомъ его поэзіи, онъ года два спустя говоритъ о немъ спокойнѣе, старается оцѣнить его уже, какъ явленіе законченное, объективнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ выражается авторитетнѣе (что̀ стоитъ въ связи съ „учительнымъ“, отчасти самонадѣяннымъ тономъ, какимъ отличаются уже настроеніе Гоголя этого времени и его писанія послѣдняго періода жизни, не исключая и писемъ). Если подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Пушкина онъ, особенно въ письмахъ къ общимъ друзьямъ (Плетневу, Жуковскому, Погодину; см. у Шенр. I, 432; I, 434, I, 439) не скупится на лиризмъ, напоминающій прежнюю приподнятость и риторичность тона (что̀, однако, не мѣшаетъ ему тутъ подрядъ говорить о своемъ желудкѣ, геммороидальныхъ припадкахъ!), склоненъ подчеркнуть свою тѣсную связь съ Пушкинымъ въ своей литературной дѣятельности (оцѣнки Пушкинымъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, „Тараса“, темы „Ревизора“, „Мертвыхъ душъ“), то, когда первые приступы чувства осиротѣлости прошли, Гоголь

lib.pushkinskijdom.ru

въ 1839 г. оцѣниваетъ печальное событіе уже съ точки зрѣнія общей для русской литературы (ср. письмо къ П. А. Плетневу, 29 сент. 1839 г. — у Шенр. II, 12), а затѣмъ, все болѣе проникаясь своей односторонней „учительностью“, старается отнестись къ Пушкину критически. Это видно главнымъ образомъ изъ его отзыва о журнальной дѣятельности Пушкина (въ которой, извѣстно, они не сошлись и на дѣлѣ). Въ данномъ случаѣ приходится констатировать взаимное недоразумѣніе между Пушкинымъ и Гоголемъ: если Пушкинъ недооцѣнивалъ увѣренности Гоголя въ своихъ способностяхъ стать литературнымъ критикомъ (въ 30-хъ гг.) и журнальнымъ работникомъ, то теперь (въ 44—46 г.) Гоголь въ свою очередь начинаетъ самоувѣренно утверждать, что журналъ Пушкина опредѣленной цѣли не имѣлъ даже и при немъ (письмо къ А. О. Смирновой—у Шенр. II, 554, что, какъ намъ извѣстно, невѣрно), затѣмъ, что журналъ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію (письмо къ Плетневу—у Шенр. III, 268—270). Такъ могъ Гоголь говорить только въ 1846 г., когда его настроеніе и образъ мыслей уже иными глазами смотрѣли и на прошлое, оцѣнивая его по новому, дидактически, какъ на ошибку, заблужденіе. Но тутъ же самолюбивый и проникшійся уваженіемъ къ своей роли учителя Гоголь не прочь теперь указать (по старому преувеличивая) на свою роль въ предпріятіи Пушкина: *онъ* уговорилъ Пушкина издавать журналъ (что, какъ мы знаемъ, неправда: Пушкинъ давно уже стремился къ этому и дѣлалъ попытки стать издателемъ журнала общественнаго характера), обѣщалъ поддержать журналъ, но своего обѣщанія не сдержалъ (отчего, якобы, журналъ вышелъ не тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть), ибо „Провидѣніе указало уже тогда ему (Гоголю) иные пути...“. (тамъ же, стр. 268—269); иначе сказать: Гоголь перенесъ на эпоху изданія „Современника“ Пушкинымъ свои воззрѣнія сороковыхъ годовъ. Въ то же время, отнесясь такъ сурово къ Пушкину—издателю журнала, Гоголь остался въ его оцѣнкѣ, какъ поэта, при прежнемъ взглядѣ, развивъ его въ это время нѣсколько детальнѣе, нежели въ своихъ „нѣсколькихъ словахъ о Пушкинѣ“: въ статьѣ „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи?“ („Выбр. мѣста изъ переписки“, писано въ концѣ 1846 г.) онъ характеризовалъ Пушкина, какъ писателя, обладающаго исключительной многосторонностью, умѣніемъ въ немногихъ словахъ сказать многое, простотой въ соединеніи съ силой и величіемъ, образностью эпитетовъ и т. д.—словомъ даетъ ему, какъ

lib.pushkinskijdom.ru

высшему представителю русской поэзіи то опредѣленіе, которое къ этому времени уже прочно устанавливалось въ русской критикѣ (ср. Н. Гудзій, ук. соч., стр. 28 и сл.): несомнѣнно самъ художникъ-поэтъ Гоголь ближе могъ подойти къ Пушкину-поэту, нежели къ Пушкину-общественному дѣятелю и члену опредѣленнаго круга русскаго передового общества: различные по воспитанію, образованію, общественнымъ взглядамъ и настроеніямъ оба поэта сближались на общей почвѣ—русской художественной литературѣ, не доходя до той-же близости личной, а также въ другихъ областяхъ жизни.

М. С.

Стр. 38 (4). Загряжская, Наталья Кирилловна (1747—1837), дочь графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, послѣдняго гетмана малороссійскаго, отъ его брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной. Некрасивая лицомъ и дурно сложенная („кривобокая"), Наталья Кирилловна отличалась живымъ и свѣтлымъ умомъ, нелишеннымъ отпечатка оригинальности, свѣтской любезностью и сердечной отзывчивостью. Любимая дочь въ семьѣ, она съ дѣтства росла балованнымъ ребенкомъ, но это домашнее баловство не испортило ея характера и ея добрыхъ наклонностей. Воспитанная на французскій ладъ иностранными гувернерами и гувернантками, она до конца жизни лучше владѣла французскимъ языкомъ, чѣмъ своимъ роднымъ, что̀ однако же не мѣшало ей быть убѣжденной патріоткой и негодовать на Петра I за то, что онъ стремился насильственно сдѣлать русскихъ европейцами. „Она говаривала, что Петръ изуродовалъ Россію, что онъ былъ извергъ и что всѣ его реформы были только слѣдствіемъ слѣпой привязанности къ иностранцамъ и необузданной его природы. C'était un nouveau Jean le Terrible, — говаривала Наталья Кирилловна, доказывая, что онъ былъ еще хуже своего предмѣстника, такъ какъ ко всему родному, русскому не питалъ никакого почтенія." (А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. V. СПб., 1894. Стр. 3, прим.). Съ раннихъ лѣтъ она вращалась въ кругу придворной знати, къ которому принадлежала по рожденію. Благодаря своему долголѣтію и счастливой памяти, она была живою лѣтописью шести царствованій. Она застала еще въ живыхъ императрицу Елизавету Петровну и хорошо помнила время Петра III-го, о которомъ любила разсказывать. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины II, она была назначена фрейлиной и благодаря своему уму и веселому нраву скоро сумѣла занять при дворѣ видное положеніе. Государыня къ ней очень благоволила, также какъ и Потемкинъ;

lib.pushkinskijdom.ru

но за то она недолюбливала Орловыхъ, о которыхъ отзывалась довольно неодобрительно. Въ 1772 году Наталья Кирилловна вышла замужъ за молодого Измайловскаго офицера Н. А. Загряжскаго, человѣка добраго, но безцвѣтнаго, совершенно подчинившагося своей умной и бойкой супругѣ. Бракъ ихъ остался бездѣтнымъ; поэтому Наталья Кирилловна взяла къ себѣ въ домъ на воспитаніе свое племянницу Марію Васильевну Васильчикову, которую впослѣдствіи выдала замужъ за графа Виктора Павловича Кочубея, въ домѣ котораго она и проживала въ старости, окруженная всеобщимъ вниманіемъ и почетомъ.

Князь П. А. Вяземскій, хорошо знавшій лично Наталью Кирилловну, слѣдующимъ образомъ характеризируетъ ее въ своей „Старой записной книжкѣ“: „Наталья Кирилловна Загряжская, по всѣмъ принятымъ условіямъ общежитейскимъ и по собственнымъ свойствамъ своимъ, долго занимала въ Петербургскомъ обществѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Въ ней было много своеобразія, обыкновенной принадлежности людей (а въ особенности женщинъ) стараго чекана. Кто не зналъ этихъ барынь минувшаго столѣтія, тотъ не можетъ имѣть понятія объ обольстительномъ владычествѣ, которое присвоивали онѣ себѣ въ обществѣ и на которое общество отвѣчало сознательнымъ и благодарнымъ покорствомъ. Во многихъ отношеніяхъ Н. К. Загряжская не чужда была современности, но въ другихъ сохранила отпечатокъ своей старины, отпечатокъ, такъ часто и легко сглаживаемый у другихъ дѣйствіемъ общественныхъ преобразованій и просвѣщенія, или того, что́ называется просвѣщеніемъ. Упорная, упрямая натура не хороша, но нельзя не любоваться натурами, которыя, при законныхъ и нужныхъ уступкахъ господству времени, имѣютъ въ себѣ довольно силъ и живучести, чтобы отстоять и спасти свою внутреннюю личность отъ требованій и самовластительныхъ притязаній того, что́ называется новыми порядками или просто модой. Въ новомъ обществѣ, въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевыхъ, у которыхъ жила, Загряжская была какъ-бы историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была, какъ эти старые семейные портреты, писанные кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Наряды, многія принадлежности этихъ изображеній давнымъ-давно отжили; но черты лица, но сочувственное выраженіе физіономіи, обаяніе творчества, которое создало и передало потомству это изображеніе, все вмѣстѣ пробуждаетъ вниманіе и очаровываетъ васъ. Вы съ утонченнымъ

lib.pushkinskijdom.ru

и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ сказать, ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разсказовъ Натальи Кирилловны: онъ ловилъ въ ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую, потому что и въ исторіи много истинной и возвышенной поэзіи, и въ поэзіи есть своя доля исторіи. Нѣкоторыя драгоцѣнныя частички этихъ бесѣдъ имъ сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатымъ. Всѣ мы люди стараго поколѣнія, грѣшили какою-то беззаботностью, отсутствіемъ скопидомства. Мы проживали, тратили вещественныя наслѣдства нашихъ отцовъ: не умѣли сберечь и умственныя наслѣдства, ими намъ переданныя. Сколько капиталовъ устной литературы пропустили мы мимо ушей! Мы любили слушать стариковъ, но не умѣли записывать слышанное нами, то-есть не думали о томъ, чтобы записывать" (Собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 184).

Въ „Воспоминаніяхъ" В. И. Сафоновича (бывшаго впослѣдствіи орловскимъ губернаторомъ) мы находимъ также не мало интересныхъ свѣдѣній о Загряжской, о ея семейной обстановкѣ, о ея вечернихъ пріемахъ и о ея разсказахъ о старинѣ. Воспоминанія эти любопытны еще потому, что относятся именно къ серединѣ 30-хъ годовъ, когда гостиную Загряжской охотно посѣщалъ Пушкинъ, съ которымъ и встрѣчался тамъ авторъ записокъ. „Между прочими знакомыми должно упомянуть о Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской, дочери извѣстнаго К. Разумовскаго и теткѣ кн. Виктора Павловича Кочубея, въ домѣ котораго она и жила, занимая пять-шесть комнатъ, безъ особенной роскоши. Она отдала все состояніе Кочубеямъ и довольствовалась опредѣленнымъ содержаніемъ на домашніе свои расходы. Ей было уже болѣе 80 лѣтъ, но она сохранила и умственныя способности, и всю теплоту сердца; за что ее всѣ любили. Каждый вечеръ собиралось къ ней множество посѣтителей для составленія ей партіи въ бостонъ или просто посидѣть и встрѣтиться со знакомыми, но главнѣйше повидаться съ кн. Кочубеемъ, занимавшимъ первый постъ въ Имперіи—Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, человѣкомъ съ большимъ вліяніемъ и поэтому нужнымъ... Въ числѣ гостей бывали у нея всѣ важные и извѣстные люди того времени, между прочимъ графъ Блудовъ, необыкновенный мастеръ разсказывать о какомъ предметѣ угодно: все, кажется, было ему доступно и знакомо. Онъ обладалъ обширною памятью и говорилъ

lib.pushkinskijdom.ru

одинаково плодовито и хорошо о театрѣ, о романѣ, о дѣлахъ общественныхъ и проч. Онъ былъ очень занимателенъ въ дамской компаніи, и его съ удовольствіемъ слушали. На вечера являлся по временамъ и поэтъ Пушкинъ; но онъ не производилъ тамъ особеннаго эффекта, говорилъ немного, больше о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ... Гостиная Загряжской представляла какую-то смѣсь лицъ изъ разныхъ разрядовъ общества. Къ ней являлись нѣкоторыя ловкія дамы, умѣвшія втереться туда, съ цѣлью поправить обстоятельства своихъ мужей и родственниковъ. Загряжская была необыкновенно ласкова, искала случаевъ быть полезною другимъ, сама даже напрашивалась, не нужно ли было просить кого-нибудь о чемъ, и этимъ нѣкоторые пользовались. Къ несчастію, кредитъ ея съ лѣтами значительно падалъ. Всѣ обѣщали исполнить ея желаніе, и никто ничего не дѣлалъ. Она объ этомъ забывала и при новомъ настояніи повторяла свои просьбы, которые также оставались безъ дѣйствія. Разсказывали, что ей случалось просить за двухъ-трехъ лицъ на одно и то же мѣсто, или за обоихъ противниковъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ. Племянника своего, кн. Кочубея она никогда ни о чемъ не просила и говорила всѣмъ объ этомъ откровенно. Князь настоятельно требовалъ отъ нея, чтобъ она не заставляла его хлопотать за лицъ обращающихся къ ней съ просьбами, и она въ точности исполняла его требованіе. За то всѣмъ прочимъ пощады отъ нея не было. Если нужно было кого-нибудь просить, она тотчасъ посылала къ нему человѣка съ просьбой пріѣхать къ ней, и тотъ немедленно являлся, выслушивалъ ея просьбу и дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь вовсе ея ходатайствомъ. ...Какъ ни выдавала себя Загряжская за патріотку, говоря съ гостями не иначе какъ по-русски, французскій языкъ преобладалъ въ ея гостиной. Загряжская всегда съ колкостью отзывалась о своихъ родныхъ и знакомыхъ, проживавшихъ заграницей, и удивлялась, какъ можно надолго оставлять свое отечество и жить съ чужими людьми. ...Княгинѣ Кочубей тоже хотѣлось ѣхать заграницу, но Загряжская ее не пускала: безъ нея она очень бы скучала. Она требовала, чтобы та была безпрерывно съ нею и употребляла всѣ хитрости, чтобы видѣть ее чаще. Не было дня, чтобы Загряжская не дѣлала ей замѣчаній за равнодушіе къ ней; она ревновала ее даже къ мужу. Старушка до глубокихъ лѣтъ сохранила всю молодость любящаго сердца. Загряжская готова была на всѣ пожертвованія для тѣхъ, кого любила, и искала одного: нѣкотораго вниманія къ себѣ. Въ требованіяхъ своихъ сохраняла всегда приличную скромность, хотя

lib.pushkinskijdom.ru

по званію своему и по лѣтамъ имѣла право давать приказанія, а не просить. Она чувствовала, что слабѣетъ тѣломъ и душою, и смиренно покорялась судьбѣ, радуясь по крайней мѣрѣ тому, что ее еще не совсѣмъ оставили и ее навѣщаютъ, хотя не могла не знать, что цѣлью посѣщеній собственно не она, а ея высокостепенный племянникъ... Загряжская любила разсказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкинъ записалъ нѣкоторые изъ ея анекдотовъ и языкомъ, какимъ она разсказывала. Загряжская была фрейлиной при дворѣ Петра III, помнила хорошо то время, когда этотъ несчастный императоръ отправлялся изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, гдѣ думалъ произвести контръ-революцію или, по крайней мѣрѣ, укрыться отъ преслѣдованій своей жены. Надежда на вѣрность Кронштадскаго гарнизона его обманула, онъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами и долженъ былъ воротиться назадъ. Загряжская разсказывала этотъ эпизодъ съ большой обстоятельностью. Проведя всю жизнь при дворѣ, она была очевидцею многихъ интересныхъ происшествій царствованій Екатерины, Павла и Александра. Однажды я рѣшился изъявить ей сожалѣніе, почему она не вела никакихъ записокъ: онѣ составили бы рѣдкую книгу для будущихъ поколѣній. „Эхъ, мой другъ, отвѣчала она, я никогда не умѣла писать, гдѣ мнѣ было вести записки; потомъ и память потеряла“. Дѣйствительно жаль, что она не оставила послѣ себя никакихъ воспоминаній о временахъ, въ которыхъ она сама бывала дѣйствующимъ лицомъ. Много любопытныхъ подробностей напрасно исчезли изъ страницъ исторіи“ (Воспоминанія В. И. Сафоновича. *Рус. Архивъ*, 1903 г., т. I, стр. 492—496).

Воспитанная въ духѣ идей XVIII вѣка, Загряжская пользовалась и въ старости репутаціей „вольтеріанки“, хотя и исполняла всѣ религіозные обряды. А. О. Смирнова передаетъ ея разговоръ съ вел. княземъ Михаиломъ Павловичемъ: „Я не хочу умереть внезапно, потому что не желаю явиться на небо запыхавшись и растерянною, а я хочу обратиться къ Господу Богу съ четырьмя вопросами: кто были самозванцы? Кто былъ Желѣзная маска? Былъ ли Шевалье д'Эонъ мужчиной или женщиной и былъ ли Людовикъ XVII похищенъ изъ Тампля? Развѣ вы увѣрены, что попадете въ рай? — спросилъ ее в. к... Старуха обидѣлась и очень кисло отвѣтила: Неужели вы думаете, что я рождена для того, чтобы сидѣть и ждать въ чистилищѣ“ (Записки А. О. Смирновой. Часть I. СПб., 1895. Стр. 70). О послѣднемъ времени ея жизни біографъ ея А. А. Васильчиковъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Оставя всѣ выѣзды городскіие и

lib.pushkinskijdom.ru

придворные, Наталья Кирилловна жила жизнью домашнею, но не уединенною. Она любила общество и общество любило ее. Каждый вечеръ весь дипломатическій корпусъ и всѣ примѣчательные люди тогдашняго времени, какъ по званію, такъ и по уму, съѣзжались къ ней, не столько чтобы играть въ любимый ею бостонъ, сколько чтобы слушать ея умныя рѣчи, преисполненныя анекдотами прошлаго великаго времени и собственными ея умными, колкими и оригинальными мыслями. Она говорила отлично по-французски и, къ сожалѣнію, нѣсколько коверкала не столь знакомый ей родной языкъ. Сегюръ говоритъ въ своихъ Запискахъ: „On ne quittait pas sans regrets la conversation originale et piquante de m-me Zagriajski". Она умѣла нравиться всѣмъ, быть любезною со всѣми, занять каждаго, и молодого, и стараго, и чиновнаго, и безъ всякихъ чиновъ, и русскаго, и иностранца. Утромъ она принимала бѣдныхъ, никогда не отказываясь хлопотать о несчастныхъ. Покровительство Натальи Кирилловны много значило, и когда, въ глубокой старости, она не въ силахъ была сама писать, то записочки, писанныя чужою рукой, но съ ея подписью „N. Z." часто доставляли бѣднымъ существованіе. Здоровое ея сложеніе, которое она такъ хорошо умѣла сохранить, начало, наконецъ, на 90-мъ году ослабѣвать. Она потеряла хорошій сонъ, зрѣніе начало ей измѣнять. „J'emballe", говорила она, „скоро ѣду"... Никогда не оставляя своего образа жизни, за одинъ день до кончины она въ послѣдній разъ взошла въ гостиную, наполненную родными и знакомыми. Всѣ подходили къ ней и со слезами цѣловали ея руку. Она сыграла одинъ туръ въ свой любимый бостонъ и оставила навсегда столь долго обновляемый живымъ умомъ ея кругъ знакомыхъ. Она скончалась 19 марта 1837 г. и похоронена въ Невскомъ монастырѣ" (назв. сочин., стр. 16—17).

Пушкинъ познакомился съ Н. К. Загряжской въ іюлѣ 1830 г., когда онъ, будучи по дѣламъ въ Петербургѣ, счелъ необходимымъ представиться ей въ качествѣ будущаго родственника, такъ какъ мать его невѣсты, Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская, приходилась Натальѣ Кирилловнѣ племянницей по мужу. Вотъ какъ самъ Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ невѣстѣ разсказываетъ о своемъ первомъ визитѣ у Н. К. Загряжской: „Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія. — Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали, *Наташа* ничего мнѣ не писала

lib.pushkinskijdom.ru

(Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны* и пр., и пр. Она не приняла моихъ резоновъ:—*Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями" (Переписка, т. I, стр. 165).

Пушкинъ охотно воспользовался приглашеніемъ Натальи Кирилловны, тѣмъ болѣе, что умная и оригинальная старуха, много видѣвшая на своемъ долгомъ вѣку, сама по себѣ заинтересовала его. Ея разсказы о прошлыхъ событіяхъ и былыхъ людяхъ казались Пушкину настолько любопытными, что онъ записалъ нѣкоторые изъ нихъ: девять такихъ историческихъ анекдотовъ вошло въ составъ его собранія: Table-Talk („Застольныя бесѣды"). Пушкинъ воспользовался для своего труда довольно распространеннымъ въ современной англійской литературѣ названіемъ, которое могло быть ему извѣстно изъ такихъ сочиненій, какъ „Table-Talk: or original essays, by William Hazlitt"; Paris, 1825 и „Specimens of the Table-Talk of the late Samuel Tailor Coleridge"; London, 1835; обѣ эти книги находились въ библіотекѣ Пушкина: (см. ея описаніе въ статьѣ Б. А. Модзалевскаго въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники", вып. IX—X, стр. 198 и 246), и помѣщены тамъ подъ общимъ заглавіемъ: „Разговоры Н. К. Загряжской". Записанный въ дневникѣ разсказъ объ имп. Екатеринѣ и кн. Дашковой относится къ этой же серіи. Повидимому, въ своихъ записяхъ Пушкинъ старался сохранить и передать самый тонъ и манеру рѣчи Натальи Кирилловны, благодаря чему его записи производятъ впечатлѣніе живого слова, непосредственно перенесеннаго на бумагу, безъ всякой литературной обработки. Подробнѣе о Н. К. Загряжской, кромѣ указаннаго выше сочиненія А. А. Васильчикова, см. также статью о ней акад. Л. Н. Майкова въ книгѣ: „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". СПб., 1899, стр. 397—413).

Стр. 38 (8). Дашкова, княгиня Екатерина Романовна (1744—1810), статсъ-дама, президентъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи, видная дѣятельница царствованія Екатерины II. Она была дочерью генералъ-аншефа гр. Романа Илларіоновича Воронцова и

lib.pushkinskijdom.ru

крестницей имп. Елизаветы Петровны. Получивъ образованіе въ домѣ своего дяди канцлера, графа Михаила Илларіоновича Воронцова, она дополнила его усердным чтеніемъ преимущественно французскихъ авторовъ XVIII вѣка: Монтескье, Бейля, Вольтера, Дидро, Гельвеція и др., такъ что еще будучи молодою дѣвушкою 15—16 лѣтъ обращала на себя вниманіе своимъ умомъ и начитанностью, чѣмъ и привлекла къ себѣ симпатіи Екатерины, когда она была еще великой княгиней. Въ 1759 г. гр. Ек. Ром. Воронцова вышла замужъ за князя Мих. Ив. Дашкова, а лѣтомъ 1762 года приняла участіе въ заговорѣ, возведшемъ Екатерину на престолъ; однако ея роль въ государственномъ переворотѣ 28 іюня была вовсе не такой важной, какъ она сама старается представить въ своихъ извѣстныхъ Запискахъ. Императрица пожаловала ей орденъ св. Екатерины и званіе статсъ-дамы, а также значительное денежное вознагражденіе, но сама Дашкова была всѣмъ этимъ недовольна, считая свои заслуги недостаточно вознагражденными и претендуя на первую роль при молодой государынѣ. Съ этого времени начались ихъ взаимныя неудовольствія, при чемъ онѣ то снова сближались, то опять расходились. Въ періоды подобныхъ охлажденій кн. Дашкова совершила два большихъ путешествія заграницу: между прочимъ она посѣтила въ Берлинѣ Фридриха Вел., въ Фернеѣ— Вольтера, а въ Парижѣ неоднократно бесѣдовала съ Дидро; болѣе трехъ лѣтъ она провела въ Англіи, ради образованія своего сына, посѣщавшаго Эдинбургскій университетъ. Въ общемъ Дашкова провела заграницей свыше десяти лѣтъ, знакомясь съ выдающимися людьми, посѣщая достопримѣчательныя мѣста, наблюдая бытъ и нравы разныхъ странъ. Лѣтомъ 1782 года она вернулась въ Россію, а 24 января слѣдующаго года была назначена директоромъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, а осенью того же 1783 года по ея мысли была основана Россійская Академія, во главѣ которой она также была поставлена. М. И. Сухомлиновъ въ своей „Исторіи Россійской Академіи“ довольно высоко оцѣниваетъ ея дѣятельность въ качествѣ президента двухъ научныхъ учрежденій. Благодаря ея энергіи, дѣятельность Академіи Наукъ значительно оживилась; расширилась ея издательская дѣятельность, возобновилось чтеніе общедоступныхъ публичныхъ курсовъ, въ которомъ приняли участіе наиболѣе выдающіеся изъ числа академиковъ: Котельниковъ, Озерецковскій и др., наконецъ, была приведена въ порядокъ хозяйственная сторона Академіи Наукъ, предприняты новыя постройки и т. д. Что же касается до вновь учрежденной Россійской Академіи, то

lib.pushkinskijdom.ru

результатомъ ея работъ явилось изданіе перваго „Словаря“ русскаго языка, представлявшаго для своего времени весьма цѣнное собраніе лексикографическаго матеріала: въ составленіи Словаря сама Дашкова принимала непосредственное и дѣятельное участіе (см. назв. сочин. т. I, СПб., 1874, стр. 28—31, 34—36, 40—43). При Академіи кн. Дашкова основала журналъ; „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“, къ участію въ которомъ привлекла лучшія литературныя силы того времени (Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Капнистъ); въ „Собесѣдникѣ“ приняла участіе и сама императрица. Наконецъ, при содѣйствіи кн. Дашковой предпринято было также изданіе „Россійскаго Ѳеатра“, многотомнаго собранія русскихъ драматическихъ произведеній. Между тѣмъ отношенія кн. Дашковой къ имп. Екатеринѣ очень быстро снова испортились. Объ этомъ Державинъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ: „Всякій день имѣла она входъ къ императрицѣ послѣ обѣда и была у ней съ четырехъ часовъ до седьмого и взошла было черезъ то въ великую силу; но какъ при пожалованіи ея въ президенты Россійской академіи говорила она въ той академіи рѣчь, не ею, а кѣмъ-то другимъ сочиненную, то императрица въ шутку въ собраніи *палаты съ чутьемъ* допустила передразнивать ее смѣшнымъ тономъ и съ ея ухватками Льву Александровичу Нарышкину. Сіе было не въ бытность ея, но ей пересказали; она разсердилась, всѣхъ перебранила. Гр. Ив. Григ. Чернышевъ, согласясь съ Нарышкинымъ, вывели это тоже шуточнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ императрица заперла двери княгинѣ Дашковой для входу ея послѣ обѣда къ упражненію словесности, а оставила пріѣздъ ея только по воскресеньямъ по ея должности. Симъ *Собесѣдникъ* сталъ упадать, ибо императрица не стала присылать въ него ничего, потому что все присланное ею княгиня, показывая свой разумъ, критиковала, переправляла и даже шутила на счетъ сочинительницы не токмо при собраніи своихъ, но и чужестранцевъ“ (Сочиненія Г. Р. Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. Т. III. СПб., 1866. Объясненія Державина на его сочиненія, стр. 625). Окончательная ссора съ Екатериной произошла въ 1793 году, при чемъ поводомъ къ ней послужило напечатаніе трагедіи Княжнина „Вадимъ“ въ 39-й части Россійскаго Ѳеатра; разгнѣванная императрица, усмотрѣвшая въ трагедіи Княжнина проявленія свободомыслія и нападки на монархическую власть, сдѣлала кн. Дашковой рѣзкій выговоръ, послѣ котораго Дашкова стала хлопотать о долгосрочномъ отпускѣ заграницу, которымъ она, однако, не воспользовалась.

lib.pushkinskijdom.ru

Павелъ I при своемъ вступленіи на престолъ отставилъ ее отъ всѣхъ ея должностей и приказалъ ей жить въ ея деревняхъ, безъ права въѣзда въ столицы; въ наказаніе за ея участіе въ революціи 1762 года. Александръ I освободилъ ее отъ опалы; послѣ этого до конца жизни она проживала большей частью въ Москвѣ, занимаясь литературой и составляя свои извѣстныя Записки, представляющія чрезвычайно цѣнный историческій матеріалъ, хотя и проникнутыя субъективнымъ настроеніемъ и потому требующія при пользованіи большой осторожности.

Среди русскаго общества Екатерининской эпохи княгиня Е. Р. Дашкова представляетъ собой незаурядное явленіе. Умная отъ природы, образованная, энергичная и дѣятельная, она рядомъ съ имп. Екатериной является, несомнѣнно, наиболѣе выдающейся женщиной своего времени. Однако характеръ ея далеко не стоялъ на соотвѣтствующей высотѣ. Болѣзненно самолюбивая и честолюбивая, тщеславная и суетная, она всюду и вездѣ стремилась играть первую роль, стоять въ центрѣ дѣйствія и вниманія и вслѣдствіе этого постоянно приходила въ столкновеніе съ людьми на почвѣ соперничества и соревнованія. Благодаря своему неуживчивому характеру, Дашкова отталкивала отъ себя людей самыхъ близкихъ, перессорилась со всѣми своими родственниками, въ томъ числѣ и съ родными дѣтьми, и кончила жизнь почти въ полномъ одиночествѣ. Дашкова склонна была подозрѣвать чуть ли не всѣхъ людей въ недоброжелательствѣ и интригахъ противъ себя или въ недостаточномъ къ себѣ уваженіи. Иногда же ссоры ея происходили по совершенно мелочнымъ и пустымъ поводамъ, напр., ея ссора съ А. А. Нарышкинымъ, съ которымъ она завела длинный процессъ изъ-за свиней, забравшихся на ея дачу; объ этой ссорѣ, бывшей предметомъ постоянныхъ насмѣшливыхъ разговоровъ въ придворныхъ сферахъ, неоднократно упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ (см. въ изданіи 1874 г., подъ редакціей Н. П. Барсукова, стр. 56, 178, 183). Среди современниковъ кн. Дашкова вообще не пользовалась особенной симпатіей, вслѣдствіе чего о ней ходили всевозможные неблагопріятные слухи, иногда несправедливые; даже ея участіе въ революціи 1762 года нѣкоторые объясняли завистью къ сестрѣ Елизаветѣ Воронцовой, фавориткѣ имп. Петра III, и даже намекали на то, что побудительной причиной пристать къ мятежу явилось для нея желаніе завладѣть брилліантами сестры, пожалованными ей государемъ; такъ, напр., Алек. Мих. Тургеневъ въ своихъ Запискахъ говоритъ о ней: „Директоръ Россійской Ака-

lib.pushkinskijdom.ru

деміи наукъ Катерина Романовна Дашкова—баба гордая, честолюбивая, искательница славы, исполненная завистію, передавшаяся на сторону Екатерины въ заговорѣ 1762 года единственно по зависти къ сестрѣ своей, Елизаветѣ Воронцовой, на которой Петръ хотѣлъ жениться" (*Рус. Старина*, 1887, янв., стр. 102). Если эти слухи и не соотвѣтствовали дѣйствительности, то они сами по себѣ очень любопытны, такъ какъ характеризуютъ отношеніе къ Дашковой ея современниковъ. Академикъ Тьебо (ThiéBault) въ своихъ „Мемуарахъ" также сохранилъ нѣсколько разсказовъ о Дашковой, именно о ея пребываніи заграницей, при чемъ въ этихъ разсказахъ особенно подчеркивается ея чрезвычайное самомнѣніе и тщеславіе, приводившее ее иногда къ безтактнымъ словамъ и поступкамъ, ставившимъ ее самое въ неловкое положеніе; Тьебо приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ „выходокъ" Дашковой, заслужившихъ ей со стороны одного изъ иностранныхъ дипломатовъ прозвище: „cette terrible princesse" (*Рус. Старина*, 1878 г., ноябрь, стр. 477—483).

Анекдотъ о кн. Дашковой,—записанный Пушкинымъ со словъ Н. К. Загряжской, совершенно гармонируетъ со всѣмъ, что мы знаемъ объ отношеніи къ ней императрицы Екатерины. Дашкова принадлежала къ числу лицъ, имѣвшихъ свойство раздражать Екатерину и вызывать ея недовольство своими не всегда тактичными поступками. Въ запискахъ Храповицкаго неоднократно приводятся отзывы государыни, свидѣтельствующіе о ея неудовольствіи на Дашкову. Такъ, 23 апрѣля 1787 г. Храповицкій записываетъ, что Екатерина недовольна тѣмъ, что кн. Дашкова хвастаетъ въ Москвѣ письмами, полученными ею отъ императрицы (Дневникъ А. В. Храповицкаго, подъ редакціей Н. П. Барсукова. СПб. 1874. Стр. 33); 24 февраля 1788 г. онъ приводитъ слова о ней государыни: „Съ Дашковой хорошо быть подалѣе" (тамъ-же, стр. 66); 19 мая того же года Екатерина при переселеніи въ Царское Село выражаетъ нежеланіе, чтобы Дашкова жила во дворцѣ (стр. 83); 23 октября она поручаетъ Храповицкому переписку своей комедіи: „За мухой съ обухомъ", въ которой въ лицѣ Пострѣловой изображена Дашкова и представлена въ комическомъ видѣ исторія ея тяжбы съ Нарышкинымъ (стр. 178); наконецъ, 31 іюля 1789 г. Храповицкій записываетъ отзывъ Екатерины о Дашковой по поводу одного изъ ея служебныхъ столкновеній: „Она ни съ кѣмъ не уживается. Je peux m'accommoder de tous les caractères" (стр. 300). Всѣ эти примѣры показываютъ, что случай, описанный Пушкинымъ, не былъ единичнымъ въ исторіи отношеній Екатерины и кн. Дашковой.

lib.pushkinskijdom.ru

Интересныя Записки Дашковой,—написанныя ею приблизительно въ 1804—1806 годахъ и озаглавленныя въ рукописи „Mon histoire", были впервые напечатаны въ англійскомъ переводѣ, много лѣтъ спустя послѣ смерти автора, подъ заглавіемъ: Memoirs of the Princess Dashkow, lady of honour to Catharina II, written by herself, Edited by W. Bradford. 2 vols. London, 1840. Однако, повидимому, записки Дашковой, еще до изданія въ свѣтъ получили нѣкоторую извѣстность въ публикѣ и были знакомы Пушкину: по крайней мѣрѣ онъ пользовался ими при своихъ работахъ надъ Радищевымъ, и среди его черновыхъ рукописей сохранились французскія выписки изъ нихъ, относящіяся къ интересовавшему его предмету (см. статью В. П. Якушкина: Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ. *Рус. Старина*, 1884 г., дек., стр. 539). На русскомъ языкѣ Записки кн. Дашковой были впервые изданы Герценомъ въ Лондонѣ въ 1859 г., въ очень неудовлетворительномъ переводѣ. Въ точномъ видѣ, по подлинной рукописи автора онѣ были напечатаны (на французскомъ языкѣ) въ 1881 году, въ XXI-й книгѣ „Архива кн. Воронцова", а русскій переводъ съ этого изданія былъ изданъ А. С. Суворинымъ, въ 1907 г. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина. Литература о кн. Е. Р. Дашковой довольно обширна; наиболѣе значительныя статьи о ней: В. И. Семевскаго въ *Рус. Старинѣ*, 1874 г., мартъ, стр. 407—430; Д. И. Иловайскаго въ „Сочиненіяхъ", стр. 264 и сл. (М. 1884); А. С. Суворина: „Кн. Е. Р. Дашкова" (СПб., 1888); Огаркова въ біограф. библіотекѣ Павленкова (СПб., 1893); Н. Д. Чечулина въ „Рус. Біографическомъ Словарѣ" (СПб., 1905; стр. 119—130).

Стр. 38 (25). Княгиня Кочубей, Марія Васильевна (1779—1844), урожденная Васильчикова, была воспитана въ домѣ своей богатой и бездѣтной тетки Натальи Кирилловны Загряжской, которая завладѣла ею вскорѣ послѣ ея рожденія, перевезла къ себѣ и не пожелала возвратить ее родителямъ, несмотря на ихъ настоянія; въ концѣ концовъ, Загряжская сумѣла такъ устроить, что дѣвочка осталась за нею, при чемъ объявила, что сдѣлаетъ ее наслѣдницей всего своего состоянія (А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. V-й. СПб., 1894; стр. 11). Въ 1899 году Марія Васильевна вышла замужъ за графа (впослѣдствіи князя) Виктора Павловича Кочубея; императоръ Павелъ былъ недоволенъ этимъ бракомъ, такъ какъ имѣлъ намѣреніе женить его на своей фавориткѣ, княжнѣ А. П. Лопухиной; но Кочубей во время узналъ объ этихъ планахъ, уско-

lib.pushkinskijdom.ru

рилъ свою свадьбу и такимъ образомъ избѣжалъ сомнительной „чести", которую предназначалъ ему государь. Въ виду этихъ обстоятельствъ, молодымъ пришлось уѣхать заграницу; они поселились въ Дрезденѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшей ихъ Н. К. Загряжской, и прожили здѣсь до воцаренія имп. Александра I. По возвращеніи въ Россію, Кочубей, въ качествѣ одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ молодого государя, принялъ непосредственное участіе въ высшемъ управленіи имперіей; соотвѣтственно этому и его супруга заняла видное положеніе въ петербургскомъ свѣтскомъ обществѣ. Въ 1804 г. она была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, а въ 1826 г.—въ статсъ-дамы. Марія Васильевна любила роскошь и блескъ и потому охотно устраивала у себя великолѣпные балы и пріемы; объ одномъ изъ такихъ баловъ упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ дневникѣ 15 декабря. Въ іюлѣ 1834 года княгиня овдовѣла, но продолжала вести прежній широкій образъ жизни. Представляя собой законченный типъ большой русской барыни, княгиня Кочубей нечужда была нѣкотораго тщеславія; такъ, проживая лѣтомъ въ своей знаменитой Диканькѣ, она устраивала по праздникамъ торжественные „выходы", на подобіе дворцовыхъ, а на эктеньяхъ въ ея деревенской церкви священникъ, вслѣдъ за императорской фамиліей, поминалъ ее съ чадами и домочадцами. Изрѣдка она предпринимала поѣздки заграницу и во время одной изъ такихъ поѣздокъ она и скончалась въ Парижѣ (Вел. князь Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т. I-й, № 149).

Стр. 38 (32). Храповицкій, Александръ Васильевичъ (1749—1801), статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, авторъ извѣстныхъ Записокъ. Онъ получилъ образованіе въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ и съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ интересъ къ литературѣ и склонность къ литературнымъ занятіямъ. Уже въ 1762 году былъ напечатанъ его переводъ съ французскаго: „Похожденіе Неоптолема, сына Ахиллесова". Въ 1766 г. онъ поступилъ на военную службу, но въ 1775 г. перешелъ въ Сенатъ въ качествѣ секретаря „у генералъ-прокурорскихъ дѣлъ", не оставляя въ то же время и своихъ литературныхъ занятій. Новиковъ въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ" (1772 г). говоритъ о немъ: „Молодой и острый человѣкъ: писалъ много разныхъ стихотвореній и былъ похваленъ письмомъ г. Сумарокова. Онъ сочинилъ трагедію *Идоманъ* въ пяти дѣйствіяхъ, которая уже и на театръ отдана... Также издалъ въ свѣтъ много разныхъ сти-

lib.pushkinskijdom.ru

хотвореній и сатирическихъ писемъ въ еженедѣльныхъ изданіяхъ, напечатанныхъ 1769 года“ (назв. сочин., стр. 234). Въ 1782 г. Храповицкій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ „у принятія челобитенъ“, на высочайшее имя приносимыхъ, и такимъ образомъ вошелъ въ непосредственныя отношенія съ Екатериной. Въ 1787 г. онъ сопровождалъ государыню во время ея путешествія въ Крымъ и велъ поденныя записки этого путешествія; съ этихъ поръ онъ входитъ въ особую милость у императрицы и становится однимъ изъ ближайшихъ ея совѣтниковъ, какъ по государственнымъ, такъ и по чисто личнымъ дѣламъ: между прочимъ, довѣряя его литературному вкусу, Екатерина поручала ему выправлять слогъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, сочинять стихи для своихъ комическихъ оперъ, подыскивать историческій матеріалъ для своихъ драматическихъ хроникъ: все это она въ шутку называла „стирать ея грязное бѣлье“. Въ государственныхъ дѣлахъ Храповицкій привлекался преимущественно по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, участвуя въ разсмотрѣніи разныхъ проектовъ и представленій. Нѣкоторое время (1789—1796 гг.) онъ состоялъ также директоромъ петербургскихъ театровъ, а въ 1793 г. былъ назначенъ сенаторомъ. За свою службу онъ получалъ отъ Екатерины щедрыя награды чинами, орденами и денежными пожалованіями; но и при преемникахъ Екатерины Храповицкій сумѣлъ сохранить къ себѣ монаршее благоволѣніе и умеръ уже въ царствованіе Александра I въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.—Для насъ Храповицкій интересенъ преимущественно, какъ авторъ „Памятныхъ записокъ“, которыя онъ велъ въ то время, когда состоялъ статсъ секретаремъ при Екатеринѣ, съ 1782 по 1793 годъ. Эти записки, представляющія собой бѣгло набросанный дневникъ, являются чрезвычайно цѣннымъ источникомъ для ознакомленія съ личностью и дѣятельностью Екатерины въ послѣдній періодъ ея царствованія. Видя Екатерину изо дня въ день, онъ могъ близко наблюдать ее въ ея домашней обстановкѣ, внѣ условностей парадnаго, официальнаго церемоніала; при томъ Екатерина, благоволя къ Храповицкому и довѣряя его преданности, нерѣдко была съ нимъ очень откровенна, касаясь иногда самыхъ интимныхъ своихъ дѣлъ. Однако, когда она узнала, что Храповицкій ведетъ дневникъ, она удалила его отъ себя и назначила сенаторомъ, очевидно, не желая, чтобы свѣдѣнія о ея личной жизни, о ея слабостяхъ, какъ человѣка и женщины, о повседневныхъ мелочахъ ея обстановки были сохранены для потомства наблюдательнымъ статсъ-секретаремъ. „Памятныя записки“ Храповицкаго

lib.pushkinskijdom.ru

впервые были опубликованы (съ большими пропусками) П. П. Свиньинымъ, въ Отечественныхъ Запискахъ 1821—1827 гг. (части VII—XVIII, XX, XXI, XXIV, XXVII, XXXI и XXXIII). Полнѣе онѣ были напечатаны Г. Н. Геннади въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей“ за 1862 годъ, и наконецъ полностью, по подлинной рукописи автора, были обнародованы Н. П. Барсуковымъ въ 1874 году. Пушкинъ могъ познакомиться съ дневникомъ Храповицкаго по тексту „Отечественныхъ Записокъ“; однако есть указанія, что ему не остался безъизвѣстнымъ и самый подлинникъ Дневника, который былъ ему доставленъ П. П. Свиньинымъ, въ рукахъ котораго онъ находился (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 6). Пушкинъ по достоинству оцѣнилъ значеніе записокъ Храповицкаго, въ качествѣ историческаго матеріала первостепенной важности, и воспользовался ими для своихъ работъ: онъ дважды цитируетъ ихъ въ своей статьѣ „Александръ Радищевъ“ (Сочиненія Пушкина, изд. Т-ва Просвѣщеніе, подъ ред. П. О. Морозова. Т. VI, стр. 393 и 399). Пушкинъ занимался Радищевымъ какъ разъ въ періодъ 1833—34 гг. (В. Е. Якушкинъ: „О Пушкинѣ“ М. 1899, стр. 19), и хотя указанная выше статья его относится къ 1836 году и предназначалась для 3-й книги Современника, однако весьма вѣроятно, что матеріалъ для нея былъ заготовленъ Пушкинымъ ранѣе, въ связи съ работами надъ Радищевымъ. Возможно поэтому думать, что и самая отмѣтка о Храповицкомъ стоитъ въ нѣкоторой связи съ этими работами, особенно если предположить, что Пушкину остался небезызвѣстнымъ тотъ фактъ, что въ молодые годы Храповицкій преподавалъ будущему автору „Путешествія“ русскій языкъ. Что же касается до самой отмѣтки о томъ, что Храповицкій былъ нѣкогда адъютантомъ графа Кир. Григ. Разумовскаго, то судя по контексту, свѣдѣніе это занесено Пушкинымъ въ свой дневникъ со словъ той же Н. К. Загряжской, отъ коей онъ заимствовалъ и свой анекдотъ о кн. Дашковой и замѣтку о Будаковой.

Стр. 38 (34—35). У императрицы Елизаветы Петровны было нѣсколько дѣтей. Въ разсказахъ Карабанова упоминаются нѣкія Бахтѣева и Супонева въ качествѣ ея дочерей (Рус. Старина, 1871, ст. IV, стр. 648—9). Извѣстная своей трагической судьбой княжна Тараканова также выдавала себя за дочь Елизаветы, но, кажется, безъ дѣйствительныхъ основаній. Еще въ 30-хъ годахъ была жива фрейлина Нат. Як. Плюскова, которая, по преданію, происходила

lib.pushkinskijdom.ru

съ материнской стороны отъ имп. Елизаветы Петровны (Рус. Архивъ, 1900, I, стр. 382). Что же касается до упоминаемой Пушкинымъ *Будаковой*, то намъ не удалось найти какихъ-либо свѣдѣній о ней въ исторической и мемуарной литературѣ, относящей къ интимной хроникѣ русскаго двора XVIII вѣка.

Стр. 39 (1—6). По поводу записокъ императрицы Елизаветы Алексѣевны вел. князь Николай Михайловичъ пишетъ въ предисловіи къ своему труду, посвященному ей: „Дневникъ государыни, который она вела за время своего пребыванія въ Россіи до кончины въ Бѣлевѣ, былъ сожженъ императоромъ Николаемъ I. Хотя исчезновеніе такого цѣннаго матеріала крайне прискорбно, но этотъ пробѣлъ, къ счастію, пополненъ письмами къ матери, такъ какъ дочь писала вполнѣ откровенно и рѣдко что скрывала отъ нея. Такъ какъ дневникъ императрицы Маріи Ѳеодоровны подвергся той же участи, какъ и дневникъ ея невѣстки, т.-е. былъ сожженъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ послѣ ея кончины въ 1828 г., то является, къ сожалѣнію, незамѣнимый пробѣлъ для полнаго выясненія отношеній между обѣими императрицами. Но и этотъ пробѣлъ отчасти пополненъ сохранившимися дневниками императрицы Александры Ѳеодоровны, которые въ достаточной степени выясняютъ многое такое, что безъ нихъ также кануло бы въ вѣчность. Эти дневники находятся въ шести переплетенныхъ томахъ въ Собственной Е. Вел. библіотекѣ“ (Вел. князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна. Т. I, СПб. 1908. Стр. VII). Нѣкоторые отрывки изъ записокъ имп. Александры Ѳеодоровны напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1896 г.

Стр. 39 (8). Графъ Перовскій, Василій Алексѣевичъ (1795—1857), генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, одинъ изъ наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей Николаевскаго времени. Онъ былъ внѣбрачнымъ сыномъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго отъ М. М. Соболевской и получилъ свою фамилію отъ подмосковнаго имѣнія Разумовскихъ—Перова. По окончаніи курса Московскаго университета онъ поступилъ въ основанную Муравьевымъ школу колонновожатыхъ, которую и окончилъ въ 1811 году. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ, при чемъ подъ Бородинымъ былъ раненъ въ руку, а во время занятія Москвы французами попалъ къ нимъ въ плѣнъ, при чемъ едва не подвергся разстрѣлу

lib.pushkinskijdom.ru

въ качествѣ шпіона; при отступленіи французовъ изъ Москвы Перовскій вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными принужденъ былъ раздѣлять всѣ трудности и опасности съ отступающей французской арміей и получилъ свободу только послѣ взятія союзниками Парижа въ 1814 году. По окончаніи войны онъ былъ зачисленъ въ свиту вел. князя Николая Павловича во время его путешествія по Россіи и европейскимъ странамъ въ 1816 — 17 гг., а въ 1818 году былъ назначенъ его адъютантомъ; благодаря этому между нимъ и вел.-кимъ княземъ образовалась дружеская связь, сохранившаяся въ теченіе всей жизни

При воцареніи Николая I Перовскій, бывшій въ чинѣ полковника, получилъ званіе флигель-адъютанта; во время возмущенія 14 декабря онъ находился на площади при особѣ государя и былъ раненъ. Въ турецкую войну 1828—29 гг. онъ принималъ участіе при взятіи Анапы и при штурмѣ Варны, при чемъ снова былъ раненъ въ грудь; за послѣднее дѣло онъ получилъ орденъ Георгія 4-й степени и чинъ генералъ-майора. Полученная имъ рана сильно подорвала его здоровье, такъ что для излѣченія ему пришлось уѣхать на югъ, въ Италію. Вернувшись изъ отпуска, Перовскій былъ назначенъ директоромъ канцеляріи Морского штаба, но мирная кабинетная работа не соотвѣтствовала потребностямъ его дѣятельной натуры и потому мало удовлетворяла его. Большій просторъ для приложенія своихъ силъ и способностей открылся для Перовскаго только тогда, когда въ 1833 году онъ получилъ назначеніе въ качествѣ Оренбургскаго военнаго губернатора и командующаго отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. На этомъ посту онъ проявилъ свои незаурядныя организаторскія и административныя дарованія, въ значительной мѣрѣ ожививъ и упорядочивъ дѣла этого далекаго и заброшеннаго края, сильно страдавшаго отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Энергичными мѣрами военнаго характера и постройкой линіи укрѣпленій въ глубинѣ степи Перовскій достигъ значительныхъ результатовъ въ смыслѣ обезпеченія русскаго населенія отъ грабежей и нападеній киргизовъ и хивинцевъ. Для того, чтобы въ корнѣ пресѣчь самую возможность такихъ нападеній, Перовскій задумалъ нанести рѣшительный ударъ Хивѣ, какъ главному центру, изъ котораго исходили враждебные намъ замыслы. Однако предпринятый имъ зимою 1839 года походъ, въ силу тяжелыхъ климатическихъ условій и недостатка снаряженія, окончился неудачей и ему пришлось вернуться съ полпути, потерявъ значительную часть людей, погибшихъ отъ болѣзней и отъ

lib.pushkinskijdom.ru

холода. Помимо моральнаго значенія неудачи задуманнаго имъ предпріятія, хивинскій походъ тяжело отразился и на его физическомъ здоровьѣ, такъ какъ Перовскій нисколько не щадилъ себя и въ полной мѣрѣ раздѣлялъ со своими солдатами всѣ походныя трудности: въ результатѣ пережитыхъ испытаній у него открылась его турецкая рана, вслѣдствіе чего онъ рѣшился просить объ увольненіи его отъ должности. Въ 1842 г. Перовскій былъ уволенъ съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и уѣхалъ заграницу для поправленія своего здоровья. По возвращеніи въ Россію онъ въ1845 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1847 г.— членомъ Совѣта Адмиралтейства. Однако энергичная натура Перовскаго томилась въ условіяхъ почетной, но бездѣятельной службы, и потому уже скоро онъ началъ хлопотать о своемъ назначеніи на должность, которая бы поставила его въ непосредственное соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Въ 1851 году онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Оренбургской и Самарской губерній и, такимъ образомъ, снова вернулся въ любезный ему Оренбургъ На этотъ разъ ему пришлось вступить въ борьбу съ кокандцами, опустошавшими своими набѣгами наши предѣлы. Лѣтомъ 1853 года Перовскій взялъ штурмомъ сильную кокандскую крѣпость Акъ-Мечеть, на мѣстѣ которой былъ имъ заложенъ фортъ, получившій въ его честь названіе „Фортъ Перовскій“. Вмѣстѣ съ другими устроенными имъ укрѣпленіями этотъ фортъ послужилъ основой для Сыръ-Дарьинской укрѣпленной линіи, которая обезпечила безопасность внутреннихъ губерній отъ налетовъ кочевниковъ и, въ свою очередь, стала базой для дальнѣйшаго продвиженія русскихъ силъ вглубь Центральной Азіи. Помимо осуществленія этихъ военныхъ залачъ и предпріятій, Перовскій, немало сдѣлалъ также и для внутренняго благоустройства ввѣреннаго ему края и для поднятія благосостоянія его населенія, хотя и считалъ часто необходимымъ дѣйствовать мѣрами строгости и принужденія, въ духѣ общей Николаевской системы. Своею дѣятельностью Перовскій, однако, оставилъ по себѣ надолго благодарную память среди населенія; имя его перешло даже въ казацкія пѣсни. Возведенный имп. Александромъ II въ графское достоинство, Перовскій въ апрѣлѣ 1857 года просилъ объ увольненіи его отъ службы вслѣдствіе разстроеннаго непрерывными трудами здоровья, а 8 декабря того же года скончался въ Крыму, въ имѣніи князя Воронцова (см. статью Б. Тагѣева въ Русскомъ Біографич. словарѣ. СПб., 1902. Стр. 530—540).

lib.pushkinskijdom.ru

Человѣкъ европейски образованный, богатый разнообразнымъ житейскимъ опытомъ, тонкій наблюдатель и интересный собесѣдникъ, Перовскій былъ близокъ со многими изъ лучшихъ современныхъ литераторовъ: съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и др. Особенно тѣсная дружба соединяла его съ Жуковскимъ, съ которымъ онъ сблизился еще въ годы молодости, около 1818 года, когда Перовскій состоялъ адъютантомъ при вел. князѣ Николаѣ Павловичѣ, а Жуковскій преподавалъ русскій языкъ его супругѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; памятникомъ этой долголѣтней дружбы осталась обширная переписка. Пушкинъ познакомился съ Перовскимъ, повидимому, около этого времени, еще до своего отъѣзда на югъ въ 1820 году; возможно, что знакомство это состоялось черезъ посредство Жуковскаго; по крайней мѣрѣ единственное упоминаніе имени Перовскаго въ перепискѣ Пушкина встрѣчается именно въ письмѣ его къ Жуковскому отъ 17 августа 1825 г. (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 267). Когда осенью 1833 года Пушкинъ, собирая матеріалъ для исторіи Пугачевскаго бунта, посѣтилъ Оренбургъ, гдѣ онъ провелъ два съ половиною дня (18—20 сентября), онъ останавливался въ домѣ Перовскаго, который въ это время проживалъ на дачѣ въ окрестностяхъ города. Перовскій не только оказалъ ему гостепріимство, но также существенно помогъ ему въ дѣлѣ собиранія нужнаго ему матеріала, устроивъ ему поѣздку въ Бёрдинскую слободу, мѣстопребываніе Пугачева въ 1773 году, и поручивъ одному изъ своихъ офицеровъ собрать тамъ старожиловъ, отъ которыхъ Пушкинъ могъ бы получить свѣдѣнія по интересующимъ его вопросамъ (Д. Н. Соколовъ. Пушкинъ въ Оренбургѣ. Пушкинъ и его современники. Вып. XXIII—XXIV. Стр. 74). Уже послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга Перовскій получилъ отъ Нижегородскаго губернатора офиціальное извѣщеніе объ учрежденіи надъ Пушкинымъ негласнаго полицейскаго надзора, согласно постановленію Государственнаго Совѣта отъ 1828 года. На этой бумагѣ Перовскій помѣтилъ собственноручно (23 октября): „Отвѣчать, что сіе отношеніе получено черезъ мѣсяцъ по отбытіи г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургѣ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другаго предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій“ (*Рус. Старина*, 1883 г., кн. I, стр. 78).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 39 (9). Св. князь Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ (1787—1869), правнукъ знаменитаго любимца Петра Великаго, началъ службу въ 1805 году при Берлинской и Лондонской миссіяхъ, но затѣмъ перешелъ въ гвардейскую артиллерію, участвовалъ въ войнѣ съ турками, въ Отечественной войнѣ 1812 года и въ заграничныхъ походахъ, при чемъ былъ раненъ при взятіи Парижа. Въ 1817 г. былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и сопровождалъ государя на конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Благодаря своему злому языку, онъ имѣлъ много враговъ и прослылъ вольнодумцемъ и либераломъ, чему способствовалъ также и поданный имъ проектъ освобожденія крестьянъ. Въ концѣ царствованія Александра I онъ впалъ въ немилость и вышелъ въ отставку. Тяготясь бездѣліемъ, онъ занялся изученіемъ морского дѣла, такъ что вернувшись въ 1826 году снова на службу, уже считался въ немъ спеціалистомъ. Въ 1828—29 гг. Меншиковъ принималъ участіе въ турецкой войнѣ и за взятіе Анапы былъ произведенъ въ вице-адмиралы и награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст., а подъ Варною былъ тяжело раненъ ядромъ въ обѣ ноги. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ слѣдующемъ году Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1836 г.—управляющимъ Морскимъ министерствомъ. Въ 1853 году Меншиковъ былъ посланъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополь, но своимъ высокомѣріемъ и вызывающимъ образомъ дѣйствія совершенно испортилъ порученное ему дѣло. Результатомъ его неудачной миссіи была Крымская война, въ которой онъ и принялъ непосредственное участіе въ качествѣ главнокомандующаго дѣйствующей арміей; однако онъ не выказалъ никакихъ талантовъ полководца и послѣ ряда неудачъ былъ наконецъ уволенъ 23 февраля 1855 года „по разстроенному здоровью“.—„Безспорно человѣкъ выдающагося и тонкаго ума, большихъ способностей, разносторонне образованный и начитанный, съ громадною памятью, князь Меншиковъ отталкивалъ отъ себя людей своею черствостью и тщеславіемъ, себялюбіемъ и злоязычіемъ; его остроумныя выходки, его колкія слова могутъ составить цѣлый сборникъ анекдотовъ, но зато ему приписываютъ много такого, чего онъ и не говорилъ. Онъ не щадилъ ни друзей, ни враговъ, одинаково порицалъ порокъ и добродѣтель; сегодня осмѣивалъ то, передъ чѣмъ вчера еще преклонялся. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ, что, если смотрѣть на князя съ двухъ сторонъ, то „одному онъ будетъ казаться, что онъ насмѣхается, а другому, что онъ плачетъ“. По

lib.pushkinskijdom.ru

словамъ Дениса Давыдова, Меншиковъ „умѣлъ приспособить свой умъ ко всему, но онъ не могъ сдѣлать своего ума изъ разрушающаго созидающимъ". Враги говорили о немъ, что у него нѣтъ никакихъ убѣжденій и что онъ неспособенъ ни къ какимъ человѣческимъ чувствамъ; друзья старались увѣрить въ его мягкосердечіи, котораго онъ будто бы стыдился, въ его благотворительности, которую онъ тщательно скрывалъ, а самъ онъ увѣрялъ, что нисколько „не безпокоится о мнѣніи людей" и, прослывъ скупцомъ, „старался сохранить эту репутацію". Царедворецъ и кабинетный ученый, съ умомъ отрицательнымъ, князь А. С. Меншиковъ не могъ быть ни хорошимъ полководцемъ, ни полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ" (Вел. князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. Стр. 149—151).

Стр. 39 (11). Скобелевъ, Иванъ Никитичъ (1778—1849), генералъ и писатель, представлялъ собою незаурядную и красочную фигуру въ кругу военныхъ Николаевскаго времени. Происходя изъ однодворцевъ, будучи сыномъ солдата-сержанта, онъ не получилъ никакого образованія, даже самаго элементарнаго, и до конца дней своихъ не могъ написать ни одной фразы безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ, хотя это нисколько не помѣшало ему, съ одной стороны, достигнуть высшихъ генеральскихъ чиновъ, а съ другой—пріобрѣсти въ 30—40-хъ годахъ въ литературныхъ кругахъ извѣстность, въ качествѣ оригинальнаго писателя въ народномъ духѣ, подъ именемъ Русскаго Инвалида. Поступивъ въ 1792 году на военную службу простымъ солдатомъ, Скобелевъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ тянулъ тяжелую солдатскую лямку, но съ усердіемъ и ревностью исполнялъ свои обязанности, обратилъ на себя вниманіе начальства и въ 1804 году былъ, наконецъ, произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Съ 1807 года началась и его боевая дѣятельность, во время похода русскихъ войскъ въ Пруссію; затѣмъ въ 1808—1809 годахъ онъ участвовалъ въ Финляндскомъ походѣ, при чемъ въ одномъ сраженіи у него ядромъ оторвало два пальца правой руки и раздробило третій; кромѣ того онъ былъ сильно контуженъ въ грудь картечью. По окончаніи войны со Швеціей, Скобелевъ немедленно перевелся въ дѣйствующую южную армію и принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей, при чемъ особенно отличился при взятіи Силистріи и Шумлы. Во время Отечественной войны онъ состоялъ адъютантомъ при главнокомандующемъ Кутузовѣ, который приблизилъ его къ себѣ и между прочимъ поручалъ ему составленіе бюллетеней и ре-

lib.pushkinskijdom.ru

ляцій, при чемъ въ этомъ дѣлѣ ему помогалъ „пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ В. А. Жуковскій, съ которымъ они дружески сошлись, такъ что одно время даже жили въ одной палаткѣ. Отличившись въ битвѣ при Бородинѣ и въ бояхъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Красномъ, Скобелевъ былъ произведенъ въ полковники и въ этомъ званіи принялъ участіе въ заграничномъ походѣ 1813—1814 гг., командуя рязанскимъ полкомъ, во главѣ котораго онъ совершилъ доблестный подвигъ въ битвѣ подъ Реймсомъ, заслужившій ему орденъ Георгія 4-й степени. Также съ отличіемъ дѣйствовалъ онъ подъ Парижемъ, при чемъ при взятіи Монмартра онъ со своимъ полкомъ овладѣлъ французской батареей съ шестью орудіями. По возвращеніи на родину, Скобелевъ 1817 году былъ произведенъ въ генералъ-майоры и былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, а затѣмъ генералъ-полицеймейстеромъ первой арміи. Характерный эпизодъ въ его біографіи представляетъ собой его попытка выступить въ качествѣ поручителя за благонадежность войскъ послѣ извѣстнаго возмущенія Семеновскаго полка въ 1820 году (*Рус. Старина*, 1871 г., т. IV, стр. 667—669) Эта попытка навлекла на него неудовольствіе высшаго начальства, и чтобы вернуть себѣ его благорасположеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать свою бдительность и преданность власти, Скобелевъ не задумался выступитъ съ рядомъ политическихъ доносовъ на нѣкоторыхъ видныхъ лицъ, между прочимъ на своего начальника генералъ-губернатора А. Д. Балашова, кн. А. Н. Голицына, А. А. Закревскаго, а также на Пушкина; объ этомъ темномъ эпизодѣ въ біографіи И. Н. Скобелева см. ниже. При помощи этихъ доносовъ Скобелевъ достигъ своей цѣли и въ 1828 году былъ снова назначенъ командиромъ дивизіи. Въ 1831 году онъ принялъ участіе въ Польской кампаніи, однако участіе это было очень непродолжительно, такъ какъ вскорѣ послѣ его прибытія въ дѣйствующую армію онъ былъ тяжело раненъ непріятельскимъ ядромъ, раздробившимъ ему лѣвую руку, которую пришлось отнять (поэтому Пушкинъ и называетъ его въ своемъ дневникѣ „безрукимъ“). Оправившись отъ своей тяжелой раны, Скобелевъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ и въ 1832 году былъ назначенъ членомъ генералъ-аудиторіата. Къ этому же времени относится и начало его литературной дѣятельности, при чемъ въ дѣлѣ обработки его произведеній ему помогалъ Н. И. Гречъ, съ которымъ онъ близко сошелся. Первая его книжка, вышедшая въ свѣтъ въ 1833 году и посвященная „друзьямъ-сотрудникамъ старымъ и малымъ“, носила названіе: „Подарокъ товарищамъ,

lib.pushkinskijdom.ru

или переписка русскихъ солдатъ въ 1812 году, изданная русскимъ инвалидомъ Иваномъ Скобелевымъ"; книга эта обратила на себя вниманіе критики и публики, и ободренный этимъ успѣхомъ, Скобелевъ въ слѣдующемъ 1834 году выступилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" съ цѣлымъ рядомъ небольшихъ разсказовъ изъ солдатской жизни, подъ принятымъ имъ псевдонимомъ „Русскаго Инвалида". Въ томъ же году ему однако пришлось временно прервать свою литературную дѣятельность и переселиться въ провинцію (въ Нижній-Новгородъ), вслѣдствіе назначенія инспекторомъ резервной пѣхоты. Впрочемъ, уже въ 1839 году онъ снова вернулся въ Петербургъ, будучи назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости, въ должности какового онъ и оставался вплоть до своей смерти. Съ возвращеніемъ въ столицу возобновилась и литературная дѣятельность Скобелева. Въ томъ же году были поставлены на сценѣ Александринскаго театра его двѣ пьесы: „Кремлевъ—русскій солдатъ" и „Сцены въ Москвѣ въ 1812 году", изъ которыхъ первая имѣла значительный успѣхъ у публики и долго держалась въ репертуарѣ (А. Вольфъ: „Хроника Петербургскихъ театровъ". СПб., 1877 г., ч. I, стр. 76) Литературная дѣятельность Скобелева ввела его въ кругъ современныхъ писателей, изъ которыхъ онъ особенно сблизился съ Н. И. Гречемъ, А. Ѳ. Воейковымъ, Н. А. Полевымъ, С. Н. Глинкой и др.; посѣщалъ онъ и литературные вечера П. А. Плетнева: на одномъ изъ нихъ съ нимъ встрѣтился и И. С. Тургеневъ, слѣдующимъ образомъ характеризующій его въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Извѣстный Скобелевъ, авторъ *Кремнева*, всѣмъ тогдашнимъ Петербургскимъ жителямъ памятная фигура съ обрубленными пальцами, смышленымъ, помятымъ, морщинистымъ, прямо солдатскимъ лицомъ и солдатскими, несовсѣмъ наивными ухватками—тертый калачъ, однимъ словомъ" („Литературный вечеръ у П. А. Плетнева" въ „Собр. сочиненій", изд. 1898 г., т. XII, стр. 10).

Скобелевъ занималъ въ литературномъ кругу своеобразное положеніе, рѣзко выдѣляясь среди собратій-писателей своей чисто солдатской, простонародной физіономіей. „Втискавшись насильно въ литераторы, вопреки всѣхъ правъ, образованіемъ и воспитаніемъ предписанныхъ, я свильнулъ на чужую дорогу", писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ („Переписка и разсказы Русскаго Инвалида"; СПб., 1838, стр. 193); эти слова показываютъ, что Скобелевъ о своихъ литературныхъ способностяхъ былъ скромнаго мнѣнія, въ противоположность весьма многимъ писателямъ-самоучкамъ; нерѣдко онъ въ своихъ автобіографическихъ отступленіяхъ

lib.pushkinskijdom.ru

называетъ себя „безграмотнымъ", проситъ себѣ снисхожденія, извиняется за промахи и ошибки,—и въ этихъ оговоркахъ было бы несправедливо видѣть сознательный авторскій пріемъ, своего рода уничиженіе паче гордости. Тѣмъ не менѣе произведенія его обладали несомнѣнными достоинствами: не даромъ Бѣлинскій встрѣчалъ каждую его новую книгу сочувственнымъ отзывомъ, хотя и признавалъ, что творенія Русскаго Инвалида „не подлежатъ критикѣ въ ученомъ смыслѣ этого слова". Главными достоинствами произведеній Скобелева является ихъ простота, близость къ дѣйствительности и народность, выражающаяся прежде всего въ его живомъ и яркомъ языкѣ. Отмѣчая, что произведенія его имѣли успѣхъ не только среди интеллигентной публики и критики, но что они нравились и читателямъ изъ народа, солдатамъ, для которыхъ прежде всего были разсчитаны, біографъ Скобелева говоритъ между прочимъ: „Это и не удивительно: Скобелевъ зналъ солдата „какъ свои три пальца на послѣдней рукѣ"; самъ-солдатъ, Скобелевъ зналъ, какъ говорить со своими друзьями и на какихъ струнахъ играть. Онъ *писалъ* такъ, какъ *говорилъ*, а говорилъ онъ живымъ простонароднымъ языкомъ; его рѣчь пересыпанная блестками чисто солдатскаго юмора и остроумія, шутками, прибаутками, пословицами, чисто-солдатскими выраженіями галантерейности, передѣлками собственныхъ именъ и пр., при всемъ томъ не носитъ характера искусственной поддѣлки подъ солдатскій языкъ. Скобелевъ зналъ русское слово, которое, по его мнѣнію, было „прекрасно, пространно и богато", и зналъ тайну дѣйствовать имъ на сердце солдата, что онъ считалъ величайшимъ дѣломъ" (Кубасовъ: Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Опытъ характеристики. СПб., 1900. Стр. 26—27). Скобелевъ первый изъ русскихъ писателей, можно сказать, открылъ русскаго солдата, какимъ создала его русская исторія и бытовыя условія его жизни. Въ лицѣ своего Кремнева онъ изобразилъ идеальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ вѣрный дѣйствительности типъ русскаго солдата, изобразилъ съ глубокой любовью и сочувствіемъ. Эта любовь къ русскому солдату проникаетъ собой всѣ его произведенія, ясно просвѣчивая сквозь налетъ патріотической риторики, которой также немало въ его произведеніяхъ. И эта любовь къ солдату сказалась не только въ его литературномъ творчествѣ: она руководила имъ и въ его административной дѣятельности, какъ это видно изъ изданнаго имъ „Собранія приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ по ввѣреннымъ ему войскамъ съ 1834 по 1836 годъ" (Нижній-Новгородъ, 1836 г.), въ которыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

ярко сказывается забота его о матеріальномъ и нравственномъ благополучіи солдатъ, стремленіе защитить ихъ интересы и оградить ихъ отъ произвола начальствующихъ лицъ; по отношеніи къ солдатамъ Скобелевъ хотѣлъ быть „отцомъ-командиромъ", хотя это нисколько не мѣшало ему быть весьма требовательнымъ и даже суровымъ начальникомъ, не останавливающимся въ случаѣ необходимости передъ самыми крутыми мѣрами. Такое же сочетаніе строгости и добродушія проявлялъ Скобелевъ и въ качествѣ коменданта Петропавловской крѣпости: неуклонно поддерживая въ ней суровый режимъ, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступалъ съ ходатайствомъ о смягченіи участи несчастныхъ заключенныхъ: такъ напр., благодаря его хлопотамъ извѣстный декабристъ Батенковъ былъ переведенъ изъ Петропавловской крѣпости на поселеніе въ Сибирь.

Что касается до личности Скобелева, то графъ Корфъ слѣдующими чертами характеризуетъ его: „Скобелевъ изъ сдаточныхъ солдатъ дослужился до полнаго генерала. Одаренный бойкимъ словомъ, владѣя живымъ, хотя и малограмотнымъ перомъ, старикъ былъ человѣкъ, по самому происхожденію своему, безъ всякаго образованія, но очень оригинальный въ своихъ пріемахъ и рѣчахъ, блиставшій типическимъ русскимъ умомъ, хлѣбосолъ, что называется, добрый малый, и петербургская публика очень его любила. По тону своему и всей личности онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительныхъ натуръ, которымъ, подъ предлогомъ свойственной солдатамъ откровенности и нѣкоторой дерзости, позволяется говорить и дѣлать многое, чего не вынесли бы отъ другихъ. Прикрываясь этой суровой простотою, ему нерѣдко удавались разныя добрыя дѣла, къ чему самый постъ коменданта Петербургской крѣпости представлялъ широкое поле" (*Рус. Старина*, 1900 г. апр., стр. 28—29). Темнымъ пятномъ на памяти „Русскаго Инвалида" лежитъ его политическій доносъ на Пушкина. Вызванъ былъ этотъ доносъ, повидимому, желаніемъ Скобелева реабилитировать себя во мнѣніи начальства, послѣ своего неудачнаго выступленія въ защиту благонадежности войскъ въ связи съ волненіями въ Семеновскомъ полку. Высшее правительство взглянуло на это выступленіе стараго ветерана неблагосклонно, и Скобелевъ долженъ былъ оставить занимаемый имъ постъ генералъ-полицеймейстера I-й армии и болѣе года былъ не у дѣлъ. Вынужденное бездѣйствіе очень тяготило его, и онъ надумалъ выйти изъ создавшагося положенія при помощи такого пріема, который бы засвидѣтельствовалъ въ глазахъ правительства его политическую благонадежность и гражданскую ревность. Поводомъ къ выступленію

lib.pushkinskijdom.ru

были для него ходившія по рукамъ подъ именемъ Пушкина, но вовсе ему не принадлежавшіе, стихотворенія: *Мысль о свободѣ* и *Посланіе другу*. Въ письмѣ отъ 17 января 1824 года изъ Москвы Скобелевъ писалъ главнокомандующему I-й арміи, что „несчастіе (т.-е. отставка) не потушило въ немъ пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю-царю", и потому онъ рѣшается обратить вниманіе высшаго начальства на вредъ, могущій произойти отъ распространенія среди общества „возмутительныхъ" стихотвореній Пушкина, особенно опасныхъ для молодого поколѣнія, которое они могутъ ввести въ соблазнъ: „Не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія?... Я не имѣю у себя стиховъ сказанного вертопраха, которыя повсюду ходятъ подъ именемъ: *Мысль о свободѣ*, но судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки". Въ заключеніе Скобелевъ предлагаетъ даже принять лично противъ Пушкина самыя крутыя и суровыя мѣры: „Если-бъ сочинитель вредныхъ пасквилей (т.-е. Пушкинъ) немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда неумѣстною къ негодяямъ нѣжностью!" (*Рус. Старина*, 1871 г., т. IV, стр. 670—673). Повидимому, непосредственнаго вліянія на судьбу Пушкина, находившагося въ это время на службѣ въ Одессѣ, этотъ доносъ не имѣлъ: по крайней мѣрѣ никакихъ осязательныхъ слѣдовъ его въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нельзя замѣтить. Но два года спустя имя Пушкина снова входитъ въ кругъ служебныхъ интересовъ Скобелева, на этотъ разъ въ связи съ дѣломъ о распространеніи стиховъ Пушкина „Андрей Шенье", которымъ придали особый политическій смыслъ, найдя въ нихъ намеки на возмущеніе 14-го декабря. Дѣло это возникло въ концѣ августа 1826 года, по доносу нѣкоего коллежскаго регистратора Коноплева, которому студентъ Московскаго университета Леопольдовъ передалъ стихотвореніе Пушкина, полученное имъ отъ прапорщика Молчанова; Коноплевъ же состоялъ „по секретной части" при генералѣ Скобелевѣ. Послѣдній немедленно переправилъ доносъ ген. Бенкендорфу; такимъ образомъ черезъ Скобелева вниманіе Бенкендорфа впервые было направлено на Пушкина. Бенкендорфъ, въ свою очередь, запросилъ Скобелева: „1. Какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который

lib.pushkinskijdom.ru

въ Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ? 2. Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служитъ и гдѣ живетъ? и 3—подлинникъ ли представленъ, и не поддѣлана ли подпись?" Скобелевъ отвѣчалъ на первое: „Мне сказано, что тотъ, который писать подобные стихи имѣетъ уже запрещеніе, но отосланъ къ отцу его". На 3-й вопросъ сообщилъ, что „подлинная говорятъ прислана изъ Пѣтербурха", а списокъ сдѣланъ его сыщикомъ (Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редак. П. А. Ефремова. Томъ VII, стр. 259—260). По возникшему дѣлу Пушкину пришлось давать объясненія, и хотя онъ и не былъ на этотъ разъ вовлеченъ въ процессъ, окончившійся довольно суровыми карами для обвиняемыхъ, однако Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе котораго поступило все дѣло, постановилъ относительно Пушкина, чтобы „по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ не счетъ происшествія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 г. написаннаго, поручено было имѣть за нимъ на мѣстѣ его жительства *секретный надзоръ*"; 28 іюля 1828 года это мнѣніе Государственнаго Совѣта было утверждено императоромъ Николаемъ, и такимъ образомъ за поэтомъ было установлено негласное наблюденіе, продолжавшееся до самой его смерти. Трудно рѣшить, зналъ ли самъ Пушкинъ о существованіи этого надзора и о той роли, какую сыгралъ въ установленіи его ген. Скобелевъ; во всякомъ случаѣ имя послѣдняго, кромѣ даннаго мѣста дневника, нигдѣ болѣе Пушкинымъ не упоминается, и потому въ настоящее время невозможно рѣшить, каковы были ихъ личныя отношенія.

Стр. 39 (12). Княгиня Вяземская, Вѣра Ѳедоровна (1790—1886), урожденная княжна Гагарина, супруга поэта Петра Андреевича Вяземскаго, за котораго она вышла замужъ въ 1811 году. Она получила обычное образованіе, какое получали молодыя дѣвушки аристократическаго круга того времени, но одаренная отъ природы живымъ и свѣтлымъ умомъ, любознательностью и воспріимчивостью, она пополнила его пробѣлы разнообразнымъ чтеніемъ и постояннымъ общеніемъ съ тѣмъ кругомъ высокообразованныхъ лицъ, среди которыхъ вращался ея супругъ. Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ принадлежали къ числу ея ближайшихъ друзей. Въ Запискахъ Ф. Ф. Вигеля мы находимъ слѣдующую характеристику кн. В. Ѳ. Вяземской, относящуюся къ первымъ годамъ ея замужества: „При неистощимой веселости ея нрава никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я менѣе, чѣмъ кто другой.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ другія любятъ выказывать ее, такъ она прятала ее передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только къ нашему полу... Всѣ влюбленные казались ей смѣшны; страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были не что иное, какъ сочиненныя комедіи, которыя передъ нею разыгрывались и ее забавляли. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ умѣла привлекать къ себѣ. Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась; немного старѣе мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе. Небольшой ротъ, маленькій носъ, огненный пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ; оно въ ней казалось не наглостью, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Чистый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ ней восхищалъ, ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея" (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1892. Часть IV, стр. 124—125). Пушкинъ, который очень любилъ и уважалъ княгиню Вяземскую, называлъ ее иногда въ своихъ письмахъ „княгиней Вѣтроной", намекая именно на эту живость и веселость ея характера. Но эти свойства ея не исключали въ ней ни сердечной отзывчивости, ни способности къ глубокому чувству, ни постоянства въ исполненіи своего долга. Княгиня была примѣрной женой и матерью, умѣвшей сочетать семейныя добродѣтели съ условіями разсѣянной свѣтской жизни и свѣтскихъ отношеній. Она на нѣсколько лѣтъ пережила своего мужа и скончалась почти столѣтней старухой въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ она проживала въ теченіе многихъ лѣтъ, окруженная всеобщимъ уваженіемъ, заслуживъ отъ своихъ современниковъ прозваніе la lionne de Bade (П. И. Бартеневъ въ *Рус. Архивѣ* 1909 г. II, 303). Графъ С. Д. Шереметевъ, знавшій кн. В. Ѳ. Вяземскую уже въ годы ея старости, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ея личность: „Въ своей неизмѣнной, хотя и странствующей обстановкѣ, среди мягкихъ старомодныхъ креселъ, съ неизбѣжнымъ столикомъ для вышиванія и съ клубками шерсти, съ шитыми занавѣсами, съ опахаломъ и подушками, съ памятною всѣмъ тростью въ рукахъ и въ старомодномъ чепцѣ, который она охотно снимала среди оживленнаго разговора, полная юношескаго пыла, неподдѣль-

lib.pushkinskijdom.ru

ной веселости и остроумія, съ своею чистою, старо-московскою русскою рѣчью, съ выходками и вспышками рѣзваго и нестарѣющаго ума,—княгиня Вѣра Ѳедоровна была цѣльнымъ типомъ стараго московскаго допожарнаго общества. Она кипятилась и негодовала, въ то же время заливалась своимъ заразительнымъ хохотомъ, слѣдя за всѣмъ и живя въ постоянномъ и разнообразномъ общеніи со множествомъ лицъ; она принимала у себя запросто августѣйшихъ посѣтителей разныхъ странъ съ одинаковою непринужденностью (между прочимъ ее посѣщалъ и германскій императоръ Вильгельмъ I) и своеобразною простотою, не чуждою глубокаго знанія человѣческихъ слабостей и придворнаго быта, и всѣхъ очаровывала блескомъ своего свѣжаго, неувядаемаго ума. Любила она вспоминать о Пушкинѣ, съ которымъ была въ тѣсной дружбѣ, чуждой всякихъ церемоній, и котораго называла не иначе, какъ Alexandre Pouchkine" (Вел. князь Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т. IV, № 54).

Начало личнаго знакомства кн. В. Ѳ. Вяземской съ Пушкинымъ относится къ первой половинѣ іюня 1824 года, когда Вяземская пріѣхала въ Одессу съ двумя дѣтьми для пользованія морскими купаньями. Уже 16 іюня она сообщаетъ мужу, что видится съ Пушкинымъ каждый день (Остафьевскій Архивъ, т. V, вып. 2-й; СПб., 1913; стр. 105); съ этого времени упоминанія о Пушкинѣ встрѣчаются почти въ каждомъ письмѣ княгини, при чемъ изъ тона ея сообщеній видно, что между ними сразу установились близкія и дружескія отношенія, полныя взаимнаго довѣрія и симпатіи. 20 іюня она пишетъ кн. П. А. Вяземскому: „Ma seule société continue à être celle des Volkonsky; en fait d'hommes à nommer Pouchkin, que je commence à croire moins mauvais, qu'il n'en a l'air" (тамъ же, стр. 106); а три дня спустя она отзывается о немъ: „Quelle tête et quel cahos que sa pauvre tête! Souvent il me fait de la peine, mais plus souvent encore il me fait rire" (109). Пушкинъ посвящалъ княгиню и въ свои литературные планы и занятія; 27 іюня она сообщаетъ мужу: „Pouchkin ne veut absolument pas écrire sur la mort de Byron (Вяземскій въ письмахъ къ женѣ настойчиво поручалъ ей передать Пушкину, чтобы онъ написалъ „надгробную пѣснь Байрону",—но писать назаказъ, даже когда предложеніе исходило отъ такого близкаго человѣка, какъ Вяземскій, претило натурѣ поэта, и только въ своемъ поэтическомъ обращеніи „Къ морю" помянулъ онъ память британскаго генія, оказавшаго на него такое могущественное вліяніе); je le crois trop occupé et surtout trop épris pour s'occuper d'autre chose que de son Онѣгинъ, qui á mon avis est un second

lib.pushkinskijdom.ru

Child-Harold: un jeune homme de mauvaise vie, dont en partie le portrait et l'histoire doivent ressembler á l'auteur. Jl m'en a dit quelques fragments... Jl avait encore commencé une „Цыганка", qu'il ne veut pas achever" (стр. 112—113). Въ качествѣ старшей по возрасту, кн. Вѣра Ѳедоровна смотрѣла на Пушкина, какъ на еще не вполнѣ установившагося юношу, становилась какъ бы на точку зрѣнія заботливой матери и считала себя въ правѣ читать ему мораль по поводу его поведенія: „Je cherche à me l'adopter pour fils, mais il est désobeissant comme un page; s'il était moins laid, je lui aurais donné le nom de chérubin: véritablement il ne fait que des enfantillages, mais cela même lui cassera le col d'un jour à l'autre"... „Jl est drôle au possible. Je le gronde, comme si c'était mon fils" (стр. 115 и 119). Со своей стороны Пушкинъ, цѣня сочувственное и внимательное отношеніе къ нему кн. Вяземской, платилъ ей искренней привязанностью и полной откровенностью; въ письмѣ отъ 11 іюля княгиня пишетъ мужу: „Je donne tes lettres á Pouchkin, qui rit toujours comme un fou. Je commence à l'aimer *d'amitié*. Ne t'effraye pas. Je le crois bon, mais l'esprit aigri par les malheurs; il me témoigne de l'amitié, et j'en suis touchée... Au reste il me parle avec confiance de ses ennuis, comme de ses passions, et cela fait toujours passer le temps" (стр. 121—122). Не скрывалъ Пушкинъ также и своего тяжелаго матеріальнаго положенія (стр. 124). Столкновеніе Пушкина съ гр. Воронцовымъ, его отставка и высылка въ село Михайловское сильно встревожили кн. Вяземскую, и эта тревога за его судьбу явственно звучитъ въ ея письмахъ къ мужу, а 4 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Пушкина изъ Одессы, она сообщаетъ мужу, что съ этой же почтой посылаетъ Пушкину письмо: „J'écris à Pouchkin par la poste d'aujourd'hui et je te garde mon brouillon. Je le regrette beaucoup, j'avais placé toutes mes affections odessoises sur lui (стр. 139). „Pauvre infortuné, quelle éxistence il va trainer!"—восклицаетъ она нѣсколько дней спустя (стр. 142). Письмо кн. Вѣры Ѳедоровны не дошло до насъ, но зато сохранился черновикъ отвѣта Пушкина, въ которомъ онъ благодаритъ Вяземскую за выраженное ею сочувствіе къ его положенію: „Belle et bonne princesse Véra, amie charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre: les paroles seraient trop froides et trop faible pour vous exprimer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien de chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui qui cousume ma

lib.pushkinskijdom.ru

sotte existence" (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 137); и вслѣдъ за тѣмъ Пушкинъ сообщаетъ княгинѣ о своемъ образѣ жизни въ Михайловскомъ, о своихъ отношеніяхъ съ родными, о своихъ сосѣдяхъ, о своей работѣ надъ продолженіемъ Онѣгина. А одновременно онъ пишетъ князю П. А. Вяземскому: „По письму дяди вижу, что кн. В. Ѳ. къ тебѣ пріѣхала; ты ничѣмъ не достоинъ своей жены, развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь" (тамъ же, стр. 136). Большинство писемъ Пушкина къ кн. Вяземской написано въ тонѣ легкой шутки, свѣтскаго bavardage, что однакоже не исключаетъ серьезности отношеній и взаимнаго довѣрія, господствовавшаго между обоими корреспондентами. О степени этого довѣрія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Пушкинъ посвящалъ княгиню во многія интимныя подробности своей личной жизни; такъ, когда въ концѣ іюня 1830 года у него произошло довольно рѣзкое столкновеніе со своей будущей тещей Н. И. Гончаровой, едва не приведшее къ разрыву предполагавшейся свадьбы, Пушкинъ немедленно доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія кн. Вяземской, прося сообщить мужу и держать все въ тайнѣ отъ другихъ (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 171).

Когда Вяземскіе въ 1832 году переѣхали на жительство въ Петербургъ, домъ ихъ становится едва ли не самымъ близкимъ для Пушкина изъ числа знакомыхъ семейныхъ домовъ; Пушкинъ чувствовалъ себя въ немъ запросто, по родственному и держался въ немъ, какъ свой, домашній. Кн. Вяземская въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, записанныхъ съ ея словъ П. И. Бартеневымъ, говоритъ, что „Пушкинъ былъ у нихъ въ домѣ, какъ сынъ; иногда, не заставъ ихъ дома, онъ уляжется на большой скамейкѣ передъ каминомъ и дожидается ихъ возвращенія или возится съ молодымъ кн. Павломъ. Разъ она застала, какъ они барахтались на полу и плевали другъ въ друга" (Рус. Архивъ, 1888 г., № 7, стр. 310). Съ такимъ же характеромъ дружеской и родственной интимности рисуются отношенія Пушкина къ дому Вяземскихъ и въ воспоминаніяхъ Вяземскаго-сына (Кн. П. П. Вяземскій. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива. Москва, 1880). Въ іюлѣ 1834 года кн. Вяземская уѣхала съ больной дочерью заграницу и вернулась въ Петербургъ только въ сентябрѣ слѣдующаго года: поэтому имя ея на это время исчезаетъ со страницъ Пушкинскаго дневника.

Стр. 39 (14). Графъ Бобринскій Алексѣй Алексѣевичъ (1800—1868), извѣстный сельскій хозяинъ, насадитель въ Россіи свекло-

lib.pushkinskijdom.ru

сахарной промышленности, сынъ перваго графа Бобринскаго (Алексѣя Григорьевича) и его супруги Анны Владиміровны, урожден. баронессы Унгернъ-Штернбергъ. Онъ получилъ блестящее домашнее образованіе подъ руководствомъ своей матери; въ молодости служилъ недолгое время въ кавалеріи; по выходѣ въ отставку жилъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи Богородицкого уѣзда Тульской губ., гдѣ съ увлеченіемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, но въ 1832 году вернулся въ Петербургъ и снова поступилъ на службу по министерству Финансовъ, при графѣ Канкринѣ. Въ кругу Петербургскаго высшаго общества Николаевской эпохи Бобринскій былъ одинъ изъ немногихъ людей, съ уклономъ въ сторону широкой практической дѣятельности. Князь Вяземскій характеризуетъ его, какъ „человѣка увлеченій“, впрочемъ, всегда благородныхъ и чистыхъ. „Любознательная натура его безпрестанно требовала себѣ пищи: онъ искалъ ея вездѣ. Всякая новая мысль, открытіе, новое ученіе—политическое, финансовое, соціальное, гигіеническое возбуждало въ немъ лихорадочную дѣятельность любопытства. Ему непремѣнно нужно было вкусить отъ всякаго свѣжаго плода. Онъ съ ревностью, съ горячностью кидался въ новую, незнакомую область, старался изслѣдовать ее, проникнуть въ ея таинства. Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку: онъ хотѣлъ бы открыть ихъ нѣсколько. Въ немъ былъ избытокъ любознательности, пытливости и дѣятельности“ (Собраніе сочиненій, Т. VII, стр. 218). Отношенія Пушкина къ Бобринскому, хотя и дружескія, не выходили, повидимому, изъ границъ простого свѣтскаго знакомства; Пушкинъ посѣщалъ обѣды и вечера Бобринскаго, но особенной близости между ними не было,—можетъ быть, потому что области ихъ интересовъ мало соприкасались другъ съ другомъ. Бобринскій упоминается въ дневникѣ Пушкина въ записяхъ отъ 6 дек. 1833 г., 17 янв., 28 февр., 28 дек. 1834 и 8 января 1835 года.

Стр. 39 (14). Мятлевъ, Иванъ Петровичъ, полузабытый поэтъ 30—40-хъ годовъ, авторъ извѣстныхъ „Сенсаціи госпожи Курдюковой дан л'Этранже“ (1840). Біографическія свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. „По рожденію, богатству и сановному родству онъ принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу, въ которомъ и вращался въ теченіе всей своей жизни. Образованіе, полученное имъ дома, было вполнѣ свѣтское. Любовь къ поэзіи развилась въ немъ очень рано. Еще будучи ребенкомъ, онъ любилъ подыскивать риѳмы, а позднѣе любовь эта превратилась въ неодо-

lib.pushkinskijdom.ru

лимую страсть къ писанію стиховъ. Со вступленіемъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, онъ отказался отъ сочиненія стиховъ въ серьезномъ родѣ и обратился къ легкой сатирѣ" (Гербель. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изд. 2-е. СПб. 1880. Стр. 333). Въ 1833 г. Мятлевъ издалъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній, подъ довольно наивнымъ заглавіемъ: „Друзья уговорили"; сборникъ этотъ былъ напечатанъ въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и предназначался лишь для раздачи друзьямъ автора. Съ этого времени Мятлевъ началъ печататься и въ журналахъ („Современникъ", „Библіотека для Чтенія"). Впрочемъ, лирическія стихотворенія его въ серьезномъ духѣ очень невысоки въ художественномъ отношеніи, что однако не мѣшало имъ въ свое время пользоваться довольно широкой извѣстностью; нѣкоторыя изъ нихъ были положены на музыку и охотно распѣвались любителями: таковы, напр., романсы „Вѣтка" (музыка Варламова) и „Бывало" (музыка графа М. Ю. Віельгорскаго); начало одного изъ романсовъ Мятлева: „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы", внушило Тургеневу одно изъ наиболѣе художественныхъ и задушевныхъ „стихотвореній въ прозѣ".

Значительно удачнѣе были нѣкоторыя изъ его шуточныхъ и юмористическихъ стихотвореній: въ нихъ Мятлевъ нашелъ свой настоящій жанръ, соотвѣтствовавшій природѣ его дарованія. Въ этомъ воспитанномъ по-французски баринѣ была несомненно жилка народности, которая и сказалась въ такихъ стихахъ его, какъ извѣстные „Фонарики-сударики" и не менѣе извѣстный „Восторгъ" („Настоечка тройная, настоечка травная"), вошедшихъ во всѣ пѣсенники и пріобрѣтшихъ себѣ широкую извѣстность въ народныхъ кругахъ, особенно среди столичныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ. Среди же интеллигентнаго общества репутацію Мятлева создали его стихи, написанныя забавною смѣсью „французскаго съ нижегородскимъ", тѣмъ языкомъ, какимъ нерѣдко говорило само, такъ назыв., „образованное общество". Въ лицѣ Курдюковой, Мятлевъ создалъ чрезвычайно типичную фигуру, въ которой были удачно уловлены и воспроизведены комическія черты нашей франко-русской „образованности", характерныя не для одного только провинціальнаго дворянскаго круга, представительницей котораго является героиня „Сенсацій". Самая идея—привести степную помѣщицу, съ ея поверхностнымъ, плохо усвоеннымъ полу-просвѣщеніемъ, въ соприкосновеніе съ настоящей европейской культурой и ея дивами была весьма удачна и давала широкій просторъ для безобиднаго юмора, являв-

lib.pushkinskijdom.ru

шагося наиболѣе характерной чертой поэтическаго дарованія Мятлева. Публика живо оцѣнила добродушную насмѣшку надъ собственными слабостями, и на нѣкоторое время Мятлевъ пріобрѣлъ громкую извѣстность, въ особенности благодаря мастерству, съ которымъ онъ самъ читалъ свои стихи въ петербургскихъ салонахъ. На его чтеніе приглашали, какъ на вечера съ артистами или пѣвцами, и добродушный Мятлевъ, несмотря на свой чинъ и придворное званіе (онъ былъ дѣйств. стат. совѣтникомъ и камергеромъ) охотно игралъ роль свѣтскаго забавника. О мастерскомъ чтеніи имъ своихъ стиховъ сообщалъ, напр., Баратынскій въ письмѣ къ своей женѣ (Сочиненія Е. А. Баратынскаго. Казань, 1884. Стр. 510). О немъ же писалъ Сенковскій въ своемъ отзывѣ-некрологѣ, посвященномъ Мятлеву: „Мятлевъ не былъ поэтомъ: онъ не сочинялъ стиховъ, — онъ импровизировалъ ихъ, смѣялся стихами, шутилъ риѳмой, не заботясь вовсе объ изысканной отдѣлкѣ и презирая напыщенное краснорѣчіе стихотворцевъ. Мятлевъ избралъ даже особенный родъ чтенія своихъ стиховъ, удивительно пріятный, почти неподражаемый; онъ не читалъ ихъ, не декламировалъ, не надувался; онъ просто говорилъ свои стихи и всегда говорилъ наизусть, безъ-заботно разсказывалъ въ стихахъ, бесѣдовалъ стихами; вамъ казалось, будто вы слышите мадамъ Курдюкову въ натурѣ, будто вы сами разговариваете съ нею, находитесь въ русскомъ обществѣ, увлекаетесь его страннымъ говоромъ. Онъ говорилъ этими стихами по цѣлымъ часамъ, и вы никогда не утомлялись ими, въ такой степени представляли они вѣрный и, слѣдовательно, весьма искусный сколокъ *тону*, пріемовъ, способовъ выраженія и понятій нашего образованнаго общества, нашего „свѣта“. Когда Мятлевъ кончалъ, вамъ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ“ („Библіотека для Чтенія“, 1844 г., т. 64, стр. 2—3). Бѣлинскій, правда, отнесся къ „Курдюковой“ весьма сдержанно и холодно: легкій и безобидный юморъ Мятлева, его смѣхъ ради смѣха совершенно не находили себѣ отвѣта въ его глубоко-серьезной натурѣ, натурѣ искателя и бойца; зато Лермонтовъ посвятилъ Мятлеву остроумное стихотвореніе, въ которомъ онъ привѣтствуетъ „мадамъ де-Курдюковъ“, противопоставляя ее „морознымъ“ (конечно, отъ французскаго — morose) петербургскимъ свѣтскимъ дамамъ; и въ другомъ, полу-шутливомъ, полу-серьезномъ стихотвореніи, посвященномъ С. Н. Карамзиной, вспоминаетъ онъ съ сочувствіемъ „Ишки Мятлева стихи“.

Но кромѣ стиховъ въ Курдюковскомъ духѣ, Мятлевъ славился такъ же, какъ авторъ пьесъ весьма фривольнаго тона и содержанія,

lib.pushkinskijdom.ru

которыя онъ самъ остроумно называлъ poésies maternelles". Приглашая на обѣдъ Пушкина, Мятлевъ пишетъ ему (18 мая 1834 г.), что онъ предложитъ его вниманію „un torrent de nouvelles maternités et gaillardises", разсчитывая на его дружескіе совѣты „en qualité de ma blanchisseuse". Къ этому же времени относится и записка кн. П. А. Вяземскаго къ Пушкину, также съ приглашеніемъ на обѣдъ къ Мятлеву и также съ упоминаніемъ о предстоящемъ чтеніи стиховъ „на матерный манеръ" (Переписка А. С. Пушкина, т. III, стр. 118—119). Эта своеобразная „поэзія", традиціи которой восходятъ ко временамъ Баркова и кн. Д. П. Горчакова, нашла себѣ въ 30-хъ годахъ такихъ талантливыхъ продолжателей, какъ Н. Д. Нѣловъ (см. статью М. О. Гершензона въ „Рус. Пропилеяхъ", т. II); ей отдали дань и поэты Пушкинскаго кружка, какъ Соболевскій и кн. Вяземскій; не остался ей чуждъ и самъ Пушкинъ (см. его стихотворныя шутки въ VI томѣ Венгеровскаго изданія, стр. 195). Возможно, что отмѣтка Пушкина въ его дневникѣ: „Мятлевъ читалъ уморительные стихи" относится именно къ такого рода произведеніям; изъ числа „презрѣвшихъ печать".

Какъ человѣкъ, Мятлевъ наиболѣе полно обрисованъ въ воспоминаніяхъ гр. М. А. Корфа, хотя не безъ свойственной Корфу вообще затаенной недоброжелательности. „Въ цѣломъ Петербургѣ не было человѣка болѣе lebensfroh и lebenslustig, до такой степени, что не проходило ни одного бала, даже дѣтскаго, на которомъ Мятлевъ, несмотря на свои 48 лѣтъ, не плясалъ бы до упаду, наравнѣ съ самыми молодыми людьми. Карьеры его, литературная и свѣтская, были совершенно своеобразныя, и въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ лицо типическое, котораго лѣтописецъ общественной жизни въ царствованіе императора Николая I не можетъ пропустить въ своей галлереѣ. Въ литературномъ отношеніи славѣ его, какъ и тогда можно было предвидѣть, не было суждено долговѣчности. Всѣ его произведенія имѣли нѣкоторое достоинство только тогда, когда онъ самъ ихъ читалъ, а на это Мятлевъ былъ и мастеръ и охотникъ. Въ обществѣ онъ умѣлъ поставить себя въ исключительное положеніе. Обладая огромнымъ состояніемъ, живя уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ (на службѣ онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ), онъ окружилъ себя ореоломъ „свѣтскаго поэта" и остряка, которому, ради поэтическаго вдохновенія или остраго слова, прощалось многое, что́ не сошло бы съ рукъ простому смертному. Мятлевъ и въ свѣтѣ, и при дворѣ, наконецъ и съ самимъ государемъ разыгрывалъ, въ облагороженномъ родѣ, роль

lib.pushkinskijdom.ru

старинныхъ нашихъ шутовъ, надъ которыми, когда они говорили правду, даже иногда и самую колючую, только смѣялись. Гоняясь безпрестанно за остротами, онъ, разумѣется, временами и находилъ ихъ, хотя часто выдавалъ за импровизацію придуманное имъ на досугѣ, въ своемъ кабинетѣ, хотя каламбуры и насмѣшки его выходили почти всегда грязными и нерѣдко площадными. Не довольствуясь изустнымъ высказываніемъ разныхъ злобныхъ діатрибъ на счетъ современныхъ событій и лицъ, даже и вообще администраціи, онъ часто клалъ ихъ на бумагу, все въ томъ же тонѣ простодушной и „паяснической“ насмѣшки. Эти эпиграммы, грѣшившія однако всегда растянутостью, читались имъ безстрашно въ самыхъ многолюдныхъ салонахъ и почти даже въ переднихъ, потому что онъ былъ очень неразборчивъ въ качествѣ слушателей, лишь бы имѣть ихъ. Потомъ онѣ переписывались во множествѣ экземпляровъ, разлетавшихся и далѣе Петербурга. Въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ нѣчто въ родѣ римскихъ Марфурія или Пасквина, съ тою, однако, разностью, что нашъ Ишка былъ не статуею, а очень живымъ человѣкомъ и все-таки осторожнѣе своихъ римскихъ оригиналовъ, потому что до особы государя, напримѣръ, никогда не касался и вообще въ стихахъ своихъ не называлъ по именамъ никого изъ лицъ, выводимыхъ имъ на сцену. Въ этомъ собственно отношеніи, т.-е. какъ острый и колкій эпиграмматистъ всей современности, Мятлевъ оставилъ большой пробѣлъ въ высшемъ нашемъ обществѣ, котораго онъ былъ необходимымъ звеномъ, нѣсколько оживлявшимъ прозаическое его однообразіе“ („Изъ записокъ графа М. А. Корфа“. „Рус. Старина“, 1899 г., ноябрь, стр. 292—293).

Личныя отношенія Пушкина и Мятлева были самыя дружескія, судя по тону немногихъ сохранившихся писемъ послѣдняго къ Пушкину, однако интимной близости между ними, повидимому, не было. Письма эти относятся къ 1832—34 годамъ и довольно незначительны по содержанію. Уже въ первомъ письмѣ Мятлевъ обращается къ своему корреспонденту на *ты*: въ ней идетъ рѣчь о покупкѣ колоссальной бронзовой статуи имп. Екатерины II, принадлежавшей Гончаровымъ; Пушкинъ, очевидно, предлагалъ ее Мятлеву, какъ весьма богатому человѣку, но Мятлевъ отъ покупки уклонился (Переписка, т. II, стр. 378). Знакомство съ Мятлевымъ оставило и нѣкоторый литературный слѣдъ въ творчествѣ Пушкина: въ шуточномъ посланіи кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому отъ 26 марта 1833 года заграницу („Надо помянуть... трехъ Матренъ, да Луку съ Петромъ“), какъ показываетъ сохранившійся автографъ, Пушкину

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежитъ 26 стиховъ („Господина Шафонскаго...“ и т. д.); самая идея этого курьезнаго „поминанія“ внушена, повидимому, аналогичными стихами въ народномъ духѣ Мятлева, котораго Вяземскій называетъ по этому поводу „notre chef d'école“ (Кн. П. П. Вяземскій. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива. Москва, 1880. Стр. 55).

Стр. 39 (19). Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ (1783—1844), шефъ жандармовъ, командующій Имп. Главною Квартирой и главный начальникъ III Отдѣленія Соб. Е. Вел. канцеляріи. Въ 1798 году, не имѣя еще 15-ти лѣтъ отъ роду, Бенкендорфъ поступилъ на военную службу въ Семеновскій полкъ и участвовалъ во всѣхъ многочисленныхъ войнахъ, которыя Россія вела въ началѣ XIX стол. Во время Отечественной войны 1812 года онъ былъ уже генералъ-майоромъ, командуя съ отличіемъ различными кавалерійскими частями. Особенно онъ выдвинулся во время заграничныхъ походовъ 1813—14 гг., выказавъ большую энергію и предпріимчивость въ военныхъ операціяхъ большого масштаба. Въ 1819 г. Бенкендорфъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба гвардейскаго корпуса и пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Однако при имп. Александрѣ онъ не игралъ крупной государственной роли и выдвинулся въ первые ряды сановниковъ только послѣ воцаренія Николая Павловича. Главной причиной его возвышенія была его записка о тайныхъ обществахъ, которую онъ подалъ имп. Александру еще въ 1821 году, и которую тотъ оставилъ безъ послѣдствій; эта записка, найденная послѣ смерти Александра въ его кабинетѣ, обратила на Бенкендорфа вниманіе новаго государя, который поставилъ (25 іюля 1826 г.) его во главѣ III-го Отдѣленія, долженствовавшаго завѣдывать высшей полиціей имперіи (Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый. Т. IV-й, стр. 471). Съ этого времени Бенкендорфъ становится однимъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ имп. Николая, сопровождаетъ его во всѣхъ путешествіяхъ, участвуетъ въ различныхъ совѣщаніяхъ по государственнымъ вопросамъ, оказываетъ вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Рядомъ съ этимъ идутъ высшія служебныя награды: въ 1829 г. онъ становится членомъ Государ. Совѣта, въ 1832 г. возводится въ графское Россійской имперіи достоинство, въ 1834 г. получаетъ орденъ Андрея Первозваннаго. Только въ концѣ 30-хъ годовъ его личное положеніе при дворѣ нѣсколько пошатнулось, что̀ не помѣшало однако ему сохранить за собою свои званія и должности. Въ 1844 г. онъ

lib.pushkinskijdom.ru

уѣхалъ заграницу для лѣченія своего разстроеннаго здоровья и при возвращеніи неожиданно скончался. Бенкендорфъ оставилъ послѣ себя записки, часть которыхъ была опубликована Н. К. Шильдеромъ, въ приложеніи къ его книгѣ: „Императоръ Николай Первый“ (СПб., 1903. Т. II, стр. 647—764).

Графъ М. А. Корфъ въ своихъ Запискахъ слѣдующимъ образомъ характеризируетъ личность Бенкендорфа: „Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представляютъ Бенкендорфа (въ газетныхъ некрологахъ), онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось немало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою,—наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ Комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я не единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, на которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое то изъ внесенныхъ имъ представленій... Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его... Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія и высшихъ взглядовъ. Словомъ, это былъ человѣкъ болѣе отрицательно добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ *онъ*, съ парализовавшею его апатіею, *а не другой кто*, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться. Имя его, правда, стояло всегда во главѣ промышленныхъ и спекулятивныхъ предпріятій той эпохи: онъ былъ

lib.pushkinskijdom.ru

директоромъ всевозможныхъ акціонерныхъ компаній и учредителемъ многихъ изъ нихъ; но все это дѣлалось отъ того, что всѣ спекуляторы, всѣ общества сами обращались къ графу для пріобрѣтенія себѣ въ немъ сильнаго покровителя. Въ жизни своей онъ много разъ значительно обогащался, потомъ опять расточалъ все пріобрѣтенное и, при концѣ дней, оставилъ дѣла свои въ самомъ жалкомъ положеніи" (Рус. Старина, 1899, дек., стр. 486—7). Интересно отмѣтить, что эта характеристика Бенкендорфа, основанная на многолѣтнемъ знакомствѣ и наблюденіи, въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ отзывомъ о немъ Герцена: „Можетъ Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все—я готовъ этому вѣрить, особенно, вспоминая прѣсное выраженіе его лица—но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него недоставало энергіи, воли, сердца... Сколько невинныхъ жертвъ прошло его руками, сколько погибло отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого что онъ занятъ былъ волокитствомъ..." (Сочиненія А. И. Герцена. Genève, 1879. Т. VII, стр. 178).

Къ числу этихъ „невинныхъ жертвъ" Бенкендорфа принадлежитъ, несомнѣнно, и Пушкинъ. Въ жизни нашего поэта Бенкендорфъ сыгралъ трагическую, роковую роль: онъ отравилъ его существованіе своей подозрительностью, мелкими придирками и прямыми оскорбленіями, тѣмъ болѣе тяжелыми, что они всегда были облечены въ отмѣнно вѣжливую форму. Certainement c'est le monde qui l'a assassiné",—писалъ про Пушкина кн. Вяземскій послѣ его преждевременной смерти (*Рус. Архивъ*, 1888, № 7 стр. 296). Но наряду съ недоброжелательствомъ „свѣта", несомнѣнно, значительная доля вины въ гибели Пушкина падаетъ на Бенкендорфа и усвоенную этимъ послѣднимъ по отношенію къ поэту систему подозрительной и унизительной опеки. Бенкендорфъ, человѣкъ мало образованный и совершенно равнодушный къ литературѣ, повидимому, вовсе не понималъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, не понималъ значенія Пушкина, какъ писателя, и видѣлъ въ немъ только безпокойнаго и самолюбиваго человѣка, друга декабристовъ, вольнодумца и опаснаго либерала, нуждавшагося въ строгомъ и бдительномъ надзорѣ. Самая популярность поэта въ русскомъ обществѣ, особенно среди молодежи, должна была возбуждать въ шефѣ жандармовъ ревнивую подозрительность: такъ, напр., этимъ страхомъ передъ популярностью Пушкина, конечно, объясняются тѣ чрезвычайныя мѣры охраны, которыя были приняты Бенкендорфомъ при похоронахъ

lib.pushkinskijdom.ru

поэта и которые вызвали такое негодованіе у его ближайшихъ друзей, Жуковскаго, Вяземскаго и др. (см., напр., по этому поводу обширное письмо Вяземскаго къ вел. кн. Михаилу Павловичу: *Рус. Старина*, 1879 г., № 3, стр. 383 и сл.). Съ другой стороны, иногда Пушкинъ казался, просто ничтожнымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ, „шелопаемъ" (mauvais garnement), какъ онъ выразился о немъ однажды въ запискѣ Николаю I (*Старина и Новизна*, кн. VI, стр. 6); впрочемъ, такого взгляда на Пушкина придерживались и нѣкоторые другіе служащіе III Отдѣленія; такъ, въ докладной запискѣ Бенкендорфу по поводу отъѣзда Пушкина на Кавказъ, принадлежащей, повидимому, перу А. Н. Мордвинова, говорится между прочимъ: „господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи... Laissez le courir le monde, chercher des filles, des inspirations poétiques et— du jeu" (Сочиненія Пушкина, подъ редак. П. А. Ефремова. СПб. 1903. Т. VII, стр. 317).

Личныя отношенія Пушкина къ Бенкендорфу начались въ сентябрѣ 1826 года, вскорѣ послѣ представленія перваго государю. Первое официальное письмо Бенкендорфа къ Пушкину относится къ 30 сентября: въ немъ шефъ жандармовъ сообщаетъ ему о состоявшемся высочайшемъ разрѣшеніи ему въѣзда въ столицу и о томъ, что отнынѣ самъ государь беретъ на себя по отношенію къ Пушкину роль цензора и что Пушкинъ можетъ представлять ему свои рукописи черезъ посредство Бенкендорфа. Такимъ образомъ, Бенкендорфъ выступалъ какъ-бы посредникомъ между царемъ и поэтомъ, но послѣдній уже въ скорости могъ убѣдиться въ томъ, что Бенкендорфъ вовсе не думалъ ограничиться скромной ролью посредника, а бралъ на себя обязанности надзора за поведеніемъ Пушкина и считалъ себя въ правѣ дѣлать ему по этому поводу соотвѣтственныя замѣчанія и внушенія. Уже 27 ноября того же года Бенкендорфъ дѣлаетъ Пушкину формальный выговоръ за то, что тотъ читалъ только что написанную имъ трагедію „Борисъ Годуновъ" въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, не испрося на это сперва соотвѣтствующаго разрѣшенія. Этими двумя письмами начинается обширная переписка Пушкина съ шефомъ жандармовъ; изъ нея до сихъ поръ опубликовано 55 писемъ Пушкина и 37 писемъ Бенкендорфа, но, повидимому, не всѣ письма дошли до насъ, судя по тому, что нѣкоторыя сохранились лишь въ черновой формѣ; кромѣ того очень часто Бенкендорфъ поручалъ писать за себя правителю

lib.pushkinskijdom.ru

своей канцеляріи А. Н. Мордвинову. Значительная часть этой обширной переписки была связана съ литературной дѣятельностью Пушкина, такъ какъ черезъ Бенкендорфа онъ представлялъ на высочайшую цензуру свои новыя произведенія и черезъ него-же получалъ разрѣшеніе на печатаніе ихъ или же, наоборотъ, сообщеніе о состоявшемся воспрещеніи. Насколько ревниво относился онъ къ своему праву контроля надъ творчествомъ Пушкина, видно изъ того, что, когда Пушкинъ напечаталъ въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ 1832 г. (конечно, съ разрѣшенія общей цензуры) свое стихотвореніе *Анчаръ*, Бенкендорфъ немедленно запросилъ его, на какомъ основаніи онъ не представилъ его ранѣе на высочайшее воззрѣніе (Переписка, II, 368). Но помимо этихъ литературныхъ вопросовъ, переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ затрогивала самыя разнообразныя обстоятельства личной и семейной жизни поэта, его отношенія къ тѣмъ или другимъ лицамъ, его матеріальное положеніе: если Пушкинъ куда-либо уѣзжалъ, онъ обязанъ былъ извѣстить объ этомъ шефа жандармовъ, и если онъ этого не дѣлалъ, то Бенкендорфъ безцеремонно упрекалъ его въ томъ, что онъ нарушилъ данное слово (Ibid., стр. 96, 121); къ Бенкендорфу приходилось обращаться Пушкину при устройствѣ своего служебнаго положенія, черезъ него же испрашивалъ онъ себѣ ссуды и вспомоществованія отъ правительства (напр., на напечатаніе Исторіи Пугачевскаго бунта); наконецъ, Пушкину приходилось посвящать всемогущаго шефа жандармовъ даже въ интимныя обстоятельства своихъ семейныхъ отношеній (Ibid. III, стр. 416). Конечно, все это чрезвычайно болѣзненно дѣйствовало на Пушкина; сильно развитое въ немъ чувство своего достоинства заставляло его страдать отъ сознанія своей зависимости отъ начальственнаго усмотрѣнія, но у него не хватало ни силъ, ни настойчивости, чтобы разомъ порвать всѣ узы, связывавшіе его съ Петербургомъ, со „свѣтомъ“ и со дворомъ, и такимъ образомъ выйти наконецъ изъ того ложнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Подробный обзоръ исторіи отношеній Пушкина съ Бенкендорфомъ см. въ книгѣ М. К. Лемке: „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.“ Изд. 2-е. СПб., 1907. Стр. 468—526).

Стр. 39 (22—30). „Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ...“ Пушкинъ написалъ эту поэму во время своего пребыванія въ Болдинѣ осенью 1833 года: первые наброски ея помѣчены 6 октября, а подъ первымъ спискомъ всей поэмы стоитъ — „30 октября“ (см.

lib.pushkinskijdom.ru

статью В. Я. Брюсова въ Собр. сочин. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 466). По возвращеніи Пушкина въ Петербургъ въ концѣ ноября 1833 г., поэма была переписана и представлена черезъ Бенкендорфа на разсмотрѣніе государя; повидимому, къ ней относится указаніе въ письмѣ графу Бенкендорфу отъ 6 декабря: „Осмѣливаюсь препроводить Вашему Сіятельству стихотвореніе, которое желалъ бы я напечатать."; интересно отмѣтить, что въ отвѣтномъ письмѣ Бенкендорфъ ни словомъ не упоминается о запрещеніи, хотя оно и заключаетъ въ себѣ отвѣты на другіе вопросы Пушкина (Переписка, III, стр. 65, 67); Бенкендорфъ почему то ограничился словеснымъ сообщеніемъ, для выслушанія котораго онъ и пригласилъ къ себѣ Пушкина 11-го декабря. Пушкинъ былъ очень огорченъ запрещеніемъ Мѣднаго Всадника, такъ какъ въ это время онъ какъ разъ велъ переговоры со Смирдинымъ объ изданіи своихъ новыхъ произведеній, въ которое должна была войти и эта поэма. Въ письмѣ къ П. В. Нащокину, относящемуся къ первой половинѣ декабря, онъ пишетъ по этому поводу: „Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя; я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго всадника Цензура не пропустила—Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг., то мнѣ придется ѣхать въ деревню—Все это очень непріятно" (тамъ же, стр. 68). Пушкинъ, повидимому, первоначально думалъ внести въ свою поэму нѣкоторыя измѣненія, чтобы сдѣлать ее пріемлемою въ цензурномъ отношеніи, и сдѣлалъ нѣсколько поправокъ въ отмѣченныхъ цензурою мѣстахъ, но затѣмъ оставилъ это намѣреніе, очевидно, предпочтя вовсе отказаться отъ печатанія своей поэмы (В. Я. Брюсовъ, указ. статья, стр. 471—2). При жизни Пушкина былъ напечатанъ только небольшой отрывокъ изъ вступленія, подъ названіемъ: „Петербургъ" въ Библ. для чтенія, 1834 г., т. VII, а вся поэма явилась въ печати только послѣ его смерти, въ „Современникѣ" 1837 г., т. 5, съ пропусками и передѣлками Жуковскаго.

Стр. 39 (31). Князь Кочубей, Викторъ Павловичъ (1768—1834), министръ внутреннихъ дѣлъ въ царствованіе Александра I и предсѣдатель Государственнаго Совѣта при Николаѣ I, племянникъ знаменитаго дипломата Екатерининскаго времени кн. А. А. Безбородко, который много содѣйствовалъ его первымъ успѣхамъ на служебномъ поприщѣ. Посвятивъ себя съ молодости дипломатической службѣ, Кочубей по долгу жилъ заграницей, въ Стокгольмѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

Парижѣ и Лондонѣ; это пребываніе въ наиболѣе образованныхъ странахъ Западной Европы наложило на него извѣстный отпечатокъ культурности, о которомъ говоритъ и Пушкинъ, замѣчая, что онъ былъ человѣкъ „хорошо воспитанный“ (см. запись дневника отъ 19 іюня 1834 г., стр. 60). Въ концѣ царствованія Екатерины II въ 1792 году молодой Кочубей былъ назначенъ полномочнымъ посланникомъ въ Константинополѣ; при Павлѣ I въ 1798 г. онъ получилъ званіе вице-канцлера и былъ возведенъ въ графское достоинство (въ 1799 г.). Однако и онъ не избѣжалъ неудовольствія и опалы своенравнаго властителя, который составилъ себѣ планъ женить его на своей фавориткѣ кн. А. П. Лопухиной; желая избѣгнуть этой чести, Кучубей поспѣшилъ вступить въ бракъ съ М. В. Васильчиковой; вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ немедленно уѣхать изъ Петербурга, а затѣмъ и вовсе изъ Россіи, поселившись въ Дрезденѣ, гдѣ онъ и прожилъ до вступленія на престолъ имп. Александра I (А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. V. СПб. 1894. Стр. 13).

Связанный съ молодымъ государемъ давними дружескими отношеніми, Кочубей, вернувшись въ Россію, принялъ участіе, вмѣстѣ съ Н. Н. Новосильцевымъ, гр. П. А. Строгановымъ и кн. А. А. Чарторижскимъ, въ засѣданіяхъ того негласнаго комитета, который долженъ былъ выработать проектъ преобразованія всего государственнаго управленія и котораго самъ императоръ называлъ въ шутку Comité du salut public. Впрочемъ, Кочубей, со своей обычной осторожностью, держался нѣсколько особнякомъ отъ остальныхъ членовъ, что̀ однако не помѣшало ему сохранять наилучшія отношенія съ государемъ. При учрежденіи министерствъ въ 1802 году, онъ былъ назначенъ первымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ этой должности ему пришлось заняться организаціей новаго учрежденія, при чемъ ближайшимъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ сталъ М. М. Сперанскій, государственныя дарованія котораго Кочубей сумѣлъ вѣрно оцѣнить и которому онъ далъ возможность выдвинуться по службѣ. Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя различныхъ комиссій, Кочубей развилъ довольно широкую дѣятельность; но уже въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку въ виду того, что разошелся съ государемъ во взглядахъ на общее направленіе русской политики: Кочубей былъ англофилъ и потому относился несочувственно къ сближенію съ Франціей, явившемуся результатомъ Тильзитскаго мира. Однако черезъ два года, когда дружба съ Наполеономъ вновь поколебалась, Кочубей снова вернулся на службу

lib.pushkinskijdom.ru

и 1 января 1810 года, при самомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта, былъ назначенъ его членомъ; въ качествѣ такового онъ принялъ участіе въ обсужденіи выдвинутаго Сперанскимъ плана преобразованія Сената, поддерживая его своимъ авторитетомъ. Въ эпоху Отечественной войны Кочубей состоялъ въ свитѣ государя и участвовалъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ веденіемъ войны,—напр., вопроса о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ; онъ сопровождалъ имп. Александра и во время заграничныхъ походовъ. Въ 1816 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента общихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, а въ 1819 году—управляющимъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Министерствомъ полиціи; эти должности онъ занималъ до 1823 г., когда онъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе своего нежеланія окончательно обезличиться передъ всесильнымъ Аракчеевымъ, забравшимъ въ свои руки всѣ дѣла имперіи.

Съ воцареніемъ Николая I Кочубей снова вернулся къ государственной дѣятельности. Когда въ концѣ 1826 года былъ учрежденъ такъ называемый секретный „комитетъ 6-го декабря", Кочубей былъ назначенъ его предсѣдателемъ; задачей этого комитета было разсмотрѣніе проектовъ различныхъ административныхъ реформъ, между прочимъ и тѣхъ, которые были выставлены декабристами въ ихъ показаніяхъ, данныхъ Слѣдственной комиссіи; въ работѣ этого комитета принялъ участіе между прочимъ и Сперанскій; однако особенно существенныхъ результатовъ работа комитета не дала, хотя и отразилась въ рядѣ законодательныхъ актовъ первыхъ годовъ Николаевскаго царствованія (М. Поліевктовъ. Николай I. М. 1918. Стр. 85—86). 29 апрѣля 1827 г. Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, а въ слѣдующемъ году онъ былъ поставленъ во главѣ Верховной комиссіи, учрежденной по случаю отъѣзда государя въ дѣйствующую армію. 6 декабря 1831 г. онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, а 22 апрѣля 1834 г., въ день совершеннолѣтія наслѣдника, пожалованъ званіемъ канцлера внутреннихъ дѣлъ: объ этомъ пожалованіи упоминаетъ и Пушкинъ въ своей замѣткѣ по поводу праздника совершеннолѣтія. Вскорѣ послѣ этого Кочубей скончался (3 іюня) въ Москвѣ, гдѣ онъ находился по пути въ свое имѣніе; о смерти его и о произведенномъ ею впечатлѣніи Пушкинъ упоминаетъ въ дневникѣ въ записи отъ 19 іюня.

Не принадлежа къ числу крупныхъ государственныхъ дѣятелей, Кочубей тѣмъ не менѣе является однимъ изъ наиболѣе вид-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ администраторовъ эпохи Александра I и Николая I. Человѣкъ несомнѣнно, образованный и умный, онъ ясно видѣлъ тѣ недостатки, отъ которыхъ страдала современная русская жизнь; такъ напр., онъ считалъ крѣпостное право явленіемъ ненормальнымъ и недопустимымъ въ культурномъ государствѣ и поэтому сочувствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ, что видно изъ его писемъ къ Сперанскому и изъ оставшихся въ его бумагахъ проектовъ и соображеній (см. статью Н. Д. Чечулина въ Русскомъ Біографич. Словарѣ. СПб. 1903; стр. 380); однако у него не было достаточно рѣшимости и энергіи для проведенія этой идеи въ жизнь и для борьбы во имя ея осуществленія. Будучи по натурѣ человѣкомъ осторожнымъ и уступчивымъ, Кочубей всегда былъ болѣе склоненъ къ компромиссу, чѣмъ къ прямолинейному отстаиванію своихъ взглядовъ и позицій. Эту осторожность проявлялъ онъ еще въ молодые годы, когда онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ интимнаго кружка, группировавшагося вокругъ Александра I. „Будучи всегда и вездѣ себѣ на умѣ, Кочубей замѣтно избѣгалъ брать на себя какія-либо рѣшенія, предпочитая вносить дѣла на обсужденіе негласнаго комитета“ (Вел. кн. Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. СПб. 1912. Т. I, стр. 28). Тѣмъ не менѣе въ глазахъ наиболѣе реакціонно настроенныхъ представителей современнаго общества Кочубей до конца жизни сохранилъ репутацію либерала, человѣка опаснаго для существующаго строя; такъ сенаторъ П. Г. Дивовъ въ своемъ дневникѣ даетъ ему слѣдующую характеристику, относящуюся къ послѣднимъ годамъ его жизни: „Предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Кочубей опытенъ въ дѣлахъ, но не пользуется особымъ довѣріемъ монарха. Проникнутый либеральными идеями, онъ былъ ихъ главнымъ сторонникомъ, какъ въ предшествующее, такъ и въ настоящее царствованіе. По его иниціативѣ измѣнили весь прежній государственный строй, были уничтожены коллегіи и созданы министерства, которыя ему удалось отстоять неприкосновенными при восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора, когда шла рѣчь о возстановленіи коллегій“ (Изъ дневника П. Г. Дивова. *Рус. Старина*, 1899 г.; дек., стр. 541). Осторожность и уклончивость, составлявшія, повидимому, основныя черты характера Кочубея вмѣстѣ съ присущимъ ему умѣньемъ ладить съ людьми, съ тѣмъ esprit éminemment conciliant, о которомъ говоритъ и Пушкинъ въ своей записи отъ 19 іюня, — болѣе всего способствовали его служебнымъ успѣхамъ, его неуклонному и безостановочному воз-

lib.pushkinskijdom.ru

вышенію вплоть до высшихъ ступеней бюрократической лѣстницы. Онъ обладалъ способностью уживаться съ лицами самыхъ разнообразныхъ характеровъ, понятій, стремленій и вкусовъ; такъ, пользуясь благоволѣніемъ императрицы Екатерины, онъ въ то же время сумѣлъ установить наилучшія отношенія и съ Гатчинскимъ дворомъ и пріобрѣсти расположеніе цесаревича Павла; что же касается до вел. князя Александра, то Кочубей сумѣлъ настолько снискать его довѣріе, что, когда онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь, Александръ въ своихъ письмахъ къ нему съ полной откровенностью посвящалъ его въ свои интимныя дѣла, касавшіяся между прочимъ и его семейныхъ отношеній. Сдержанность и уклончивость Кочубея, часто выражавшіяся въ непослѣдовательности и непостоянствѣ его словъ и дѣйствій, были хорошо извѣстны современникамъ; когда въ 1819 году Кочубей былъ вторично назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то это назначеніе породило въ Петербургскомъ обществѣ различные толки, нашедшіе себѣ отраженіе между прочимъ и въ донесеніяхъ агентовъ тайной полиціи, которымъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ; одинъ изъ этихъ агентовъ слѣдующимъ образомъ передаетъ въ своемъ докладѣ городскіе толки о новомъ министрѣ: „Есть ли многіе считаютъ графа Кочубея отличнѣйшимъ изъ государственныхъ мужей и способнѣйшимъ къ исправленію значительнѣйшихъ обязанностей правительства, то другіе, однакоже, открываютъ въ немъ слабости уважительныя (?), какъ-то: непостоянство въ правилахъ, страсть къ новостямъ, безпрерывную перемѣнчивость въ системахъ: Нѣтъ великой націи, коея кафтана онъ бы не носилъ, исключая русскаго,—отзывался о немъ весьма знатный государственный человѣкъ“ (*Рус. Старина*, 1881 г., т. III, стр. 670).

Въ качествѣ человѣка, занимающаго видное общественное положеніе, Кочубей привлекалъ къ себѣ вниманіе своихъ современниковъ и вызывалъ разнообразныя сужденія. Такъ А. М. Фадѣевъ сохранилъ въ своихъ запискахъ отзывы о Кочубеѣ, ходившіе среди общества: „О Кочубеѣ судили различно. Всѣ почти отдавали справедливость его неоспоримымъ высокимъ дарованіямъ, какъ государственнаго дѣятеля, но многіе также указывали на его темныя стороны, какъ человѣка. Говорили, что онъ большой эгоистъ, что онъ своекорыстенъ; говорили, будто онъ всегда продавалъ свое вино откупщикамъ, а испанскую шерсть суконнымъ фабрикантамъ дороже обыкновенныхъ цѣнъ, потому что они нуждались въ его покровительствѣ, что онъ обременялъ подчиненныхъ ему лицъ по-

lib.pushkinskijdom.ru

рученіями по собственнымъ дѣламъ и проч., и проч.“ (Воспоминанія А. М. Фадѣева. 1790—1867. Одесса, 1897. Т. I, стр. 68).

Съ годами постоянные успѣхи и привычка къ власти развили въ характерѣ Кочубея сознаніе своего превосходства и гордость, переходившія въ надменность, особенно по отношенію къ лицамъ, стоявшимъ ниже его въ общественномъ отношеніи. Недолюбливавшій его Вигель называетъ его иронически „лордъ Кочубей“, намекая этимъ, съ одной стороны, на извѣстное его англоманство, а съ другой—на высокомѣріе его въ обращеніи съ людьми. „Въ непріятеляхъ недостатка у него не было; надменность его, хотя умѣряемая вѣжливостью, вселяла къ нему нелюбовь, которая у иныхъ доходила до ненависти“ (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1892. Часть III, стр. 12). В. И. Сафоновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ также отмѣчаетъ холодность и эгоизмъ Кочубея, какъ характерныя черты его натуры (*Рус. Архивъ*, 1903 г., т. I, стр. 494).

Указанныя свойства характера Кочубея въ значительной степени парализовали тѣ положительныя стороны его природныхъ дарованій, которыя выдѣляли его среди государственныхъ людей Александровскаго и Николаевскаго времени и приводили къ тому, что вся его дѣятельность на общественномъ поприщѣ осталась безплодной и не принесла никакихъ ощутимыхъ результатовъ. Приводимая Пушкинымъ стихотворная эпитафія (см. дневникъ П—на подъ 19 іюня 1834 г.) свидѣтельствуетъ, что таковъ былъ и взглядъ современниковъ, подводившихъ итогъ дѣятельности Кочубея; взглядъ этотъ, повидимому, совпадалъ и со мнѣніемъ самого Пушкина, который, судя по его пренебрежительному отзыву („ничтожный человѣкъ“) относился къ личности и дѣятельности Кочубея довольно отрицательно.

Стр. 39 (31). Графъ Нессельроде, Карлъ Васильевичъ (1780—1862), извѣстный русскій дипломатъ весьма космополитическаго происхожденія: отецъ его—нѣмецъ изъ древняго графскаго рода Нессельроде-Эресгофенъ, мать—крещеная еврейка, дочь Франкфуртскаго банкира Гонтара, родился онъ въ Лиссабонѣ, гдѣ отецъ его былъ русскимъ посланникомъ, окрещенъ по англиканскому обряду въ церкви англійскаго посольства, образованіе получилъ въ Берлинской гимназіи и до конца жизни не научился какъ слѣдуетъ говорить по-русски; все это однако не помѣшало ему въ теченіе сорока лѣтъ (съ 1816 по 1856 г.) завѣдывать дипломатическими сношеніями Россійской имперіи. Онъ выдвинулся въ эпоху Напо-

lib.pushkinskijdom.ru

леоновскихъ войнъ и связанныхъ съ ними дипломатическихъ переговоровъ, присутствовалъ при свиданіи императоровъ при Тильзитѣ (1807 г.) и Эрфуртѣ (1808 г.), гдѣ между прочимъ сблизился со Сперанскимъ; затѣмъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ, при чемъ черезъ него шли всѣ тайныя сношенія имп. Александра I съ Талейраномъ, помимо канцлера гр. Румянцева и русскаго посла въ Парижѣ; когда эти сношенія были открыты, Нессельроде пришлось уѣхать изъ Франціи. Въ 1811 году онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, въ 1812 г. состоялъ при особѣ государя, а затѣмъ при арміи Барклая де Толли, въ качествѣ дипломатическаго агента, въ походахъ 1813—14 годовъ сопровождалъ имп. Александра заграницу, участвовалъ въ переговорахъ съ Пруссіей и Австріей о союзѣ, съ Англіей о субсидіяхъ, присутствовалъ при Лейпцигской битвѣ и при взятіи Парижа, а въ 1814 —15 гг. принималъ участіе въ работахъ и развлеченіяхъ Вѣнскаго конгресса. 9 августа 1816 года Нессельроде былъ назначенъ управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и въ качествѣ такового велъ переговоры на конгрессахъ Ахенскомъ, Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ, поддерживая идеи и систему Священнаго союза и являясь въ этомъ отношеніи послушнымъ орудіемъ князя Меттерниха. Восшествіе на престолъ имп. Николая I не поколебало служебнаго положенія Нессельроде: напротивъ того, онъ оказался единственнымъ министромъ, удержавшимся въ своей должности при новомъ царствованіи. Въ 1828 году, по случаю заключенія Туркманчайскаго мира, Нессельроде былъ назначенъ вице-канцлеромъ, а въ 1845 году получилъ званіе канцлера иностранныхъ дѣлъ. Въ теченіе всего царствованія имп. Николая I онъ держалъ въ своихъ рукахъ веденіе иностранной политики, впрочемъ, по своей гибкости, подчиняясь въ этомъ отношеніи руководству самого государя и являясь лишь добросовѣстнымъ исполнителемъ его воли. Лишь изрѣдка онъ рѣшался на выраженіе самостоятельнаго мнѣнія: такъ, послѣ іюльской революціи, когда Николай, во имя идеи легитимизма, собирался вмѣшаться во французскія дѣла, Нессельроде сумѣлъ убѣдить его отказаться отъ этого опаснаго предпріятія. Только неудача Крымской кампаніи, повлекшая за собой крушеніе всей Николаевской системы, вызвала наконецъ паденіе Нессельроде, вышедшаго въ отставку сейчасъ же послѣ заключенія Парижскаго мира, 15 апрѣля 1856 года.

Рѣзко отрицательную характеристику Нессельроде находимъ мы въ запискахъ Вигеля; самое возвышеніе его Вигель объясняетъ

lib.pushkinskijdom.ru

его личной ничтожностью, дѣлавшей его удобнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе сильной личности. Такимъ орудіемъ и былъ Нессельродѣ въ рукахъ императора Александра, цѣнившаго въ немъ безотвѣтнаго исполнителя своихъ предначертаній. „Во время походовъ своихъ, при свиданіяхъ съ присоединяющимися къ нему одинъ за другимъ европейскими государями и при личныхъ переговорахъ съ ихъ министрами, императоръ Александръ позналъ истинное призваніе свое: онъ также родился дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Тогда онъ нашелъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ, и что онъ самъ можетъ замѣнить его... Покамѣстъ онъ сталъ употреблять перваго попавшагося ему подъ руку, не знаю, въ какомъ качествѣ слѣдовавшаго за арміей, Нессельроде. Онъ сдѣлалъ изъ него статсъ-секретаря и родъ правителя военно-походной канцеляріи своей. Онъ взялъ его съ собою и въ Вѣну, гдѣ для совершенія великаго труда ожидали опытные люди: Разумовскіе, Стакельберги, Анстеты; Нессельроде же безсловесно долженъ былъ возсѣдать на конгрессѣ. Можетъ быть, царскому самолюбію нравилась самая ничтожность этого человѣка, безотвѣтная его робость и покорность. Люди съ такими свойствами, поставленные на самую высокую степень, почти всегда бываютъ вредны для государства, полезны же только самимъ себѣ. Имъ ли указывать на путь славы и величія? Ихъ угодливость — язва самодержавія. (Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Часть V, стр. 61—62). Менѣе рѣзко по формѣ, но столь же отрицательно по существу отзывался о гр. Нессельроде и В. А. Мухановъ въ своемъ дневникѣ: „Графъ Нессельроде умираетъ. Въ продолженіе полувѣка, полнаго важныхъ событій, онъ былъ постояннымъ дѣятелемъ на поприщѣ внѣшней политики и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ и трактатахъ своего времени. Мнѣнія о немъ различны: одни его унижаютъ, другіе возвышаютъ; и тѣ, и другіе впадаютъ въ крайность. Во всякомъ случаѣ, ему нельзя отказать въ умѣ, нѣкоторой смѣтливости, плавной редакціи и навыкѣ въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ. Можетъ быть, въ немъ замѣчалась излишняя уклончивость и робость, несовсѣмъ умѣстныя въ главномъ представителѣ интересовъ Россіи въ Европѣ. Въ его нотахъ и депешахъ отражается эта черта характера, и многія изъ нихъ писаны въ тонѣ, несоотвѣтствующемъ достоинству первоклассной державы“ (Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, Т. XIX, стр. 204). Эта уклончивость и робость Нессельроде вызвали гнѣвный выпадъ противъ него со стороны Тютчева, по поводу нерѣшительной политики русской дипломатіи въ Восточномъ вопросѣ:

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный,
Ты, какъ ни жмися, какъ ни трусь,
Своей душою маловѣрной
Не соблазнишь Святую Русь...

Другіе современники отмѣчаютъ въ личности гр. Нессельроде несомнѣнный умъ, разностороннюю образованность, тонкій вкусъ, склонность ко всему изящному, эстетическое чутье: онъ любилъ цвѣты, картины, былъ хорошимъ знатокомъ и цѣнителемъ музыки. Женатый на дочери бывшаго при Александрѣ I министра финансовъ графа Д. А. Гурьева графинѣ Маріи Дмитріевнѣ (1786—1849), онъ унаслѣдовалъ за женой большое состояніе и жилъ открытымъ домомъ, устраивая у себя вечера и балы, охотно посѣщавшіеся петербургскимъ высшимъ обществомъ, дипломатическимъ корпусомъ и дворомъ. Въ особенности славились его тонкіе обѣды: самъ канцлеръ былъ большимъ гастрономомъ, столъ его слылъ первымъ въ столицѣ, а поваръ его, знаменитый Valerot, считался первымъ знатокомъ своего дѣла.

Нессельроде оставилъ послѣ себя автобіографическія записки: „Notice biographique sur le comte de Nesselrode, écrit en partie de sa main, en partie sous sa dictée". Оригиналъ хранится въ Государ. Архивѣ. Переводъ, неполный и неисправный, былъ напечатанъ въ „Рус. Вѣстникѣ" 1865 г.; съ него былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ: „Des russischen Reichs-Kanzlers Grafen Nesselro de Selbstbiographie Berlin, 1866. Часть обширнаго архива Нессельроде опубликована въ изданіи: „Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (8 vols., Paris, 1904—1908).

Что касается до личныхъ отношеній Нессельроде и Пушкина, то, принимая во вниманіе полное равнодушіе перваго къ русской литературѣ, можно предполагать, что они носили чисто официальный характеръ. Пушкинъ, сейчасъ же послѣ окончанія курса въ Лицеѣ, былъ зачисленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ (10 іюня 1817 г.), въ главѣ которой уже тогда стоялъ графъ В. К. Нессельроде. Затѣмъ, послѣ своего перевода на югъ, состоя на службѣ при канцеляріи ген. Инзова и графа Воронцова, онъ все-таки продолжалъ числиться по вѣдомству Иностранныхъ дѣлъ, и жалованіе ему переводилось по третямъ изъ Петербурга. Въ Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ сохранилось (въ копіяхъ) нѣсколько официальныхъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые за подписью Нессельроде, относящихся къ службѣ Пушкина въ этомъ вѣдомствѣ (см. статью Л. И. Поливанова: „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи.

lib.pushkinskijdom.ru

1817—1825". *Рус. Старина,* 1887 г., I, стр. 235—248). Среди этихъ документовъ особенно интересно рекомендательное письмо къ ген. Инзову, данное Пушкину при его высылкѣ изъ Петербурга, заключающее въ себѣ характеристику молодого поэта и составленное въ благожелательномъ духѣ; однако весьма правдоподобно предположеніе Поливанова, что письмо это было написано гр. Каподистріемъ, человѣкомъ близкимъ Карамзину и Жуковскому, и только, можетъ быть, подписано Нессельроде (ibid. стр. 238). Къ Нессельроде, какъ высшему начальнику Пушкина, обращался съ жалобой на своего непокорнаго подчиненнаго и гр. М. С. Воронцовъ; сохранился и отвѣтъ министра по этому поводу (Архивъ графовъ Воронцовыхъ, т. 40-й, стр. 14). Черезъ Нессельроде же шло и дѣло объ снятіи съ Пушкина опалы и о разрѣшеніи ему выѣзда изъ Михайловскаго (Сочиненія Пушкина, подъ редак. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 252). Наконецъ, съ опредѣленіемъ Пушкина снова на службу въ іюлѣ 1831 г., онъ снова поступаетъ подъ начальство Нессельроде; относящіеся къ этому періоду жизни Пушкина документы опубликованы Н. А. Гастфрейндомъ въ книгѣ: „Пушкинъ. Документы Государ. и СПетерб. Главнаго архивовъ Минист. иностр. дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг." СПб. 1900.

Если мы не знаемъ ничего опредѣленнаго и положительнаго о личномъ отношеніи гр. Нессельроде къ Пушкину, помимо чисто дѣловыхъ и официальныхъ свѣдѣній, и можемъ только предполагать, что едва ли это отношеніе-было особенно доброжелательнымъ, такъ какъ министру Нессельроде Пушкинъ былъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ безпокойный человѣкъ и безполезный для дѣла чиновникъ, исполненный при томъ опасныхъ и превратныхъ идей, то, относительно его супруги Маріи Дмитріевны опредѣленно извѣстно, что она была настроена по отношенію къ Пушкину чрезвычайно враждебно, а такъ какъ она пользовалась въ свѣтскомъ обществѣ большимъ уваженіемъ и съ мнѣніемъ ея очень считались, то эта ненависть ея къ Пушкину, всѣмъ извѣстная, конечно, могла только ухудшить положеніе Пушкина среди Петербургскаго high life, гдѣ у него и безъ того имѣлось немало недоброжелателей. Характеризуя графиню Нессельроде и отмѣчая, что ея приговоры нерѣдко создавали и разрушали репутацію людей, гр. Корфъ въ своихъ запискахъ прямо говоритъ, что ея вражда была „ужасна и опасна". Женщина умная и образованная, холодная и высокомѣрная въ обращеніи, она отличалась твердостью и непреклонностью характера и стремленіемъ первенствовать въ обществѣ. „Совершенный мущина по характеру

lib.pushkinskijdom.ru

и вкусамъ, частію и по занятіямъ, почти и по наружности... она любила говорить о серьезной литературѣ, о высшей администраціи и политикѣ, о государственныхъ людяхъ, о дѣйствіяхъ правительства", при чемъ, при всей своей консервативности, она не стѣснялась иногда очень рѣзко отзываться о лицахъ, стоящихъ у власти, такъ что вел. кн. Михаилъ Павловичъ называлъ ее въ шутку: „ce bon Monsieur de Robespierre". Салонъ ея пользовался репутаціей перваго по своему значенію въ Петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, соперничая въ этомъ отношеніи только съ салономъ княгини Кочубей: принятому въ немъ открывался свободный доступъ во всѣ остальныя гостиныя (*Рус. Старина*, 1900 г., II, стр. 48—50). Между прочимъ близкимъ человѣкомъ въ салонѣ графини Нессельроде былъ баронъ Геккеренъ, котораго она продолжала демонстративно принимать даже тогда, когда, послѣ трагической дуэли Пушкина, положеніе Геккерена сильно пошатнулось и двери многихъ великосвѣтскихъ салоновъ закрылись для него (А. С. Поляковъ. О смерти Пушкина, по новымъ даннымъ. Петербургъ, 1922. Стр. 23—24). Обыкновенно предполагаютъ, что причиной ненависти М. Д. Нессельроде къ Пушкину служила приписываемая послѣднему эпиграмма „Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ...", въ которой былъ затронутъ между прочимъ и ея отецъ, графъ Гурьевъ, хотя нѣтъ никакихъ основаній считать, что эта эпиграмма дѣйствительно принадлежитъ Пушкину (П. А Ефремовъ. „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ и прозѣ и изображеніяхъ". СПб., 1903. Стр. 31). Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ зналъ объ этомъ враждебномъ къ нему отношеніи графини Нессельроде и платилъ ей тою же монетой; сохранилось преданіе, будто бы Пушкинъ даже выразился о ней, что онъ не знаетъ, кто ему противнѣе: графиня Нессельроде или Булгаринъ (*Рус. Архивъ*, 1910, II, стр. 128, прим. П. И. Бартенева). Это враждебное отношеніе Пушкина къ дому Нессельроде, несомнѣнно, сквозитъ и въ записи его дневника.

Стр. 42 (31). „Государыня" — императрица Александра Ѳеодоровна (1798 — 1860), дочь прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и знаменитой своей красотой королевы Луизы, супруга имп. Николая I (съ 1817 г.). Ея учителемъ русскаго языка былъ В. А. Жуковскій, который воспѣлъ ее подъ именемъ Лаллы-Рукъ. Къ ней же относится одна изъ пропущенныхъ строфъ VIII главы „Евгенія Онѣгина".

lib.pushkinskijdom.ru

И въ залѣ яркой и богатой,
Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
Подобно лиліи крылатой,
Колеблясь, входитъ Лалла-Рукъ
И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою...

Имп. Александра Ѳеодоровна не вмѣшивалась въ политику, ограничивая свою дѣятельность состоявшими въ ея вѣдѣніи (послѣ кончины имп. Маріи Ѳеодоровны въ 1828 г.) женскими учебными заведеніями. Императрицѣ нечуждъ былъ нѣкоторый интересъ къ литературѣ (иностранной) и искусству, преимущественно къ музыкѣ. (A. Th. von Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Leipzig, 1866. II Band, S. 185). Къ ея интимному кружку принадлежало нѣсколько лицъ, связанныхъ съ литературнымъ и артистическимъ міромъ, напр., Жуковскій и гр. М. Ю. Вьельгорскій. При ней же состояла фрейлиной до своего замужества А. О. Россетъ. Черезъ этихъ лицъ Александра Ѳеодоровна могла получить нѣкоторое представленіе о Пушкинѣ, какъ о поэтѣ. Личное знакомство ея съ Пушкинымъ состоялось, повидимому, лѣтомъ 1831 года въ Царскомъ Селѣ, когда Пушкинъ, гуляя съ женой по саду, неожиданно встрѣтился съ императорской четою (Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890. Стр. 255). За этой случайною встрѣчей послѣдовало представленіе Натальи Николаевны государынѣ, а въ декабрѣ 1833 г. самъ Пушкинъ получилъ званіе камеръ-юнкера и въ этомъ званіи представлялся императрицѣ 8 апрѣля 1834 г. (см. запись дневника подъ этимъ числомъ).

Стр. 40 (15). Графиня Шувалова Текла Игнатьевна (1801—1873), урожденная Валентиновичъ, одна изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ своего времени; въ первомъ бракѣ она была за свѣтл. княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ, во второмъ—за графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ. Пушкинъ вторично поминаетъ ее въ записи отъ 14 апрѣля 1834 года: „кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная".

Стр. 40 (20—28). О движущейся мебели кн. П. А. Вяземскій сообщаетъ А. И. Тургеневу въ письмѣ отъ 4 января 1834 г.: „Здѣсь долго говорили о странномъ явленіи въ домѣ конюшни придворной: въ комнатахъ одного изъ чиновниковъ стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитыя виномъ, кидались въ потолокъ; призывали свидѣтелей, священника со святою водою, но балъ

lib.pushkinskijdom.ru

не унимался. Не знаю, чѣмъ балъ кончился; но дѣло въ томъ, что разсказы не пустые, а точно что-то было: дьявольское ли наваждение или людское, неизвѣстно (Остафьевскій Архивъ, т. III-й, стр. 254—5).

Стр. 40 (23). „Кн. В. Долгорукій"—князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ (1789—1858). Въ молодости служилъ на военной службѣ, участвовалъ въ турецкой компаніи 1806—1812 гг. и отличился при штурмѣ Браилова въ 1809 г., но затѣмъ перешелъ на придворную службу и уже въ 1814 г. получилъ званіе камергера. Въ 30-хъ годахъ кн. Долгоруковъ состоялъ оберъ-шталмейстеромъ, исправ. должность президента Придворной конюшенной конторы, а также С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (Кн. Ѳ. Долгорукой. Родъ князей Долгорукихъ. СПб., 1913, стр. 88). Будучи вначалѣ въ большомъ фаворѣ при императорѣ Николаѣ I и сдѣлавъ благодаря этому блестящую карьеру, кн. Долгоруковъ не сумѣлъ удержаться на достигнутой высотѣ и своими словами и поступками навлекъ на себя немилость государя. Въ 1843 году, избранный на новое трехлѣтіе губернскимъ предводителемъ дворянства, онъ не былъ утвержденъ въ этой должности государемъ и въ томъ же году былъ принужденъ подать прошеніе объ увольненіи отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей (Записки Богуславскаго. *Рус. Старина*, 1879, т. III, стр. 548—551). Въ слѣдующемъ году онъ однако былъ избранъ вице-президентомъ Имп. Вольн. Экономическаго Общества и занималъ эту должность до 1856 года (А. И. Ходневъ. Исторія Имп. Вол. Эконом. Общества. СПб., 1865. Стр. 645).

Стр. 40 (29). Графъ Сухтеленъ, Петръ Корнильевичъ (1751—1836), родомъ голландецъ, военный инженеръ, приглашенный въ Россію въ 1783 году, въ качествѣ выдающагося спеціалиста. Участвовалъ въ Шведской войнѣ 1787—89 гг., командуя отдѣльнымъ корпусомъ, и совершилъ рядъ подвиговъ, за которые былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. и чиномъ генералъ-майора. Въ 1794 г. произведенъ въ инженеръ-генералы, а по вступленіи на престолъ Александра I былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ и инспекторомъ Инженернаго Департамента. Въ 1808—09 гг. участвовалъ въ завоеваніи Финляндіи, а послѣ войны былъ посланъ въ Стокгольмъ, съ порученіемъ наладить дружескія отношенія со Швеціей, весьма важныя для Россіи, въ виду надвигавшейся опасности новой войны

lib.pushkinskijdom.ru

съ Наполеономъ; эту трудную дипломатическую миссію Сухтеленъ исполнилъ съ большимъ искусствомъ: въ воздаяніе его заслугъ въ этомъ дѣлѣ имп. Александръ въ 1812 году пожаловалъ ему титулъ барона, а въ 1822 году возвелъ его въ званіе графа Великаго Княжества Финляндскаго. Въ послѣдніе годы жизни престарѣлый Сухтеленъ жилъ на покоѣ въ Инженерномъ, бывш. Михайловскомъ замкѣ, занимаясь собираніемъ обширной библіотеки, съ массой цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій, а также составленіемъ коллекціи монетъ, медалей и картъ.— Сухтеленъ оказалъ весьма важные услуги военно-инженерному дѣлу въ Россіи; между прочимъ, онъ создалъ извѣстную въ свое время „Сухтеленовскую систему“ защиты крѣпостей; подъ его ближайшимъ руководствомъ была составлена и первая полная, такъ назыв. „столистная“ карта Россійской имперіи. Какъ человѣкъ, Сухтеленъ отличался широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ большой скромностью и терпимостью. Вигель, обыкновенно столь придирчивый въ своихъ отзывахъ, говоритъ о немъ съ большимъ уваженіемъ въ своихъ *Запискахъ*: „Съ кипящимъ любовію къ добру сердцемъ, при неутомимой дѣятельности, наружность его сохраняла спокойствіе, почти неподвижное, озаряемое легкою улыбкой. Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скроменъ, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Страсть къ учености была въ немъ тихій, неугасаемый жаръ, его жизнь, его отрада, коею готовъ онъ былъ дѣлиться со всѣми, кто болѣе или менѣе поклонялся свѣтильнику науки... Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы, философія, богословіе, равно ему были знакомы; въ художествахъ былъ онъ вѣрный и искусный судія. Но какъ успѣвалъ онъ копить сокровище своего знанія, когда половина дня поглощаема у него была занятіями по службѣ — это сущая загадка“ (Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Ч. II-я, стр. 43—44).

Стр. 40 (32). Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ (1785—1864), съ 1842 года графъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и образованныхъ администраторовъ эпохи Александра I и Николая I. Получивъ тщательное домашнее образованіе, Блудовъ въ 1800 году поступилъ на службу въ Московскій Архивъ иностранныхъ дѣлъ, а черезъ два года перешелъ въ Петербургъ. Въ 1808 г. онъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Голландію; въ 1812—14 гг. состоялъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Стокгольмскомъ дворѣ, въ 1817—20 гг. совѣтникомъ нашего посольства, а затѣмъ

lib.pushkinskijdom.ru

повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ. Пребываніе заграницей наложило на него отпечатокъ европейской культурности. Въ 1822 году Блудовъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и исполнялъ различныя служебныя порученія. Когда имп. Николай Павловичъ, послѣ своего вступленія на престолъ, затруднялся въ выборѣ лицъ на высшія государственныя должности и обратился за совѣтомъ къ Карамзину, то послѣдній указалъ ему между прочимъ на Блудова. При учрежденіи Верховной слѣдственной комиссіи для суда надъ декабристами, Блудовъ былъ назначенъ ея дѣлопроизводителемъ; это ставило его въ крайне неловкое положеніе, такъ какъ среди подсудимыхъ было немало знакомыхъ и близкихъ ему лицъ: однако онъ не имѣлъ рѣшимости отказаться отъ возложеннаго на него порученія. Въ 1832 году онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и управлялъ этимъ вѣдомствомъ до 1838 года; по его мысли, между прочимъ, стали издаваться „губернскія вѣдомости“, долгое время бывшія единственными печатными органами въ провинціи, и устраиваться въ городахъ публичныя библіотеки. Въ 1838 году Блудовъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, а въ слѣдующемъ году — главноуправляющимъ II-го Отдѣл. Соб. Е. Вел. канцеляріи, въ которомъ было сосредоточено дѣло кодификаціи законовъ; пребываніе его въ этой должности ознаменовалось двумя изданіями Свода Законовъ (1842 и 1857 гг.) и изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ. Въ 1855 году Блудовъ былъ назначенъ президентомъ Академіи наукъ, а въ 1862 году предсѣдателемъ Государ. Совѣта и Комитета министровъ. Либеральныя начинанія Александра II-го вызывали въ Блудовѣ сочувственное отношеніе: онъ принималъ дѣятельное участіе въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, а въ 1857 году подалъ государю „Записку о судебныхъ установленіяхъ“, въ которой въ сущности изложилъ главныя начала, легшія впослѣдствіи въ основу судебной реформы 1864 года. Послѣ Блудова остались интересныя Записки, до сихъ поръ однако не изданныя.

Вигель, знавшій Блудова въ годы его молодости, во время ихъ совмѣстной службы въ качествѣ „архивныхъ юношей“, отмѣчаетъ въ его характерѣ противорѣчивыя качества: съ одной стороны гордость и эгоизмъ, съ другой — „удивительную способность быстро воспламеняться отъ малѣйшаго прикосновенія всего изящнаго въ нравственномъ мірѣ“, чистоту и рыцарственность въ отношеніяхъ къ женщинамъ, преданность и постоянство въ дружбѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

„Всего болѣе нравъ выказывался въ бесѣдахъ съ молодыми друзьями. Пріучивъ себя къ какому-то первенству между ними, онъ часто какъ будто требовалъ исполненія воли своей и потомъ, какъ бы опомнясь, переходилъ къ неожиданной уступчивости. Глядя со стороны, нельзя было рѣшительно сказать, тиранъ ли онъ друзей своихъ или ихъ жертва. Это объясню я двумя словами: онъ властвовалъ надъ ними умомъ и покорялся имъ сердцемъ“ (Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Ч. II-я, стр. 46—47).

Служившій при Блудовѣ нѣсколько позднѣе, въ концѣ 20-хъ годовъ, А. И. Кошелевъ въ своихъ *Запискахъ* характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „Мой новый начальникъ былъ очень уменъ, образованъ и крайне добръ; но характеромъ онъ былъ слабъ и трусливъ. Въ тѣ дни, когда онъ отправлялся къ Императору, онъ былъ весь не свой: не слушалъ, не понималъ того, что ему говорили, вскакивалъ безпрестанно, смотрѣлъ ежеминутно на часы и непремѣнно посылалъ по утру свѣрять свои часы съ дворцовыми... Въ большой упрекъ ему ставили написанное имъ Донесеніе слѣдственной комиссіи по дѣлу 14-го декабря. Конечно, оправдывать его я не буду; но въ извиненіе его могу сказать, что онъ въ этомъ уступилъ волѣ Императора, какъ по слабости характера, такъ и потому, что онъ надѣялся смягчить мѣру наказанія для виновныхъ... Блудовъ былъ большой и своеобразный „пуристъ“ въ русскомъ слогѣ, и отъ этого онъ исправлялъ до смѣшного всѣ бумаги, которыя подавались ему къ подписи. Сколько онъ любилъ исправлять, столько онъ не любилъ и почти не могъ первоначально самъ написать бумагу. Манифесты, изданные во время моего при немъ служенія, и важные рескрипты, порученные ему къ написанію, были сочинены всѣ мною или кн. Одоевскимъ, но ни одно мое или его слово въ нихъ не сохранилось“ (Записки А. И. Кошелева. Берлинъ, 1884. Стр. 23—24). Впрочемъ отзывъ Кошелева о „добротѣ“ Блудова, повидимому, нуждается въ значительной поправкѣ; по крайней мѣрѣ графъ Сологубъ отзывается о немъ нѣсколько иначе: „Слабой стороной графа Блудова былъ его характеръ, раздражительный и желчный; извѣстный острякъ и поэтъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ говорилъ про него: Il faut avouer que le comte Bloudoff est le modèle des chrètiens: personne comme lui ne pratique l'oubli des injures... qu'il fait lui-même!“ (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. СПб., 1887. Стр. 215).

Не будучи самъ писателемъ, Блудовъ съ ранней молодости былъ близокъ къ литературнымъ кружкамъ и пользовался среди

lib.pushkinskijdom.ru

своихъ друзей репутаціей прирожденнаго литературнаго критика (Собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 207). Онъ даже принялъ нѣкоторое участіе въ борьбѣ литературныхъ партій, въ качествѣ одного изъ учредителей *Арзамаса*, самое названіе котораго было заимствовано изъ сатирическаго очерка Блудова „Видѣніе въ какой-то оградѣ", дѣйствіе котораго происходитъ въ Арзамасскомъ трактирѣ (Остафьевскій Архивъ. Т. I, стр. 409—413). Подобно другимъ членамъ Арзамаса, Блудовъ носилъ въ немъ прозвище *Кассандра*. Изъ числа литературныхъ дѣятелей, Блудовъ былъ наиболѣе близокъ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ; что касается до Пушкина, то, хотя послѣдній былъ съ нимъ знакомъ, однако, повидимому, не питалъ къ нему особой симпатіи, какъ это видно, напр., изъ письма Пушкина къ Жуковскому (изъ села Михайловскаго, май—іюнь 1825 г.), въ которомъ Пушкинъ упрекаетъ своего друга за то, что тотъ при изданіи своихъ стихотвореній (1824 года) отчасти руководился совѣтами Блудова: „Зачѣмъ ты слушаешь маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая и уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія *Посланія* къ нему, произведенія, конечно, слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И . . . . . ."

Прозвище „маркизъ" намекаетъ на нѣкоторую чопорность, свойственную Блудову и отражавшуюся также и на его литературныхъ мнѣніяхъ и симпатіяхъ; такъ, напр., кн. Вяземскій упоминаетъ о томъ, что Блудовъ осуждалъ Крылова за включеніе басни „Свинья подъ дубомъ" въ печатное изданіе своихъ басенъ: „Строгій и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія Хавроньи въ поэзіи" (Собр. сочиненій, VII, стр. 53).

Стр. 41 (2—4). Словесное распоряженіе государя о пожалованіи Пушкину званія камеръ-юнкера состоялось 30 декабря 1833 года, а самый указъ объ этомъ Придворной Конторѣ былъ подписанъ имп. Николаемъ 31-декабря; официальная же повѣстка экзекутора 1-го Отдѣл. Департамента Хозяйств. и Счетн. дѣлъ, съ извѣщеніемъ о пожалованіи, была вручена Пушкину лишь 27 января 1834 года (Н. А. Гастфрейндъ. „Пушкинъ. Документы архивовъ

lib.pushkinskijdom.ru

Минист. Иностр. дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг." СПб., 1900. Стр. 37—38). Пожалованіе Пушкина придворнымъ званіемъ, состоявшееся помимо и противъ его желанія, причинило ему немало крупныхъ и мелкихъ огорченій. Чрезвычайно щекотливый въ вопросахъ, касавшихся его личнаго достойнства, Пушкинъ особенно боялся всего, что могло поставить его въ неловкое и смѣшное положеніе въ глазахъ „свѣта". Званіе камеръ-юнкера, обыкновенно дававшееся молодымъ людямъ знатныхъ фамилій, мало соотвѣтствовало его возрасту: Пушкинъ прямо называетъ его въ дневникѣ, „довольно неприличнымъ" его лѣтамъ и утѣшается только тѣмъ соображеніемъ, что, жалуя его этимъ званіемъ, государь имѣлъ намѣреніе отличить его, а не сдѣлать смѣшнымъ. Пушкинъ нисколько не скрывалъ своего недовольства отъ близкихъ къ нему лицъ, которые также, повидимому, раздѣляли его опасенія. 2 января 1834 г. князь П. А. Вяземскій пишетъ А. Я. Булгакову: „Александръ Пушкинъ, поэтъ Пушкинъ—теперь камеръ-юнкеръ Пушкинъ. Что скажетъ о томъ Полевой?" Тотъ же самый иронический вопросъ дословно повторяетъ онъ и въ письмѣ къ Ив. Ив. Дмитріеву, поздравляя его, „какъ оберъ-камергера нашихъ поэтовъ, съ новымъ камеръ-юнкеромъ—поэтомъ А. Пушкинымъ" (*Рус. Архивъ*, 1868 г., стр. 637). О непріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Пушкина его назначеніемъ, говоритъ въ письмѣ къ тому же Ив. Ив. Дмитріеву и Софья Николаевна Карамзина: „Пушкинъ крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою своей жены" (Кн. П. П. Вяземскій. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива. Москва, 1880. Стр. 59). Объ этомъ же пишетъ своей дочери и мать поэта Над. Ос. Пушкина въ письмѣ отъ 24 января 1834 г.: „Sais-tu, chère Olga, qu'Alexandre est gentilhomme de la chambre, au grand contentement de Nathalie?.. On n'a pas demandé à Alexandre son consentement pour le faire gentilhomme de la chambre. C'etait une surpise, dont il ne revient pas: jamais il ne l'a désiré,—lui qui voulait partir pour la campagne avec sa femme pour quelques mois, ésperant économiser, se voit entraîné à faire des dépenses" (Л. Н. Павлищевъ. „Изъ семейной хроники". (Москва, 1890; стр. 335—336).

Объ этомъ же недовольствѣ поэта своимъ пожалованіемъ свидѣтельствуетъ и запись въ дневникѣ А. Н. Вульфа, отъ 19 февраля 1834 г.: „Самого поэта я нашелъ мало измѣнившимся отъ супружества, но сильно негодующимъ на царя за то, что онъ одѣлъ

lib.pushkinskijdom.ru

его въ мундиръ, его, написавшаго теперь повѣствованіе о бунтѣ Пугачева и нѣсколько новыхъ русскихъ сказокъ. Онъ говоритъ, что онъ возвращается къ оппозиціи, но это едва ли не слишкомъ поздно; къ тому же ея у насъ нѣтъ, развѣ только въ молодежи" (Л. Майковъ. Пушкинъ. Біографическіе матеріалы. СПб., 1899. Стр. 208). Н. М. Смирновъ, супругъ близкой Пушкину А. О. Смирновой-Россети, сообщаетъ въ своихъ „Памятныхъ замѣткахъ" о Пушкинѣ нѣсколько характерныхъ подробностей объ отношеніи поэта къ своему новому придворному званію. „Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ; это его взбѣсило, ибо сіе званіе, точно, было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своею славой, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикой и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобы ѣздить ко двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованіе въ сіе званіе не можетъ лишить его народности; ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ его чина; что натурально дворъ желалъ имѣть возможность приглашать его и жену его къ себѣ, и что Государь пожалованіемъ его въ сіе званіе имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полу-убѣдили. Онъ отнѣкивался только неимѣніемъ мундира, и что онъ слишкомъ дорого стоитъ, чтобы заказать его. На другой день, узнавъ отъ портного о продажѣ новаго мундира князя Витгенштейна, перешедшаго на военную службу, и что онъ совершенно будетъ въ пору Пушкину, я ему послалъ его, написавъ, что мундиръ мною куплень для него, но что предоставляется его волѣ взять его или ввергнуть меня въ убытокъ, оставивъ его на моихъ рукахъ. Пушкинъ взялъ мундиръ и поѣхалъ ко двору. Вотъ всѣ объясненія его производства въ камеръ-юнкеры, по поводу котораго недоброжелатели, Булгаринъ, Сенковскій, литературные его враги, искали помрачить характеръ Пушкина. Сіи подробности показываютъ также, сколько онъ былъ

lib.pushkinskijdom.ru

внимателенъ къ голосу истинной дружбы, и сколько добрый нравъ его позволялъ иногда друзьямъ имъ владѣть" (Рус. Архивъ, 1882 г., февр., стр. 239).

Въ письмахъ къ женѣ Пушкинъ неоднократно выражаетъ свое недовольство пожалованнымъ ему званіемъ, ставящимъ его на одну доску съ лицами, совершенно не подходящими къ нему по позрасту; такъ, передавая ей о выговорѣ, полученномъ отъ оберъ-камергера графа Литта за неаккуратное посѣщеніе придворныхъ церемоній, Пушкинъ пишетъ: „Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ—ни за какія благополучія!" (Переписка, III, стр. 98). Въ другомъ письмѣ онъ шутливо жалуется, что царь, „упекъ его въ камеръ-пажи на старость лѣтъ", а женѣ называетъ „камеръ-пажихой" (ib., стр. 101, 108). Самая необходимость надѣвать въ торжественныхъ случаяхъ расшитый камеръ-юнкерскій мундиръ постоянно раздражала Пушкина; такъ, описывая женѣ свое представленіе вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, Пушкинъ говоритъ: „Я поѣхалъ къ Ея Выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою нещастную роль и досаду" (ib. стр. 122). „Умри я сегодня,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ женѣ,—что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ" (ib., стр. 134). Повидимому объ этомъ ненавистномъ мундирѣ думалъ Пушкинъ и въ то время, когда въ своей статьѣ о Вольтерѣ ставилъ въ похвалу Фридриху II то, что онъ, „вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовского кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе" (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова. Т. V-й, стр. 352).

Пушкинъ настолько мало скрывалъ недовольство своимъ запоздалымъ камеръ-юнкерствомъ, что слухи объ этомъ проникли и въ дипломатическій міръ; такъ, вюртембергскій посланникъ принцъ Гогенлоэ, въ своей запискѣ о Пушкинѣ, которую онъ препроводилъ своему правительству вмѣстѣ съ донесеніемъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его кончину, прямо говоритъ, что Пушкинъ былъ обиженъ (il se crut blessé) пожалованнымъ ему званіемъ и что это заставило его снова перейти въ оппозицію правительству (il passa de

lib.pushkinskijdom.ru

nouveau à des principes d'opposition). См. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина". Петроградъ, 1916; стр. 229.

Наконецъ, эта антипатія Пушкина къ своему придворному званію и связанному съ нимъ мундиру имѣла свой отголосокъ и послѣ самой кончины поэта, Пушкинъ былъ положенъ во гробъ, одѣтый во фракъ, а не въ мундиръ. Въ этомъ простомъ фактѣ недоброжелатели поэта хотѣли видѣть выраженіе какой-то задней мысли, политической и возмутительной (séditieuse), и приписали ее князю Вяземскому. Поэтому послѣдній счелъ необходимымъ коснуться этого обстоятельства въ своемъ обширномъ письмѣ къ вел. князю Михаилу Павловичу, написанномъ по поводу дуэли и смерти Пушкина и связанныхъ съ этими событіями общественныхъ толковъ. Указавъ на то, что онъ лично не принималъ никакого участія въ распоряженіяхъ похоронами поэта, Вяземскій однако заявляетъ, что если бы его спросили, въ какомъ одѣяніи положить Пушкина въ гробъ, онъ также посовѣтывалъ бы не одѣвать его въ камеръ-юнкерскій мундиръ, котораго покойный такъ не любилъ при жизни. Il faut avouer, — продолжаетъ Вяземскій далѣе, — Pouschkin n'aimait pas cet uniforme... Ce que Pouschkin n'aimait pas en cet uniforme, ce n'était pas le service de la cour, mais l'uniforme de gentilhomme de la chambre. Malgré mon amitié pour lui, je ne cacherai pas qu'il était vain et mondain. La clef de chambellan eut été une distinction qu'il aurait apprécié, mais il lui paraissait inconvenant qu'à son age, au milieu de sa carrière on l'eut fait gentilhomme da la chambre à l'instar des adolescents et des débutants dans la société. Voilà toute la vérité sur les faits de ses préventions contre l'uniforme. Ce n'était ni de l'opposition, ni du libéralisme, c'était de la vanité et de la susceptibilité personnelle (*Рус. Архивъ*, 1879, № 3, стр. 390). Въ этомъ отзывѣ, кн. Вяземскій, прекрасно знавшій Пушкина, повидимому, очень вѣрно опредѣлилъ характеръ отношенія Пушкина къ пожалованному ему придворному званію и выяснилъ самыя психологическія причины этого враждебнаго отношенія, въ которомъ мы напрасно стали бы искать серьезной общественной подкладки...

Стр. 41 (4). На вечера въ Аничковомъ дворцѣ приглашались лишь избранные изъ Петербургскаго общества, такъ что попасть на нихъ считалось признакомъ особенной чести и благоволѣнія. Графъ М. А. Корфъ говоритъ объ этихъ вечерахъ въ своихъ запискахъ: „Съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Николая I при дворѣ весьма часто бывали, кромѣ парадныхъ баловъ, небольшіе

lib.pushkinskijdom.ru

танцовальные вечера, преимущественно въ Аничкинскомъ дворцѣ или, какъ онъ любилъ его называть, Аничкинскомъ домѣ, составлявшемъ личную его собственность еще въ бытность великимъ княземъ. На эти вечера приглашалось особенное привилегированное общество, которое называлось въ свѣтѣ: la société d'Anitchkoff и котораго составъ, опредѣлявшійся не столько лѣстницей служебной іерархіи, сколько приближенностью къ царственной семьѣ, очень рѣдко измѣнялся. Въ этомъ кругу оканчивалась обыкновенно масленица, и на прощаніе съ нею, въ folle journée, завтракали, плясали, обѣдали и потомъ опять плясали. Въ продолженіе многихъ лѣтъ принималъ участіе въ танцахъ и самъ государь, котораго любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина и позже жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова". („Рус. Старина", 1899 г., іюль, стр. 8—9).

Стр. 41 (5). „Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau".— Маркизъ Данжо (Philippe de Courcillon, marquis de Dangeau), род. въ 1638 г., ум. въ 1720 г., одинъ изъ приближенныхъ Людовика XIV, пользовавшійся его особымъ довѣріемъ и входившій въ интимный кружокъ лицъ, составлявшихъ постоянное общество короля. Въ молодости военный, онъ затѣмъ исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія и занималъ различныя почетныя придворныя должности. Человѣкъ ловкій и остроумный, онъ сумѣлъ завоевать себѣ при дворѣ выдающееся положеніе. Обладая нѣкоторыми литературными интересами, онъ покровительствовалъ Буало, посвятившему ему одну изъ своихъ сатиръ, и самъ писалъ легкіе стихи, за что и попалъ въ 1668 году въ члены Французской Академіи. Однако, извѣстность онъ заслужилъ не этими литературными упражненіями, а своимъ Дневникомъ, который онъ безпрерывно велъ, начиная съ 1684 года въ теченіе 36 лѣтъ. Въ этомъ дневникѣ онъ почти не касается вопросовъ политическихъ и общественныхъ, въ широкомъ смыслѣ слова: все вниманіе его сосредоточено на изображеніи придворной жизни, празднествъ, церемоній и т. д. Данжо заносилъ эти свѣдѣнія на страницы своего дневника, день за днемъ, съ чисто протокольной точностью, сжатостью и безпристрастіемъ, почти не сопровождая ихъ никакими комментаріями. Въ этомъ отношеніи его Дневникъ представляетъ рѣзкую противоположность знаменитымъ „Мемуарамъ" Сенъ-Симона, въ которыхъ личные взгляды, вкусы, симпатіи и антипатіи играютъ такую выдающуюся роль, что иные отзывы и характеристики автора получаютъ значеніе чисто личныхъ памфлетовъ. Но, благодаря этимъ достоинствамъ точности и безпристрастія, Днев-

lib.pushkinskijdom.ru

никъ маркиза Данжо является однимъ изъ лучшихъ историческихъ документовъ для изученія жизни и быта французскаго двора эпохи Людовика XIV. „Дневникъ“ Данжо (Mémoires et Journal du Marquis De Dangeau, publiés pour la première fois sur les manuscrits originaux. 4 vols. Paris, MDCCCXXX) находился въ библіотекѣ Пушкина (см. статью о ней Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. IX—X, стр. 217). Болѣе полное изданіе Дневника было опубликовано въ 1854—1860 гг., въ 19-ти томахъ, подъ редакціей Сулье, Дюссьё, Манца и др.

Стр. 41 (6—13). Безобразовъ, Сергѣй Дмитріевичъ (1801—1879), штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка, флигель-адъютантъ (съ 1831 г.). Онъ началъ службу въ 1818 г. въ Варшавѣ и былъ адъютантомъ вел. кн. Константина Павловича, очень къ нему благоволившаго. Безобразовъ былъ женатъ на фрейлинѣ, княжнѣ Любови Александровнѣ Хилковой (1811—1859). Отличаясь красотой, онъ носилъ въ обществѣ прозваніе „le beau Bezobrazoff“ и пользовался большими успѣхами среди свѣтскихъ дамъ; намекъ на это есть въ одномъ письмѣ Пушкина къ женѣ изъ Болдина, отъ 8 октября 1833 г., по поводу дошедшаго до него слуха о женитьбѣ Безобразова: „Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на кн. Хилковой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи“. Нѣсколько дней спустя, 11-го октября Пушкинъ опять поминаетъ Безобразова, убѣждая жену не кокетничать „ни съ царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы“ (Переписка, т. III, стр. 51, 52). Свадьба Безобразова была отпразднована съ большимъ торжествомъ въ домовой церкви Зимняго Дворца, при чемъ самъ императоръ и императрица были посажеными отцомъ и матерью (Дневникъ сенатора Дивова отъ 10 ноября 1833 г.; Рус. Старина, 1900 г., апрѣль, стр. 135). Понятно, что, благодаря видному положенію молодыхъ въ обществѣ, разыгравшаяся между ними вскорѣ послѣ свадьбы семейная исторія произвела въ свѣтѣ впечатлѣніе большого скандала, о которомъ много говорили. Эти свѣтскіе толки и отразились въ нѣсколькихъ записяхъ Пушкинскаго дневника (1-го янв., 7-го янв., 8 марта). Объ этой же исторіи сообщаетъ приблизительно тѣ же свѣдѣнія своему обычному корреспонденту и кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ отъ 4 января 1834 г.: „Бѣшеная ревность овладѣла имъ (т.-е. Безобразовымъ) съ перваго дня брака, а, говорятъ, и до брака, такъ что онъ готовъ былъ на

lib.pushkinskijdom.ru

всѣ неистовства и преступленія. Богъ знаетъ, какихъ причинъ не выдумываютъ тому въ городѣ, но я ничего не вижу въ этомъ, кромѣ мономаніи его... Кто бы подумалъ, что бѣдная Люба Хилкова, холодная, благоразумная, мѣрная, образцовая лединка Зимняго дворца будетъ героиней подобной трагической повѣсти! Вотъ те и браки по любви!" (Остафьевскій Архивъ, III, стр. 255). Въ связи съ этой семейной исторіей, С. Д. Безобразовъ былъ удаленъ изъ Петербурга и переведенъ на службу на Кавказъ. Здѣсь онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, былъ произведенъ за отличіе въ полковники и вскорѣ (въ концѣ 1835 г.) назначенъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ 1842 г. онъ получилъ чинъ генералъ-майора, а въ 1848 г. былъ назначенъ командиромъ Кавалергардскаго полка; въ 1861 г. назначенъ командиромъ 4-го корпуса и произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи.

О его семейной исторіи и о дальнѣйшей судьбѣ его жены нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ въ своихъ запискахъ Н. И. Мамаевъ: „Жена его, облекшись въ глубокій трауръ, переѣхала на житье въ Москву къ брату своему князю С. А. Хилкову (командиру 4-го пѣхотнаго корпуса). Въ Москвѣ я часто встрѣчалъ ее въ церкви — единственномъ мѣстѣ, которое она посѣщала—всю въ черномъ, горячо и сосредоточенно молящуюся. Ея замѣчательная красота, блѣдное выразительное лицо, съ оттѣнкомъ грусти, стройный, высокій станъ, постоянно черный ея костюмъ, ея набожность, наконецъ, „слухи" о причинѣ „невольнаго" отъѣзда ея мужа на Кавказъ— все это не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на молодежь! Мы восторгались ею... Князь С. А. Хилковъ, какъ говорили, написалъ какое то рѣзкое письмо императору Николаю Павловичу, который послѣ того вознегодовалъ на нашего корпусного командира" (*Историч. Вѣстникъ*, 1901, іюнь, стр. 807). Однако впослѣдствіи Л. А. Безобразова, повидимому, снова сошлась съ мужемъ, отъ котораго у нея была дочь Александра, родившаяся въ 1848 г. (Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ редакціей С. А. Панчулидзева. Т. IV-й. Спб. 1908. Стр. 166—170).

Стр. 41 (21—23). Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ, знаменитый государственный дѣятель эпохи Александра I и Николая I (1772—1839). Въ 30-хъ годахъ онъ состоялъ членомъ Государственного Совѣта по Департаменту законовъ; кромѣ того, онъ принималъ ближайшее участіе въ работахъ II-го Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи, учрежденнаго со спеціальной цѣлью собранія и кодификаціи

lib.pushkinskijdom.ru

русскаго законодательства. Въ апрѣлѣ 1830 г. было закончено печатаніе перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, составленнаго подъ его ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ и вышедшаго въ свѣтъ въ 45 томахъ (48 частей); въ февралѣ 1832 г. экземпляръ этого Собранія былъ, по распоряженію имп. Николая Павловича, пожалованъ въ подарокъ Пушкину, за что послѣдній благодарилъ въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 24 февраля (Переписка, II, стр. 373); нѣкоторые офиціальные документы, относящіеся къ дѣлу объ этомъ пожалованіи, опубликованы Н. О. Лернеромъ въ статьѣ: „Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина" въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники" (вып. XV-й, Спб. 1911, стр. 34—38). Въ концѣ 1832 года была закончена работа по составленію Свода Законовъ въ 15 томахъ, заключавшихъ въ себѣ около 42000 статей; въ историческомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 года, послѣ обстоятельной рѣчи государя, Сводъ былъ принятъ въ качествѣ высшаго основного руководящаго законодательнаго кодекса, а Сперанскому за труды была пожалована Андреевская звѣзда. Вполнѣ естественно поэтому, что однимъ изъ предметовъ разговора Пушкина со Сперанскимъ было изданіе этихъ двухъ обширныхъ памятниковъ русскаго законодательства, составляющее преимущественную заслугу Сперанскаго. Также естественно, что разговоръ коснулся и Пугачева, т.-е. „Исторіи Пугачевскаго бунта", которая была только что закончена Пушкинымъ и которую онъ собирался издавать въ свѣтъ (см. письмо его по этому поводу къ гр. Бенкендорфу отъ 6-го декабря 1833 г.); возможно, что при этомъ поднятъ былъ и вопросъ о мѣстѣ печатанія „Исторіи": можетъ быть, именно въ связи съ этимъ разговоромъ Пушкинъ вошелъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы ему было разрѣшено печатать свой трудъ въ одной изъ типографій, находящихся въ вѣдѣніи Сперанскаго, какъ это явствуетъ изъ письма Пушкина къ Бенкендорфу отъ 27 февраля 1834 г. (Переписка, т. III, стр. 78); ходатайство это было удовлетворено и „Исторія" была напечатана въ типографіи II-го Отдѣленія Соб. Е. Вел. канцеляріи.

Въ качествѣ лица, близко стоявшаго къ государственной власти и принимавшаго участіе въ важныхъ историческихъ событіяхъ, Сперанскій былъ для Пушкина, несомнѣнно, чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Поэтому весьма показательно упоминаніе Пушкина „о первомъ времени царствованія Александра", т. е. о той эпохѣ, къ которой относится реформаторская дѣятельность Сперанскаго. Нѣсколько позднѣе, отмѣчая въ записи отъ 2-го апрѣля о

lib.pushkinskijdom.ru

своемъ другомъ разговорѣ со Сперанскимъ, Пушкинъ пишетъ: „Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ Царствованія Александра. Вы и Аракчеевъ вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого Царствованія, какъ Геніи Зла и Блага". Въ этихъ словахъ Пушкина ясно просвѣчиваетъ его сочувствіе къ тому порядку идей, представителемъ которыхъ, въ глазахъ русскаго общества, былъ Сперанскій. „Либералистъ" Александровской эпохи, Пушкинъ, хотя и окрещивался въ Николаевское время отъ всякаго либерализма, все-таки не могъ окончательно порвать съ увлеченіями своей юности, внушившими ему когда-то его свободолюбивые стихи, сближавшими его съ политическими стремленіями и мечтаніями декабристовъ. Поэтому „дней Александровыхъ прекрасное начало" сохранило для него навсегда свое обаяніе, несмотря на непріязненное чувство къ личности самого Александра, и Сперанскій, какъ живое воплощеніе либеральныхъ вѣяній эпохи, естественно вызывалъ къ себѣ съ его стороны интересъ и сочувствіе. Въ такомъ взглядѣ на Сперанскаго Пушкинъ сходился съ большинствомъ своихъ современниковъ, какъ праваго, такъ и лѣваго лагеря. Первые ненавидѣли его, считая его чуть не революціонеромъ, а вторые смотрѣли на него, какъ на одного изъ своихъ вожаковъ; такъ нѣкоторые изъ декабристовъ показали на судѣ, что, въ случаѣ успѣха своего предпріятія, расчитывали на содѣйствіе Сперанскаго и Мордвинова въ дѣлѣ организаціи новой государственной власти. Въ виду такой либеральной репутаціи Сперанскаго императоръ Николай, въ началѣ своего царствованія, явно не довѣрялъ ему. Поэтому, не имѣя возможности въ своей законодательной дѣятельности обойтись безъ помощи Сперанскаго, Николай всегда старался ставить его, въ цѣляхъ надзора и контроля, въ зависимое и подчиненное положеніе; такъ, при учрежденіи въ январѣ 1826 года II-го Отдѣленія Соб. Е. Вел. Канцеляріи, на которое была возложена работа по составленію Свода законовъ, во главѣ этого учрежденія былъ поставленъ М. А. Балугьянскій, хотя душою всего дѣла и главнымъ руководителемъ его былъ Сперанскій; на него была только возложена обязанность личнаго доклада государю о ходѣ работъ, но и эти доклады подписывались Балугьянскимъ; только въ 1829 году Сперанскій получилъ право вести непосредственныя сношенія съ министрами и высшими государственными учрежденіями, но эти сношенія велись лишь въ формѣ личныхъ писемъ, а не официальныхъ отношеній, такъ какъ Сперанскій не занималъ никакой опредѣленной должности и не носилъ никакого званія, кромѣ званія члена Государственнаго Совѣта (Баронъ

lib.pushkinskijdom.ru

М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. СПб., 1861. Ч. III-я, стр. 304—305).

Однако, на ряду съ указаннымъ сочувственнымъ отзывомъ Пушкина о Сперанскомъ, выраженнымъ имъ въ личной бесѣдѣ съ нимъ и занесеннымъ на страницы его дневника, не слѣдуетъ забывать другого его отзыва о Сперанскомъ, котораго онъ, въ черновыхъ наброскахъ своей статьи о дворянствѣ, относящихся къ началу 30-хъ годовъ, называетъ—popovitch turbulent et ignare. Трудно согласовать столь различныя сужденія объ одномъ и томъ же лицѣ, относящіяся при этомъ приблизительно къ одному и тому же времени; между тѣмъ эти противорѣчивыя сужденія, несомнѣнно, мирно уживались въ сознаніи Пушкина. Можетъ быть, въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи сказалось отсутствіе у Пушкина яснаго, вполнѣ продуманнаго и послѣдовательнаго общественнаго міросозерцанія. Возможно также, что въ отрицательномъ отзывѣ о Сперанскомъ отразилось вліяніе того открытаго недоброжелательства, съ которымъ относились къ Сперанскому и его реформаторской дѣятельности дворянскіе круги русскаго общества, въ глазахъ которыхъ Сперанскій былъ „выскочкой“, „поповичемъ“: извѣстно, напр., какую ненависть питалъ къ этому „зазнавшемуся поповичу“ такой яркій представитель старо-дворянскихъ традицій, какъ Ростопчинъ. Это недовольство дворянства было одной изъ причинъ ссылки Сперанскаго въ 1812 году; В. И. Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ Москвѣ былъ въ это время составленъ адресъ къ государю съ требованіемъ удаленія Сперанскаго, и что этотъ адресъ ходилъ по рукамъ и вызывалъ къ себѣ общее сочувствіе (*Рус. Старина*, 1892 г., декабрь, стр. 478). Наиболѣе полное выраженіе эта ненависть къ Сперанскому нашла себѣ въ запискахъ Вигеля, который прямо называетъ Сперанскаго измѣнникомъ и революціонеромъ, сознательно подкапывавшимся подъ устои русской государственности: характерные отзывы его собраны въ брошюрѣ В. Клитина: „Реформы императора Александра I и Ф. Ф. Вигель, какъ представитель современнаго русскаго общества“ (Новочеркасскъ, 1912).

Возможно также и то, что отрицательный отзывъ Пушкина о Сперанскомъ (popovitch turbulent et ignare) является результатомъ его отрицательнаго отношенія къ *бюрократіи* вообще. Новѣйшій біографъ Сперанскаго, С. М. Середонинъ въ своей обстоятельной статьѣ о немъ въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, справедливо считаетъ Сперанскаго однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей бюрократической системы, „организаторомъ бюрократіи въ

lib.pushkinskijdom.ru

Россіи". И дѣйствительно, въ своихъ методахъ дѣйствія Сперанскій нерѣдко проявлялъ многія характерныя черты бюрократическаго духа: самоувѣренность и самонадѣянность, склонность къ отвлеченнымъ идеологическимъ построеніямъ, слѣпую вѣру въ форму и въ силу предписаній, нежеланіе считаться съ реальными условіями и реальными интересами, созданными историческимъ ходомъ жизни: по словамъ близкаго къ нему Ѳ. П. Лубяновскаго, любимой его поговоркой въ годы его наибольшаго могущества и кипучей дѣятельности, было: „il faut couper dans le vif, tailler en plein drap" (*Рус. Архивъ*, 1872, т. II, стр. 486). Имѣя въ виду, вѣроятно, эти же черты бюрократическаго духа, далеко не враждебно расположенный къ нему кн. Вяземскій остроумно назвалъ Сперанскаго „чиновникомъ огромнаго размѣра" (Собраніе сочиненій, т. X, стр. 152). Возможно, что такова была и точка зрѣнія Пушкина. Пушкинъ, несомнѣнно, недолюбливалъ самодержавную бюрократію Николаевской эпохи. Когда въ мартѣ 1830 году въ Москвѣ разнесся слухъ о какихъ-то предполагаемыхъ правительствомъ мѣрахъ, Пушкинъ спѣшитъ подѣлиться этимъ слухомъ съ кн. Вяземскимъ, съ явнымъ сочувствіемъ сообщая ему, что „правительство намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы" (Переписка, II, 121). Повидимому, это же недовѣріе и антипатію къ бюрократіи Пушкинъ переносилъ иногда и на Сперанскаго, въ которомъ онъ не безъ основанія видѣлъ типическаго ея представителя, что и отразилось въ приведенномъ выше враждебномъ отзывѣ о немъ. Это, однако же, нисколько не мѣшало Пушкину признавать въ немъ большія достоинства, цѣнить его государственныя заслуги и поддерживать съ нимъ личныя дружелюбныя отношенія. Возможно, что личное знакомство Пушкина со Сперанскимъ произошло въ домѣ князя В. П. Кочубея, давняго покровителя Сперанскаго; домъ этотъ нерѣдко посѣщалъ и Пушкинъ, бывая у Н. К. Загряжской, жившей въ семьѣ Кочубеевъ; у нея же произошла и отмѣченная Пушкинымъ въ дневникѣ встрѣча со Сперанскимъ и разговоръ съ нимъ.

Что касается до отношенія Сперанскаго къ Пушкину, то, хотя вообще Сперанскій, повидимому, былъ довольно далекъ отъ литературныхъ интересовъ, однако онъ умѣлъ понимать и цѣнить Пушкина, какъ поэта, съ самаго начала его литературной дѣятельности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его отзывъ о немъ, въ письмѣ къ дочери изъ Тобольска отъ 16 октября 1820 года, по поводу

lib.pushkinskijdom.ru

только что изданной поэмы Пушкина *Руслань и Людмила*: „Онъ, дѣйствительно, имѣетъ замашку и крылья генія... Вкусъ придетъ; онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я также, какъ и ты замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности“ (*Рус. Архивъ*, 1868 г., стр. 1790).

Стр. 41 (24). Вигель, Филиппъ Филипповичъ (1788—1856), авторъ знаменитыхъ „Записокъ“, получилъ домашнее воспитаніе, дополненное впослѣдствіи разнообразнымъ чтеніемъ, въ молодости служилъ въ Московскомъ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и сблизился со своими товарищами: Блудовымъ, Дашковымъ, бр. Тургеневыми; послѣ переселенія въ Петербургъ принялъ участіе въ созданіи *Арзамаса*, благодаря чему вошелъ въ дружескія сношенія съ наиболѣе выдающимися современными писателями новаго направленія, хотя онъ самъ вовсе не былъ литераторомъ; впослѣдствіи Вигель былъ Бессарабскимъ вице-губернаторомъ, Керченскимъ градоначальникомъ и наконецъ (съ 1829 г.) Директоромъ Департамента иностранныхъ исповѣданій. Какъ типичный бюрократъ Николаевскаго времени, Вигель, несмотря на свой несомнѣнный умъ и широту интересовъ, не былъ чуждъ слабостей мелочного чиновническаго честолюбія, считалъ себя недостаточно оцѣненнымъ и мечталъ о болѣе блестящей служебной карьерѣ, которая, однако, ему не давалась, отчасти благодаря его собственному безпокойному и неуживчивому характеру; это же мелочное честолюбіе Вигеля отмѣчено и въ дневникѣ Пушкина: „Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ“. „Вигель въ звѣздѣ Станислава и радъ, какъ андреевскій кавалеръ“, — писалъ по тому же поводу кн. Вяземскій А. И. Тургеневу (Остафьевскій архивъ, III, стр. 256). Вообще, какъ человѣкъ, Вигель не возбуждалъ къ себѣ симпатіи: близко знавшій его И. П. Липранди отмѣчаетъ его причудливость и раздражительность, говоритъ о немъ, что „неограниченное самолюбіе во всю его жизнь было главнымъ двигателемъ всѣхъ его помысловъ, ничто не удовлетворяло его“, „онъ вездѣ искалъ особеннаго себѣ поклоненія“, „зависть грызла его, желчь его разливалась и онъ самъ распложалъ себѣ враговъ въ обществѣ, между которыми онъ долженъ былъ жить“; наконецъ, по словамъ Липранди, „немало раздражала его и мысль, что несчастная привычка его, противъ которой онъ не былъ уже въ силахъ бороться, извѣстна всѣмъ“ (Липранди: „Замѣчанія на Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“.

lib.pushkinskijdom.ru

Москва, 1873). Намекъ на эту „несчастную привычку“ Вигеля, о которой упоминаетъ въ своемъ дневникѣ и Пушкинъ, встрѣчается и въ его стихотворномъ посланіи къ Вигелю изъ Одессы, относящемся еще къ осени 1823 года (Переписка, III, стр. 81; см. также эпиграмму Соболевскаго въ Собраніи его эпиграммъ и экспромптовъ подъ ред. В. В. Каллаша, стр. 24). Печальную извѣстность Вигель пріобрѣлъ и своимъ доносомъ на Философическое письмо Чаадаева въ 1836 году. Но эта ультра-консервативная и ультра-патріотическая точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ Вигель, не помѣшала ему позднѣе чрезвычайно рѣзко отозваться объ императорѣ Николаѣ послѣ его кончины, въ присутствіи А. О. Смирновой, которая выгнала его за это изъ своей гостиной (*Рус. Архивъ*, 1897 г., № 8, стр. 631).

Но озлобленный неудачникъ, неуживчивый мизантропъ и холодный циникъ, какимъ былъ Вигель въ жизни, сумѣлъ создать себѣ посмертный памятникъ непреходящаго значенія, въ видѣ своихъ знаменитыхъ *Записокъ*, занимающихъ исключительное мѣсто среди русской мемуарной литературы. Еще при жизни Вигель славился, какъ прекрасный разсказчикъ: „Я люблю его разговоръ — онъ занимателенъ и дѣленъ“,—отмѣтилъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ; разсказами Вигеля восхищался и Погодинъ, который сказалъ ему послѣ одной бесѣды: „Мольеръ пересталъ писать комедіи, Вальтеръ Скоттъ романы; надо ѣздить къ вамъ слушать очерки тѣхъ высокихъ комедій, изъ коихъ составится исторія человѣческаго рода“ (Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. V, стр. 164). Записки Вигеля представляютъ собой обширную портретную галлерею русскихъ людей первой половины XIX вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ широкую бытовую картину тогдашней русской жизни; однако, характеристики его нерѣдко бываютъ, по выраженію Липранди, „приправлены желчью и солью“, и онъ выступаетъ въ нихъ не только портретистомъ, но и сатирикомъ; въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ другого замѣчательного мемуариста, герцога Сенъ-Симона, по справедливому указанію М. Н. Лонгинова въ его замѣткѣ о Запискахъ Вигеля (*Современная Лѣтопись*, 1863 г., № 46).

Въ своихъ *Запискахъ* Вигель касается нѣсколько разъ и Пушкина. Они познакомились, повидимому, вскорѣ послѣ окончанія Пушкинымъ лицея, когда молодой поэтъ примкнулъ къ кружку арзамасцевъ, среди котораго вращался и Вигель; но болѣе сблизились они на югѣ, въ Одессѣ, куда Вигель пріѣхалъ въ концѣ іюля 1823 года, вскорѣ послѣ Пушкина, перешедшаго изъ Кишинева на

lib.pushkinskijdom.ru

службу въ канцелярію Воронцова. По словамъ Вигеля, Пушкинъ отнесся къ нему съ полной довѣрчивостью, охотно проводилъ съ нимъ время въ бесѣдахъ и прогулкахъ, читалъ ему свои новые стихи (Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Кн. VI-я, стр. 97—98). Слѣдомъ ихъ тогдашнихъ отношеній является стихотворное посланіе Пушкина, написанное послѣ переѣзда Вигеля на службу въ „проклятый городъ Кишиневъ". Въ серединѣ марта 1824 года Пушкинъ, по приглашенію Вигеля, пріѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ и прожилъ двѣ недѣли. Въ серединѣ мая Вигель, въ свою очередь, пріѣхалъ въ Одессу и прожилъ здѣсь до конца іюня; въ это время уже назрѣвало рѣшительное столкновеніе Пушкина съ гр. Воронцовымъ, при чемъ Вигель склоненъ подозрѣвать, что въ исторіи этого столкновенія игралъ какую-то двойственную роль другъ Пушкина А. Н. Раевскій (Ibid., стр. 172). Послѣ отъѣзда Пушкина въ Псковскую губернію, личныя сношенія его съ Вигелемъ прерываются и возобновляются только въ 1831 году, если не считать случайной встрѣчи въ началѣ 1827 г. въ итальянской оперѣ въ Москвѣ. Лѣтомъ 1831г. Вигель обратился къ Пушкину съ обширнымъ письмомъ по поводу неосуществившагося проекта изданія большой политической и литературной газеты: въ этомъ письмѣ Вигель, привѣтствуя проектъ Пушкина, даетъ ему совѣтъ обратиться за содѣйствіемъ для его осуществленія къ помощи Уварова; повидимому, и самъ Вигель разсчитывалъ принять участіе въ этомъ изданіи. Кромѣ этого письма сохранилось еще два другихъ, относящихся уже къ осени 1836 года: въ одномъ Вигель, между прочимъ, съ негодованіемъ говоритъ о статьѣ Чаадаева: „нѣжную, обожаемую мать разругали, ударили при мнѣ по щекѣ..."; въ другомъ идетъ рѣчь о какой-то переведенной имъ съ французскаго статьѣ о славянахъ, которую онъ предлагалъ Пушкину для помѣщенія въ Современникѣ (Переписка, III, стр. 395 и 422). Отвѣтовъ Пушкина не сохранилось.

Стр. 41 (28). „Нѣкто Норманъ или Лехрманъ"... Послѣднее имя, вѣроятно, записано Пушкинымъ неправильно, можетъ быть вмѣсто Лерхманъ. Сама Екатерина въ своихъ *Запискахъ* не называетъ имени своей кормилицы и говоритъ только, что это была жена прусскаго солдата, красивая и веселая, и что ей было только 19 лѣтъ („Mémoires, commencés le 21 d'avril 1771" въ Собраніи сочиненій имп. Екатерины II, подъ ред. А. Н. Пыпина. Т. XII-й, стр. 5). Что же касается до самаго разсказа Вигеля о пророческомъ снѣ, совпавшемъ со смертью императрицы, то аналогичные разсказы

lib.pushkinskijdom.ru

о предчувствіяхъ, совпаденіяхъ и тому под. ходили среди современниковъ, на которыхъ смерть Екатерины, послѣ ея долголѣтняго славнаго царствованія, повидимому, произвела сильное впечатлѣніе, на почвѣ котораго и создались соотвѣтственныя легенды. Такъ, напр., Г. И. Добрынинъ въ своихъ Запискахъ передаетъ эпизодъ, аналогичный разсказу Вигеля; по его словамъ, Петръ Богдановичъ Пассекъ, игравшій такую видную роль въ ходѣ государственнаго переворота 28 іюня 1762 года и бывшій въ моментъ кончины императрицы Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, будучи въ гор. Мстиславлѣ, внезапно занемогъ 6 ноября 1796 года, безъ всякой видимой причины, припадкомъ смертной тоски, столь же внезапно и безслѣдно прошедшимъ на другое утро: въ эту самую ночь въ Петербургѣ скончалась Екатерина II (*Рус. Старина*, 1871 г., т. IV, стр. 200).

Стр. 42 (25—30). Семья Пугачева состояла изъ жены его Софьи и трехъ дѣтей: сына Трофима и дочерей Аграфены и Христины; всѣ они были захвачены въ октябрѣ 1773 г., въ Зимовейской станицѣ, гдѣ проживали, и отправлены въ Оренбургъ для слѣдствія; вмѣстѣ съ ними былъ взятъ и братъ Пугачева Дементій: ни о какой сестрѣ Пугачева официальные источники не упоминаютъ. Кромѣ этой семьи, у Пугачева была еще вторая жена, Устинья Кузнецова, на которой онъ, съ большимъ торжествомъ, женился въ январѣ 1774 г. и которую поминали въ церквахъ, какъ „императрицу Устинью Петровну“; она была захвачена правительственными войсками въ апрѣлѣ 1774 года. Относительно этихъ лицъ сентенція суда, пунктъ 10-й, гласитъ слѣдующее: „А понеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцевы, первая Софья, дочь донскаго казака Дмитрія Никифорова (Недюжина), вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ“. Правительствующій Сенатъ „благоволилъ“ сослать ихъ для заключенія въ Кексгольмскую крѣпость въ Финляндіи. Императоръ Павелъ I, вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ (14 декабря 1796 г.) приказалъ отправить служившаго при Тайной экспедиціи коллежскаго совѣтника Макарова въ Кексгольмскую и Нейшлотскую крѣпости, поручивъ ему осмотрѣть содержащихся тамъ арестантовъ; въ донесеніи, представленномъ Макаровымъ, находятся между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія о семьѣ Пугачева:

lib.pushkinskijdom.ru

„Въ Кексгольмской крѣпости: Софья и Устинья, женки бывшаго самозванца Емельяна Пугачева, двѣ дочери, дѣвки Аграфена и Христина и сынъ Трофимъ.

„Съ 1775 года содержатся въ замкѣ, въ особливомъ покоѣ, а парень на гауптвахтѣ, въ особливой же комнатѣ.

„Содержаніе имѣютъ отъ казны 15 копѣекъ въ день, живутъ порядочно.

„Женка Софья 55 лѣтъ, Устинья—около 36 лѣтъ, дѣвка одна 24-хъ, другая 22-хъ; малый же лѣтъ отъ 28 до 30. Присланы всѣ вмѣстѣ изъ Правительствующаго Сената.

„Софья—дочь донскаго казака и оставалась во время разбоя мужа ея въ домѣ своемъ (вначалѣ, а впослѣдствіи она была взята подъ стражу), а на Устиньѣ женился онъ, бывъ на Яикѣ, а жилъ съ нею только десять дней.

„Имѣютъ свободу ходить по крѣпости для работы, но изъ оной не выпускаются; читать и писать не умѣютъ“ (А. В. Арсеньевъ. Женщины Пугачевскаго возстанія. Истор. Вѣстникъ, 1884, № 6, стр. 625—626).

Въ 1803 году императоръ Александръ I, осматривая Кексгольмскую крѣпость и встрѣтивъ тамъ этихъ заключенныхъ, распорядился освободить ихъ, дозволивъ жить въ городѣ, но подъ присмотромъ полиціи (Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. СПб., 1884. Т. III, стр. 362, прим.). Въ 1811 году семью Пугачева видѣлъ въ Кексгольмѣ Вигель; несмотря на распоряженіе государя, она все еще содержалась подъ стражей и состояла въ то время изъ трехъ лицъ: престарѣлаго сына и двухъ дочерей (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1892. Ч. III-я, стр. 163). Обѣ дочери Пугачева были живы еще въ 1826 году, когда въ Кексгольмскую крѣпость были привезены нѣкоторые изъ декабристовъ: Горбачевскій, Спиридовъ и кн. Барятинскій; занимаемое ими въ крѣпости помѣщеніе было отведено новымъ заключеннымъ, а онѣ были переведены на жительство въ форштадтъ крѣпости (Записки декабриста И. И. Горбачевскаго. М. 1916; стр. 295). Въ 1833 году умерла, очевидно, послѣдняя изъ дочерей Пугачева (а не сестра, какъ ошибочно передавалъ Пушкину Николай). Названіе крѣпости вписано Пушкинымъ между строкъ чрезвычайно неразборчиво; однако никакъ нельзя прочесть „Кексгольмской“; возможно, что Пушкинъ, внося это названіе въ свой дневникъ, ошибся и записалъ то, что приблизительно сохранилось въ его памяти (см. въ концѣ книги снимокъ № 1 съ рукописи дневника).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 43 (*2—8*). Повидимому, это былъ первый выѣздъ Пушкина въ его новомъ придворномъ мундирѣ; при его антипатіи къ этому „расшитому кафтану" совершенно понятно, что онъ воспользовался случаемъ и уѣхалъ съ вечера, на которомъ прочіе приглашенные присутствовали во фракахъ, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе государя. Уже ранѣе, еще до своей женитьбы, въ январѣ 1830 г. Пушкинъ навлекъ на себя неудовольствіе Николая, явившись на балъ французскаго посла во фракѣ, между тѣмъ, какъ все общество было въ мундирахъ, за что и получилъ выговоръ государя черезъ Бенкендорфа (Переписка, II, стр. 113). Предупреждая возможность новой непріятности для Пушкина на почвѣ вопроса о формѣ одежды, А. О. Смирнова писала ему въ февралѣ того же 1834 г.: „Sachez donc que c'est en frac que l'on se rend à la fête de ce soir" (Переписка, III, стр. 76).

Вообще Пушкинъ, повидимому, былъ довольно равнодушенъ къ своему костюму и не отличался склонностью къ щегольству, развѣ только во времена ранней молодости, въ періодъ своего „онѣгинства". Въ 1821 году ген. Инзовъ, хлопоча о высылкѣ изъ Петербурга слѣдуемаго Пушкину третного жалованія, въ качествѣ аргумента заявлялъ, что у него не имѣется „приличнаго одѣянія" (*Рус. Старина*, 1887 г., I, стр. 244).

Извѣстно, что во время своей жизни въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ любилъ ходить въ русскомъ костюмѣ, чѣмъ не мало шокировалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сосѣдокъ (см. черновые наброски 4-ой главы Евг. Онѣгина, строфа 38-я); къ этому же времени относится и извѣстный портретъ Пушкина работы Тропинина, изображающій поэта въ просторномъ домашнемъ халатѣ. Описывая свою случайную встрѣчу съ Пушкинымъ въ книжномъ магазинѣ Смирдина, И. И. Панаевъ говоритъ, что онъ былъ одѣтъ „безъ всякихъ претензій, даже небрежно", такъ что по костюму рѣзко отличался отъ стоявшаго съ нимъ рядомъ щеголевато одѣтаго Соболевскаго („Литературныя воспоминанія". Спб., 1876. Стр. 48). О небрежномъ отношеніи Пушкина къ своему костюму, о его нежеланіи подчиняться законамъ моды свидѣтельствуетъ и гр. В. А. Сологубъ („Изъ воспоминаній о А. С. Пушкинѣ". Рус. Архивъ, 1865, стр. 741). Такую же небрежность костюма Пушкина отмѣчаетъ и Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни поэта: встрѣчая нерѣдко Пушкина на прогулкѣ на Невскомъ Проспектѣ онъ, конечно, невольно обращалъ вниманіе на его внѣшность: Пушкинъ, по его словамъ, „не поражалъ своимъ кос-

lib.pushkinskijdom.ru

тюмомъ, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекеша тоже была старенькая. На бекеши сзади не было пуговки. Ясно, что около него не было ухода" (*Рус. Старина*, 1891, т. 70, стр. 665).

Стр. 43 (9). „Балъ у Кн. Тр."—повидимому, рѣчь идетъ о князѣ Василіи Сергѣевичѣ Трубецкомъ (1776—1841), генералъ-адъютантѣ и сенаторѣ. Начавъ службу въ гвардіи, Трубецкой былъ назначенъ имп. Павломъ въ 1800 году членомъ Камеръ-Коллегіи и произведенъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, въ тайные совѣтники. Въ 1805 г. онъ снова вернулся на военную службу поручикомъ и принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ. Въ битвѣ при Лейпцигѣ онъ командовалъ гренадерскимъ корпусомъ и былъ награжденъ золотымъ оружіемъ. Трубецкой сопровождалъ имп. Александра во время его поѣздокъ заграницу на конгрессы въ Вѣнѣ, Аахенѣ и Веронѣ. Въ 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; въ 1831 г., во время холеры, былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, а въ 1835 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Трубецкой занимался также и благотворительностью и состоялъ президентомъ Попечительнаго о тюрьмахъ общества (Вел. Князь. Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т. V-й, № 131).

Стр. 43 (10). „Трауръ по какомъ-то Князѣ, т. е. Принцѣ"... Трауръ при высочайшемъ дворѣ былъ назначенъ съ 24 января по случаю кончины герцога Фердинанда Вюртембергскаго, родственника покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны (Journal de St-Petersbourg, 27 Janvier 1834, № 12).

Стр. 43 (14). Графиня Бобринская, Анна Владиміровна, урожд. баронесса Унгернъ-Штернбергъ (1769—1846), была замужемъ за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Бобринскимъ, сыномъ имп. Екатерины II-ой отъ гр. Григорія Орлова. По словамъ кн. И. М. Долгорукаго, гр. Бобринская отличалась, „веселымъ характеромъ, добротою въ намѣреніяхъ и простотой въ обычаяхъ" („Капище моего сердца". Москва, 1874. Стр. 192). Графъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ о ней: „Графиня Бобринская была одна изъ почетнѣйшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе любимыхъ дамъ высшаго круга. Замужество открыло ей доступъ ко Двору, а высшія качества и плѣнительный умъ не замедлили всѣхъ къ ней привязать. Поло-

lib.pushkinskijdom.ru

женіе ея при дворѣ было исключительное, потому что придворнаго званія она не имѣла. Она пользовалась особеннымъ расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а Государь Николай Павловичъ часто навѣщалъ ее и называлъ „ma tante“. Высшее общество стекалось въ ея великолѣпный домъ на Галерной, почти единственный, гдѣ держалась бесѣда безъ неизбѣжныхъ танцевъ и картъ, но были и балы въ присутствіи Императорской фамиліи“ (Рус. Старина, 1900 г., февр., стр. 324). Къ Пушкину гр. Бобринская искренно благоволила, какъ это и замѣчаетъ самъ Пушкинъ въ данной записи дневника. Упоминается еще въ записи 18 декабря 1834 года, гдѣ Пушкинъ замѣчаетъ о ней, что она „всегда за него лжетъ и выводитъ изъ хлопотъ“ (стр. 64).

Стр. 43 (*16*). Баронъ д'Антесъ — Baron Georges Charles d'Anthès (1812—1895), будущій убійца Пушкина, родомъ эльзасецъ, воспитывался въ Сенъ-Сирской военной школѣ, но долженъ былъ выйти изъ нея до окончанія курса, въ октябрѣ 1830 г., такъ какъ, будучи приверженцемъ свергненнаго Карла X, принималъ участіе въ какой-то враждебной новому правительству демонстраціи; послѣ этого онъ, по сообщенію его внука Луи Метмана, примкнулъ къ группѣ партизанъ легитимистовъ, собиравшихся въ Вандеѣ вокругъ герцогини Беррійской: отсюда названіе „шуана“, которое даетъ ему Пушкина. Послѣ неудачи возстанія, Дантесъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ у него были аристократическіе родственники (мать его была урожденная графиня Hatzfeldt) и сдѣлалъ попытку поступить въ прусскую армію, но самъ отказался отъ нея, когда выяснилось, что ему пришлось бы начинать службу унтеръ-офицеромъ. Въ Германіи онъ познакомился съ проѣзжавшимъ черезъ нее барономъ Геккереномъ, нидерландскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, который предложилъ ему сопутствовать ему при его возвращеніи въ Россію. 11 октября 1833 г. баронъ Геккеренъ вмѣстѣ съ Дантесомъ прибыли въ Кронштадтъ. Разсказъ о томъ, что успѣхами своими въ русскомъ обществѣ Дантесъ обязанъ покровительству своего соотечественника, художника Ладюрнера, работавшаго надъ украшеніемъ Исаакіевскаго собора и устроившаго въ своей мастерской встрѣчу молодого французса съ императоромъ Николаемъ, едва ли заслуживаетъ особеннаго вѣроятія (*Рус. Архивъ*, 1878 г., I, стр. 445). Покровительство, оказанное ему государемъ, при его поступленіи на русскую службу, гораздо проще объясняется рекомендательнымъ письмомъ, которое Дантесъ получилъ отъ принца Вильгельма, бу-

lib.pushkinskijdom.ru

дущаго императора Германіи, пользовавшагося особымъ расположеніемъ Николая I, по ихъ близкой родственной связи. Эта рекомендація, несомнѣнно, и открыла ему доступъ въ аристократическій Кавалергардскій полкъ. По свѣдѣніямъ изъ архива Главнаго Штаба и Кавалергардского полка, „бывшій французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ, баронъ Дантесъ“ былъ допущенъ 27 января 1834 г. прямо къ офицерскому экзамену при Военной академіи, съ освобожденіемъ отъ испытанія по русской словесности, военному Уставу и военному судопроизводству; по выдержаніи этого экзамена, Дантесъ былъ высочайшимъ приказомъ 8-го февраля 1834 г. произведенъ въ корнеты и опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ (С. А. Панчулидзевъ. Сборникъ біографій кавалергардовъ. Кн. IV-я. СПб. 1898. Стр. 76).

Какъ военный служака, Дантесъ не отличался ни ревностью, ни аккуратностью, такъ что довольно часто подвергался различнымъ взысканіямъ за упущенія по службѣ. За то какъ ловкій, красивый и веселый молодой человѣкъ и блестящій офицеръ, Дантесъ сумѣлъ въ короткое время завоевать себѣ видное положеніе среди Петербургскаго свѣтскаго общества; особенными успѣхами онъ пользовался среди дамъ и не стѣснялся ими хвалиться среди своихъ товарищей. Своими остротами и каламбурами онъ нравился и вел. кн. Михаилу Павловичу, который очень цѣнилъ находчивость и остроуміе: это также укрѣпляло его положеніе въ великосвѣтскомъ обществѣ.

Мы не знаемъ съ опредѣленностью, когда Пушкинъ лично познакомился съ Дантесомъ. Существуетъ указаніе, что знакомство это произошло лѣтомъ 1834 года въ ресторанѣ Дюме, гдѣ оба они оказались случайными сосѣдями (А. Аммосовъ. Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина. СПб. 1863. Стр. 5); но возможно также, что они уже раньше встрѣчались въ гостиныхъ своихъ общихъ свѣтскихъ знакомыхъ. Первоначально Пушкинъ относился къ остроумному и веселому гвардейскому офицеру-французу доброжелательно; объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., П. И. Бартеневъ, вѣроятно, со словъ кого-либо изъ Пушкинскихъ друзей: „Долгое время отношенія ихъ были не только сносны, но Пушкинъ даже восхищался острыми словами Дантеса и съ добродушнымъ смѣхомъ передавалъ ихъ. Такъ однажды онъ пріѣхалъ на балъ съ женою и двумя свояченицами; встрѣтивъ его у дверей, Дантесъ воскликнулъ: Voilà le pacha à trois queues! Въ другой разъ Пушкинъ при немъ говорилъ, какъ бы ему назвать журналъ, который ему хочется

lib.pushkinskijdom.ru

издавать, въ родѣ англійскаго Quarterly Review.—Donnez lui le nom de Kvartalny Nadziratel, — замѣтилъ Дантесъ" (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Москва, 1866. Стр. 30—31. Примѣчаніе П. И. Бартенева). Н. М. Смирновъ въ своихъ замѣткахъ о Пушкинѣ также свидѣтельствуетъ о томъ, что при первоначальномъ знакомствѣ Дантесъ сумѣлъ понравиться Пушкину, какъ онъ нравился другимъ (*Рус. Архивъ*, 1882, I, стр. 233).

Подробныя свѣдѣнія о Дантесѣ, о его отношеніяхъ къ семьѣ Пушкиныхъ и объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ роковому поединку, а также о его дальнѣйшей судьбѣ, см. въ изслѣдованіи П. Е. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина". Петроградъ, 1916. Нѣкоторыя дополненія къ этому обстоятельному и цѣнному изслѣдованію находятся въ книгѣ А. С. Полякова: „О смерти Пушкина" (по новымъ даннымъ). Петербургъ, 1922.

Стр. 43 (16). Маркизъ де Пина, также французскій легитимистъ, бывшій пажъ короля Карла X, не имѣлъ, очевидно, такихъ внушительныхъ рекомендацій, какъ Дантесъ, и потому былъ опредѣленъ въ армейскій пѣхотный полкъ, въ которомъ однако-же, по свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго, оставался недолго, потому что былъ обвиненъ въ кражѣ серебряныхъ ложекъ, и долженъ былъ выйти въ отставку („Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива", М. 1880. Стр. 69). Другую, болѣе невинную продѣлку его, жертвой которой былъ аббатъ французской церкви въ Петербургѣ, разсказываетъ графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ Запискахъ. Онъ же называетъ еще двухъ французскихъ эмигрантовъ-легитимистовъ, переселившихся въ Россію приблизительно въ это же время: Жубера и виконта Жюльвекура, довольно извѣстнаго литератора; послѣдній вскорѣ женился на богатой русской дамѣ Л. Н. Всеволожской (по первому мужу Кожиной) и поселился въ Москвѣ (*Рус. Архивъ*, 1897 г., II, стр. 522).

Стр. 43 (24—30). Распространенное въ литературномъ обиходѣ представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и имп. Николая, какъ объ отношеніяхъ поэта, преклоняющагося передъ высокими достоинствами государя—человѣка, носителя самодержавной власти, и императора, цѣнителя и покровителя геніальнаго поэта и его творчества,—представленіе это въ настоящее время должно быть отнесено къ числу, красивыхъ, правда, легендъ, сложившихся въ специфической средѣ и на основаніи источниковъ, и недоста-

lib.pushkinskijdom.ru

точныхъ и недостаточно критически оцѣненныхъ. Болѣе объективное освѣщеніе этихъ данныхъ и привлеченіе новыхъ въ значительной степени способствовали болѣе правильному и точному освѣщенію взаимоотношеній царя и поэта, сняли съ нихъ тотъ идеалистическій оттѣнокъ, которымъ окрашена была исторія этихъ отношеній. Правильному освѣщенію этихъ отношеній способствовало не только болѣе пристальное изученіе „пушкиніаны", но и возможность полнѣе и правильнѣе оцѣнить и имп. Николая, не только какъ правителя, проводившаго опредѣленные правительственные взгляды, но и какъ индивидуальную личность, въ значительной степени наложившую свой личный отпечатокъ на всю правительственную систему и, слѣдовательно, на отношенія къ отдѣльнымъ представителямъ русскаго общества. Литература по интересующему насъ вопросу уже довольно значительна; достаточно назвать работы: *М. Лемке* („Николаевскіе жандармы". Спб. 1908, въ частн. стр. 467—526), *М. П. Сухомлинова* („Имп. Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина"—„Изслѣдованія и статьи", II (Спб. 1899), стр. 205 и сл.), *П. Е. Щеголева* („Пушкинъ" Спб. 1912), стр. 206 и сл., его же „Каховскій" (М. 1919, раньше—въ „Былломъ" 1906, № 2), *М. Поліевктова* („Николай I", М. 1918), *Н. Н. Ѳирсова* (Соч. А. Пушкина, изд., Ак. Н., т. XI, Петр. 1914), *В. Е. Якушкина* („О Пушкинѣ", М. 1899, стр. 49 и сл.), *С. М. Соловьева* („Записки", 1907) и др. Эта литература даетъ теперь возможность довольно отчетливо представить себѣ отношенія Пушкина и Николая, выяснить въ нихъ участіе и А. Х. Бенкендорфа, съигравшаго въ этихъ отношеніяхъ видную, хотя и незавидную, роль.

Если обратить вниманіе на то, какъ отнесся Николай къ Пушкину къ моменту ихъ встрѣчи, постараться объяснить себѣ ту форму, въ какую эти отношенія вылились, то прежде всего придется считаться съ Николаемъ, какъ представителемъ и носителемъ власти въ его отношеніяхъ къ подданному; а затѣмъ уже изъ личныхъ качествъ Николая будетъ вытекать и форма этихъ отношеній. На этомъ фонѣ отношенія эти окажутся далеко не столь красивыми, искренними и великодушными, какими ихъ обрисовала легенда.

Характеристики имп. Николая давались не разъ; наиболѣе же рельефной и ярко его рисующею, не только какъ правителя, но и какъ человѣка, можно счесть данную С. М. Соловьевымъ, вдумчиво пережившимъ „Николаевскую эпоху"; вотъ чѣмъ былъ въ его представленіи Николай: „Деспотъ по природѣ, имѣя инстинктивное

lib.pushkinskijdom.ru

отвращеніе отъ всякаго движенія, отъ всякаго выраженія индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любилъ только бездушное движеніе войсковыхъ массъ по командѣ. Это былъ страстный нивеллировщикъ... до конца не переставалъ ненавидѣть и гнать людей, выдававшихся изъ общаго уровня по милости Божіей... Николай стоялъ спиной къ литературѣ; это знали и подлаживались изъ подлости къ положенію господина, не имѣя никакого сочувствія къ литературѣ" („Записки", стр. 116, 149). Эти кардинальныя черты личности находили себѣ выраженіе и въ дѣйствіяхъ окружающей Николая среды и въ системѣ, вдохновляемой и властно имъ руководимой. Если, съ другой стороны вспомнить Пушкина, чѣмъ онъ былъ еще въ предшествовавшее царствованіе, то уже a priori можно сказать, что отношенія къ нему Николая, носителя власти и человѣка, прежде всего осуществлявшаго эту власть, будутъ совершенно опредѣленными—отрицательными: онъ не могъ вызвать къ себѣ симпатій Николая, будучи и ярко выраженнымъ прогрессистомъ, и столь же ярко выраженной индивидуальностью, отмѣченной съ ранней молодости геніальной самобытностью и проповѣдью свободы личности и свободы мысли: это за нимъ признано было еще до воцаренія Николая. Съ другой стороны, и для Николая, въ моментъ вступленія его на престолъ, Пушкинъ былъ уже отнесенъ опредѣленно въ категорію лицъ „неблагонадежныхъ", подозрительныхъ, нуждающихся въ обезвреженіи или даже упраздненіи изъ общества: новое царствованіе встрѣтилъ Пушкинъ не только опальнымъ, но и ссыльнымъ, причисленъ къ лицамъ близкимъ къ декабристамъ (почему не разъ дѣлались попытки такъ или иначе привлечь и его къ слѣдствію), и, стало быть, подлежащимъ „воздѣйствію".

Но съ Пушкинымъ дѣло было не такъ просто, къ нему не такъ легко было приложить „систему" нивеллировки и „обезвреженія": уже къ началу новаго царствованія онъ въ обществѣ, при томъ близкомъ къ придворнымъ, правящимъ сферамъ, отмѣченъ былъ, какъ величина слишкомъ крупная, слишкомъ своеобразная; его вліяніе, слава его имени далеко были распространены за предѣлами Петербурга, онъ шелъ по пути европейской извѣстности. Все это хорошо было извѣстно Николаю, онъ понималъ также, что поэтическій и художественный геній—украшеніе не только русской литературы (къ которой, какъ и ко всякой, онъ былъ равнодушенъ), но и его собственнаго царствованія, давая этому царствованію извѣстную долю эффекта и блеска въ самой Европѣ (къ чему Николай, конечно, безразлично относиться не могъ). Пушкинъ съ этой

lib.pushkinskijdom.ru

стороны представлялъ цѣнность для политики Николая (ср. Ѳирсовъ, ук. соч., стр. 13), но его, все же, нельзя было оставить въ покоѣ, а надо было не только обезвредить, но и использовать въ интересахъ системы и правительственныхъ взглядовъ, „приручивъ" его и заставивъ слѣдовать въ своей дѣятельности видамъ правительства; но этого достичь можно было только путемъ подавленія духовной сущности, самостоятельности мысли, столь ненавистной нивеллировщику, какими бы то ни было мѣрами заставить Пушкина убѣдиться въ необходимости полнаго подчиненія своей личности взглядамъ Николая и руководимой имъ системѣ. При томъ, система эта требовала соблюденія decorum'а въ глазахъ общества и Европы. Отсюда—внутреннее противорѣчіе между истинными цѣлями отношеній къ Пушкину Николая и внѣшнимъ ихъ проявленіемъ, скрытое отъ взглядовъ общества грубое насиліе надъ душой поэта и внѣшнее покровительство, благожелательность со стороны Николая и его довѣреннаго агента Бенкендорфа; „мягко стлать" и заставлять „на жесткомъ спать"—основная характерная черта этихъ отношеній: при внѣшней вѣжливости, безцеремонно грубое вмѣшательство не только въ литературныя, но и личныя, интимныя дѣла поэта. Въ стремленіи къ завѣтной цѣли принято было въ разсчетъ все: искренность, правдивость, довѣрчивость Пушкина, его корректность, благородство, боязнь уронить себя, способность увлекаться, а за тѣмъ и его матеріальное положеніе, далеко не блестящее: на всемъ этомъ играютъ Николай и Бенкендорфъ, навязывая Пушкину одинъ—покровительство, милость, другой—„дружбу", но въ душѣ не питая другого чувства, кромѣ презрѣнія и раздраженія противъ строптиваго поэта.

Эту фальшь и неискренность сознательно прикрываютъ покровители Пушкина тѣмъ офиціальнымъ положеніемъ, которое они занимаютъ по отношенію къ Пушкину, и которое позволяетъ имъ держать поэта въ почтительномъ отдаленіи, не допуская до болѣе близкихъ отношеній, которыя бы могли Пушкину не только дать убѣдиться, но и возможность доказать своимъ „покровителямъ" всю ненормальность отношеній, ихъ ложность, фальшь; а этого-то они опасались, зная прямоту, горячность Пушкина, и боялись, учитывая нравственный вѣсъ и популярность Пушкина въ обществѣ. Эта ненормальность отношеній, конечно, рано или поздно должна была быть почувствована—при томъ очень тяжело и мучительно—Пушкинымъ, и она отравила ему послѣдніе годы его жизни и значительно ускорила трагическую развязку его судьбы. Борьба, правда, глухая, была неизбѣжна; въ этой борьбѣ сила внѣшняя была, разумѣется, на сто-

lib.pushkinskijdom.ru

ронѣ Николая, нравственный же перевѣсъ остается все время на сторонѣ Пушкина. Но объ этой сторонѣ отношеній Николай, убѣжденный заранѣе въ своемъ правѣ владѣть не только тѣломъ, но и душой своего подданнаго, мало безпокоился: онъ оправдывалъ все высшей цѣлью—осуществленія неограниченнаго самодержавія...

Внѣшній обликъ его отношеній, проявленія ихъ, доступныя постороннимъ, къ тому же нерѣдко аффишируемыя, показываютъ какъ будто и благородство, высокомилостивое отношеніе, полное уваженіе къ поэту, его таланту и чувствамъ: какъ бы дѣлая исключеніе для исключительнаго явленія русскаго духа, царь освобождаетъ на словахъ, передаваемыхъ Бенкендорфомъ (не безъ разсчета, что они не останутся тайной), Пушкина отъ обычной цензуры, хорошо извѣстной своими подвигами и произволомъ, беретъ на себя трудъ цензора, отъ своего имени высказываетъ сужденія, въ мягкой, уступчивой формѣ, о произведеніяхъ Пушкина. Пушкинъ принимаетъ эту „милость“ за чистую монету, тѣмъ болѣе что исходитъ она отъ царя, о которомъ Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія, стараясь перенести черты царственности и на Николая. Онъ искренне радуется, даетъ обѣщаніе платить за эту милость искренней благодарностью, не зная, чего будетъ стоить ему эта „милость“. Скоро это обнаружилось: помимо царской цензуры, онъ попадаетъ подъ бдительный полицейскій надзоръ шефа жандармовъ, развязно объявившаго себя его другомъ, не спросясь поэта, а сверхъ того и подъ обычую цензуру. Иначе и быть не могло: „неблагонадежный“ Пушкинъ подлежалъ вѣдѣнію полицейской жандармеріи, а Николай самъ былъ создателемъ и энергичнымъ руководителемъ „системы“, гдѣ цензура играла такую роль—вытравленія не только свободной, но и всякой мысли, помимо подсказанной или предписанной правительственными соображеніями Николая и его сотрудниковъ. Вотъ во что для Пушкина обратилась „необъятная выгода“ имѣть царя цензоромъ. Онъ не только не можетъ печатать свои произведенія, но и пользоваться распространеннымъ и непредусмотрѣннымъ цензурой правомъ читать свои произведенія въ кругу знакомыхъ и друзей: выслѣженное Бенкендорфомъ чтеніе до печати „Бориса Годунова“ ставится ему въ вину, въ неумѣніе дорожить царской „милостью“, считается „неблагодарностью“ (а этого упрека особенно боится уважающій себя Пушкинъ)! То же происходитъ съ изданіемъ стихотворенія „19 октября“. Еще дальше идутъ и становятся безцеремоннѣе покровители поэта, еще меньшимъ уваженіемъ къ таланту, который на показъ цѣнится царемъ, отличаются поступки Николая и его

lib.pushkinskijdom.ru

вѣрнаго глашатая Бенкендорфа въ исторіи печатанія „Бориса Годунова“: отъ Пушкина не только требуютъ придирчиво измѣненій отдѣльныхъ словъ и выраженій, показавшихся неудобными и опасными для высокопоставленныхъ цензоровъ (о нихъ см. у Сухомлинова: Изслѣдованія и статьи, II, 219—231), выпуска отдѣльныхъ мѣстъ, но и дается развязный совѣтъ переработать трагедію въ романъ въ духѣ Вальтеръ-Скотта! (ср. у Лемке, у. с., 475). Но и этимъ не могутъ эти „опекуны“ ограничиться, не могутъ упустить случая, чтобы самымъ обиднымъ образомъ не унизить Пушкина, даже въ его личныхъ дѣлахъ: узнавъ о намѣреніи Пушкина вступить въ бракъ съ Гончаровой, Бенкендорфъ считаетъ себя въ правѣ сдѣлать поэту „нравоучительное“ замѣчаніе, что онъ надѣется, что Пушкинъ, рѣшаясь на этотъ шагъ, хорошо себя испыталъ, что онъ убѣдился въ томъ, что нашелъ въ себѣ необходимыя качества сердца и характера для составленія счастія женщины (у Лемке, стр. 502). Т. о. опека, самая черствая, безсердечная, проникнутая сознаніемъ своей безнаказанности, безъотвѣтственности, чуждая самой обычной деликатности (по существу, но не по формѣ), именуемая „отеческимъ попеченіемъ государя“, устанавливается надъ не только взрослымъ, полноправнымъ членомъ общества, но и надъ геніальнымъ его представителемъ. И все это было результатомъ боязни, какъ бы не проявился свободный образъ мыслей поэта, не нарушилъ той гладкой поверхности, которую, по системѣ, должно было представлять обезличенное русское общество, результатомъ стремленія использовать талантъ и вліяніе Пушкина въ интересахъ системы. Здѣсь, конечно, рѣчи быть не могло объ уваженіи, искренности и фактически высокой оцѣнкѣ дѣятельности и личности Пушкина. Дѣйствительно, за глаза, въ интимной бесѣдѣ, отношенія покровителей къ Пушкину были откровеннѣе и подтверждаютъ сказанное: его называютъ „mauvais garnement“ (шалопай), перо и рѣчи котораго выгодно будетъ направить (письмо Бенкендорфа къ Николаю, у Лемке, у. с. 483). Это использованіе, „прирученіе“ Пушкина ведется энергично, все же оно вполнѣ не было достигнуто: не будучи столь крайнихъ убѣжденій, какими ихъ рисовали себѣ его покровители, все же не лишенный, по крайней мѣрѣ, на словахъ нѣкотораго „радикализма“ сужденій въ молодости, Пушкинъ съ годами сталъ еще умѣреннѣе, тѣснимый жизненными условіями становится уступчивѣе; но, когда натискъ переходилъ предѣлы допустимаго совѣстью и самыми элементарными правами личности, Пушкинъ, сдержанно, но твердо, протестуетъ, возмущается и въ то же время мучится (ср.

lib.pushkinskijdom.ru

Ѳирсовъ, о. с., 34—35). Умѣренный либерализмъ, даже готовность направить свою дѣятельность согласно съ видами правительства по стольку, разумѣется, по скольку это не противорѣчитъ убѣжденіямъ— не могутъ удовлетворить Николая: онъ требуетъ полнаго отказа отъ своихъ мнѣній, безпрекословнаго подчиненія, холопства. На этихъ условіяхъ мира между ними не могло быть и не было до гробовой доски поэта, да и по смерти тѣнь поэта не даетъ покоя императору: пародируя слова Ломоносова, Пушкинъ записалъ въ „Дневникѣ“ (10 мая 1834): „я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго“ (ср. въ письмѣ отъ 8 мая того же года къ женѣ, Саитовъ, III, № 828).

Переживанія самого Пушкина въ его отношеніяхъ къ Николаю рисуются особенно трагическими въ силу исконныхъ убѣжденій самого поэта, лучшія чувства котораго вмѣсто признанія встрѣчали грубое игнорированіе. Молодой Пушкинъ, настроенный либерально, съ значительной долей молодой самоувѣренности, возлагаетъ надежды на новое царствованіе,—сперва Константина: онъ „уменъ, а съ умными людьми какъ-то лучше“ (письмо къ Жуковскому, 1826 г.); „теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; я готовъ съ нимъ условливаться (буде условія необходимы)... Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мной правительства“ (январь, изъ Михайловскаго, у Саитова, № 228). Въ мартѣ того же 1826 г. Пушкинъ такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ правительству: „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“ (В. А. Жуковскому, оттуда же, у Саитова № 243). Этого правила старается Пушкинъ держаться всю жизнь, если грубое и безтактное поведеніе Николая и Бенкендорфа не заставляло его протестовать изъ самозащиты. А такіе случаи были, такъ какъ даже въ этомъ умѣренномъ и корректномъ образѣ мыслей видѣли они неблагонадежность, старались и это „свое“ мнѣніе отнять у человѣка.

При встрѣчѣ съ Николаемъ, уже предубѣжденнымъ противъ него, Пушкинъ поддался тонко разсчитанной ловушкѣ въ видѣ благосклоннаго участія императора, увидалъ въ немъ подтвержденіе своего теоретическаго о немъ представленія, какъ о государѣ и человѣкѣ, но въ дальнѣйшемъ уже не могъ провѣрить съ этой стороны поступковъ Николая, какъ они не шли въ разрѣзъ съ его представленіемъ: между ними сталъ Бенкендорфъ, съ согласія царя

lib.pushkinskijdom.ru

ведшій систему перевоспитанія Пушкина. Это Пушкинъ чувствовалъ, но сдѣлать ничего не могъ, кругомъ опутанный происками чиновниковъ Бенкендорфа и связанный его навязчивой развязной „дружбой“ и въ концѣ концовъ, возненавидѣвъ его, долженъ былъ сохранять наружно свѣтскій, вѣжливый тонъ въ отношеніяхъ къ нему, проглатывая обиды самолюбія, расточаемыя покровителями. Но были моменты, когда становилось не втерпежъ: тогда Пушкинъ энергично и не безъ успѣха отстаиваетъ свои права; такъ было съ изданіемъ „Бориса Годунова“, когда царственный цензоръ устами своего клеврета пожелалъ вмѣшаться въ самый творческій трудъ: уступивъ ему въ его полицейско-цензурныхъ требованіяхъ, Пушкинъ твердо заявилъ свои права на свободу творчества и одержалъ верхъ, получивъ право напечатать „Бориса“ въ „первобытной красотѣ“, хотя и „подъ личной отвѣтственностью“ (Письма, Саитовъ, № 438). Но такіе случаи были рѣдки, чаще приходилось дѣйствительно держать свой образъ мыслей про себя, даже въ случаяхъ прямо вопіющихъ: перлюстрація писемъ его къ женѣ и чтеніе ихъ Николаемъ глубоко возмутило Пушкина, но обиду пришлось довѣрить „Дневнику“ (см. 10 мая 1834). Но и здѣсь онъ старается сохранить для себя доброе мнѣніе о Николаѣ, стараясь увидать виноватаго въ этой „безнравственности“: Николай—благовоспитанный и честный человѣкъ, виновата переусердствовавшая полиція. У Пушкина было желаніе видѣть въ Николаѣ человѣка порядочнаго, корректнаго, поступки же его постоянно шли въ разрѣзъ съ этимъ, а провѣрить ихъ Пушкинъ не могъ—отсюда мучительное состояніе духа, замѣчаемое въ этихъ случаяхъ въ послѣдній періодъ жизни поэта.

М. С.

Стр. 43 (25—26). „Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными)“. Измѣненія, которыя пришлось сдѣлать Пушкину въ его трудѣ по указаніямъ высочайшаго цензора, довольно незначительны, но характерны для взглядовъ и вкусовъ Николая Павловича. Прежде всего Пушкину пришлось измѣнить заглавіе своей книги, которая первоначально называлась: *Исторія Пугачева*, такъ какъ государь нашелъ, что Пугачевъ, какъ преступникъ, не можетъ имѣть исторіи. Затѣмъ въ одномъ мѣстѣ, послѣ разсказа о разгромѣ войска мятежниковъ кн. Голицынымъ у крѣпости Татищевой, Пушкинъ привелъ цитату, взятую, повидимому, изъ народной пѣсни (быть можетъ, слышанной имъ самимъ во время его поѣздки въ Оренбургскую губ.),

lib.pushkinskijdom.ru

о томъ, какъ старая казачка, стоя на берегу Яика, пригребала къ себѣ плывущіе мимо трупы убитыхъ, чтобы найти среди нихъ своего сына: „Не ты-ли мое дѣтище? Не ты-ли мой Степушка? Не твои-ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“ Противъ этого мѣста государь написалъ: „лучше выпустить, ибо связи нѣтъ съ дѣломъ“, и Пушкинъ, выключивъ этотъ эпизодъ изъ текста, перенесъ его въ примѣчанія. Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ Николай поставилъ по вопросительному знаку передъ двумя эпитетами: „такъ *бѣдный* колодникъ отпраздновалъ свое возвращеніе“ и „Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ *славнаго* мятежника“, которые Пушкинъ замѣнилъ словами: „темный“ и „плѣнный“. Кромѣ того, Пушкинъ исключилъ конецъ письма Бибикова, въ которомъ тотъ мрачными красками изображаетъ положеніе охваченнаго мятежомъ края: вѣроятно, это также было сдѣлано имъ по цензурнымъ соображеніямъ.

Стр. 44 (2). Графъ Шуваловъ, Андрей Петровичъ (1802—1873), съ 1823 г. состоялъ на службѣ по вѣдомству Иностранныхъ дѣлъ; сперва онъ числился при миссіяхъ въ Неаполѣ и Вѣнѣ, а съ 1829 г. служилъ въ Азіатскомъ департаментѣ. Впрочемъ, главная его служба проходила при Дворѣ: въ 30-хъ годахъ онъ состоялъ церемоніймейстеромъ и управляющимъ экспедиціей ордена св. Анны, въ 1850 г. былъ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ и президентомъ Придворной конторы, въ 1868 г.—оберъ-камергеромъ. Съ 1859 г. Шуваловъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ былъ помолвленъ съ Софьей Дмитріевной Нарышкиной, дочерью имп. Александра I и знаменитой красавицы Маріи Антоновны Нарышкиной (1808—1824), урожд. княжны Четвертинской, но свадьба не состоялась вслѣдствіе ранней кончины его невѣсты. Съ 1826 г. гр. Шуваловъ былъ женатъ на кн. Теклѣ Игнатьевнѣ Зубовой, урожд. Валентиновичъ.

Стр. 44 (3). „Цареубійца Скарятинъ“—штабсъ-капитанъ Измайловскаго полка Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ, одинъ изъ участниковъ убійства Павла I, масонъ, впослѣдствіи извѣстный сельскій хозяинъ и коннозаводчикъ, помѣщикъ с. Троицкаго Малоархангельскаго у. Орловской губ. Умеръ въ 1850 г.; былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Григорьевнѣ Щербатовой. Дѣти: Григорій, ген.-майоръ, убитъ въ 1849 г. во время Венгерской кампаніи; Ѳедоръ, адъютантъ московскаго ген.-губернатора (1806—1835); Владиміръ, новгородскій губернаторъ, егермейстеръ, род. въ 1812 г., убитъ на царской охотѣ гр. Ферзеномъ въ 1870 г.; Александръ, генер. консулъ въ Неаполѣ

lib.pushkinskijdom.ru

(1815—1884); Дмитрій; Николай, казанскій губернаторъ (1821—1894). О Я. Ѳ. Скарятинѣ см. „Рус. Арх." 1894, II, 593 и 1897: Записки гр. Бутурлина (сообщилъ Н. П. Чулковъ).

Роль Скарятина въ убійствѣ имп. Павла въ воспоминаніяхъ современниковъ изображается по разному; Ланжеронъ въ своихъ Запискахъ пишетъ: „Говорятъ, что Скарятинъ далъ свой шарфъ, и черезъ него погибъ Павелъ" („Цареубійство 11 марта 1801 года". Изд. 2-е. СПб., 1908. Стр. 189); Фонвизинъ также свидѣтельствуетъ, что Павелъ былъ задушенъ шарфомъ Скарятина (тамъ же, стр. 210). Саблуковъ же говоритъ, что Скарятинъ снялъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ императора и имъ задушилъ его (стр. 88—89); въ воспоминаніяхъ Коцебу активная роль въ этомъ случаѣ приписывается Яшвилю и Мансурову (стр. 385); въ запискахъ А. Н. Вельяминова-Зернова, тщательно собиравшаго всѣ извѣстія о заговорѣ и кончинѣ Павла I, говорится, что императоръ былъ задушенъ шарфомъ, снятымъ съ поручика Аргамакова, который только одинъ изъ присутствовавшихъ былъ въ шарфѣ (стр. 130). Скарятинъ, повидимому, нисколько не скрывалъ факта своего участія въ убійствѣ имп. Павла; такъ, въ своей записи отъ 8 марта Пушкинъ сообщаетъ, что на балу у гр. Фикельмонъ Жуковскій заставилъ его разсказывать себѣ о событіи 11-го марта; возможно, что именно отъ Жуковскаго Пушкинъ узналъ такую подробность этого дѣла, что Павелъ былъ задушенъ шарфомъ, снятымъ съ себя Скарятинымъ. О Скарятинѣ Пушкинъ упоминаетъ и въ записи 17 марта, передавая свой разговоръ съ гр. Фикельмономъ объ убійствѣ Павла I.

Стр. 44 (6—21). Относительно обилія баловъ въ зимній сезонъ 1834 года и особенно на масляной недѣлѣ Пушкинъ писалъ П. В. Нащокину: „Нынѣшняя зима ужасно изобильна балами — на масленицѣ танцовали ужъ два раза въ день. Настало послѣднее воскресенье передъ Великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! Балы съ плечъ долой! Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно — я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой—выкидываетъ" (Переписка, III, 83).

Стр. 44 (22—23). 26 февраля 1834 г. Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ ходатайствомъ о предоставленіи ему заимообразно отъ казны 20.000 руб. на печатаніе его новаго труда (Исторія Пугачевскаго бунта), съ обязательствомъ вернуть эти деньги въ теченіе двухъ лѣтъ. 4 марта гр. Бенкендорфъ извѣстилъ его о

lib.pushkinskijdom.ru

томъ, что государь приказалъ удовлетворить это ходатайство и выдать Пушкину указанную сумму (Переписка, т. III, стр. 76 и 80).

Стр. 45 (5). Соболевскій, Сергѣй Александровичъ (1803—1870), извѣстный библіофилъ и библіографъ, остроумецъ и бонмотистъ, пріятель Пушкина, внѣбрачный сынъ богатыхъ родителей (А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой, урожд. Игнатьевой), человѣкъ обширнаго и разносторонняго образованія, знавшій всѣ главнѣйшіе европейскіе языки и ихъ литературу. Онъ воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ, гдѣ его товарищами по классу были, между прочимъ, Л. С. Пушкинъ, младшій братъ поэта, и М. И. Глинка, будущій знаменитый композиторъ. Въ 1822 году Соболевскій поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и такимъ образомъ попалъ въ кружокъ „архивныхъ юношей", среди которыхъ былъ цѣлый рядъ выдающихся и даровитыхъ лицъ, какъ Веневитиновъ, Кошелевъ, И. В. Кирѣевскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій; особенно близко сошелся онъ съ послѣднимъ. Къ этому же времени относится и его сближеніе съ Мицкевичемъ, служившимъ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Пользуясь хорошими средствами, которыя давала ему богатая мать, Соболевскій велъ разсѣянный и шумный образъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда не былъ чуждъ и болѣе серьезныхъ литературныхъ интересовъ: онъ принималъ участіе въ литературномъ кружкѣ Раича и въ кружкѣ московскихъ „любомудровъ", а нѣсколько позднѣе примкнулъ къ редакціи „Московскаго Вѣстника". Въ началѣ 1829 года Соболевскій уѣхалъ за границу, гдѣ онъ и провелъ съ нѣкоторыми перерывами свыше 20 лѣтъ, исколесивши всю Европу и побывавши даже въ такихъ странахъ, какъ Испанія и Португалія. За границей у него завязались дружескія отношенія со многими выдающимися писателями, учеными и государственными дѣятелями, преимущественно французскими: съ В. Гюго, А. де-Виньи, Вильменомъ, Викт. Кузеномъ, Гизо и др.; особенно сблизился онъ съ Проспероме Меримэ. Здѣсь же онъ началъ собирать свою замѣчательную библіотеку, въ которую вошло много рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій и которая пріобрѣла ему почетную извѣстность среди иностранныхъ библіофиловъ; впослѣдствіи часть его библіотеки была пріобрѣтена Британскимъ музеемъ. Но Соболевскій не былъ чуждъ и практической дѣятельности: такъ, въ 1837 г. онъ вмѣстѣ съ бр. Мальцевыми основалъ въ Петербургѣ извѣстную Сампсоньевскую бумагопрядильную мануфактуру, упрочившую его

lib.pushkinskijdom.ru

матеріальное благосостояніе. Во время своихъ наѣздовъ въ Россію Соболевскій проживалъ преимущественно въ Петербургѣ, но въ 1852 г. онъ поселился на жительство въ Москвѣ, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни.

Человѣкъ умный и даровитый, съ обширнымъ образованіемъ и блестящимъ остроуміемъ, Соболевскій, подобно многимъ талантливымъ русскимъ людямъ, не оставилъ послѣ себя виднаго слѣда въ русской жизни. Вращаясь преимущественно въ писательской средѣ, занимаясь и живо интересуясь литературой, Соболевскій за всю свою долгую жизнь написалъ сравнительно немного; наиболѣе цѣнныя работы его относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни, когда онъ, проживая на покоѣ въ Москвѣ, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ и вкладчикомъ „Русскаго Архива“ (съ 1863 г.), въ которомъ помѣстилъ довольно много статей и замѣтокъ историко-литературнаго и библіографическаго содержанія. Среди современниковъ Соболевскій пользовался извѣстностью преимущественно какъ авторъ многочисленныхъ и остроумныхъ эпиграммъ и экспромптовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приписывались даже Пушкину. Графиня Ростопчина характеризуетъ его въ своемъ „Сумасшедшемъ домѣ“:

Неизвѣстный сочинитель
Всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ,
Лжи и вычуровъ гонитель,
Врагъ всѣмъ дурамъ, всѣмъ глупцамъ...

Въ своихъ эпиграммахъ Соболевскій мѣтко, а иногда и ядовито осмѣивалъ многихъ видныхъ дѣятелей Николаевской эпохи: Канкрина, Клейнмихеля и др.; но большинство его эпиграммъ посвящено современнымъ русскимъ писателямъ. „Стихи его,—по свидѣтельству П. И. Бартенева,—облетали по всѣмъ кружкамъ общества. Самъ онъ не дорожилъ ими, забывалъ ихъ, черезъ многіе годы выслушивалъ ихъ, какъ новые. Къ чести его должно сказать, что его остроуміе почти никогда не заключало желчи. Большую часть эпиграммъ своихъ, иногда нескромныхъ, но всегда проникнутыхъ истинно-аттической солью, написалъ онъ на своихъ же пріятелей, которымъ не приходило въ мысль оскорбляться ими“ (*Рус. Архивъ*, 1870, стр. 2142). Разбросанные по разнымъ старымъ журналамъ и рукописнымъ сборникамъ, стихи Соболевскаго были только въ недавнее время собраны В. В. Каллашемъ въ изданіи: „Эпиграммы и экспромпты С. А. Соболевскаго“ (М. 1912); однако это изданіе далеко не полно, такъ какъ въ него не вошли стихи „нескромнаго“ содержанія. Въ такъ называемомъ „свѣтѣ“ Соболевскаго недолюбли-

lib.pushkinskijdom.ru

вали за его злой языкъ, за рѣзкость его отзывовъ и за независимую манеру держаться въ обществѣ, среди котораго онъ носилъ прозваніе „Mylord qu'importe“ (Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890. Стр. 313). Очень отрицательную характеристику личности Соболевскаго даетъ въ своихъ Запискахъ Вигель, изображающій его какъ человѣка непомѣрно-самолюбиваго, холодно-расчетливаго, завистливаго, чуждаго всякихъ привязанностей и т. д. (часть VII, стр. 134—135); однако весьма вѣроятно, что этотъ враждебный отзывъ объясняется местью со стороны Вигеля за ядовитую эпиграмму Соболевскаго, въ которой онъ намекаетъ на его противоестественныя наклонности. Весьма неблагожелательно смотрѣли на Соболевскаго и высшія власти, въ глазахъ которыхъ онъ былъ опаснымъ либераломъ и вольнодумцемъ: таковымъ аттестуется онъ неоднократно въ доносахъ тайныхъ агентовъ, характеризовавшихъ его, какъ „худшаго изъ явныхъ карбонаріевъ“ („Рус. Старина“, 1900, т. CIV, стр. 615).

Пушкинъ познакомился съ Соболевскимъ черезъ своего брата, бывшаго его товарищемъ по классу. Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 9 іюля 1819 г. Пушкинъ ходатайствуетъ за него, въ виду притѣсненій, которымъ подвергался Соболевскій со стороны инспектора Благороднаго пансіона Кавелина, креатуры знаменитаго Магницкаго, за свое религіозное свободомысліе (Переписка, I, стр. 9). Но коротко сошлись они только осенью 1826 года, когда Пушкинъ, вызванный въ Москву, поселился въ квартирѣ Соболевскаго (въ домѣ Ренкевича на Собачьей площадкѣ); у него же останавливался онъ и въ слѣдующіе пріѣзды свои въ столицу. Немаловажную роль сыгралъ въ это время Соболевскій и въ личной судьбѣ Пушкина, разстроивши предполагавшуюся дуэль его съ гр. Ѳ. И. Толстымъ (американцемъ). Въ началѣ 1829 г. Соболевскій уѣхалъ за границу и возвратился въ Россію только осенью 1833 года; здѣсь онъ пробылъ до конца января 1836 года; такимъ образомъ, въ серединѣ 30-хъ годовъ возобновились личныя отношенія его съ Пушкинымъ. О характерѣ этихъ отношеній мы можемъ судить по сохранившимся письмамъ Пушкина (правда, немногочисленнымъ) и по нѣкоторымъ другимъ дошедшимъ до насъ указаніямъ. Судя по содержанію и тону Пушкинскихъ писемъ, дружескія отношенія ихъ носили характеръ „пріятельства“, впрочемъ нисколько не исключавшій взаимнаго уваженія. Подсмѣиваясь надъ нѣкоторыми слабостями Соболевскаго, называя его Калибаномъ, Фальстафомъ, даже „животомъ“, Пушкинъ, по свидѣтельству Бартенева, „повѣрялъ ему свои произведенія до ихъ выхода въ свѣтъ, принималъ его совѣты,

lib.pushkinskijdom.ru

дорожилъ его замѣчаніями, его тонкимъ умѣніемъ подмѣтить слабую или смѣшную сторону, въ самомъ ли ходѣ изложенія, въ оттѣнкѣ ли слова, или въ отдѣльныхъ выраженіяхъ" (*Рус. Архивъ*, 1870, стр. 2142). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ посвящалъ Соболевскаго и въ свои личныя, матеріальныя и семейныя дѣла, довѣряя его уму и житейскому такту (Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890. Стр. 356). О степени вліянія Соболевскаго на Пушкина свидѣтельствуетъ и гр. Сологубъ, замѣчающій, что, по его мнѣнію, если бы Соболевскій былъ въ Петербургѣ, когда разыгрывались событія, приведшія къ дуэли, онъ одинъ могъ бы удержать Пушкина отъ рокового шага: всѣ прочіе друзья Пушкина были не въ силахъ (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. СПб. 1887, стр. 183). Къ сожалѣнію, подобно другимъ друзьямъ Пушкина, Соболевскій не позаботился о томъ, чтобы записать свои воспоминанія о Пушкинѣ, если не считать его статьи: „Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина" (*Рус. Архивъ*, 1870, стр. 1377 и сл.) и различныхъ замѣтокъ, записанныхъ П. И. Бартеневымъ со словъ Соболевскаго и разбросанныхъ въ видѣ примѣчаній на страницахъ „Русскаго Архива". Интересная и характерная личность Соболевскаго до сихъ поръ еще мало изучена, не собранъ даже матеріалъ для этого изученія, не использованъ цѣнный архивъ Соболевскаго, включающій въ себѣ, между прочимъ, его записки и письма къ нему разныхъ видныхъ лицъ (В. И. Саитовъ. Соболевскій—другъ Пушкина. СПб. 1922. Стр. 21—22).

Стр. 45 (5). Графъ Віельгорскій, Михаилъ Юрьевичъ (1788—1856), сынъ польскаго посланника при дворѣ Екатерины, женившагося въ Петербургѣ на дочери адмирала Матюшкина и перешедшаго впослѣдствіи на русскую службу сенаторомъ. Онъ получилъ тщательно домашнее образованіе и съ раннихъ лѣтъ особенно увлекался музыкой. Въ 1810—11 г.г. онъ былъ постояннымъ членомъ литературнаго кружка, собиравшагося въ Москвѣ у кн. Вяземскаго, въ составъ котораго входили Жуковскій, Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ и др., при чемъ Віельгорскій часто сочинялъ музыку къ куплетамъ, которые пѣлись за ужиномъ (Л. Майковъ. „Батюшковъ и его жизнь". 2 изд. СПб., 1896. Стр. 99). 16-ти лѣтъ отъ роду гр. М. Ю. Віельгорскій былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; впослѣдствіи онъ служилъ по Министерству Народного Просвѣщенія и Внутреннихъ дѣлъ, занимая различныя почетныя должности. Въ

lib.pushkinskijdom.ru

1832 году, состоя въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника и въ званіи шталмейстера, онъ былъ назначенъ членомъ Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Однако Вielьгорскій никогда не стремился играть какой-либо политической роли, такъ какъ интересы и симпатіи его были обращены преимущественно въ сторону наукъ и искусствъ. Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; зять его, графъ В. А. Сологубъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ широту и многообразіе его интересовъ и гармоническую сложность его личности: „Графъ Вielьгорскій прошелъ незамѣченнымъ въ русской жизни: даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и несмотря на то, или, можетъ быть, именно потому, былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикуреецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья,—онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума“ (Воспоминанія гр. В. А. Сологуба, СПб., 1886, стр. 131). Этотъ отзывъ Сологуба почти совпадаетъ съ поэтической характеристикой Вielьгорскаго, данной кн. П. А. Вяземскимъ въ его стихотвореніи „Поминки“:

„До невозможности онъ былъ разнообразенъ;
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна;
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.
Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теософъ, пожалуй, чернокнижникъ,
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты“.

Домъ гр. Вielьгорскаго былъ однимъ изъ центровъ умственной жизни Петербурга 30—40-хъ годовъ. „У графа Михаила Юрьевича раза два-три въ недѣлю собирались не только извѣстные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры и начинающіе свою карьеру газетчики. Всѣ эти господа приходили на собственный Вielьгорскаго подъѣздъ и графиня Вielьгорская (урожд. принцесса Бирон) не только не знала о ихъ присутствіи въ ея домѣ, но даже не вѣдала о существованіи многихъ изъ нихъ. Часто Вielьгорскій на короткое время покидалъ своихъ гостей, уѣзжалъ во дворецъ или на какой-нибудь пріемъ одного изъ пословъ или ми-

lib.pushkinskijdom.ru

нистровъ, но скоро возвращался, снималъ свой мундиръ, звѣзды и съ особеннымъ удовольствіемъ облекался въ бархатный, довольно потертый сюртукъ и принимался играть на билліардѣ съ какимъ-нибудь затрапезнымъ Самсоновымъ" (Сологубъ, стр. 211—212). Изъ числа современныхъ литераторовъ Віельгорскій наиболѣе близокъ былъ съ Гоголемъ; памятникомъ ихъ дружескихъ отношеній являются многочисленныя письма Гоголя.

Подобно своему младшему брату Матвѣю Юрьевичу, талантливому віолончелисту, графъ Віельгорскій былъ большой любитель и знатокъ музыки. Онъ самъ былъ не только прекраснымъ исполнителемъ, но и композиторомъ; такой строгій цѣнитель, какъ Шуманъ, называлъ его даже „геніальнымъ диллетантомъ". Его романсы на слова русскихъ поэтовъ пользовались въ свое время значительнымъ успѣхомъ въ публикѣ; между прочимъ онъ написалъ и нѣсколько романсовъ на слова Пушкина: „Пѣсня Земфиры", „Черная шаль" и „Шотландская пѣсня" (С. К. Буличъ. Пушкинъ и русская музыка. СПб., 1900. Стр. 70--74). Много лѣтъ онъ трудился также надъ романтической оперой „Цыганы", на сюжетъ Пушкинской поэмы, но работа эта такъ и осталась незаконченной (Воспоминанія Юрія Арнольда. М. 1893. Вып. III, стр. 63). Віельгорскій покровительствовалъ начинающимъ музыкантамъ и еженедѣльно устраивалъ у себя въ своемъ роскошномъ домѣ на Михайловской площади музыкальные вечера. Н. Е. Комаровскій говоритъ по этому поводу въ своихъ *Запискахъ*: „Домъ его въ Петербургѣ являлся центромъ всего музыкальнаго движенія. Своимъ примѣромъ онъ много способствовалъ поднятію уровня музыкальнаго развитія русскаго общества. Онъ самъ былъ знакомъ со всѣми музыкальными знаменитостями Европы, и имя его среди нихъ пользовалось самой широкой популярностью и заслуженнымъ почтеніемъ. У него въ домѣ начали свое музыкальное поприще тогда еще совсѣмъ юные братья Антонъ и Николай Рубинштейны. Ихъ графъ Віельгорскій, какъ говорится, поставилъ на ноги; и имъ же былъ привезенъ изъ Италіи знаменитый пѣвецъ Маріо" (Записки графа Н. Е. Комаровскаго. М. 1912. Стр. 47—48).

Какъ человѣкъ, гр: Віельгорскій былъ надѣленъ многими симпатичными качествами. Гр. Комаровскій говоритъ про него, что „находясь всегда при дворѣ, онъ былъ далекъ отъ всякихъ придворныхъ интригъ и ненавидѣлъ городскія сплетни". Сологубъ отмѣчаетъ простоту его обращенія, доброту и отзывчивость: „Это былъ типъ „барина—добраго малаго", умѣвшаго необыкновенно искусно соединить въ себѣ самаго тонкаго царедворца съ человѣкомъ, лю-

lib.pushkinskijdom.ru

бившимъ пользоваться не только всѣмъ хорошимъ, но и всѣмъ грѣшнымъ" (Воспоминанія гр. В. А. Сологуба, стр. 128). Къ числу слабостей Віельгорскаго принадлежала любовь къ гастрономіи: столъ его славился въ Петербургѣ и самъ онъ считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ по части кушаній и винъ. Намекъ на это есть и въ записи Пушкина, въ приводимомъ имъ отзывѣ Соболевскаго о Віельгорскомъ: „il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins". Объ этомъ говоритъ также и гр. Комаровскій, приводящій по этому поводу любопытный анекдотъ: „Всю жизнь Михаилъ Юрьевичъ питалъ нѣкоторую слабость къ хорошему (исключительно) вину, въ особенности къ венгерскому. Его погребъ считался образцовымъ въ Петербургѣ и славился своими Токайскими винами. Но слабость къ хорошей бутылкѣ вина онъ умѣлъ облекать обыкновенно въ столь остроумныя формы, что она ему охотно прощалась и въ обществѣ, и при Дворѣ. Преданіе гласитъ, что однажды за ужиномъ у императрицы Александры Ѳеодоровны Михаилъ Юрьевичъ, послѣ особеннаго вниманія, оказаннаго имъ венгерскому вину, дѣйствующему, какъ извѣстно, на ноги, вставая изъ-за стола, покачнулся и неожиданно очутился на четверенькахъ. Когда Николай Павловичъ спросилъ его, что̀ съ нимъ, Віельгорскій, подымаясь съ полу, совершенно спокойно отвѣтилъ ему: Mais rien du tout, Sire, je ramassais une épingle" (назв. соч., стр. 45).

Весьма возможно, что начало личнаго знакомства Пушкина съ гр. Мих. Юрьевичемъ Віельгорскимъ относится еще къ раннимъ годамъ его Петербургской жизни, въ виду того, что Віельгорскій былъ близокъ къ литературному кругу „арзамасцевъ" (Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій), къ которому примкнулъ и Пушкинъ послѣ своего выхода изъ Лицея. Однако впервые имя Віельгорскаго Пушкинъ упоминаетъ значительно позже, въ 1825 году, когда онъ жилъ уже въ селѣ Михайловскомъ. Отвѣчая князю Вяземскому, сообщавшему Пушкину, что Віельгорскій написалъ музыку къ пѣснѣ Земфиры, Пушкинъ пишетъ: „Радуюсь участи моей пѣсни: *Рѣжь меня*. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Віельгорскому" (Переписка, II, стр. 285). Затѣмъ нѣсколько разъ Пушкинъ упоминаетъ Віельгорскаго въ письмахъ къ женѣ 1833—34 годовъ: это свидѣтельствуетъ о томъ, что они были знакомы домами и поддерживали дружескія сношенія; такъ 11 іюня 1834 г. онъ пишетъ, что собирается провожать на пироскафѣ Віельгорскаго, ѣдущаго заграницу къ больной женѣ (тамъ же, III, 128). По сохранившемуся преданію, Віельгорскому

lib.pushkinskijdom.ru

пришлось сыграть и нѣкоторую роль въ творчествѣ Пушкина: согласно этому преданію, онъ будто-бы передалъ Пушкину разсказъ о чудесномъ снѣ, видѣнномъ какимъ-то майоромъ Батуринымъ въ 1812 году, когда, въ виду возможности занятія Петербурга французами, возникла мысль объ увозѣ изъ столицы Фальконетовскаго памятника Петру I. Батурину будто-бы приснился „мѣдный всадникъ", скачущій по улицамъ Петербурга и обращающійся къ молодому государю со словами укора и предупрежденія. Этотъ образъ такъ поразилъ воображеніе Пушкина, что далъ ему толчекъ къ созданію его поэмы (*Рус. Архивъ*, 1877, II, 424).

Стр. 45 (7). Князь Одоевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ (1803—1869), извѣстный писатель-мыслитель 20—40 годовъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей шеллингіанства въ Россіи, авторъ „Русскихъ ночей" и другихъ произведеній въ духѣ и манерѣ Гофмана, музыкальный теоретикъ и общественный дѣятель. Онъ воспитывался въ Московскомъ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, изъ котораго вышелъ цѣлый рядъ русскихъ писателей, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей: Жуковскій, бр. Тургеневы, С. С. Уваровъ и др. Большое вліяніе на умственное развитіе Одоевскаго оказали лекціи проф. Павлова, знакомившаго воспитанниковъ съ нѣмецкой идеалистической философіей: отъ него Одоевскій усвоилъ себѣ идеи Шеллинга и Окена, легшія въ основу его собственнаго своеобразнаго міросозерцанія. Послѣ выхода изъ пансіона въ 1822 году, Одоевскій примкнулъ къ литературному кружку Раича, а нѣсколько позднѣе принялъ участіе въ кружкѣ московскихъ „любомудровъ", группировавшемся вокругъ Д. В. Веневитинова и занимавшемся преимущественно философскими вопросами. Въ 1824—25 гг. кн. Одоевскій вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ издавалъ альманахъ „Мнемозина" въ 4-хъ книгахъ, въ которомъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей литературнаго и философскаго характера. Между прочимъ въ „Мнемозинѣ" напечатаны были два стихотворенія Пушкина, принадлежащія къ числу его лучшихъ лирическихъ пьесъ: „Демонъ" и „Къ морю". Осенью 1826 года кн. Одоевскій переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ; съ этого времени начинается его многолѣтняя и разнообразная государственная и общественная дѣятельность, продолжавшаяся вплоть до его кончины. Въ 1828 г. онъ участвовалъ въ Комитетѣ для пересмотра Цензурнаго устава: въ результатѣ работъ этого комитета было нѣкоторое смягченіе Шишковскаго „чугуннаго"

lib.pushkinskijdom.ru

Устава 1826 года. Въ 30-хъ годахъ Одоевскій служилъ въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и состоялъ членомъ редакціи Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ; кромѣ того онъ несъ обязанности члена Ученаго комитета Министерства государственныхъ имуществъ. Въ 1846 г. Одоевскій былъ назначенъ помощникомъ директора Имп. Публичной библіотеки и завѣдующимъ Румянцевскимъ музеемъ. Одновременно развивается и его филантропическая дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя основаннаго по его мысли Общества посѣщенія бѣдныхъ (1846—1855). Въ 1861 г. онъ переселился въ Москву, будучи назначенъ сенаторомъ Московскаго присутствія Правительствующаго Сената: въ этой должности онъ и скончался въ 1869 году.

Человѣкъ разносторонняго энциклопедическаго образованія, интересовавшійся въ равной мѣрѣ самыми различными отряслями человѣческаго знанія, начиная отъ астрономіи до кулинарнаго искусства, кн. Одоевскій въ то же время вовсе не былъ кабинетнымъ мыслителемъ, теоретикомъ, а всегда отличался кипучей энергіей и стремленіемъ къ дѣятельности во имя общаго блага. Помимо своей филантропической дѣятельности, онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на необходимость распространенія образованія въ народныхъ массахъ: этому дѣлу должно было служить основанное имъ „Сельское Чтеніе“ (1843—1848 гг.), которое наполнялось большею частью его собственными статьями популярнаго характера, по разнымъ отраслямъ знанія. Живо интересовался также Одоевскій педагогическими вопросами, теоретически и практически, въ качествѣ члена совѣта Маріинскаго Института; заслуженной извѣстностью пользуются и его „Сказки дѣдушки Иринея“, являющіяся до сихъ поръ одной изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ на русскомъ языкѣ.

Ю. К. Арнольдъ въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ слѣдующій портретъ кн. Одоевскаго, относящійся къ серединѣ 30-хъ годовъ: „Роста былъ Одоевскій средняго, въ плечахъ не широкій, вообще видомъ изъ слабенькихъ и держался не довольно прямо, съ головою нѣсколько поникшею, словно отъ усталости. Руки и ноги у него были, какъ говорится, породистыя, маленькія и узкія. Лицо его подходило подъ типъ извѣстныхъ старыхъ портретовъ великихъ князей изъ старшей отрасли Рюриковичей, за изъятіемъ выраженія спокойной энергіи; тотъ же широкій, большой лобъ, прямой носъ и небольшой ротъ, съ пухлыми, добродушно улыбающимися губами; только темно-коричневые, почти съ чернымъ отливомъ волосы были гладкіе, и въ особенности у висковъ. Глаза голубо-серые, умные, но не довольно

lib.pushkinskijdom.ru

спокойные, скорѣе робко, почти боязливо и разсѣянно глядящіе. Мнѣ всегда казалось, что будто князь не былъ бы въ состояніи пристально смотрѣть на какой-либо предметъ. Соотвѣтственно тому и въ плавной, но нѣсколько торопливой рѣчи его звучала все какая-то нотка нерѣшительности, несамоувѣренности. Тембръ его тенороваго голоса самъ по себѣ былъ пріятный, ласкающій, но вслѣдствіе отсутствія всякихъ оттѣнковъ, рѣчь его, когда онъ долго говорилъ, порождала иногда въ слушателяхъ нѣкоторое утомленіе, чему, конечно, много способствовала и упомянутая нотка торопливости рѣчи. И странно: эти боязливо-безпокойные взгляды, эта нерѣшительная рѣчь вовсе не шли къ его всегда ровному характеру, основными чертами котораго были рѣдкая, примѣрная честность и прямота души, неограниченная сердечная доброта и ангельское терпѣніе" („Воспоминанія Юрія Арнольда". М. 1893. Вып. II, стр. 199). Другія лица, знавшія близко Одоевскаго, также свидѣтельствуютъ единогласно, что какъ человѣкъ онъ отличался необыкновенно симпатичными качествами: правдивостью, нравственной чуткостью, душевной мягкостью, отзывчивостью, простотою и доступностью. „Отличительнымъ свойствомъ князя Одоевскаго,—говоритъ о немъ А. И. Кошелевъ, — было то, что онъ прежде всего и болѣе всего былъ человѣкъ, братъ всякаго человѣка. Узнавать все, до человѣчества относящееся и могущее быть для него пригоднымъ, дѣйствовать на пользу своихъ собратій и помогать ближнему совѣтомъ, и дѣломъ, и своими небольшими достатками,—было дѣломъ всей его жизни" (Засѣданіе Общества любителей Рос. словесности памяти кн. В. Ѳ. Одоевскаго. М. 1869. Стр. 113). Но добродушный, разсѣянный и вѣчно увлеченный своими мыслями, Одоевскій производилъ иногда впечатлѣніе чудака и вызывалъ со стороны своихъ друзей, напр., Соболевскаго, насмѣшки и эпиграммы, которыя однако не мѣшали имъ цѣнить его высокія личныя достоинства (Эпиграммы и экспромпты С. А. Соболевскаго, подъ редак. В. В. Каллаша. М. 1912. Стр. 36, 37, 48, 73, 78).

Въ 1830—40 годахъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго по субботамъ устраивались вечера, на которые онъ приглашалъ какъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, такъ и всѣхъ сколько-нибудь выдающихся современныхъ писателей, желая, съ одной стороны, сблизить ихъ со свѣтскимъ кругомъ, а съ другой—заставить людей изъ „общества" съ бо́льшимъ уваженіемъ отнестись къ представителямъ умственнаго труда. И. И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ этотъ литературный салонъ и его госте-

lib.pushkinskijdom.ru

пріимнаго хозяина: „Князь Одоевскій принималъ каждаго литератора и ученаго съ истиннымъ уваженіемъ и протягивалъ дружно руку всѣмъ выступающимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщать, всѣхъ сближать, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что кромѣ избранниковъ, посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпою, и за свою донъ-кихотскую страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ пріятелей, которымъ не было никакого дѣла до литературы и которые вовсе не хотѣли сблизиться съ людьми не своего общества. Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго окружали обыкновенно хозяйку дома, которая разливала чай въ салонѣ, а литераторы были биткомъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, боясь заглянуть въ салонъ. Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета... Когда я въ первый разъ былъ у Одоевскаго, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Его привлекательная, симпатичная наружность, таинственный тонъ, съ которымъ говорилъ онъ обо всемъ на свѣтѣ, безпокойство въ движеніяхъ человѣка, озабоченнаго чѣмъ-то серьезнымъ, выраженіе лица постоянно задумчивое, размышляющее,—все это не могло не подѣйствовать на меня. Прибавьте къ этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленнаго необыкновенными столами съ этажерками и съ таинственными ящиками и углубленіями; книги на столахъ, на стѣнахъ, на диванахъ, на полу, на окнахъ — и притомъ въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ, съ писанными ярлычками на задкахъ; портретъ Бетховена съ длинными сѣдыми волосами и въ красномъ галстухѣ; различные черепа, какія-то необыкновенной формы стклянки и химическія реторты. Меня поразилъ даже самый костюмъ Одоевскаго: черный, шелковый, вострый колпакъ на головѣ и такой же длинный до пятъ сюртукъ—дѣлали его похожимъ на какого-нибудь средневѣковаго астролога или алхимика... Я имѣлъ случай не разъ убѣдиться, что подъ этимъ таинственнымъ астрологическимъ костюмомъ билось самое простое, самое откровенное и чистое сердце. Я мало встрѣчалъ людей, которые бы могли сравниться съ Одоевскимъ въ добродушіи и довѣрчивости. Никто болѣе его не ошибался въ людяхъ и никто, конечно, болѣе его не былъ обманутъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Никто болѣе Одоевскаго не принимаетъ серьезно самыя пустыя вещи и никто болѣе его не задумывается надъ тѣмъ, что не заслуживаетъ не только думы, но и вниманія. Къ этому еще примѣшивается у него слабость казаться во всемъ оригинальнымъ. Ни у кого въ мірѣ нѣтъ такихъ фантастическихъ обѣдовъ, какъ у Одоевскаго: у него пулярка начиняется бузиной или ромашкой; соусы перегоняются въ химической ретортѣ и составляются изъ несвязныхъ смѣшеній; у него все варится, жарится, солится и маринуется ученымъ образомъ... Онъ безпокойно хватается за все, для удовлетворенія своей врожденной любознательности: онъ занимается немножко положительными науками и въ то же время увлекается средневѣковыми мистическими бреднями, возится съ ретортами въ своемъ химическомъ кабинетѣ и пишетъ фантастическія повѣсти, изобрѣтаетъ и заказываетъ какіе-то неслыханные музыкальные инструменты и, подъ именемъ доктора Пуфа, сочиняетъ непостижимые уму блюда и невѣроятные соусы; изучаетъ Лафатера и Галля, сочиняетъ дѣтскія сказки подъ именемъ „Дѣдушки Иринея“, и вдается въ бюрократизмъ. Литераторъ, химикъ, музыкантъ, чиновникъ, черепословъ, поваръ, чернокнижникъ,—онъ совсѣмъ путается и теряется въ хаосѣ этихъ разнообразныхъ занятій. Поддерживая связи съ учеными и литераторами, онъ съ какимъ-нибудь профессоромъ физики или съ математикомъ заводитъ разговоръ о поэзіи и совѣтуетъ ему прочесть какую-нибудь поэму; съ Бѣлинскимъ, не терпѣвшимъ и преслѣдовавшимъ все мистическое, онъ серьезно толкуетъ о неразгаданномъ, таинственномъ мірѣ духовъ, о видѣніяхъ, и насильно навязываетъ ему какую-то книгу о магнетизмѣ, увѣряя его, что онъ непремѣнно долженъ прочесть ее“ (Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. СПб., 1876. Стр. 116—122). О литературномъ салонѣ кн. Одоевскаго и о его субботнихъ „вечерахъ“ есть также любопытныя свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ В. А. Сологуба (СПб., 1887; стр. 137—138), Ленца (*Рус. Архивъ*, 1878, стр. 440—442) и Арнольда (М. 1893. Вып. II, стр. 219 – 223). Полнаго собранія сочиненій кн. В. Ѳ. Одоевскаго до сихъ поръ не существуетъ. Трехтомное изданіе 1844 года не объединяетъ даже всего того, что̀ было имъ напечатано къ тому времени, и болѣе не переиздавалось, за исключеніемъ „Русскихъ ночей“, вышедшихъ новымъ изданіемъ въ 1913 году, и нѣсколько повѣстей въ „Дешевой библіотекѣ“ Суворина. Наиболѣе цѣнный научный трудъ объ Одоевскомъ—книга П. Н. Сакулина: „Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій: Мыслитель-писатель“. Москва, 1913. Кромѣ

lib.pushkinskijdom.ru

того статьи Сумцова, Пятковскаго, Кони и др. Библіографію произведеній Одоевскаго и литературы о немъ см. въ приложеніи къ статьѣ И. А. Кубасова въ Рус. біографич. Словарѣ; СПб., 1905; стр. 150—152.

Кн. Одоевскій не принадлежалъ къ числу ближайшихъ, интимныхъ друзей Пушкина, но, судя по дошедшимъ до насъ письмамъ ихъ, относящимся къ 1833—36 гг., между ними установились отношенія дружеской симпатіи, основанной на общности интересовъ и взаимномъ уваженіи. Въ сентябрѣ 1833 г. Одоевскій предлагалъ Пушкину принять участіе въ задуманномъ имъ альманахѣ „Тройчатка, или Альманахъ въ три этажа“, въ которомъ долженъ былъ участвовать и Гоголь, при чемъ предполагалось, что сотрудники подѣлятъ между собой три „этажа“ альманаха, такъ что Одоевскій возьметъ на себя „гостиную“, Гоголь—„чердакъ“, а Бѣлкину-Пушкину предоставлялся въ распоряженіе „погребъ“; однако, Пушкинъ уклонился отъ этого предложенія, и альманахъ не состоялся (Переписка, III, стр. 47 и 56). Зато, когда Пушкинъ задумалъ изданіе „Современника“, онъ привлекъ къ ближайшему участію въ немъ кн. Одоевскаго, при чемъ, по первоначальному проекту, составленному самимъ Одоевскимъ, послѣдній долженъ былъ взять на себя составленіе общаго обозрѣнія политическаго, научнаго и литературнаго развитія европейскихъ странъ за послѣдніе годы, начиная съ 1830 г., и самое изданіе, по мысли Одоевскаго, должно было носить заглавіе: „Современный Лѣтописецъ политики, наукъ и литературы“ (см. письмо Одоевскаго, ноябрь 1835 г.; Переписка, III, стр. 257).

31 декабря 1835 г. Пушкинъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему изданія сборника литературныхъ и научныхъ статей, „на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews“; 14 января 1836 г. Бенкендорфъ извѣстилъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова о томъ, что государемъ разрѣшено Пушкину изданіе трехмѣсячнаго журнала (Переписка, III, стр. 261, 266), а въ началѣ апрѣля вышелъ 1-й номеръ „Современника“ (цензурная помѣта 31 марта 1836 г.). Въ этомъ первомъ номерѣ однако нѣтъ ничего принадлежащаго перу Одоевскаго, но во 2-мъ номерѣ Пушкинъ помѣстилъ его статью: „О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ“ (подъ псевдонимомъ С. Ѳ.), очень характерную для общихъ взглядовъ Одоевскаго и для его горячей любви къ просвѣщенію, а въ № 3-мъ напечаталъ его замѣтку: „Какъ пишутся у насъ романы“ (по поводу „Постоялаго двора“ Степанова). Такимъ образомъ, сотрудничество Одоевскаго въ журналѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкина выразилось въ гораздо болѣе скромной формѣ, чѣмъ оно предполагалось ранѣе. Что касается до чисто-литературныхъ произведеній Одоевскаго, то изъ нихъ была напечатана въ „Современникѣ“ лишь его повѣсть „Сильфида“, въ номерѣ 5-мъ, вышедшемъ въ свѣтъ уже послѣ смерти Пушкина, но составленном еще цѣликомъ имъ самимъ (цензурная помѣта 11 ноября 1836). Однако, Пушкинъ, повидимому, былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ произведеніемъ: „Конечно, Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нѣжели Сильфида,—но всякое даяніе Ваше благо. Кажется письмо тестя [въ повѣсти] холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ (?)— Оно показалось мнѣ невразумительнымъ“ (Переписка, III, стр. 397). Еще ранѣе, въ началѣ апрѣля 1836 г., Пушкинъ писалъ кн. Одоевскому по поводу предложеннаго имъ для „Современника“ отрывка: „Сегеліель, или Донъ-Кихотъ XIX стол.“: „О Сегеліелѣ, кажется, задумалась Цензура,—но я не очень имъ доволенъ,—къ тому же, какъ отрывокъ, онъ въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія“ (тамъ же, стр. 294). По инымъ соображеніямъ Пушкинъ уклонился отъ помѣщенія другого произведенія Одоевскаго, какого-то „Разговора недовольныхъ“ (ibid). Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что, цѣня Одоевскаго, какъ дѣятельнаго и многосторонне образованнаго сотрудника, Пушкинъ къ его литературнымъ произведеніямъ относился довольно сдержанно, во всякомъ случаѣ безъ того увлеченія, съ которымъ онъ иногда преувеличенно оцѣнивалъ труды своихъ друзей. Въ неоднократно цитированныхъ уже воспоминаніяхъ В. Ленца („Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ съ 1834 года“) мы находимъ одно мѣсто, бросающее нѣкоторый свѣтъ на это критическое отношеніе Пушкина къ творчеству кн. Одоевскаго; разсказавъ о своей встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ домѣ Одоевскаго и о томъ впечатлѣніи, какое произвело на него появленіе его жены, Ленцъ продолжаетъ: „Мнѣ захотѣлось по крайней мѣрѣ посидѣть около Пушкина. Я собрался съ духомъ и сѣлъ около него. Къ моему удивленію, онъ заговорилъ со мной очень ласково: должно быть былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Гофмана фантастическія сказки въ это самое время были переведены въ Парижѣ на французскій языкъ и, благодаря этому обстоятельству, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ. Тутъ во всемъ главную роль игралъ Парижъ. Пушкинъ только и говорилъ что про Гофмана; не даромъ же онъ и написалъ Пиковую Даму въ подражаніе Гофману, но въ болѣе изящномъ вкусѣ. Гофмана я зналъ

lib.pushkinskijdom.ru

наизусть; вѣдь мы въ Ригѣ, въ счастливые юношескіе годы, почти молились на него. Нашъ разговоръ былъ оживленъ и продолжался долго. „Одоевскій пишетъ также фантастическіе піесы", сказалъ Пушкинъ съ неподражаемымъ сарказмомъ въ тонѣ. Я возразилъ совершенно невинно: „Sa pensée malheureusement n'a pas de sexe", и Пушкинъ неожиданно показалъ мнѣ весь рядъ своихъ прекрасныхъ зубовъ: такова была его манера улыбаться" (*Рус. Архивъ*, 1878, стр. 442). Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что, по словамъ Арнольда, Пушкинъ самого Одоевскаго прозвалъ „Гофманскою каплей", намекая этимъ, съ одной стороны, на его увлеченіе нѣмецкимъ романтикомъ, а съ другой—на его привычку лѣчиться отъ обычной своей мигрени Гофманскимъ эфиромъ (назв. соч., II, 201). Для Пушкина, съ его трезвымъ міросозерцаніемъ, воспитаннымъ на раціоналистической французской литературѣ XVIII вѣка, міръ романтической фантастики былъ внутренне чуждъ. Онъ вообще мало сочувствовалъ увлеченію современной русской молодежи нѣмецкой идеалистической философіей. Въ статьѣ: „Мысли въ дорогѣ", написанной какъ разъ въ эти годы (1833—34), мы находимъ слѣдующее характерное замѣчаніе Пушкина: „Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому". Правда, дальше онъ признается, что это увлеченіе имѣло и свои положительныя стороны; однако, несмотря на эту оговорку, весь тонъ приведеннаго выше отрывка ясно показываетъ, что самъ Пушкинъ вовсе не раздѣлялъ этого увлеченія русской молодежи, между тѣмъ какъ Одоевскій былъ въ этомъ отношеніи типичнымъ представителемъ современнаго поколѣнія. Вѣроятно, этой разницей въ общемъ міросозерцаніи и умонастроеніи Пушкина и опредѣляется его сдержанное отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ Одоевскаго, типичнаго романтика въ нѣмецкомъ духѣ, во многихъ отношеніяхъ бывшаго ученикомъ и послѣдователемъ Жанъ-Поля Рихтера и Гофмана.

Стр. 45 (8). Надежда Николаевна Ланская, по первому мужу Полетика, урожд. Маслова, жена генералъ-майора Павла Петровича Ланского. Разведясь съ первымъ мужемъ, она вышла замужъ за Ланского, но черезъ нѣсколько лѣтъ бѣжала отъ него съ секретаремъ неаполитанскаго посольства графомъ Griffeo. Въ результатѣ возникъ бракоразводный процессъ, тянувшійся болѣе 20 лѣтъ и окончившійся расторженіемъ брака (С. А. Панчулидзевъ. Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1801—1826. Стр. 233).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 45 (9—13). „Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul" — эти слова Соболевскаго представляютъ собой забавную передѣлку словъ Гипполита въ „Федрѣ" Расина: „Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur" (acte IV, sc. II). Соболевскій имѣлъ неосторожность произнести свою довольно смѣлую шутку въ дамскомъ обществѣ, въ присутствіи княгини Одоевской. Въ противоположность своему простому и добродушному супругу, княгиня Ольга Степановна (1797—1872), урожд. Ланская, отличалась чопорностью и надменностью въ обращеніи: такою рисуется она, напр., въ воспоминаніяхъ Панаева, Арнольда и Ленца (*Рус. Архивъ*, 1878, I, стр. 440); естественно поэтому, что выходка Соболевскаго должна была особенно поразить ея аристократическую важность, такъ что она даже „позеленѣла отъ злости", а самъ Соболевскій, несмотря на свою обычную развязность, настолько смутился, что поспѣшилъ скрыться съ глазъ разгнѣванной дамы.

Стр. 45 (14—22). 13 іюля 1826 года—день казни декабристовъ. М. А. Цявловскій на основаніи записи Я. П. Полонскаго, передающей въ сжатой формѣ разсказанный А. О. Смирновой эпизодъ („14 декабря 1825 года, собака, платокъ обыкновенный"), приходитъ къ весьма правдоподобному выводу, что именно отъ нея заимствовалъ Пушкинъ приведенный имъ анекдотъ; въ это время Смирнова, только что окончившая институтъ, состояла фрейлиной при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (*Голосъ Минувшаго*, 1917, № 11—12, стр. 164). Въ нѣсколько иномъ видѣ этотъ эпизодъ разсказывается въ „Запискахъ" А. О. Смирновой (т. I, стр. 89, прим.).

Стр. 45 (23). Смирнова, Александра Осиповна, (1809—1882) урожд. Россетъ (или Россети). Дочь французскаго эмигранта Осипа Ивановича Россетъ (Joseph de Rosset), служившаго сперва во флотѣ, а затѣмъ бывшаго начальникомъ Одесскаго портового карантина. Александра Осиповна получила образованіе въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ въ это время преподавателемъ русскаго языка былъ П. А. Плетневъ, другъ Пушкина и Жуковскаго. Окончивъ съ отличіемъ курсъ института въ февралѣ 1826 года, она въ мартѣ того же года была назначена фрейлиной вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, а по кончинѣ ея, въ октябрѣ 1828 года, заняла ту же должность при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, при которой она и оставалась вплоть до своего замужества. Въ январѣ 1832 года она вышла замужъ за камеръ-юнкера Николая Михай-

lib.pushkinskijdom.ru

ловича Смирнова, бывшаго впослѣдствіи Калужскимъ и Петербургскимъ губернаторомъ и затѣмъ сенаторомъ. 30-е годы были, несомнѣнно, эпохой расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ Смирновой, сумѣвшей создать себѣ независимое положеніе среди чопорнаго свѣтскаго общества. Богато одаренная отъ природы, изящная, живая, съ красивыми выразительными глазами, она привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе. Людей высшей культуры она кромѣ того плѣняла своимъ несомнѣннымъ умомъ, разнообразіемъ своихъ интересовъ, отзывчивостью къ явленіямъ искусства и литературы, независимостью своихъ суждений, блестящимъ, хотя подчасъ парадоксальнымъ остроуміемъ. Въ своей гостиной она устроила литературный „салонъ", въ которомъ собирались наиболѣе видные писатели того времени: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, кн. Одоевскій, кн. Вяземскій и др. Благодаря своимъ придворнымъ связямъ и благодаря тому благоволѣнію, которое выказывалъ къ ней имп. Николай Павловичъ, она иногда имѣла возможность оказывать писателямъ немаловажныя услуги въ случаяхъ цензурныхъ затрудненій, такъ что Пушкинъ даже прозвалъ ее въ шутку: Nôtre Dame du bon secours de la littérature russe en détresse. Кн. Вяземскій же называлъ ее— madame Fonvisin, за мѣткость наблюденій и откровенность шутокъ (Рус. Архивъ, 1888, № 7, стр. 302). Со многими литераторами 30—40-хъ годовъ Смирнова была въ чисто-дружескихъ отношеніяхъ; лучшіе поэты того времени воспѣвали ее въ своихъ стихахъ: Лермонтовъ („При васъ хочу сказать вамъ много"...), Жуковскій, Хомяковъ, кн. Вяземскій, гр. Ростопчина, Мятлевъ; законченную поэтическую характеристику Смирновой далъ Пушкинъ въ посвященномъ ей альбомномъ стихотвореніи:

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра;
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на бѣло.

Помимо этихъ поэтическихъ приношеній въ честь ея красоты, ума и дарованій, Александра Осиповна, въ годы своей молодости, возбуждала къ себѣ и болѣе нѣжныя чувства, привлекала сердца многочисленныхъ поклонниковъ. Даже такой спокойный и уравно-

lib.pushkinskijdom.ru

вѣшенный человѣкъ, какъ А. И. Кошелевъ, не устоялъ передъ обаяніемъ ея личности и увлекся ею настолько сильно, что, когда она отвѣтила отказомъ на его матримоніальное предложеніе, то онъ серьезно заболѣлъ отъ огорченія, такъ что принужденъ былъ даже уѣхать заграницу для лѣченія (Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлинъ, 1884. Стр. 30—31).

Князь П. А. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“ слѣдующими чертами рисуетъ портретъ Смирновой въ ея молодые годы: „Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокую дѣвицу *Donna Sol*, по имени главной дѣйствующей личности Испанской драмы Гюго („Hernani“). Жуковскій, который часто любилъ облекать поэтическую мысль выраженіемъ шуточнымъ и удачно-пошлымъ, прозвалъ ее *небесным дьяволенком*. Кто хвалилъ ея черные глаза, иногда улыбающіеся, иногда огнестрѣльные; кто—стройное и маленькое ушко́, эту аристократическую женскую примѣту, какъ ручка и какъ ножка; кто любовался ея красивою и своеобразною миловидностью. Иной готовъ былъ глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита!

И замѣтимъ мимоходомъ, что она очень бы смѣялась этимъ стихамъ: не смотря на свое общественное положеніе, на свѣтскость свою, она любила русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Она угадывала (болѣе того, она вѣрно понимала) и все высокое, и все смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Переряженная и масляничная поэзія пѣвца Курдюковой находила въ ней сочувственный смѣхъ. Обыкновенно женщины худо понимаютъ плоскости и пошлости; она понимала ихъ и радовалась имъ,—разумѣется, когда онѣ были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Женщины брезгливы и въ дѣлѣ искусства; у нихъ во вкусѣ есть своя исключительность, свой педантизмъ, свой чинъ-чина почитай. Наша красавица умѣла постигать Рафаэля, но не отворачивалась и отъ Теньера, ни отъ карикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всѣхъ живостью своею, чуткостью впечатлѣній, остроуміемъ, нерѣдко поэтическимъ настроеніемъ. Прибавьте къ этому, въ противоположность нелишенную прелести, какую-то южную лѣнивость, усталость. Въ ней было что-то отъ Севильской женственности. Вдругъ эта мнимая безстрастность расшевелится или теплымъ сочувствіемъ всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простятъ мнѣ барыни выраженіе)

lib.pushkinskijdom.ru

ощетинится скептическимъ и язвительнымъ отзывомъ на жизнь и на людей. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были какъ музыкальныя разнозвучія, которыя, подъ рукою художника, сливаются въ какое-то странное, но увлекательное соэвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца. Были, можетъ быть, струны, которыя звучали пронзительно или просто-непріятно; но это были звуки отдѣльные, обрывистые, мимолетучіе... Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ академикомъ въ чепцѣ. Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ Петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустымъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ Парижскихъ со старымъ дипломатомъ, о Петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія, съ пріятельницею, или обмѣнивалась съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ загадочными полусловами, т. е. по англійски *flirtation* или *отношеніями,* какъ говорилось въ то время въ нашемъ кружкѣ. Однимъ словомъ, въ запасѣ любезности ея было, если не всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, то всѣмъ братьямъ по *сердечной загвоздкѣ,* какъ сказалъ бы Жуковскій... Вотъ шуточные стихи, которые были ей поднесены:

„Вы — Донна-Соль, подъ часъ и Донна-Перецъ!
Но все намъ сладостно и лакомо отъ васъ,
И каждый мыслями и чувствами изъ насъ
Вашъ вѣрноподданный и вашъ единовѣрецъ.
Но всѣхъ счастливѣй будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ
И радостно сказать вамъ можетъ:
О, Донна-Сахаръ! Донна-Медъ"!

Къ болѣе позднему времени, именно къ серединѣ 40-хъ годовъ, относятся отзывы объ А. О. Смирновой И. С. Аксакова, близко познакомившагося съ нею въ Калугѣ, гдѣ мужъ ея въ это время былъ

lib.pushkinskijdom.ru

губернаторомъ. Отзывы эти отличаются гораздо болѣе сдержанным характеромъ и рисуютъ двойственный образъ этой незаурядной женщины. Съ одной стороны, Аксаковъ признаетъ въ ней высокую умственную культуру,—она, по его выраженію, „олицетворенный умъ“,—съ другой стороны, онъ отмѣчаетъ въ ея личности многія несимпатичныя свойства: холодность, черствость, эгоизмъ, высокомѣріе. „Эта женщина внушаетъ такую недовѣрчивость, не знаешь, говоритъ ли она серьезно, или шутитъ, боишься ей говорить серьезно и искренно, потому что она, можетъ быть, помираетъ надъ вами со смѣху. Такія лица не вызываютъ откровенности“... „Ея простота и фамильярность имѣютъ въ себѣ что-то оскорбительное, какое-то пренебреженіе къ вашему мнѣнію и сужденію. Разговоръ почти всегда пустой, состоитъ изъ анекдотовъ, до которыхъ она большая охотница“... „Можетъ быть, Гоголь считаетъ ее идеаломъ русской женщины вотъ почему: она, не хлопоча объ эмансипаціи, какъ женщина Запада, довольно свободна, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ, условій и приличій, давно признанныхъ ложными и смѣшными, но которыя еще сохраняютъ надъ нами власть привычки, все можетъ понять, видѣть и говорить, не пачкаясь тѣмъ, что видитъ и говоритъ, оставаясь чистою, можетъ свободнымъ смѣхомъ смѣяться всему смѣшному и стать открытымъ, не жеманнымъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и природой“... Аксаковъ отмѣчаетъ въ ней даже слабость художественнаго чувства, отсутствіе „теплоты эстетическихъ ощущеній“. Въ общемъ эти отзывы И. С. Аксакова совпадаютъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вынесъ изъ своей бесѣды со Смирновой его отецъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ: „Я не вполнѣ довѣрялъ Гоголю и Самарину, я считалъ, что они обольщены, очарованы (и мнѣ говорили многіе, что она сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видятъ. Но я увидѣлъ, что тутъ нѣтъ и тѣни ничего обольстительнаго, даже ни въ какомъ отношеніи: я не нашелъ въ ней женщины; это былъ мужчина въ спальномъ капотѣ и чепчикѣ, очень умный, смѣло обо всемъ говорящій, но легкій, холодный; я по крайней мѣрѣ не замѣтилъ ни малѣйшей теплоты, ни даже признака эстетическаго или поэтическаго чувства“ (Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Т. I, стр. 285, 287, 295, 299, 302).

Съ годами темныя стороны характера А. О. Смирновой, скрытыя подъ ея блестящей, обаятельной внѣшностью, стали еще болѣе выдвигаться. Къ серединѣ 50-хъ годовъ относится отзывъ о ней Я. П. Полонскаго, жившаго нѣкоторое время въ домѣ Смирновыхъ, въ качествѣ воспитателя ея единственнаго сына; онъ также признаетъ

lib.pushkinskijdom.ru

ея блестящій умъ и необыкновенныя способности („выучиться по гречески ей ничего не стоило"), но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ и многія отрицательныя стороны ея нравственнаго существа: она производила впечатлѣніе человѣка озлобленнаго и глубоко разочарованнаго, капризнаго и эгоистическаго; даже умъ ея, по мнѣнію Полонскаго, не могъ искупить ея нравственныхъ недостатковъ; „отъ этого ума никому ни тепло, ни холодно; онъ хорошъ для гостиной, для разговора съ литераторами, съ учеными, но для жизни онъ излишняя, безполезная роскошь. Какъ славянофилка, она воспитала дочерей своихъ такъ, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго; какъ христіанка, она никого не заставила горячо и нелицемѣрно полюбить себя; какъ русская патріотка, она не могла жить въ Россіи" (М. А. Цявловскій. «Разсказы А. О. Смирновой въ записи Я. П. Полонскаго». Голосъ Минувшаго. 1917, № 11—12. Стр. 142 и сл.). По сохранившемуся преданію, Тургеневъ изобразилъ А. О. Смирнову въ „Рудинѣ" въ лицѣ г-жи Ласунской (слышано мною отъ покойнаго П. И. Бартенева); это изображеніе также обрисовываетъ ея личность далеко не привлекательными чертами; упоминается она и въ „Отцахъ и Дѣтяхъ"—въ словахъ Базарова, что у него тошно на душѣ, какъ будто онъ начитался писемъ Гоголя къ Калужской губернаторшѣ.

Но Пушкинъ зналъ Смирнову въ блестящую пору ея жизни, въ эпоху ея молодости, въ эпоху расцвѣта ея красоты и дарованій. Когда именно началось ихъ личное знакомство, въ точности мы не знаемъ: въ воспоминаніяхъ Александры Осиповны о Жуковскомъ и Пушкинѣ (Рус. Архивъ, 1871 г., стр. 1869—1883) нѣтъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній; возможно, что они еще въ 1828 году встрѣчались въ гостиной Е. А. Карамзиной, съ которой Смирнова въ это время познакомилась (ib., стр. 1871). Но болѣе близкія, дружескія отношенія завязываются между ними только лѣтомъ 1831 года, когда Пушкинъ проживалъ въ Царскомъ Селѣ, куда въ іюлѣ переѣхалъ изъ Петергофа и дворъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Смирновой. Послѣдняя въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ нѣсколько мелкихъ, но живыхъ подробностей объ этой эпохѣ своего знакомства съ Пушкинымъ. „Въ 1831 году въ Царскомъ мы видались ежедневно. Пушкинъ съ молодой женой поселился въ домѣ Китаева, на Колпинской улицѣ. Жуковскій жилъ въ Александровскомъ дворцѣ, а фрейлины помѣщались въ Большомъ дворцѣ. Тутъ они оба взяли привычку приходить ко мнѣ по вечерамъ, т.-е. передъ собраніемъ у Императрицы, назначенномъ къ 9-ти часамъ. Днемъ Жуковскій занимался съ Великимъ Княземъ или работалъ

lib.pushkinskijdom.ru

у себя. Пушкинъ писалъ, именно свои сказки, съ увлеченіемъ; такъ какъ я ничего не дѣлала, то и заходила въ домъ Китаева. Наталья Николаевна сидѣла обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинетъ былъ наверху, и онъ тотчасъ насъ зазывалъ къ себѣ. Кабинетъ поэта былъ въ порядкѣ. На большомъ кругломъ столѣ передъ диваномъ находились бумаги и тетради, часто несшитыя, простая чернилица и перья; на столѣ графинъ съ водой, ледъ и банка съ кружевниковымъ вареньемъ, его любимымъ. (Онъ привыкъ въ Кишиневѣ къ дульчецамъ). Волоса его обыкновенно были еще мокры отъ утренней ванны и вились на вискахъ; книги лежали на полу и на всѣхъ полкахъ. Въ этой простой комнатѣ, безъ гардинъ, была невыносимая жара; но онъ это любилъ, сидѣлъ въ сертукѣ безъ галстука. Тутъ онъ писалъ, ходилъ по комнатѣ, пилъ воду, болталъ съ нами, выходилъ на балконъ и прибиралъ всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки, графини Ламбертъ. Иногда онъ читалъ намъ отрывки своихъ сказокъ и серьезно спрашивалъ нашего мнѣнія. Онъ восхищался заглавіемъ одной: „Попъ—толоконный лобъ и служитель его Балда“. „Это такъ дома можно, говорилъ онъ, а вѣдь цензура не пропуститъ“. Онъ говорилъ часто: „Ваша критика, мои милые, лучше всѣхъ; вы просто говорите: этотъ стихъ нехорошъ, мнѣ не нравится“. Вечеромъ, въ 5 или 6-ть часовъ, онъ съ женой ходили гулять вокругъ озера, или я заѣзжала въ дрожкахъ за его женой; иногда и онъ садился на перекладину верхомъ, и тогда былъ необыкновенно веселъ и забавенъ. У него была неистощимая *mobilité de l'esprit*. Въ 7 часовъ Жуковскій съ Пушкинымъ заходили ко мнѣ; если случалось, что меня дома нѣтъ, я ихъ заставала въ комфортабельной бесѣдѣ съ моими дѣвушками...“ Нѣсколько далѣе Смирнова пишетъ: „Въ 1832 году Александръ Сергѣевичъ приходилъ всякой день почти ко мнѣ, также и въ день рожденія моего принесъ мнѣ альбомъ и сказалъ: Вы такъ хорошо разсказываете, что должны писать свои записки, и на первомъ листѣ написалъ стихи: „Въ тревогѣ пестрой и безплодной“ и пр. Почеркъ у него былъ великолѣпный, чрезвычайно четкій и твердый. Князь П. А. Вяземскій, Жуковскій, Александръ Ив. Тургеневъ, сенаторъ Петръ Ив. Полетика, часто у насъ обѣдали. Пугачевскій бунтъ, въ рукописи, былъ слушаемъ послѣ такого обѣда. За столомъ говорили, спорили; кончалось всегда тѣмъ, что Пушкинъ говорилъ одинъ и всегда имѣлъ послѣднее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковскаго, который впрочемъ не всегда съ нимъ соглашался“ (ibid., стр. 1882—3). Повидимому,

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ очень цѣнилъ легкій умъ и веселую насмѣшливость Смирновой, ея здравый смыслъ и наблюдательность, свободную непринужденность ея бесѣды и обращенія, и охотно проводилъ время въ ея обществѣ: дѣйствительно, въ письмахъ Пушкина и въ его дневникѣ имя Смирновой-Россети поминается довольно часто, и часто въ этихъ упоминаніяхъ звучитъ нота искренняго сочувствія. „Въ тревогѣ пестрой и холодной большого свѣта и двора", „среди лукавыхъ, малодушныхъ, шальныхъ, балованныхъ дѣтей... среди кокетокъ богомольныхъ, среди холопьевъ добровольныхъ", Смирнова казалось ему какимъ-то счастливымъ исключеніемъ по своей простотѣ, живости, искренности и непосредственности. Отмѣчая пустоту и ничтожность интересовъ офиціальнаго и свѣтскаго Петербурга, однообразіе толковъ и разговоровъ, Пушкинъ пишетъ: „Одна См. [Смирнова] по прежнему мила и холодна къ окружающей суетѣ". Сохранились даже нѣкоторые намеки на то, что Пушкинъ былъ не равнодушенъ къ ея своеобразной прелести и что Наталья Николаевна серьезно ревновала его къ „черноокой красавицѣ" (Павлищевъ, Арапова), однако едва ли это чувство Пушкина, если оно и было у него, доходило до степени настоящаго увлеченія: во всякомъ случаѣ мы не располагаемъ сейчасъ никакими серьезными данными въ пользу такого предположенія.

Кромѣ цитированныхъ выше воспоминаній Смирновой о Жуковскомъ и Пушкинѣ, опубликованныхъ ею еще при жизни, нѣкоторыя отрывки изъ нихъ были напечатаны П. И. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ въ 1882, 1895 и 1902 гг., и В. В. Каллашемъ въ книгѣ: „Николаевская Эпоха" (М. 1910). Изъ нихъ наиболѣе обработаны въ литературномъ отношеніи лишь воспоминанія, относящіяся къ годамъ ранняго дѣтства (Рус. Архивъ, 1895, II, стр. 17—27); другія же части этихъ воспоминаній представляютъ собой пестрый калейдоскопъ именъ и фактовъ, приведенныхъ безъ всякой связи и порядка, выхваченныхъ случайно изъ богатаго запаса памяти; однако, несмотря на всю свою отрывочность, несвязность и хронологическую спутанность, воспоминанія эти представляютъ довольно значительный интересъ, такъ какъ въ нихъ сохранилось немало чертъ, характерныхъ для жизни и нравовъ русскаго высшаго общества 30—40-хъ годовъ. Что же касается до такъ называемыхъ „Записокъ А. О. Смирновой", опубликованныхъ ея дочерью Ольгой Николаевной сперва въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" 1893—95 гг., а затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи (СПб., 1895—97), то эта книга не пользуется среди изслѣдователей особеннымъ довѣріемъ. Уже при самомъ ея появленіи со-

lib.pushkinskijdom.ru

временная критика, въ лицѣ В. Спасовича („Вѣстникъ Европы", 1897, іюнь, стр. 580—596) и В. В. Каллаша („Рус. Мысль", 1897, октябрь, стр. 447—450), отмѣтила цѣлый рядъ ошибокъ, анахронизмовъ и несообразностей, заставляющихъ подозрѣвать самую подлинность Записокъ. Въ настоящее время считается признаннымъ, что эти Записки представляютъ собой трудъ Ольги Николаевны Смирновой, въ основу котораго, можетъ быть, положены какія-то недошедшія до насъ воспоминанія ея матери или ея устные разсказы, но въ которомъ эти матеріалы подверглись такой обработкѣ, что мы не имѣемъ возможности ихъ выдѣлить среди другихъ подробностей, представляющихъ собою явное сочиненіе самой издательницы Записокъ. Во всякомъ случаѣ книгой этой можно пользоваться лишь съ величайшей осторожностью и при условіи постоянной провѣрки ея данныхъ при помощи другихъ источниковъ.

Стр. 45 (23). „Вчера былъ у См. ц. н.—анекдоты". Редакторы сочиненій Пушкина (П. О. Морововъ, П. А. Ефремовъ, С. А. Венгеровъ) весьма правдоподобно толкуютъ „ц. н. анекдоты"—„Циціановскіе анекдоты". Князь Дмитрій Евсѣевичъ Циціановъ (1747—1835), внучатый дядя А. О. Смирновой, братъ ея бабушки Екатерины Евсѣевны Лореръ, урожд. кн. Циціановой, отличался пылкой фантазіей и своей привычкой разсказывать всевозможныя небылицы. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ своей статьѣ: „Воображаемый разговоръ съ имп. Александромъ I" (1825): „всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы князю Циціанову" (Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редак. П. О. Морозова, т. VI, стр. 456).

А. Я. Булгаковъ, посвятившій Циціанову особую главу въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его: „Кто изъ современниковъ тогдашнихъ не былъ знакомъ съ княземъ Циціановымъ или не зналъ его по наслышкѣ? Онъ былъ человѣкъ добрый, большой хлѣбосолъ и отлично кормилъ своихъ гостей, но былъ еще болѣе извѣстенъ, съ самыхъ временъ Екатерины, по пріобрѣтенной имъ славѣ пріятнаго и неистощимаго лгуна. Слабость эту прощалъ ему всякій весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближняго. Циціанова ложь никого не оскорбляла, а только всѣхъ смѣшила. У него были всегда и на всѣ случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь изъ присутствующихъ оканчивалъ странный или любопытный разсказъ, то Циціановъ спѣшилъ сказать: „Да это что? Нѣтъ, я вамъ разскажу, что

lib.pushkinskijdom.ru

со мною случилось"... И тогда начиналась какая-нибудь исторія или басенка, въ которой были обыкновенно замѣшаны знаменитые люди царствованія Екатерины II, фавориты Екатерининскіе и даже сама Императрица". Въ качествѣ образца такихъ „Циціановскихъ анекдотовъ" Булгаковъ приводитъ два разсказа: „о трехфунтовой медвѣжьей шубѣ", будто бы подаренной Циціановымъ князю Потемкину, и о пчелахъ въ Грузіи „величиною съ воробья", которыя притомъ „не жужжатъ, а поютъ, какъ птицы" („Старина и Новизна", книга 7-я, стр. 113 и сл.). Аналогичныя свѣдѣнія о Циціановѣ и анекдоты его изобрѣтенія приводятся въ Запискахъ А. О. Смирновой (ч. I, стр. 95—96) и въ „Старой записной книжкѣ" кн. Вяземскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 146). „Проѣвъ" на своемъ вѣку большое состояніе, кн. Циціановъ скончался въ бѣдности. „Будучи очень щедрымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ, онъ весь прожился и его на старости лѣтъ содержала его прислуга. Онъ преспокойно увѣрялъ своихъ собесѣдниковъ, что въ Грузіи очень выгодно имѣть суконную фабрику, такъ какъ нѣтъ надобности красить пряжу: овцы родятся разноцвѣтными, и при захожденіи солнца стада этихъ цвѣтныхъ овецъ представляютъ собою прелестную картину" (П. И. Бартеневъ, со словъ А. О. Россета: Рус. Архивъ, 1889, кн. II, стр. 86).

Стр. 46 (2—11). Княжна Туркестанова, Варвара Ильинична (1775—1819), по отцу родомъ грузинка, была фрейлиной при дворѣ имп. Маріи Ѳеодоровны. Она отличалась умомъ, разностороннимъ образованіемъ и серьезными умственными интересами, выдѣлявшими ее среди окружающаго придворнаго общества. Не будучи красавицей, она обладала большой привлекательностью, обаятельно дѣйствовавшей на окружающихъ. Императоръ Александръ Павловичъ былъ, повидимому, искренно увлеченъ ею: до извѣстной степени она замѣнила въ его сердцѣ знаменитую Марію Антоновну Нарышкину, послѣ ея отъѣзда за границу въ 1813 году. Много интереснаго для ознакомленія съ этой, во всякомъ случаѣ незаурядной, личностью даетъ ея переписка съ Кристиномъ, русскимъ политическимъ агентомъ во Франціи при Наполеонѣ I, обнимающая періодъ времени съ 1813 по 1819 годъ и заключающая въ себѣ также немало цѣннаго матеріала для характеристики высшаго Петербургскаго общества того времени: „Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Lettres, écrites de Pétersbourg et de Moscou". 1813—1819. Préface par Mr. le Baron de Budberg. Moscou, 1882. (См. также Рус. Архивъ, 1912, №№ 11—12). Характеризуя княжну Туркестанову, бар. Буд-

lib.pushkinskijdom.ru

бергъ пишетъ въ своемъ предисловіи: „La princesse possédait un esprit supérieur, rehaussé par une instruction sérieuse, un caractère charmant, une nature enthousiaste et quelque peu fantasque à laquelle l'origine asiatique de sa famille donnait tout le charme de la femme orientale".

Исторія романа княжны Туркестановой съ императоромъ Александромъ подробно разсказана въ обширномъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ ей княгиней Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой (Рус. Архивъ, 1914, №№ 1 и 2). Туркестанова, повидимому, была искренно увлечена государемъ, но долгое время ихъ отношенія не выходили изъ границъ amitié amoureuse, хотя свѣтская молва уже называла ее фавориткой и даже приписывала ей вліяніе на императора, въ духѣ „секты кальвинистовъ", что было совершенно несправедливо, такъ какъ Туркестанова была ревностная православная. Окончательное сближеніе произошло, по нѣкоторымъ даннымъ, весною 1818 года. Но уже въ это время завязывался у нея другой романъ съ молодымъ и блестящимъ, но вѣтренымъ и легкомысленнымъ флигель-адъютантомъ княземъ В. С. Голицынымъ. Это двойное увлеченіе, одинаково искреннее и глубокое, ставило княжну въ чрезвычайно тяжелое и фальшивое положеніе и создавало возможность очень непріятныхъ для нея неожиданностей: такъ, лѣтомъ, въ августѣ 1818 г., Владиміръ Голицынъ засталъ однажды ночью у нея императора... Положеніе ея ухудшалось страданіями ревности, особенно послѣ возвращенія изъ-за границы М. А. Нарышкиной и послѣ сватовства Голицына къ дѣвицѣ Лопухиной, правда, отвергнутаго родными. Уже будучи беременной, она принуждена была принять участіе въ поѣздкѣ имп. Маріи Ѳеодоровны по родственнымъ нѣмецкимъ дворамъ, поѣздкѣ, для нея, принужденной притомъ скрывать свое состояніе, чрезвычайно мучительной. Послѣ рожденія дочери 24 апрѣля 1819 года, она, доведенная до полнаго отчаянія, рѣшила покончить съ собой и приняла ядъ, который однако не подѣйствовалъ сразу, и она прожила въ ужасныхъ страданіяхъ еще нѣсколько недѣль. „Послѣ отчаяннаго поступка, наполовину неудачнаго, послѣ полнаго упадка духа и нечеловѣческихъ страданій, у нея все еще хватило силы молчать. Ни при Дворѣ, ни среди окружающихъ никто не зналъ правды. Когда врачи объявили, что надежды больше нѣтъ, она улыбнулась, сказавъ, что у *нея* ее нѣтъ уже давно... Она умерла девять мѣсяцевъ спустя послѣ ночного свиданія съ императоромъ... Объ императрицы никогда не узнали о паденіи своей блестящей фрейлины. Елизавета писала 22 мая своей матери марк-графинѣ Амаліи Баденской: „Княжна

lib.pushkinskijdom.ru

Туркестанова умерла сегодня ночью (въ дѣйствительности она скончалась 20-го мая) отъ послѣдствій холеры, которой она заболѣла двѣ или три недѣли тому назадъ"... Императрица-мать ежедневно читала ей въ послѣдніе дни набожныя книги, присоединяя увѣщанія, и молодая женщина исчезла изъ міра,—какъ жила, среди тщетнаго великолѣпія Двора,—почти одинокая душою... Императоръ не посѣтилъ ее на ложѣ смерти" (Рус. Архивъ, 1914, февр., стр. 179—180). Тѣмъ не менѣе слухи объ ядѣ, принятомъ княжною, уже тогда распространились въ обществѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и баронъ Будбергъ въ указанной статьѣ (стр. 17); намекъ на это есть и въ письмѣ ея вѣрнаго друга Христина къ графинѣ Софьѣ Александровнѣ Бобринской, написанномъ имъ 5 мая 1827 г., при отсылкѣ ей переписки княжны Туркестановой. Возможно, что именно отъ графини Бобринской, въ домѣ которой онъ былъ дружески принятъ, Пушкинъ и получилъ свѣдѣнія объ этой трагической исторіи, занесенныя имъ въ свой дневникъ.

Стр. 46 (3). Князь Голицынъ, Владиміръ Сергѣевичъ (1794—1861), сынъ генералъ-аншефа кн. Сергѣя Ѳеодоровича и кн. Варвары Васильевны, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина. Когда семья Голицыныхъ въ царствованіи Павла I жила въ опалѣ въ селѣ Козацкомъ (Екатеринослав. губ.), въ ихъ домѣ проживалъ и И. А. Крыловъ, дававшій уроки русскаго языка младшимъ сыновьямъ. Въ 1812 году кн. Голицынъ поступилъ на военную службу и проявилъ большую храбрость въ бояхъ, при чемъ получилъ нѣсколько ранъ, между прочимъ тяжелую рану въ ногу при взятіи Парижа въ 1814 году. Съ 1837 года онъ служилъ на Кавказѣ, участвовалъ въ походахъ, снова былъ раненъ и въ 1842 году былъ назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи (отсюда прозваніе „le Centre", которое онъ носилъ, подобно многимъ другимъ Голицынымъ). Въ 1848 году, вслѣдствіе неудовольствія кн. Воронцова, вышелъ въ отставку и, переименованный изъ генералъ-майоровъ въ тайные совѣтники, поселился на покоѣ въ Москвѣ, гдѣ велъ широкій образъ жизни богатаго и хлѣбосольнаго московскаго барина, не чуждаго интересовъ литературы и искусства и охотно сближавшагося съ писателями и артистами; онъ даже самъ сочинялъ иногда стихотворенія, водевили и музыкальныя пьесы (Кн. Н. Н. Голицынъ. Родъ князей Голицыныхъ. СПб. 1892).

Красивый, сильный, ловкій, веселый и остроумный, кн. В. С. Голицынъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ и особенно

lib.pushkinskijdom.ru

у женщинъ, беззаботно прожигая жизнь и ища въ ней однихъ только удовольствій. Князь. Вяземскій, близко знавшій Голицына, говоритъ, что „онъ былъ очень остеръ, краснобай, мастеръ играть словами и веселый разсказчикъ“ (Собраніе сочиненій, т. IX, стр. 261). Болѣе строго оцѣниваетъ его характеръ Вигель, знавшій его съ дѣтства: „Болѣе всѣхъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшой, Владиміръ, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и оттого вся жизнь его была сцѣпленіемъ проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ, рѣдко безвинныхъ“ (Записки Ф. Ф. Вигеля М. 1892. ч. I, стр. 128). Фадѣевъ, познакомившійся съ нимъ во время его жизни на югѣ, замѣчаетъ о немъ: „Въ сущности онъ быль умный и добрый человѣкъ, хотя жизнь его, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки. Онъ считался не очень хорошимъ семьяниномъ, хотя чрезвычайно цѣнилъ свою жену, достойнѣйшую женщину княгиню Прасковью Николаевну, любилъ своихъ дѣтей; но своевольная ширь его натуры не допускала стѣсненій или препятствій въ его увлеченіяхъ. Онъ прожилъ нѣсколько солидныхъ состояній, какъ свое родовое, такъ и изъ боковыхъ наслѣдственныхъ. Однако, какъ онъ ни кутилъ, но никогда не докучивался до конца, и всегда судьба ему помогала поправляться... У него была страсть къ каламбурамъ, болѣе или менѣе удачнымъ, которыми онъ пересыпалъ свои рѣчи... Онъ былъ тонкій гастрономъ, любилъ хорошо поѣсть, а еще болѣе угощать другихъ, и великій мастеръ устраивать всякія свѣтскія увеселенія: сочинялъ стихи, водевили, пѣлъ комическіе или сатирическіе куплеты собственнаго сочиненія и самъ себѣ аккомпанировалъ на фортепіано. Для знакомства онъ былъ человѣкъ неоцѣнимый, по пріятности своего общества, любезной обязательности, по простотѣ и добродушію обращенія, по увлекательному, ровному характеру и постоянству своего расположенія“. (Воспоминанія А. М. Фадѣева. Одесса, 1897, т. II, стр. 77—78). Еще болѣе благосклонно судитъ о немъ его біографъ И. И Дроздовъ, отзывъ котораго, правда, относится преимущественно къ позднему періоду жизни кн. Голицына: по его словамъ, Голицынъ „не зналъ мѣры своимъ затѣямъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ высокихъ душевныхъ качествъ“; въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ приводитъ примѣры доброты и отзывчивости Голицына, его широкую благотворительность и т. д. (Рус. Архивъ, 1887, II, стр. 364—370). Что касается до романа Голицына съ княжной Туркестановой, то

lib.pushkinskijdom.ru

эпизодъ этотъ, дѣйствительно, накладываетъ тѣнь на характеръ Голицына: по сохранившемуся преданію, Голицынъ держалъ пари съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей, что добьется любви Туркестановой и подкупилъ горничную, чтобы проникнуть къ ней въ комнату (см. предисловіе барона Будберга къ перепискѣ кн. Туркестановой съ Кристиномъ, стр. 17). Онъ, очевидно, не разсчитывалъ, что его легкомысленное приключеніе приведетъ къ такому трагическому результату. Къ чести его слѣдуетъ однако отнести, что онъ взялъ къ себѣ дочь несчастной Туркестановой, Марію (Мими) и воспитывалъ ее вмѣстѣ со своими дѣтьми; впослѣдствіи она вышла замужъ за И. А. Нелидова. Впрочемъ, кн. Шаховская, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, считаетъ отцомъ этого ребенка императора Александра (Рус. Архивъ, 1914, февр., стр. 176).

Стр. 46 (*12*). Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ (1769—1824), генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта; сынъ небогатаго тульскаго помѣщика, онъ не получилъ почти никакого образованія, съ молодыхъ лѣтъ состоялъ на военной службѣ, при чемъ выдвинулся во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ 1794 году и обратилъ на себя вниманіе Суворова. Очень благоволилъ къ нему и Павелъ I, при которомъ онъ въ 1798 г. былъ переведенъ въ Конную гвардію, произведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Причиной его неожиданнаго возвышенія и блестящей карьеры были близкія его отношенія къ княгинѣ Е. Н. Лопухиной, мачехѣ фаворитки императора Павла. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго полка, а въ слѣдующемъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и пожалованъ въ командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Несмотря на всѣ эти царскія милости, Уваровъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ Павла, хотя и не игралъ въ немъ активной роли. Наканунѣ трагическаго событія 11 марта онъ былъ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ, ночью же съ нѣсколькими офицерами своего полка расположился близъ комнатъ наслѣдника, съ цѣлью охранять его. По воцареніи Александра I-го Уваровъ сопровождалъ его при объявленіи войскамъ о кончинѣ Павла и при переѣздѣ новаго государя изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ юному монарху лицъ и почти всегда сопровождалъ его во время прогулокъ. Въ 1805 г. Уваровъ отличился при Аустерлицѣ, а въ 1812 г. при Бородинѣ, гдѣ онъ командовалъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ. Онъ участвовалъ также въ заграничныхъ походахъ 1813—15 годовъ, а по окончa-

lib.pushkinskijdom.ru

ніи войны состоялъ при государѣ и сопровождалъ его въ его постоянныхъ поѣздкахъ по Россіи и по Европѣ, при чемъ находился при немъ во время конгрессовъ въ Вѣнѣ, Аахенѣ и Лайбахѣ. Въ 1821 г. Уваровъ былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, а въ 1823 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Уваровъ скончался 19 ноября 1824 года и былъ съ большими почестями погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи Александра I и членовъ императорской фамиліи.

„Уваровъ былъ человѣкъ мало образованный, съ неблестящими умственными способностями, безъ особыхъ дарованій, съ не очень строгими нравственными правилами, но честный, добрый, старавшійся не дѣлать никому вреда и прекрасно постигшій искусство вести себя при дворѣ. Онъ достигъ высокаго положенія и до конца жизни пользовался расположеніемъ Александра I, въ то время какъ всѣ остальные участники событія 11 марта были удалены отъ двора... Вѣроятнѣе всего, что благодаря его счастливому характеру и ничтожности его личности, на него смотрѣли сквозь пальцы, или Уварову удалось скрыть свою настоящую роль въ тѣхъ событіяхъ подъ обычными шуточками и каламбурами, на которые онъ былъ мастеръ, подъ личиною постояннаго благодушія и вѣчнаго коверканія французскаго языка, обычнаго тогда для всей аристократіи, но плохо усвоеннаго Уваровымъ. Словомъ, онъ оставался l'enfant gâté царской семьи до своей кончины, и не мудрено, что ехидный грузинскій временщикъ такъ зло состроилъ на его похоронахъ“ (Вел. кн. Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. Стр. 31—35; его-же: Императоръ Александръ Первый. СПб., 1997, III. стр. 14). Въ обществѣ Уваровъ носилъ прозваніе генерала Je, намекавшее на его плохое знаніе французскаго языка, на которомъ онъ однако любилъ объясняться, коверкая его самымъ неожиданнымъ образомъ; разсказывали, что послѣ одного сраженія Наполеонъ спросилъ его, кто командовалъ блестящей атакой русской кавалеріи, на что Уваровъ и отвѣчалъ: „Je, Sire“: отвѣтъ этотъ и доставилъ Уварову его прозвище. Однажды Уваровъ и Милорадовичъ, тоже извѣстный плохимъ знаніемъ французскаго языка, о чемъ-то горячо разговаривали; Александръ I спросилъ Ланжерона о чемъ они бесѣдуютъ. „Извините, государь,—отвѣтилъ Ланжеронъ,—я ихъ не понимаю: они говорятъ по-французски“ (Кн. П. А. Вяземскій. Собраніе сочиненій. Т. VIII, стр. 157). Вяземскій въ своей „Старой Записной книжкѣ“ также приводитъ слова, сказанныя Аракчеевымъ на похоронахъ Уварова, только въ нѣсколько другой редакціи:

lib.pushkinskijdom.ru

„Славно провожаетъ его одинъ благодѣтель; каково-то встрѣтитъ его другой благодѣтель“?—„Историческое и портретное слово“,— замѣчаетъ по этому поводу Вяземскій (тамъ же, стр. 74). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Уваровѣ и отзывы о немъ современниковъ см. въ статьѣ Н. П. Чулкова въ изданіи: „Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1801—1826“. СПб. (подъ редакціей С. Панчулидзева). СПб., 1906, стр. 1—10).

Стр. 46 (17—21). Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники слѣдующимъ образомъ обрисовываютъ отношенія императора Николая Павловича къ Аракчееву. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го Аракчеевъ, „безъ лести преданный“, „истинно русскій неученый новгородскій дворянинъ“, какъ онъ самъ называлъ себя, достигъ вершины своего могущества, сталъ въ полномъ смыслѣ слова истинымъ правителемъ имперіи, въ руки котораго разочарованный и усталый Александръ передалъ почти всю полноту своей власти. Но по мѣрѣ того, какъ росла сила и значеніе новаго „временщика“, суроваго и грубаго, не умѣвшаго и не желавшаго ладить съ людьми, росла также и его непопулярность среди всѣхъ круговъ русскаго общества, въ томъ числѣ и среди военныхъ. Объ этой всеобщей антипатіи къ Аракчееву, конечно, не могъ не знать и Николай Павловичъ, тѣмъ болѣе, что ее раздѣляли и лица, наиболѣе близкія къ нему въ эту эпоху, какъ Бенкендорфъ и Дибичъ. Повидимому, это чувство негодованія и отвращенія, которое сумѣлъ всѣмъ внушить къ себѣ Аракчеевъ, не осталось безъ вліянія и на настроеніе самого Николая. Притомъ самыя обстоятельства, при которыхъ Николай вступилъ на престолъ, трагическія событія 14-го декабря и открывшаяся передъ нимъ картина широко развѣтвленнаго военнаго заговора, возникшаго на почвѣ всеобщаго недовольства политикой правительства, невольно заставляли его волей-неволею считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, дѣлать нѣкоторыя уступки ему; такой уступкой общественному мнѣнію могло быть и удаленіе Аракчеева, бывшаго въ эту эпоху самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ Россіи: отстраняя его отъ власти, Николай тѣмъ самымъ выигрывалъ во мнѣніи общества, поднималъ свою собственную популярность, что, конечно, въ данный моментъ, не могло быть для него вполнѣ безразличнымъ. Паденіе Аракчеева было при этихъ условіяхъ прямымъ выигрышемъ для новаго властителя. Однако, съ другой стороны, Николай Павловичъ принужденъ былъ считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Аракчеевъ былъ любим-

lib.pushkinskijdom.ru

цемъ покойнаго государя, его „сердечнымъ другомъ", наиболѣе близкимъ къ нему лицомъ, облеченнымъ его особеннымъ довѣріемъ; при томъ сугубомъ піэтетѣ, который молодой государь выказывалъ, особенно въ началѣ своего царствованія къ памяти своего „незабвеннаго" и „благословеннаго" предшественника, ему неудобно было сразу предпринимать по отношенію къ Аракчееву какія-либо рѣзкія мѣры. При данныхъ условіяхъ онъ принужденъ былъ дѣйствовать съ извѣстной осторожностью и постепенностью, и поэтому принятыя имъ мѣры носятъ вначалѣ нѣсколько двойственный характеръ: 20 декабря 1825 года Аракчеевъ былъ уволенъ отъ завѣдыванія дѣлами Комитета министровъ и Собственной его величества канцеляріей, но за нимъ было оставлено управленіе военными поселеніями, и онъ получилъ два рескрипта, составленные въ весьма любезныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ. Но значеніе и вліяніе Аракчеева было подорвано, его роль въ государственныхъ дѣлахъ окончена. Это сказалось и въ томъ, что Николай не включилъ его въ составъ слѣдственной комиссіи, которой порученъ былъ разборъ дѣла о декабристахъ; современники вмѣняли это обстоятельство въ заслугу императору Николаю, справедливо полагая, что въ этой роли Аракчеевъ, несомнѣнно, проявилъ бы особенное „усердіе" и непреклонную жестокость, какую обнаружилъ онъ уже при разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Настасьи Минкиной. Въ апрѣлѣ 1826 года Николай Павловичъ осматривалъ военныя поселенія Новгородскаго округа, остался ими весьма доволенъ и по этому поводу снова обратился къ Аракчееву къ милостивымъ рекриптомъ 30 апрѣля; однако этимъ же рескриптомъ Аракчеевъ, согласно его прошенію, былъ уволенъ въ отпускъ заграницу для лѣченія, при чемъ съ него было снято завѣдываніе военными поселеніями; хотя по смыслу рескрипта это устраненіе отъ должности было лишь временнымъ, однако по возвращеніи изъ-заграницы въ концѣ 1826 года Аракчеевъ уже не вступалъ болѣе въ исполненіе своихъ обязанностей и съ этого времени перешелъ на положеніе частнаго человѣка, сохранивъ лишь званіе члена Государственнаго Совѣта. Въ 1827 году разыгралась чрезвычайно непріятная для него исторія по поводу напечатанной имъ безъ цензурнаго разрѣшенія книги, содержавшей въ себѣ полученные имъ отъ имп. Александра I собственноручныя письма. Аракчеевъ первоначально пытался вовсе отрицать самый фактъ изданія этой книги, но припертый къ стѣнѣ вслѣдствіе доноса одного изъ своихъ прежнихъ клевретовъ, долженъ былъ наконецъ признаться, что онъ и сдѣлалъ въ весьма униженныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

и мало достойныхъ выраженіяхъ; въ Грузино былъ посланъ ген. Чернышевъ, съ порученіемъ вытребовать отъ него сохранившіеся экземпляры изданія, которые и были затѣмъ преданы сожженію, за исключеніемъ двухъ, оставленныхъ императоромъ Николаемъ для себя лично и для вел. кн. Константина Павловича. Этотъ эпизодъ, весьма показательный для характеристики павшаго временщика, вызвалъ со стороны Николая Павловича нѣсколько замѣчаній въ письмахъ къ цесаревичу и къ ген. Дибичу, въ которыхъ явственно сквозитъ его отрицательное отношеніе къ личности Аракчеева (Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе". СПб. 1903. Т. I-й, гл. 8-я; т. II-й, гл. 2-я).

Что касается до самой записи Пушкина въ его дневникѣ, то она даетъ поводъ къ нѣкоторымъ недоумѣніямъ. Неясно, относится ли отзывъ Николая объ Аракчеевѣ ко времени *до* или *послѣ* его восшествія на престолъ, и что значитъ самое выраженіе: „après avoir travailler avec lui". Николай, будучи великимъ княземъ, занималъ въ 1825 году только должность начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и по этой должности никакихъ прямыхъ служебныхъ отношеній къ Аракчееву не имѣлъ. Правда, извѣстно, что за нѣсколько дней до декабрьскаго мятежа, именно 10 декабря 1825 г. онъ видѣлся съ Аракчеевымъ и имѣлъ съ нимъ разговоръ по поводу уже дошедшихъ до него слуховъ о тайныхъ обществахъ и ихъ замыслахъ (Шильдеръ, указ. соч., I, стр. 352); однако трудно связать этотъ фактъ съ приведеннымъ отзывомъ. Послѣ же своего вступленія на престолъ, Николай, судя по всѣмъ даннымъ, повидимому, уже не имѣлъ личныхъ отношеній съ Аракчеевымъ, вплоть до смотра военныхъ поселеній, въ апрѣлѣ 1826 года. Совершенно непонятно замѣчаніе Пушкина о „безпорядкѣ" въ костюмѣ императора (dans le plus grand désordre de toilette).

Стр. 46 (*25—31*). Булгаринъ и Гречъ—члены извѣстнаго литературнаго „тріумвирата" (третьимъ былъ Сенковскій), съ которыми Пушкинъ во вторую половину своей литературной дѣятельности и до смерти велъ упорную борьбу, глубоко убѣжденный во вредности и пагубности ихъ вліянія, какъ на общество, такъ и на литературу. Обстоятельное изложеніе всѣхъ перипетій этой борьбы см. у А. Г. Фомина „Пушкинъ и журнальный тріумвиратъ 30-хъ годовъ", въ Соч. Пушкина, подъ ред. А.С. Венгерова, т.V (Спб.1911), стр.451—492.

Первый изъ нихъ, Ѳаддей Венедиктовичъ *Булгаринъ* (1789—1859), занималъ главное мѣсто въ этомъ тріумвиратѣ, какъ по своей

lib.pushkinskijdom.ru

энергіи, по своимъ качествамъ, такъ и значенію, почему отношенія къ нему Пушкина и его къ Пушкину особенно ярко рисуютъ, какъ тогдашніе литературные нравы, такъ и всю эту общественно-литературную борьбу, нашедшую себѣ опредѣленное выраженіе и отраженіе и въ дѣятельности Пушкина. Привыкшій относиться къ людямъ терпимо, Пушкинъ къ Булгарину въ концѣ-концовъ отнесся совершенно отрицательно не только какъ къ писателю-литератору и журналисту, но и какъ къ человѣку. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ личныхъ качествахъ Булгарина.

Полякъ по происхожденію (изъ Виленской или Минской губ.), сынъ яраго республиканца, сосланнаго въ 1794 г. въ Сибирь, онъ воспитывался въ Петербургѣ въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ гвардейскій уланскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ 1805—1807 г., затѣмъ жилъ, по словамъ его біографа и сотрудника (Н. И. Греча), разгульной жизнью въ Петербургѣ, будучи плохимъ офицеромъ, за что переведенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ; въ 1811 году онъ оказался въ польскомъ легіонѣ у Наполеона, побывалъ въ Испаніи, сражался (опять-таки, по словамъ біографа, не храбро) въ 1812 г. противъ русскихъ войскъ, въ 1814 г. попалъ въ плѣнъ, а въ 1820 году оказался опять въ Петербургѣ, въ качествѣ уже литературнаго дѣятеля—словомъ: его молодость—карьера авантюриста. Ловкій, дѣятельный, хвастливый, развязный онъ скоро обратилъ на себя вниманіе и въ литературныхъ кругахъ. Въ компаніи сперва съ А. Ѳ. Воейковымъ (съ которымъ онъ, однако, вскорѣ рѣзко разсорился), затѣмъ съ Н. И. Гречемъ (сохранившимъ съ нимъ связь долгое время), наконецъ съ А. В. Никитенкомъ (1838—1840) онъ въ теченіе 15 лѣтъ является редакторомъ и издателемъ „Сына Отечества“ (1825—40) и „Сѣвернаго Архива“ (1822—24 г. самостоятельно, съ 1825 г. слитно съ „Сыномъ Отечества“), а затѣмъ и ряда другихъ изданій, правда, иногда недолговѣчныхъ, смѣнявшихъ другъ друга: „Литературныхъ Листковъ“ (1823—24), „Русской Таліи“ (1825), „Дѣтскаго Собесѣдника“ (1826—28), „Репертуара и Пантеона“ (1842), наконецъ, „Экономиста“ (1841—53); но главнымъ органомъ Булгарина была „Сѣверная Пчела“ (съ 1825 по 1859 г., продолжавшаяся до 1864 г., по смерти Булгарина, Усовымъ), которую онъ велъ въ сотрудничествѣ, скорѣе—при сотрудничествѣ, Н. И. Греча; она и была главнымъ боевымъ орудіемъ для него и мишенью для его противниковъ. Сверхъ того, Булгаринъ выступалъ и въ качествѣ писателя—романиста: его „Иванъ Вижигинъ“ (1829) въ свое время считался очень замѣтнымъ литературнымъ событіемъ,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ одинъ изъ первыхъ романовъ „обличительнаго“ направленія (ср. Н. И. Гречъ, „Записки“, Спб. 1886, стр. 451); за нимъ слѣдовали уже менѣе или совсѣмъ не замѣченные: „Димитрій Самозванецъ“ (1830), „Петръ Выжигинъ“ (1831), „Мазепа“ (1834), „Записки Чухина“ (1835), наконецъ, его „Воспоминанія“ (изъ нихъ вышло 6 частей, доведенныхъ до 1809 года). Этотъ рядъ журналовъ и другихъ писаній указывалъ на незаурядную энергію, настойчивость и литературныя способности Булгарина, дѣлалъ его замѣтной фигурой среди людей, причастныхъ къ литературѣ; а его личныя свойства и наклонности поставили его въ совершенно исключительное положеніе по отношенію къ окружающимъ.

Бывшій его сотрудникъ, затѣмъ антагонистъ, А. Ѳ. Воейковъ, злой, но остроумный, такъ его характеризуетъ въ статейкѣ, появившейся по поводу одного изъ беззастѣнчивыхъ его нападеній въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1828 г. № 38) на Пушкина и на только что начавшій выходить „Московскій Вѣстникъ“ (М. П. Погодина), въ которомъ принималъ участіе Пушкинъ: назвавши всю эту инсинуацію Булгарина „низкой выдумкой ловкаго и опытнаго издателя „Лондонскаго Трутня“ (The London Drone—„Сѣверная Пчела“), Воейковъ продолжаетъ: „Сей журналистъ, бывшій прежде искателемъ приключеній, и никогда ничему не учившійся, но одаренный отъ природы рѣдкой изворотливостью, почиталъ литературу единственно средствомъ для пріобрѣтенія денегъ, а потому видѣлъ въ каждомъ новомъ журналѣ новаго врага, а потому находилъ всѣ способы позволенными для пораженія своего противника. Нѣсколько времени этотъ забавникъ морочилъ публику увѣреніями въ своихъ познаніяхъ (имѣется въ виду изданіе „ученаго“ „Сѣвернаго Архива“; см. Н. И. Греча „Записки“, стр. 449), талантахъ, дешевизнѣ и достоинствахъ своего журнала, самъ изволилъ писать похвалы своимъ сочиненіямъ и втирался въ дружбу къ извѣстнымъ литераторамъ (намекъ на желаніе втереться въ кружокъ Пушкина, Вяземскаго и др.; см. Соч. Пушкина, редакц. А. С. Венгерова, V, 454). Возгордившись неожиданнымъ успѣхомъ, онъ принялъ уже на себя тонъ покровительства и хотѣвшихъ издавать журналъ увѣщевалъ оставить это предпріятіе и сдѣлаться его сотрудниками; кто же не соглашался или не вѣрилъ его личинѣ, тому онъ мстилъ особеннымъ образомъ: провѣдывалъ про домашнія обстоятельства и описывалъ въ своемъ журналѣ... Всѣ литераторы почувствовали къ нему отвращеніе и отзывались о немъ такъ, какъ онъ дѣйствительно заслуживалъ“ („Славянинъ“ 1828 г. № 21, стр. 323—5; цитата по „Пушкину и его современникамъ“, II, 41—42).

lib.pushkinskijdom.ru

Если въ характеристикѣ Воейкова можно заподозритъ правдивость человѣка, ставшаго смертельнымъ врагомъ Булгарина, притомъ человѣка, далеко также не безукоризненнаго въ той же журналистикѣ, то отзывъ Н. И. Греча, долголѣтняго и терпѣливаго его соратника по причинамъ, главнымъ образомъ (по его собственному признанію; см. „Записки", стр. 448), матеріальнаго свойства, въ общемъ сходится съ Воейковскимъ (см. тамъ же, гл. XII, стр. 436 и слѣд.). Это заставляетъ признать за характеристикой, данной Воейковымъ, значительную долю справедливости; это же подтверждается и тѣмъ, что мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ, въ томъ числѣ и изъ исторіи отношеній между нимъ и Пушкинымъ. Смышленый, алчный Булгаринъ очень скоро оцѣнилъ современное общественное положеніе въ Николаевскую эпоху послѣ 1825 года и направилъ всѣ свои усилія къ своего рода монополизаціи въ свою пользу того общественнаго мнѣнія, выразителемъ котораго могла бы быть литература: онъ стремился быть выразителемъ этого мнѣнія въ его правительственной окраскѣ: настойчиво, безцеремонно заискивая у правительства, главнымъ образомъ въ лицѣ Бенкендорфа и его сотрудниковъ, онъ не останавливался ни передъ какими средствами, стремясь къ своей цѣли: наглая, открытая ложь, литературное браконьерство, прикрываемыя „благонамѣренностью", легко сходили ему съ рукъ при его связяхъ съ правящими кругами, отражаясь тяжело и болѣзненно на его противникахъ, разъ они выступали противъ него. Въ результатѣ получалась фальсификація общественнаго мнѣнія, выразителемъ котораго навязчиво объявлялъ себя Булгаринъ. Противъ этой-то фальсификаціи и боролся Пушкинъ, стремясь создать прессу, достойно выражавшую дѣйствительное общественное настроеніе; отсюда и отрицательное отношеніе къ Булгарину и руководимой имъ его журнальной компаніи, которое проходитъ яркой полосой у Пушкина и его кружка въ ихъ литературно-публицистической дѣятельности. У Пушкина это настроеніе опредѣлилось съ полной ясностью въ зрѣлые годы его жизни. Первое время Пушкинъ довольно терпѣливо относится къ Булгарину, пока этотъ послѣдній не сталъ передъ нимъ во всю свою величину; этому способствовалъ не только личный характеръ Пушкина, но и ловкая тактика со стороны Булгарина, разумѣется, рано оцѣнившаго съ своей точки зрѣнія выгоды для себя быстро растущее значеніе и талантъ поэта, и потому старавшагося пріобрѣсти его на свою сторону.

Поэтому первое время наблюдается какая-то двойственность въ отношеніи къ нему и у Пушкина. Еще въ 1823 г. въ „Лите-

lib.pushkinskijdom.ru

ратурныхъ Листкахъ“ (№ 2) Булгарина появляется „Птичка“ Пушкина, присланная имъ повидимому еще изъ Кишинева; въ 1824 г. онъ пересылаетъ Булгарину при любезномъ письмѣ (изъ Одессы, 1 февр.—Саитовъ, Переписка Пушкина, I, № 67, стр. 98) „Нереиду“ и „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ для тѣхъ же „Литературныхъ Листковъ“ въ отвѣтъ на присланный Булгаринымъ „Сѣверный Архивъ“. Но уже въ апрѣлѣ того же года безцеремонная перепечатка Булгаринымъ отрывка его письма къ А. А. Бестужеву вызываетъ раздраженіе Пушкина не только противъ Бестужева, но и противъ Булгарина и всей его компаніи: „Каковъ Булгаринъ и вся братія? Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники“, пишетъ онъ П. А. Вяземскому (изъ Одессы,—Саитовъ, I, № 73, стр. 106), а въ іюнѣ брату онъ пишетъ еще опредѣленнѣе: „Должно имѣть уваженіе къ себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ“ (Саитовъ, тамъ же, I, № 81, стр. 117): этотъ нелестный эпитетъ относится, по контексту письма, именно къ Булгарину и его компаніи. Но и послѣ этого отношенія между ними еще не порваны: „Посланіе Чаадаеву“ („Къ чему холодныя сомнѣнья“), замѣтка по поводу стих. „Пріятелямъ“ (гдѣ въ заглавіи Вяземскій прибавилъ отъ себя — „журналистамъ“) появляются еще въ органѣ Булгарина (1825, № 12 и 52 „Сѣв. Пч.“). Такія отношенія продолжаются и позднѣе—до конца 1829 года; личное знакомство ихъ, состоявшееся въ 1827 г. въ Петербургѣ, все еще не измѣняетъ существенно, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ ихъ взаимоотношеній, довольно мирныхъ, не смотря на предупрежденія Пушкину со стороны друзей (см. письма П-у Вяземскаго отъ 22 ноября 1827 г.—у Саит. II, № 340, 342, стр. 47,50). Видимо, ловкій Булгаринъ, дорожа участіемъ Пушкина въ „Сѣв. Пч.“, старался ухаживать за нимъ, что, однако, не мѣшало ему, елико возможно, вредить „Московскому Вѣстнику“, гдѣ принималъ участіе тотъ же Пушкинъ (см. выше): Пушкинъ ко всѣмъ этимъ шашнямъ Булгарина относился пока выжидательно и по наружности довольно благодушно. Но съ 1830 г. взгляды на Булгарина и отношенія къ нему проясняются опредѣленно въ отрицательную сторону. Это стало ясно, когда А. Дельвигъ приступилъ къ изданію „Литературной Газеты“, долженствовавшей осуществить (разумѣется, при ближайшемъ въ ней участіи Пушкина) давнишнюю его мечту создать противовѣсъ вредному направленію Булгарина и компаніи: тутъ Булгаринъ увидалъ, что его „дипломатія“ не можетъ ему помочь удержать Пушкина въ своемъ распоряженіи, и онъ сразу переходитъ къ открытой

lib.pushkinskijdom.ru

враждѣ съ Пушкинымъ и его кружкомъ, защищая завоеванную позицію „Сѣв. Пч.“. Вызовъ Булгарина принятъ, и литературная война началась. Къ этому времени и въ связи съ этой войной появились извѣстныя эпиграммы Пушкина на Булгарина („Не то бѣда, что ты полякъ...“. „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь...“. Ср. Н. Лернеръ: „Труды и дни“, изд. 2, стр. 205, 210, 216, 220), его полемико-критическія статьи въ „Литературной Газетѣ“ (О запискахъ Видока, О личностяхъ въ критикѣ, О неблаговидности нападокъ на дворянство— 1830 г., № 20, 36); наконецъ, „Родословная“ написана въ отвѣтъ на нападки того же Булгарина на „Литературную Газету“ за ея якобы „дворянскую спесь“ (Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, V, 453—467). Однако, въ концѣ-концовъ „Литературная Газета“ борьбы не выдержала и прекратилась (въ іюнѣ 1831 г.). Но Пушкинъ, теперь, конечно, еще болѣе убѣжденный въ необходимости противодѣйствія Булгаринской прессѣ, настойчиво продолжаетъ добиваться, хотя на этотъ разъ безуспѣшно, вновь созданія своего журнала (см. Пушкинъ и его современники, V, 30—73, статья Н. К. Пиксанова), а тѣмъ временемъ ведетъ печатную полемику съ компаніей „Сѣверн. Пчелы“: сюда относится его разборъ „Ивана Выжигина“ (въ „Телескопѣ“ 1831 г., № 9), гдѣ романъ Булгарина, усердно себя рекламировавшаго и высокомѣрно превозносившаго свое издѣліе, приравнивается къ изданіямъ полу-лубочнаго, полу-литературнаго А. А. Орлова (чѣмъ особенно уязвленъ былъ авторъ „Выжигина“); борьба продолжается со стороны Пушкина на страницахъ „Телескопа“ („Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“—1831, №15). Въ 1832 г. въ началѣ борьба будто затихаетъ, но къ концу этого года Булгаринъ начинаетъ новый походъ на Пушкина съ иными на этотъ разъ пріемами: онъ начинаетъ опять хвалить Пушкина въ „Сѣверной Пчелѣ“ (см. отзывъ о VIII гл. „Онѣгина“ въ № 51 и 81 „Пчелы“ 1832 г., № 6—1833 г.). Въ этой перемѣнѣ тактики, видимо, не обошлось безъ участія Н. И. Греча, съ которымъ какъ разъ въ это время Пушкинъ попробовалъ вступить въ болѣе близкія отношенія, предлагая ему участіе и даже редакторство въ задуманномъ имъ (но неосуществившемся) журналѣ; истинная цѣль этихъ заигрываній съ Пушкинымъ оставалась у настойчиваго редактора „Пчелы“, однако, та же, что̀ въ 20-хъ годахъ—именно: „Зачѣмъ выпускать изъ рукъ Пушкина, писалъ откровенно Гречъ своему соратнику. Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство и въ 1834 году навѣрное соединимся въ одной газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возьмется другой и напакоститъ намъ и Пушкину“

lib.pushkinskijdom.ru

(Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, V, 472). Въ числѣ этихъ шахматныхъ ходовъ по отношенію къ Пушкину было и приглашеніе его на собраніе у Греча для обсужденія Conversations—Lexicon'a. Такіе же, хотя и болѣе сдержанные, все же подслащенные отзывы Булгарина, все еще не терявшаго надеждъ сломить и подловить Пушкина, продолжаются въ „Сѣв. Пчелѣ" и въ слѣдующихъ годахъ (см. отзывы о „Повѣстяхъ" Пушкина въ 1834 г. № 192; объ „Исторіи Пугачевскаго бунта"—въ 1835 г. № 38). Но, какъ ничего не вышло изъ хлопотъ Пушкина о своемъ новомъ журналѣ, такъ же сорвалась и ловушка Булгарина безъ результата: отрицательное отношеніе къ нему осталось непоколебленнымъ, и Пушкинъ еще энергичнѣе, чѣмъ раньше, хлопочетъ о созданіи своего журнала въ противовѣсъ растлѣвающему вліянію журналовъ рептильной прессы, и на этотъ разъ добивается своего: съ 1836 г. начинаетъ выходить „Современникъ". Но смерть Пушкина обрываетъ съ такимъ трудомъ начатое имъ дѣло оздоровленія русской печати.

Нѣсколько иной характеръ, а потому и нѣсколько иныя формы приняли отношенія Пушкина къ сотруднику и компаньону Булгарина *Н. И. Гречу*. Объясненіе этого въ томъ, что и Гречъ по типу былъ инымъ человѣкомъ, болѣе пріемлемымъ для нравственнаго и общественнаго самосознанія Пушкина: болѣе образованный и воспитанный, болѣе сдержанный и болѣе имѣвшій чувства собственнаго достоинства, въ то же время болѣе тактичный, Гречъ казался Пушкину выше его сотоварища Булгарина, болѣе заслуживающимъ уваженія человѣкомъ, съ которымъ можно имѣть дѣло, вообще болѣе порядочнымъ. И дѣйствительно, какъ по происхожденію, воспитанію, такъ и своей дѣятельности стоявшій выше Булгарина, онъ и въ отношеніяхъ къ Пушкину сумѣлъ до конца жизни поэта сохранить болѣе или менѣе корректныя отношенія. Изъ онѣмеченныхъ чеховъ родомъ, Н. И. Гречъ (родился въ Петербургѣ въ 1787 году) всю жизнь сохранилъ положительныя стороны этой не русской среды, гдѣ уважалось и цѣнилось образованіе. Послѣ сухопутнаго кадетскаго корпуса онъ закончилъ свое образованіе въ Педагогическомъ институтѣ (1805) и на всю жизнь остался педагогомъ и человѣкомъ, интересующимся учебнымъ дѣломъ, былъ авторомъ цѣлаго ряда учебныхъ пособій по русскому языку (его „Учебная книга по русской словесности", не разъ перерабатывавшаяся, переводилась на иностранные языки; его „Русская грамматика" въ различныхъ редакціяхъ—также; см. Гр. Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ (Берл. 1876,

lib.pushkinskijdom.ru

I, 255—257), сохранилъ связь съ литературой, самъ пробовалъ участвовать въ ней то переводами (перечень ихъ у Геннади, ук. соч.) преимущ. съ нѣмецкаго, то самостоятельно (напр. „Черная женщина“, 1834). Онъ состоялъ между прочимъ и въ цензурномъ комитетѣ (съ 1806 по 1815 г.), былъ редакторомъ Журн. Мин. Внутр. дѣлъ (1829—31 г.). Участіе его въ публицистической литературѣ началось рано: онъ участвовалъ въ „Журналѣ для пользы и удовольствія“ и „Журналѣ росс. словесности“ (Брусилова), „Геніи временъ“ (1807—9) и др.; наконецъ, самъ былъ издателемъ „Сына Отечества“ (1812—25 одинъ, 1821—22 съ Воейковымъ, а съ 1825 по 39 г. съ Булгаринымъ) и соредакторомъ „Сѣверной Пчелы“ (съ 1825 по 1860 г). Участіе, при томъ столь долговременное, въ послѣднемъ журналѣ съ Булгаринымъ, конечно, набрасывало тѣнь и на Греча, несмотря на всѣ его старанія по возможности оставаться въ сторонѣ отъ выходокъ „бѣшенаго“ (по словамъ самого Греча) Булгарина; но онъ съ нимъ порвать не находилъ возможнымъ: по его собственному признанію („Записки“, стр. 448), отъ Булгарина зависѣло благосостояніе его собственнаго семейства. Съ другой стороны, онъ видимо пытался сглаживать многія нелѣпости и грубости Булгарина, ясно сознавая ихъ нравственную и общественную уродливость, что̀ видно изъ того взгляда на дѣятельность и личность своего соредактора, который мы находимъ въ его „Запискахъ“ (правда, писанныхъ уже на старости лѣтъ): заочно онъ не щадитъ своего сотоварища, касаясь его какъ человѣка, но и оправдываетъ многое, какъ темпераментомъ Булгарина, такъ и современными литературными нравами. Изъ „Записокъ“ съ несомнѣнностью можно заключать, что Гречъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Булгарина и не имѣлъ силы и мужества сопротивляться этому вліянію, хотя и старался это дѣлать. Это чувствовали люди, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло, и, относясь къ нему гораздо мягче, нежели къ Булгарину и Сенковскому, не довѣряли ему, и относились такъ же, какъ и онъ къ другимъ, съ сознательной сдержанностью.

Таковы были отношенія къ нему и Пушкина. Пушкинъ сдѣлалъ было попытку войти съ Гречемъ въ соглашеніе, хлопоча о разрѣшеніи ему общественной газеты; вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду его опытность, онъ разсчитывалъ привлечь его на свою сторону и этимъ ослабить, конечно, главнаго своего противника Булгарина, лишивъ его въ то же время сотрудника, столь выгоднаго для „Сѣверной Пчелы“. Но хладнокровно, съ матеріальной точки зрѣнія, сочтя рискованнымъ и невыгоднымъ предложеніе Пушкина, Гречъ не рѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

шился прямо отказать Пушкину, видимо, боясь разстроить свои съ нимъ корректныя отношенія, въ то же время боясь и Булгарина, въ концѣ-концовъ повелъ себя крайне неискренно: отвѣчая уклончиво Пушкину, онъ рѣшаетъ использовать шагъ Пушкина въ пользу болѣе для него надежнаго и близкаго дѣла; это видно изъ приведенной выше цитаты письма его къ Булгарину. Попытка эта не удалась, какъ не удалась и другая—лично (1831 г.) примирить Пушкина и Булгарина (о ней см. Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, V, 474—475). Но и здѣсь, послѣ разрыва Пушкина съ Булгаринымъ, Гречъ сумѣлъ сохранить приличныя отношенія къ себѣ Пушкина: не порывая съ нимъ лично, Пушкинъ понялъ, что дальше этого идти нельзя, сближеніе въ дѣятельности невозможно. Этимъ объясняется отсутствіе въ произведеніяхъ Пушкина такихъ рѣзкихъ выпадовъ противъ Греча, какіе мы находимъ по адресу Булгарина: относясь къ нему строго за его союзъ съ Булгаринымъ, онъ считалъ Греча порядочнѣе, а потому и съ своей стороны относился къ нему сдержаннѣе.

М. С.

Стр. 46 (31). Непосредственныя отношенія Пушкина къ Н. А. Полевому носятъ характеръ преимущественно дѣловой и ограничиваются взглядами на него какъ на издателя „Московскаго Телеграфа“ (1825—1834 г.) прежде всего: иныхъ отношеній, тѣмъ болѣе интимныхъ, съ Полевымъ Пушкинъ не допускалъ. Посредникомъ между ними является чаще всего, съ самаго начала изъ знакомства и до разрыва отношеній, кн. П. А. Вяземскій, другъ Пушкина, въ то же время по дѣламъ „Московскаго Телеграфа“ близкій къ Полевому. При такомъ взглядѣ на эти отношенія становятся понятными и разрѣшаются недоразумѣнія, которыя при первомъ взглядѣ на нихъ вызываютъ тѣ строки „Записокъ Кс. Ал. Полевого“ (СПб. 1888; ч. II, гл. 1 ср.; ч. I, гл. 7), гдѣ онъ пытается, говоря о разрывѣ отношеній между братомъ и Пушкинымъ, обѣлить брата и себя въ отношеніи Пушкина, сваливая вину всѣхъ столкновеній между ними и самого разрыва на Пушкина. Говорить объ естественномъ желаніи самозащиты и защиты брата, наложившемъ въ значительной степени тѣнь пристрастія на сообщаемое К. А. Полевымъ, едва-ли нужно. Наиболѣе же правдивая картина взаимоотношеній Пушкина и Полевого возстановляется изъ писемъ и данныхъ біографіи Пушкина вполнѣ удовлетворительно.

Еще въ іюнѣ 1824 года, находясь въ Одессѣ, Пушкинъ призадумывается надъ созданьемъ журнала (см. письмо къ П. А. Вязем-

lib.pushkinskijdom.ru

скому—у Саитова, Переписка, I, стр. 115, № 80). Въ то же приблизительно время и въ Москвѣ, въ кружкѣ Раича, также возникаетъ мысль о журналѣ; однимъ изъ главныхъ участниковъ этого предпріятія является кн. П. А. Вяземскій; это былъ „Московскій Телеграфъ", который и долженъ былъ начаться съ января 1825 года. Вяземскій, который, по его позднѣйшимъ воспоминаніямъ (пис. 1878 г.; см. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, I, стр. XLVIII—XLIX), ради заработка „закабалилъ себя Телеграфу" (ср. тамъ же, II, стр. 48: „Моя исповѣдь", 1829 г.), радѣя журналу при его возникновеніи и первыхъ шагахъ, хлопоталъ о привлеченіи и Пушкина въ сотрудники „Телеграфа": „Въ Москвѣ готовится новый журналъ: Полевой и Раичъ—главные его издатели. Они люди честные и благонамѣренные. Дай имъ что-нибудь на зубокъ. Они преподносятъ тебѣ билетъ на свой журналъ, который буду пересылать (Вяземскій Пушкину 6. XI, 1824—Саитовъ, I, 146, № 106). Пушкинъ, уступая просьбѣ Вяземскаго, даетъ свое согласіе на участіе и разрѣшаетъ Вяземскому передать въ журналъ „Телѣгу жизни": „можно печатать, прибавляетъ онъ, пропустивъ русскій титулъ— — — — —"(Вяземскому письмо изъ Михайловскаго 29, XI, 1824—Саит. I, 151—2, № 122). „Телѣга" и была напечатана въ первомъ номерѣ „Московскаго Телеграфа" за 1825 годъ; такимъ образомъ состоялось при посредствѣ П. А. Вяземскаго заочное знакомство Пушкина съ Полевымъ, завязались между ними сношенія. Пушкинъ, ознакомившись съ первыми книжками „Телеграфа", журналомъ пока доволенъ, думаетъ поддержать его своими статьями (письмо изъ Михайловскаго брату Л. С. Пушкину — Саит. I, 199, № 147—отъ 27. III, 1825 г.) и на дѣлѣ старается это оправдать: въ теченіи 1825 г. онъ помѣщаетъ довольно много своихъ пьесъ въ „Телеграфѣ" (№ 1—„Телѣга жизни", № 3—„(Журнальнымъ) пріятелямъ", № 12—„О г-жѣ Сталь", № 13—„Ex ungue leonem", № 17—„Если жизнь тебя обманетъ", „О предисловіи г. Лемонте къ переводу Крылова", № 21—„Цыганская пѣсня" („Старый мужъ, грозный мужъ"); ср. письмо Вяземскому изъ Михайловскаго первой половины IX, 1825 г.—Саит. I, 285, № 206; ср. Н. К. Козьминъ: Полевой (СПб. 1903, стр. 47). Но это не мѣшаетъ ему въ то же время критически относиться къ Полевому, не закрывать глаза на недочеты редакторства и журнала: „я радъ ему помогать... Да ты смотри за нимъ, Бога ради! и ему случается завираться..... какъ можно писать такъ наобумъ!..." (письмо Вяземскому изъ Михайловскаго, 25, V, 1825 г.—Саит. I, 219, № 163) „Мочи нѣтъ какъ хочется (взяться за журналъ), а покамѣсть смотри

lib.pushkinskijdom.ru

хоть за Полевымъ“ (ему же оттуда же 18. VIII, 1825 г.—Саит. I, 259, № 193). „Телеграфъ,—пишетъ нѣсколько раньше Пушкинъ тому же Вяземскому, соглашаясь уступить журналу нѣсколько стихотвореній,—человѣкъ порядочный и честный—но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями...“ (въ началѣ іюля 1825 г.—Саит. I, 234—5, № 174; ср. письмо ему же отъ $^{13}/_{15}$ IX, 1825 г.—у Саит. I, 288, № 208).

Вскорѣ послѣ этого Пушкинъ пишетъ изъ Михайловскаго свое первое письмо Н. А. Полевому (2. VIII. 1825 г.—у Саит. I, 257, № 187); содержаніе этого коротенькаго письма, писаннаго въ отвѣтъ на письмо Полевого (оно не сохранилось; м. б. это—то письмо, которое было переслано Пушкину черезъ Вяземскаго? ср. письмо Вяземскаго изъ Остафьева отъ 7. VI, 1825 г.—у Саит. I, 229, № 169)—ласково-оффиціальное, свѣтское; сводится къ словамъ: „Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ).....“ Конечно, въ этихъ словахъ о „Московскомъ Телеграфѣ“, помимо комплимента издателю, была и правда: для даннаго времени, „Московскій Телеграфъ“, не смотря на его недостатки, ясные для Пушкина, былъ, дѣйствительно, лучшимъ, могшимъ въ большей степени удовлетворить по своему составу и направленію образованнаго читателя, нежели „Сѣверная Пчела“ Булгарина или „Дамскій журналъ“ Шаликова, или же „Сѣверный Архивъ“ того же Булгарина. Полевой (которому, конечно, оставались неизвѣстными интимные отзывы Пушкина о немъ въ письмахъ Вяземскому, приведенные выше), поклонникъ великаго поэта, поклонникъ, безъ сомнѣнія, искренній, эти обычныя выраженія вѣжливости въ письмѣ Пушкина принялъ за выраженіе особеннаго расположенія къ нему и его журналу со стороны поэта (ср. „Памяти Пушкина“, сборн. статей И. Ф. факульт. СПб. Унив. Зап. у-та по Филол. Отд., ч. 57, СПб. 1900, стр. 271). На дѣлѣ же Пушкинъ, если и сочувствовалъ журналу, то, какъ мы видѣли, выражалъ это сочувствіе очень сдержанно, предпочитая имѣть дѣло съ Полевымъ черезъ Вяземскаго, при чемъ, поручая послѣднему отдать въ журналъ стихи, видимо, не особенно дорожилъ своей связью съ журналомъ: соглашаясь принять участіе въ журналѣ, онъ довольно небрежно спрашиваетъ Вяземскаго: „что тамъ моего? Море или Телѣга?“ (25. I, 1825 г.—Саит. I, 169, № 122).—„Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ „Телѣгу“ проказникъ“ (тамъ же, 19. II, 1825—№ 130). „Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не согла-

lib.pushkinskijdom.ru

шусь изъ благородной гордости, т.-е. амбиціи" (ему же, начало іюня 1825 г.—Саит. I, 234, № 174).

Осенью 1826 г. (8 сент.) Пушкинъ привезенъ былъ фельдъегеремъ въ Москву и представлялся имп. Николаю, а мѣсяцъ спустя (послѣ 9 окт.) состоялось первое его свиданіе съ Н. А. Полевымъ (Н. Лернеръ „Труды и дни" изд. 2, стр. 142; ср. „Записки" К. А. Полевого, стр. 171, 197). Передъ этимъ, слѣдуетъ припомнить, уже произошло рѣшающее засѣданіе объ изданіи „Московскаго Вѣстника", при чемъ Пушкинъ, по словамъ М. П. Погодина, не только „благословилъ" журналъ, но и составлено было также условіе изданія, гдѣ фигурировалъ и Пушкинъ, хотя онъ и не вошелъ въ составъ редакціи: ему (по § 2 условія) журналъ предоставлялъ по 10 т. р. съ проданныхъ 1200 экземпляровъ журнала (Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, II, 46). Условіе это было, повидимому, принято съ согласія Пушкина: т. о. онъ по отношенію къ „Московскому Вѣстнику" становился въ *иныя* условія," нежели поставилъ себя въ отношеніи къ „Московскому Телеграфу"; вѣдь, онъ въ маѣ 1825 г. въ отвѣтъ на предложеніе П. А. Вяземскаго „сосводничать Полевого" писалъ: „Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню—слѣдовательно, и денегъ его мнѣ ненадобно" (Саит. I, 219, № 163; ср. тамъ же, № 174, отъ нач. іюня 1825 г.). Изъ приведенныхъ справокъ ясно, какъ настроеніе Полевого, такъ и Пушкина передъ ихъ встрѣчей: съ одной стороны—восторженно настроенный, преувеличенно истолковавшій вѣжливо-привѣтливое отношеніе къ нему Пушкина въ смыслѣ особой близости и сочувствія Полевой, съ другой — Пушкинъ, сдержанно, объективно-критически отнесшійся къ нему, къ тому же смотрѣвшій на свое участіе въ „Московскомъ Телеграфѣ", какъ не налагающее на него никакихъ обязательствъ по отношенію къ журналу и его издателю и при томъ временное, пока осуществится его давнишняя мысль—имѣть свой журналъ—мысль, которая казалась ему уже близкой къ осуществленію въ видѣ „Московскаго Вѣстника". При такомъ представленіи дѣла понятно и впечатлѣніе, произведенное Пушкинымъ на Полевого при первой ихъ встрѣчѣ въ Москвѣ: онъ не нашелъ на дѣлѣ того, что̀ создалъ въ своемъ воображеніи заранѣе; личное знакомство не „укрѣпило нравственнаго союза, естественно связывающаго людей необыкновенныхъ" („Записки" К. Полевого, стр. 197); Полевой, повидавши Пушкина, „нашелъ въ немъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Онъ ужасно холоденъ, принялъ церемонно, безъ всякаго искренняго выраженія" (тамъ же). Какъ ни старались братья Поле-

lib.pushkinskijdom.ru

вые объяснить себѣ это случайностью, тѣмъ, что Пушкинъ былъ не въ духѣ, занятъ дѣлами, послѣдующее показало, что они ошиблись: слѣдующія встрѣчи Полевыхъ съ Пушкинымъ въ Москвѣ не измѣнили его къ нимъ отношенія: Пушкинъ избѣгалъ разговора о „Телеграфѣ“ и, когда отъ этого уклониться было нельзя, сталъ откровенно говорить (и, какъ показалось К. А. Полевому, съ раздраженіемъ, саркастично) о недостаткахъ журнала. Расположеніе, высказанное Пушкинымъ С. П. Шевыреву и М. П. Погодину (оба они состояли въ числѣ членовъ редакціи „Московскаго Вѣстника“), подлило масла въ огонь: у Полевого составилось убѣжденіе, что Пушкинъ „измѣнилъ“ „Телеграфу“ „ради Московскаго Вѣстника“ и измѣну эту облекъ будто бы въ обидную (конечно, въ глазахъ Полевого, незаслуженно) форму охлажденія своего къ Н. Полевому. Но дѣло, какъ видно изъ изложеннаго, было проще. Пушкинъ никогда не былъ увлеченъ „Телеграфомъ“ и, въ частности, его издателемъ, и, не связанный никакими обязательствами съ ними, измѣны не совершалъ, затѣвая свой давно задуманный журналъ; объ „охлажденіи“ Пушкина не могло быть здѣсь рѣчи, какъ не было мѣста и повода къ враждебному, хотя бы и необъяснимому (для К. А. Полевого), отношенію Пушкина къ Полевому и его журналу: Полевой мѣрилъ эти отношенія къ нему „своимъ аршиномъ“. Пушкинъ просто переходилъ отъ сотрудничества въ „лучшемъ“ для даннаго времени журналѣ—въ другой, который подавалъ надежду осуществить давнишнюю мечту, ему болѣе потому близкій и могущій быть еще лучшимъ.

Конкуренція обоихъ журналовъ выразилась въ усиленномъ участіи Пушкина въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (см. перечень пьесъ, въ немъ Пушкинымъ помѣщенныхъ, у М. А. Цявловскаго: „Пушкинъ въ печати“ М. 1911, стр. 39 и сл.) и сокращеніи работы въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (въ 1829 г. въ „Московскомъ Телеграфѣ“ помѣщены только три стихотворенія-эпиграммы Пушкина). Это также должно было, вполнѣ естественно, вести въ концѣ концовъ къ охлажденію и со стороны Полевого, считавшаго себя и раньше уже обиженнымъ пріемомъ Пушкина. Теперь Пушкинъ чуть не съ увлеченіемъ занятъ „своимъ“ журналомъ, пытается поддержать „Московскій Вѣстникъ“, чувствуя его непрочность и слабость: уже въ августѣ 1827 г. онъ находитъ нужнымъ подбадривать Погодина, обѣщая свое дѣятельное участіе, доказывая что „Московскій Вѣстникъ“ лучшій изъ наличныхъ русскихъ журналовъ, сравнивая его съ „Телеграфомъ“, отдаетъ предпочтеніе

lib.pushkinskijdom.ru

„своему“ журналу. Но въ то же время и теперь онъ признаетъ достоинство за „Телеграфомъ“, въ частности за статьями въ этомъ журналѣ П. А. Вяземскаго, одна статья коего, по его словамъ, стоитъ трехъ дѣльныхъ статей „Московскаго Вѣстника“ (Саит. II, 42, № 335; ср. Н. Барсукова: Жизнь и труды Погодина, II, 127). Но это не мѣшаетъ Пушкину оставаться въ общемъ о „Московскомъ Телеграфѣ“ того же мнѣнія, что и прежде: „Растолковали ли вы „Телеграфу“ что онъ дуракъ?.... „Телеграфъ“ добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу“ (письмо къ Погодину, 1 іюля 1828 г.— у Саит. II, 67, № 362; ср. Барсукова: Жизнь и труды Погодина, II, 186). Поэтому Пушкинъ и продолжаетъ изрѣдка посылать стихи свои въ „Телеграфъ“. Какъ ни старался Пушкинъ поддержать свой „Московскій Вѣстникъ“, журналъ вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ быстро клонился къ упадку, и Пушкинъ уже самъ имъ неудовлетворенъ, что́ внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что онъ все меньше и меньше принимаетъ въ немъ участія своими произведеніями (такъ, въ 1828 г. даетъ 7 своихъ произведеній, въ 1829 г.— только 6, а въ 1831 г. только два). У него созрѣваетъ мысль о „Литературной Газетѣ“ съ редакторствомъ А. Дельвига, которая и начинаетъ выходить въ 1830 г., открывши энергичную кампанію противъ Булгарина и его журналовъ. Тѣмъ временемъ началось сближеніе между „Московскимъ Телеграфомъ“ и „Сѣверной Пчелой“ Булгарина, которыми повелась острая борьба противъ „Литературной Газеты“ и умирающаго „Московскаго Вѣстника“, въ частности его вдохновителя въ лицѣ Пушкина. Тутъ-то обнаружился разрывъ прежнихъ и безъ того ставшихъ натянутыми, отношеній между Пушкинымъ и Полевымъ. Масла въ огонь подлилъ, на этотъ разъ, уже самъ Н. Полевой своей „Исторіей русскаго народа“ (первый томъ ея вышелъ въ 1829 г.), которой предшествовалъ его же разборъ XII тома „Исторіи“ Карамзина, хотя и сдержанный, но явно несочувственный (ср. „Памяти А. С. Пушкина“, сборн. И. Ф. фак. СПб. унив. СПб. 1900, стр. 278). Если прежде Пушкинъ и „очень ощетинился на Полевого за Невскій Альманахъ и пародію на Жуковскаго“, но тогда сдержался (см. письмо его средины апр. 1825 г. къ Вяземскому—у Саит. I, 206. № 153), то теперь онъ уже прямо выступилъ противъ Полевого и его „Исторіи русскаго народа“ въ „Литературной Газетѣ“ (1830 г. № 4, 12, 32, 51, 54, 61, 65, или Собр. соч. А. Пушкина, ред. П. Ефремова, V (1903), 437 и сл.). Между тѣмъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, этой теперь союзницѣ „Телеграфа“, стали появляться выходки противъ такъ называемой лите-

lib.pushkinskijdom.ru

ратурной „аристократіи“, органомъ которой сочтена была именно та же „Литературная Газета“. Пушкинъ (1830 г. № 45 „Л. Г.“) энергично возражалъ противъ подобнаго упрека (Соч. Пушкина, ред. П. Ефремова, т. V, 1903, стр. 465—66), опровергая „Сѣверную Пчелу“, при чемъ ясно имѣлъ въ виду и Полевого съ его „Телеграфомъ“, который также считалъ „Литер. Газ.“ „послѣднимъ усиліемъ жалкаго литературнаго аристократизма“ (ср. Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, III, 229—231).

Такъ разгорѣлась эта полемика, первоначально сдерживавшая себя съ той и другой стороны; съ почвы личныхъ частныхъ отношеній она перешла на общую—разницу въ общественныхъ взглядахъ: Полевой считалъ Пушкина аристократомъ, хотя только и литературнымъ (на словахъ), Пушкинъ отрицалъ такое обвиненіе, считая въ то же время Полевого своеобразнымъ „либераломъ“, какъ представителя тѣхъ демократическихъ теченій, которыя задѣвали дворянское сознаніе Пушкина (ср. „Лит. Газ“. 1830 г. № 36—Соч. Пушкина, ред. Ефремова, V, 464—65). На этой почвѣ расхожденія въ общихъ взглядахъ созрѣвало у Пушкина то рѣзко отрицательное отношеніе къ Полевому, которое сказалось, какъ въ записи Дневника отъ 7 апрѣля 1834 года, такъ и позднѣе, напр., въ черновыхъ наброскахъ „Египетскихъ ночей“ (1835): взглядъ Чарскаго (=Пушкина) на журналистовъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду „скучнаго невѣжду“ Полевого (см. сборникъ „Памяти Пушкина“ Ист.-Филол. факультета СПетерб. университета, 1899 г. стр. 271).

С. М.

Стр. 46 (32). Свиньинъ, Павелъ Петровичъ (1787—1839), писатель и журналистъ 20—30-хъ годовъ, образованіе получилъ въ Благородномъ пансіонѣ при Москов. университетѣ, гдѣ и началъ свою литературную дѣятельность стихами и баснями въ журналѣ „Утренняя Заря“ 1803 года. Съ 1806 г. поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, провелъ нѣсколько лѣтъ за границей въ качествѣ дипломатическаго чиновника, при чемъ съ 1811 по 1813 годъ состоялъ секретаремъ русскаго генеральнаго консула въ Филадельфіи. Желая познакомить американское общество съ Россіей, Свиньинъ издалъ на англійскомъ языкѣ описаніе русскихъ столицъ: „Sketches of Moscow and St.-Petersburg“ (Philadelphia, 1813). Между прочимъ въ Америкѣ онъ сблизился съ извѣстнымъ французскимъ генераломъ Моро, проживавшимъ въ качествѣ эмигранта

lib.pushkinskijdom.ru

въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ 1813 году сопровождалъ его при его переѣздѣ въ Европу, куда онъ былъ вызванъ имп. Александромъ. Возвратившись въ Россію, Свиньинъ издалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ отразились впечатлѣнія его заграничной жизни: „Взглядъ на республику Соединенныхъ Американскихъ Областей“ (1814), „Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ“ (1815), „Ежедневныя записки въ Лондонѣ“ (1817). Пребываніе его въ англосаксонскихъ странахъ оказало на Свиньина сильное вліяніе: съ одной стороны, оно развило въ немъ англофильство, глубокое уваженіе къ духу англійской культуры, съ ея національнымъ своеобразіемъ, съ ея культомъ традицій и старины; съ другой стороны, эти же сочувственно усвоенныя имъ черты англійской психологіи способствовали развитію въ немъ интереса къ Россіи, къ родному народу, его жизни, быту и нравамъ, къ его историческому прошлому. Благодаря этому изъ Свиньина выработался писатель національнаго направленія, съ уклономъ въ сторону этнографіи и бытописанія. Въ 1818 году онъ началъ издавать „Отечественныя Записки“, сначала въ видѣ неперіодическихъ сборниковъ, а съ 1820 года въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, наполненнаго большей частью статьями самого издателя по русской исторіи и географіи, жизнеописаніями русскихъ людей и тому под. матеріалами. Кромѣ того Свиньинъ выпустилъ отдѣльными изданіями: „Жизнь русскаго механика Кулибина“ (1819), „Указатель достопримѣчательностей Московской Оружейной палаты“ (1826), „Достопримѣчательности С. Петербурга и его окрестностей“ (1818—1828) и, наконецъ, „Картины Россіи и бытъ различныхъ ея народовъ“ (1839); послѣднее сочиненіе, представляющее результатъ его многократныхъ поѣздокъ по различнымъ частямъ Россіи, снабжено рисунками самого автора, изображающими виды мѣстностей, народные типы и бытовыя сцены. Однако предпринятыя имъ изданія имѣли лишь слабый успѣхъ въ публикѣ. Въ 1830 году ему пришлось прекратить „Отечественныя Записки“. Онъ поселялся въ своемъ Костромскомъ имѣніи, хотя и не прекращалъ литературной дѣятельности, сотрудничая въ различныхъ современныхъ журналахъ. Къ этому же времени относятся и его два историческихъ романа: „Шемякинъ судъ“ (1832) и „Ермакъ“ (1834), впрочемъ, весьма слабыхъ въ художественномъ отношеніи.

Какъ писатель, Свиньинъ не возвышался надъ уровнемъ посредственности. Проникнутый искреннимъ, хотя подчасъ и довольно наивнымъ патріотизмомъ, онъ посвятилъ свою литературную дѣя-

lib.pushkinskijdom.ru

тельность изображенію и прославленію родной земли и русскаго народа, особенно въ лицѣ его историческихъ героевъ, а также различныхъ самоучекъ и самородковъ. Лишенный критическаго чутья и чувства мѣры, Свиньинъ нерѣдко впадалъ при этомъ въ ошибки и преувеличенія, которыя вызывали насмѣшки, а иногда и прямое глумленіе надъ нимъ со стороны его литературныхъ противниковъ. Извѣстный баснописецъ А. Е. Измайловъ изобразилъ его въ карикатурномъ видѣ въ баснѣ „Лгунъ“ (1824), первая строфа которой: „Павлуша, мѣдный лобъ“ обратилась въ прозвище Свиньина; другое его прозвище было—„patriote réchauffé“ (Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. II, стр. 393). Вяземскій также написалъ на Свиньина нѣсколько эпиграммъ (Собраніе сочиненій, IV, стр. 109; Рус. Архивъ, 1866, стр. 475). Ему же посвятилъ и Пушкинъ одну изъ своихъ „дѣтскихъ сказочекъ“: „Маленькій лжецъ“, правда, не напечатанную имъ при жизни и появившуюся впервые только въ Анненковскомъ изданіи; въ „Собраніи насѣкомыхъ“ Пушкина Свиньинъ фигурируетъ въ видѣ „россійскаго жука“. Нѣсколько болѣе снисходительную оцѣнку Свиньина, какъ человѣка и какъ писателя, даетъ въ своихъ „Запискахъ“ Ксенофонтъ Полевой, хорошо знавшій Свиньина, который очень сочувственно относился къ братьямъ Полевымъ, въ особенности къ Николаю, видя въ немъ талантливаго „кулика-самоучку“, свидѣтельство даровитости русской натуры: „Это былъ плохой литераторъ, но безцѣнный человѣкъ ловкостью, находчивостью, услужливостью, готовый обязывать во всѣхъ мелочахъ. Онъ не могъ быть, да и не почиталъ себя меценатомъ; но, имѣя обширныя связи и безчисленныя знакомства, могъ быть полезенъ для тѣхъ, кто нуждался въ средствахъ для дѣятельности артистической или литературной. Неподдѣльною страстью въ немъ было отыскивать все замѣчательное русское, въ томъ числѣ и русскія дарованія; но такъ какъ онъ не обладалъ ни достаточной образованностью, ни проницательностью для этого, то часто впадалъ въ смѣшныя ошибки, поощрялъ бездарность, наживалъ себѣ враговъ въ людяхъ неблагодарныхъ и впослѣдствіи сдѣлался предметомъ злыхъ насмѣшекъ, отчего само покровительство его было непривлекательно“ (Записки К. А. Полевого. СПб., 1888. Стр. 68). Литературные выпады и эпиграммы противъ Свиньина отчасти объясняются тѣмъ, что онъ, по своимъ взглядамъ и симпатіямъ, примыкалъ къ лагерю Шишкова и „Бесѣды любителей русскаго слова“: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже является прямымъ предшественникомъ первыхъ славянофиловъ, съ ихъ идеа-

lib.pushkinskijdom.ru

лизаціей русской жизни и русскаго народнаго характера; но еще болѣе эти нападки объясняются легкомысленной довѣрчивостью самого Свиньина, его привычкой безъ всякой критики пользоваться источниками и матеріалами, попадавшими въ его руки, его опрометчивостью въ сужденіяхъ и выводахъ; все это создавало ему нелестную репутацію выдумщика, „лжеца", чѣмъ Свиньинъ на самомъ дѣлѣ вовсе не былъ. Высказывалось даже подозрѣніе, что его разсказы о своихъ странствованіяхъ по Европѣ и Америкѣ заимствованы у иностранныхъ путешественниковъ, а вовсе не основаны на собственныхъ впечатлѣніяхъ. Вообще среди современныхъ писателей Свиньинъ никакимъ авторитетомъ не пользовался и про него ходило въ литературномъ мірѣ немало анекдотовъ. Кромѣ литературы, Свиньинъ занимался также и живописью; многія изъ его изданій снабжены его собственными рисунками. И въ этой области Свиньинъ не оставлялъ своей національной, патріотической точки зрѣнія и, по свидѣтельству Свербеева, много толковалъ о необходимости созданія русской школы живописи; онъ былъ однимъ изъ основателей Общества поощренія русскихъ художниковъ (Записки Д. Н. Свербеева. М. 1899. Т. I, стр. 253). Болѣе подробныя свѣдѣнія о Свиньинѣ въ статьѣ В. Данилова, Истор. Вѣстн., 1915, VII, 109 и *сл.*

Отношеніе Пушкина и взглядъ его на Свиньина въ достаточный мѣрѣ обрисовываются въ указанныхъ выше эпиграмматическихъ выпадахъ его противъ издателя „Отечественныхъ Записокъ". Это отрицательное и ироническое отношеніе къ нему установилось у Пушкина очень рано; такъ, по свидѣтельству И. П. Липранди, относящемуся еще къ Кишиневской эпохѣ, Пушкинъ, въ разговорѣ съ В. Ѳ. Раевскимъ, „смѣялся надъ П. П. Свиньинымъ, вообразившимъ Аккерманъ мѣстомъ ссылки Овидія и, вопреки исторической географіи, выводившимъ, что даже названіе одного близъ лежащаго отъ Аккермана озерка, сохранило названіе Овидіева озерка, и на этомъ основаніи давалъ волю своему воображенію, до самыхъ безразсудныхъ границъ"; ошибка Свиньина произошла отъ того, что названіе *Лакулъ-Овіолуй* (Овечье озеро) связалъ съ именемъ Овидія, между тѣмъ какъ оно произошло отъ слова *овіо*—овца (Рус. Архивъ, 1866, стр. 1268). Такое же ироническое, пренебрежительное отношеніе къ Свиньину чувствуетъ и въ самомъ тонѣ записи дневника и въ сопоставленіи Свиньина съ такими лицами, какъ Булгаринъ и Полевой. Что касается до вопроса о личномъ знакомствѣ Пушкина со Свиньинымъ, то мы знаемъ только, что они, дѣйствительно, были знакомы другъ съ другомъ, встрѣчаясь въ обществѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

но знакомство это не установило между ними никакой близости. Ксенофонтъ Полевой разсказываетъ даже о посѣщеніи Свиньинымъ Пушкина въ 1828 году; однако изъ самого разсказа видно, что отношенія между ними были совершенно чужды дружеской интимности: раздосадованный какою-то безтактностью, допущенной Свиньинымъ по отношенію къ нему, Пушкинъ отомстилъ ему тѣмъ, что въ разговорѣ заводилъ постоянно рѣчь объ одномъ эпизодѣ, въ которомъ Свиньинъ сыгралъ комическую и не совсѣмъ пристойную роль („Записки", стр. 277). Единственнымъ письменнымъ слѣдомъ ихъ личныхъ отношеній является письмо Свиньина къ Пушкину отъ 19 февраля 1833 года по поводу записокъ Храповицкаго, рукопись которыхъ находилась въ рукахъ Свиньина и о доставленіи которыхъ просилъ его Пушкинъ (Переписка, III, стр. 6).

Наконецъ, съ именемъ Свиньина связанъ и сюжетъ „Ревизора", данный, какъ извѣстно, Гоголю Пушкинымъ. Среди бумагъ, купленныхъ Публичной библіотекой въ 1910 году заграницей, былъ найденъ листокъ съ автографомъ Пушкина, представляющимъ первый набросокъ сюжета „Ревизора". Автографъ этотъ начинается съ фамиліи Свиньина,—правда, перечеркнутой Пушкинымъ. Н. О. Лернеръ въ статьѣ: „Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста" весьма правдоподобно предполагаетъ, что самая мысль о мнимомъ ревизорѣ, изъ которой у Гоголя родился впослѣдствіи образъ враля-Хлестакова, была внушена Пушкину дѣйствительнымъ эпизодомъ, приключившимся со Свиньинымъ въ Молдавіи, гдѣ во время служебной командировки его приняли за какое-то высокопоставленное лицо и гдѣ онъ самъ, до нѣкоторой степени, разыгралъ роль Хлестакова: на этотъ эпизодъ, вызвавшій отставку Свиньина, и намекалъ Пушкинъ въ бесѣдѣ съ нимъ, упомянутой въ Запискахъ Полевого (Сочиненія Пушкина, подъ редак. С. А. Венгерова. Т. VI, стр. 218).

Стр. 46 (22—30). Исторія возникновенія и изданія „Энциклопедическаго Лексикона" Плюшара была впослѣдствіи подробно разсказана Н. И. Гречемъ (Рус. Архивъ, 1871 г., стр. 1247—1272). Согласно его словамъ, весною 1834 года Адольфъ Плюшаръ, сынъ онѣмеченнаго француза, въ самомъ началѣ XIX вѣка переселившагося изъ Брауншвейга въ Петербургъ и здѣсь основавшаго извѣстную типографію, обратился къ Гречу съ предложеніемъ взять на себя редакцію обширнаго Энциклопедическаго словаря, по типу нѣмецкаго Conversations-Lexicon'а Брокгауза. Гречъ первоначально уклонился отъ этого предложенія и отослалъ Плюшара къ Сенковскому,

lib.pushkinskijdom.ru

но когда объ этомъ узнали нѣмцы-академики, сотрудники предполагаемаго изданія, ненавидѣвшіе Сенковскаго, они наотрѣзъ отказались участвовать въ немъ, если онъ будетъ его редакторомъ. Тогда Плюшаръ снова обратился къ Гречу, и на этотъ разъ послѣдній предложилъ созвать общее собраніе сотрудниковъ для обсужденія плана изданія и выбора главнаго редактора. Собраніе состоялось въ домѣ Греча; собралось 105 человѣкъ. „Трое (Пушкинъ, Зайцевскій и Свиньинъ) объявили, что не станутъ участвовать въ дѣлахъ собранія, не зная, кто главный редакторъ, и удалились. Они опасались и не хотѣли Сенковскаго. Предложили меня,—пишетъ Гречъ,—и я былъ выбранъ единогласно“ (стр. 1250). Затѣмъ происходило распредѣленіе работы между редакторами отдѣловъ и сотрудниками, при чемъ помощникомъ главнаго редактора по наукамъ физико-математическимъ былъ выбранъ А. Ѳ. Шенинъ, инспекторъ классовъ Павловскаго корпуса. Все изданіе было разсчитано на 24 тома и должно было выходить по четыре тома въ годъ; годовая цѣна его была назначена въ 30 рублей. Предполагаемое изданіе возбудило значительный интересъ въ русской публикѣ и привлекло весьма значительное по тому времени число подписчиковъ: къ 21 декабря 1834 года, еще до выхода въ свѣтъ перваго тома Лексикона, таковыхъ набралось 3384 человѣка („Сѣв. Пчела“, 1834 г., № 293), а къ концу 1835 года число ихъ увеличилось до 6000 чел. Первый томъ Энциклопедическаго Лексикона вышелъ въ серединѣ іюня 1835 года: въ немъ былъ напечатанъ общій планъ изданія и списокъ редакторовъ научныхъ отдѣловъ и сотрудниковъ. Изданіе довольно быстро подвигалось впередъ, первые томы выходили въ установленные сроки, успѣхъ его казался вполнѣ обезпеченъ; но этотъ успѣхъ вызвалъ зависть Сенковскаго, который сталъ интриговать противъ Греча и добился наконецъ того, что Гречъ въ октябрѣ 1836 г. отказался отъ работы по изданію. Съ середины 7-го тома главнымъ редакторомъ Лексикона сдѣлался Шенинъ; подъ его редакціей вышли слѣдующіе тома до 13-го включительно. 14-й томъ вышелъ подъ главной редакціей Сенковскаго (въ сентябрѣ 1838 г.), но онъ былъ составленъ крайне неудачно, и это обстоятельство дало возможность Гречу на почвѣ критики изданія свести свои личные счеты съ Сенковскимъ, что онъ и сдѣлалъ въ брошюрѣ: „О четырнадцатомъ томѣ Энциклопед. Лексикона, изданнаго подъ главной редакціей О. И. Сенковскаго“. (Прибавленіе къ „Сѣв. Пчелѣ“. СПб. 1838). Нападки Греча произвели такое впечатлѣніе, что Сенковскій самъ отказался отъ редак-

lib.pushkinskijdom.ru

торства, и два слѣдующихъ тома Лексикона, 15 и 16-й, вышли подъ редакціей Д. И. Языкова. Но уже довѣріе публики къ изданію было подорвано и оно явно клонилось къ упадку. Къ тому же Плюшаръ, ведшій широкій образъ жизни и потому всегда нуждавшійся въ деньгахъ, не стѣснялся брать ихъ въ редакціонной кассѣ, что крайне затрудняло оплату сотрудниковъ и другіе расходы по изданію. Послѣдній, 17-й, томъ Лексикона вышелъ въ свѣтъ, послѣ значительнаго перерыва, въ іюнѣ 1841 года (цензурная помѣта 30 мая 1841 г.) и на этомъ томѣ изданіе остановилось, далеко не доведя до конца поставленную задачу, такъ какъ 17-й томъ заканчивается словомъ „Діодоръ". При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, въ качествѣ перваго опыта подобнаго рода изданія въ Россіи (если не считать болѣе ранняго, но фактически не вышедшаго въ свѣтъ Словаря московскаго типографщика Селивановскаго, относящагося къ 1820—25 гг.), имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, особенно первые тома, вышедшіе подъ редакціей Греча, которому все-таки удалось объединить вокругъ изданія всѣ имѣвшіяся въ тогдашней Россіи научныя силы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ собранный въ Лексиконѣ справочный матеріалъ и до сихъ поръ не утратилъ своей цѣнности. Во всякомъ случаѣ то рѣзко отрицательное отношеніе къ изданію, какое съ самаго начала проявилъ Пушкинъ, является необоснованнымъ и несправедливымъ; оно объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ изданія стояли лица, ему несимпатичныя и не пользовавшіяся его довѣріемъ. Это отрицательное отношеніе Пушкина къ предпріятію сказывается и въ двухъ сохранившихся запискахъ его къ князю В. Ѳ. Одоевскому, вызванныхъ полученнымъ имъ отъ Греча приглашеніемъ на совѣщаніе относительно предполагаемаго изданія. Въ одной изъ нихъ Пушкинъ пишетъ: „Дѣло идетъ о Конверсаціонсъ-Лексиконѣ: я это пронюхалъ. Соглашаюсь съ Вашимъ Сіятельствомъ, что нынѣшній вечеръ имѣетъ свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г., ибо на то получилъ разрѣшеніе отъ Плетнева, который есть воплощенная совѣсть. Поѣдемъ; что за бѣда? Вѣдь это будетъ мірская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся—а въ воровскую шайку не вступимъ". Въ другой записочкѣ, написанной, вѣроятно, въ самый день собранія, Пушкинъ спрашиваетъ Одоевскаго: „Ѣдете ли вы на совѣщаніе къ Гречу? Если да, то отправимся вмѣстѣ; одному ѣхать страшно: пожалуй, побьютъ" (Переписка, III, стр. 85—86). Выраженное Пушкинымъ недовѣріе къ предполагаемому изданію произ-

lib.pushkinskijdom.ru

вело на нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ на собраніи у Греча неблагопріятное впечатлѣніе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ А. В. Никитенко въ своемъ Дневникѣ: „Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствовавшіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: „Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями". А Пушкинъ къ этому прибавилъ: „Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено". Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе" („Записки и Дневникъ". СПб. 1905. Т. I, стр. 239). Впрочемъ, кн. Одоевскій впослѣдствіи измѣнилъ свое отношеніе къ предпріятію Плюшара, и начиная съ 7-го тома, вышедшаго въ свѣтъ въ концѣ 1836 года, слѣдовательно еще при жизни Пушкина (цензурная помѣта 22 ноября 1836 г.), имя его значится въ спискахъ сотрудниковъ Лексикона, въ качествѣ редактора музыкальнаго отдѣла. Имъ самимъ было напечатано въ Лексиконѣ нѣсколько статей по исторіи и теоріи музыки.

Стр. 46 (25—27). Слова Греча: „Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ", представляютъ собой поговорку, которую, въ нѣсколько иной формѣ, употребилъ однажды и Пушкинъ, въ примѣненіи къ вице-президенту Академіи, князю Дондукову-Корсакову, и ея секретарю Фуссу: „ N фокусникъ, а NN его паясъ" (Переписка, III, стр. 198). Можетъ быть, это выраженіе восходитъ къ французской поговоркѣ: Pierrots et paillasses charment sur les places". Литтре въ своемъ Словарѣ даетъ слѣдующее толкованіе слову паясъ: Paillasse—bateleur qui contrefait gauchement les tours de force qu'il voit faire"; а слово „bateleur" онъ изъясняетъ такъ: „faiseur de tour de force et d'escamotage", „bouffon de société", (Dictionnaire de la langue francaise. Paris, 1863. T. I, p. 699).

Стр. 46 (32). Гаевскій, Семенъ Ѳедоровичъ (1778—1862), докторъ медицины и хирургіи, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ Медико-хирургической академіи (выпуска 1800 года), впослѣдствіи профессоръ и ректоръ ея. Кромѣ врачебной и ученой работы, принималъ также большое участіе въ организаціи медицинской части въ Россіи, занимаясь разработкой и редактированіемъ законовъ и уставовъ, касающихся врачебнаго дѣла, въ качествѣ члена, а съ

lib.pushkinskijdom.ru

1837 года предсѣдателя Медицинскаго департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Съ 1819 года состоялъ лейбъ-медикомъ высочайшаго двора, а въ 1833 году получилъ званіе почетнаго лейбъ-медика. Въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара онъ завѣдывалъ медицинскимъ отдѣломъ и самъ написалъ нѣсколько статей и замѣтокъ по медицинскимъ вопросамъ (см. о немъ—Рус. біограф. Словарь. СПБ. 1914, стр. 111—112).

Стр. 47 (1). Галичъ, Александръ Ивановичъ (1783—1848): одинъ изъ первыхъ русскихъ философовъ, родомъ изъ духовнаго званія; первоначальное образованіе онъ получилъ въ Сѣвской семинаріи, а завершилъ его въ Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ. Въ 1808 году Галичъ былъ отправленъ въ Германію для усовершенствованія въ наукахъ; слушая въ Геттингенѣ лекціи Бутервега, онъ увлекся философіей Шеллинга и, вернувшись въ Россію въ 1813 году, сталъ, на ряду съ Велланскимъ, однимъ изъ первыхъ проводниковъ шеллингіанства въ русскомъ обществѣ и литературѣ. Въ томъ же году онъ занялъ каѳедру философіи въ Педагогическомъ институтѣ, а съ мая 1814 года по іюль 1815 года состоялъ кромѣ того преподавателемъ русской и латинской словесности въ Царскосельскомъ лицеѣ, какъ разъ въ эпоху пребыванія тамъ Пушкина. Кратковременность его педагогической дѣятельности въ лицеѣ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ явился въ немъ лишь замѣстителемъ отсутствовавшаго по болѣзни Кошанскаго, а съ другой—тѣмъ, что онъ самъ не проявилъ преподавательскихъ способностей, какъ они понимались въ то время, и лицейское начальство скоро убѣдилось въ малой успѣшности его педагогической дѣятельности. Я. К. Гротъ, на основаніи показаній лицейскихъ воспитанниковъ перваго выпуска, преимущественно Яковлева и Корфа, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Галича, какъ преподавателя: „Галичъ ни по характеру своему, ни по складу ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіяхъ, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпою каѳедру снисходительнаго лектора, а въ свободные часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, прерывать занимательный разговоръ о томъ и о семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: „теперь

lib.pushkinskijdom.ru

потреплемъ старика". Впрочемъ надо прибавить, что при обширныхъ познаніяхъ Галича нельзя считать его бесѣды съ лицеистами безполезными для ихъ образованія, и, конечно, такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній (Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-ое. Спб. 1899; стр. 19).

Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ Куницинымъ, своимъ товарищемъ по Педагогическому институту, Галичъ являлся однимъ изъ наиболѣе образованныхъ преподавателей Лицея; онъ хорошо зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и испанскій, живо интересовался вопросами искусства и литературы и обладалъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, будучи совершенно чуждъ педантизма и схоластики, которыми отличался его предшественникъ—Кошанскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему веселому и открытому характеру, онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи воспитанниковъ; графъ Корфъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Лицеѣ отмѣчаетъ его „младенческое простосердечіе и добродушіе, которое впрочемъ соединялось въ немъ съ чертами легкаго юмора и насмѣшливости". Онъ, повидимому, сумѣлъ ближе другихъ подойти къ своимъ ученикамъ, установить съ ними почти товарищескія отношенія, такъ что онъ, напримѣръ, не отказывался отъ участія въ легкихъ студенческихъ пирушкахъ, устраиваемыхъ иногда его юными друзьями. Въ частности, отношенія между Галичемъ и Пушкинымъ установились самыя дружескія; Галичъ, повидимому, сумѣлъ оцѣнить поэтическое дарованіе своего геніальнаго ученика по тѣмъ образцамъ его творчества, которые Пушкинъ далъ къ тому времени въ своихъ „лицейскихъ" стихотвореніяхъ. Въ свою очередь, Пушкинъ обнаружилъ къ своему учителю открытую симпатію и дружеское расположеніе; въ своемъ стихотвореніи „Пирующіе студенты" (1814 г.) онъ обращается къ нему съ призывомъ принять участіе въ дружеской пирушкѣ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери,
Будь нашимъ президентомъ,
И будутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Любопытно отмѣтить въ этихъ юношескихъ стихахъ самый эпитетъ, которымъ поэтъ характеризуетъ своего старшаго друга-

lib.pushkinskijdom.ru

учителя: „добрый Галичъ“, —тотъ же эпитетъ употребляетъ Пушкинъ и въ своемъ дневникѣ, при разсказѣ о неожиданной встрѣчѣ со своимъ бывшимъ воспитателемъ. Къ 1815 году, когда Галичъ уже покинулъ лицей, относятся два „Посланія“ къ нему Пушкина. Оба они написаны въ духѣ того изящнаго, эстетическаго эпикуреизма, который усвоилъ себѣ Пушкинъ подъ вліяніемъ французской „легкой поэзіи“ XVIII вѣка и, проводникомъ котораго въ русской литературѣ былъ Батюшковъ, служившій для юноши Пушкина ближайшимъ образцомъ. Л. Н. Майковъ въ своихъ комментаріяхъ къ этимъ стихотвореніямъ вполнѣ правдоподобно считаетъ, что въ данномъ отношеніи не остались безъ вліянія на Пушкина и уроки Галича: „съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что именно при содѣйствіи Галича, который любилъ литературныя бесѣды, Пушкинъ, даже при ограниченномъ знаніи латинскаго языка, научился вѣрно понимать духъ древнихъ авторовъ, и что этотъ безпечный, но умный и живой человѣкъ являлся въ глазахъ юноши-поэта какъ бы представителемъ того эпикуреизма, который такъ усердно воспѣвалъ Пушкинъ въ лицейскіе годы“ (Сочиненія Пушкина. Изданіе Академіи Наукъ. СПб., 1899; т. I, стр. 174).

Въ позднѣйшіе годы Пушкинъ только однажды упоминаетъ имя Галича—именно во „Второмъ посланіи цензору“ (1824), въ которомъ онъ называетъ Д. А. Кавелина—„крестителемъ Галича“, намекая на одинъ эпизодъ изъ позднѣйшей біографіи послѣдняго: въ 1821 году, когда надъ Петербургскимъ университетомъ разразилась гроза, вызванная Руничемъ, гоненію подвергся, вмѣстѣ съ Германомъ, Раупахомъ и Арсеньевымъ, также и Галичъ, который занималъ въ университетѣ каѳедру философіи и которому было поставлено въ вину распространеніе идей „нечестивой“ философіи Шеллинга среди русскаго юношества; робкій Галичъ не оказался на высотѣ положенія и поспѣшилъ подать въ конференцію, разбиравшую дѣло обвиняемыхъ профессоровъ, заявленіе, въ которомъ онъ признавалъ себя виновнымъ и просилъ не поминать грѣховъ его юности и невѣдѣнія. Восхищенные этимъ публичнымъ отреченіемъ, Руничъ и Кавелинъ бросились обнимать Галича, и на слѣдующій день, по свидѣтельству Е. А. Энгельгардта, въ церкви была назначена особая церемонія: „почтенные начальники повели Галича торжественно туда, надъ нимъ читалъ священникъ молитвы и кропилъ его святой водою“ (Д. Ѳ. Кобеко. Имп. Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. СПб., 1911, стр. 161). Несмотря однако на это покаяніе, Галичъ все же принужденъ былъ оставить

lib.pushkinskijdom.ru

университетскую каѳедру, хотя и продолжалъ свои научныя занятія.

Галичу принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: „Исторія философскихъ системъ“, 2 т., СПб., 1818—19; „Опытъ науки изящнаго“, СПб., 1825; „Черты умозрительной философіи“. СПб. 1829 (краткое изложеніе системы Шеллинга); „Теорія краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій“, СПБ., 1830; „Картина человѣчества. Опыты наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія“, СПб., 1834 (опытъ философской антропологіи), и нѣк. другіе. Интересно отмѣтить, что ни одной изъ этихъ книгъ не было, повидимому, въ библіотекѣ Пушкина, совершенно равнодушнаго къ философскимъ вопросамъ. Въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара Галичемъ написано нѣсколько небольшихъ статей по философіи, психологіи и эстетикѣ. Наиболѣе полная біографія и характеристика его заключается въ книгѣ А. В. Никитенко: „Алек. Галичъ, бывшій профессоръ СПбургскаго университета“. СПб., 1869.

Стр. 47 (5). Устряловъ, Николай Герасимовичъ (1805—1870), историкъ, профессоръ Петербургскаго университета и ординарный академикъ, родился въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губ., гдѣ отецъ его былъ управляющимъ имѣніями князя Куракина. Образованіе онъ получилъ въ Орловской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ только что основанный (въ 1819 г.) Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Службу началъ въ министерствѣ финансовъ, затѣмъ въ 1828 г. опредѣлился учителемъ исторіи въ 3-й гимназіи, въ 1830 году былъ назначенъ лекторомъ русскаго языка СПбургскаго университета, а съ 1831 года сталъ также читать лекціи по русской и всеобщей исторіи. Въ 1831—34 гг. издалъ „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“ (въ 5 частяхъ), а въ 1833 году „Сказанія князя Курбскаго“ (въ 2 частяхъ); оба эти изданія имѣлись въ библіотекѣ Пушкина, такъ же какъ и напечатанное имъ въ 1836 году разсужденіе: „О системѣ прагматической Русской Исторіи“, написанное имъ для полученія докторской степени: экземпляръ этого разсужденія былъ поднесенъ самимъ авторомъ Пушкину и снабженъ его надписаніемъ (Б. Л. Модзалевскій. „Библіотека Пушкина“. Пушкинъ и его современники. Вып. IX—X, стр. 108). Что касается до Никоновскаго процесса, объ изданіи котораго сообщалъ Устряловъ Пушкину, то онъ не былъ имъ изданъ, вѣроятно, въ силу

lib.pushkinskijdom.ru

цензурныхъ затрудненій. Въ 1837 г. Устряловъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и занималъ каѳедру русской исторіи до 1859 года. Основныя идеи свои о русской исторіи онъ высказалъ въ своей диссертаціи на степень доктора философіи: „О системѣ прагматической Русской Исторіи“ (СПб., 1836); эта диссертація вызвала большое неудовольствіе кн. Вяземскаго, который усмотрѣлъ въ ней неуваженіе къ памяти и труду Карамзина и написалъ довольно рѣзкій разборъ ея, въ видѣ письма къ министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову (Остаф. Архивъ, III, стр. 736—737). Пушкинъ весьма сочувственно отнесся къ этой статьѣ и, повидимому, собирался частично напечатать ее въ Современникѣ, такъ какъ полностью опубликовать ее было невозможно по цензурнымъ соображеніямъ (Переписка, III, стр. 432). Въ 1842 году, по ходатайству Уварова, Устрялову былъ предоставленъ доступъ къ дѣламъ и бумагамъ, хранящимся въ различныхъ архивахъ, для разработки исторіи Петра I-го: такимъ образомъ онъ какъ-бы унаслѣдовалъ работу, надъ которой ранѣе трудился Пушкинъ. Результатомъ его трудовъ явилась обширная „Исторія царствованія Петра Великаго“ (1849—1864), впрочемъ не доведенная имъ до конца. Серьезнаго научнаго значенія этотъ трудъ Устрялова не имѣетъ, но онъ до сихъ поръ сохраняетъ извѣстный интересъ, благодаря собранному имъ цѣнному историческому матеріалу. Въ 1839 году Устряловъ издалъ „Начертаніе Русской Исторіи“, учебникъ, написанный имъ для гимназій и получившій премію на конкурсѣ. Въ чисто офиціальномъ духѣ написано имъ „Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая I“ (1847), переведенное на польскій, шведскій, англійскій и нѣмецкій языки (В. В. Григорьевъ. Императорскій С. Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. СПб. 1870, стр. 222—224). Какъ профессоръ, Устряловъ не отличался особенными лекторскими дарованіями, читалъ сухо и монотонно, но, по свидѣтельству А. А. Чумикова, эти недостатки выкупались серьезностью и содержательностью его лекцій, сообщавшихъ слушателямъ большой запасъ фактовъ, особенно изъ области новой русской исторіи: отношеніе Устрялова къ студентамъ было довольно сдержанное и холодное: „въ противоположность другимъ своимъ молодымъ коллегамъ, Устряловъ никогда не искалъ у нихъ популярности“ (Рус. Архивъ, 1888, III, стр. 136).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Устрялову сынъ послѣдняго сообщаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о СПетербургскомъ университетѣ“ слѣдующее: „Пушкинъ интересовался трудами отца, кото-

lib.pushkinskijdom.ru

рый видѣлся съ нимъ раза два или три, незадолго до смерти Александра Сергѣевича, въ магазинѣ Смирдина. Отецъ часто разсказывалъ мнѣ про свиданія съ Пушкинымъ, который раза два-три обращался къ нему съ разспросами о предполагаемыхъ имъ къ изданію историческихъ трудахъ" (Историч. Вѣстникъ, 1884, № 6, стр. 581).

Стр. 47 (30). Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ (1786—1838), сынъ оберъ-камергера Александра Львовича и внукъ извѣстнаго „забавника" Екатерины II Льва Александровича. Подобно отцу и дѣду, онъ посвятилъ себя придворной службѣ, на которой и достигъ высшихъ ступеней. Въ 1829 году онъ былъ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ, а въ 1834 г.—членомъ Государ. Совѣта. По свидѣтельству Вигеля, Нарышкинъ унаслѣдовалъ характерныя черты обоихъ своихъ родителей: въ немъ „соединилось Нарышкинское барство, роскошество и шутливость съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостью и аристократическою гордостью матери" (урожденной Сенявиной). По отзыву же его племянника гр. В. А. Сологуба, онъ былъ „вельможа большой руки, наружности барской, по уму и остроумію замѣчательный, но до крайности вспыльчивый... Лѣтомъ Кириллъ Александровичъ жилъ на своей дачѣ за Ораніенбаумомъ, гдѣ у него былъ собственный дворикъ: здѣсь у него жили постоянно піита Гераковъ, писатель поэмъ во вкусѣ Тредьяковскаго, послѣдній остатокъ исчезавшей литературы, толстый и лысый драматическій писатель князь Шаховской и разные другіе нахлѣбники. У себя онъ былъ гостепріименъ и веселъ, впрочемъ жилъ нероскошно, но въ свое удовольствіе, и любилъ разсказывать анекдоты о старинѣ" (Воспоминанія гр. В. А. Сологуба. СПб., 1887; стр. 29). Пушкинъ упоминаетъ К. А. Нарышкина еще въ записяхъ 2-го, 16-го и 25 апрѣля 1834 г.; въ послѣднихъ двухъ записяхъ онъ приводитъ его bon-mots.

Стр. 48 (5). Графиня Полье, Варвара Петровна, урожд. княжна Шаховская (1796—1870), въ первомъ бракѣ была за графомъ П. А. Шуваловымъ, и, овдовѣвъ въ 1823 году, нѣсколько лѣтъ проживала въ Швейцаріи, гдѣ и вышла замужъ за швейцарскаго уроженца Адольфа Полье, получившаго отъ короля Карла X графскій титулъ и затѣмъ поступившаго на русскую службу. Во время ея пребыванія въ Швейцаріи, съ нею познакомился Д. Н. Свербеевъ, характеризующій ее симпатичными чертами въ своихъ воспомина-

lib.pushkinskijdom.ru

ніяхъ: „Милая эта женщина, чрезвычайно робкая и застѣнчивая, вмѣняла себѣ въ общественную обязанность быть для всѣхъ гостепріимной, хотя и видимо тяготилась пріемами у себя два раза въ недѣлю, на обѣдъ и вечеръ, всего русскаго общества, а иногда и французовъ“ (Записки Д. Н. Свербеева. М. 1899. Т. II, стр. 305). Однако уже въ 1830 году графиня Полье снова овдовѣла. Въ своихъ письмахъ къ невѣстѣ Пушкинъ дважды упоминаетъ о ней: 20 іюля 1830 г. онъ пишетъ: „*Кат. Ив.* [Загряжская] въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье)“; а 30 іюля сообщаетъ: „Я еще не видѣлъ *Кат. Ив.*; она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ“ (Переписка, II, стр. 164, 167). Въ третьемъ бракѣ графиня Полье была за натурализовавшимся въ Италіи англичаниномъ Джоржемъ Вильдингомъ, получившимъ отъ неаполитанскаго короля титулъ principe di Buttera и бывшимъ неаполитанскимъ посланникомъ въ Парижѣ; но и этотъ бракъ былъ непродолжителенъ, и въ 1841 году она снова потеряла мужа.

Графиня Полье, княгиня Бутера пользовалась всеобщимъ уваженіемъ за свою доброту, гостепріимство и радушіе. Обладая громаднымъ состояніемъ, унаслѣдованнымъ ею отъ матери, получившей по родственнымъ связямъ значительную часть Строгановскихъ богатствъ, гр. Полье отличалась широкой благотворительностью и охотно удовлетворяла всѣхъ обращавшихся къ ней съ просьбой о помощи. Такъ, протоіерей И. И. Базаровъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда княгиня Бутера проживала въ Штутгардтѣ, къ ней нерѣдко обращались за пособіемъ даже молодые офицеры, прося на первоначальное обзаведеніе, и княгиня давала кому 500, кому 1000 гульденовъ (Рус. Старина, 1901, мартъ, стр. 556).

Стр. 48 (8). Семья Мещерскихъ была тѣсно связана съ семьей Карамзиныхъ, такъ какъ князь Петръ Ивановичъ Мещерскій (1802—1876) былъ женатъ съ 1828 г. вторымъ бракомъ на старшей дочери историографа Екатеринѣ Николаевнѣ (1805—1867). Въ молодости онъ служилъ на военной службѣ, въ гвардіи, но особенной карьеры не сдѣлалъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника. Человѣкъ честный и добродушный, но заурядный, онъ уступалъ въ смыслѣ ума и силы характера своей супругѣ, которая играла въ семьѣ первую роль. Поэтому въ домѣ Мещерскихъ господствовалъ культъ Карамзина и Карамзинскихъ традицій. Впослѣдствіи, въ началѣ царствованія Александра II, въ эпоху либеральныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

преобразованій, „салонъ“ Екатерины Николаевны считался однимъ изъ центровъ консервативной оппозиціи. Изъ числа литераторовъ, посѣщавшихъ домъ Мещерскихъ, особенно близокъ къ нимъ былъ Ѳ. И. Тютчевъ, очень уважавшій княгиню и любившій слушать ея воодушевленныя рѣчи, которыя онъ называлъ: la musique d'une belle âme. Пушкинъ также бывалъ у Мещерскихъ и, повидимому, считался въ числѣ ихъ ближайшихъ друзей; въ своихъ письмахъ къ женѣ онъ упоминаетъ о нихъ неоднократно, а когда въ маѣ 1834 г. они уѣзжали за-границу, онъ счелъ своимъ долгомъ проводить ихъ на пароходъ (см. запись дневника отъ 2 іюня и Переписку, т. III, стр. 122): близость его къ дому Мещерскихъ объясняется, вѣроятно, его давними отношеніями къ семьѣ Карамзиныхъ. Свѣдѣнія о семьѣ Мещерскихъ и ихъ кружкѣ см. въ книгѣ сына ихъ, извѣстнаго публициста реакціоннаго направленія, князя Владиміра Петровича Мещерскаго: „Мои воспоминанія“. СПб., 1897, стр. 1—3, 17, 140, 158 и др.

Стр. 48 (11). О случаѣ въ семьѣ Карцовыхъ К. Я. Булгаковъ сообщалъ брату 19 марта 1834 г.: „Трагическое приключеніе съ Карцовой съ прибавленіями: мужъ ее не убилъ, не обезобразилъ, а пугнулъ порядочно. По крайней мѣрѣ я такъ слышалъ отъ знакомыхъ“ (Рус. Архивъ, 1904 г., I, стр. 414).

Стр. 48 (17). „Обѣдалъ у Кн. Ник. Труб.“—повидимому, имѣется въ виду князь Николай Ивановичъ Трубецкой (1796—1874), стат. сов. камергеръ, исправ. должность почтъ-инспектора II-го округа (Мѣсяцесловъ и Общій штатъ Россійской Имперіи на 1834 годъ, стр. 13); впослѣдствіи онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, сенаторомъ, членомъ Госуд. Совѣта и скончался въ званіи президента Московской Дворцовой конторы и предсѣдателя Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта (Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. М. 1891, стр. 252). По поводу справлявшагося въ декабрѣ 1867 года служебнаго юбилея кн. Трубецкого, сенаторъ К. Н. Лебедевъ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: „Москва занимается юбилеемъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкого [по своему малому росту онъ носилъ въ обществѣ прозвище: le Nain], для чего сегодня или вчера прибылъ и маленькій царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возглашеній, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только праздникъ тщеславіемъ нашего времени. Какія заслуги оказалъ кн. Н. Трубецкой? Самъ рескриптъ не могъ высказать ихъ“ (Рус. Архивъ, II, 509).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 48 (17). Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ (1809—1868), извѣстный въ свое время драматургъ, романистъ и поэтъ, пользовавшійся въ 30—40-хъ годахъ чрезвычайной популярностью. Сынъ выходца изъ Австріи, профессора Педагогическаго Института и Петербургскаго университета, Кукольникъ получилъ образованіе въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, директоромъ которой былъ его отецъ, а товарищемъ-одноклассникомъ Н. В. Гоголь; впрочемъ, школьная жизнь не установила между ними особенной близости, и впослѣдствіи, въ эпоху своей литературной дѣятельности, они относились другъ къ другу холодно и отрицательно. По окончаніи гимназіи, Кукольникъ два года прослужилъ въ Вильнѣ, преподавателемъ русской словесности, но въ 1831 году переселился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра. Съ нѣкоторыми перерывами, вызванными его усиленной литературной дѣятельностью, служба Кукольника продолжалась до 1857 года, при чемъ въ періодъ 1847—56 гг. ему приходилось исполнять сложныя и отвѣтственныя порученія по ревизіи интендантства и тому под. Выйдя въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Кукольникъ поселился въ Таганрогѣ, гдѣ и проживалъ на покоѣ, полузабытый своими современниками, и гдѣ онъ и скончался 8 декабря 1868 года.

Литературная дѣятельность Кукольника началась въ 1833 году, когда имъ была издана „драматическая фантазія"—„Торквато Тассо", 27 сентября она была поставлена на сцену въ бенефисъ Брянской. но особаго успѣха у публики не имѣла (А. И. Вольфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ. Ч. I, стр. 33). Гораздо удачнѣе былъ второй сценическій опытъ Кукольника, драма „Рука Всевышняго отечество спасла": поставленная въ первый разъ 15 января 1834 г. въ бенефисъ В. А. Каратыгина, она имѣла громадный успѣхъ, благодаря своему приподнятому „патріотическому" содержанію и громкимъ тирадамъ, вложеннымъ авторомъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, такъ что по замѣчанію современнаго рецензента, „не только рукоплесканія, даже *ура* неоднократно потрясали стѣны театра" (Сѣв. Пчела, 23 января, № 18; присутствовавшій на одномъ изъ спектаклей имп. Николай Павловичъ остался чрезвычайно доволенъ, какъ пьесой, такъ и ея исполненіемъ; авторъ былъ представленъ государю и получилъ въ награду перстень. Но пьеса Кукольника сыграла фатальную роль въ судьбѣ другого выдающагося литературнаго дѣятеля того времени—Н. А. Полевого: не зная о чрезвычайномъ успѣхѣ ея постановки въ Петербургѣ и о ея, такъ сказать, офиціальномъ признаніи,

lib.pushkinskijdom.ru

Полевой помѣстилъ въ „Моск. Телеграфѣ“ довольно неблагопріятный отзывъ о произведеніи Кукольника—и въ результатѣ журналъ его подвергся запрещенію. Болѣе подробно объ этомъ эпизодѣ см. ниже въ примѣчаніи къ записи дневника отъ 7 апрѣля.

Успѣхъ „Руки Всевышняго“ побудилъ Кукольника тотчасъ же взяться за новую пьесу съ сюжетомъ изъ той же эпохи Смутнаго времени; слухъ объ этомъ новомъ замыслѣ отмѣтилъ и Пушкинъ въ своемъ дневникѣ: „Кук. пишетъ Липунова“: Это была трагедія: „Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій“, впервые поставленная на сцену 15 января 1835 года въ бенефисъ того же В. А. Каратыгина, который и выступалъ въ ней, съ необыкновеннымъ успѣхомъ, въ главной роли Прокопа Ляпунова. Эта пьеса окончательно утвердила среди большой публики Александринскаго театра славу Кукольника, какъ перваго драматурга своего времени. Этой части публики нравилась трескучая реторика монологовъ и общіе движенія на сценѣ, въ видѣ сраженій, рукопашныхъ боевъ, пальбы, звона колоколовъ и проч. Иначе судило болѣе образованное и надѣленное большимъ вкусомъ меньшинство публики: такъ, напр., А. В. Никитенко называлъ ее „рабскимъ писаніемъ“ и „грубымъ патріотическимъ фарсомъ“ (Записки и Дневникъ, т. I, стр. 241 и 270). Такимъ образомъ оправдалось пророчество Пушкина о томъ, что Кукольнику не удастся написать хорошей трагедіи. Интересно однако отмѣтить, что „Скопинъ-Шуйскій“ было единственное произведеніе Кукольника, нашедшее себѣ мѣсто въ Пушкинской библіотекѣ (Пушкинъ и его современники, вып. IX—X, стр. 55).

Успѣхъ его первыхъ произведеній окрылилъ Кукольника и онъ въ ближайшіе годы проявилъ необыкновенную продуктивность. За періодъ времени съ 1833 по 1847 годъ имъ былъ написанъ цѣлый рядъ драматическихъ произведеній, большей частью въ стихахъ: „Джуліо Мости“, „Доменикино“, „Князь Холмскій“, „Генералъ-поручикъ Паткуль“ и др.; романы: „Эвелина де Вальероль, „Альфъ и Альдона“, „Два Ивана...“, множество историческихъ повѣстей и лирическихъ стихотвореній; наконецъ, выступалъ Кукольникъ и въ качествѣ издателя: „Художественная Газета“ (1836—1837), „Дагеротипъ“ (1842), „Иллюстрація“ (1845—1847); въ этихъ изданіяхъ имъ было напечатано, помимо многочисленныхъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, множество статей по литературѣ, по живописи, по музыкѣ и т. д. Въ 1851—53 гг. вышло въ свѣтъ его „Собраніе сочиненій“, въ 10-ти томахъ, однако оно включаетъ въ себѣ далеко не все написанное Кукольникомъ. Послѣ него оста-

lib.pushkinskijdom.ru

лись записки и дневникъ, изъ которыхъ до сихъ поръ напечатаны были лишь небольшіе отрывки.

Кукольникъ былъ нелишенъ дарованія, но дарованіе это было чисто внѣшнее и притомъ оно сразу получило ложное направленіе, а шумный успѣхъ его первыхъ произведеній утвердилъ его на избранномъ пути. Подобно своему современнику Марлинскому, онъ примыкалъ къ романтической школѣ, но онъ заимствовалъ у французскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ преимущественно ихъ отрицательныя черты; стремленіе къ внѣшнимъ эффектамъ, искуственную приподнятость чувствъ и рѣчи, склонность къ громкой реторикѣ, напыщенность и ходульность. Что онъ могъ писать и иначе, это Кукольникъ доказалъ своими повѣстями изъ Петровской эпохи, отличающимися полной простотой содержанія и языка; однако эти произведенія не характерны для Кукольника и рѣзко отличаются отъ его обычной манеры, создавшей ему шумный, хотя и кратковременный успѣхъ среди читателей, пока критика Бѣлинскаго, доказавшаго внутреннюю пустоту его творчества, не разрушила создавшагося вокругъ его имени обаянія. Но эти критическія выступленія Бѣлинскаго противъ Кукольника относятся уже къ 40-мъ годамъ, а въ 30-хъ авторитетъ Кукольника стоялъ чрезвычайно высоко. Его поддерживалъ знаменитый журнальный „тріумвиратъ“: Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій, въ рукахъ которыхъ находились наиболѣе вліятельные и распространенные органы печати. Сенковскій, отчасти по свойственному ему отсутствію художественнаго вкуса, отчасти руководствуясь тайной мыслью создать Кукольнику литературную репутацію въ противовѣсъ Пушкину, провозгласилъ его великимъ поэтомъ-геніемъ, первымъ русскимъ писателемъ, сравнивалъ его съ Гёте и Шекспиромъ. Только небольшая группа такъ называемыхъ „литераторовъ-аристократовъ“ (Пушкинъ, Вяземскій, Одоевскій и нѣк. др.) относилась къ Кукольнику холодно и сдержанно, и это отношеніе отразилось и въ замѣткѣ Пушкина въ его дневникѣ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ другой отзывъ его о Кукольникѣ, заключавшійся въ его письмѣ къ Кюхельбекеру, написанномъ въ серединѣ 1836 года; но о его характерѣ мы можемъ догадываться по отвѣтному письму Кюхельбекера, въ которомъ послѣдній беретъ Кукольника подъ свою защиту отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, нападокъ Пушкина. „Не слишкомъ ли ты строгъ къ Кукольнику?—пишетъ онъ... Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изнѣженъ, главный порокъ его—болтовня; но все же онъ стоитъ, чтобы на пр. ты принялъ его въ руки;

lib.pushkinskijdom.ru

въ немъ могъ бы быть путь; дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно, (не во гнѣвъ тебѣ) если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій" (Переписка, III, стр. 361). Въ дневникѣ А. В. Никитенка мы находимъ еще слѣдующій отзывъ Пушкина о Кукольникѣ, къ которому самъ Никитенко въ общемъ относился довольно сочувственно, признавая въ немъ дѣйствительный талантъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками: „Интересно, какъ Пушкинъ судитъ о Кукольникѣ. Однажды у Плетнева зашла рѣчь о послѣднемъ; я былъ тутъ же. Пушкинъ, по обыкновенію, грызя ногти или яблоко— не помню, сказалъ:—А что, вѣдь, у Кукольника есть хорошіе стихи? Говорятъ, что у него есть и мысли.—Это было сказано тономъ двойного аристократа: аристократа природы и положенія въ свѣтѣ. Пушкинъ иногда впадаетъ въ этотъ тонъ и тогда становится крайне непріятнымъ" (Записки и Дневникъ. СПб., 1905. Т. I, стр. 270). Наконецъ въ воспоминаніяхъ Е. А. Драшусовой, бывшей въ первомъ бракѣ за беллетристомъ 30-хъ годовъ В. И. Карлгофомъ и потому вращавшейся въ литературныхъ кругахъ, того времени, сохранился еще отзывъ Пушкина о Кукольникѣ: „въ немъ жаръ не поэзіи, а лихорадки" (Рус. Вѣстникъ, 1881, сент., стр. 152).

Кукольникъ, повидимому, зналъ объ этомъ отрицательномъ отношеніи къ нему Пушкина и всего его кружка, и это отношеніе, конечно, не могло быть для его самолюбія совершенно безразличнымъ. Онъ нигдѣ не высказывался по этому поводу печатно, но въ кругу друзей онъ постоянно осуждалъ „мелкое, по его мнѣнію, направленіе литературы, данное ей Пушкинымъ, все проповѣдовалъ о колоссальныхъ созданіяхъ" (Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. СПб., 1876. Стр. 130). Трезвый реализмъ Пушкинскаго творчества былъ ему не по душѣ, онъ не въ состояніи былъ правильно оцѣнить художественную прелесть Пушкинскихъ созданій, въ которыхъ высшая поэзія рождается, по выраженію Меримэ, изъ самой обыденной прозы. Послѣ смерти Пушкина Кукольникъ записалъ въ своемъ дневникѣ 29 января 1837 года: „Пушкинъ умеръ .. Мнѣ бы слѣдовало радоваться,—онъ былъ злѣйшій мой врагъ: сколько обидъ, сколько незаслуженныхъ оскорбленій онъ мнѣ нанесъ—и за что? Я никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода. Я, напротивъ, избѣгалъ его, какъ избѣгаю вообще аристократіи: а онъ непрестанно меня преслѣдовалъ. Я всегда почиталъ въ немъ высокое дарованіе, поэтическій геній, хотя находилъ его ученость слишкомъ поверхностною, слишкомъ аристократическою; но

lib.pushkinskijdom.ru

въ сію минуту забываю все, и какъ русскій скорблю душевно объ утратѣ столь замѣчательнаго таланта" („Баянъ", 1888 г., № 11, стр. 98).

Признавая, съ нѣкоторыми оговорками, „геній" Пушкина, Кукольникъ совершенно отрицательно относился къ литературной дѣятельности своего школьнаго товарища Гоголя, произведенія котораго онъ называлъ „грязными"; „площадными", „недостойными искусства". Шумный успѣхъ, достигнутый имъ въ началѣ его дѣятельности внушилъ ему высокое представленіе о собственныхъ силахъ и способностяхъ, и эта самоувѣренность его нашла себѣ поддержку въ восторженномъ поклоненіи того кружка почитателей, который образовался въ 30-хъ годахъ вокругъ Кукольника. Панаевъ, самъ раздѣлявшій въ ранніе годы своей юности это поклоненіе и посѣщавшій Кукольниковскія „середы", но впослѣдствіи рѣзко измѣнившій свое отношеніе къ Кукольнику и представляемому имъ литературному направленію, оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ весьма отрицательную характеристику какъ самого Кукольника, такъ и всего его кружка (см. назв. соч., стр. 52—60, 64—68). Однако не слѣдуетъ забывать, что къ числу ближайшихъ друзей Кукольника, его постоянныхъ собесѣдниковъ и сотрудниковъ, принадлежали такіе выдающіеся люди, какъ художникъ Брюлловъ и композиторъ Глинка. Послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ часто и много говоритъ о Кукольникѣ и о Кукольниковской „братіи", притомъ въ неизмѣнно-сочувственныхъ тонахъ; одно время Глинка даже жилъ вмѣстѣ съ Кукольникомъ; дружеская близость привела ихъ и къ художественному сотрудничеству: Глинка написалъ музыку къ драмѣ Кукольника „Князь Холмскій" и нѣсколько романсовъ на его слова; въ свою очередь, Кукольникъ принялъ участіе въ составленіи либретто „Руслана и Людмилы" и написалъ для Глинки нѣсколько pièces de circonstance, которыя тотъ положилъ на музыку (Рус. Старина, 1870, т. II, стр. 305, 317, 320, 334—336, 342—345 и др.).

Весьма возможно, что одной изъ причинъ дружеской близости Глинки и Кукольника была общая имъ обоимъ любовь къ музыкѣ. Кукольникъ былъ человѣкъ музыкально одаренный; объ его игрѣ на фортепіано упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ дневникѣ; повидимому, онъ умѣлъ не только понимать и цѣнить музыкальное исполненіе, но интересовался также и теоріей музыки, о которой имъ было написано нѣсколько статей. Хорошо знавшій его А. Н. Струговщиковъ, извѣстный поэтъ и переводчикъ 30-40-хъ годовъ, неоднократно касается Кукольника въ своихъ воспоминаніяхъ о М. И. Глинкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

„Чтобы выяснить продолжительную привязанность Глинки къ Кукольнику,—говоритъ онъ,—замѣчу прежде всего, что сама личность Кукольника, не въ мѣру пострадавшая отъ литературныхъ нападокъ, была вовсе не такова, какою ее выставляетъ И. И. Панаевъ... Да и знала ли Петербургская публика почву, на которой выросла тѣсная взаимность Глинки и Нестора Кукольника? Не говоря уже о чуткомъ музыкальномъ ухѣ Кукольника, онъ былъ хорошо посвященъ и въ сухое таинство контрапункта. Глинка находилъ въ немъ тонкаго цѣнителя своихъ произведеній, провѣрялъ съ нимъ свои этюды, свои музыкальные рисунки и работалъ съ нимъ часто надъ инструментовкой оперныхъ номеровъ. Конечно, Глинка занимался съ Кукольникомъ, не какъ съ учителемъ, а какъ съ диллетантомъ, потому что самъ былъ уже превосходнымъ маэстро; тѣмъ не менѣе, Кукольникъ приходился ему кстати, какъ выраженіе просвѣщеннаго меньшинства публики. Правда, какъ писатель, Кукольникъ вызываетъ перечень такихъ ингредіентовъ его шаткаго ума, его пародоксальной зачастую логики, что оцѣнка оказывается незавидной... Какъ поэту, служила ему усердно фантазія, но онъ не умѣлъ сдерживать ея своенравія, и не онъ ею, но она, шаловливая, владѣла имъ. Къ тому же наклонность писать скоро, безъ оглядки, большей частію изъ-за гонорара, заглушала въ немъ любовь и цѣломудріе поэта; отсюда слабость исполненія, не отвѣчающая задачамъ мысли и натянутость ихъ завершенія. Сенковскій, лишенный всякаго чутья поэзіи, воскликнулъ какъ-то неосторожно: „Великій Кукольникъ!“ Кукольникъ повѣрилъ ему и окончательно сбился съ толку... При такомъ нескромномъ служеніи слову, нельзя было и ожидать отъ Кукольника произведеній высокаго значенія, а задатки для этого были у него. Какъ импровизаторъ, какъ веселый и остроумный собесѣдникъ, онъ стоялъ несравненно выше себя, какъ литератора. Прибавьте къ этому его рѣдкое добродушіе, своеобразные пріемы, дѣтскую веселость, вызывавшую иногда смѣхъ до слезъ; представьте его въ сообществѣ даровитаго Маркевича, остроумнаго Сенковскаго, цвѣтистаго, образного почти въ каждомъ словѣ Карла Брюллова,—и все это безъ салонныхъ стѣсненій, нараспашку, какъ любятъ художники,—и вы получите объясненіе тѣснаго и продолжительнаго сближенія Глинки съ Несторомъ Кукольникомъ“ (Русская Старина, 1874 г., т. I, стр. 703—704).

Стр. 48 (23). Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ (1804—1860), знаменитый писатель и мыслитель, одинъ изъ основоположниковъ

lib.pushkinskijdom.ru

славянофильства, въ 20—30-хъ годахъ былъ извѣстенъ только какъ поэтъ и драматургъ. Пушкинъ впервые встрѣтился съ нимъ, вѣроятно, осенью 1826 года въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ, съ которыми Хомяковъ былъ связанъ тѣсными дружескими и родственными узами. 12 октября 1826 г. только что вернувшійся изъ-заграницы Хомяковъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими причастными къ литературѣ лицами, на чтеніи Пушкинымъ его новой трагедіи „Борисъ Годуновъ". Погодинъ оставилъ намъ живое описаніе того впечатлѣнія, какое это чтеніе произвело на слушателей. „На другой день—пишетъ онъ въ заключеніе своего разсказа,—было назначено чтеніе *Ермака*, только что конченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого требовалъ Пушкинъ. Хомяковъ чтеніемъ своимъ приносилъ жертву. *Ермакъ*, разумѣется, не могъ произвести никакого дѣйствія послѣ *Бориса Годунова*, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. Мы почти его не слыхали. Всякій думалъ свое» (Рус. Архивъ, 1865, стр. 99); одинъ Пушкинъ внимательно выслушалъ чтеніе и въ заключеніе замѣтилъ, что „*Ермакъ* есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но и много стеколъ" (Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, II, стр. 45). Нѣсколько позднѣе въ своихъ отрывкахъ „О драмѣ" (1830) Пушкинъ слѣдующимъ образомъ отозвался о юношеской трагедіи Хомякова: „*Ермакъ* лирическое произведеніе юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи" (Изданіе Литер. Фонда, V, стр. 144). Когда въ 1827 году былъ основанъ, при ближайшемъ участіи Пушкина и кружка молодыхъ писателей, группировавшихся вокругъ Д. В. Веневитинова, журналъ „Московскій Вѣстникъ", Хомяковъ также примкнулъ къ изданію; рожденіе новаго журнала рѣшено было отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ, который и состоялся 24 октября 1826 г. въ домѣ Хомяковыхъ и на которомъ, по словамъ Погодина, присутствовали: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій и др. Въ первомъ же номерѣ новаго журнала Хомяковъ помѣстилъ стихотвореніе „Заря", за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ лирическихъ піесъ; изъ нихъ стихотвореніе „Поэтъ" (Моск. Вѣст., 1827, ч. IV, № 15) вызвало сочувственный отзывъ Пушкина (В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Кіевъ, 1902. Т. I, стр. 49). Въ 1827—28 г. г.

lib.pushkinskijdom.ru

Хомяковъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ, гдѣ съ нимъ познакомился и сблизился А. И. Кошелевъ, оставившій объ этомъ знакомствѣ интересныя воспоминанія. Хомяковъ былъ постояннымъ посѣтителемъ литературныхъ салоновъ князя Одоевскаго и Е. А. Карамзиной; о послѣднемъ Кошелевъ пишетъ: „Въ домѣ Е. А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разныхъ направленій. Тутъ часто бывалъ Блудовъ и своими разсказами всѣхъ занималъ. Тутъ бывалъ Жуковскій, Пушкинъ, А. И. Тургеневъ, Хомяковъ, П. Мухановъ, Титовъ и многіе другіе. Вечера начинались въ 10 и длились до 1 и 2 часовъ ночи; разговоръ рѣдко умолкалъ. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердаго и всегда ровнаго, сердца добраго, хотя, повидимому, съ первой встрѣчи, холоднаго. Эти вечера были единственные въ Петербургѣ, гдѣ не играли въ карты и гдѣ говорили по-русски“ (Записки А. И. Кошелева. Berlin, 1884, стр. 30). Такимъ образомъ въ Петербургѣ Хомяковъ вошелъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ кругомъ нашей высшей интеллигенціи, во главѣ котораго стоялъ Пушкинъ. Пушкинъ, повидимому, сочувственно слѣдилъ за его литературной дѣятельностью; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Н. М. Языкову отъ 18 ноября 1831 г. по поводу предполагавшаго журнала *Европеецъ*, онъ писалъ: „Надѣюсь на Хомякова: *Самозванецъ* не будетъ уже студентъ [т.-е. въ немъ не будетъ уже тѣхъ недостатковъ юношеской мечтательности и восторженности, какими былъ отмѣченъ Ермакъ], а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны“ (Переписка, II, стр. 343). Однако „Димитрій Самозванецъ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1833 году, судя по отзыву Пушкина въ дневникѣ, не вполнѣ удовлетворилъ его. Что касается до „Липунова“, т.-е. до задуманной Хомяковымъ трагедіи „Прокопій Ляпуновъ“, слухъ о которой, очевидно, дошелъ и до Пушкина, то она никогда не была закончена авторомъ и сохранившійся отрывокъ изъ нея былъ напечатанъ много лѣтъ спустя послѣ его смерти въ Рус. Архивѣ 1899 года, а затѣмъ въ Собраніи сочиненій Хомякова (т. IV, стр. 173—186).

Самъ Хомяковъ не оставилъ никакихъ отзывовъ о творчествѣ Пушкина, по которымъ можно было бы судить о его общей оцѣнкѣ Пушкинской поэзіи. Сохранилось лишь упоминаніе о какомъ-то письмѣ его къ И. С. Аксакову, отличавшемся большой оригинальностью взгляда; но письмо это, къ сожалѣнію, повидимому не сохранилось (В. З. Завитневичъ: назв. соч., I, стр. 16). Что же касается до личности Пушкина, то о немъ Хомяковъ отозвался только въ двухъ письмахъ къ Н. М. Языкову, написанныхъ подъ свѣжимъ

lib.pushkinskijdom.ru

впечатлѣніемъ трагической кончины поэта. Хомяковъ совершенно правильно оцѣниваетъ въ нихъ тѣ общія причины и условія, которыя съ роковой неизбѣжностью привели Пушкина къ гибели. На самую дуэль онъ смотритъ, какъ на жестъ отчаянія, какъ на безнадежную попытку Пушкина разомъ порвать опутавшіе его узы, изъ которыхъ онъ не имѣлъ силы вырваться. Впрочемъ, приписывая главную долю вины „гадости общества Петербургскаго", Хомяковъ не оправдываетъ и Пушкина, находя, что онъ не проявилъ достаточной твердости характера и моральной силы въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился; въ этой строгой оцѣнкѣ поведенія сказался свойственный Хомякову нравственный ригоризмъ, съ точки зрѣнія котораго онъ обыкновенно оцѣнивалъ людей и ихъ поступки. „Жалкая репетиція Онѣгина и Ленскаго,—пишетъ онъ въ первомъ письмѣ отъ 1 февраля 1837 г.,—жалкій и слишкомъ ранній конецъ. Причины къ дуэли порядочной не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнію, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ всякими мерзостями; самъ же онъ себя чувствовалъ униженнымъ и не имѣлъ довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ нимъ помириться". Нѣкоторое время спустя, уже послѣ кончины Пушкина, Хомяковъ слѣдующимъ образомъ подводитъ общій итогъ горестнаго происшествія: „Пушкина убили непростительная вѣтреность его жены (кажется, только вѣтреность) и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этого отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой даръ высокій и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся, если ему суждено было проснуться" (Собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. VIII-й. Письма. Стр. 89—90). Свой взглядъ на психологическіе мотивы, толкнувшіе Пушкина на роковой шагъ, Хомяковъ высказалъ и въ разговорѣ съ В. А. Мухановымъ, который занесъ его въ своемъ дневникѣ отъ 2 февраля 1837 г.: „Khomiakoff pense avec raison que Pouchkin était las de la vie et qu'il a saisi la première occasion pour s'en défaire, un libelle n'étant pas, selon lui, un eoffense pour laquelle on se bat. La froideur de la Russie pour le poëte, l'état de gène où il se trouvait pour la

lib.pushkinskijdom.ru

fortune, ses démêlés avec le ministre et les déboires qu'il eut finalement au sujet de la coquetterie de sa femme amenerent la malheureuse catastrophe" (рукопись Щукинскаго собранія Историческаго Музея въ Москвѣ).

Стр. 48 (25). Баронъ Розенъ, Егоръ Ѳедоровичъ (1800—1860), родился въ Эстляндіи и получилъ прекрасное домашнее образованіе, въ основу котораго было положено изученіе древнихъ языковъ и классической литературы. Въ немъ рано пробудилась любовь къ поэзіи. „Моими первыми любимѣйшими поэтами, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—были Вергилій и Горацій; они жили со мною на берегахъ Дона и Волги, когда я началъ служить въ гусарахъ". Служба его началась въ 1819 году въ Елизаветградскомъ гусарскомъ полку. До этого баронъ Розенъ очень слабо зналъ русскій языкъ, такъ что онъ, по собственному признанію, „научился русскому языку въ манежѣ и на службѣ". Елизаветградскому полку часто приходилось стоять въ глухихъ мѣстахъ, въ степныхъ деревняхъ, среди чисто-русскаго населенія: это обстоятельство способствовало тому, что Розенъ не только познакомился съ русскимъ народомъ, его языкомъ, нравами и бытомъ но и проникся къ нему искренней любовью. Участвуя въ играхъ деревенской молодежи, слушая старинныя сказки, веселыя и унылыя народныя пѣсни, Розенъ, по собственному выраженію, „непримѣтнымъ образомъ всей душою обжился съ духомъ національнымъ. Могу сказать положительно,—прибавляетъ онъ,—что въ дѣйствительной жизни моей я ничего не встрѣчалъ привлекательнѣе русской народной жизни, какъ мы находимъ ее вдали отъ столбовой дороги, въ природномъ состояніи" (Баронъ А. Е. Розенъ. Очеркъ фамильной исторіи бароновъ фонъ-Розенъ. СПб., 1876. Стр. 79). Военная служба барона Розена продолжалась съ нѣкоторымъ перерывомъ до 1835 года, когда онъ, переименованный въ коллежскіе асессоры, былъ, по рекомендаціи В. А. Жуковскаго, назначенъ личнымъ секретаремъ наслѣдника вел. князя Александра Николаевича, котораго онъ и сопровождалъ въ его заграничномъ путешествіи 1838—39 годовъ. Въ 1840 г. Розенъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ онъ и провелъ всѣ остальные годы, ведя замкнутый образъ жизни и болѣе всего занимаясь чтеніемъ и литературой.

Въ русской литературѣ 30—40-хъ годовъ Розенъ представляетъ собой, несомнѣнно, оригинальное явленіе. Остзейскій баронъ pur

lib.pushkinskijdom.ru

sang, воспитанный на древнихъ классикахъ и на нѣмецкой литературѣ, познакомившійся съ русскимъ языкомъ только въ зрѣломъ возрастѣ, онъ сумѣлъ не только овладѣть имъ въ такой степени, чтобы пользоваться имъ для поэтическаго творчества, но и искренно полюбилъ его, полюбилъ русскую литературу настолько, что предпочелъ занятія ею—соблазнамъ легкой служебной карьеры. При этомъ Розенъ былъ человѣкомъ серьезнаго образованія и большой начитанности. По свидѣтельству Ю. К. Арнольда, онъ настолько владѣлъ латинскимъ языкомъ, что даже могъ писать на немъ стихи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „онъ имѣлъ глубоко-основательныя познанія въ исторіи, въ этнографіи, въ наукѣ о древностяхъ и былъ знакомъ съ философскими ученіями не только древняго мира, но и болѣе новыхъ и новѣйшихъ эпохъ, отъ Декарта и Спинозы до Канта и Фихте включительно. А что касалось начитанности его въ сферѣ европейской литературы, въ особенности нѣмецкой и русской, то она была изумительна, какъ и память его“ (Воспоминанія Юрія Арнольда. Вып. II, М. 1892, стр. 182). Но при всѣхъ своихъ знаніяхъ и при всей своей любви къ литературѣ, Розенъ не обладалъ сколько-нибудь значительнымъ талантомъ. Литературная дѣятельность его началась въ 1825—26 годахъ, когда въ „Дамскомъ журналѣ“ князя Шаликова, и въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого появились его первыя стихотворенія. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе почти во всѣхъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ, начиная съ „Сѣверной Пчелы“ Булгарина и кончая „Отечественными Записками“ Краевскаго, а также въ многочисленныхъ альманахахъ 20—30-хъ годовъ; имъ самимъ издавался въ теченіе трехъ лѣтъ альманахъ „Альціона“ (1831—33) и „Царское Село“ (1830 г. совмѣстно съ Н. М. Коншинымъ). Нѣкоторыя изъ его произведеній вышли въ отдѣльномъ изданіи; изъ числа ихъ находились въ библіотекѣ Пушкина: „Дѣва семи ангеловъ и тайна“ (1829), „Россія и Баторій“, историч. драма (1838), „Осада Пскова“, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ (1834) и „Петръ Басмановъ“ трагедія (1835). Изъ драматическихъ произведеній бар. Розена на сцену поставлена была только трагедія „Осада Пскова“, но успѣха не имѣла и выдержала только три представленія.

Литературная дѣятельность Розена, продолжавшаяся свыше 30-ти лѣтъ, была обширна и разнообразна: онъ писалъ лирическія стихотворенія, трагедіи, поэмы, повѣсти, критическія статьи и т. д., но все имъ написанное не возвышается надъ уровнямъ посредственности, хотя онъ самъ былъ весьма высокаго мнѣнія о своихъ

lib.pushkinskijdom.ru

произведеніяхъ и о своемъ талантѣ. „Баронъ Розенъ,—говоритъ о немъ Панаевъ,—былъ увѣренъ въ томъ, что онъ глубокій и единственный въ Россіи знатокъ драматическаго искусства и величайшій драматическій поэтъ. Онъ очень наивно говаривалъ нараспѣвъ и съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ: „Изъ всего нѣмецкаго репертуара, безъ сомнѣнія, самая замѣчательная вещь, это „Ифигенія“ Гёте. Ее могъ бы перевести одинъ Жуковскій и то только подъ моимъ руководствомъ...“ Раздраженный неуспѣхомъ на сценѣ своихъ драмъ и успѣхомъ Кукольника, баронъ Розенъ горячился, выходилъ изъ себя, доказывалъ, что онъ настоящій драматическій поэтъ, и что Кукольникъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о драматическомъ искусствѣ, что его, Розена, оцѣнитъ потомство, и такъ далѣе“ (Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. СПб. 1876; стр. 83—84). Изъ всѣхъ произведеній барона Розена наибольшій успѣхъ имѣло составленное имъ либретто „Жизни за царя“, и то лишь потому, что музыку къ нему сочинилъ Глинка. Первоначально за составленіе этого либретто хотѣлъ взяться Жуковскій, но за недосугомъ не могъ этого сдѣлать и рекомендовалъ вмѣсто себя барона Розена. О версификаторскихъ способностяхъ послѣдняго Глинка говоритъ въ своихъ Запискахъ: „Ему предстояло не мало труда: большая часть не только темъ, но и разработки пьесы была сдѣлана, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ: закажешь, бывало, столько-то стиховъ такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ сложнаго и даже небывалаго,—ему все равно, придешь черезъ день, ужъ и готово... Когда же размѣръ и мысль не подходили къ музыкѣ и не согласовались съ ходомъ драмы, тогда являлось въ моемъ піитѣ необыкновенное упрямство. Онъ каждый свой стихъ защищалъ со стоическимъ героизмомъ: такъ, напримѣръ, мнѣ показались не совсѣмъ ловкими стихи изъ к в а р т е т а:

„Так ты для земного житья
Грядущая женка моя“.

Меня какъ-то непріятно поразили слова: г р я д у щ а я—славянское, библейское даже, и простонародное слово ж е н к а; долго, но тщетно бился я съ упорнымъ барономъ; убѣдить его въ справедливости моего замѣчанія возможности не было; онъ много говорилъ съ жаромъ, при чемъ тощее и блѣдное лицо его мало по малу вспыхивало яркимъ румянцемъ“ (Рус. Старина, 1870, II, 299—300). О тѣхъ затрудненіяхъ, какія приходилось преодолѣвать

lib.pushkinskijdom.ru

Розену при составленіи своего либретто для Глинки, свидѣтельствуетъ и Арнольдъ, отмѣчающій его способность „писать подъ строгую мѣрку и въ указанной рамкѣ—стихи предписаннаго содержанія“ (указ. соч., стр. 184).

По своимъ литературнымъ взглядамъ и симпатіямъ, бар. Розенъ тяготѣлъ къ „кругу литераторовъ-аристократовъ“, среди которыхъ онъ и вращался. Особенно покровительствовалъ ему Жуковскій. Пушкинъ также относился къ нему съ дружескимъ сочувствіемъ и, какъ это видно и изъ его отзыва о Розенѣ въ его дневникѣ, преувеличенно оцѣнивалъ его литературный талантъ. Личныя отношенія между ними завязались, повидимому, въ 1830—31 годахъ, когда Розенъ, выйдя въ отставку, поселился на жительство въ Петербургѣ и началъ сотрудничать въ „Литературной Газетѣ“ бар. Дельвига. Сохранилось нѣсколько писемъ бар. Розена къ Пушкину, свидѣтельствующихъ объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ и касающихся большею частью литературныхъ вопросовъ; Пушкину также случалось писать къ Розену, судя по письму послѣдняго отъ 27 іюня 1831 г., которое является отвѣтомъ на недошедшее до насъ Пушкинское письмо (Переписка, II, стр. 260). Въ этомъ письмѣ Розенъ между прочимъ сообщалъ Пушкину, что онъ работаетъ надъ переводомъ „Бориса Годунова“ на нѣмецкій языкъ; переводъ этотъ однако почему-то не появился въ печати, быть можетъ, не былъ даже законченъ авторомъ, и только въ 1833 году въ Дерптскомъ журналѣ „Dorpater Jahrbücher“ была напечатана статья Розена о „Борисѣ Годуновѣ“, которая должна была служить введеніемъ къ его переводу Пушкинской трагедіи (позднѣе статья эта появилась и на русскомъ языкѣ въ журналѣ „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду, 1834 г. №№ 2 и 3). Пушкинъ, повидимому, высоко цѣнилъ теоретическіе взгляды Розена, какъ человѣка хорошо знакомаго съ европейской драматической литературой. Это видно изъ того обстоятельства, что Пушкинъ думалъ даже предпослать предполагаемому имъ второму изданію „Бориса Годунова“ теоретическое введеніе, изложенное въ формѣ письма къ Розену. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ единственномъ дошедшемъ до насъ письмѣ, сохранившемся, правда, лишь въ копіи П. И. Бартенева, опубликованной недавно М. А. Цявловскимъ въ журналѣ „Культура театра“ (1921 г., № 5, стр. 30—31). „Горю нетерпѣніемъ,—пишетъ въ немъ Пушкинъ,—прочитать вамъ предисловіе къ Борису; думаю для второго изданія написать къ вамъ письмо, если позволите, и въ немъ изложить свои мысли и правила, коими руководился я, сочиняя сію трагедію“.

lib.pushkinskijdom.ru

О своемъ переводѣ „Бориса Годунова“ баронъ Розенъ писалъ С. П. Шевыреву 31 іюля 1831 года, при чемъ прибавлялъ, что переводъ его „заслужилъ восторженную благодарность Пушкина и хвалу Жуковскаго“; далѣе онъ сообщаетъ въ письмѣ, что Пушкинъ далъ ему для „Альціоны“ нѣсколько прекрасныхъ піесъ, и продолжаетъ: „Мы съ нимъ довольно сблизились. Его лестные обо мнѣ отзывы сторицею воздаютъ мнѣ за несправедливость нѣкоторыхъ критиковъ, задѣтыхъ эпиграмматическою стрѣлою или пораженныхъ въ честной критикѣ». А 7 января 1833 г., посылая Шевыреву свой альманахъ, Розенъ сообщаетъ ему отзывы Пушкина о своихъ стихахъ: „Пушкину въ особенности нравится моя пьеса *Зеркало старушки*. Онъ меня встрѣтилъ восклицаніемъ: „Ваша Серафима—прелесть“. Но я съ нимъ ссорился за *князей Горбатыхъ-Шуйскихъ*: онъ отдаетъ преимущество передъ ними моимъ *Тремъ Символамъ*, говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателемъ, и что сія піеса есть вѣнецъ въ своемъ родѣ. Вообще замѣчаю, что ему предпочтительно нравятся тѣ піесы у меня, кои не въ его духѣ, будто бы онъ не терпитъ ни малѣйшаго съ нимъ соперничества, даже при неизмѣримомъ неравенствѣ дарованія въ соперникѣ“ (Рус. Архивъ, 1878, II, стр. 47—48). Интересно съ этими отзывами Пушкина о стихахъ бар. Розена сопоставить слова самого Розена въ одномъ изъ его писемъ къ Пушкину: посылая ему какое-то лирическое стихотвореніе для „Современника“, Розенъ пишетъ: „Je crois savoir d'avance votre opinion sur cette pièce: vous direz qu'elle est par trop *allemande*“. (Переписка, III, стр, 303); вѣроятно, предугадывая такимъ образомъ сужденіе Пушкина, Розенъ имѣлъ въ виду какіе-либо устные отзывы Пушкина о его стихахъ, въ которыхъ Пушкинъ уловилъ скрытое присутствіе нѣмецкаго элемента; и дѣйствительно, несмотря на субъективную увѣренность самого Розена въ томъ, что ему удалось вполнѣ постичь духъ русской народности и въ совершенствѣ овладѣть русской рѣчью, стихотворенія его обыкновенно производятъ впечатлѣніе какихъ-то переводовъ съ иностраннаго языка. Въ 1-мъ номерѣ „Современника“ Пушкинъ помѣстилъ теоретическую статью бар. Розена: „О рифмѣ“, во 2-мъ номерѣ отрывокъ изъ его трагедіи: „Дочь Іоанна III“; но предлагаемыя имъ стихотворенія (см. Переписку, III, стр. 275 и 303) не были Пушкинымъ напечатаны; также, повидимому, было отклонено Пушкинымъ и предложеніе Розена написать статью о Кукольникѣ, хотя Розенъ и заявлялъ, что мнѣніе его объ этомъ писателѣ почти сходится съ сужденіемъ Пушкина (ibid., 275). Такимъ образомъ со-

lib.pushkinskijdom.ru

трудничество Розена въ журналѣ Пушкина выразилось въ довольно скромной формѣ. Что же касается до общаго взгляда Пушкина на степень талантливости Розена, какъ поэта, то не должно забывать, что Пушкинъ вообще былъ склоненъ преувеличивать литературное значеніе и дарованія людей близкихъ или почему-либо ему симпатичныхъ; во всякомъ случаѣ, если даже видѣть въ приводимыхъ Розеномъ въ его письмахъ къ Шевыреву отзывахъ Пушкина выраженіе свѣтской любезности, то его замѣчаніе въ интимномъ дневникѣ, конечно, является выраженіемъ его дѣйствительнаго убѣжденія. Впрочемъ, этотъ взглядъ на Розена раздѣляли и другіе члены Пушкинскаго кружка; кромѣ Жуковскаго, покровительствовавшаго Розену, князь Вяземскій также признавалъ въ немъ не только „нѣмецкое трудолюбіе", но и „замѣчательное дарованіе" (Рус. Архивъ, 1868, стр. 636).

Стр. 48 (27). „Камеръ-юнкеръ Смирновъ"—Николай Михайловичъ Смирновъ (1807—1870), пріятель Пушкина, мужъ Александры Осиповны Смирновой, за котораго она вышла въ январѣ 1832 г. Онъ служилъ первоначально по Министерству Иностранныхъ дѣлъ, состоя при русскихъ посольствахъ во Флоренціи, Лондонѣ и Берлинѣ; въ Швейцаріи съ нимъ познакомился лѣтомъ 1825 года Д. И. Свербеевъ, который въ своихъ запискахъ называетъ его „богатымъ маменькинымъ сынкомъ, страшно избалованнымъ" и разсказываетъ про него, что онъ путешествовалъ за границей съ гувернеромъ и съ цѣлымъ штатомъ крѣпостной прислуги, а во Флоренціи жилъ, несмотря на свое скромное служебное положеніе, очень широко, „по-московски": „чтобы однимъ словомъ указать на его тамошнее житьe-бытье, довольно сказать, что на его конюшнѣ было 18 лошадей; по сему же и прочее разумѣвается" („Записки Дмитрія Николаевича Свербеева". Т. II, стр. 291—294). По возвращеніи въ Россію, Смирновъ состоялъ при Азіатскомъ департаментѣ; позднѣе онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ; съ 1845 по 1851 годъ онъ былъ калужскимъ губернаторомъ, а съ 1855 по 1861 г. занималъ ту же должность въ Петербургѣ; назначенный сенаторомъ Московскаго присутствія Правительствующаго Сената, онъ переѣхалъ въ Москву, а въ 1867 г. вышелъ въ отставку. Человѣкъ довольно незначительный по уму и способностямъ, хотя и добродушный, онъ рѣшительно проигрывалъ рядомъ со своей умной и блестящей супругой, какъ это отмѣчено въ ядовитой эпиграммѣ Соболевскаго. Впрочемъ, Смирновъ былъ нечуждъ нѣкотораго интереса къ искус-

lib.pushkinskijdom.ru

ству, которымъ заинтересовался во время своей жизни въ Италіи и составилъ довольно значительную коллекцію картинъ старыхъ иностранныхъ мастеровъ. („Былое", 1917, № 11-12 стр. 147).

Отношенія его къ Пушкину, повидимому, не выходили изъ рамокъ свѣтскаго знакомства и „пріятельства". По свидѣтельству самого Смирнова, онъ познакомился съ Пушкинымъ еще въ 1828 году. А. О. Смирнова въ своихъ Запискахъ приводитъ отзывъ Пушкина о Смирновѣ, относящійся еще ко времени до ихъ брака; Смирновъ незадолго до этого возвратился изъ-за границы, и Пушкинъ посѣтилъ его и смотрѣлъ его коллекцію картинъ и другихъ произведеній искусства и затѣмъ подѣлился впечатлѣніями со своей собесѣдницей: „Смирновъ мнѣ очень нравится; онъ вполнѣ европеецъ, но сумѣлъ при этомъ остаться и вполнѣ русскимъ. Мать его была послѣдней Бухвостовой... Сынъ ея—типъ англичанина или шведа, онъ и верхомъ ѣздитъ, какъ англичанинъ... Смирновъ прекрасно говоритъ по русски, хотя и былъ воспитанъ эмигрантами. Восемнадцати лѣтъ онъ, какъ и я, поступилъ въ дипломатическій корпусъ и прожилъ, счастливецъ, очень долго въ Италіи. Думаю, что онъ вамъ понравится, нашъ бояринъ-итальянецъ, нашъ русскій милордъ" (Записки А. О. Смирновой. СПб. 1895. Ч. I, стр. 169-170). Послѣ брака Смирнова съ Александрой Осиповной, Пушкинъ сталъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей ихъ дома, куда его привлекала, конечно, главнымъ образомъ умная и одушевленная бесѣда молодой хозяйки. Но и къ самому Смирнову онъ относился, повидимому, съ симпатіей. Самъ Смирновъ, не въ примѣръ другимъ, болѣе близкимъ друзьямъ Пушкина, оставилъ о немъ любопытныя воспоминанія, написанныя безъ всякихъ претензій и очень живо рисующія, какъ внѣшній обликъ Пушкина, его манеру держать себя въ обществѣ, его привычки и повадки, такъ и его характеръ и духовный складъ. „Пушкинъ, хотя въ юности учился небрежно, но умѣлъ пріобрѣсти впослѣдствіи обширныя познанія въ литературѣ и исторіи. Онъ читалъ очень много и, одаренный необыкновенной памятью, сохранялъ всѣ сокровища, собранныя имъ въ книгахъ; особенно хорошо изучилъ онъ россійскую исторію и изъ оной всю эпоху съ начала царствованія Петра Вел. до нашихъ дней. Его голова была наполнена характеристическими анекдотами о всѣхъ знаменитыхъ лицахъ послѣдняго столѣтія, и онъ любилъ ихъ разсказывать... Хотя онъ былъ извѣстнѣйшимъ лицомъ въ Россіи, хотя знаменитость его дошла до самыхъ глухихъ и дальнихъ мѣстъ, но весьма немногіе его знали коротко и могли вполнѣ оцѣнить высокія качества

lib.pushkinskijdom.ru

его ума, его сердца и души. Любя свѣтъ, любя игру, любя пріятельскія бесѣды, Пушкинъ часто являлся человѣкомъ легкомысленнымъ, вѣтреннымъ и давалъ поводъ судить о немъ ложно. Бывъ самаго снисходительнаго нрава, онъ легко вступалъ со всѣми на пріятельскую ногу, и эта свѣтская дружба, соединенная съ откровеннымъ обращеніемъ, позволяла многимъ думать, что они съ Пушкинымъ друзья и что они коротко знаютъ его мысли, чувства, мнѣнія и способности. Эти-то мнимые друзья и распространяли многія ложныя мысли о немъ и представили его легкомысленнымъ и неспособнымъ для трудовъ, требующихъ большаго постоянства... Кто былъ ближе къ нему, кто пользовался его совершеннымъ довѣріемъ, кому доступны были тайныя струны его души, тѣ уважали въ Пушкинѣ человѣка столько же, какъ и поэта, тѣ открывали въ немъ ежедневно сокровища неистощимыя и недоступныя пониманію толпы такъ называемыхъ его пріятелей... Познакомясь съ Пушкинымъ въ 1828 году и живя въ одномъ кругу, я съ нимъ очень сблизился и коротко его узналъ; посему я изъ числа тѣхъ людей, которые могутъ дать вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Я не встрѣчалъ людей, которые были бы вообще такъ любимы, какъ Пушкинъ; всѣ пріятели его дѣлались скоро его друзьями. Онъ знакомился скоро и, когда ему кто нравился, онъ дружился искренно. Въ большомъ кругу онъ былъ довольно молчаливъ, серьезенъ, и толстыя губы давали ему видъ человѣка надувшагося, сердитаго; онъ стоялъ въ углу, у окна, какъ будто не принимая участія въ общемъ веселіи. Но въ кругу пріятелей онъ былъ совершенно другой человѣкъ; лицо его прояснялось, онъ былъ удивительной живости, разговорчивъ, разсказывалъ много, всегда ясно, сильно, съ рѣзкими выраженіями, но какъ будто запинаясь и часто съ нервическими движеніями, какъ будто ему неловко было сидѣть на стулѣ. Онъ любилъ также слушать, принималъ участіе въ разсказахъ и громко, увлекательно смѣялся, показывая свои прекрасные бѣлые зубы. Когда онъ былъ грустенъ, что часто случалось въ послѣдніе годы его жизни, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ отрывисто ходилъ по комнатѣ, опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и протяжно напѣвая; „грустно! тоска!“ Но веселый анекдотъ, остроумное слово, развеселяли его мгновенно: онъ вскрикивалъ съ удовольствіемъ: „славно!“ и громко хохоталъ. Онъ былъ самаго снисходительнаго, добраго нрава: обыкновенно онъ высказывалъ мало колкости, въ своихъ сужденіяхъ не былъ рѣзокъ; своихъ друзей онъ защищалъ съ необыкновеннымъ жаромъ; зато нѣсколькими словами уничтожалъ тѣхъ, которыхъ презиралъ и людей,

lib.pushkinskijdom.ru

его оскорбившихъ. Но самый гнѣвъ его былъ непродолжителенъ, и когда сердце проходило, онъ дѣлался только хладнокровнымъ къ своимъ врагамъ" (Рус. Архивъ, 1882 г., № 2, стр. 229—238).

Стр. 48 (28) „Икскуль"—среди членовъ Англійскаго клуба въ это время значилось два лица этого имени: баронъ Карлъ Борисовичъ Икскюль, избранный въ члены въ 1827 году и сынъ, его баронъ Александръ Карловичъ, избранный въ 1831 году (Столѣтіе С. Петербургскаго Англійскаго Собранія. СПб., 1870; стр. 104, 110); мы не располагаемъ никакими данными, для того чтобы рѣшить, къ какому изъ этихъ двухъ лицъ относится запись Пушкинскаго дневника.

Стр. 49 (9). Чернышевъ, Александръ Ивановичъ (1785—1857) съ 1826 года—графъ, съ 1841 года—князь, съ 1849 года свѣтлѣйшій, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей эпохи Александра I и Николая I. Еще въ дѣтствѣ записанный въ Конногвардейскій полкъ вахмистромъ, онъ съ 1802 года началъ свою дѣйствительную военную службу, при чемъ очень рано обратилъ на себя вниманіе имп. Александра Павловича. Участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ 1805—1807 гг., при чемъ за отличіе въ сраженіи при Аустерлицѣ получилъ орденъ Владиміра съ бантомъ, а за кампанію 1806 года—Георгія 4-й степени. Въ 1808 году Чернышевъ былъ посланъ государемъ въ Парижъ съ особымъ порученіемъ и сумѣлъ своею ловкостью и обходительностью пріобрасти себѣ симпатіи Наполеона и парижскаго высшаго общества. Черезъ него шла вся секретная переписка обоихъ императоровъ между собою, помимо вѣдѣнія канцлера гр. Румянцева и офиціальнаго представителя Россіи во Франціи кн. А. Б. Куракина: за его частые переѣзды изъ Парижа въ Петербургъ и обратно Жозефъ де-Местръ прозвалъ его „l'éternel postillon". Вмѣстѣ съ тѣмъ Чернышевъ занимался собираніемъ агентурныхъ свѣдѣній о военныхъ мѣрахъ и планахъ Наполеона и сообщалъ ихъ русскому правительству, предупреждая его о тайныхъ замыслахъ французскаго императора. Поэтому, когда отношенія между обоими правительствами обострились, за Чернышевымъ было установлено тайное наблюденіе французскихъ полицейскихъ агентовъ, и въ февралѣ 1812 года ему пришлось уѣхать изъ Парижа. Въ Отечественную войну онъ съ кавалерійскимъ партизанскимъ отрядомъ дѣйствовалъ въ тылу французскихъ войскъ и за успѣшное дѣйствіе былъ про-

lib.pushkinskijdom.ru

изведенъ въ генералъ-майоры и пожалованъ генералъ-адъютантомъ. Въ заграничныхъ походахъ 1813—14 гг. онъ также отличался въ качествѣ лихого кавалерійскаго начальника, взявши съ налета Берлинъ и Кассель, а въ слѣдующемъ году—Суассонъ. Въ 1815 г. Чернышевъ сопровождалъ имп. Александра на Вѣнскій конгрессъ, участвовалъ въ его увеселеніяхъ и также, какъ и въ Парижѣ, завоевалъ себѣ расположеніе Вѣнскаго общества, въ особенности дамской его части. Благоволеніе къ нему Александра выразилось въ томъ, что государь бралъ его съ собою и на конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, въ качествѣ своего адъютанта. Въ 1819 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ, а въ 1821 г. предсѣдателемъ Комитета объ устройствѣ Донского войска, въ которомъ проводилъ систему правительственной централизаціи: это привело его къ столкновенію съ мѣстными властями, въ результатѣ котораго былъ уволенъ отъ должности атаманъ Денисовъ, а затѣмъ и его преемникъ Иловайскій. Вызванный въ Таганрогъ для доклада государю по дѣламъ Комитета, Чернышевъ присутствовалъ при кончинѣ Александра I и тогда же былъ посланъ ген. Дибичемъ въ Тульчинъ для арестованія Пестеля, что онъ и исполнилъ, при чемъ при помощи нѣкоторой хитрости ему удалось захватить и всѣ бумаги Пестеля, послужившія противъ него главнѣйшей уликой. При учрежденіи Слѣдственной Комиссіи по дѣлу о декабристахъ, Чернышевъ былъ назначенъ ея членомъ; по свидѣтельству декабристовъ и даже нѣкоторыхъ изъ членовъ самой Комиссіи, Чернышевъ отличался чрезвычайной настойчивостью и придирчивостью при допросахъ; особенно онъ старался запутать и погубить своего дальняго родственника гр. Зах. Григ. Чернышева, для того чтобы, какъ тогда говорили въ обществѣ, завладѣть богатымъ Чернышевскимъ майоратомъ, что ему, однако, не удалось, такъ какъ его родственныя отношенія къ декабристу Чернышеву оказались слишкомъ отдаленными. Въ 1827 году онъ былъ назначенъ управляющимъ Военнымъ министерствомъ, въ слѣдующемъ году—членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1832-мъ—военнымъ министромъ и предсѣдателемъ Военнаго совѣта. Такимъ образомъ, Чернышевъ достигъ высшихъ ступеней іерархической лѣстницы. Однако, въ качествѣ военнаго министра Чернышевъ не проявилъ ни энергіи, ни предпріимчивости, ни предусмотрительности. Неудачи Восточной войны 1853—56 гг. въ значительной мѣрѣ являются слѣдствіемъ дурного состоянія многихъ частей военной администраціи, плохого вооруженія войскъ, нашей технической отсталости и хозяйственнаго без-

lib.pushkinskijdom.ru

порядка; во всѣхъ этихъ недостаткахъ современники не безъ основанія обвиняли Чернышева, стоявшаго въ теченіе двадцати пяти лѣтъ во главѣ Военнаго министерства и ничего не сдѣлавшаго для ихъ устраненія. Министръ-рутинеръ, онъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни проявилъ себя крайнимъ консерваторомъ; такъ, участвуя въ нѣсколькихъ секретныхъ комиссіяхъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ частности дворовыхъ, онъ неизмѣнно высказывался въ качествѣ яраго противника идеи освобожденія крестьянъ и всегда возражалъ даже противъ тѣхъ робкихъ паліативныхъ мѣръ, которыя предполагало провести правительство Николая. Въ 1849 году Чернышевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. О степени довѣрія къ нему государя можно судить по тому, что, когда въ маѣ 1849 года Николай уѣзжалъ въ дѣйствующую армію, передъ венгерской кампаніей, онъ издалъ секретный указъ, предоставлявшій Чернышеву высшую власть въ столицѣ, на правахъ главнокомандующаго въ военное время. Въ 1852 году разстроенное здоровье принудило Чернышева просить объ увольненіи его отъ должности военнаго министра, при чемъ онъ получилъ весьма милостивый рескриптъ, съ перечисленіемъ всѣхъ его государственныхъ „заслугъ". По вступленіи на престолъ императора Александра II, Чернышевъ былъ уволенъ 5 апрѣля 1856 года отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и уѣхалъ заграницу, гдѣ онъ и скончался въ слѣдующимъ году, въ Кастелламаре, близъ Неаполя.

Несмотря на достигнутое имъ высокое общественное положеніе, Чернышевъ не пользовался симпатіями Петербургскаго общества, что и сказалось въ исторіи его забалотированія при выборахъ въ Англійскій клубъ, о чемъ упоминаетъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ. Красавецъ собою, статный, ловкій и искательный, Чернышевъ въ молодые годы умѣлъ плѣнять окружающихъ и привлекать къ себѣ вниманіе и сочувствіе. Но неизмѣнные успѣхи въ свѣтскомъ обществѣ, особенно у женщинъ, также какъ и постоянные успѣхи на служебномъ поприщѣ, избаловали этого „любимца счастья", по выраженію Михайловскаго-Данилевскаго. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ его возвышенія по службѣ, все ярче выступали въ его характерѣ свойственные ему несимпатичныя черты: самонадѣянность и самомнѣніе, высокомѣріе и надменность, тщеславіе и хвастливость, склонность къ интригѣ, черствость и эгоизмъ. Благодаря этимъ отрицательнымъ чертамъ своей личности, онъ возбуждалъ противъ себя почти всеобщее нерасположеніе среди

lib.pushkinskijdom.ru

высшаго Петербургскаго общества. Его недолюбливалъ вел. князь Михаилъ Павловичъ, сохранявшій съ нимъ чисто служебныя отношенія; враждебно относились къ нему такія лица, какъ гр. Бенкендорфъ и А. Ѳ. Орловъ. Недоброжелатели распространяли въ обществѣ про него разные нелестные слухи: напр., о томъ, что его военные подвиги, которыми Чернышевъ чрезвычайно гордился, въ значительной мѣрѣ преувеличены, благодаря хвастливымъ реляціямъ самого Чернышева. Можетъ быть, эти обвиненія и не были вполнѣ справедливы, но самый фактъ ихъ распространенія уже характеризуетъ отношеніе общества и взглядъ его на Чернышева. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что, на ряду съ Клеймихелемъ и Бенкендорфомъ, Чернышевъ принадлежалъ къ числу наиболѣе нелюбимыхъ дѣятелей Николаевской эпохи. Будучи во многихъ отношеніяхъ типичнымъ представителемъ своего времени, онъ соединялъ въ себѣ отрицательныя черты, характерныя для всего режима, съ нѣкоторыми личными моральными качествами, которыя даже на весьма нетребовательное въ моральномъ отношеніи общество того времени производили отталкивающее впечатлѣніе: такъ, напримѣръ, эпизодъ съ Чернышевскимъ майоратомъ вызвалъ всеобщее осужденіе и немало повредилъ Чернышеву въ общественномъ мнѣніи. Наиболѣе полныя свѣдѣнія о Чернышевѣ, его жизни и дѣятельности, собраны въ статьѣ Н. П. Чулкова въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ“ Т. III, стр. 68—91.

Что касается до Пушкина, то, судя по тону его замѣтки въ дневникѣ, онъ, повидимому, раздѣлялъ отрицательное отношеніе Петербургскаго общества къ военному министру. Вѣроятно онъ встрѣчался съ нимъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, напримѣръ, у кн. Кочубея, но личныхъ отношеній между ними помимо чисто внѣшнихъ, повидимому, не было. Сохранилось лишь нѣсколько писемъ Пушкина къ Чернышеву, чисто офиціальнаго характера, относящихся ко времени его работы надъ „Исторіей Пугачевскаго бунта“ и касающихся выдачи ему различныхъ историческихъ матеріаловъ изъ архива Главнаго штаба и Инструкторскаго департамента Военнаго министерства. Нѣсколько ранѣе въ 1829 году, Пушкинъ подалъ Бенкендорфу записку по дѣлу сотника Сухорукова, съ которымъ онъ познакомился во время своего путешествія въ Закавказьѣ: Сухоруковъ по порученію Комитета для устройства Войска Донского, во главѣ котораго стоялъ А. И. Чернышевъ, собиралъ различные архивные матеріалы для составленія исторіи Войска Донского, но вызвалъ противъ себя неудовольствіе Чер-

lib.pushkinskijdom.ru

нышева, съ которымъ онъ разошелся во взглядахъ при составленіи Положенія объ управленіи Донскимъ казачьимъ войскомъ; вслѣдствіе этого онъ былъ переведенъ на службу въ Закавказье, а собранные имъ матеріалы были у него отобраны (М. В. Юзефовичъ. Памяти Пушкина. Рус. Арх. 1880, III, стр. 431). По просьбѣ Сухорукова, Пушкинъ составилъ о немъ особенную записку, въ которой излагалъ дѣло и въ заключеніе просилъ о возвращеніи Сухорукову хотя бы снятыхъ имъ копій съ собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ. Только въ 1831 году Пушкинъ черезъ Бенкендорфа получилъ по этому дѣлу отвѣтъ военного министра, въ которомъ Чернышевъ не только отказывается выдать просимые бумаги, но и выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что Сухоруковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ, обременяютъ правительство „неосновательными и дерзкими требованіями“; конечно, этотъ отвѣтъ отнюдь не могъ расположить получившаго такой неожиданный репримандъ Пушкина въ пользу военнаго министра (Переписка, III, 312—313).

Стр. 49 (10). Гладковъ Иванъ Васильевичъ (1766—1832), генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, въ молодости служилъ на военной службѣ, принималъ участіе въ войнахъ со шведами (1788—89), съ поляками (1792) и французами, при чемъ въ сраженіи при Аустерлицѣ прикрывалъ отступленіе праваго фланга русской арміи. Въ 1807 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ Оберъ-полиціймейстеромъ, а въ 1811-мъ—окружнымъ генераломъ 2-го округа внутренней стражи. Въ войну 1812—14 гг. занимался формированіемъ резервныхъ войскъ, а по заключеніи мира былъ снова назначенъ въ 1815 году на прежнюю должность по службѣ внутренней стражи, при чемъ ему пришлось усмирять крестьянскія волненія въ Костромской и Петербургской губерніяхъ. Въ 1821 году былъ назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и занималъ эту должность до середины 1825 года, когда былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1824 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ интригѣ Магницкаго и Фотія противъ князя А. Н. Голицина, причемъ черезъ него передавались въ руки государя разныя бумаги и документы (Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый. Т. III, стр. 316). Архимандритъ Фотій въ своихъ запискахъ очень хвалитъ Гладкова за „ревность къ общему благу церкви и отечества“, и за то, что онъ „непрестанно доносилъ обо всѣхъ козняхъ зловѣрія и враговъ общихъ, иныхъ же орудіемъ силы своей

lib.pushkinskijdom.ru

пресѣкалъ совершенно" (Рус. Старина, 1896, іюль, стр. 179). Можетъ быть, благодаря этой полицейской и шпіонской дѣятельности, Гладковъ не пользовался въ обществѣ любовью и уваженіемъ; напр., Гречъ въ своихъ „Запискахъ" отзывается о немъ довольно пренебрежительно: „пьяный Гладковъ" (стр. 156).

Стр. 49 (17). Зайцевскій, Ефимъ Петровичъ (1801—1861), поэтъ-морякъ. Образованіе онъ получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1819 году былъ произведенъ въ мичманы. Въ турецкую кампанію 1828—29 гг. онъ крейсировалъ на кораблѣ „Парижъ" у турецкихъ береговъ, участвовалъ въ работахъ при осадѣ Варны и былъ раненъ при штурмѣ этой крѣпости, за что получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Намеки на эти военные подвиги Зайцевскаго есть въ посвященномъ ему стихотвореніи Ден. Давыдова, сравнившаго его даже съ другимъ прославленнымъ героемъ этой войны—Казарскимъ (Литературная Газета, 1830 годъ, № 9). Впослѣдствіи Зайцевскій занималъ должность генеральнаго консула въ Сициліи, а съ 1853 года состоялъ при русской миссіи, въ Неаполѣ, гдѣ онъ и скончался (Общій морской списокъ, ч. VII, СПб., 1893, стр. 114—115 и Русскій біографическій словарь СПб., 1916). Среди поэтовъ Пушкинской эпохи Зайцевскій занимаетъ очень скромное мѣсто какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Число написанныхъ имъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, очень невелико; однако, онъ печатался въ лучшихъ альманахахъ того времени: „Полярной Звѣздѣ", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", „Невскомъ Альманахѣ" и друг.; въ „Литературной Газетѣ" Дельвига было помѣщено его посланіе „Д. В. Давыдову" (№ 11, отъ 20 февраля 1830 г.), представляющее собой какъ бы отвѣтъ на указанное выше стихотвореніе послѣдняго. Перечень его стихотвореній, правда не совсѣмъ полный, см. въ Рус. біографич. Словарѣ, стр. 179. Въ нѣкоторыхъ лирическихъ пьесахъ Зайцевскаго отражаются впечатлѣнія его морской жизни, что придаетъ имъ извѣстное своеобразіе. Нѣсколько стихотвореній его включено въ сборникъ Ю. Н. Верховскаго: „Поэты Пушкинской поры" (М., 1919, стр. 104—115).

Стр. 48 (26)—46 (16). Англійскій клубъ или, какъ онъ официально именовался, „С.-Петербургское Англійское Собраніе", игралъ большую роль въ общественной жизни столицы. Основанный въ 1770 году группой англичанъ-коммерсантовъ, клубъ въ скоромъ

lib.pushkinskijdom.ru

времени началъ привлекать къ себѣ и русскій элементъ изъ чиновничьей и аристократической среды и сталъ съ теченіемъ времени однимъ изъ центровъ, въ которомъ формировалось такъ называемое „общественное мнѣніе“. Эпоха наибольшаго процвѣтанія Англійскаго клуба относится именно къ Николаевскому времени, когда клубъ занималъ помѣщеніе въ домѣ Демидова (съ 1830 года). Вспоминая объ этой эпохѣ, Некрасовъ въ стихотвореніи „Недавнее время“, говорилъ:

Нынѣче скроменъ нашъ клубъ именитый,
Рѣдки въ немъ и не громки пиры.
Гдѣ ты, время ухи знаменитой?
Гдѣ ты, время безумной игры?

Въ эпоху процвѣтанія клуба главную роль въ немъ, говоря словами поэта, играли „тузы-старики“, игралъ „элементъ старобарскій“; клубъ „снабжалъ всю Россію умомъ“,—„всякая новость отсюда разносилась въ другіе кружки“ (Стихотворенія Н. А. Некрасова. СПб., 1879; т. II, стр. 315—316). Попасть въ число членовъ клуба было довольно трудно, такъ какъ принимали съ большой разборчивостью. „Часто случалось, что члены-предлагатели отказывались отъ баллотированія своихъ кандидатовъ даже передъ самымъ избраніемъ, замѣтивши, что въ пріемѣ ихъ есть сомнѣніе. Баллотировка была строгая; при мнѣ однажды забаллотировали въ одинъ и тотъ же день четырехъ кандидатовъ, въ томъ числѣ одно лицо въ очень крупномъ чинѣ и занимавшее весьма видное служебное мѣсто. Были лица высоко-поставленныя, но никогда не рискнувшія подвергнуться испытанію баллотировки въ члены, непринятіе въ которые производило большое впечатлѣніе въ городѣ“ Столѣтіе С.-Петербургскаго Англійскаго Собранія. 1770—1870. СПб, 1870. Стр. 33).

При такомъ значеніи Англійскаго клуба въ столичномъ обществѣ понятно, почему Пушкинъ, состоявшій самъ членомъ клуба съ 1832 года, обратилъ вниманіе на отмѣченный имъ случай, происшедшій при выборахъ Н. М. Смирнова. Что касается до забаллотированія при выборахъ полицеймейстера Гладкова и военнаго министра Чернышева, то весьма возможно, что при выборахъ ихъ произошла какая-то заминка, такъ какъ оба они не пользовались общественными симпатіями; однако, Гладковъ все-таки былъ избранъ въ 1824 году и состоялъ членомъ клуба до своей смерти, а Чернышевъ, избранный въ 1831 году, уже въ слѣдующемъ году

lib.pushkinskijdom.ru

числится выбывшимъ изъ состава клуба: вѣроятно, онъ, вслѣдствіе испытанной при выборахъ непріятности, предпочелъ не возобновлять членскаго билета (тамъ же, стр. 101, 111). Впрочемъ, П. А. Ефремовъ, въ своемъ комментаріи къ данному мѣсту Пушкинскаго дневника указываетъ, что Гладковъ и Чернышевъ не были подвергнуты вторичной баллотировкѣ, но что имъ поднесли почетные членскіе билеты (Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 644). Однако, въ спискахъ почетныхъ членовъ ни тотъ, ни другой не значатся.

Стр. 49 (17—24). Объ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара см. выше стр. 218 и сл. Оговорка Одоевскаго не помѣшала, однако, ему впослѣдствіи принять участіе въ изданіи; Пушкинъ же остался до конца при своемъ отрицательномъ взглядѣ на все предпріятіе, и онъ оказался правъ въ томъ отношеніи, что въ концѣ концовъ, въ силу различныхъ причинъ, о которыхъ сказано выше, оно окончилось полной неудачей. Впрочемъ, несмотря на свое отрицательное отношеніе къ предпріятію Греча—Плюшара, Пушкинъ недолго спустя, въ іюнѣ 1834 года уговаривалъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго отдать составленныя имъ біографіи замѣчательныхъ русскихъ людей въ Энциклопедическій Лексиконъ и даже предлагалъ въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе (Переписка, III, стр. 123).

Стр. 49 (25—34). Подробности о послѣдней аудіенціи Сперанскаго у императора Александра I (17 марта 1812 года) и о его высылкѣ изъ Петербурга изложены въ статьѣ И. А. Бычкова на основаніи матеріаловъ, собранныхъ гр. М. А. Корфомъ, въ дополненіи къ его труду о Сперанскомъ (Рус. Старина, 1902, апрѣль, стр. 5—44). Приведенныя здѣсь свѣденія основаны преимущественно на показаніяхъ Я. И. де Санглена и самого Сперанскаго, а также на воспоминаніяхъ Ѳ. П. Лубяновскаго, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и нѣк. другихъ. О томъ впечатлѣніи, какое произвела высылка Сперанскаго на враждебно къ нему настроенное русское высшее общество, можно судить по дневнику В. И. Бакуниной (Рус. Старина, III, стр. 393—395); объ отношеніи самого Пушкина къ Сперанскому см. выше стр. 244. Высланный 17 марта изъ Петербурга, Сперанскій уже 21-го марта былъ на мѣстѣ своего назначенія, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Фамилія сопровождавшаго его полицейскаго чиновника—Шипулинскій; это былъ, частный приставъ Адмиралтейской части. Отправленіе изгнанника по глухой Тихвинской дорогѣ объясняется, вѣроятно, жела-

lib.pushkinskijdom.ru

ніемъ правительства миновать крупные центры, какъ Тверь, Москва и Владиміръ.

Стр. 49 (35). О Сперанскомъ и объ отношеніи къ нему Пушкина см. выше стр. 244—249: объ Аракчеевѣ см. ниже примѣчаніе къ записи: „Середа на святой недѣлѣ", стр. 55 (6).

Стр. 50 (4). Исторія запрещенія „Московскаго Телеграфа" Полевого неоднократно излагалась въ печати во всѣхъ подробностяхъ (см. М. И. Сухомлинова „Изслѣдованія и статьи". СПб. 1889, II, стр. 365—433; М. К. Лемке: „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг."; 2-е изд. СПб. 1909; стр. 86—97 „Записки К. А. Полевого". СПб. 1888; стр. 334 и сл.). Насильственное прекращеніе этого, безспорно, лучшаго русскаго журнала 20 –30-хъ годовъ, явилось однимъ изъ результатовъ реакціонной политики правящихъ сферъ, въ частности С. С. Уварова, желавшаго, съ одной стороны, показать свое служебное усердіе, а съ другой—утѣснить Полевого, противъ котораго онъ питалъ какое-то личное раздраженіе.

Еще въ 1829 г. „Московскій Телеграфъ" попалъ на замѣчаніе у Николая I и Бенкендорфа; въ 1832 году тотъ же Бенкендорфъ, имѣвшій свои основанія относиться къ Полевому снисходительно, отмѣтилъ Полевого, какъ человѣка, ведущаго свой журналъ въ „духѣ весьма неблагонамѣренномъ", хотя тогда рѣшительныхъ, репрессивныхъ мѣръ противъ него не предпринималъ; дѣло обходилось для Полевого сравнительно благополучно, пока живъ былъ А. А. Волковъ (начальникъ Московскаго корпуса жандармовъ), покровительствовавшій Н. А. Полевому и въ тоже время пользовавшійся довѣріемъ Бенкендорфа и императора Николая. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что первое время по смерти А. А. Волкова (іюнь 1833 г.), когда С. С. Уваровъ обратился къ Николаю съ просьбой запретить „Московскій Телеграфъ" за статью „Взглядъ на исторію Наполеона", ему въ томъ было отказано, хотя Полевому и пригрозили закрытіемъ журнала (вѣроятно, въ видѣ уступки самолюбію С. С. Уварова). Уваровъ, однако, продолжаетъ добиваться своего, поручаетъ одному изъ чиновниковъ цензурнаго комитета Бруннову (это былъ чиновникъ мин. иностранныхъ дѣлъ, засѣдавшій въ цензурѣ; ср. Русск. Стар. 1906 г., IV, 132) сдѣлать рядъ выписокъ изъ „Мос. Тел.", изобличающихъ вредное направленіе журнала, чтобы ими воспользоваться при первомъ удобномъ поводѣ. Такимъ поводомъ

lib.pushkinskijdom.ru

вскорѣ и явился отзывъ „Моск. Телегр.“ объ извѣстной нескладной, но крайне патріотической пьесѣ Н. В. Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“; сданный въ печать этотъ отзывъ, рѣзкій и отрицательный, Полевой (въ то время случайно находившійся въ Петербургѣ) не успѣлъ, получивъ предупрежденіе Бенкендорфа, устранить изъ своего журнала (книжка его вышла безъ него въ Москвѣ); и здѣсь, видимо, шефъ жандармовъ, недовольный вмѣшательствомъ С. Уварова, находилъ возможнымъ не допускать до краха журналъ Полевого, можетъ быть, помня довѣріе къ Полевому А. Волкова, а можетъ быть, руководясь и своими взглядами на домогательства Уварова. Но разъ Полевымъ время для изъятія „вредной“ статьи было упущено, этимъ тотчасъ поспѣшилъ воспользоваться Уваровъ и представилъ 21 марта 1834 года императору вторично докладъ о вредномъ направленіи и „гнусномъ лицемѣріи“ журнала („время отъ времени встрѣчаются въ „Телеграфѣ“,—писалъ Уваровъ,—похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе“), на этотъ разъ подкрѣпленный обширными выписками, сдѣланными Брунновымъ (онѣ цѣликомъ напечатаны М. И. Сухомлиновымъ въ его „Ислѣд. и статьяхъ по рус. лит. и просв.“, II, стр. 413—428). Вызванный внезапно въ Петербургъ, Полевой былъ допрошенъ въ квартирѣ Бенкендорфа въ его присутствіи самимъ Уваровымъ; и здѣсь Бенкендорфъ, видимо, пытался смягчить дѣло, сдержать расходившагося Уварова, выказывая предупредительность и подчеркивая вѣжливо-изысканное отношеніе свое къ Полевому (такъ еще до свиданія Полевого съ Уваровымъ онъ поручилъ Дуббельту „просить“ „Полевого“ пожаловать къ нему, при чемъ Полевой былъ отпушенъ изъ квартиры Дуббельта безъ провожатаго; по приходѣ Полевого онъ любезно проситъ его садиться, во время допроса перебиваетъ начавшаго уже горячиться Уварова и т. д.). Тѣмъ не менѣе дѣло окончилось запрещеніемъ „Телеграфа“ (3 апрѣля), правда, безъ особо гибельныхъ послѣдствій для Полевого лично: вѣроятно, и тутъ не обошлось безъ усилій со стороны Бенкендорфа, который и позднѣе старался, видимо, въ пику продолжавшему преслѣдовать Полевого Уварову, поддержать лишившагося главнаго своего дѣла писателя (см. „Записки“ К. А. Полевого, стр. 347—8, 359—361; ср. Н. К. Козминъ, Очерки изъ ист. романтизма. СПб. 1904, стр. 508—509. Во всякомъ случаѣ, закрытіе „Телеграфа“ произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ своей неожиданностью (это былъ первый случай такой расправы съ журналомъ) и вызвало разнообразные толки, оцѣнки только что прекратившаго свое существованіе журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ,

lib.pushkinskijdom.ru

естественно, и его издателя и редактора. Опредѣляя мѣру правительства, какъ необходимую, одни объясняли ее послѣдствіемъ несовершенства самихъ правительственныхъ органовъ: „Министерство народнаго просвѣщенія не обладало достаточной энергіей, чтобы обуздать періодическія изданія, которыя начали печатать извлеченія изъ статей содержанія самаго антимонархическаго и противнаго самодержавію. Тайная полиція съ ея явными и тайными цензурами, съ своей стороны, дѣйствовала въ семъ важномъ случаѣ весьма вяло. Самъ графъ Бенкендорфъ какъ будто находился подъ обояніемъ этихъ писакъ; можно опасаться послѣдствій этой небрежности. Вообще колесо государственной машины страшно запуталось и, кажется, все способствуетъ укорененію въ молодежи либеральныхъ идей“ (Рус. Стар. 1900, IV, 128—129). Такъ писалъ старый, чиновный, нечуждый литературѣ сенаторъ П. Г. Дивовъ (1763—1841), очевидно, передавая ходячее мнѣніе. Этого же рода толки, видимо, зналъ и Пушкинъ, сказавшій въ своемъ „Дневникѣ“: „Полевой былъ баловнемъ полиціи“, намекая, быть можетъ, въ то же время на отношенія къ Полевому Бенкендорфа, ему, конечно, не безызвѣстныя. Другіе, относясь гуманнѣе и благодушнѣе къ несчастному представителю прессы, все же сходились въ своихъ мнѣніяхъ, что вина въ уклоненіи Полевого отъ правильнаго пути хотя отчасти падаетъ на правительство. Такого мнѣнія былъ и П. А. Вяземскій, близкій къ журналу: „Признаюсь,—писалъ онъ И. И. Дмитріеву—существованіе „Телеграфа“ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, можетъ быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибѣгнуть къ усиленной мѣрѣ запрещенія, когда давно должны были дѣйствовать законныя мѣры воздержанія. „Телеграфъ“, удержанный въ законныхъ границахъ цензуры, а не пользующійся, не въ примѣръ другимъ, правомъ какой-то протекціи, упалъ бы самъ собою... Все достоинство „Телеграфа“ въ глазахъ многихъ было его franc parler, въ хвостъ и голову. Цензура, дѣйствуя на него, какъ на прочихъ, показала бы ничтожество его, ибо онъ бралъ не талантомъ, а грудью“ (отъ 18 апр. 1834 г — Русск. Арх. 1868, стр., 638—39). И тутъ мы видимъ тоже почти, что у Пушкина, о полиціи и сходную оцѣнку самого Полевого; тутъ же сказалось и сожалѣніе о журналѣ, которое выразилъ В. А. Жуковскій, какъ сообщаетъ тотъ же Пушкинъ, видимо, раздѣляя это вполнѣ естественное сожалѣніе. Такимъ образомъ, Пушкинъ отразилъ въ своемъ „Дневникѣ“ общее и свое личное настроеніе; можно думать, что кое-что извѣстно ему и изъ болѣе близ-

lib.pushkinskijdom.ru

каго источника, оказавшаго отчасти вліяніе на общее настроеніе: кажется, хотя бы и въ общихъ чертахъ, ему было извѣстно содержаніе докладной записки Уварова: въ своемъ отзывѣ о „Телеграфѣ“ онъ довольно близко подошелъ къ основному ея содержанію (ср. у М. И. Сухомлинова, указ. соч., стр. 412). Вѣроятно, извѣстно было ему и кое-что и о роли во всей этой исторіи и Бенкендорфа, разъ онъ назвалъ Полевого „баловнемъ полиціи“; на томъ же, быть можетъ, основывался и П. Г. Дивовъ. Не будучи сторонникомъ тактики Уварова, лично относясь къ нему свободно, Пушкинъ сближался съ нимъ въ концѣ-концовъ во взглядѣ на „Телеграфъ“; причина этого лежитъ, кажется, главнымъ, образомъ, въ тѣхъ нападкахъ Полевого на „литературную аристократію“, которая принципіально задѣвала Пушкина; сюда же надо отнести его раздраженіе на Полевого за его отзывы о Карамзинѣ, котораго высоко чтилъ Пушкинъ, за его „Исторію русскаго народа“, бывшую своего рода опроверженіемъ взглядовъ и направленія Карамзина; наконецъ это неудовольствіе усиливалось поведеніемъ Полевого-журналиста, сблизившагося съ Булгаринымъ, величиной довольно опредѣленной для Пушкина. Вотъ, кажется, ключъ къ пониманію отношеній его къ Полевому въ „Дневникѣ“. Послѣ закрытія „Телеграфа“ Пушкинъ почти перестаетъ интересоваться Полевымъ: очевидно, онъ его интересовалъ, лишь какъ издатель журнала, представитель прессы.

М. С.

Стр. 50 (4). Уваровъ Сергій Семеновичъ (1786—1855), создатель знаменитой формулы „офиціальной“ народности, блестящій диллетантъ въ наукѣ, министръ народнаго просвѣщенія (1833—1849), графъ (съ 1846), президентъ Академіи Наукъ (съ 1818). Въ молодости онъ вращался въ литературныхъ кругахъ, былъ членомъ „Арзамаса“, въ дружбѣ съ К. Н. Батюшковымъ. Блестящую, по обыкновенію, характеристику его, дополняющую внѣшніе факты его жизни, даетъ С. М. Соловьевъ въ своихъ „Запискахъ“ (стр. 58—59): „Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованію и либеральному образу мыслей, вынесенному изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей Александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента Академіи Наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего чисто аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, полу-

lib.pushkinskijdom.ru

чившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I), но оставшійся въ сердцѣ своемъ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, чтобы угодить барину (Николаю I); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго образованія, основаннаго на новыхъ началахъ: православіе, самодержавіе, народность; православіе—будучи безбожникомъ, самодержавіе—будучи либераломъ, народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги. Люди порядочные... съ горемъ признавались, что не было никакой низости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать, что онъ кругомъ замаранъ нечистыми поступками. При разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, разговорѣ очень часто блестяще умномъ, поражало, однако, крайнее самолюбіе и тщеславіе...“

Съ такимъ человѣкомъ, какъ разъ въ самый разгаръ его дѣятельности пришлось столкнуться Пушкину въ началѣ 30-хъ годовъ. Отношенія между ними въ раннюю пору намъ неизвѣстны; навѣрное можно сказать, что другъ съ другомъ встрѣчались они и въ „Арзамасѣ“, и у общихъ знакомыхъ. Пушкинъ, какъ членъ того же чиновно-аристократическаго круга, гдѣ вращался и Уваровъ, слыхалъ и зналъ, конечно, про тѣ некрасивыя продѣлки Уварова—карьернаго и экономическаго (У. былъ „пріобрѣтатель“) характера—о которыхъ говорилось въ этомъ обществѣ: слухи эти отразились и въ „Выздоровленіи Лукулла“ (см. обширный комментарій къ одѣ въ VI т. соч. Пушкина, изд. Брокгауза, стр. 480 и сл.), и въ его „Дневникѣ“ (февр. 1835 г.). Такъ, намеки на некрасивые поступки Уварова, отмѣчаемые одой и „Дневникомъ“, находятъ себѣ подтвержденіе у другихъ современниковъ Пушкина, касавшихся, такъ или иначе, личности Уварова: еще въ то время, когда Уваровъ служилъ у министра финансовъ Канкрина А. И. Тургеневъ (человѣкъ, какъ извѣстно, близкій Пушкину издавна) писалъ о немъ: „всѣхъ кормилицъ у Канкрина знаетъ и даетъ дѣтямъ кашку“ (Остафьевск. Арх. III, 33; ср. въ „Дневникѣ“ Пушкина, указ. мѣсто), называетъ его „всѣхъ оподляющимъ“ (ibid., стр. 337); кн. П. А. Вяземскій считалъ его, вмѣстѣ съ Блудовымъ, въ числѣ русскихъ государственныхъ людей, но „безхарактерныхъ, слишкомъ суетныхъ и легкомысленныхъ“ (соч. П. А. В-аго, IX. 205, что, однако, едва ли вѣрно). Намекъ на причастность Уварова къ казеннымъ дровамъ (см. „Дневникъ“ 69 (21), также долженъ быть отнесенъ къ числу циркулировавшихъ въ то время слуховъ; онъ хорошо былъ извѣстенъ и Пушкину и даже какъ будто игралъ нѣкоторую роль въ отношеніяхъ самого Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кина къ другимъ. Такъ, по поводу высочайшаго выговора по поводу оды „На выздоровленіе Лукулла", полученнаго Пушкинымъ черезъ Бенкендорфа, Н. Куликовъ (Русск. Стар. 1881, VIII, 616 и слѣд.), будто бы со словъ самого поэта, передаетъ слѣдующій разговоръ между Бенкендорфомъ и Пушкинымъ, который заявилъ генералу, что стихи имъ написаны вовсе не на Уварова: „А на кого же?" спросилъ Бенкендорфъ. „На васъ!.."—Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?—возразилъ генералъ. „Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ,—отвѣчалъ Пушкинъ,—когда подобную улику принялъ на себя". Не смотря на очевидную анекдотичность этого разсказа, въ немъ есть доля дѣйствительно ходившихъ и принимавшихся за достовѣрные слуховъ: въ черновомъ письмѣ къ Бенкендорфу (окт.—ноябрь 1835 г. СПб., у Саитова, III, 471, № 1173) Пушкинъ, отклоняя отъ себя обвиненіе въ инсинуаціяхъ по адресу Уварова, въ сущности повторяетъ эти ходившіе про него разсказы: „le public [et] [la] [a dit on reconnu] à qui que soit que mon ode dans le portrait d'un vil [héritier] avare, d'un drole, qui vole [du] le bois de la couronne, qui [trompe] présente à sa femme des comptes infidèles [etc.] d'un plat-pied qui [par...] devient [la] bonne [de] d'enfants chez les gr. S. etc. a dit-on reconnu un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge importante.

Полныя раздраженія слова Пушкина объ Уваровѣ въ „Дневникѣ" (какъ и въ одѣ) показываютъ, что къ этому времени (февраль 1835 г.) разрывъ его съ Уваровымъ совершился; но, видимо, онъ постепенно подготовлялся уже раньше, быстро развивался за предшествующіе ближайшіе полтора—два года. До этого же времени ихъ взаимныя отношенія рѣзкостей, повидимому, не обнаруживали. Ясно, что и до того времени Пушкинъ не питалъ особой симпатіи и уваженія къ Уварову, какъ къ человѣку, у котораго, несмотря на высокій занимаемый имъ постъ и успѣхи въ служебной карьерѣ, не было истиннаго аристократизма (къ которому, какъ извѣстно Пушкинъ былъ такъ чувствителенъ), но онъ не имѣлъ повода обрывать съ нимъ сношеній и поддерживалъ ихъ въ случаяхъ, когда находилъ это нужнымъ, ограничивая отношеніями преимущественно дѣлового характера. Еще въ 1834 году Пушкинъ по дѣламъ видается съ Уваровымъ, говоритъ съ нимъ о „Телеграфѣ", ходатайствуетъ за другихъ, какъ это видно изъ письма его къ Гоголю (13 мая; у Саитова, III, № 816); но изъ того же письма можно заключить, что Пушкинъ уже нѣсколько иронически относится къ Уварову: „пойду сегодня же назидать

lib.pushkinskijdom.ru

Уварова...", пишетъ онъ между прочимъ. Къ политическо-административнымъ мѣропріятіямъ Уварова въ это время Пушкинъ относится не враждебно, хотя, быть можетъ, и не проявляя особаго сочувствія къ нимъ что видно изъ отношенія Пушкина къ дѣлу о прекращеніи „Телеграфа": въ глазахъ Пушкина, „Телеграфъ" заслуживаетъ той кары, какая его постигла, но оцѣнки одобренія поступку Уварова, какъ виновника этого прекращенія журнала, онъ, однако, не даетъ, занося довольно объективно лишь фактическую сторону дѣла въ свой „Дневникъ" (см. 7 апр. 1834 г.). Точно угадать отношеніе Пушкина къ этому дѣянію Уварова въ значительной степени мѣшаютъ взгляды и отношенія его къ Н. А. Полевому (см. выше). И Уваровъ, съ своей стороны, какъ будто желаетъ поддержать приличныя отношенія къ поэту, по скольку они входили въ его разсчеты: въ 1831 году онъ переводитъ и посылаетъ Пушкину свой французскій переводъ стих. „Клеветникамъ Россіи", въ 1832-мъ приглашаетъ его на лекціи въ Московскій университетъ, лестно рекомендуетъ его аудиторіи, въ томъ же году содѣйствуетъ выбору Пушкина въ академики. Но къ 1834 году отношенія эти замѣтно начинаютъ обостряться, и поводъ къ этому даетъ, въ данномъ случаѣ, Уваровъ, рѣшившій (или — скорѣе — получившій приказаніе, которое онъ усердно торопится исполнить) подчинить Пушкина, помимо царской, общей цензурѣ: такъ было дѣло съ опубликованіемъ „Анджело" (1834), котораго онъ, послѣ личнаго просмотра стихотворенія императоромъ, прочелъ самъ, потребовалъ исключенія нѣсколькихъ стиховъ и передалъ для цензуры А. В. Никитенку (см. его „Записки и Дневники", I, 241). Не зная сперва закулисной исторіи со стихотвореніемъ, Пушкинъ сталъ сердиться на Никитенка (ibid., стр. 242); но потомъ черезъ Плетнева узналъ, какъ произошло дѣло, и долженъ былъ, конечно, перенести свой odium уже на Уварова. Когда же подоспѣло изданіе „Исторіи Пугачевскаго бунта" (которое имѣло такое важное значеніе для налаженія разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ Пушкина, вышло въ концѣ дек. 1834 г.), отношенія между Уваровымъ и Пушкинымъ были уже рѣзко враждебными: Уваровымъ была объявлена война, онъ всячески старается дискредитировать изданіе, помѣшать его распространенію, пуская, судя по „Дневнику" Пушкина, въ ходъ некрасивыя инсинуаціи, стараясь настроить противъ Пушкина Дондукова-Корсакова (попечитель Учебнаго округа Петербургскаго и по должности начальникъ Цензурнаго комитета, подчиненный министру, Уварову). Пушкину приходится горько жаловаться

lib.pushkinskijdom.ru

на притѣсненія и обидное къ нему отношеніе цензуры (см. письмо его къ Бенкендорфу—у Саитова, III, 280, № 941). Настроеніе его и негодованіе находятъ себѣ выходъ въ одѣ „На выздоровленіе Лукулла“ (до сентября 1835 года; см. Н. Лернеръ „Труды и дни“, изд. 2, 340), которой предшествовала запись въ „Дневникѣ“ (февр. 1835 г.) Запись эту, несомнѣнно, надо поставить въ связь съ одой.

М. С.

Стр. 50 (7). „Брюновъ“ — правильнѣе Брунновъ — баронъ Филиппъ Ивановичъ (1797—1875), извѣстный дипломатъ, состоявшій въ теченіе свыше тридцати лѣтъ русскимъ посломъ при англійскомъ дворѣ (съ 1840 по 1854 и съ 1858 по 1874 г.). Въ 20-хъ годахъ проживалъ въ Одессѣ, состоя при гр. Воронцовѣ въ качествѣ дипломатическаго чиновника: здѣсь, вѣроятно, съ нимъ познакомился и Пушкинъ, у котораго было съ нимъ даже какое-то столкновеніе (Рус. Архивъ, 1866, стр. 1472). Къ этому времени относится и чрезвычайно злая и ѣдкая характеристика его въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля (Москва, 1893. Ч. VI, стр. 95). Въ 30-хъ годахъ Брунновъ служилъ въ Петербургѣ и состоялъ при вице-канцлерѣ графѣ Нессельроде, который относился къ нему съ большимъ довѣріемъ и симпатіей и поручалъ ему составленіе важнѣйшихъ дипломатическихъ бумагъ. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры со стороны министерства Иностранныхъ дѣлъ и, вѣроятно, въ качествѣ такового онъ и составилъ свою обвинительную записку по поводу „Московскаго Телеграфа“, приведшую къ запрещенію журнала. Неясно только, почему именно къ Бруннову обратился Блудовъ съ даннымъ порученіемъ и какое вообще имѣлъ основаніе Блудовъ вмѣшиваться въ это дѣло; по другимъ источникамъ, толчокъ въ этомъ отношеніи исходилъ отъ Уварова, что было и вполнѣ естественно, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ Цензурнаго Комитета и питалъ личное раздраженіе противъ Полевого (см. выше, стр. 355). Князь В. П. Мещерскій, познакомившійся съ Брунновымъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, когда онъ уже много лѣтъ состоялъ русскимъ посломъ въ Англіи, даетъ ему слѣдующую, мало лестную характеристику: „Мнѣ говорили, что карьерой своею въ началѣ онъ былъ обязанъ своему красивому почерку, а затѣмъ своему французскому стилю. Что онъ сдѣлалъ для Россіи полезнаго, я никогда не могъ узнать, но подъ конецъ его карьеры его могли цѣнить потому, что онъ годы высиживалъ въ Лондонѣ и пріучилъ къ своей фигурѣ и къ своему чудачеству чуть ли не весь политическій міръ Англіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Вообще такого оригинальнаго и самобытнаго типа цинизма, въ своемъ презрѣніи къ какимъ бы то ни было нравственнымъ обязанностямъ по должности, и въ своемъ куртизанствѣ, я никогда не встрѣчалъ... Какой націи онъ былъ, какой вѣры, такъ я никогда не могъ узнать; но одно было всѣмъ извѣстно, это удивленіе каждаго, что столько лѣтъ могъ быть русскимъ посломъ въ Лондонѣ человѣкъ, который ничего не признавалъ, кромѣ заботы о своемъ здоровьѣ, и столько же любилъ Россію, какъ любилъ ее любой англичанинъ". Въ качествѣ живого примѣра откровенно циничнаго отношенія Бруннова къ своимъ обязанностямъ, Мещерскій приводитъ слова самого посла, сказанныя въ разговорѣ съ нимъ: „Я всегда говорю моимъ дорогимъ соотечественникамъ,—къ счастію, ихъ въ Лондонѣ немного,—если вы имѣете наивность думать, что посольство служитъ для васъ, то вы жестоко ошибаетесь" („Мои воспоминанія". СПб., 1887. Т. I, стр. 394—395). Немало воевалъ съ Брунновымъ и Герценъ въ своемъ „Колоколѣ".

Стр. 50 (15). „S. не была". Изъ числа дамъ, интересовавшихъ въ это время Пушкина, подъ буквой можно предполагать или Александру Осиповну Смирнову или графиню Надежду Львовну Сологубъ. Послѣднее предположеніе представляется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ Смирнову Пушкинъ обыкновенно обозначаетъ въ дневникѣ буквами „См".; такъ, напр., въ записи: „Середа на святой недѣлѣ": „Одна См.—по прежнему мила" (стр. 55 (16); см. также 39 (18) и 57 (33). Подъ французской буквой S, повидимому, подразумѣвалось другое лицо, фамилію котораго Пушкинъ не хотѣлъ довѣрить даже своему дневнику; кромѣ данной записи 7 апрѣля это лицо, обозначенное французскимъ иниціаломъ, упоминается еще въ записи 10 апрѣля: „S. не было—скука смертная" и 18 декабря: „Вечеръ у S". Графиня Надежда Львовна Сологубъ, двоюродная сестра извѣстнаго писателя, автора „Тарантаса", фрейлина великой княгини Елены Павловны, славилась въ качествѣ одной изъ первыхъ Петербургскихъ красавицъ своего времени („Воспоминанія графа В. А. Сологуба". СПб., 1887, стр. 97; Павлищевъ: „Изъ семейной хроники". М, 1890, стр. 332). Она всегда была окружена толпою поклонниковъ, и свѣтская молва опредѣленно называла въ ихъ числѣ и Пушкина. Объ ухаживаніи Пушкина за красавицей-графиней свидѣтельствуетъ, напр., княгиня В. Ѳ. Вяземская, хорошо освѣдомленная въ свѣтскихъ отношеніяхъ того времени; она сообщаетъ при этомъ, что увлеченіе Пушкина не осталось тайной для его

lib.pushkinskijdom.ru

жены, и что послѣдняя серьезно ревновала Пушкина къ графинѣ Сологубъ (Рус. Архивъ, 1888, II, стр. 309). Слѣды этой ревности сохранились въ письмахъ Пушкина къ Натальѣ Николаевнѣ, въ которыхъ Пушкинъ старается успокоить ее на этотъ счетъ; такъ, напр., въ письмѣ, относящемся къ первой половинѣ мая 1834 года, т.-е. очень близкомъ по времени къ данной записи дневника, Пушкинъ пишетъ: „За Солог. я не ухаживаю, вотъ-те Христосъ, и за Смирновой тоже"; а 29-го мая онъ повторяетъ: „Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой ты забираешь въ голову всякій вздоръ—на смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма"; нѣсколько позднѣе, въ письмѣ отъ 11-го іюля, Пушкинъ снова считаетъ нужнымъ оправдываться передъ женою: „Ты, женка, пребезалаберная... То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ... Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ..." (Переписка, III, стр. 116, 120, 133, 151). Мы не знаемъ, насколько серьезно было увлеченіе Пушкина, и какъ отвѣчала ему молодая графиня, но, повидимому, отношенія ихъ не выходили изъ предѣловъ легкаго свѣтскаго флёрта, къ которому гр. Сологубъ, кажется, питала нѣкоторую склонность; по крайней мѣрѣ, въ одномъ болѣе раннемъ письмѣ къ женѣ (отъ 21 октября 1833 г., изъ Болдина) Пушкинъ даже счелъ нужнымъ предостеречь ее, чтобы она не вдавалась въ пошлое кокетство и не брала въ этомъ отношеніи примѣра съ гр. Сологубъ.

Въ 1836 году, слѣдовательно еще при жизни Пушкина, гр. Н. Л. Сологубъ вышла замужъ за границей, въ Штутгардѣ, за Алексѣя Николаевича Свистунова (1808—1872), дипломата, бывшаго впослѣдствіи директоромъ Департамента личнаго состава министерства Иностранныхъ дѣлъ. Скончалась она въ глубокой старости въ 1903 году.

Стр. 50 (17). „Пиковая Дама" была напечатана во 2-ой книгѣ „Библіотеки для Чтенія" 1834 г. (цензурная помѣта—31 января 1834). Первые наброски ея находятся въ тетради Пушкина, заключающей въ себѣ произведенія 1832—33 гг. („Галубъ", „Родословная моего героя" и др.); окончательную обработку она получила, повидимому, осенью 1833 года. Уже современники, напр., Ленцъ („Приключенія лифляндца въ Петербургѣ", Рус. Архивъ, 1878, стр. 442), отмѣчали въ повѣсти слѣды вліянія Гофмана: Ленцъ даже опредѣленно сообщаетъ, что въ своей бесѣдѣ съ нимъ на вечерѣ у Одоевскаго Пушкинъ говорилъ преимущественно о Гофманѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Плохо зная нѣмецкій языкъ, Пушкинъ могъ познакомиться съ Гофманомъ только въ переводахъ; и дѣйствительно, въ его библіотекѣ имѣлось полное собраніе сочиненій Гофмана во французскомъ переводѣ Loève-Veimar'a (Oeuvres complètes de E. T. A. Hoffmann, 19 vols. Paris, 1830—1833), и кромѣ того два дополнительныхъ тома: „Contes et fantaisies" (Bruxelles, 1834) и біографія Гофмана, составленная тѣмъ же французскимъ переводчикомъ его (Б. Л. Модзалевскій: Библіотека Пушкина, въ сборникѣ: Пушкинъ и его современники, вып. IX—X, стр. 251—252). Въ іюнѣ 1836 года Loève-Veimar пріѣзжалъ въ Петербургъ съ какимъ-то полу-дипломатическимъ порученіемъ французскаго правительства и, въ качествѣ литератора, познакомился также съ нѣкоторыми представителями русской литературы, въ томъ числѣ и съ Пушкинымъ, который перевелъ для него на французскій языкъ 11 русскихъ народныхъ пѣсенъ (о нихъ см. статью Н. Н. Трубицына въ Сборникѣ СПетерб. университета въ память Пушкина. СПб., 1899). Знакомство съ Гофманомъ, хотя бы и черезъ посредство французскаго перевода, не прошло безслѣдно для творчества Пушкина; однако не слѣдуетъ и преувеличивать степень вліянія на него нѣмецкаго романтика, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напр., Закхеймъ, видящій вліяніе Гофмана не только въ Пиковой Дамѣ Пушкина, но и въ Повѣстяхъ Бѣлкина (Выстрѣлъ, Гробовщикъ), въ Дубровскомъ, въ Капитанской Дочкѣ, даже въ Бѣсахъ (Arthur Sakheim. E. T. A. Hoffmann. Studien zu seiner Persönlichkeit und seinen Werken. Leipzig, 1908. S. 63).

Стр. 50 (20). Княгиня Голицына, Наталья Петровна (1741—1837), дочь графа Петра Григорьевича Чернышева, родилась въ царствованіе имп. Елизаветы, а умерла въ годъ смерти Пушкина, переживъ его на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 30-хъ годахъ она была едва ли не старѣйшей представительницей родовой знати при Николаевскомъ дворѣ и пользовалась совершенно исключительнымъ уваженіемъ. Д. Д. Благово сообщаетъ со словъ Е. П. Яньковой о ней слѣдующіе свѣдѣнія: „Княгиня Наталья Петровна была женщина очень умная, любимая императрицами Екатериной и Маріей Ѳеодоровной, съ которою была весьма коротка, и уважаемая всѣмъ Петербургомъ, гдѣ большею частью всегда жила при дворѣ, потому что была статсъ-дамой и чуть ли не имѣла Екатерининской ленты первой степени. Она много путешествовала и была въ Парижѣ при Людовикѣ XVI, была очень хорошо принята несчастною коро-

lib.pushkinskijdom.ru

левой Маріей - Антуанетой и выѣхала изъ Парижа незадолго до начала революціи. Она была собою очень нехороша: съ большими усами и бородой, отчего еще и называлась la princesse ~ moustache. Хотя она и была довольно надменна съ людьми знатными, равными ей по происхожденію, но вообще она была привѣтлива" (Разсказы бабушки. Москва, 1880, стр. 110).

Энергичная и умная, княгиня Наталья Петровна создала себѣ совершенно исключительное положеніе въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, въ которомъ она пользовалась значеніемъ непререкаемаго авторитета. Къ ней относились не только съ уваженіемъ, но и со страхомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Ѳ. М. Толстой, изображающій ее въ своихъ воспоминаніяхъ и дающій ей слѣдующую характеристику: „Грибоѣдовъ воскликнулъ въ Горѣ отъ ума: Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! Про покойницу Princesse moustache можно по справедливости сказать, что она была также тузъ, да и какой еще! Въ Петербургѣ (она жила, если не ошибаюсь, на Малой Морской) къ ней ѣздилъ на поклоненіе въ извѣстные дни весь городъ, а въ день ея именинъ ее удостаивала посѣщеніемъ вся царская фамилія. Княгиня принимала всѣхъ, за исключеніемъ государя императора, сидя и не трогаясь съ мѣста. Возлѣ ея креселъ стоялъ кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ и называлъ гостей, такъ какъ въ послѣднее время княгиня плохо видѣла. Смотря по чину и знатности гостя, княгиня или наклоняла только голову или произносила нѣсколько болѣе или менѣе привѣтливыхъ словъ; и всѣ посѣтители оставались, повидимому, весьма довольны. Вотъ какимъ вліяніемъ и авторитетомъ пользовалась княгиня въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ. По милости Фирса (кн. С. Голицына), и я попалъ однажды на подобную церемонію и радъ радехонекъ былъ, что княгиня не сказала мнѣ ни полслова,—что̀ подало мнѣ возможность поклониться молча, такъ показалась мнѣ она важна и внушительна" *(Рус. Старина,* 1871 г., т. III, стр. 427).

Будучи очень преклонныхъ лѣтъ, княгиня всѣхъ считала молодежью и обращалась соотвѣтственнымъ образомъ. Сынъ ея, князь Дмитрій Владимировичъ былъ уже Московскимъ генералъ-губернаторомъ, но для нея онъ по прежнему оставался Митенькой, и она по прежнему смотрѣла на него, какъ на несовершеннолѣтняго и не позволяла ему распоряжаться принадлежащимъ ему состояніемъ, которымъ она завѣдывала сама, выдавая ему ежегодно лишь опредѣленную, не слишкомъ большую, сумму на содержаніе. Вообще

lib.pushkinskijdom.ru

всѣ члены семьи находились у нея въ полномъ повиновеніи и должны были во всемъ сообразоваться съ ея волей.

Всѣ эти черты личности, характера и даже внѣшности княгини Голицыной дѣлаютъ понятнымъ сближеніе ея со старой графиней изъ „Пиковой Дамы“; но имѣлъ ли ее въ виду самъ Пушкинъ при созданіи этого образа, трудно рѣшить съ полной опредѣленностью, хотя возможность такого предположенія вполнѣ допустима. Самъ Пушкинъ косвенно какъ бы подтверждаетъ его вѣроятность, ни словомъ не возражая въ своемъ дневникѣ противъ такого толкованія его авторскихъ намѣреній, и дѣлая только характерную оговорку: „при дворѣ нашли сходство между старой Графиней и Кн. Н. П. и кажется не сердятся“; послѣднее замѣчаніе показываетъ, что Пушкинъ былъ неравнодушенъ къ толкамъ, которые его произведеніе могло вызывать въ „свѣтѣ“, и внимательно прислушивался къ нимъ, хотя это и не мѣшало ему въ своемъ творчествѣ итти своей дорогой, нисколько не подчиняя его тѣмъ или инымъ соображеніямъ, кромѣ чисто художественныхъ. Тѣмъ не менѣе, при тѣхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ, какія складывались у него съ Петербургскимъ высшимъ обществомъ, для него было далеко не безразлично, какъ это общество отнесется къ его произведенію, въ которомъ оно de tort ou de raison усмотрѣло намѣреніе изобразить лицо, пользовавшееся въ его кругу большимъ, хотя, быть можетъ, отчасти даже аффектированнымъ уваженіемъ; поэтому Пушкинъ какъ бы съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ замѣчаетъ, что толкованіе, приданное въ свѣтѣ фигурѣ старой графини, не возбудило противъ автора неудовольствія лицъ, со мнѣніемъ которыхъ онъ считался (О кн. Нат. Пет. Голицыной см. статью Н. О. Лернера: „Оригиналъ Пиковой Дамы“; „Столица и Усадьба“, 1916. № 52).

Стр. 50 (21—22). „Гоголь по моему совѣту началъ Исторію Русской Критики“: Никакихъ слѣдовъ этого труда не сохранилось ни въ рукописяхъ Гоголя, ни въ его записныхъ книжкахъ (Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, подъ ред. Н. С. Тихонравова; т. V, стр. 652—653). Въ это время Гоголь хлопоталъ о занятіи профессорской каѳедры въ университетѣ и усиленно афишировалъ свой интересъ къ наукѣ, въ частности къ исторіи. Въ № 24 Сѣверной Пчелы отъ 29 января 1834 г. онъ помѣстилъ объявленіе о задуманной имъ исторіи малороссійскаго казачества, съ просьбой о сообщеніи ему подходящихъ историческихъ матеріаловъ, а въ апрѣльской книгѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Журнала Мин. Народ. Просвѣщенія имъ была напечатана статья: „Взглядъ на составленіе Малороссіи". Возможно, что о своихъ „научныхъ" замыслахъ и планахъ Гоголь сообщалъ и Пушкину, который, со своей стороны, счелъ нужнымъ дать ему тему, интересную по своему содержанію и еще никѣмъ до тѣхъ поръ не разработанную.

Стр. 50 (23—24). „Изъясненіе съ S. K."—подъ этими иниціалами подразумѣвается, вѣроятно, Софья Николаевна Карамзина (1802—1856), старшая дочь исторіографа, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны. Она жила вмѣстѣ съ матерью, Екатериной Андреевной (о ней см. выше, стр. 83) и вмѣстѣ съ нею принимала гостей, собиравшихся почти ежедневно въ ихъ гостиной. Софья Николаевна хорошо знала нѣсколько языковъ и живо интересовалась литературой, русской и иностранной, въ особенности англійской. Знакомые постоянно подсмѣивались надъ ея пристрастіемъ къ англійскимъ романамъ (Записки А. О. Смирновой. Ч. I, стр. 129, 169). Панаевъ, вообще неблаговолившій къ Карамзинскому кружку, къ которому принадлежали такъ называемые литераторы"-аристократы", иронически называетъ Софью Николаевну m-me Рекамье Карамзинскаго салона (Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. СПб., 1876; стр. 115). Пушкинъ вписалъ въ ея альбомъ стихотвореніе „Три ключа"; Лермонтовъ посвятилъ ей остроумныя строфы: „Любилъ и я въ былые годы...", а Баратынскій—стихъ: „Сближенный съ вами на мгновенье..."; Хомяковъ и гр. Ростопчина также отдали ей дань альбомными піесами: уже однихъ этихъ именъ достаточно, чтобы опредѣлить, въ кругу какихъ избранныхъ лицъ вращалась С. Н. Карамзина (Б. Л. Модзалевскій: „Изъ альбомной старины". Рус. Библіофилъ. 1916, № VI, стр. 66—76). Пушкинъ, бывшій своимъ человѣкомъ въ домѣ Карамзиныхъ, находился съ Софьей Николаевной въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ неоднократно упоминаетъ о ней въ письмахъ къ женѣ: „Я подружился опять съ Sophie Karamsine" (30 апрѣля 1834 г.); „Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьи К. очень приятны для моего самолюбія... Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Кар. ѣдутъ заграницу? Sophie ужъ плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно, я довезу ее до Кронштата" (первая половина мая 1834 г.); „Я провожалъ ихъ до пироскафа (3 іюня). Послѣ смерти своей матери, послѣдовавшей въ 1851 году, С. Н. Карамзина поселилась въ семьѣ своей младшей сестры кн. Е. Н. Мещерской (см. выше, стр. 328) и прожила здѣсь до самой смерти. Послѣдніе

lib.pushkinskijdom.ru

годы ея жизни были омрачены тяжелымъ душевнымъ недугомъ, вызваннымъ смертью ея любимаго брата Андрея Ник. Карамзина, убитаго въ маѣ 1854 года въ Валахіи (Рус. Старина, 1878, II, стр. 193). „Софья Николаевна до того была потрясена этимъ несчастіемъ, чт изъ веселой, беззаботной, разговорчивой, какою она всегда была, долгіе годы бывшей умомъ, образованіемъ и прелестнымъ характеромъ приманкою Карамзинской гостиной, вдругъ превратилась въ грустную и задумчивую. Затѣмъ, все усиливавшіеся ужасы войны стали на нее дѣйствовать такъ сильно, что она мало-по-малу впала въ глубокую меланхолію и въ этомъ состояніи прожила до кончины" (Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія. СПб., 1897. Ч. I, стр. 63).

Стр. 50 (24—25). „Вся семья Гр. Л.** Гр. Кис... идеализированная ея мать".—Въ 1834 году въ числѣ фамилій, носившихъ графскій титулъ и начинавшихся съ буквы *Л* значились: Лаваль (съ 1817 года), Ламздорфъ (съ 1817 г.), Ланжеронъ (съ 1799), Левашевъ (съ 1 іюля 1833 г.). Литта (съ 1798); кромѣ того пользовался графскимъ титуломъ и К. Ѳ. Ламбертъ, но офиціально его право на ношеніе титула было признано лишь 28 мая 1836 года. (Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской Имперіи. СПб. 1892; стр. 148—152.) Но А. Ѳ. Ланжеронъ (ум. въ 1831 г.) Ю. П. Литта были бездѣтны; В. В. Левашевъ, проживалъ въ Кіевѣ, гдѣ былъ ген.-губернаторомъ и имѣлъ отъ брака съ Екат. Петр. Мятлевой, скончавшейся въ 1821 году, одну только дочь Александру, которой въ 1834 г. исполнилось только 13 лѣтъ (см. статью А. А. Голомбіевскаго въ Сборникѣ біографій кавалергардовъ. 1801—1826. Стр. 103); К. О. Ламбертъ дочерей не имѣлъ. Остаются, слѣдовательно, фамиліи Лаваль и Ламздорфъ: изъ нихъ графъ Иванъ Степановичъ Лаваль (1761—1846), гофмейстеръ и тайный совѣтникъ, отъ брака съ Алекс. Григор. Козицкой имѣлъ четырехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за польскимъ графомъ Коссаковскимъ (см. замѣтку о Лавалѣ бар. Ѳ. А. Бюлера въ Рус. Старинѣ, 1872, II, стр. 682—683); возможно, что именно ихъ и имѣлъ въ виду Пушкинъ въ своей записи. Съ другой стороны, у графа Ивана Матвѣевича Ламздорфа была дочь, Анна Ивановна, въ замужествѣ за графомъ Коскулемъ (Кн. Петръ Долгоруковъ. Россійская родословная книга. СПб., 1855; т. II, стр. 232. Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской Имперіи. СПб., 1892; стр. 144). И въ томъ и въ другомъ случаѣ приводимые Пушкинымъ иниціалы совпадаютъ такъ, что трудно рѣшить, кого именно онъ имѣлъ въ виду.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 50 (28). „Братъ Паскевича"—повидимому, Пушкинъ подразумѣваетъ здѣсь Степана Ѳедоровича Паскевича (1785—1840), младшаго брата фельдмаршала. Воспитанникъ Пажескаго корпуса, онъ въ 1803 г. былъ произведенъ въ офицеры, участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ во время войны съ Наполеономъ, былъ раненъ, получалъ знаки отличія, но особенно по службѣ не выдвинулся и карьеры себѣ не сдѣлалъ, и въ 1816 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Въ 1827 году онъ снова поступилъ на службу по гражданскому вѣдомству и занималъ различныя административныя должности въ провинціи. 2 апрѣля 1834 г. онъ былъ назначенъ курскимъ губернаторомъ, и въ качествѣ такового, вѣроятно, представлялся государынѣ на пріемѣ 8 апрѣля, на которомъ и встрѣтилъ его Пушкинъ. Впослѣдствіи онъ состоялъ членомъ Совѣта министра Внутреннихъ дѣлъ (Русскій біографич. Словарь, СПб. 1902, стр. 346).

Стр. 50 (28). Трудно рѣшить, кого именно изъ Шереметевыхъ имѣетъ въ виду Пушкинъ. П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ предполагаютъ, что дѣло идетъ о графѣ Шереметевѣ, „молодомъ богачѣ", къ которому обращено стихотвореніе Пушкина „На выздоровленіе Лукулла" (см. изданіе Литер. Фонда и А. С. Суворина—указатель).

Стр. 50 (29). „Болховской"—вѣроятно Бологовскій, Дмитрій Николаевичъ, Кишиневскій знакомый Пушкина, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ вторично въ записи отъ 3 іюня. Бологовскій (1780—1852) происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, въ молодости служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, по свидѣтельству декабриста И. Д. Якушкина, принималъ участіе въ цареубійствѣ 11 марта 1801 года и долженъ былъ послѣ этого оставить военную службу („Былое", 1906, т. IV, стр. 188). Однако, въ 1812 г. онъ въ чинѣ статскаго совѣтника состоялъ секретаремъ Комиссіи для составленія Военнаго Уложенія и въ качествѣ такового былъ замѣшанъ въ дѣло Сперанскаго. Въ чемъ заключалось его участіе въ этомъ дѣлѣ, до сихъ поръ не вполнѣ выяснено: по одной версіи, Бологовскій, „родственникъ и клевретъ Балашова", министра полиціи и заклятаго врага Сперанскаго, въ согласіи съ Магницкимъ велъ какую-то интригу, имѣвшую цѣлью примирить Балашева со Сперанскимъ, чтобы создать прочный блокъ для завѣдыванія высшей политикой: такъ, повидимому, представляетъ себѣ дѣло гр. М. А. Корфъ; однако, противъ такого объясненія рѣшительно выступилъ Я. И де Сан-

lib.pushkinskijdom.ru

гленъ, находившій, что Бологовскій „слишкомъ вѣтренъ“ для этой роли: „хвастовство и кокетство—его элементъ; онъ просто чванился своими связями“ (Рус. Старина, 1902, № 4, стр. 9 и 25; однако срав. его же разсказъ о Бологовскомъ въ Рус. Архивѣ, 1871 г, стр. 1159). Согласно другой версіи, распространившейся въ обществѣ послѣ ссылки Сперанскаго, Бологовскій снялъ копію съ секретныхъ плановъ мобилизаціи и военныхъ дѣйствій, которые были извѣстны, кромѣ государя еще только военному министру Барклаю и правителю его канцеляріи флиг. ад. Воейкову. Воейковъ далъ эти планы Бологовскому, согласно требованію Сперанскаго, переданному черезъ Магницкаго: такъ объясняетъ дѣло Н. М. Лонгиновъ въ письмѣ къ С. Р. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ; при этомъ онъ выражаетъ предположеніе, что эти копіи сдѣлались извѣстны Лористону, переправившему ихъ во Францію; такимъ образомъ, на Сперанскаго возводилось обвиненіе въ государственной измѣнѣ, совершенно неправдоподобное, но свидѣтельствовавшее о той ненависти, какую питали къ нему нѣкоторые круги русскаго общества (Архивъ князя Воронцова. Книга XXIII. М. 1882 г. стр. 148 – 9). Каковы бы ни были дѣйствительныя причины, Бологовскій въ мартѣ 1812 года, одновременно со Сперанскимъ и Магницкимъ, былъ высланъ изъ Петербурга и отправленъ на жительство въ свое Смоленское имѣнье (Рус. Архивъ, 1871, стр. 1158). Однако тяготѣвшее надъ нимъ обвиненіе, повидимому, не было особенно серьезнымъ, такъ какъ съ началомъ Отечественной войны Бологовскій снова былъ принятъ на военную службу и, по свидѣтельству М. И. Погодина, даже состоялъ при Кутузовѣ (тамъ же, стр. 1158, примѣч.). Послѣ Бородинскаго сраженія, онъ завѣдывалъ штабомъ 6-го корпуса и принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ боевъ, при чемъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ онъ былъ раненъ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Произведенный въ 1820 году въ генералъ-майоры, Бологовскій былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи, а вскорѣ переведенъ на ту же должность въ 1-ю бригаду 16-й дивизіи, стоявшей въ Бессарабіи. Въ январѣ 1834 г. онъ былъ, согласно прошенію, уволенъ въ отставку, а черезъ два года снова принятъ на службу и назначенъ Вологодскимъ губернаторомъ. Въ 1840 году былъ назначенъ сенаторомъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Москву, въ Московское присутствіе Сената; позднѣе онъ состоялъ членомъ Комитета по сооруженію храма Христа Спасителя (Рус. біографическій словарь).

Съ Бологовскимъ Пушкинъ сблизился въ Кишиневѣ, гдѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Бологовскій проживалъ въ качествѣ бригаднаго командира (бригада его входила въ составъ дивизіи Мих. Ѳед. Орлова; другимъ бригаднымъ командиромъ былъ ген. П. С. Пущинъ, масонъ, принявшій Пушкина въ.составъ Кишиневской масонской ложи). У Бологовскаго, державшаго открытый столъ, Пушкинъ часто обѣдалъ. „Столъ его и непринужденность,—разсказываетъ И. П. Липранди,—умный разговоръ хозяина, его извѣстность очень нравились Пушкину: но одинъ разъ онъ чуть-чуть не потерялъ расположеніе къ себѣ генерала изъ одного, самого неловкаго поступка. Ихъ отношенія къ счастію уладились, ибо Пушкинъ откровенно сознался, что всему причиной было его шипучее, и продолжалъ бывать, но какъ-то рѣже“ (Рус. Архивъ, 1866, стр. 1257). Пушкинъ очень любилъ эти веселые обѣды хлѣбосольнаго генерала и предпочиталъ ихъ чопорнымъ обѣдамъ у графа Воронцова и скромной трапезѣ Инзова. Вѣроятно, привлекала Пушкина въ домъ Бологовскаго и сама бесѣда хозяина, человѣка бывалаго, много видавшаго на своемъ вѣку и любившаго о видѣнномъ разсказывать, а Пушкинъ уже въ то время живо интересовался стариною и охотно собиралъ всевозможные историческіе анекдоты.

Стр. 50 (29). Корфъ, Модестъ Андреевичъ (1800—1876), баронъ, позднѣе (1872) графъ, лицейскій товарищъ Пушкина, крупный государственный дѣятель, ученикъ и сотрудникъ М. М. Сперанскаго по составленію свода законовъ, извѣстный своей дѣятельностью директоръ Публичной библіотеки (1849—1861), наконецъ, членъ Государственнаго Совѣта (1864) и предсѣдатель его департамента законовъ. Корфъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ съ большимъ практическимъ умомъ, незаурядными организаторскими и административными способностями, хорошо зналъ цѣну имъ прежде всего самъ, при томъ былъ человѣкомъ съ высокимъ по тому времени образованіемъ. Родомъ изъ курляндскихъ дворянъ, онъ отданъ былъ въ Царско-сельскій Лицей по его открытіи, здѣсь усердно занимался, отличался образцовымъ, по отзывамъ воспитателей (Н. А. Гастфрейндъ. Товарищи Пушкина по Лицею. I, 1912 г., стр. 459 и сл.) прилежаніемъ и поведеніемъ; послѣ успѣшнаго окончанія Лицея (съ серебряной медалью) онъ много работалъ надъ продолженіемъ своего общаго образованія, усердно занимался исторіей, преимущественно русской, въ частности собиралъ библіографическіе матеріалы по отдѣлу Rossica. Но его научныя стремленія рано уступили мѣсто бюрократическимъ, карьерные помыслы быстро и всецѣло имъ овладѣли и

lib.pushkinskijdom.ru

стали руководящими на всю жизнь (см. Публичная библіотека за сто лѣтъ. СПб. 1914, стр. 187). И въ этомъ отношеніи изъ него выработался выдающійся бюрократическій дѣятель со всѣми достоинствами и недостатками этого рода людей: энергичный, умный, строго выдержанный, въ то же время холодный эгоистъ, чрезвычайно высоко себя цѣнившій среди окружающихъ, Корфъ умѣлъ искусно прикрывать свое большое высокомѣріе организаціонно-административной дѣятельностью, умѣніемъ себя держать тактично; холодный, самолюбивый эгоистъ онъ поддерживалъ корректныя отношенія къ окружающимъ, не сближаясь съ ними дальше внѣшнихъ, пріятельскихъ отношеній. Все это внушало къ нему уваженіе, подымало его въ глазахъ тѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, работать съ нимъ, возбуждало довѣріе къ его уму, энергіи и способностямъ, увеличивая его авторитетъ, но не вело къ желанію стать въ болѣе интимныя къ нему отношенія: къ нимъ и самъ онъ едва-ли былъ способенъ (см. Публичн. Библ. за сто лѣтъ, стр. 187). Его высокомѣріе, заносчивость, хотя и тщательно прикрываемыя, однако, иногда прорывались и становились замѣтными: вполнѣ ему довѣряя, цѣня его какъ дѣльнаго служаку, имп. Николай принужденъ былъ бороться именно съ этой стороной его характера (тамъ же, стр. 188). Эта послѣдняя черта, вмѣстѣ съ другой—черствымъ умомъ—особенно замѣтна въ его мемуарахъ, писанныхъ, правда, уже въ позднѣйшіе годы жизни (каковы двѣ его „Записки“ о Лицеѣ и Пушкинѣ 1854 г.—см. Я. К. Грота, Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники, изд. 2-ое, СПб. 1899, стр. 222—254; вторая—(1852) въ Русск. Стар. 1899 г., VIII, 305—311); „Изъ записокъ“ — тамъ же 1890—1900 г., I, частью у Н. А. Гастфрейнда: Товарищи Пушкина по Лицею, т. I (СПб. 1912), 490—493): въ нихъ онъ беретъ на себя роль авторитетнаго, не допускающаго сомнѣнія въ правильности своихъ сужденій судьи, въ то же время строгаго, свысока смотрящаго на того, о комъ онъ произноситъ приговоръ; не искажая самихъ фактовъ, онъ своевольно выбираетъ тѣ, которые ему нужны по его соображеніямъ, даетъ имъ свое освѣщеніе, вытекающее изъ его самоувѣренности, холоднаго высокомѣрія и сознанія своего превосходства надъ людьми, о которыхъ онъ говоритъ. Таковъ общій тонъ, достоинства и недостатки его мемуаровъ въ качествѣ историческаго источника. Нагляднѣе всего эта особенность этихъ мемуаровъ обнаружена была Л. Н. Майковымъ, вполнѣ правдиво возстановившимъ, не смотря на всю односторонность „Записокъ“, взаимныя отношенія двухъ товарищей-лицеистовъ, поэта Пушкина и важнаго

lib.pushkinskijdom.ru

сановника-бюрократа. Корфа. (см. „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа"—Рус. Стар. 1891 г., IX, 517—530). Неспособный къ теплому и сердечному отношенію къ людямъ, Корфъ отнесся холодно и къ Пушкину; но сверхъ того, въ воспоминаніяхъ о немъ онъ обнаружилъ, отдавая ему справедливость, какъ талантливому писателю, суровое, почти враждебное отношеніе къ нему, какъ къ человѣку. Такое отношеніе получилось вслѣдствіе того, что Корфъ отдѣльные эпизоды въ жизни Пушкина (преимущественно времени его молодости) отрицательнаго свойства односторонне обобщилъ, призналъ рѣшающими для всего облика Пушкина, взявъ на себя роль судьи—моралиста, считающаго себя и въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше подсудимаго. Не надо забывать при этомъ и того, что обѣ извѣстныя редакціи „Записки" (1852 и 1854 г.) составлялись Корфомъ въ то время, когда даже самое имя Пушкина далеко не было въ фаворѣ въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, къ настроеніямъ которыхъ умный карьеристъ Корфъ прислушивался очень внимательно, а самъ уже побывалъ добросовѣстнымъ членомъ „Бутурлинскаго" комитета „для обузданія печати". Изъ этихъ же „Записокъ" ясно, что у Корфа никогда не могло быть настоящаго расположенія къ Пушкину при различіи ихъ взглядовъ на многое, кончая житейскими цѣлями (ср. Я. К. Гротъ. ук. соч., стр. 4); ясно также и то, что взглядъ его на Пушкина явился у него не случайно и не внезапно (по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, какимъ мы его знаемъ изъ „Записокъ"), а созрѣвалъ издавна и разрабатывался имъ съ привычной для него систематичностью и настойчивостью (см. Л. Н. Майковъ, Рус. Стар., 1899, VIII, 304). Что послужило исходнымъ пунктомъ этой отчужденности и нерасположенія Корфа къ Пушкину, намъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, отношенія между товарищами-лицеистами никогда близкими не были, не стали они близкими и въ зрѣломъ возрастѣ того и другого: если Корфъ не могъ снизойти до того, чтобы посвящать Пушкина въ болѣе интимныя свои переживанія, то и Пушкинъ, тонко всегда чувствовавшій людскія отношенія, конечно, учитывалъ характеръ отношеній къ нему Корфа, также не стремился, съ своей стороны, къ сближенію съ нимъ, поддерживая, однако, внѣшнія, корректныя по формѣ отношенія, привычныя между собой у товарищей-лицеистовъ: они были другъ съ другомъ на „ты" (какъ можно судить по ихъ письмамъ), встрѣчались на лицейскихъ годовщинахъ (1828-го, 1832-го, 1836 годовъ; см. Пушкинъ и современники, XIII, 47, 52, 60), изрѣдка обмѣнивались пись-

lib.pushkinskijdom.ru

мами, но больше по какому-либо постороннему поводу; и письма эти (ихъ мы знаемъ по два того и другого) по тону не обнаруживаютъ ни близости, ни желанія сближенія: Корфъ пишетъ Пушкину дѣловое письмо, прося его устроить работу для одного изъ своихъ протеже (И. М. Бакунина; см. Гастфрейндъ, ук. соч., стр. 488) при „Библіотекѣ для Чтенія“, издававшейся Смирдинымъ (письмо отъ іюля 1833 г.—Переп. Пушк.—у Саит. III, 28, № 729); на это Пушкинъ въ томъ же тонѣ отвѣчаетъ, что онъ просьбу Корфа исполнилъ (письмо того же времени—у Саит. III, 29, № 730); въ другой разъ М. А. Корфъ, услыхавъ, что Пушкинъ собираетъ матеріалы для исторіи Петра В., посылаетъ ему свою, давно (15 лѣтъ назадъ) собранную библіографію, сюда относящуюся, которая, по его словамъ, можетъ пригодиться Пушкину для его „великаго труда“ (13 окт. 1836 г.—у Саит. III, 382, № 1078); Пушкинъ, получивши эти матеріалы, немедленно благодаритъ Корфа, отвѣчая на его комплиментъ комплиментомъ же: „жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка“ (14 окт. 1836—у Саит. III, 383, № 1079).

Кто былъ „второй Корфъ“, мы не можемъ сказать съ полной увѣренностью, не имѣя въ рукахъ болѣе точныхъ данныхъ: возможно, что это былъ младшій братъ предыдущаго, баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Корфъ, состоявшій въ это время въ званіи камеръ-юнкера столоначальникомъ Департамента разныхъ податей и сборовъ (Мѣсяцесловъ и Общій штатъ Россійской Имперіи на 1834 годъ; стр. 24). Но возможно также, что это какой-нибудь другой представитель довольно многочисленнаго рода Корфовъ.

М. С.

Стр. 50 (29). Вольховскій (пишется также—неправильно—Вальховскій) Владимиръ Дмитріевичъ (1798—1841), изъ небогатыхъ дворянъ Полтавской губ., лицейскій товарищъ Пушкина, одного съ нимъ выпуска. Въ Лицей поступилъ онъ изъ „отличнѣйшихъ“ воспитанниковъ Московскаго Университетскаго пансіона; въ Лицеѣ, не выдѣляясь особыми успѣхами первое время, онъ позднѣе обращалъ на себя вниманіе своей настойчивостью въ работѣ, выдержанностью, прилежаніемъ, а также странностями (налагалъ на себя добровольные посты, подражалъ Демосѳену, набиравшему въ ротъ камешки для выработки яснаго и отчетливаго произношенія, тренировалъ себя верхомъ на стулѣ, для выработки посадки при верховой ѣздѣ и т. п.); онъ слылъ среди товарищей-лицеистовъ подъ шутливыми прозвищами „Суворочки“ (онъ упорно готовился къ военной карьерѣ)

lib.pushkinskijdom.ru

и „Sapientia“ (за его трудолюбіе и успѣхи въ наукахъ), что̀ не мѣшало ему пользоваться среди нихъ уваженіемъ, сохранить по себѣ долгую память среди лицеистовъ послѣдующихъ поколѣній, хотя бы въ видѣ ряда анекдотовъ о немъ (см. Я. К. Гротъ, Переписка съ П. А. Плетневымъ, II, 363, письмо Я. К. Грота отъ 22. XI, 1844). Выпущенный (1817 г.) первымъ изъ Лицея, съ первой золотой медалью В-ій поступаетъ прямо въ гвардію, въ генеральный Штабъ, начинаетъ дѣлать быстро карьеру на военно-административномъ поприщѣ: въ 1820 г. какъ образованный штабной офицеръ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ топографическихъ съемкахъ въ окрестностяхъ Петербурга, подъ руководствомъ ученаго геодезиста Ф. Ф. Шуберта, который съ этихъ поръ помогаетъ ему по службѣ, и остается покровителемъ В-аго до самой его смерти (о немъ см. Гастфрейндъ, ук. соч., стр. 206). Въ томъ же 20-мъ году онъ участвуетъ въ дипломатической миссіи въ Бухару, сопровождавшейся научнымъ обслѣдованіемъ прилежащихъ русскихъ областей; въ 1821—1822 онъ съ гвардіей уже въ Витебской и Минской губ.; послѣ неудачной попытки перейти въ гражданскую службу, онъ въ 1825 г. опять въ отъѣздѣ—въ Аральской экспедиціи Берга. Тутъ чуть не оборвалась его блестящая карьера: привлеченный по дѣлу декабристовъ, онъ былъ арестованъ на Уралѣ и доставленъ въ Петербургъ къ допросу; но дѣло окончилось для него благополучно: хотя онъ и былъ членомъ Союза благоденствія, но ни активной роли, ни участія въ засѣданіяхъ не принималъ, занятый своими служебными дѣлами и разъѣздами; поэтому онъ былъ зачисленъ въ категорію лицъ, получившихъ свободу, хотя и оставленныхъ подъ наблюденіемъ. Затѣмъ все пошло попрежнему: въ 1826 г. мы видимъ В-го при Паскевичѣ на Кавказѣ, во время Персидской войны: здѣсь онъ играетъ видную роль въ штабѣ главнокомандующаго, участвуя въ военныхъ дѣлахъ и, затѣмъ, въ дипломатическихъ (1828): черезъ него идутъ переговоры съ шахомъ, ему поручается получить контрибуцію съ Персовъ, передавать подарки шаху и т. д. Въ это-то время съ нимъ видѣлся и Пушкинъ, бывши на Кавказѣ (1829 г.).

Свиданіе было короткое: и Вольховскій былъ занятъ по горло дѣлами, и Пушкинъ былъ мало удовлетворенъ своимъ здѣсь пребываніемъ, такъ какъ Паскевичъ ревниво не отпускалъ Пушкина (за нимъ былъ учрежденъ надзоръ) отъ себя, а знакомые и друзья Пушкина (Н. Н. Раевскій, М. И. Пущинъ и др.) также находились подъ надзоромъ властей (подробности о пребываніи Пушкина на Кавказѣ — см. у Н. Гастфрейнда: „Товарищи Пушкина по

lib.pushkinskijdom.ru

Царскосельск. лицею", I, СПб. 1911, стр. 68 и сл., гдѣ и вся литература о томъ же). Въ 1830 г. В-ій—въ Воронежѣ у отца, хлопочетъ объ отчисленіи его изъ Кавказской арміи: отношенія у него съ Паскевичемъ разстроились, совмѣстная служба стала невозможна, и потому въ 1831 г. мы видимъ В-аго уже начальникомъ бригады (это было пониженіемъ) въ Западномъ краѣ во время Польскаго возстанія, гдѣ онъ опять выдвигается, какъ опытный и храбрый офицеръ, но въ томъ же году, уже въ генеральскомъ чинѣ, онъ—опять уже на Кавка́зѣ въ качествѣ начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, гдѣ и остается до 1837 г.; въ этомъ году онъ перемѣщенъ опять въ Литву, вслѣдствіе доноса, сдѣланнаго на него и его начальника, барона Григ. Вл. Розена.

Въ 1839 г. кончается служебная карьера В-аго: онъ выходитъ въ отставку, поселяется въ деревнѣ (Изюмск. у., Харьковск. губ.), гдѣ вскорѣ и умираетъ (1841 г. 7 марта) (см. „О жизни генералъ-майора Вальховскаго" соч. брата его жены и товарища по Лицею Малиновскаго И. В., Харьк. 1844 г.; ср. Н. Гастфрейндъ, ук. соч., стр. 175 и сл.)

П. А. Плетневъ (отзывъ о книжкѣ И. В. Малиновскаго—въ „Современникѣ" 1845 г., т. XXXVII, или: Соч. II, 472—473) называетъ Вольховскаго „кроткимъ христіаниномъ въ душѣ, образованнѣйшимъ человѣкомъ и строгимъ стоикомъ въ жизни". Какъ къ товарищу по Лицею, при томъ внушавшему къ себѣ уваженіе своими не совсѣмъ обычными качествами, Пушкинъ относился къ нему съ уваженіемъ и позднѣе, а сверхъ того и дружески (судя по единственному извѣстному намъ письму его къ В-у—22 іюля 1835 г.—Саитовъ, Переписка Пушкина, № 919, т. II, 217). О немъ вспомнилъ Пушкинъ и въ „Лицейской годовщинѣ 1825 г." („19 октября"):

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою минервой,
Пускай опять Вольховскій будетъ перв | ый,

подтверждая этимъ приведенную выше характеристику. В. Д. В ій, повидимому, также сердечно и дружески относился къ Пушкину, который такъ вспоминаетъ о встрѣчѣ съ нимъ на Кавказѣ: (В-ій), „былъ запыленъ съ ногъ до головы, обросъ бородой, изнуренъ заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ" („Путешествіе въ Арзрумъ" (1835)—Соч. П-а, ред. Ефремова, V, 245. Наконецъ, въ 1835 г. (послѣ короткаго

lib.pushkinskijdom.ru

личнаго свиданія въ Петербургѣ 8 апр. 1834 г.) въ іюлѣ Пушкинъ пишетъ В. Д. В-ому, гдѣ онъ проситъ его, конечно, какъ человѣка съ вѣсомъ, за графа Забѣлу, высланнаго на службу въ Грузію, при чемъ пересылаетъ ему экземпляръ только что вышедшей „Исторія Пугачевскаго бунта", съ просьбой высказать о ней свое „драгоцѣнное" для автора мнѣніе. Было ли это мнѣніе сообщено Пушкину, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ такого рода просьба, вполнѣ естественно обращенная къ товарищу, „и образованнѣйшему человѣку", понятна и еще разъ подчеркиваетъ то уваженіе, которое питалъ къ Вольховскому Пушкинъ; самый тонъ письма Пушкина дружескій; но все же оно не даетъ права, какъ и все, что извѣстно объ ихъ отношеніяхъ, заключать объ особой близости въ послѣдующее время между лицейскими однокашниками. Повидимому, поэтъ и строгій, образованный, дѣловой, выдержанный и сдержанный службистъ, встрѣчаясь рѣдко и случайно, не могли сблизиться и, храня прежнія отношенія, начавшія слагаться еще въ Лицеѣ, каждый пошли своей дорогой.

М. С.

Стр. 51 (4). „Тетка", о которой императрица говорила Пушкину—Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), фрейлина высочайшаго двора, сестра тещи Пушкина Натальи Ивановны. Она пользовалась и при дворѣ, и въ обществѣ значительнымъ вліяніемъ. Къ своей племянницѣ, Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, она относилась съ особенной любовью и недаромъ называла ее, по словамъ императрицы, „своей пріемною дочерью". Лица, близкія къ семьѣ Пушкиныхъ (Арапова, Ол. Серг. Павлищева) свидѣтельствуютъ о той широкой матеріальной поддержкѣ, какую Загряжская оказывала Пушкинымъ, которая оплачивала дорогіе туалеты Натальи Николаевны, необходимые для ея выѣздовъ въ свѣтъ, и нерѣдко дѣлала ей цѣнные подарки. Самъ Пушкинъ въ минуту унынія, писалъ женѣ: 21 сентября 1835 г.: „У меня ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30.000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны" (Переписка, III, стр. 230). Загряжская руководила племянницей въ ея свѣтской жизни и поддерживала ее въ обществѣ своимъ авторитетомъ. Къ самому поэту она, въ противоположность своей сестрѣ, также относилась, повидимому, съ симпатіей, и Пушкинъ, въ свою очередь, высоко цѣнилъ ее и довѣрялъ ей. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ поручалъ свою жену теткѣ, прося ее „присмотрѣть" за неопытной молодой женщиной. „Благодари мою без-

lib.pushkinskijdom.ru

цѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей“ (21 октября 1833 г.; тамъ-же, стр. 54). Довѣряя житейскому уму и такту Екатерины Ивановны, Пушкинъ прибѣгалъ къ ея совѣту въ затруднительныхъ случаяхъ и посвящалъ ее во всѣ подробности своихъ домашнихъ и личныхъ дѣлъ; такъ, лѣтомъ 1834 года, когда онъ, измученный всякими непріятностями, собирался порвать съ Петербургомъ, Пушкинъ откровенно бесѣдовалъ съ ней о своемъ положеніи; „Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ,— писалъ онъ женѣ 11-го іюля,—я ей жаловался на свое житье-бытье, а она меня утѣшала“ (тамъ-же, стр. 152). Точно также весьма значительную роль она сыграла и въ ноябрѣ 1836 года, при первомъ столкновеніи Пушкина съ Дантесомъ; главнымъ образомъ благодаря ея вмѣшательству удалось аннулировать вызовъ, посланный Пушкинымъ Дантесу, и избѣгнуть предполагавшейся дуэли, устроивъ бракъ Дантеса съ влюбленной въ него Екатериной Николаевной Гончаровой (П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Петроградъ, 1916. Стр. 074—096). Однако, въ концѣ концовъ, Загряжская, подобно Жуковскому, благодаря своему вліянію на Пушкина и на его жену, противъ собственной воли, съиграла въ жизни поэта роковую роль: горячо любя свою племянницу, „sa fille d'adoption“, она не хотѣла разстаться съ нею, не хотѣла выпустить ее изъ Петербурга; а съ другой стороны, связанная съ придворнымъ міромъ, она, подобно Жуковскому, повидимому, считала наиболѣе подходящимъ средствомъ для устройства судьбы Пушкина—сближеніе его съ дворомъ и личное покровительство государя, требовавшее его присутствія въ Петербургѣ, изъ котораго самъ Пушкинъ инстинктивно стремился вырваться.

Стр. 51 (9—13). Графъ Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, съ 1845 года князь, съ 1852-го—свѣтлѣйшій, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-адъютантъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся и заслуженныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей первой половины XIX-го вѣка. Сынъ извѣстнаго дипломата, графа Семена Романовича Воронцова, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ русскимъ посломъ въ Англіи, Воронцовъ родился въ 1782 году и уже въ 1786-мъ, будучи четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ зачисленъ на службу „малолѣтнимъ капенармусомъ“ и вскорѣ затѣмъ произведенъ въ прапорщики. Получивъ въ Англіи тщательное и многостороннее образованіе, навсегда наложившее на него свой отпечатокъ, Ворон-

lib.pushkinskijdom.ru

цовъ въ 1801 году поступилъ на службу поручикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Съ 1803 года началась его боевая дѣятельность: командированный въ Закавказье, онъ принялъ участіе въ войнѣ съ персами подъ начальствомъ князя Циціанова; въ 1806—8 гг. участвовалъ въ Прусской кампаніи, при чемъ особенно отличился въ битвѣ при Фридландѣ, а въ 1809—11 гг. состоялъ въ дѣйствовавшей противъ турокъ арміи; въ 1812 году онъ былъ уже дивизіоннымъ командиромъ; въ битвѣ подъ Бородиномъ его дивизія находилась въ центрѣ боя и почти цѣликомъ была уничтожена при отраженіи французскихъ аттакъ, а самъ онъ былъ раненъ; оправившись отъ ранъ, онъ вернулся къ арміи и принялъ дѣятельное участіе въ заграничномъ походѣ 1813—14 гг., при чемъ въ битвѣ при Краонѣ 23 Февраля 1814 г. успѣшно дѣйствовалъ противъ самого Наполеона и получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ 1815—18 гг. Воронцовъ командовалъ русской оккупаціонной арміей во Франціи, при чемъ проявилъ большую заботливость о благосостояніи ввѣренныхъ ему войскъ. Въ 1820 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, а въ 1823-мъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабіи. Въ этихъ должностяхъ онъ широко проявилъ свои административныя способности и много содѣйствовалъ экономическому развитію края; подъ его управленіемъ особеннаго процвѣтанія достигла Одесса, въ качествѣ главнаго торговаго центра всей южной Россіи. Въ Турецкую кампанію 1828—29 гг. Воронцовъ оказалъ огромныя услуги арміи въ дѣлѣ снабженія ея провіантомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ и непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и принудилъ къ сдачѣ крѣпость Варну. Въ концѣ 1844 года императоръ Николай, недовольный положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ, назначилъ Воронцова главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ Кавказа, съ почти неограниченными полномочіями Потерпѣвъ неудачу въ Даргинскомъ походѣ 1845 года, когда ему приходилось исполнять планъ, выработанный въ Петербургѣ, Воронцовъ измѣнилъ систему дѣйствія противъ горцевъ; благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, въ 1848 году былъ покоренъ Дагестанъ и положено начало планомѣрному продвиженію русскихъ войскъ. Но, не ограничиваясь чисто-военными задачами, Воронцовъ успѣшно содѣйствовалъ мирному завоеванію Кавказа, стараясь привлечь къ русской власти симпатіи Кавказскихъ народностей, упорядочивая мѣстную жизнь, поддерживая и развивая промышленность и торговлю. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ своихъ начинаніяхъ Воронцовъ проявлялъ широкій

lib.pushkinskijdom.ru

государственный умъ, трезвость взгляда, энергію и настойчивость, благодаря чему эпоха его управленія Новороссіей и Кавказомъ отмѣчена несомнѣннымъ подъемомъ благосостоянія этихъ окрайнъ имперіи, а населеніе на мѣстахъ сохранило о немъ добрую память, какъ о просвѣщенномъ и благожелательномъ начальникѣ. Тяжелыя событія Восточной войны 1853—56 гг. застали Воронцова значительно одряхлѣвшимъ, уже не способнымъ справиться съ трудностями создавшейся обстановки и принудили его выйти въ отставку. Въ октябрѣ 1854 года онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1856 г., по случаю коронованія Александра II, Воронцовъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-фельдмаршала, а 6-го ноября того же года скончался заграницей. Въ честь его воздвигнуто два памятника: въ Одессѣ и Тифлисѣ.

Несмотря на видную и многостороннюю дѣятельность и на несомнѣнныя государственныя заслуги Воронцова, мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного изслѣдованія, посвященнаго этой безусловно крупной и талантливой личности. Самъ Воронцовъ оставилъ по себѣ лишь небольшую автобіографическую записку на англійскомъ языкѣ, да и та доведена лишь до конца 1812 года (см. Архивъ князя Воронцова, книга 37-я. М. 1891); но въ обширной перепискѣ его со многими выдающимися лицами его времени и въ воспоминаніяхъ современниковъ мы имѣемъ обширный матеріалъ для сужденія о Воронцовѣ, какъ о человѣкѣ и о государственномъ дѣятелѣ. Въ общемъ эти свидѣтельства складываются въ пользу Воронцова. Такъ, М. П. Щербининъ, много лѣтъ служившій при немъ въ Одессѣ и Тифлисѣ, отмѣчаетъ его „истинно-классическое образованіе", вынесенное имъ изъ Англіи, обиліе и разнообразіе его знаній, трудолюбіе—съ 7 часовъ утра Воронцовъ былъ уже за работой, — серьезное отношеніе къ дѣлу и интересъ къ нему, умѣніе всегда схватить его сущность, не останавливаясь на внѣшней формѣ, вдумчивость и проницательность, чувство долга, строгость къ самому себѣ и снисходительность къ другимъ и т. д.; особенно отмѣчаетъ Щербининъ дѣятельность Воронцова по борьбѣ съ голодомъ 1833 — 34 гг., а также указываетъ на то, что Воронцовъ былъ убѣжденнымъ противникомъ крѣпостного права и не скрывалъ своего взгляда на необходимость его уничтоженія въ интересахъ всего государства (Рус. Архивъ, 1876, III, стр. 285 и сл.). Такими же чертами рисуется Воронцовъ и въ воспоминаніяхъ князя А. М. Дондукова-Корсакова, состоявшаго при немъ адъютантомъ и личнымъ секретаремъ въ эпоху

lib.pushkinskijdom.ru

его Кавказской дѣятельности. Онъ также отмѣчаетъ необыкновенную работоспособность Воронцова, точность и аккуратность его въ дѣлахъ, энергію и настойчивость, а также его доступность, простоту въ обращеніи, мягкость и гуманность, отсутствіе всякаго формализма, даже прямую антипатію къ бюрократическому духу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрываетъ и отрицательныхъ сторонъ характера и міросозерцанія Воронцова: душевную сухость и холодность, скептическій и презрительный взглядъ на людей и на человѣческую природу вообще, скрытый подъ маской утонченной вѣжливости, ревнивое отношеніе къ своей власти, вслѣдствіе чего онъ не терпѣлъ противорѣчія или противодѣйствія своимъ рѣшеніямъ, себялюбіе, неискренность, граничившую съ двуличностью („Старина и Новизна", книга 5-я; СПб., 1902; стр. 119—154).

Весьма возможно, что въ этихъ отрицательныхъ свойствахъ характера Воронцова и заключается причина тѣхъ непріязненныхъ отношеній, которые установились между нимъ и Пушкинымъ. Впрочемъ, въ исторіи этихъ отношеній до сихъ поръ еще многое представляется неяснымъ. Когда Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (7 мая 1823 года), это назначеніе сейчасъ же было учтено друзьями Пушкина, какъ способъ улучшить его положеніе. 31 мая кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Москвы: „Говорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ? Непремѣнно надобно ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ точно хочетъ остепениться, а скука и досада—плохіе совѣтники;" а 1 іюня Тургеневъ сообщаетъ своему корреспонденту: „Я говорилъ съ Нессельроде и съ графомъ Воронцовымъ о Пушкинѣ. Онъ беретъ его къ себѣ отъ Инзова и будетъ употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту дастъ досугъ и силу развиться"; черезъ двѣ недѣли, 15 іюня, онъ, сообщивъ о своемъ разговорѣ съ Нессельроде о Пушкинѣ, пишетъ: „Я послѣ и самъ два раза говорилъ Воронцову, истолковалъ ему Пушкина и что нужно для его спасенія. Кажется, это пойдетъ на ладъ. Меценатъ, климатъ, море, историческія воспоминанія—все есть; за талантомъ дѣло не станетъ, лишь бы не захлебнулся"; а въ концѣ ноября онъ снова сообщаетъ: „Вчера писалъ я снова графу Воронцову и просилъ за Пушкина. Хоть ему и веселѣе въ Одессѣ, но жить труднѣе, ибо все дорого, а квартиры и стола нѣтъ, какъ у Инзова" (Остафьевскій Архивъ, II, стр. 327, 333, 368). Такимъ образомъ, вопросъ о переводѣ Пушкина въ Одессу былъ отчасти рѣшенъ уже въ Петербургѣ, при чемъ Воронцову было дано дру-

lib.pushkinskijdom.ru

жеское „истолкованіе“ Пушкина, и онъ, въ свою очередь, повидимому, обѣщалъ обратить на него вниманіе и отнестись къ нему съ должной бережностью. Казалось, обстоятельства складывались для Пушкина очень благопріятно и обѣщали создать болѣе подходящія условія для его внѣшней и внутренней жизни, чѣмъ тѣ, которыя окружали его въ Кишиневѣ; однако дальнѣйшій ходъ событій совершенно не оправдалъ надеждъ его друзей.

Пушкинъ, выпросивъ разрѣшеніе Инзова, подъ предлогомъ пользованія морскими ваннами, пріѣхалъ въ Одессу въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1823 г., еще до прибытія графа Воронцова. Вскорѣ послѣ прибытія послѣдняго, былъ рѣшенъ вопросъ о переводѣ Пушкина на службу въ Одессу, при чемъ инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала, повидимому, Воронцову, исполнявшему, очевидно, обѣщаніе, данное Тургеневу. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ письма самого Пушкина къ брату: „между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ“ (Переписка, I, стр. 75). Такимъ образомъ, завязывавшіяся между поэтомъ и его новымъ начальникомъ отношенія складывались какъ-будто бы благопріятно, и самъ Пушкинъ смотрѣлъ на свой переводъ въ Одессу, какъ на значительное улучшеніе своего положенія. Его письма къ друзьямъ свидѣтельствуютъ о его бодромъ и веселомъ настроеніи: Пушкинъ былъ доволенъ Одессой и новой „европейской“ обстановкой жизни, у него скоро завязались знакомства съ разнообразными представителями и представительницами Одесскаго общества, возникли новыя увлеченія... Еще 1 декабря 1823 г. онъ благодаритъ Тургенева за „дружеское попеченіе, которому [онъ] обязанъ перемѣною своей судьбы“ (ibid., 89). Даже еще позднѣе, 20 декабря онъ пишетъ кн. Вяземскому, что будущимъ лѣтомъ онъ надѣется быть въ Крыму, „куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мущинъ“: есть свѣдѣнія, что Воронцовъ проектировалъ провести часть лѣта 1824 года въ своемъ вновь пріобрѣтенномъ и устраиваемымъ имъ Крымскомъ имѣніи, и приглашалъ туда съ собою и нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ изъ числа своихъ Одесскихъ знакомыхъ и сослуживцевъ; въ число ихъ, очевидно, разсчитывалъ попасть и Пушкинъ (А. Л. Бертье-Делагардъ: „Память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ“. Пушк. и его соврем., вып. XVII—XVIII, стр. 83); расчеты эти, вѣроятно, основывались на томъ, что онъ, несмотря на свое субалтерное служебное положеніе, былъ принятъ въ домѣ Воронцовыхъ, на правахъ члена ихъ избраннаго

lib.pushkinskijdom.ru

общества, посѣщалъ ихъ обѣды, вечера, балы и т. д. Такимъ образомъ до самого конца 1823 года отношенія между Пушкинымъ и Воронцовымъ были вполнѣ корректныя, и ухудшеніе ихъ послѣдовало лишь въ началѣ слѣдующаго года. Обыкновенно біографы Пушкина объясняютъ его коренной разницей ихъ натуръ, incompatibilité d'esprit, которая рано или поздно должна была привести къ разрыву. На это есть прямыя указанія и у самого Пушкина: въ письмѣ къ Тургеневу отъ 14 іюля 1824 г., написанномъ имъ уже послѣ подачи прошенія объ отставкѣ, Пушкинъ пишетъ между прочимъ: „Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ; дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — Вандалъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое“ (Переписка, I, стр. 124). Весьма возможно, что самолюбивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проницательный Пушкинъ, чувствовалъ въ Воронцовѣ скрытое подъ оболочкой свѣтской вѣжливости презрѣніе къ людямъ и аристократическую надменность; Воронцовъ, не смотря на весь свой умъ, не чуждъ былъ многихъ слабостей, свойственныхъ самолюбивому и властному человѣку, о которыхъ говоритъ въ приведенной выше характеристикѣ и князь Дондуковъ-Корсаковъ: онъ любилъ почетъ, любилъ внѣшнія проявленія уваженія и даже лести, въ Одессѣ онъ окружилъ себя „маленькимъ дворомъ“, по выраженію Вигеля,—и гордая независимость Пушкина, его свободная манера держаться въ обществѣ могли не нравиться Воронцову, вызывать въ немъ чувство недоброжелательства по отношенію къ Пушкину, въ которомъ онъ, конечно, видѣлъ прежде всего мелкаго и притомъ опальнаго чиновника, а не геніальнаго поэта. Въ другомъ, полуофиціальномъ письмѣ Пушкина къ А. И. Казначееву, правителю канцеляріи Воронцова, написанномъ нѣсколько ранѣе, въ началѣ іюня 1824 г., звучитъ именно эта нота оскорбленнаго сознанія своего достоинства: „Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient promener parmi nous sa platitude et son baragouin“ (ibid., 115). Въ свою очередь, въ строгомъ и чинномъ домѣ Воронцовыхъ, въ которомъ господствовала англійская чопорность и англійскій cant, Пушкинъ, привыкшій къ Кишиневской свободѣ обращенія, чувствовалъ себя не по себѣ; такъ

lib.pushkinskijdom.ru

Липранди въ своихъ замѣткахъ о Пушкинѣ разсказываетъ, что онъ однажды обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у Воронцовыхъ и что послѣ обѣда, прошедшаго скучно и неоживленно, Пушкинъ, бывшій чрезвычайно сдержаннымъ и мрачнымъ, поспѣшилъ уйти и на вопросъ Липранди, куда онъ идетъ, отвѣтилъ: „Отдохнуть!—присовокупивъ,— это не обѣды Бологовскаго, Орлова...“ (Рус. Архивъ, 1866, стр. 1470).

Однако недружелюбное отношеніе Воронцова къ Пушкину обнаружилось не сразу: самъ Пушкинъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Тургеневу указываетъ, что эта перемѣна къ нему Воронцова произошла рѣзко и неожиданно, и что онъ началъ *вдругъ* обходиться съ нимъ съ открытымъ неуваженіемъ. Тотъ же Липранди указываетъ, что непосредственной причиной неудовольствія графа были эпиграммы Пушкина на нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ Воронцова, напр., на начальника отдѣленія его канцеляріи Артемьева, а также на нѣкоторыхъ дамъ Одесскаго общества, бывшихъ на балу у генералъ-губернатора; судя по началу одной изъ этихъ эпиграммъ, приводимому Липранди („Мадамъ Ризничъ съ римскимъ носомъ...“), онѣ, можетъ-быть, вовсе не принадлежали Пушкину и только были приписаны ему и въ качествѣ таковыхъ доведены до свѣдѣнія Воронцова, возбудивъ его неудовольствіе, которое онъ черезъ кого-то и выразилъ Пушкину (тамъ же, стр. 1477). Наконецъ, непріязненное отношеніе Воронцова могло быть возбуждено также и ухаживаніемъ Пушкина за его женою, извѣстной красавицей (объ этомъ см. ниже), за которою одновременно ухаживалъ и его другъ А. Н. Раевскій („Демонъ“), пользовавшійся, повидимому, извѣстной благосклонностью графини; по свидѣтельству Вигеля, этотъ „другъ“ сыгралъ по отношенію къ Пушкину коварную и двуличную роль: располагая полной довѣренностью Пушкина, онъ пользовался имъ для того, чтобы прикрыть свои отношенія къ графинѣ, возбуждая противъ Пушкина подозрительность Воронцова; объ этой интригѣ Раевскаго говоритъ и гр. П. И. Капнистъ, со словъ современниковъ, освѣдомленныхъ во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ (Рус. Старина, 1899, май, стр. 243).

Со своей стороны, Пушкинъ выразилъ свою антипатію къ Воронцову въ рѣзкихъ отзывахъ о немъ въ письмахъ къ друзьямъ, въ насмѣшливыхъ прозвищахъ, въ родѣ „лордъ Мидасъ“, „полумилордъ“ и др., и въ эпиграммахъ. Изъ нихъ извѣстно три: одна („Сказали разъ царю...“) написана по поводу словъ, будто бы сказанныхъ Воронцовымъ на парадномъ обѣдѣ, въ отвѣтъ на сообщеніе имп. Александра о томъ, что извѣстный испанскій патріотъ-

lib.pushkinskijdom.ru

революціонеръ Piero взятъ въ плѣнъ королевскими войсками: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!“ Эпиграмма эта заканчивается знаменитыми стихами, клеймящими льстецовъ и совѣтующими имъ по крайней мѣрѣ сохранять и „въ самой подлости оттѣнокъ благородства“. Другая эпиграмма: „Не знаю гдѣ, но не у насъ...“ не была вполнѣ отдѣлана и „заострена“ Пушкинымъ, но тѣмъ не менѣе Пушкинъ рѣшился ее напечатать (въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1828 годъ): въ ней Воронцовъ фигурируетъ подъ прозрачнымъ псевдонимомъ „Лорда Мидаса“. Наконецъ, въ еще болѣе рѣзкихъ, выраженіяхъ написана третья эпиграмма, существующая въ нѣсколькихъ различныхъ варіантахъ: изъ нихъ наиболѣе авторитетнымъ долженъ быть признанъ текстъ, сообщенный самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 10 октября 1824 г.:

Полу-герой, полу-невѣжда,
Къ тому жъ еще полу-подлецъ!..
Но тутъ однакожъ есть надежда,
Что полный будетъ наконецъ.

Необычайная для Пушкина рѣзкость тона явно свидѣтельствуетъ о степени овладѣвшаго имъ негодованія. Повидимому, эпиграмма эта была написана имъ уже въ то время, когда опредѣлился окончательно разрывъ съ Воронцовымъ. По отношенію къ Пушкину Воронцовъ, дѣйствительно, поступилъ такъ, что вполнѣ заслужилъ данную ему поэтомъ квалификацію. Очевидно, онъ рѣшился во что бы то ни стало отдѣлаться отъ ставшаго ему ненавистнымъ непокорнаго чиновника и прибѣгъ для этого къ наиболѣе испытанному и вѣрному средству—къ доносу. Слухи о томъ, что Пушкину угрожаютъ какія-то непріятности, въ связи съ его неосторожными словесными и письменными выходками, уже довольно рано дошли до его друзей. Еще въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1824 г. Вяземскій писалъ ему въ видѣ предостереженія: „сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ... Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ... да къ тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова“ (Переписка, I, 103—104). Но дружеское это предостереженіе запоздало: еще въ первой половинѣ марта на Московской почтѣ было перехвачено письмо Пушкина къ неизвѣстному лицу (можетъ быть, къ тому же Вяземскому), въ которомъ онъ говоритъ, что „беретъ уроки чистаго Аѳеизма“ у англичанина-философа, написавшаго какой-то большой трактатъ, въ которомъ онъ стремился доказать „qu'il ne peut existre d'être

lib.pushkinskijdom.ru

intelligent créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная,—прибавляетъ Пушкинъ,—какъ обыкновенно думаютъ, но, къ нещастію болѣе всего правдоподобная" (тамъ же, стр. 103). Письмо это сыграло значительную и печальную роль въ ухудшеніи судьбы Пушкина, тѣмъ болѣе, что оно какъ разъ совпало съ офиціальнымъ выступленіемъ противъ него графа Воронцова. 28 марта 1824 года послѣдній написалъ графу Нессельроде, въ вѣдѣніи котораго Пушкинъ все время состоялъ, обширное письмо, составленное въ осторожныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ и вытекающее какъ будто изъ самыхъ чистыхъ побужденій, направленныхъ на пользу самого Пушкина, „молодого человѣка не лишеннаго дарованій, недостатки котораго происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца"; исходя изъ этихъ соображеній, Воронцовъ проситъ Нессельроде оказать Пушкину „лучшую услугу"—удалить его изъ Одессы, гдѣ ему кружатъ голову его восторженные поклонники, увѣряя его, что онъ замѣчательный писатель „между тѣмъ, какъ онъ въ сущности только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона" (qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très-peu recommendable—Lord Byron); вотъ почему, по мнѣнію Воронцова, Пушкина слѣдуетъ удалить изъ Одессы и притомъ не въ Кишиневъ, куда не перестанутъ ѣздить къ нему его поклонники, и гдѣ онъ найдетъ въ молодыхъ молдавскихъ боярахъ и въ молодыхъ грекахъ немало дурныхъ примѣровъ, а куда-нибудь въ болѣе далекую губернію, „гдѣ онъ избавится отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей" (П. Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПб., 1874; стр. 259). Еще не получивъ отвѣта отъ Нессельроде на это письмо, Воронцовъ пользуется слѣдующимъ представившимся случаемъ, для того, чтобы снова напомнить ему о Пушкинѣ: въ письмѣ отъ 2 мая 1824 г., недавно опубликованномъ Н. О. Лернеромъ, Воронцовъ, сообщая министру о прибытіи въ Молдавію греческихъ выходцевъ, къ которымъ русское правительство относилось подозрительно и недоброжелательно, какъ къ опаснымъ революціонерамъ и за которыми установлено было особое секретное наблюденіе, счелъ необходимымъ присовокупить: „à propos de cela je répète ma prière—délivrez moi de Pouchkin: cela peut être un excellent garçon et un bon poète, mais je ne voudrais pas l'avoir plus longtemps ni à Odessa, ni à Kichineff" (Пушкинъ и его современники. Вып. XVI, стр. 68). 22 мая Воронцовъ предписалъ Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кину, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками, отправиться въ уѣзды, гдѣ появилась саранча, для собиранія свѣдѣній о ней и о мѣрахъ къ ея истребленію. Весьма возможно, что со стороны Воронцова эта командировка являлась средствомъ уязвить гордость Пушкина, поставить его на одну доску съ прочими младшими чиновниками его канцеляріи, его номинальными сослуживцами: по крайней мѣрѣ, такъ истолковалъ себѣ намѣренія графа самъ Пушкинъ. Это побудило его обратиться къ своему ближайшему начальнику А. И. Казначееву съ письмомъ (сохранившимся лишь въ двухъ черновыхъ редакціяхъ), въ которомъ онъ пытался уклониться отъ исполненія возложеннаго на него порученія. Повидимому, Казначеевъ, относившійся къ Пушкину очень благожелательно, убѣдилъ его отказаться отъ своего намѣренія, и Пушкинъ дѣйствительно отправился въ командировку, получивъ на путевыя издержки 400 р. ассигнаціями. Вернулся онъ изъ своей поѣздки 31-го мая, судя по публикаціи въ „Journal d'Odessa", въ номерѣ отъ 2 іюня (Лернеръ. „Дѣла и дни Пушкина". 2-е изд., стр. 98). Что касается до приписаннаго Пушкину стихотворнаго отчета о своей командировкѣ („Саранча летѣла, летѣла..." и т. д.), то онъ, повидимому, является апокрифичнымъ: по крайней мѣрѣ, ни его, ни какого другого отчета Пушкина не сохранилось въ дѣлахъ генералъ-губернаторской канцеляріи, хотя въ нихъ имѣется нѣсколько рапортовъ другихъ чиновниковъ, посланныхъ одновременно съ Пушкинымъ съ тѣмъ же порученіемъ (см. „Замѣтки" А. И. Маркевича въ III-мъ вып. „Пушкинъ и его современники", стр. 102). Возвратившись изъ командировки, Пушкинъ снова обращается къ Казначееву съ письмомъ, служащимъ, очевидно, отвѣтомъ на увѣщанія послѣдняго не порывать съ Воронцовымъ, чтобы не лишиться его „дружбы" и „покровительства". Эти слова, повидимому, задѣли Пушкина за живое. „Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatible. Je ne puis, ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection; rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'éstime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui" (Переписка, I, стр. 114), Почти одновременно Пушкинъ писалъ своему другу Вяземскому: На „Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ, а меценатство вышло изъ моды. Никто изъ насъ не захочетъ великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима" (тамъ

lib.pushkinskijdom.ru

же, стр. 115). Весьма возможно, что именно о Воронцовѣ Пушкинъ думалъ и тогда, когда, много лѣтъ спустя, писалъ въ 1-ой главѣ своихъ „Египетскихъ Ночей“: „Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ: наши поэты—сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ,— тѣмъ хуже для нихъ“ (Соч. П-на, подъ редакціей П. О. Морозова, т. V, стр. 554).

8 іюля состоялось высочайшее повелѣніе объ увольненіи Пушкина со службы и о высылкѣ его изъ Одессы въ Псковскую губернію, съ отдачей подъ гласный надзоръ мѣстнаго начальства. 11-го іюля графъ Нессельроде сообщалъ объ этомъ повеленіи Воронцову, а 30 іюля Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы, направляясь „въ далекій сѣверный уѣздъ“. Крутыя мѣры, принятыя правительствомъ по отношенію къ Пушкину, глубоко возмутили его друзей. Когда слухъ о новой ссылкѣ поэта дошелъ до князя Вяземскаго, то онъ въ письмѣ къ Тургеневу назвалъ эту мѣру „безчеловѣчнымъ убійствомъ“ (Остафьевскій Архивъ, III, стр. 74); а 28-го сентября баронъ Дельвигъ писалъ Пушкину: „я не видалъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали“ (Переписка, I, стр. 133). Самъ Пушкинъ сохранилъ навсегда по отношенію къ Воронцову непріязненное чувство, которое онъ не скрывалъ въ своихъ рѣзкихъ отзывахъ о Воронцовѣ, напр., въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ села Михайловскаго (конецъ апрѣля или начало мая 1825 г.; Переписка, I, стр. 227); тамъ же, въ Михайловскомъ написанъ имъ и набросокъ, представляющій собой воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I, въ которомъ онъ даетъ рѣзкую характеристику Воронцова, оттѣняя отрицательныя черты его характера, при помощи сопоставленія его съ Инзовымъ: „Генералъ Инзовъ—добрый и почтенный старикъ; онъ русскій въ душѣ; онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то уже давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ; и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ...“ (Сочиненія П-на, подъ ред. П. О. Морозова. Т. VI, стр. 456). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько справедливо это рѣзко отрицательное сужденіе Пушкина о Воронцовѣ, противорѣчащее многимъ другимъ свѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

дѣніямъ о немъ и о его характерѣ, мы можемъ только сказать, что свою антипатію къ нему Пушкинъ сохранилъ, повидимому, до конца своихъ дней, и это чувство явно просвѣчиваетъ и въ лаконической записи его „Дневника".

Стр. 51 (10). Котляревскій Петръ Степановичъ (1782—1852), извѣстный боевой генералъ, покоритель Закавказья. Съ 1796 года онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ персовъ. Отличаясь исключительной личной храбростью, энергіей и предпріимчивостью, онъ еще въ молодыхъ годахъ обратилъ на себя вниманіе своими военными подвигами, пріобрѣлъ довѣріе и любовь солдатъ, благодаря чему ему удавались самыя рискованныя военныя предпріятія. Мягкій и добродушный въ личныхъ отношеніяхъ, Котляревскій, по убѣжденію, на войнѣ не останавливался ни передъ какой жестокостью, такъ что самое имя его наводило на враговъ панический ужасъ. Однимъ изъ наиболѣе славныхъ подвиговъ его было взятіе штурмомъ сильной персидской крѣпости Ленкорана (31 дек. 1812 г.), защищаемой гарнизономъ втрое болѣе многочисленныхъ, чѣмъ отрядъ самого Котляревскаго. Результатомъ этой побѣды былъ выгодный для Россіи Гюлистанскій миръ, закончившій многолѣтнюю войну съ Персіей и отдавшій въ обладаніе Россіи значительную часть Закавказья. Однако тяжелыя раны, полученныя Котляревскимъ при штурмѣ, такъ подорвали его здоровье, что онъ, послѣ тщетныхъ попытокъ излѣчиться, принужденъ былъ оставить военную службу и поселиться въ пріобрѣтенномъ имъ небольшомъ имѣніи близъ Бахмута, гдѣ онъ и прожилъ всю остальную жизнь въ скромномъ уединеніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Біографическій очеркъ его написанъ гр. В. А. Сологубомъ (Тифлисъ, 1854). Пушкинъ упоминаетъ Котляревскаго въ эпилогѣ „Кавказскаго Плѣнника":

Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...

Что касается до письма Котляревскаго, по которому „Воронцову вымыли голову", то таковое намъ неизвѣстно. Существуетъ

lib.pushkinskijdom.ru

одно письмо Котляревскаго къ Бенкендорфу по поводу неурожая, постигшаго южныя губерніи: въ этомъ письмѣ Котляревскій, дѣйствительно, жалуется на то, что мѣстныя власти недостаточно энергично борятся съ народнымъ бѣдствіемъ (Рус. Архивъ, 1876, III, стр. 203—204); однако письмо это при печатаніи отнесено къ 1839 году (можетъ быть, ошибочно?) и не имѣетъ прямого отношенія къ Воронцову. Къ тому же, насколько мы знаемъ, Воронцовъ, наоборотъ, проявилъ значительную энергію въ дѣлѣ помощи голодающему населенію, что и вмѣнено ему въ особенную заслугу въ рескриптѣ отъ 10 августа 1834 года (Сѣв. Пчела, 1834, № 203).

Стр. 51 (*13*). „О. Н.“—Ольга Станиславовна Нарышкина (1802—1861) дочь генералъ-аншефа графа Станислава Щенснаго-Потоцкаго и красавицы-гречанки (la belle Phanariote), купленной въ Константинополѣ польскимъ посланникомъ и бывшей въ первомъ бракѣ за ген. Виттомъ. Въ 1823 году она вышла замужъ за генералъ-майора Льва Александровича Нарышкина. Согласно тогдашней молвѣ, этому браку предшествовалъ у нея романъ съ П. Д. Киселевымъ, который былъ съ 1821 г. женатъ на ея старшей сестрѣ Софьѣ (см. объ этомъ прозрачные намеки въ Запискахъ Вигеля, ч. VI, стр. 127; а также къ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ; т. I, стр, 174). Послѣ брака, Нарышкины поселились въ Одессѣ, гдѣ вели широкій и роскошный образъ жизни. Н. Н. Мурзакевичъ называетъ Нарышкина „аристократическимъ свѣтиломъ Одесскаго горизонта“ и говоритъ, что „его изящный домъ, парадные обѣды и богатые балы привлекали поклонниковъ и искателей“; самого Нарышкина Мурзакевичъ называетъ „богатымъ и тщеславнымъ бариномъ, добрымъ, но взбалмошнымъ“ (Рус. Старина, 1887, февр., стр. 286). Вигель даетъ слѣдующій портретъ ея, относящійся къ началу 20-хъ годовъ: „Красота ея была тогда во всемъ своемъ блескѣ, но въ ней не было ничего дѣвственнаго, трогательнаго. Она была довольно молчалива, не горда, но и не внимательна съ тѣми, къ кому не имѣла нужды, не столько задумчива, какъ разсѣянна, и въ самой первой молодости казалась уже вооруженной большою опытностью. Все было разочтено, и стрѣлы кокетства берегла она для пораженія сильныхъ“ (Записки, ч. VI, стр. 127). Бракъ Ольги Станиславовны съ Нарышкинымъ не былъ счастливъ. Когда въ серединѣ 30-хъ годовъ въ Одессѣ поселилась тетка Нарышкина, знаменитая красавица Марія Антоновна, слабовольный Нарышкинъ вполнѣ подчинился ей. Въ перепискѣ гр. М. С. Ворон-

lib.pushkinskijdom.ru

цова съ П. Д. Киселевымъ корреспонденты очень часто касаются семейныхъ отношеній Нарышкиныхъ, съ которыми они оба состояли въ родствѣ,—Киселевъ, какъ мужъ сестры Нарышкиной, а Воронцовъ, какъ двоюродный братъ ея мужа. Въ своихъ сужденіяхъ о причинахъ семейнаго разлада Нарышкиныхъ и тотъ, и другой всецѣло становятся на сторону Ольги Станиславовны, во всемъ обвиняя Марію Антоновну, „l'éternelle tante", которую Воронцовъ не стѣсняется называть „vieille et méchante sorcière" (Архивъ князя Воронцова Книга XXXVIII. М. 1892. Стр. 23, 24, 35, 116, 119). Что касается до отношеній самого Воронцова къ Ольгѣ Станиславовнѣ, то мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы судить, насколько справедливы были ходившіе о нихъ въ обществѣ слухи, о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ въ дневникѣ.

Отъ брака съ Нарышкинымъ у Ольги Станиславовны была одна только дочь Софья (Sophka), вышедшая замужъ за графа П. П. Шувалова, въ домѣ котораго она, потерявъ мужа въ 1846 году, проживала (Записки графа Н. Е. Комаровскаго. М. 1912, стр. 73). Въ концѣ жизни она поселилась въ Парижѣ, гдѣ ея постояннымъ посѣтителемъ былъ графъ Киселевъ, русскій посолъ при Тюльерійскомъ дворѣ; тамъ же она и скончалась въ 1861 году; похоронена она на кладбищѣ Père-Lachaise (Вел. князь Николай Михайловичъ. Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I, стр. 61).

Стр. 51 (13). „Графиня В."—конечно, графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792—1880), жена графа Михаила Семеновича, урожденная графиня Браницкая, вышедшая за него замужъ въ 1819 году. Вигель даетъ въ своихъ Запискахъ слѣдующую характеристику ея, относящуюся къ серединѣ 20-хъ годовъ: „Ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другимъ могъ бы надоѣсть свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Съ врожденнымъ польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода она была душою, молода и наружностью. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь; улыбка ея устъ, которой подобной я не видывалъ, такъ и призываетъ поцѣлуй" (Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. VI, стр. 84). Графъ Сологубъ, знавшій ее много лѣтъ спустя, въ ея пожилые

lib.pushkinskijdom.ru

годы, также отзывается о ней почти восторженно: „Елизавета Ксаверіевна была одной изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ Воронцову“ (Воспоминанія. СПб., 1887, стр. 233).

Въ отношеніяхъ, существовавшихъ между Пушкинымъ и гр. Воронцовой, до сихъ поръ еще много неяснаго. Повидимому, Пушкинъ былъ серьезно увлеченъ красавицей-графиней, которая внушила ему глубокое и нѣжное чувство, рѣзко отличавшееся отъ пламенной, чисто „земной“ страсти, которую онъ питалъ къ г-жѣ Ризничъ, Въ такъ называемомъ „Донъ-Жуанскомъ спискѣ“ Пушкина имя Воронцовой („Элиза“) стоитъ между именами Ризничъ („Амалія“) и Вульфъ („Евпраксія“). Объ этомъ увлеченіи Пушкина гр. Воронцовой сохранились лишь немногія и разрозненныя свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ Пушкину лицъ, напр., кн. В. Ѳ. Вяземской, проживавшей въ Одессѣ какъ-разъ лѣтомъ 1824 года, С. А. Соболевскаго, Арк. Ос. Россета и нѣк. др.; но всѣ эти сообщенія не даютъ ничего опредѣленнаго. Повидимому, Воронцова довольно благосклонно относилась къ влюбленному въ нее поэту, принимала его ухаживанія,—но и только, такъ какъ сама въ это время была увлечена А. Н. Раевскимъ, сыгравшимъ въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ своему другу коварную и двуличную роль (см. объ этомъ ниже). Поэтому вполнѣ правъ М. О. Гершензонъ, отвергающій существованіе какой-либо болѣе интимной связи между Пушкинымъ и Воронцовой, въ статьѣ, посвященной выясненію ихъ взаимныхъ отношеній (Вѣст. Европы, 1909, февр., стр. 539). Точно такъ же, повидимому, не было между ними и переписки, о которой сообщала сестра поэта Ольга Сергѣевна и Соболевскій, выражавшій впослѣдствіи П. И. Бартеневу сожалѣніе, что онъ въ свое время не воспользовался случаемъ получить отъ гр. Воронцовой письма Пушкина (Рус. Архивъ, 1912, дек., 572).

Любовь Пушкина къ гр. Е. К. Воронцовой нашла себѣ отраженіе и въ его поэтическомъ творчествѣ. Предполагаютъ, что нѣкоторыя черты ея личности перенесены Пушкинымъ на его любимую героиню—Татьяну (Н. Ѳ. Лернеръ, въ Сочин. П-на, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 276 и т. IV, стр. XXVI); однако такое предположеніе едва ли основательно, хотя и опирается на авторитетъ А. Н. Раевскаго, назвавшаго въ одномъ письмѣ къ Пушкину

lib.pushkinskijdom.ru

графиню Воронцову—Татьяной, съ явнымъ намекомъ на Пушкинскую героиню (Переписка, I, стр. 127). Кромѣ того, біографы связываютъ имя гр. Воронцовой съ двумя стихотвореніями Пушкина: съ его „Ангеломъ“ („Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный...“) и съ знаменитымъ „Талисманомъ“. Въ первомъ изъ нихъ видятъ не только изображеніе личности Воронцовой, но и опредѣленный намекъ на ея отношенія къ А. Раевскому („демонъ мрачный и мятежный“). Второе стихотвореніе, написанное значительно позднѣе, въ 1827 году, связано съ перстнемъ, по преданію, подаренномъ будто бы поэту Воронцовой. Преданіе этой имѣетъ за собою опредѣленное свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго, относящееся еще къ 1838 году (Сочиненія, IX, стр. 186); однако самое содержаніе стихотворенія Пушкина совершенно не вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ поэта и любимой имъ женщины, а строить какія-либо предположенія, исходя изъ данныхъ самого стихотворенія совершенно невозможно. Въ Пушкинскомъ „Талисманѣ“ мы имѣемъ передъ собою то, что нѣмецкіе теоретики называютъ Rollen-Lyrik (въ противоположность — Ich-Lyrik). Поэтъ какъ бы беретъ на себя какую-либо опредѣленную роль, проникается какимъ-либо чужимъ чувствомъ или настроеніемъ, словно перевоплощается въ моментъ поэтическаго творчества. Такъ и въ данномъ стихотвореніи; оно принадлежитъ къ числу піесъ Пушкина, навѣянныхъ впечатлѣніями „Востока“, поскольку могъ съ нимъ познакомиться Пушкинъ на югѣ Россіи,—на немъ лежитъ строго выдержанный „восточный“ колоритъ, хотя, можетъ-быть, и нѣсколько условный; поэтъ какъ бы ставитъ себя въ положеніе молодого мусульманина, которому его любовница - „волшебница“, въ минуту роковой разлуки, въ тишинѣ гарема, вручаетъ таинственный „талисманъ“: „...богатствами Востока онъ тебя не одаритъ, и поклонниковъ Пророка онъ тебѣ не покоритъ“,—говоритъ ему любимая женщина,—но зато — „отъ сердечныхъ новыхъ ранъ, отъ измѣны, отъ забвенья сохранитъ мой талисманъ“. На восточный характеръ стиля и композиціи Пушкинской піесы обратилъ вниманіе еще Л. И. Поливановъ, отмѣтившій въ ней антитезы и параллелизмъ въ расположеніи мыслей, однобразное окончаніе строфъ, придающее мелодіи стиха монотонный характеръ восточной музыки и нѣкоторыя другія особенности (Сочиненія Пушкина, т. I, изд. 3-е, стр. 242).

Стр. 51 (19—23), „Манускрипты“, предлагавшіеся Свиньинымъ для покупки Академіи Наукъ, входили въ составъ его „Рус-

lib.pushkinskijdom.ru

скаго Музеума," который онъ, вслѣдствіе своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, принужденъ былъ распродать съ аукціона. Свое собраніе, довольно многочисленное и разнообразное, Свиньинъ (о немъ см. выше, стр. 314—318) составилъ во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по Россіи. Въ 1829 году имъ. была издана „Краткая опись предметовъ, составляющихъ Русскій Музеумъ Павла Свиньина" (СПб., 1829). Въ составъ его входили слѣдующіе отдѣлы: 1) картины и рисунки русскихъ художниковъ; 2) произведенія скульптуры; 3) миніатюры; 4) старинное серебро; 5) минцъ-кабинетъ; 6) собраніе минераловъ; 7) библіотека и рукописи. На ряду съ вещами, имѣющими лишь интересъ курьеза, въ родѣ чепчика, сдѣланнаго изъ паутины, и предметами, вызывающими справедливое сомнѣніе въ своей автентичности, каковы „ковшъ Бор. Годунова" или „часы боярина Матвѣева", собраніе Свиньина заключало въ себѣ немало предметовъ высокой исторической и художественный цѣнности, въ особенности среди произведеній живописи и рукописей. Несомнѣнная заслуга Свиньина заключалась въ томъ, что онъ первый заговорилъ о „русской школѣ" въ живописи и первый сталъ собирать произведенія русскихъ художниковъ,—быть можетъ, иногда, благодаря отсутствію у него тонко развитаго вкуса и благодаря своей обычной склонности преувеличивать все отечественное, впадая въ ошибку при опредѣленіи дѣйствительной художественной цѣны собранныхъ имъ произведеній. Въ предисловіи къ своей „Краткой описи" Свиньинъ между прочимъ пишетъ: „Изслѣдуя безпристрастно степень успѣховъ нашихъ въ художествахъ, я нашелъ основательныя причины думать, что есть возможность составить Русскую Школу, если употребить стараніе пріобрѣтать тѣ произведенія русскихъ художниковъ, кои совершены ими въ первыхъ порывахъ огня и честолюбія,—въ порывахъ, скоро погашенныхъ равнодушіемъ ихъ соотечественниковъ, скоро убитыхъ пристрастіемъ нашимъ къ иноземному. Предпріятіе весьма трудное, требующее не только денегъ, но необыкновенныхъ способовъ, глубокаго изученія, однако удобоисполнимое; ибо, несмотря на малое время и невозможность употребить большой капиталъ, я уже имѣю такія произведенія живописи и скульптуры, что не стыдно поставить ихъ между произведеніями лучшихъ мастеровъ всѣхъ извѣстныхъ школъ, что они не затмились бы въ первѣйшихъ галлереяхъ". Собраніе картинъ Свиньина заключало въ себѣ 82 произведенія художниковъ: Венеціанова, Егорова, Шебуева, Анд. Матвѣева (Петръ Вел. на смертномъ одрѣ), Щедрина, Лосенкова, Зеленцова и др. Въ отдѣлѣ рукописей

lib.pushkinskijdom.ru

находились древнія грамоты XIV—XV стол., „куранты“ царя Ѳеодора Алексѣевича, письма имп. Екатерины, Суворова, Фонвизина, рукописи Ломоносова, Исторія царствованія Екатерины II, съ своеручными замѣтками кн. Дашковой и т. д. Передъ аукціономъ Свиньинскаго „Музеума“ была устроена его публичная выставка „въ залѣ Косморамы г-на Палацци, на углу Бол. Морской и Кирпичнаго пер.“; описаніе этой выставки было помѣщено въ Сѣв. Пчелѣ, 1834 г., №№ 51, 52 и 53, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о Русскомъ Музеумѣ“, при чемъ авторъ статьи, сообщая о томъ, что на 2-й недѣлѣ Великаго поста откроется аукціонная продажа собранныхъ въ Музеумѣ рѣдкостей, выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что „не сыскалось ни одного любителя изящнаго, для пріобрѣтенія сего единственнаго собранія, долженствовавшаго послужить камнемъ основанія Отечественнаго Музеума“. 31 марта 1834 г. К. Я. Булгаковъ писалъ своему брату: „Аукціонъ Музея Свиньина начался. Множество всякій день тамъ бываетъ, и довольно дорого продается. Я не хожу, и потому что некогда, да и чтобъ не соблазняться“ (Рус. Архивъ, 1904, т. I, стр. 416). Однако, судя по замѣткѣ въ Сѣв. Пчелѣ № 87 отъ 17 апрѣля, продажа вещей на аукціонѣ шла довольно вяло, отчасти потому, что время для аукціона было выбрано неудобное, съ двухъ до семи часовъ: „въ Петербургѣ въ четыре часа обѣдаютъ, и потому всѣ почти въ половинѣ аукціона уходятъ“. Несмотря на сомнѣніе, выраженное Уваровымъ относительно подлинности предлагаемыхъ для продажи рукописей, сомнѣніе, весьма характерное для установившейся за Свиньинымъ репутаціи,—все-таки собранныя имъ рукописи, а также нѣкоторыя рѣдкія изданія и вещи (напр., мозаичный портретъ Петра Вел. работы Ломоносова) были пріобрѣтены Академіей.

Стр. 51 (26). Графъ Строгановъ, Григорій Александровичъ (1770—1857), сынъ барона Александра Николаевича Строганова и Елизаветы Александровны, урожденной Загряжской, тетки Натальи Ивановны Гончаровой, матери Н. Н. Пушкиной. Получивъ тщательное домашнее образованіе, подъ руководствомъ опытнаго француза-гувернера, де-Мишеля, онъ, для завершенія образованія былъ отправленъ въ 1786 г. заграницу, вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ и его воспитателемъ Роммомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ дѣятелемъ французской революціи. Впрочемъ, въ апрѣлѣ 1789 г. молодой Строгановъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца и долженъ былъ вернуться въ Россію. Зачисленный еще въ отро-

lib.pushkinskijdom.ru

чествѣ въ гвардію, Строгановъ нѣсколько лѣтъ прослужилъ на военной службѣ, но вскорѣ послѣ вступленія на престолъ имп. Павла перешелъ на гражданскую и былъ опредѣленъ членомъ Бергъ-Коллегіи, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные камергеры. Съ 1805 года начинается его дипломатическая служба, сперва въ Испаніи, гдѣ онъ состоялъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ (до 1810 г.), затѣмъ въ Стокгольмѣ съ 1812 по 1816 годъ и наконецъ въ Константинополѣ, съ 1816 по 1822 годъ. Въ 1826 г. онъ съ нисходящимъ потомствомъ, былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. (Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т. V, № 30).

Въ молодости Строгановъ отличался своей красотою и пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ; слава его донъ-жуанскихъ подвиговъ была настолько велика, что Байронъ даже увѣковѣчилъ его въ своей знаменитой поэмѣ: донна-Джулія, доказывая передъ своимъ ревнивымъ мужемъ безупречность своего поведенія, и перечисляя своихъ поклонниковъ, называетъ среди нихъ и Строганова и вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу, что она устояла противъ его обольщенія, „заставила его напрасно страдать“ („The Count Strongstroganoff [sic!] J put in pain...“—Don Juan, canto I, CXLIX; фамилія „Строгановъ“ вообще почему-то не далась Байрону, и онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ее—Strongenoff: canto VII, XV). Во время своего пребыванія въ Испаніи, Строгановъ, уже будучи женатъ на княжнѣ А. С. Трубецкой, увлекся португальской графиней да-Ега, урожденной д'Альмейда, графиней д'Оейнгаузенъ, которая послѣдовала за нимъ въ Россію; отъ нея у него была дочь Идалія Григорьевна Обортей, вышедшая замужъ за кавалергардскаго полковника А. М. Полетику; эта Идалія Полетика, ненавидѣвшая Пушкина, сыграла довольно гнусную роль въ семейномъ дѣлѣ Пушкиныхъ, приведшемъ къ роковой дуэли: въ ея квартирѣ произошло таинственное свиданіе Дантеса съ Н. Н. Пушкиной, послѣ котораго были разосланы по городу извѣстныя анонимныя письма (см. статью А. П. Араповой въ „Новомъ времени“, 2 янв. 1908 г., № 11425).

Графиня А. Д. Блудова слѣдующимъ образомъ характеризуетъ графа Строганова, какъ человѣка и какъ дипломата: „Въ немъ, какъ во многихъ вельможахъ, выросшихъ подъ конецъ царствованія Екатерины было несуществующее нынѣ смѣшеніе совершенно иностраннаго воспитанія, привычекъ, склада ума, съ чисто русской чуткостью въ политикѣ, сердечной горячностью къ родинѣ и глубо-

lib.pushkinskijdom.ru

кимъ чувствомъ достоинства Россіи. Въ разговорѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ это былъ представитель либерально-аристократической молодежи Версальскаго двора; въ направленіи политическомъ, въ дипломатическихъ дѣлахъ, это былъ представитель Русскаго Государя и Русскаго народа „Онъ былъ *послѣдній Русскій посолъ въ Константинополѣ*“, говорили о немъ Славяне еще лѣтъ 20 назадъ; да еще въ такое время, когда сажали пословъ въ Семибашенный Замокъ, съ тѣмъ чтобы при объявленіи войны обезглавить ихъ. А во время Крымской войны, въ глубокой старости, ослѣпшій, удаявшійся отъ дѣлъ, онъ однажды всталъ, попросивъ руку у одного изъ своихъ гостей, „чтобы проводить слѣпого“, и вышелъ изъ собственной гостиной, сказавъ дерзкому иностранцу, что „онъ не останется въ одной комнатѣ съ посѣтителемъ, который осмѣливается при немъ сказать слово неуважительное про Россію“ („Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой“. Рус. Архивъ, 1879, III, стр. 484). Будучи двоюроднымъ дядей Натальи Николаевны Пушкиной, Строгановъ относился къ семьѣ Пушкиныхъ по-родственному. Объ этихъ отношеніяхъ говорится между прочимъ въ воспоминаніяхъ Н. М. Колмакова: „На дачѣ въ Строгановскомъ саду жилъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ; супругу его звали Юлія Петровна... У нихъ на дачѣ, со стороны сада, на балконѣ часто можно было видѣть Александра Сергѣевича [Пушкина] бесѣдовавшаго со старикомъ. Фигура графа Григорія съ сѣдыми вьющимися волосами, въ бархатномъ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, съ добродушною улыбкою, невольно останавливала вниманіе гулявшихъ въ саду. Особенно, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ и поэтъ. Пушкинъ считалъ старика Строганова своимъ другомъ, каковымъ графъ себя и на дѣлѣ выказалъ впослѣдствіи, когда Пушкинъ умеръ“ („Очерки и воспоминанія Н. М. Колмакова“. Рус. Старина, 1891, іюнь, стр. 671). Посылая Пушкину листокъ Франкфуртской Газеты, Строгановъ, очевидно, руководился этимъ же чувствомъ дружескаго расположенія къ поэту, котораго онъ хотѣлъ предупредить относительно нежелательныхъ и даже опасныхъ для него толкованій, какія могли быть выведены изъ неосторожной рѣчи Лелевеля, приписавшаго ему слова и поступки, могшіе дать поводъ его недоброжелателямъ для придирокъ и доносовъ. Пушкинъ, прочитавъ присланную статью, всполошился и даже собрался отвѣчать на нее, написать нѣчто въ родѣ опроверженія. „J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse,—писалъ онъ Строганову.—L'accolade de Lelewel me paroit plus dure qu'un exil en Siberie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien

lib.pushkinskijdom.ru

voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte à sermon" (Переписка, III, 96). Однако это намѣреніе Пушкина осталось неисполненнымъ.

Дружеское и родственное расположеніе графа Строганова къ семьѣ Пушкиныхъ особенно ярко выразилось въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его кончину. Послѣ Пушкина, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго, осталось только 300 рублей. Строгановъ взялъ на себя распоряженія похоронами поэта и всѣ расходы, связанные съ ними; онъ желалъ придать этимъ похоронамъ особенную торжественность, предполагалъ устроить отпѣваніе въ Исаакіевскомъ соборѣ и пригласить для отпѣванія самого митрополита, но, какъ извѣстно, вмѣшательство жандармской власти, боявшейся какихъ-то предполагаемыхъ безпорядковъ, помѣшало ему осуществить свое намѣреніе (см. письмо Вяземскаго къ вел. князю Михаилу Павловичу по поводу кончины и похоронъ Пушкина— въ Рус. Архивѣ, 1879, I, стр. 394). Въ качествѣ родственника Н. Н. Пушкиной, графъ Г. А. Строгановъ былъ назначенъ предсѣдателемъ опеки, учрежденной 3 февраля 1837 г. надъ дѣтьми покойнаго поэта и надъ оставшимся имуществомъ. Эти обязанности онъ исполнялъ до февраля 1846 года, когда по разстроенному здоровью принужденъ былъ просить объ увольненіи. Въ этой должности онъ немало сдѣлалъ для упроченія матеріальнаго положенія семьи Пушкина (см. „Дѣло III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ". СПб. 1906; стр. 202—211, и статью Б. Л. Модзалевскаго: „Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина", въ сборникѣ „Пушк. и его современники", вып. XIII, стр. 90—162).

Стр. 51 (26)—52 (33). Пушкинъ довольно точно выписалъ изъ „Journal de Francfort" (Samedi, 12 Avril, 1834, № 101) начало и конецъ статьи, именно тѣ мѣста ея, которыя болѣе всего его лично затрагивали, опустивъ ея середину, представляющую собой историческій экскурсъ въ область русской и польской старины, направленный главнымъ образомъ противъ Лелевеля и противъ польской эмиграціи вообще; авторъ обвиняетъ Лелевеля въ умышленномъ искаженіи историческихъ фактовъ, въ томъ, что онъ стремится „assujétir l'histoire à ses idées," и потому придаетъ имъ неправильное освѣщеніе и толкованіе. Считая необходимымъ просвѣтить общественное мнѣніе Европы относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ, авторъ статьи, сообщивъ вкратцѣ о возстаніи 14 декабря,

lib.pushkinskijdom.ru

годовщина котораго послужила поводомъ къ выступленію польскихъ эмигрантовъ, даетъ затѣмъ общій очеркъ взаимоотношеній Россіи и Польши съ древнѣйшихъ временъ, при чемъ обвиняетъ послѣднюю въ аггресивныхъ стремленіяхъ по отношенію къ русскому народу, и кончаетъ общей характеристикой государственнаго строя Польши передъ ея раздѣломъ: „Personne n'ignore quelle fut la nature de cette république polonaise, dont le S. Lelewel se targue pour l'édification de son auditoire democratique;—la liberté qui régna dans le pays des Sarmates ne fut jamais que licence effrenée pour la noblesse et oppression tyrannique pour le peuple: ce n'est que depuis le partage de la Pologne que ce dernier fut délivré du joug sous lequel il avait gémi si longtemps, et qu'il obtint la protection d'une administration régulière contre les exactions arbitraires auquelles il avait été livré sans qu'il put espérer le moindre support de la part d'un gouvernement qui, lui-même, n'était qu'une ombre sans consistance. Désordre et despotisme, telles furent les colonnes sur lesquelles l'édifice du gouvernement polonais fut basé et sur lesquelles il croula pour les ensevelir sous ses décombres. Les auteurs de la dernière révolution polonaise demandèrent la liberté,—*non pour la nation*, car elle était libre et heureuse bien plus que sous les souverains polonais;—les S. Lelewel, Poulawski, Worcell et consort demandèrent la liberté pour leur passions déréglées qui, si leur entreprise avait put réussir, auraient fait refleurir aussitôt l'ancienne anarchie polonaise; or, qu'on consulte les annales de la Pologne pour savoir, si cette anarchie eut promis des progrès à la civilisation et à l'humanité!“

Вся статья „Франкфуртской Газеты“ написана хлестко и задорно и, судя по проникающему ее духу, принадлежитъ перу русскаго автора или, во всякомъ случаѣ, получившаго свою „инспирацію“ изъ Россіи. Вообще Journal de Francfort, повидимому, служилъ въ рукахъ русскаго правительства средствомъ воздѣйствія на европейское общественное мнѣніе въ желательномъ для него направленіи. Такъ, въ первые мѣсяцы того же 1834 года, помимо цитируемой Пушкинымъ статьи, въ этомъ изданіи было помѣщено нѣсколько другихъ, касающихся нашихъ дѣлъ и явно инспирированныхъ русскимъ правительствомъ: таково, напр., опроверженіе разсужденій какого-то Танскаго, бывшаго русскаго офицера, перешедшаго къ полякамъ, затѣмъ эмигрировавшаго и издавшаго въ Парижѣ брошюру, въ которой онъ предостерегалъ европейское общественное мнѣніе относительно воинственныхъ замысловъ русскаго правительства (№ 57, отъ 26 февраля); опроверженіе неблагопріятныхъ слуховъ

lib.pushkinskijdom.ru

о состояніи финансовъ Россійской имперіи,—и тутъ же опроверженіе сообщенія Journal de Paris о бракѣ оберъ - шталмейстера Вас. Вас. Долгорукова съ актрисой французскаго театра въ Петербургѣ (№ 71, отъ 12 марта); наконецъ, характеристика императора Николая, представляющая восторженный панегирикъ его личности и правительственной системы (№ 97, отъ 8 апрѣля). Кѣмъ именно писались эти статьи, трудно установить съ достовѣрностью, не имѣя по этому поводу опредѣленныхъ данныхъ: возможно, что они принадлежали перу различныхъ лицъ; одно только ясно, что всѣ эти статьи и сообщенія исходили изъ Петербурга и были внушены русскимъ правительствомъ, точку зрѣнія котораго и принимаемыя имъ мѣры они должны были всячески защищать и оправдывать; этими выступленіями правительство Николая разсчитывало до извѣстной степени противодѣйствовать неблагопріятнымъ мнѣніямъ о Россіи и о русскихъ порядкахъ, распространеннымъ среди либеральной части европейской прессы и общества.

Единственный намекъ на возможнаго автора (или одного изъ авторовъ) этихъ „внушенныхъ“ статей Франкфуртской Газеты мы находимъ въ письмахъ К. Я. Булгакова къ брату. 25 сентября 1834 года онъ пишетъ между прочимъ: „Статью для Франкфуртскаго журнала сочинялъ, кажется, Бехтѣевъ; впрочемъ, я увѣренъ, онъ этого не скроетъ, спроси его“; а 4 января 1835 года онъ сообщаетъ: „Бехтѣевъ опять отправился во Франкфуртъ; добрый малый, а иногда скучненекъ avec ses importances“ (Рус. Архивъ, 1904, т. I, стр. 436 и 456). Указанный Булгаковымъ Бехтѣевъ, Александръ Алексѣевичъ (род. въ 1795 г.), авторъ „Некрологіи Ѳедора Петровича Уварова“ (СПб., 1825), въ молодости служилъ на военной службѣ, но съ 1823 г. перешелъ въ штатскую, съ причисленіемъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ концѣ 1825 г. высочайшимъ указомъ ему повелѣно „находиться при Особѣ Его Величества по дѣламъ Собственной Е. В. Канцеляріи“. Въ началѣ 1831 г. Бехтѣевъ былъ командированъ въ Каменецъ-Подольскъ „для удостовѣренія въ расположеніи умовъ въ сей губерніи“, а въ августѣ того же года назначенъ правителемъ дѣлъ Высоч. утвержденной Комиссіи для изслѣдованія бунта Новгородскихъ военныхъ поселянъ, но уже мѣсяцъ спустя онъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни, принужденъ былъ оставить свою должность; 1 мая 1832 г. онъ былъ уволенъ заграницу впредь до излѣченія болѣзни (С. А. Панчулидзевъ. Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1801—1826. СПб., 1906; стр. 284). Въ 1834 году Бехтѣевъ состоялъ старшимъ чиновникомъ 1 Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канце-

lib.pushkinskijdom.ru

ляріи, въ чинѣ стат. совѣтника и въ званіи камергера, и числился въ отпуску (Мѣсяцесловъ и Общій Штатъ Россійской Имперіи на 1834 годъ; стр. 8 и 25). Что касается до статьи, на которую намекаетъ Булгаковъ въ своемъ письмѣ отъ 25 сентября, то возможно, что намекъ этотъ относится къ статьѣ: „Situation politique de l'Europe", въ №№ 240 и 249, отъ 30 августа и 8 сентября 1834 г.; онѣ посвящены такъ называемому „польскому вопросу"; авторъ, полемизируя въ нихъ съ французскими газетами, указывавшими на „русскую опасность" и на необходимость для ея парализованія возстановить Польшу, старается, въ свою очередь, доказать, что Россія не имѣетъ никакихъ видовъ на Западѣ и что дѣйствительная опасность угрожаетъ Европѣ не со стороны Россіи, а со стороны „революціоннаго духа", охватившаго значительную часть европейскаго общества. „Et n'est-il pas encore une nécessité d'équilibre bien comprise qui, dans le temps d'égarement où nous sommes, fait croître et prospérer á une extrémité de l'Europe une force imposante qui annonce à l'humanité que le fléau révolutionnaire trouvera des digues préservatrices des droits et de la paix des nations".

Стр. 52 (5). Лелевель Іоакимъ (1786—1861)—знаменитый польскій историкъ, основатель современной польской исторической школы. Родился онъ въ Варшавѣ, высшее образованіе закончилъ въ Вильнѣ (1804) въ университетѣ, гдѣ впослѣдствіи (1821) сталъ профессоромъ, но вскорѣ былъ устраненъ въ связи съ дѣломъ „Филоматовъ" (1824), послѣ чего жилъ въ нуждѣ въ Варшавѣ, отдавшись наукѣ и политической дѣятельности: въ 1829 онъ былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ, принялъ дѣятельное участіе въ возстаніи 1830—31 года, при чемъ, будучи однимъ изъ вождей демократической партіи, сталъ членомъ революціоннаго правительства въ качествѣ министра просвѣщенія. По прекращеніи возстанія и упраздненіи польскаго правительства онъ долженъ былъ, подобно многимъ, эмигрировать, поселился сперва въ Парижѣ, гдѣ въ роли предсѣдателя здѣшняго польскаго народнаго собранія продолжалъ свою политическую дѣятельность, обращался съ манифестами отъ польскаго народа къ французскому сенату, англійскому парламенту, вообще велъ себя такъ, что ему пришлось покинуть и Францію (1833) и перенести свою дѣятельность въ Брюссель. И здѣсь онъ не прекращалъ ея, борясь главнымъ образомъ во имя демократическихъ принциповъ съ аристократической частью польской эмиграціи, гордо отказываясь отъ матеріальной поддержки

lib.pushkinskijdom.ru

магнатовъ, требуя равенства всѣхъ сословій, полной политической свободы. Главныя основы своей политической программы онъ изложилъ въ написанной имъ въ это время философіи польской исторіи. Умеръ І. Лелевель въ нуждѣ, чуть не въ бѣдности, въ Брюсселѣ въ 1861 году. Къ этому періоду его жизни относится и рѣчь его, о которой говорится въ приведенной у Пушкина выдержкѣ изъ Франкфуртского журнала. Она была имъ произнесена 25 янв. 1834 г., „въ годовщину сверженія Николая съ польскаго престола, а также въ память русскаго возстанія 1825 г. и гибели русскихъ патріотовъ“ (см. Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ и Лелевель“: Истор. Вѣстн., 1905 г. VIII, стр. 121), гдѣ Лелевель, считая Пушкина показателемъ настроенія русской молодежи, дѣйствительно, приводитъ двѣ „сказочки“—басни (онѣ по русски у Лернера, ук. соч., стр. 621 и 623, вторая также въ „Пушк. и совр., V, 112), относя ихъ къ авторству молодого Пушкина, якобы сосланнаго за первую сказочку въ самые отдаленные края государства и изъ своего изгнанія якобы пославшаго вторую „сказочку“ (Polska, dzieje i rzecze jej, razpartywane przez Joachima Lelewela, T. XX: Mowy i pisma polityczne, dziela posmiertne, wydane przez Rykaczcinskiego. Posnan, 1864, гл. XXII—цитата по Лернеру, ук. соч., стр. 621). Всѣ эти ссылки на „сказочки“ Пушкина и на обстоятельства ихъ появленія основаны у Лелевеля на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя какимъ то путемъ дошли до польскаго автора. Вторая изъ „сказочекъ“ не есть произведеніе Пушкина, а басня Д. В. Давыдова „Рѣка и Зеркало“ (см. Соч. Д. В. Давыдова, I, Спб. 1895, стр. 14) она, какъ и многіе другіе въ то время, печатана не была и ходила въ рукописяхъ, подъ заглавіемъ „Деспотъ“ или „Бичъ“, приписываемая между прочимъ и Пушкину (съ послѣднимъ заглавіемъ и подписью Пушкина она была отобрана 1827 г. у чиновника Леопольдова въ Москвѣ; см. „Всемірный Вѣстникъ“ 1905 г., IX—X, приложеніе: „Дѣло о Пушкинѣ“); это дѣло причинило много хлопотъ и непріятностей Пушкину, отрывки стихотворенія котораго „Андрей Шенье“ и „На 14 дек. 1825 г.“ оказались вмѣстѣ съ „Бичемъ“ у Леопольдова; (ср. Пушк. и совр. V, 112—113). Выписка изъ Франкфуртскаго Журнала, старавшагося обѣлить—и такъ неудачно, неуклюже—Пушкина, подѣйствовала на него, повидимому, удручающе: объ этомъ можно заключить изъ письма его къ Г. А. Строганову (ок. 1 апр. 1834 г.; см. ред. Саитова, III, № 800, стр. 96), гдѣ встрѣчаемся съ такимъ выраженіемъ: „l'accolade de Lelewel me paroit plus dure, qu'un exil en Siberie“. Пушкинъ, судя по письму, собирался отвѣчать Лелевелю,

lib.pushkinskijdom.ru

но, повидимому, успокоившись, потомъ раздумалъ: слѣда подобнаго отвѣта въ бумагахъ Пушкина мы не находимъ; этимъ дѣло и кончилось.

М. С.

Стр. 52 (5). *Ворцель* Станиславъ, графъ, (1800—1856). Аристократъ по происхожденію, Ворцель получилъ многостороннее, блестящее домашнее образованіе, былъ и математикомъ и лингвистомъ, зналъ пять-шесть литературъ, выдавался своей эрудиціей; въ молодости вращался въ мѣстныхъ польскихъ свѣтскихъ лучшихъ кругахъ, рано женился. Но въ 1830 г., когда вспыхнуло возстаніе, бросилъ все, семью и значительное состояніе, душой и тѣломъ кинулся въ революціонную дѣятельность. Послѣ неудачи возстанія онъ эмигрировалъ, сперва въ Парижъ, бѣдствовалъ здѣсь безъ всякихъ средствъ, но стоически переносилъ невзгоды, весь уйдя въ реорганизацію польской эмиграціи, агитацію, подготовку новаго возстанія: это было цѣлью всей его жизни. Послѣдніе годы (1852—56) онъ провелъ въ Лондонѣ, гдѣ, соединясь съ Маццини и сблизившись съ Герценомъ, хотѣлъ польское дѣло объединить съ общеевропейскимъ республиканско-демократическимъ движеніемъ, но неудачно: польскій патріотическо-національный вопросъ былъ ему ближе, чѣмъ соціальный переворотъ. А. И. Герценъ, близко его узнавшій и бывшій свидѣтелемъ его смерти, даетъ Ворцелю яркую, по обыкновенію художественную, блестящую характеристику: „это была натура цѣльная, чистая, фанатическая, святая, полная той *полной* преданности, той несокрушимой страсти, той великой мономаніи, для которой нѣтъ больше жертвъ, счета службы, жизни внѣ своего дѣла“ (Соб. Соч. т. XIV (1920) сбор. 273—Былое и Думы, ч. VI, гл. 6).

М. С.

Стр. 52 (34). „Концертъ для бѣдныхъ“—рѣчь идетъ о благотворительномъ концертѣ, устроенномъ 13 апрѣля женскимъ Патріотическимъ Обществомъ въ залѣ дома Энгельгардта. Подробный отчетъ объ этомъ концертѣ былъ напечатанъ въ № 86 „Сѣверной Пчелы“ отъ 16-го апрѣля. Въ концертѣ принимали участіе музыканты-любители и любительницы изъ свѣтскаго общества. Между прочимъ графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій исполнилъ на віолончели тему и варіаціи, сочиненныя его братомъ Михаиломъ Юрьевичемъ, а Алексѣй Ѳедор. Львовъ—фантазію для скрипки на

lib.pushkinskijdom.ru

русскія пѣсни, имъ самимъ сочиненную. К. Я. Булгаковъ писалъ объ этомъ концертѣ своему брату: „Никогда я не видалъ столько народа, какъ вчера на концертѣ въ пользу Патріотическаго Общества. Я пробылъ только начало, но не могъ снести жару и давку. Множество дамъ принуждены были стоять. Государь и Императрица удостоили концертъ своимъ присутствіемъ. Государь, пробывъ немного въ ложѣ, сошелъ въ залу съ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ, и все время тамъ простояли. Весь beau-monde былъ“ („Рус. Архивъ“, 1904, I, стр. 417).

Стр. 53 (3). Княгиня Долгорукая, Екатерина Ѳедоровна (1769—1849), единственная дочь оберъ-гофмаршала князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго, убійцы имп. Петра III, жена кн. Вас. Вас. Долгорукова (съ 1786 г.) одна изъ первыхъ красавицъ при дворѣ Екатерины II. Въ нее былъ безумно влюбленъ князь Потемкинъ, настойчиво ухаживавшій за нею и долгое время встрѣчавшій съ ея стороны непривычное для него сопротивленіе: одинъ изъ эпизодовъ этого ухаживанія, разыгравшійся во время осады Очакова, разсказанъ въ воспоминаніяхъ гр. Сологуба (СПб. 1887, стр. 198—201). Даже уже въ сравнительно немолодые годы, княгиня сохранила свою красоту и продолжала одерживать побѣды заграницей, куда вся семья Барятинскихъ должна была удалиться въ царствованіе имп. Павла I. Такъ въ Вѣнѣ и Неаполѣ въ числѣ ея страстныхъ поклонниковъ былъ молодой дипломатъ К. Я. Булгаковъ, состоявшій при русской миссіи. Въ Парижѣ, куда она попала въ эпоху консульства, она производила сильное впечатлѣніе, какъ своей красотою и роскошными туалетами, такъ и умомъ и независимостью сужденій. Въ ея „салонѣ“ бывали такіе выдающіяся лица того времени, какъ Лагарпъ, Делиль, Ривароль, гр. Сегюръ, m-me Рекамье. Возбудивъ противъ себя своими рѣзкими и колкими отзывами неудовольствіе Наполеона, она должна была въ 1804 году оставить Францію и вернуться на родину. Овдовѣвъ въ 1812 году, княгиня Долгорукая въ 1826 году была пожалована въ статсъ-дамы и до глубокой старости принимала участіе во всѣхъ придворныхъ торжествахъ, пользуясь большимъ уваженіемъ въ свѣтѣ и при дворѣ (Вел. кн. Николай Михайловичъ. Русскіе портреты; т. I, № 85; IV, № 19).

Стр. 53 (13). N. N.—Наталья Николаевна Пушкина (1812—1863), супруга поэта, урожденная Гончарова. Пушкинъ провожалъ жену до Ижоры, первой почтовой станціи по Московской дорогѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

такъ какъ она, по совѣту докторовъ, должна была уѣхать изъ Петербурга для поправленія здоровья, послѣ преждевременныхъ родовъ въ началѣ марта (см. запись дневника отъ 6-го марта, стр. 44 (21), и провела все лѣто у своихъ родныхъ, въ Калужской губ.. Наталья Николаевна Пушкина—Гончарова родилась 27 августа 1812 г., послѣ дня Бородинскаго боя, въ семьѣ принадлежавшей къ среднедворянскому кругу, нѣкогда богатой, но ко времени ея рожденія значительно разстроившей свое состояніе. Семейныя условія, окружавшія ее въ ранніе годы жизни, были мало удовлетворительны: отецъ ея былъ душевно-больной; мать, происходившая изъ стариннаго рода Загряжскихъ, женщина суровая и властная, отличалась большими претензіями на аристократичность и мелочною строгостью; интересы, которыми жила семья, не возвышались надъ среднимъ уровнемъ окружающей среды. Воспитаніемъ Натальи Николаевны руководила ея мать: „Оно, по ея понятіямъ, было безукоризненно, такъ какъ въ основу его положены были основательное изученіе танцевъ и знаніе французскаго языка лучше своего родного; соблюденіе строжайшей нравственности и обрядовъ православной церкви служило дополненіемъ высокаго идеала московской барышни“ (П. П. Караратыгинъ. „Нат. Ник. Пушкина въ 1831—1837 гг.“. *Рус. Старина,* 1883 г., I, стр. 56). Шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ сезонъ 1828—29 гг. Наталья Николаевна начала выѣзжать въ Московскій „свѣтъ“, гдѣ ея красота была скоро замѣчена. Однимъ изъ первыхъ оцѣнилъ ее Пушкинъ: уже въ своемъ знаменитомъ посланіи: *Къ вельможѣ*, написанномъ въ апрѣлѣ 1829 года, онъ поминаетъ „и блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой“. Тогда же Пушкинъ, черезъ посредство графа Ѳ. Толстого-американца, сдѣлалъ предложеніе, которое однако было отклонено, подъ предлогомъ молодости невѣсты. Въ слѣдующемъ году, послѣ своего возвращенія изъ путешествія на Кавказъ, Пушкинъ возобновилъ предложеніе, которое на этотъ разъ было принято, и 18 февраля 1831 года состоялась его свадьба съ Натальей Николаевной, въ церкви Большого Вознесенія у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ.

Несмотря на силу, искренность и глубину своего чувства, Пушкинъ, вступая въ бракъ, вовсе не обольщался особенно радужными надеждами. Почти наканунѣ свадьбы, онъ писалъ своему пріятелю Н. И. Кривцову: „Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До

lib.pushkinskijdom.ru

сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Щастья мнѣ небыло. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся — я поступаю какъ люди и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому-же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашнія разсчеты—Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью" (Переписка, I, стр. 222—3). Тяжелыми предчувствіями полно также и письмо Пушкина къ своей будущей тещѣ Н. И. Гончаровой, въ которомъ онъ, сознавая, что не обладаетъ качествами, необходимыми для того чтобы нравиться молодой дѣвушкѣ, выражаетъ надежду, что привычка и долгая интимность позволятъ ему наконецъ пріобрѣсти ея расположеніе; въ настоящее же время онъ въ ея согласіи видитъ лишь доказательство спокойнаго равнодушія ея сердца. Но, спрашиваетъ онъ самого себя,—окруженная удивленіемъ, восторгами и обольщеніями, сохранитъ ли она надолго это равнодушіе: „On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle,—peut-être ces propos seront-ils sincères, mais à coup sûr elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux, ne me prendra-t-elle pas en aversion?" (Ibid., стр. 131).

Однако первое время послѣ женитьбы Пушкинъ былъ вполнѣ доволенъ своею участью: казалось, дурныя предчувствія на этотъ разъ обманули его. Поселившись съ молодой женою на лѣто въ Царскомъ Селѣ, онъ наслаждался новымъ для него ощущеніемъ семейнаго уюта, спокойствія, благополучія, и свѣтло смотрѣлъ на будущее. Казалось, онъ былъ у тихой пристани. Но уже тогда наблюдательный взоръ могъ различить обманчивость этого идиллическаго союза поэзіи и красоты. Графиня Д. Ѳ. Фикельмонъ, женщина умная и вдумчивая, притомъ несомнѣнно хорошо расположенная къ Пушкину, писала ихъ общему другу князю П. А. Вяземскому: „Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ на этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который ему очень идетъ. Жена его прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей, у жены вся меланхолія от-

lib.pushkinskijdom.ru

реченія отъ себя" (Кн. П. П. Вяземскій. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива. М. 1880. Стр. 50).

И дѣйствительно, счастливая и спокойная жизнь Пушкиныхъ въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1831 года, какъ это совершенно справедливо отмѣтилъ П. Е. Щеголевъ, была чревата для нихъ важными послѣдствіями, съ фатальной послѣдовательностью приведшими наконецъ къ полному крушенію этой семейной идилліи, а самого Пушкина—къ гибели. Именно здѣсь, въ Царскомъ Селѣ произошло тогда сближеніе Пушкина съ дворомъ, имѣвшее громадное значеніе для всей дальнѣйшей судьбы Пушкина. 19 августа О. С. Павлищева, сестра Пушкина, писала своему мужу: „Александръ въ восторгѣ: прогуливаясь съ Наташей въ Царскосельскомъ паркѣ, онъ встрѣтилъ императора и императрицу. Ихъ величества остановились, чтобы говорить съ ними, а государыня заявила моей невѣсткѣ, что очень рада съ ней познакомиться, и сказала ей много другихъ милостивыхъ и ласковыхъ словъ. И вотъ волей-неволей Наташа должна явиться ко двору" (Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М., 1890; стр. 255). Въ концѣ августа или въ началѣ сентября 1831 г. состоялось официальное представленіе Натальи Николаевны императрицѣ („Пушкинъ и его современники", вып. XV, стр. 89). Такимъ образомъ Пушкинъ и его жена оказались втянуты въ орбиту придворной жизни, которая ни по ихъ матеріальному и общественному положенію, ни по характеру и направленію интересовъ Пушкина, вовсе къ нимъ не подходила. Но за то эта блестящая, шумная, хотя и пустая жизнь вполнѣ соотвѣтствовала природнымъ склонностямъ и вкусамъ Натальи Николаевны, для которой она открывало возможность блистать и покорять всѣхъ своею рѣдкой красотой. Уже 17 ноября 1831 г., въ письмѣ къ мужу изъ Петербурга, О. С. Павлищева сообщаетъ о ея свѣтскихъ успѣхахъ и объ открытой жизни, которую ведутъ Пушкины: „Quant à ma belle soeur, c'est la femme la plus à la mode ici. Elle est dans le très grand monde et on dit en général qu'elle est la plus belle; on l'a surnommée P s y c h é e" (ibid., стр. 106). О томъ впечатлѣніи, которое производила красота Натальи Николаевны на самаго равнодушнаго, посторонняго наблюдателя, свидѣтельствуютъ воспоминанія Ленца, который зимою 1834 г. встрѣтился съ нею въ гостиной кн. Одоевскаго: „Вдругъ—никогда этого не забуду—входитъ дама, стройная какъ пальма, въ платьѣ изъ чернаго атласа, доходящемъ до горла (въ то время былъ придворный трауръ). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видалъ—incessu

lib.pushkinskijdom.ru

dea patebat! Благородныя, античныя черты ея лица напомнили мнѣ Эвтерпу Луврскаго музея, съ которой я былъ хорошо знакомъ" (Рус. Архивъ, 1878, I, 442).

Рядомъ со своей красавицей-женой, Пушкинъ, несомнѣнно, чрезвычайно проигрывалъ въ физическомъ отношеніи. „Вулканъ и Венера", — выражается про нихъ А. Я. Булгакова въ письмѣ къ брату (*Рус. Архивъ*, 1902 г.; II, стр. 56). „Physiquement ils sont deux contrastes parfaits: Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита",— писала своему мужу О. С. Павлищева („Пушкинъ и его современники", вып. XV, стр. 84). „Quelle monstre!"—восклицаетъ М. К. Мердеръ въ своемъ дневникѣ, выражая свое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ Пушкинымъ на балу (*Рус. Старина*, 1900 г., августъ, стр. 387). Но это несоотвѣтствіе обоихъ супруговъ не ограничивалось одной только внѣшней стороною: всѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ о Натальѣ Николаевнѣ, рисуютъ ее, какъ женщину совершенно чуждую тѣхъ духовныхъ интересовъ, которыми жилъ ея геніальный супругъ, даже неспособною понимать ихъ. Повидимому, въ отношеніи своего умственнаго развитія она стояла гораздо ниже не только такихъ пріятельницъ Пушкина изъ числа свѣтскихъ дамъ, какъ кн. В. Ѳ. Вяземская, А. О. Смирнова, Е. А. Карамзина, Е. М. Хитрово, но уступала въ этомъ отношеніи даже его провинціальнымъ знакомымъ, какъ П. А. Осипова и ея дочери, сумѣвшимъ оцѣнить и полюбить Пушкина, какъ геніальнаго поэта, какъ исключительную натуру. „Наталья Николаевна была такъ красива, что,— по мѣткому замѣчанію П. Е. Щеголева, — могла позволить себѣ роскошь не имѣть никакихъ другихъ достоинствъ" („Дуэль и смерть Пушкина". Изслѣдованіе и матеріалы. Петроградъ, 1916. Стр. 031). Справедливо отмѣчаетъ также Щеголевъ, что даже какъ свѣтская женщина Наталья Николаевна, при всѣхъ своихъ успѣхахъ dans le très grand monde, не соотвѣтствовала тому идеалу замужней великосвѣтской дамы, который составилъ себѣ Пушкинъ и который онъ изобразилъ въ своей Татьянѣ—княгинѣ: не смотря на всѣ усилія Пушкина „развить" ее въ этомъ отношеніи, въ ней все-таки оставалось много такого, что напоминало Пушкину „московскую барышню" и что противорѣчило его представленію о comme-il-faut (Щеголевъ, назв. соч., стр. 039—043).

Рѣзкое несоотвѣтствіе между духовною природой геніальнаго человѣка и его „безобидной", по ироническому выраженію Е. М. Хитрово, жены рано или поздно должно было раскрыться и привести къ тѣмъ или другимъ, но во всякомъ случаѣ печальнымъ послѣд-

lib.pushkinskijdom.ru

ствіямъ. Съ момента вступленія Натальи Николаевны въ Петербургскій придворный и великосвѣтскій кругъ, всѣ ея интересы были сосредоточены на свѣтской жизни, съ ея балами, пріемами, выѣздами и всевозможными удовольствіями. Признанная красавица, она считала своимъ естественнымъ призваніемъ блистать въ обществѣ, привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, возбуждать восторги и удивленіе передъ своей красотой. Холодная и сдержанная по натурѣ, она сама была чужда увлеченій, но ей нравилось увлекать другихъ, возбуждать зависть женщинъ къ своимъ успѣхами и поклоненіе мущинъ. Съ самаго появленія своего она сдѣлалась „модной", по выраженію Пушкина. Ее приглашали нарасхватъ на балы и вечера, на которыхъ она повсюду была окружена блестящими поклонниками, среди которыхъ молва называла самого императора Николая (Щукинскій Сборникъ, вып. VIII, стр. 327—328); во всякомъ случаѣ одною изъ причинъ пожалованія Пушкину званія камеръ-юнкера было желаніе государя имѣть возможность, безъ нарушенія правилъ придворнаго этикета, приглашать Наталью Николаевну на интимныя вечернія собранія въ Аничковомъ дворцѣ. Вначалѣ Пушкину, по свидѣтельству его сестры, доставляло удовольствіе видѣть блестящіе свѣтскіе успѣхи своей жены, но, повидимому, уже скоро онъ сталъ тяготиться тѣмъ образомъ жизни, который въ угоду ей принужденъ былъ вести. Съ одной стороны, этотъ широкій образъ жизни, съ постоянными пріемами и выѣздами, совершенно не соотвѣтствовалъ его скромнымъ матеріальнымъ средствамъ, а съ другой— онъ отнималъ у него много драгоцѣннаго времени, необходимаго для его серьезныхъ кабинетныхъ занятій. „Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать, да жрать мороженое", — шутливо замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ женѣ отъ 13 мая 1834 г. (Переписка, III, стр. 115).

Но одною скукой и потерей дорогого для него времени дѣло не ограничивалось. Свѣтскіе успѣхи жены, съ одной стороны, льстили самолюбію Пушкина, но съ другой стороны, возбуждали въ немъ тѣ опасенія, о которыхъ онъ когда-то писалъ Н. И Гончаровой въ уже цитированномъ выше письмѣ (см. стр. 407). Пушкинъ питалъ вполнѣ основательное недовѣріе къ условной свѣтской морали, боялся соблазновъ разсѣянія и ухищреній лести, столь опасныхъ для неопытной молодой женщины, боялся, наконецъ, можетъ быть, возможности настоящаго страстнаго увлеченія съ ея стороны. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что самъ Пушкинъ, воспитанный на фривольной французской литературѣ XVIII вѣка,

lib.pushkinskijdom.ru

усвоилъ себѣ довольно пренебрежительный взглядъ на природу женщины, какъ существа прихотливаго, непостояннаго и падкаго на соблазнъ, а собственный жизненный опытъ и многочисленныя любовныя похожденія, также какъ и небезъизвѣстныя ему, конечно, похожденія нѣкоторыхъ изъ его друзей, напр., А. Н. Вульфа, только утверждали его въ этомъ взглядѣ. Все это питало подозрительность Пушкина, поселяло въ его душѣ безпокойство и тревогу. Пушкинъ, повидимому, опасался главнымъ образомъ того, чтобы неосторожное поведеніе жены не вызвало въ обществѣ какихъ-либо неблагожелательныхъ толковъ и злорѣчивыхъ сплетенъ. Въ особенности возрастало это безпокойство Пушкина въ то время, когда ему приходилось быть въ разлукѣ съ женой; письма его въ такихъ случаяхъ полны уговоровъ и предостереженій, даже форменныхъ выговоровъ за сдѣланные промахи; иногда эти уговоры и выговоры облечены въ шутливую форму, но нерѣдко въ нихъ чувствуется серьезное безпокойство. „Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ-нибудь иначе“ (25 сент. 1832). „Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать Пушкина тебѣ не слѣдовало, вопервыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а вовторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ“ (27 сент. 1832). „Береги свое здоровье. Не кокетничай 26-го. Да бишь: не съ кѣмъ. Однако, все таки не кокетничай“ (21 авг. 1833). „Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ отъ искушеній разсѣянности (2 окт. 1833). „Не кокетничай съ Царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы“ (11 окт. 1833). „Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему“ (21 окт. 1833 г.); „Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышней, все, что не comme il faut, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя“ (30 окт. 1833 г.); „Повторяю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семействен-

lib.pushkinskijdom.ru

наго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: *уваженія*... Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно" (6 ноября 1833 г.); „Конечно, я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалеръ-гардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ" (май 1834 г.); „О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить мнѣ нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ; но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно" (3 августа 1834 г.). Эти постоянныя напоминанія и предостереженія Пушкина въ письмахъ къ женѣ показываютъ, насколько ея поведеніе безпокоило его, не потому, что онъ имѣлъ серьезные поводы къ ревности, но потому, что онъ опасался того, какъ бы Наталья Николаевна, благодаря какой-либо допущенной безтактности, не дала удобнаго повода къ злорѣчивымъ толкамъ въ обществѣ. Это безпокойство, въ связи съ другими неблагопріятными условіями Петербургской жизни, постепенно приводило Пушкина къ сознанію необходимости такъ или иначе вырваться изъ этихъ условій, покинуть опротивѣвшій ему Петербургъ и хотя бы временно поселиться въ деревнѣ: лѣтомъ 1834 года онъ сдѣлалъ попытку осуществить свое намѣреніе, но попытка эта оказалась неудачной. Подробнѣе объ этомъ важномъ эпизодѣ въ біографіи Пушкина см. въ примѣчаніяхъ къ записи дневника отъ 22 іюля 1834 года.

Относительно личности Натальи Николаевны и семейной жизни Пушкиныхъ см. статью А. П. Араповой, урожд. Ланской, дочери Натальи Николаевны отъ второго брака съ П. П. Ланскимъ (Иллюстр. приложенія къ „Новому Времени", 1907—1908 гг., №№ 11406—11449); статья эта представляетъ собой апологію Натальи Николаевны, изображенной чисто-идеальными чертами; наоборотъ, въ характерѣ Пушкина оттѣнены главнымъ образомъ его отрицательныя черты; тѣмъ не менѣе, благодаря многочисленнымъ подробностямъ, рисующимъ повседневную обстановку семейной жизни Пушкиныхъ, статья эта представляетъ значительный интересъ, хотя, вслѣдствіе указанной авторской субъективности, требуетъ при пользованіи большой осторожности. Объективную характеристику Натальи Николаевны мы находимъ въ статьѣ П. О. Морозова: „Семейная жизнь Пушкина" въ собраніи его сочиненій, подъ редакціей С. А. Венгерова (томъ IV, стр. 201—225) и въ книгѣ П. Е. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина" (Петроградъ, 1916. Стр. 023—049). Эта книга, по богатству собраннаго чрезвычайно цѣннаго матеріала, по тща-

lib.pushkinskijdom.ru

тельности его разработки, по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа, по обилію остроумныхъ соображеній и сближеній, занимаетъ исключительное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Сообразно своей темѣ, она посвящена изученію условій и обстоятельствъ, вызвавшихъ роковую дуэль Пушкина, но анализъ этихъ обстоятельствъ захватываетъ чрезвычайно широкій кругъ явленій, связанныхъ какъ съ внѣшними условіями жизни поэта, такъ и съ его внутренними, интимными переживаніями. Много вниманія удѣлено и изображенію личности Натальи Николаевны и ея отношеній, съ одной стороны, къ мужу, а съ другой—къ Дантесу. По отношенію къ первому вопросу авторъ, въ результатѣ тщательнаго анализа всѣхъ имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя данныхъ, приходитъ къ выводу, что искренняя и глубокая любовь Пушкина не вызвала въ душѣ его жены соотвѣтствующаго по силѣ чувства. „Да, Наталья Николаевна исправно несла свои супружескія обязанности, рожала мужу дѣтей, ревновала, и при всемъ томъ можно утверждать, что сердце ея не раскрылось, что страсть любви не пробудилась. Въ дремотѣ было сковано ея чувство. Любовь Пушкина не разбудила ни ея души, ни ея чувства. Можно утверждать, что кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Пушкина, и кругъ, заключавшій внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересѣклись и остались эксцентрическими. Наталья Николаевна дала согласіе стать женой Пушкина,—и оставалась равнодушна и спокойна сердцемъ; она стала женой Пушкина — и сохранила сердечное спокойствіе и равнодушіе къ мужу“ (назв. соч., стр. 048—049). Иное было ея отношеніе къ Дантесу; не рѣшая по существу вопроса, какъ далеко зашли они въ своемъ взаимномъ тяготѣніи и, повидимому, склоняясь къ предположенію объ отсутствіи между ними интимной близости, П. Е. Щеголевъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ихъ отношенія: „Дантесъ взволновалъ Наталью Николаевну такъ, какъ еще никто ея не волновалъ. Il l'a troublé,—сказалъ Пушкинъ о Дантесѣ и своей женѣ. Любовный пламень, охватившій Дантеса, опалилъ и ее, и она, стыдливо-холодная красавица, пребывавшая выше міра и страстей, покоившаяся въ сознаніи своей торжественной красоты, потеряла свое душевное равновѣсіе и потянулась къ отвѣту на чувство Дантеса. Въ концѣ концовъ, быть-можетъ, Дантесъ былъ какъ разъ тѣмъ человѣкомъ, который былъ ей нуженъ. Ровесникъ по годамъ, онъ былъ ей пара по внѣшности своей, по внутреннему своему складу, по умственному уровню. Что грѣха таить: конечно, Дантесъ долженъ былъ быть для нея интереснѣе, чѣмъ Пушкинъ“ (тамъ же, стр. 059).

lib.pushkinskijdom.ru

Свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни Натальи Николаевны, послѣ трагической смерти ея супруга, сводятся главнымъ образомъ къ тому что сообщаетъ о ней ея дочь А. П. Арапова въ своихъ воспоминаніяхъ. Потрясенная пережитой катастрофой, Наталья Николаевна весною 1837 года переѣхала въ имѣнье своего старшаго брата Дмитрія—Полотняные Заводы, гдѣ и прожила два года, и только въ 1839 году возвратилась въ Петербургъ, главнымъ образомъ по настоянію своей престарѣлой тетки Ек. Ив. Загряжской. Здѣсь она занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей, ведя довольно замкнутый образъ жизни. Это, однако, не мѣшало ей поддерживать связи съ друзьями своего покойнаго мужа: Карамзиными, Вяземскими, Мещерскими, Жуковскимъ, Плетневымъ; послѣдній въ своихъ письмахъ къ Гроту неоднократно упоминаетъ о Пушкиной, о ея скромномъ, замкнутомъ, „монашескомъ“ образѣ жизни: „Она не интересничаетъ, но покоряется судьбѣ. Она ведетъ себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказать“,—пишетъ онъ, напр., 24 августа 1840 г. (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. I, стр. 28). Изрѣдка Наталья Николаевна рѣшалась выѣзжать въ свѣтъ, гдѣ ея красота по прежнему производила сильное впечатлѣніе. „Мать, наученная горькимъ опытомъ,—пишетъ Арапова,—держала себя такъ скромно и неприступно, что скоро отбивала охоту ухаживанья у людей, которые на это покушались“. Нѣсколько разъ представлялась Натальѣ Николаевнѣ возможность сдѣлать выгодную партію, но она уклонялась отъ этихъ предложеній, отчасти изъ-за соображеній о положеніи своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и только въ 1844 году рѣшилась на вторичный бракъ съ командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка П. П. Ланскимъ. Судя по имѣющимся у насъ даннымъ, бракъ этотъ былъ вполнѣ счастливъ и, повидимому, далъ Натальѣ Николаевнѣ то душевное спокойствіе и удовлетвореніе, котораго она не нашла въ своемъ неравномъ бракѣ съ Пушкинымъ. Скончалась она 26 ноября 1863 года.

Стр. 53 (14—15). „Приглашеніе на Дворянскій Балъ“—т.-е. на балъ, который предполагало дать Петербургское дворянство 29-го апрѣля по случаю совершеннолѣтія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Пушкинъ писалъ женѣ 17-го апрѣля, что возвратившись „третьяго дня“, т. е. 15-го апрѣля изъ Царскаго Села, послѣ проводовъ Натальи Николаевны, онъ нашелъ у себя на столѣ „два билета на балъ 29-го апрѣля“ (Переписка, III, стр. 98). Объ этомъ же балѣ см. записи дневника отъ 14 апр. (стр. 53) и 3 мая (стр. 55).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 53 (15—28). Графъ Литта, Юлій Помпеевичъ (1763—1839), по происхожденію итальянецъ, изъ старинной дворянской фамиліи, сынъ генерала австрійской службы, рыцарь Мальтійскаго ордена, прибылъ въ Россію въ 1789 году по вызову имп. Екатерины, нуждавшейся въ морякахъ-спеціалистахъ для реорганизаціи русскаго флота, и участвовалъ въ Шведской кампаніи, въ качествѣ командира легкой флотиліи. При имп. Павлѣ значеніе его при русскомъ дворѣ чрезвычайно поднялось, благодаря тому, что черезъ него шли всѣ сношенія императора съ Мальтійскимъ орденомъ. Когда Павелъ въ 1798 году принялъ на себя званіе Великаго Магистра державнаго Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, графъ Литта былъ назначенъ его замѣстителемъ и шефомъ кавалергардскаго корпуса. Благодаря своей женитьбѣ на статсъ-дамѣ графинѣ Екат. Вас. Скавронской урожд. Энгельгардтъ, племянницѣ Потемкина, Литта вошелъ въ кругъ высшей Петербургской знати и сдѣлалъ блестящую придворную и служебную карьеру. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ, а въ слѣдующемъ году—членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣ вступленія на престолъ имп. Николая I онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и былъ пожалованъ высшимъ придворнымъ чиномъ оберъ-камергера. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента Экономіи, а въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ Комиссіи по постройкѣ Исаакіевскаго собора. Въ своей дѣятельности въ Госуд. Совѣтѣ онъ проявилъ значительную долю независимости и, по словамъ его біографа, подавалъ голосъ обыкновенно со Сперанскимъ, Мордвиновымъ и Кочубеемъ (А. Скоропадская. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. СПб. 1904; стр. 30). Графъ Литта до глубокой старости сохранилъ бодрость духа и крѣпкое здоровье; онъ самъ хвалился, что никогда не былъ боленъ и никогда не соблюдалъ никакой діэты. „Оригиналъ во всемъ, врагъ безумной роскоши, онъ любилъ много и хорошо поѣсть; мороженое было его любимымъ лакомствомъ, и онъ истреблялъ его въ неимовѣрномъ количествѣ. Говорятъ, что передъ смертью онъ съѣлъ цѣлую форму въ 10 порцій“ (Вел. князь Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т.I, № 29). Среди Петербургскаго высшаго общества графъ Литта пользовался большимъ уваженіемъ. Въ 1834 г., послѣ смерти князя Кочубея, возникло даже предположеніе о назначеніи его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, но имп. Николай призналъ неудобнымъ поручить высшій въ Имперіи постъ лицу иностраннаго происхожденія и притомъ католику.

Въ запискахъ Ленца сохранились нѣкоторыя черты, рисующія

lib.pushkinskijdom.ru

характеръ и внѣшній обликъ этого любимца фортуны. „Графу Литта было около 70-ти лѣтъ, но въ парикѣ онъ казался не старше 50-ти. Онъ былъ исполинскаго роста и такъ же толстъ, какъ Лаблашъ, но болѣе подвиженъ и съ головы до ногъ вельможа. Онъ носилъ обыкновенно вицмундиръ съ самыми старшими русскими орденами. Литта имѣлъ обыкновеніе повторять каждое свое слово: bon jour—bon jour, oui—oui, и т. д., голосомъ, звукъ котораго походилъ на звукъ органа, когда прижмешь педаль... Онъ былъ ревностный посѣтитель театровъ, и надо было видѣть, какъ онъ аплодировалъ и вызывалъ актеровъ. Тутъ онъ былъ снисходителенъ. Стоило только сказать съ нѣкоторою выразительностью: „вотъ эту, хорошенькую, надобно бы вызвать“,—онъ непремѣнно отвѣчалъ: très-bien, très-bien, и она была вызываема. Въ послѣднее время онъ былъ оберъ-камергеромъ и по-русски назывался Юліемъ Помпеевичемъ, соединяя въ одномъ своемъ лицѣ Цезаря и Помпея. Онъ былъ вдовецъ и жилъ одинъ, но роскошно, въ домѣ своемъ на Англійской набережной“ („Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“; Рус. Архивъ, 1878 г., т. I; стр. 447).

Вызовъ Пушкина къ графу Литтѣ, о которомъ говорится въ дневникѣ, объясняется тѣмъ, что Литта, въ качествѣ оберъ-камергера былъ прямымъ начальникомъ Пушкина по его новой придворной службѣ. Объ этомъ эпизодѣ Пушкинъ сообщалъ женѣ въ письмѣ отъ 17 апрѣля, почти дословно повторяя то, что онъ записалъ въ своемъ дневникѣ, и въ заключеніе прибавляя: „Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ—ни за какіе благополучія!—J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain“ (Переписка, III, 98). Интересно отмѣтить, что приводимая Пушкинымъ острота К. А. Нарышкина была впослѣдствіи приписана самому Пушкину, со словъ его свояка Д. Н. Гончарова: «Литта однажды вздумалъ сдѣлать Пушкину замѣчаніе насчетъ несоблюденія имъ формъ и сказалъ: „il y a des règles pour tout, mon cher ami“. Пушкинъ вспыхнулъ и сказалъ ему: „Pardon, Monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait des règles que pour les demoiselles d'honneur!“ (Рус. Старина, 1892, іюль, стр. 31).

Стр. 53 (29—32). Указъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ и который, дѣйствительно, стѣснялъ, но не „уничтожалъ“ право русскихъ подданныхъ на пребываніе заграницей, былъ опубликованъ

lib.pushkinskijdom.ru

нѣсколько дней спустя. См. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ записи дневника отъ 3-го мая.

Стр. 54 (4 и сл.). Праздникъ совершеннолѣтія наслѣдника былъ пріуроченъ къ первому дню Пасхи, въ виду того, что настоящій день рожденія великаго князя (17 апрѣля) приходился во вторникъ на Страстной недѣлѣ. Праздникъ былъ обставленъ съ большою торжественностью и происходилъ въ присутствіи всей императорской фамиліи, дипломатическаго корпуса, правительственныхъ лицъ и генералитета. Подробное описаніе торжества см. въ „Сѣверной Пчелѣ“ №№ 92 и 93, отъ 26 и 27 апрѣля 1834 года; тамъ же помѣщенъ и текстъ присяги, прочитанной наслѣдникомъ. О трогательной сценѣ, происшедшей во время этого чтенія, когда взволнованный наслѣдникъ не въ силахъ былъ удержать своихъ слезъ, разсказываетъ и Бенкендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый“. СПб., 1903. Т. II, стр. 684). Въ самый день торжества Пушкинъ писалъ женѣ: „Нынче Великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ; да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ... Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; Государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю“ (Переписка, III, стр. 102).

Стр. 55 (3). Мердеръ, Карлъ Карловичъ (1788—1834), генералъ-адъютантъ, воспитатель наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Выпущенный въ ноябрѣ 1804 г. корнетомъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ, онъ въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ заграничномъ походѣ, при чемъ подъ Аустерлицемъ получилъ тяжелую рану палашомъ въ голову. Разстройство здоровья, вызванное этою раной, заставило его покинуть фронтовую службу и поступить (въ 1809 г.) дежурнымъ офицеромъ и воспитателемъ въ 1-й Кадетскій корпусъ въ Петербургѣ. Въ 1823 г. Мердеръ былъ назначенъ ротнымъ командиромъ только что образованной школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, которою лично завѣдывалъ вел. князь Николай Павловичъ. Это послужило къ ихъ личному сближенію, и въ слѣдующемъ году Мердеръ сталъ воспитателемъ 6-ти лѣтняго сына вел. князя. Съ этого времени Мердеръ всецѣло отдался принятой имъ на себя обязанности, при чемъ онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе и сердечную привязанность своего воспитанника.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ велъ дѣло въ сотрудничествѣ съ Жуковскимъ и прот. Павскимъ, съ которыми было очень друженъ. Но ему не удалось довести это дѣло до конца, такъ какъ въ мартѣ 1833 года онъ, по настоянію врачей, принужденъ былъ отправиться для лѣченія заграницу, а годъ спустя 24 марта 1834 г. скончался въ Римѣ. Послѣ смерти Мердера, другъ и сотрудникъ его Жуковскій помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ его некрологъ, въ которомъ, сообщивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предсмертной болѣзни Мердера, даетъ характеристику Мердера, какъ человѣка и какъ воспитателя: „Отмѣнно здоровый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенныя съ холодной твердостію воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными Природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ... Десять лѣтъ, проведенные имъ при Великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его Воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго; вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его... Его Питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; Онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ Нимъ выраженіе нѣжности; Онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе...“ („Сѣв. Пчела“, 7 мая 1834 г., № 101; статья въ газетѣ напечатана безъ подписи автора, но цѣликомъ перепечатана въ Собраніи его сочиненій: изд. 5-е, СПб., 1885; т V, стр. 479—481). Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Мердера см. въ посвященной ему анонимной брошюрѣ: „Воспоминанія о Карлѣ Карловичѣ Мердеръ, воспитателѣ Государя Императора Александра II“. (СПб., 1867). Дневникъ Мердера, обнимающій годы его занятій съ наслѣдникомъ (1824—1832), напечатанъ въ Рус. Старинѣ за 1885 г. (тт. 45—48-й). О впечатлѣніи, произведенномъ на наслѣдника извѣстіемъ о смерти его воспитателя, переданномъ ему самимъ государемъ, см. въ письмѣ С. А. Юрьевича, одного изъ преподавателей великаго князя, отъ 6 мая 1834 года (Рус. Старина, 1886, II, стр. 707).

Стр. 55 (6). О смерти Аракчеева Пушкинъ писалъ женѣ, въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1834 г.: „Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для В. Князя, и отравитъ его юношескую радость; Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Не удалось мнѣ съ нимъ свидѣться и наговориться" (Переписка, III, стр. 102). Для Пушкина, съ его живымъ интересомъ къ прошлому, Аракчеевъ, какъ лицо историческое, представлялъ, конечно, несомнѣнный интересъ, и съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно выраженное имъ сожалѣніе о его смерти. Что же касается до взгляда Пушкина на личность Аракчеева и на его политическую роль, то въ этомъ отношеніи едва-ли сужденіе Пушкина значительно разнилось отъ общаго мнѣнія. Къ числу юношескихъ, свободолюбивыхъ стихотвореній Пушкина принадлежатъ двѣ эпиграммы на Аракчеева „Всей Россіи притѣснитель"... и „Холопъ вѣнчаннаго солдата"... (1820), сыгравшія, по мнѣнію В. Е. Якушкина, рѣшающую роль въ дѣлѣ его высылки изъ Петербурга; впрочемъ, кн. П. А. Вяземскій пріурочиваетъ вторую эпиграмму не къ Аракчееву, а къ Стурдзѣ (Старина и Новизна, кн. VII-я;, М., 1904; стр. 36); однако въ многочисленныхъ спискахъ она всегда встрѣчается съ именемъ Аракчеева.

Что касается до всеобщаго равнодушія, съ которымъ было встрѣчено извѣстіе о смерти нѣкогда всесильнаго временщика, и которое отмѣчено Пушкинымъ въ его дневникѣ, то о немъ свидѣтельствуютъ и другіе современники. Такъ Н. И. Гречъ, свидѣтель, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ излишнемъ либерализмѣ, пишетъ въ своихъ „Запискахъ": „Я былъ въ придворной церкви у обѣдни и при присягѣ цесаревича. Любопытно было видѣть и слышать чистосердечные отзывы объ Аракчеевѣ людей, знавшихъ его коротко. Всѣхъ откровеннѣе и умнѣе говорилъ бывшій при немъ долго Василій Романовичъ Марченко, ненавидѣвшій и презиравшій его всѣми силами своей души. Нѣкоторые изъ бывшихъ его клевретовъ обрадовались его смерти: она ихъ увѣрила, что онъ не воротится. Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, бывшій командиръ полка графа Аракчеева, узнавъ въ церкви о его кончинѣ, сказалъ, перекрестясь: „царство ему небесное! себя успокоилъ и всѣхъ успокоилъ" („Записки о моей жизни". СПб., 1886; стр. 253, прим.).

Стр. 55 (13). Клейнмихель, Петръ Андреевичъ (1793—1869), съ 1839 г. графъ, ген.-лейтенантъ, ген.-адъютантъ, управляющій Департаментомъ Военныхъ поселеній, Дежурный генералъ Главнаго Штаба, впослѣдствіи Членъ Госуд. Совѣта и министръ путей сообщеній и общественныхъ зданій (1842—1855), одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей суроваго Николаевскаго режима. Для своего герба онъ самъ избралъ девизъ: „Усердіе все превозмогаетъ", чрезвычайно характерный для всего склада его личности и его міро-

lib.pushkinskijdom.ru

созерцанія. Въ юности онъ состоялъ адъютантомъ при Аракчеевѣ, который очень благоволилъ къ нему и помогъ ему сдѣлать карьеру: очевидно, въ силу этихъ давнихъ личныхъ отношеній, Клейнмихель и былъ избранъ для посылки въ Грузино послѣ смерти его покровителя. Клейнмихель принадлежалъ къ числу наиболѣе непопулярныхъ государственныхъ дѣятелей Николаевскаго времени и увольненіе его въ отставку, въ октябрѣ 1855 года, было радостно привѣтствовано общественнымъ мнѣніемъ. Сохранилось одно письмо Пушкина къ Клейнмихелю (отъ 19 ноября 1835 г.) дѣлового характера, по поводу книгъ и бумагъ, взятыхъ Пушкинымъ изъ Военнаго министерства при его работѣ надъ исторіей Пугачевскаго бунта; повидимому, другихъ отношеній, кромѣ чисто офиціальныхъ, между ними не было. „Губернаторъ Новогородскій"—д. с. с. Августъ Ульяновичъ Денферъ (Списокъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ на 1834 годъ. Стр. 33). Кто былъ Игнатьевъ, сопровождавшій Клейнмихеля въ его поѣздкѣ въ Грузино, намъ выяснить не удалось; среди служащихъ, непосредственно подчиненныхъ Клейнмихелю, нѣтъ лица съ такою фамиліей.

Стр. 55 (16—18). Опасенія, выраженныя Пушкинымъ по случаю предстоящаго разрѣшенія отъ бремени Смирновой, вызваны были тѣмъ, что первые роды ея въ октябрѣ 1832 года, были очень тяжелые, такъ что пришлось прибѣгнуть къ операціи и пожертвовать ребенкомъ, для того чтобы спасти жизнь матери (подробности см. въ письмѣ кн. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 31 октября 1832 г.—Остафьевскій Архивъ, III, стр. 211). На этотъ разъ Смирнова благополучно родила (18 іюня 1834 г.) двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ одна, Ольга, бывшая впослѣдствіи фрейлиной. извѣстна какъ издательница ея „Записокъ" (о нихъ см. выше, стр. 290—291). Объ этомъ событіи въ семейной жизни Смирновой Пушкинъ тогда же сообщалъ женѣ, въ обычной для него остроумно-грубоватой формѣ (Переписка, III, стр. 133). Впрочемъ и эти роды оказались для Смирновой нелегкими, и ей пришлось послѣ нихъ уѣхать для лѣченія заграницу.

Стр. 55 (19—23). Балъ, устроенный Петербургскимъ дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія наслѣдника престола, состоялся не 28 апрѣля, какъ ошибочно записалъ Пушкинъ, а 29-го, въ Ѳомино воскресенье. Наканунѣ бала, т. е. въ субботу 28 апрѣля, Пушкинъ писалъ женѣ, давая ей „отчетъ" въ времяпрепровожденіи въ ея отсут-

lib.pushkinskijdom.ru

ствіи: „Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предмѣтомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Разчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня“ (Переписка, III, 106). Балъ дворянства былъ устроенъ въ домѣ оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина, при чемъ для парадnаго ужина была спеціально построена архитекторомъ А. П. Брюлловымъ громадная деревянная зала, о которой упоминаетъ Пушкинъ въ письмѣ. На другой день послѣ бала, т. е. 30 апрѣля, Пушкинъ снова писалъ женѣ: „Вчера былъ, наконецъ, Дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ...“ Въ другомъ письмѣ къ женѣ, написанномъ въ тотъ же день, Пушкинъ возвращается къ тому же предмету: „Поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ; что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать“ (Переписка, III, стр. 106 и 108). Съ настоящимъ восторгомъ писалъ объ этомъ балѣ К. Я. Булгаковъ своему брату: „Ну ужъ балъ былъ вчера! Дворянство подлинно отличилось! Я не знаю, чего тутъ недоставало, развѣ птичьяго молока. Такъ хорошо было все устроено, что мы, и вообще всѣ, подъѣхали безъ малѣйшей остановки, тогда какъ было каретъ, можетъ быть, 800 или болѣе, и полагали, что часа два останемся въ дорогѣ. Иллюминація была превосходная, внутреннее освѣщеніе чудесное, уборная комната Императрицы вся въ цвѣтахъ, а въ срединѣ боскетъ изъ настоящаго виноградника съ висячими кистями винограда. Для великой княгини Елены Павловны также была сдѣлана прекрасная уборная. Ихъ величества изволили прибыть въ 10 часовъ съ Наслѣдникомъ и великими князьями. Было очень много, а нельзя сказать, чтобы

lib.pushkinskijdom.ru

была тѣснота. Зала, вновь выстроенная для ужина Брюлловымъ, также прекрасная; жаль, ее сломаютъ, ибо деревянная. Танцовали много. За ужиномъ пѣли Гайнфатеръ и Корнъ. Кромѣ сей залы и другой, которая въ домѣ, проломлена была дверь въ сосѣдній домъ, гдѣ были накрыты столы, говорятъ, всего на 1200 приборовъ... Описаніе этого достопамятнаго праздника вѣроятно будетъ въ Сѣверной Пчелѣ. Я видѣлъ тамъ Греча; слѣдовательно я только скажу, что праздникъ этотъ въ родѣ тѣхъ, кои мы видѣли во время коронаціи, но еще великолѣпнѣе, ибо стоилъ 140000 рублей" (Рус. Архивъ, 1904, мартъ, стр. 418). И дѣйствительно, въ „Сѣверной Пчелѣ" въ № 100 отъ 5 мая было помѣщено подробное описаніе дворянскаго бала, можетъ быть, принадлежащее перу самого Греча. См. также Journal de Francfort № 147 отъ 29 мая.

Стр. 55 (28-34). Указъ о пребываніи русскихъ подданныхъ за границей былъ изданъ 17 апрѣля 1834 года. Во вступительной части указа приводятся мотивы, приведшіе къ его изданію: „Законами нашими,—говорится здѣсь,—разрѣшены, какъ дворянству, такъ и всѣмъ свободнымъ состояніямъ, отлучки за границу съ установленными паспортами; но никогда не было разрѣшаемо оставленіе отечества и произвольное въ чужихъ краяхъ водвореніе. Между тѣмъ изъ свѣдѣній, Намъ представленныхъ, открывается, что были и нынѣ есть примѣры и случаи, въ коихъ лица, получившія паспорты на отлучку за границу, остаются тамъ на жительствѣ на неопредѣленное время, и тѣмъ самымъ дозволенную имъ отлучку произвольно превращаютъ въ переселеніе. Послѣдствіемъ сего есть разстройство ихъ имуществъ, расточеніе доходовъ внѣ Государства, обремененіе долгами ихъ наслѣдствъ, отчужденіе отъ родственныхъ и отечественныхъ союзовъ". Въ цѣляхъ „пресѣченія зла столь очевиднаго", указъ устанавливаетъ затѣмъ положенія, регулирующія сроки пребыванія русскихъ подданныхъ за границей. Такой срокъ устанавливается указомъ—для дворянъ пятилѣтній, для прочихъ сословій трехлѣтній. Кто по миновеніи этихъ сроковъ не возвратится въ Россію, тотъ считается „безвѣстно-отсутствующимъ" и надъ имуществомъ его учреждается опека. Таковы главныя статьи указа; остальныя касаются замужнихъ женщинъ, „обоюдныхъ подданныхъ" (sujets mixtes) и другихъ частныхъ случаевъ.

Указъ 17 апрѣля 1834 года является звеномъ въ рядѣ другихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ имп. Николая, имѣвшихъ цѣлью затруднить для русскихъ подданныхъ выѣздъ и пребываніе за границей

lib.pushkinskijdom.ru

и вызванныхъ опасеніями правительства, въ связи съ революціоннымъ движеніемъ 1830—31 годовъ. Ему предшествовалъ указъ 18 февраля 1831 г., устанавливавшій правило, согласно которому русское юношество отъ 10 до 18 лѣтъ должно было получать воспитаніе и образованіе въ Россіи, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишенія права поступленія на государственную службу. Затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе 23 октября 1832 г. „о неувольненіи никого безъ высочайшаго дозволенія за границу". Третьимъ звеномъ былъ указъ 17 апрѣля 1834 г., за которыми послѣдовали указы 11 іюля 1840 г. и 15 марта 1844 г., устанавливавшіе значительныя пошлины съ заграничныхъ паспортовъ и вносившіе нѣкоторыя стѣсненія въ самый порядокъ ихъ выдачи.

Въ рядѣ этихъ законоположеній указъ 17 апрѣля 1834 года, несомнѣнно, представляется наиболѣе важнымъ и значительнымъ, такъ какъ онъ серьезнымъ образомъ затрагивалъ и ограничивалъ нѣкоторыя весьма существенныя гражданскія права русскихъ подданныхъ, поскольку эти права были признаны существующими законами. Указъ Петра III-го „о вольности дворянства" отъ 18 февраля 1762 года и „Жалованная грамота" имп. Екатерины 1785 года установили за дворянствомъ неотъемлемое право „отъѣзжать" въ другія европейскія государства и даже поступать тамъ на службу,—правда, съ оговоркой, что, въ случаѣ вызова со стороны русскаго правительства, отъѣхавшіе за границу дворяне обязаны вернуться на родину, подъ страхомъ конфискаціи имущества (А. Романовичъ-Славатинскій: „Дворянство въ Россіи". Изд. 2-е. Кіевъ, 1912; стр. 198-204). Указъ 17 апрѣля 1834 года, несомнѣнно, затрагивалъ это право русскаго дворянства и вносилъ въ него значительныя ограниченія. Онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта въ засѣданіяхъ 12 и 16 апрѣля, но вслѣдствіе заявленія предсѣдателя кн. Кочубея о непремѣнной волѣ государя издать предложенный законъ, при чемъ Государственному Совѣту предоставлялась только редакція его, вопросъ по существу не обсуждался, и Н. С. Мордвиновъ, желавшій внести нѣкоторыя возраженія противъ проектируемаго закона, былъ лишенъ возможности это сдѣлать. Журналъ засѣданія 16 апрѣля не былъ еще подписанъ членами, какъ на другой же день, 17 апрѣля, послѣдовалъ уже указъ Сенату „объ ограниченіи пребыванія русскихъ подданныхъ въ иностранныхъ земляхъ" (Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Т. VIII-й. СПб., 1903; стр. 447-449).

Указъ 17 апрѣля, затрагивавшій права и интересы высшаго сословія, вызвалъ въ обществѣ различные толки и возбудилъ въ нѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

которыхъ кругахъ неудовольствіе. Отголоскомъ этихъ толковъ и является запись Пушкина, увидѣвшаго въ указѣ прежде всего нарушеніе правъ русскаго дворянства, нарушеніе дворянскаго habeas corpus'a, даннаго нѣкогда Петромъ III и Екатериной II. Указъ обратилъ на себя вниманіе и за границей, гдѣ онъ почти единодушно оцѣнивался, какъ мѣра реакціонная. Такъ, даже умѣренный Journal des Débats разсматривалъ эту мѣру русскаго правительства, какъ дѣло „du parti de l'ancien régime", стремящагося „ensevelir la jeunesse russe dans l'étude de la vieille Moscovie". Затронутое этими обвиненіями, правительство Николая сочло нужнымъ выступить съ нѣкоторыми объясненіями: въ официозномъ Journal de St. Pétersbourg была напечатана (30 Juin—12 Juillet 1834, № 78) статья, въ которой доказывалось, что указъ 17 апрѣля вовсе не представляетъ собою отступленія отъ политики Петра Вел. и Екатерины II и не направленъ къ тому, чтобы затруднить для русскихъ сношенія съ Зап. Европой, и что, напротивъ того, русское правительство всячески заботится о распространеніи въ Россіи европейскаго просвѣщенія. Статья русскаго официоза было вскорѣ перепечатана въ Journal de Francfort, также выступавшемъ неоднократно въ качествѣ защитника и апологета русскаго правительства (№№ 204—205; о роли этого органа печати см. выше, стр. 400—401). Свидѣтельствомъ интереса, возбужденнаго за границей указомъ 17 апрѣля является также брошюра: „Quelques observations sur la Russie au sujet de l'oukase du 17 avril 1834" (Paris, 1835), въ которой анонимный авторъ,—повидимому, человѣкъ долго жившій въ Россіи и достаточно знакомый съ ея государственными и общественными порядками,—весьма строго разбираетъ и критикуетъ указъ, хотя въ то же время съ большимъ уваженіемъ и похвалою отзывается объ императорѣ Николаѣ I, какъ о человѣкѣ и правителѣ.

Стр. 56(1) „Гр. Хреб."—вѣроятно, графиня Марія Карловна Хрептовичъ, урожденная фонъ Рённе (1783—1848), супруга тайнаго совѣтника гр. Иринея Ефимовича Хрептовича, гофмейстера и дѣйствительнаго камергера (кн. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. Изд. 2-е. Т. II, стр. 345); или же невѣстка предыдущей,—гр. Елена Карловна (род. 1813 г.), урожд. гр. Нессельроде, дочь министра Иностран. дѣлъ, супруга графа Михаила Иринеевича Хрептовича, камеръ-юнкера, служившаго въ Департаментѣ внѣшнихъ сношеній Министерства Иностран. дѣлъ (Мѣсяцесловъ и Общій штатъ Россійской Имперіи за 1834 годъ, стр. 22).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 55 (35). „Гуляніе 1-го мая"—традиціонное катаніе, устраиваемое въ этотъ день Петербургской аристократіей и богатымъ купечествомъ въ Екатерингофскомъ паркѣ. Екатерингофскій дворецъ былъ построенъ имп. Петромъ I въ 1712 г. для Екатерины Алексѣевны, въ честь которой онъ и получилъ свое названіе. Скромный первоначально по своимъ размѣрамъ и виду, онъ при Елизаветѣ Петровнѣ былъ значительно расширенъ и перестроенъ по планамъ знаменитаго Растрелли, и въ немъ лѣтомъ иногда живала императрица и давались придворныя празднества. Съ воцареніемъ Екатерины II дворецъ былъ заброшенъ, и только прилегавшій къ нему паркъ сталъ служить мѣстомъ прогулокъ для горожанъ, особенно въ день 1-го мая, когда здѣсь устраивалась иллюминація, которую посѣщала и императрица. Съ теченіемъ времени дворецъ обветшалъ, такъ какъ гофъ-интендантская контора, въ веденіи которой онъ находился, мало заботилась о его поддержкѣ. Въ 1804 году имп. Александръ I приказалъ передать дворецъ вмѣстѣ съ паркомъ въ завѣдываніе Комитета правленія городскихъ повинностей въ Петербургѣ: такимъ образомъ, они перешли въ собственность города, который съ этого времени и началъ заботиться объ ихъ поддержаніи. Екатерингофскій паркъ сталъ общественнымъ гульбищемъ, особенно для прилегавшей къ нему Коломны. Особенное вниманіе обратилъ на Екатерингофъ графъ Милорадовичъ, который во время своего генералъ-губернаторства потратилъ немало средствъ для его украшенія: при немъ были построены въ паркѣ бесѣдки, башни, мостики и проч., заведенъ ресторанъ, стали устраиваться гулянія съ музыкой, иллюминаціями, спускомъ аэростатовъ и различными забавами для увеселенія публики (И. Н. Божеряновъ. „Екатерингофъ". Рус. Старина, 1884, I, стр. 627-81). Подробное описаніе Екатерингофа и устроенныхъ Милорадовичемъ „затѣй" далъ Ѳаддей Булгаринъ въ своей статьѣ, носящей, какъ и многія другія его писанія, отчасти рекламный характеръ и разсчитанной, повидимому, на снисканіе вниманія и милостей Милорадовича: „Прогулка въ Екатерингофъ" („Литературные Листки", 1824, ч. II, №8, стр. 304—312). Ядовитый Вигель, весьма недоброжелательно настроенный по отношенію къ Милорадовичу, говоритъ въ своихъ Запискахъ, что причиною вниманія Милорадовича къ Екатерингофу было то обстоятельство, что вокругъ него находились дачи, занятыя актрисами и театральными воспитанницами, которыми онъ интересовался и которыхъ онъ усердно посѣщалъ: Вигель даже сравниваетъ Екатерингофъ съ знаменитымъ Parc aux Cerfs Людовика XV-го (ч. VI, стр. 51). Что касается до стиховъ гр. Хвостова, о которыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

говорится въ приведенной Пушкинымъ эпиграммѣ, то они были написаны имъ въ 1824 году и посвящены графу Милорадовичу; изданныя первоначально „иждивеніемъ И. В. Слѣнина“, въ видѣ отдѣльной брошюры: „Майское гуляньe въ Екатерингофѣ 1824 года (СПб., въ типографіи Греча, 1824), они затѣмъ вошли въ его книгу: „Разныя стихотворенія графа Хвостова, сочиненныя послѣ полнаго собранія“ (СПб., 1827; стр. 96—113). Въ этихъ пространныхъ и нескладныхъ виршахъ Хвостовъ въ приподнятомъ тонѣ „воспѣваетъ“ первомайское гулянье, съ его пестрою толпой, дворецъ и паркъ, съ ихъ убранствомъ и украшеніями, и, наконецъ, самого Милорадовича, который—

Петровой у подножья славы,
Устроилъ при Невѣ забавы
И всѣхъ обрадовалъ сердца.

Стр. 56 (10). Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ (1771—1825), извѣстный боевой генералъ, сподвижникъ и любимецъ Суворова, участникъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ. Онъ отличился въ Бородинскомъ бою, послѣ котораго командовалъ аріергардомъ при отступленіи русской армии. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ онъ командовалъ русской и прусской гвардіей. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Во время возмущенія 14 декабря 1825 г., онъ былъ смертельно раненъ Каховскимъ, въ то время какъ обращался къ войскамъ, призывая ихъ къ повиновенію. Отзывы современниковъ о Милорадовичѣ очень разнообразны: съ одной стороны, отмѣчается его необычайная личная храбрость, присутствіе духа, откровенность, щедрость, душевное благородство; съ другой стороны—легкомысліе, самомнѣніе, хвастливость: такъ, П. Ѳ. Карабановъ называетъ его „фанфарономъ“ (Рус. Старина, 1872, II, стр. 286), Вигель—„карикатурнымъ Баярдомъ“ (Записки, ч. VI, стр. 51). По отношенію къ Пушкину, впрочемъ, Милорадовичъ поступилъ очень благородно: Ѳ. Н. Глинка, состоявшій при Милорадовичѣ по особымъ порученіямъ, разсказываетъ въ своей статьѣ: „Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году“, что, когда весною 1820 года поднялось дѣло о „вольныхъ“ стихахъ Пушкина, угрожавшее ему большими непріятностями, Глинка посовѣтовалъ ему обратиться непосредственно къ Милорадовичу; Пушкинъ такъ и сдѣлалъ, и Милорадовичъ, не производя у него обыска и выемки бумагъ, предложилъ ему самому записать инкриминируемые ему стихи и эпиграммы, и когда

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ, сидя у него въ кабинетѣ, исписалъ ими „цѣлую тетрадь". Милорадовичъ, восхищенный его прямодушіемъ, лично просилъ за него императора Александра и добился смягченія его участи (Рус. Архивъ, 1866, стр. 917—221).

Стр. 56 (*11*). „Гоголь читалъ у Дашкова свою Комедію"—рѣчь идетъ о піесѣ Гоголя „Владиміръ 3-й степени", надъ которой онъ какъ разъ въ это время работалъ и отъ которой сохранились только отдѣльные отрывки. Объ ней Пушкинъ запрашивалъ кн. Одоевскаго изъ Болдина 30 октября 1833 года: „Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней-же есть закорючка". (Переписка III, стр. 56). Самъ Одоевскій относилъ этотъ вопросъ къ Ревизору (Сочиненія Пушкина. Изданіе Литер.Фонда. Т. VII, стр. 382,прим. 2-е); однако, какъ доказалъ Н. С. Тихонравовъ это указаніе Одоевскаго должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ работа надъ Ревизоромъ началась у Гоголя значительно позже (Сочиненія Гоголя, изд. 10-е; т. III, стр. 549 и прим. къ ней 51-е; срав. также В. И. Шенрокъ: „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. II, стр. 354).

Стр. 56 (*11*). Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, у котораго Гоголь читалъ въ 1833 г. свою комедію, принадлежалъ къ поколѣнію писателей и литературныхъ дѣятелей нѣсколько старшему, нежели Пушкинское. Онъ (род. 1788 г., ум. 1839) былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона, по окончаніи коего служилъ по министерству Иностранныхъ дѣлъ и Юстиціи, съ 1833 года и почти до смерти былъ министромъ юстиціи (см. П. Ивановъ, Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, СПб. 1863, стр. 153—164). Онъ съ ранней юности и до кончины не переставалъ принимать живое участіе въ литературѣ, вращаясь въ кругу писателей, извѣстенъ былъ какъ отличный знатокъ французской, и позднѣе нѣмецкой, литературы, большой поклонникъ Вольтера, выдающійся остроумникъ, знатокъ иностранныхъ языковъ (въ томъ числѣ греческаго, которому онъ основательно выучился во время своей службы на Востокѣ), поклонникъ классической литературы. Изъ русскихъ писателей онъ особенно дружилъ съ В. А. Жуковскимъ и К. Н. Батюшковымъ. Его литературная дѣтельность началась еще въ Университетскомъ пансіонѣ (въ „Утренней Зарѣ" 1803 г.—его переводъ съ французскаго „Слѣды золотого вѣка)" и носила характеръ преимущественно критическій, полемическій и отчасти сатирическій. Извѣстность же его въ литературѣ тѣсно связана съ знаменитымъ

lib.pushkinskijdom.ru

споромъ между сторонниками Шишкова и Карамзина: здѣсь Дашкову, какъ выдающемуся своими знаніями, талантомъ и ѣдкимъ остроуміемъ, принадлежала роль передового, самаго сильнаго и авторитетнаго борца противъ „Шишковцевъ“ (см. статью его: „О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики“, 1811). Съ 1810 г. онъ состоялъ членомъ Петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, дѣятельнымъ сотрудникомъ органа этого Общества „С.-Петербургскаго Вѣстника“, но въ 1812 г. уже исключенъ изъ него за исторію съ избраніемъ въ члены Общества Д. И. Хвостова (подробнѣе см. Н. С. Тихонравова, Сочиненія, III, 2, стр. 139—146), а въ 1815 году онъ былъ уже вмѣстѣ съ Д. Н. Блудовымъ и В. А. Жуковскимъ основателемъ „Арзамаса“, куда вскорѣ вошли и Батюшковъ, и П. А. Вяземскій, оба Пушкина и др. члены Пушкинскаго круга (см. Соч. К. Н. Батюшкова, подъ ред. Л. Н. Майкова, II, 400—403). Съ этимъ передовымъ кругомъ Д. В. Дашковъ сохранилъ живую связь до конца своихъ дней, будучи уже важнымъ чиновнымъ лицомъ. Этимъ объясняется и чтеніе Гоголемъ у него въ домѣ своей комедіи, о которой см. выше.

М. С.

Стр. 56 (14-15) Приведенное Пушкинымъ французское двустишіе представляетъ собой цитату изъ 3-й сатиры Буало: „Description d'un repas ridicule“ (1665):

Molière avec Tartufe y doit jouer son rôle;
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole.
C'est tout dire en un mot, et vous le connoissez.—
Quoi! Lambert!—Oui, Lambert. A demain —C'est assez.

Самъ Буало дѣлаетъ къ этому стиху примѣчаніе: „Lambert, le fameux musicien, étoit un fort bon homme qui promettoit à tout le monde de venir, mais qui ne venoit jamais“ (Oeuvres poétiques de Boileau Desprèaux. Edition collationnée sur les meilleurs textes, avec des notes choisies dans tous les commentateurs, par Charles Louandre. Paris, 1857; p. 53).—Michel Lambert (1610—1696), композиторъ, пѣвецъ и учитель пѣнія, пользовавшійся въ свое время большой извѣстностью. Собесѣдникъ въ сатирѣ Буало, приглашая своего пріятеля на обѣдъ, нарочно подчеркиваетъ, что Ламберъ также обѣщалъ ему быть, и что Мольеръ будетъ читать своего „Тартюфа“. Комедія Мольера, написанная въ 1654 году, въ это время была запрещена для постановки на сценѣ, но Мольеръ неоднократно

lib.pushkinskijdom.ru

читалъ ее въ Парижскихъ аристократическихъ салонахъ, и эти чтенія представляли поэтому для публики особенный интересъ, не только въ качествѣ литературной новости, но также въ качествѣ запретнаго плода. Приводя въ своемъ письмѣ цитату изъ сатиры Буало, Дашковъ, можетъ быть, хотѣлъ этимъ сказать, что такою же новинкой, и притомъ нецензурной, была комедія Гоголя, на чтеніе которой онъ приглашалъ Вяземскаго.

Стр. 56 (18). Ламбертъ, графъ Карлъ Осиповичъ (1772—1843), французскій эмигрантъ, поступившій на русскую службу въ 1793 году и принимавшій дѣятельное участіе въ войнахъ съ Наполеономъ, причемъ въ дѣлѣ подъ Борисовымъ, при переправѣ французской арміи черезъ Березину, былъ тяжело раненъ. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, онъ командовалъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, а въ 1826 г. былъ назначенъ сенаторомъ. „Графъ К. О. Ламбертъ былъ отличнымъ кавалерійскимъ генераломъ; на службѣ всегда вѣжливый, въ жизни ласковый, онъ давалъ замѣтить въ себѣ француза старой школы“ (Вел. Князь Николай Михайловичъ. Русскіе портреты. Т. V, № 75). Графъ К. О. Ламбертъ былъ женатъ на Юліанѣ Михайловнѣ Дѣевой: младшій изъ его сыновей, графъ Карлъ Карловичъ, былъ впослѣдствіи недолгое время намѣстникомъ Царства Польскаго (при имп. Александрѣ II). Въ 1831 году графиня Ю. М. Ламбертъ проживала на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, какъ разъ напротивъ дома, занимаемаго Пушкиными. А. О. Смирнова разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, что послѣдній, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, болталъ съ нею и „прибиралъ всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки, графини Ламбертъ“ (Рус. Архивъ, 1871, стр. 1877). Самъ Пушкинъ тогда же писалъ про Смирнову (тогда еще—Россетъ) князю Вяземскому, что „она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ Генеральшу Ламбертъ и камеръ лакея-нѣмца—въ совершенствѣ“ (Переписка, II, стр. 318). Очевидно, графиня Ламбертъ чѣмъ-то вызывала смѣшливое настроеніе у Пушкина и у его молодой пріятельницы – фрейлины. Поэтъ даже прозвалъ ее, по свидѣтельству той же Смирновой, „m-me Tolpège“—„передѣлавъ на французскій ладъ русское слово толпега“ („толпега“—по Далю, въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ, означаетъ безтолковый, грубый, неотесанный человѣкъ, толстая женщина). Графиня Ламбертъ, можетъ быть, даже замѣчала это насмѣшливое отношеніе къ себѣ поэта, потому что, по словамъ Смирновой, она „оставляла занавѣски опущенными, боясь

lib.pushkinskijdom.ru

эпиграммъ. Она говорила: я боюсь: онъ на меня критику сочинитъ. Она хотѣла сказать—эпиграмму" (Записки А. О. Смирновой. Часть I, стр. 123). Однако, когда было получено извѣстіе о взятіи Варшавы, графиня Ламбертъ поспѣшила сообщить объ этомъ Пушкину, какъ объ этомъ онъ самъ писалъ Смирновой, посылая ей свою новую оду „Бородинская годовщина" (Переписка, II, стр. 321). Послѣ этого, замѣчаетъ Смирнова, Пушкинъ съ женою „сдѣлали визитъ графинѣ Ламбертъ, чтобы поблагодарить ее за то, что она объявила имъ о взятіи Варшавы; теперь она открыла свои занавѣски" (тамъ же, стр. 124).

Стр. 56 (*19*). Лаваль, графъ Иванъ Степановичъ (1761—1846), дѣйствительный камергеръ и церемоніймейстеръ высочайшаго двора. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія: „Графъ Иванъ Степановичъ Лаваль былъ французскій эмигрантъ, начавшій службу въ Россіи учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Преданіе гласитъ, что онъ до того умѣлъ понравиться младшей дочери статсъ-секретаря Козицкаго, Александрѣ Григорьевнѣ, что, вслѣдствіе несогласія матери на этотъ бракъ, она написала всеподданнѣйшую жалобу и опустила ее въ существовавшій тогда просьбо-пріемный ящикъ. По прочтеніи этой бумаги, Павелъ I потребовалъ объясненія. Козицкая—наслѣдница несмѣтныхъ богатствъ купцовъ Мясниковыхъ и Твердышевыхъ, и уже выдавшая свою старшую дочь за оберъ-шенка князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, дала объясненіе по пунктамъ. Во-1-хъ, Лаваль не нашей вѣры; во-2-хъ, никто не знаетъ, откуда онъ, въ 3-хъ, чинъ у него небольшой. Резолюція также состоялась по пунктамъ: Во 1-хъ, онъ христіанинъ; во-2-хъ, я его знаю; въ 3-хъ, для Козицкой у него чинъ весьма достаточный,—а потому—*обвѣнчать*. Повелѣніе это, несмотря на то, что оно послѣдовало наканунѣ постнаго дня, было тотчасъ же исполнено въ приходской церкви. Отъ этого брака былъ сынъ, застрѣлившійся въ молодости, и 4 дочери: княгиня Трубецкая, жена декабриста, послѣдовавшая за нимъ въ Сибирь, графиня Лебцельтернъ, у которой укрылся Трубецкой, за что мужъ ея, бывшій тогда австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, отозванъ былъ отъ этого поста; графиня Борхъ (+1871 г.) и графиня Коссаковская. Лаваль, во время пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ, ссудилъ его деньгами и былъ имъ пожалованъ въ графы; въ дипломѣ же сказано, что это сдѣлано во вниманіе къ тому, что Лаваль занимаетъ-де значительное мѣсто при русскомъ дворѣ: онъ былъ тогда

lib.pushkinskijdom.ru

камергеромъ. Супруги Лаваль имѣли великолѣпный домъ по Англійской набережной, возлѣ сената; давали тамъ пышныя празднества для царской фамиліи и постоянно, по средамъ, принимали дипломатическій корпусъ и все Петербургское высшее общество. Графъ Лаваль оставилъ по себѣ память остроумнаго и весьма начитаннаго собесѣдника, и притомъ вліятельнаго и очень доброжелательнаго начальника" (Рус. Старина, 1872, II, стр. 682—683). Въ нѣсколько иномъ варіантѣ передаетъ разсказъ о женитьбѣ Лаваля маркизъ Кюстинъ въ своей извѣстной книгѣ о Россіи, при чемъ онъ, на основаніи какихъ-то слуховъ, сообщаетъ, что настоящая фамилія Лаваля была Lovel и что онъ присвоилъ себѣ аристократическое имя древняго дворянскаго рода Лавалей, чтобы придать себѣ вѣсъ въ обществѣ, и наконецъ, что Павелъ I далъ ему при его женитьбѣ титулъ графа (M. de Custine. La Russie en 1839. T. VIII. Bruxelles, 1843. P. 66—67). А. И. Кошелевъ въ своихъ запискахъ отзывается о Лавалѣ какъ о человѣкѣ умномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ о тонкомъ царедворцѣ (Записки А. И. Кошелева. Берлинъ, 1884, стр. 21). О его супругѣ Александрѣ Григорьевнѣ сохранилось извѣстіе, что она состояла въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитой m-me de Staël (Н. М. Карамзинъ. Неизданныя сочиненія. Спб. 186 стр. 145).

Стр. 56 (23)—57 (17). Возмутительная исторія съ перехваченнымъ московской почтой письмомъ Пушкина къ женѣ глубоко оскорбила поэта и онъ, столь сдержанный въ выраженіи своихъ чувствъ, въ своихъ сухихъ и немногословныхъ записяхъ, на этотъ разъ далъ волю своему гнѣву на страницахъ своего дневника... Въ этомъ письмѣ Пушкинъ писалъ женѣ: „Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь Царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не намѣренъ; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфироднымъ своимъ тестой: съ моимъ тестой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ Царями!" (20 апрѣля 1834 г., Переписка, III, стр. 101). „Записочка" Жуковскаго, о которой го-

lib.pushkinskijdom.ru

воритъ Пушкинъ въ дневникѣ, до насъ не дошла. „Московская почта“ — конечно, имѣется въ виду Московскій почтъ-директоръ А. Я. Булгаковъ, братъ Петербургскаго Константина Яковлевича, о которомъ упорно говорили, будто онъ занимается перлюстраціей, что̀, впрочемъ, вполнѣ возможно и правдоподобно (о немъ см. ниже, въ примѣчаніи къ записи отъ 5 декабря). Что касается до самого письма Пушкина, то, судя по записи дневника, копія съ него, снятая Московской почтой, была препровождена „полиціи“—т.-е. начальнику III Отдѣленія Бенкендорфу, а имъ доложена государю, который, въ свою очередь, показалъ ее Жуковскому, сумѣвшему, однако растолковать дѣло и отклонить отъ Пушкина угрожавшую ему, быть можетъ, непріятность. Таковъ разсказъ самого Пушкина, въ точности котораго мы не имѣемъ основанія сомнѣваться, такъ какъ онъ записанъ непосредственно послѣ разыгравшихся событій. Въ нѣсколько иномъ видѣ, и притомъ въ двухъ варіантахъ, эти факты излагаются въ статьѣ: „Д. М. Деларю и Пушкинъ“ (Рус. Старина, 1880 сент., стр., 218—219) и въ вызванной этою статьею замѣткѣ П. И. Миллера въ томъ же журналѣ (окт., стр. 424—425). Изъ этихъ сообщеній выходитъ, что присланная Булгаковымъ копія письма Пушкина была получена Бенкендорфомъ, но не была доложена имъ имп. Николаю, потому что служившій у него секретаремъ воспитанникъ Лицея П. И. Миллеръ, желая выручить Пушкина изъ бѣды, переложилъ эту бумагу, предназначенную для представленія государю, въ другое отдѣленіе письменнаго стола гр. Бенкендорфа, въ надеждѣ на его извѣстную разсѣянность и забывчивость; по другой же версіи, Деларю, которому Миллеръ показалъ это письмо съ просьбой предупредить Пушкина, просто взялъ его себѣ, и такимъ образомъ дѣло не получило дальнѣйшаго хода. Оба эти разсказа, не смотря на кажущуюся правдоподобность, должны быть отвергнуты, въ виду ихъ противорѣчія съ тѣмъ, что сообщаетъ Пушкинъ въ дневникѣ: этотъ случай лишній разъ показываетъ, съ какою осторожностью изслѣдователь долженъ пользоваться матеріаломъ, основаннымъ на воспоминаніяхъ современниксвъ и свидѣтелей, даже тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, показанія ихъ имѣютъ всѣ признаки правдоподобія. Тотъ же Деларю сообщаетъ, что Пушкинъ показывалъ ему свое письмо къ женѣ, въ которомъ онъ умышленно помѣстилъ оскорбительный отзывъ о Булгаковѣ, въ расчетѣ, что письмо это при перлюстраціи попадетъ къ нему въ руки: въ этомъ письмѣ Пушкинъ просилъ жену быть осторожною въ своихъ письмахъ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ

lib.pushkinskijdom.ru

почтъ-директоромъ негодяй Булгаковъ, которой не считаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужихъ писемъ, ни торговать собственными дочерьми" (Рус. Старина, III стр. 219).

Выраженіе, употребленное Пушкинымъ въ дневникѣ, что онъ можетъ быть подданнымъ и даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не будетъ и у Царя Небеснаго, — представляетъ собой передѣлку словъ Ломоносова въ его письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 19 января 1761 года: „Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ". Пушкинъ съ сочувствіемъ цитируетъ эти слова Ломоносова (впрочемъ, не совсѣмъ точно) въ посвященной ему главѣ своей статьи: „Мысли въ дорогѣ" (Сочиненія П—на, подъ ред. С. А. Венгерова. Т. V, стр. 253).

До глубины души возмущенный вторженіемъ высшей полиціи въ его частную жизнь, Пушкинъ писалъ женѣ 18 мая 1834 года, сообщая ей о пережитыхъ непріятностяхъ: „Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая скверными и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами, никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни". А 3 іюня онъ снова возвращается къ этой же темѣ,—очевидно, наболѣвшей у него на душѣ: „Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше" (Переписка, III, стр. 117—122). Даже гораздо болѣе умѣренный и спокойный Жуковскій, письма котораго также подвергались иногда перлюстраціи, возмущался этимъ безцеремоннымъ нарушеніемъ тайны частныхъ сношеній и писалъ по этому поводу А. И. Тургеневу 3 декабря 1827 г. „Что могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто ввѣритъ себя почтѣ? Что выиграли, разрушивъ святыню, вѣру и уваженіе къ правительству? Это бѣситъ! Какъ же хотятъ уваженія къ законамъ въ част-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ лицахъ, когда правительство все беззаконное себѣ позволяетъ?“ (Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. М. 1895 г. стр. 232). Пушкинъ уже и раньше подвергался непріятностямъ изъ-за перехваченныхъ писемъ; такъ, неосторожныя выраженія въ одномъ изъ нихъ послужили ближайшимъ поводомъ къ его высылкѣ изъ Одессы въ 1824 году: недаромъ, кн. Вяземскій, знавшій по собственному опыту нескромность почтоваго вѣдомства, уговаривалъ его быть осторожнѣе въ своей корреспонденціи. Да и самъ Пушкинъ не особенно довѣрялъ почтѣ и еще 20 декабря 1823 г. писалъ Вяземскому: „Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи“ (Переписка, I, стр. 92 и 103).

Стр. 57 (19—32). По поводу завѣщанія графа Аракчеева сенаторъ П. Г. Дивовъ записалъ въ своемъ дневникѣ отъ 30 апрѣля 1834 года: „Три первые департамента Сената созваны въ чрезвычайное собраніе для вскрытія духовнаго завѣщанія покойнаго графа Аракчеева. Изъ этого акта выяснилось, что императоръ Александръ превратилъ Грузино въ маіоратъ, а покойный обязался сдѣлать приписку къ духовному завѣщанію съ указаніемъ, кого онъ назначаетъ наслѣдникомъ своего имущества; между тѣмъ этотъ актъ подписанъ въ 1816 году, а до его (Аракчеева) смерти никто не былъ назначенъ наслѣдникомъ, такъ что по смыслу самаго завѣщанія право назначить наслѣдника принадлежитъ императору. Въ этомъ смыслѣ Сенатомъ и сдѣлано представленіе его императорскому величеству“ (Рус. Старина, 1900, іюль, стр. 190). Согласно этому представленію Правительствующаго Сената, Николай I указомъ 6 мая 1834 г. повелѣлъ, чтобы вся Грузинская волость, принадлежавшая покойному Аракчееву, перешла во владѣніе Новгородскаго Кадетскаго корпуса, въ основаніи котораго Аракчеевъ принималъ участіе, пожертвовавъ капиталъ въ 300 тысячъ рублей ассигнаціями, на содержаніе неимущихъ кадетъ, уроженцевъ Новгородской и Тверской губерній; при этомъ само учебное заведеніе должно было именоваться Новогородскимъ Кадетскимъ графа Аркачеева Корпусомъ, дабы „сохранить имя Графа Аракчеева такимъ образомъ, который бы соотвѣтствовалъ всегдашнему его стремленію къ пользѣ общественной“ (Сѣв. Пчела, 16 мая 1834 г.). Нѣкоторыя подробности объ основаніи Новгород. Кадет. корпуса и о первыхъ годахъ его существованія см. въ статьѣ П. П. Карцова въ Рус. Старинѣ, 1884 г., мартъ, стр. 519 сл.

lib.pushkinskijdom.ru

57 (33)—58 (1) Полетика, Петръ Ивановичъ (1778—1849), изъ интеллигентной семьи обрусѣлыхъ Нѣжинскихъ грековъ, былъ одной изъ интересныхъ и привлекательныхъ личностей Петербургскаго образованнаго общества 20—30-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Послѣ окончанія Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса (1782—1796) и кратковременной военной службы, П. И. Полетика всю свою жизнь прослужилъ по дипломатическимъ дѣламъ, начиная съ должности переводчика Коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1798) и канцеляриста при миссіи въ Стокгольмѣ (1802—3) и кончая должностью посланника въ Ріо-Жанейро и Филадельфіи (въ Америкѣ), гдѣ онъ былъ съ 1822 г., а съ 1825 г. до смерти своей жилъ въ Петербургѣ, и состоялъ въ Сенатѣ, но не порывая съ дипломатическими дѣлами. Въ силу свой службы онъ много путешествовалъ, подолгу жилъ за границей, много видѣлъ, много зналъ и, обладая большой живостью и впечатлительностью, весьма многое могъ разсказать, а разсказывать онъ умѣлъ увлекательно и остроумно. По собственнымъ его словамъ, онъ покинулъ корпусъ съ нѣкоторой начитанностью въ русской и французской словесности, съ нѣкоторыми полузнаніями въ разныхъ наукахъ, съ несоразмѣрнымъ своему положенію самолюбіемъ, съ довольно испорченными нравами и съ честными правилами (Рус. Біогр. слов., II. s. v.). Эта краткая авто-біографическая замѣтка дополняется и исправляется другими современниками его, отмѣтившими эту, во всякомъ случаѣ, оригинальную личность. Такъ о немъ Ф. Ф. Вигель сообщаетъ: „Въ корпусѣ онъ воспитывался во время Ангальта (извѣстнаго своею дѣятельностью директора-педагога), который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранные языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцамъ, и все это было не худо—по крайней мѣрѣ имъ преподаны были средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ... Полетика не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ... Рано могъ онъ выбраться на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму... Онъ былъ собою не виденъ, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣляли наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія, онъ соединялъ ихъ съ тонкостью, свойственной людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его, совсѣмъ непритворная, была однакоже не безъ расчета; онъ такъ искусно, шутливо, необидно умѣлъ

lib.pushkinskijdom.ru

говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда виденъ былъ въ немъ свѣдущій человѣкъ. Не зная вовсе спеси, со всѣми онъ былъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, и самъ ни къ кому не чувствовалъ ненависти... Къ сожалѣнію моему,—прибавляетъ Ф. Ф. Вигель,—онъ былъ одержимъ сильной англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ однакоже много забавной почтенной оригинальности" („Записки" М. 1866, III, часть V, стр. 39—40). Эта характеристика Полетики, даваемая Ф. Ф. Вигелемъ, далеко не щедрымъ на положительные отзывы о людяхъ (Ср. Рус. Арх. 1868 г., стр. 219—220; см. также: Соч. кн. П. А. Вяземскаго, IX, 225), подтверждается по частямъ другими его современниками; изъ словъ этихъ послѣднихъ видно, что П. И. Полетика обращалъ на себя вниманіе въ Петербургскомъ образованномъ обществѣ „любезностью своего просвѣщеннаго ума"; самъ онъ писателемъ не былъ (если не считать его нѣсколькихъ статей и замѣтокъ, появившихся въ связи съ его дипломатической карьерой; между прочимъ, въ „Литер. Газетѣ" бар. Дельвига была напечатана его статья: „Состояніе общества въ Соединенныхъ Американскихъ областяхъ", 1830. №№ 45—46), но въ литературѣ, повидимому, былъ достаточно свѣдущъ, вращался въ кругу передовыхъ писателей начала и первой половины прошлаго вѣка, состоялъ членомъ „Арзамаса" (здѣсь ему, какъ много странствовавшему, дано было прозвище „Очарованный челнъ"), со многими изъ писателей и людей причастныхъ къ литературѣ дружилъ, съ Пушкинымъ, Вяземскимъ, Тургеневымъ, Д. Н. Блудовымъ и Д. В. Дашковымъ (съ ними связывали его и служебныя отношенія), особенно же съ Жуковскимъ, Смирновой. Т. о. онъ тѣсно примыкалъ къ кружку Пушкина, съ которымъ потому могъ часто и встрѣчаться, и который, несомнѣнно, цѣнилъ и его личныя качества: его простодушіе, прямодушіе, остроуміе, разнообразіе познаній, мастерство и живость его разсказовъ. Эти же качества, въ томъ числѣ и его „квакерство", отмѣтили и другіе его друзья и знакомые (см. Рус. Ар. 1868 г., стр. 1453, а также соч. П. А. Вяземскаго, VIII, 81; IX, 12, письмо Жуковскаго къ Булгакову отъ 1847 г.).

М. С.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 58 (1). „Нѣкто Чертковъ—вѣроятно Евграфъ Александровичъ Чертковъ, одинъ изъ пособниковъ имп. Екатерины II при ея восшествіи на престолъ, бывшій въ то время поручикомъ Преображенскаго полка (см. Записки княгини Дашковой, подъ ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907; стр. 52). За свое участіе въ переворотѣ онъ получилъ 800 душъ крестьянъ, а къ коронаціи пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера. Въ 1777 году онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ. Скончался въ 1797 году. (Рус. біограф. словарь, СПб. 1905; стр. 354). Относительно Черткова въ запискахъ Н П. Брусянина мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Разъ въ недѣлю бывали спектакли въ Эрмитажѣ и вечера въ бриліантовой комнатѣ... Играли въ карты; государыня играла въ бостонъ, князь Зубовъ и камергеръ Чертковъ составляли всегдашнюю ея партію". П. И. Сумароковъ, также свидѣтельствующій о томъ, что Чертковъ бывалъ обычнымъ партнеромъ императрицы, сообщаетъ кое-что о его характерѣ, подтверждающее Пушкинское опредѣленіе его, какъ человѣка „крутого и неуступчиваго": по его словамъ, Чертковъ всегда за картами съ нею (т.-е. государыней) шумѣлъ, горячился, доказывалъ, что она играть не умѣетъ, и часто съ досадою бросалъ карты. Екатерина кротко оправдывалась или извинялась и никогда за то на него не гнѣвалась" (Историч. Вѣстникъ, 1901 г., мартъ, стр. 977). Князь Вяземскій въ своихъ отрывкахъ изъ „Старой записной книжки" также приводитъ подобный случай, когда разсерженный проигрышемъ Чертковъ въ досадѣ бросилъ карты на столъ: но на слѣдующій день императрица обошлась съ нимъ по-прежнему ласково, заявивъ, что „между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непріятныхъ слѣдовъ" (Сочиненія, VIII, стр. 84—85).

Стр. 58 (12—15). „Конецъ ея (Екатерины II) царствованія былъ отвратителенъ..." — Пушкинъ живо интересовался личностью и дѣятельностью имп. Екатерины II, время которой было еще хорошо памятно людямъ старшаго поколѣнія. Онъ былъ знакомъ со многими лицами, хорошо знавшими Екатерину, ея дворъ и ея вельможъ, имѣвшими возможность лично наблюдать „сѣверную Семирамиду" въ ея обычной обстановкѣ. Такъ, еще во время своего пребыванія на югѣ онъ, повидимому, много бесѣдовалъ о Екатеринѣ и ея времени съ ген. Н. Н. Раевскимъ, котораго онъ самъ называетъ „свидѣтелемъ Екатерининскаго вѣка" и „человѣкомъ безъ предразсудковъ" (П. Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую

lib.pushkinskijdom.ru

эпоху. СПб., 1874; стр. 152). Возможно, что эти бесѣды отчасти отразились въ „Историческихъ замѣчаніяхъ", написанныхъ имъ въ Кишиневѣ въ 1822 году. Отношеніе здѣсь Пушкина къ Екатеринѣ рѣзко отрицательное: слова ея постоянно расходились съ ея дѣлами: она „уничтожила названіе рабства и закрѣпостила вольную Малороссію" „подъ личиной кротости и терпимости" она скрывала „жестокій деспотизмъ"; „Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ, но молчала... Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій, и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все кралo и все было продажно. Такимъ образомъ развратная Государыня развратила и свое Государство". Не пощадилъ Пушкинъ и тѣ стороны государственной дѣятельности Екатерины, которыя обычно вмѣняются ей въ особую заслугу: созваніе депутатовъ для составленія Уложенія, въ его глазахъ, „непристойная фарса", самый „Наказъ", подававшій поводъ современникамъ сравнивать ее съ Титами и Траянами, „лицемѣренъ", и сама она — „Тартюфъ въ юбкѣ и въ коронѣ". Таково сужденіе молодого Пушкина о знаменитой государынѣ. Это сужденіе, однако, не было окончательнымъ: на протяженіи своей литературной дѣятельности, Пушкинъ неоднократно возвращался къ личности Екатерины, которая занимала его почти столько же, какъ и личность Петра Вел., и высказывался о ней различнымъ образомъ. Въ этой неустойчивости взгляда сказалась одна черта, чрезвычайно характерная для всего міросозерцанія Пушкина: его стремленіе къ объективности, его постоянное желаніе обнять предметъ со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія; онъ былъ одинаково далекъ какъ отъ слѣпой идеализаціи, такъ и отъ предвзятаго отрицанія; это стремленіе къ объективности обнаружилось и въ его отношеніи къ Екатеринѣ, слава которой не мѣшала ему видѣть слабыя стороны ея личности и ея правленія.

Стр. 58 (16—27). Лагарпъ Фридрихъ-Цезарь (Frédéric-César Laharpe De la Harpe, 1754—1838), носившій въ Россіи имя Петра Ивановича, швейцарецъ изъ кантона Ваадъ, воспитатель Александра I, извѣстный педагогъ и швейцарскій политическій дѣятель, получилъ въ молодости лучшее по своему времени воспитаніе и образованіе въ Лозаннѣ и Тюбингенѣ, былъ человѣкомъ независимаго характера, строго выдержанныхъ убѣжденій, послѣдователемъ идей эпохи просвѣщенія, республиканцемъ (но не демократомъ, по его собственному

lib.pushkinskijdom.ru

признанію, а борцомъ за свободу; ср. М. И. Сухомлиновъ: Изслѣдованія и статьи по рус. литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889, II, 114); въ то-же время онъ былъ большимъ поклонникомъ античности, идеи которой старался проводить практически весьма усердно, какъ въ своей воспитательной, такъ и политической дѣятельности. Черезъ дипломатическаго агента Гримма и А. Д. Ланского (одного изъ фаворитовъ Екатерины II) Лагарпъ сталъ ей извѣстенъ и приглашенъ ею въ качествѣ „кавалера“ къ ея внукамъ, главн. об. для воспитанія Александра Павловича, котораго императрица предполагала, въ обходъ сына своего Павла, сдѣлать своимъ непосредственнымъ преемникомъ. Онъ состоялъ воспитателемъ съ 1782 г. по 1794-й годъ, сумѣлъ возбудить къ себѣ чувство глубокой привязанности въ своемъ воспитанникѣ и, хотя непосредственнаго участія въ придворной жизни не принималъ, пользовался довольно значительнымъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ. Къ концу его воспитательской дѣятельности, подъ вліяніемъ все усиливающейся тревоги передъ французской революціей, Екатерина къ нему постепенно охладѣла, а его независимое положеніе въ интригѣ противъ Павла, привело къ тому, что онъ прекратилъ свою дѣятельность и уѣхалъ изъ Россіи, успѣвъ однако создать самыя душевныя и теплыя отношенія къ себѣ со стороны Александра, будущаго императора, которому онъ платилъ всю жизнь той же привязанностью, по словамъ его біографа (М. И. Сухомлинова, ук. соч., стр. 37 и слл.): „Привязанность Лагарпа къ Александру выходитъ изъ ряда обычныхъ отношеній къ сильнымъ міра людей, окружавшихъ ихъ въ годы ихъ дѣтства и юности. Между АлександромъI и его воспитателемъ существовала истинная дружба, и именно этимъ словомъ вѣрнѣе всего можно опредѣлить ихъ отношенія. Около 40 лѣтъ длились эти сношенія (непосредственныя и заочныя): ни время, ни люди, ни событія не разрушили пріязни, разъ навсегда связавшей питомца съ его воспитателемъ. Но эта самая продолжительность и неизмѣнность пріязни и сношеній показываетъ, что они ограничивались сочувствіемъ къ образу мыслей вообще и не влекли за собой рѣзкой перемѣны въ образѣ дѣйствій, не вызывали цѣлаго ряда мѣръ, въ которыхъ бы могло сказаться вліяніе бывшаго воспитателя. Слово *вліяніе* едва ли здѣсь было бы умѣстно, особенно если имѣть въ виду не только годы юности Александра, но все время его царствованія“. Въ томъ смыслѣ принимаютъ вліяніе Лагарпа на Александра и его біографы (ср. Вел. кн. Ник. Михайловичъ: „Александръ I“. СПб. 1914, стр. 177, 219, 342, 345, и А. Н. Пыпинъ „Общественное движеніе при Александ-

lib.pushkinskijdom.ru

дрѣ I". СПб. 1885, стр. 17—30). Съ воцареніемъ Александра (1801) Лагарпъ опять появляется въ Петербургѣ, но ненадолго: въ 1802 г. онъ былъ уже опять въ Швейцаріи, частью во Франціи; въ 1814—15 г. онъ былъ опять вмѣстѣ съ Александромъ, во время походовъ русскихъ за границу и Вѣнскаго конгресса; больше они не видались, и Лагарпъ въ 1838 г. умеръ окруженный почетомъ и уваженіемъ своихъ согражданъ въ Лозаннѣ. Памятникомъ его дѣятельности и отношеній къ Россіи осталась его автобіографія, обширный архивъ и переписка съ Александромъ и его братьями. Въ концѣ 60-хъ гг. истекшаго столѣтія письма Александра къ нему были переданы въ распоряженіе наслѣдника русскаго престола родственниками Лагарпа, а затѣмъ были напечатаны Русскимъ Историческимъ Обществомъ (Сборникъ, т. V, СПб. 1870, стр. 1—20; нѣсколько изъ нихъ напечатаны, вторично въ изслѣдованіи в. к. Николая Мих. объ Александрѣ I, стр. 357—376). Среди этихъ писемъ не оказалось ни одного, гдѣ бы приводились слова, цитируемыя Пушкинымъ; но это мѣсто „Дневника" идетъ, несомнѣнно, изъ письма Александра къ Лагарпу (съ небольшимъ варіантомъ—вм. Америки—„уголокъ Европы"): это письмо цитируетъ (правда, своими словами) Н. И. Тургеневъ (La Russie et les Russes, Paris, 1847) въ такомъ видѣ: „Il (т.-е. Александръ) terminait ses protestations en déclarant, qu'après avoir rendu la Russie libre et heureuse, son premier soin serait d'abdiquer et aller vivre retiré dans un coin de l'Europe, où il jouiroit du bien, qu'il aurait fait à sa patrie"(I, 483; ср; А. Н. Пыпинъ, ук. соч., стр. 38). Также находитъ себѣ подтвержденіе и предшествующая ссылка Пушкина на письмо Александра къ Лагарпу, въ которомъ Александръ жалуется на жизнь при Павлѣ въ Петербургѣ, гдѣ „капралы предпочитаются человѣку образованному" (см. у Тургенева, ук. стр.; также у Пыпина, ук. стр.). Видимо, письма Александра, если и не въ подлинникахъ, были извѣстны кое-кому въ Петербургѣ и въ частности и Пушкину. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Лагарпъ копію съ писемъ Александра самъ послалъ въ Петербургъ вскорѣ по смерти императора (Сухомлиновъ, ук. соч., стр. 41); а кромѣ того извѣстно, что отдѣльныя письма, казавшіяся важными въ томъ или иномъ отношеніи, онъ же сообщалъ своимъ знакомымъ за границей (ср. Сухомлиновъ, стр. 133); изъ этого послѣдняго источника и идетъ приведенная цитата у Н. И Тургенева: онъ въ 1814 г. видѣлся съ Лагарпомъ въ Парижѣ, читалъ у него письма Александра ранней поры и начала царствованія и получилъ съ нихъ копіи (онѣ сохранились въ архивѣ Тургеневыхъ см. Арх. Тургеневыхъ, выпускъ 3-й; СПб. 1913, стр. 452), которыми

lib.pushkinskijdom.ru

онъ и воспользовался позднѣе (см. La Russie et les Russes, I, 432—434; ср. Архивъ Тургеневыхъ, вып. 3, стр. 252): Н. И. Тургеневъ, какъ извѣстно, покинулъ Россію въ 1824 г., а до того времени жилъ въ Петербургѣ: здѣсь у него и могъ видѣть копіи писемъ Александра и Пушкинъ, съ раннихъ лѣтъ тѣсно связанный со всѣми братьями Тургеневыми узами дружбы.

М. С.

Стр. 58 (19). Графъ Ланжеронъ, Александръ Ѳедоровичъ (1763—1831), въ юности онъ служилъ во французской гвардіи и сражался въ Америкѣ въ войнѣ за независимость Американскихъ штатовъ; въ началѣ революціи эмигрировалъ и вступилъ въ 1790 году въ русскую службу, въ чинѣ полковника. Сдѣлавъ шведскую кампанію, онъ перешелъ въ армію Потемкина и отличился при взятіи Измаила. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта принятый въ россійское подданство, Ланжеронъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ турками 1806—1812 гг., при чемъ въ 1810 году имъ была взята крѣпость Силистрія. Въ Отечественную войну онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, затѣмъ участвовалъ въ заграничныхъ походахъ 1813—14 годовъ и особенно отличился при взятіи Парижа, занявъ съ бою Монмартрскія высоты. По заключеніи мира, Ланжеронъ былъ назначенъ Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, а затѣмъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края и состоялъ въ этихъ должностяхъ съ ноября 1815 по май 1823 года. Проживая большей частью въ Одессѣ, онъ кое-что сдѣлалъ для благоустройства города, однако, какъ администраторъ, онъ не оказался на высотѣ поставленной задачи и былъ замѣненъ гр. Воронцовымъ. Позднѣе участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828—29 гг., однако безъ особеннаго успѣха. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ частью въ Одессѣ, частью въ Петербургѣ, находясь въ отставкѣ и занимаясь писаніемъ своихъ мемуаровъ. Мемуары эти, занимающіе 6 большихъ рукописныхъ фоліантовъ, хранятся въ Парижскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и до сихъ поръ полностью не опубликованы (см. о нихъ въ статьѣ А. Брикнера въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1895 г., №12, стр. 819). На французскомъ языкѣ издана часть ихъ, касающаяся ближайшимъ образомъ военной исторіи эпохи революціи и Наполеона („L'invasion austro prussienne 1792—1794“, „Mémoires sur les guerres de la première coalition“ „Memoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Campagnes de 1812, 1813, 1814“). Отрывки изъ воспоминаній Ланжерона въ русскомъ переводѣ, напечатаны въ Рус. Архивѣ (1895 г.,

lib.pushkinskijdom.ru

№№ 10—11) и въ Рус. Старинѣ (1895 г., №№ 3—5); кромѣ того они использованы въ трудахъ Н. К. Шильдера и вел князя Николая Михайловича объ имп. Александрѣ I. Мемуары Ланжерона являются историческимъ матеріаломъ первокласснаго значенія; они отличаются вдумчивостью и наблюдательностью, изобилуютъ яркими характеристиками и мѣткими отзывами, впрочемъ, не всегда безпристрастными, и обличаютъ въ авторѣ значительный литературный талантъ (см. о нихъ въ статьѣ А. Брикнера въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1895 г., дек., стр. 819). Современники сохранили о Ланжеронѣ въ общемъ благопріятные отзывы, отмѣчающіе его умъ, образованность, блестящее остроуміе, душевное благородство, но вмѣстѣ съ тѣмъ—природное легкомысліе и непостоянство; характерной чертою его была также необыкновенная разсѣянность, о которой сохранилось немало курьезныхъ анекдотовъ. Наблюдательный, но ядовитый Вигель, знавшій Ланжерона въ эпоху его службы на югѣ Россіи, даетъ слѣдующую характеристику его: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человѣкъ, храбрый на войнѣ, пріятный въ обществѣ, любезный балагуръ, французъ по превосходству, онъ созданъ былъ для того, чтобы находиться посланникомъ при какомъ-нибудь маленькомъ Нѣмецкомъ или Итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ-нибудь придворнымъ театромъ. Революціонною бурею выброшенный изъ своего отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до высокаго чина и голубой ленты. Доживъ почти до семидесяти лѣтъ, онъ все сохранилъ легкій тонъ Версальскаго царедворца, остался двадцатилѣтнимъ Французскимъ полковникомъ, и пишетъ куплеты, и говоритъ каламбуры. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ и дали ему въ управленіе край, который обширностію своей можетъ почитаться цѣлымъ королевствомъ“ (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1893; приложеніе, стр. 41). Къ болѣе позднему времени относится отзывъ о Ланжеронѣ графа В. А. Сологуба, знавшаго его въ послѣдніе годы его жизни, въ Петербургѣ. „Это былъ еще необыкновенно моложавый и стройный старикъ, лѣтъ семидесяти, представлявшій собой олицетвореніе щегольского, теперь безслѣдно исчезнувшаго типа большого барина-француза восемнадцатаго вѣка. Всякій вечеръ его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ онъ наперерывъ острилъ съ хозяиномъ, то въ салонѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиныхъ; вездѣ онъ былъ свой человѣкъ, вездѣ его любили за его утонченную вѣжливость, рыцар-

lib.pushkinskijdom.ru

скій характеръ и хотя неглубокій, но мѣткій и веселый умъ. Засѣдая въ Государственномъ Совѣтѣ, котораго онъ состоялъ членомъ, онъ часто прерывалъ какого-нибудь говорящаго члена восклицаніемъ: „Quelle bêtise!“ Его сослуживецъ съ негодованіемъ обращался къ нему съ вопросомъ, что значитъ эта дерзость.—„А вы думаете, я о вашей рѣчи?—добродушно отвѣчалъ Ланжеронъ:—нѣтъ, я ея совсѣмъ не слушалъ, а вотъ я сегодня собираюсь вечеромъ въ Михайловскій дворецъ, такъ хотѣлъ приготовить два-три каламбура для великаго князя, только что-то очень глупо выходитъ!“ (Воспоминанія графа Сологуба. СПб., 1887. Стр. 147—149).

Пушкинъ познакомился съ Ланжерономъ въ 1823 году въ Одессѣ, гдѣ Ланжеронъ, уже будучи въ отставкѣ, проживалъ, до своего отъѣзда за границу въ началѣ 1824 года. Онъ былъ очень обиженъ своимъ увольненіемъ (подробности объ этомъ см. въ Запискахъ Вигеля, ч. VI, стр. 90), и въ своихъ бесѣдахъ съ Пушкинымъ не скрывалъ своихъ чувствъ, что̀ ясно видно изъ дневника. Для Пушкина съ его живымъ интересомъ къ исторіи, Ланжеронъ, видавшій на своемъ вѣку не мало крупныхъ лицъ и важныхъ событій, былъ, несомнѣнно, чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Что же касается до Ланжерона, то его довѣріе къ Пушкину (или легкомысліе) простиралось до того, что онъ давалъ ему читать имтимныя письма Александра Павловича, несмотря на то, что Пушкинъ въ то время былъ только молодымъ и незначительнымъ чиновникомъ, притомъ находившимся на особомъ замѣчаніи у правительства. Впрочемъ, Ланжеронъ, самъ грѣшившій литературой, и даже кое-что печатавшій въ юности, можетъ быть, цѣнилъ въ Пушкинѣ и литературнаго судью: по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству Вяземскаго, онъ давалъ ему на прочтеніе свои трагедіи и требовалъ о нихъ отзыва; „понимается, Пушкинъ ихъ не прочелъ и, спустя нѣсколько времени на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему наугадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведенъ былъ республиканецъ“ (Сочиненія, т. VIII, стр. 58). Самъ Пушкинъ только однажды упоминаетъ Ланжерона, именно въ письмѣ къ Вяземскому отъ 14 октября 1823 г., въ которомъ онъ сообщаетъ ему отзывъ Ланжерона о какой-то брошюрѣ „монархическаго“ Стурдзы: „Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu“ (Переписка, I, 78).

Стр. 58 (35)—59 (7). Городскіе толки по поводу назначенія Медема, отмѣченные Пушкинымъ въ дневникѣ, стояли, вѣроятно, въ связи съ нашими отношеніями къ Англіи вообще, принявшими

lib.pushkinskijdom.ru

въ это время весьма недружелюбный характеръ. Это ухудшеніе отношеній вызвано было главнымъ образомъ недовольствомъ Англіи успѣхами, достигнутыми Россіей на Востокѣ. Адріанопольскій миръ, въ особенностиУнкьяръ-Искелесское соглашеніе (см. выше, стр. 147) поставили Россію въ Турціи въ привилегированное положеніе, съ которымъ англійское правительство никакъ не хотѣло примириться. 28 октября 1833 года представители Франціи и Англіи при русскомъ дворѣ, Лагрене и Блай, передали графу Нессельроде ноту, въ которой французское и англійское правительства выражали „глубокое огорченіе" (profonde affliction) по поводу союзнаго договора, заключеннаго Россіей съ Турціей, и заявляли, что, если Россія, на основаніи этого договора вмѣшается въ турецкія дѣла, то Англія и Франція будутъ дѣйствовать, въ зависимости отъ обстоятельствъ, разсматривая договоръ, заключенный безъ ихъ вѣдома, какъ несуществующій. Въ своей отвѣтной нотѣ Нессельроде категорически отрицалъ право Англіи и Франціи вмѣшиваться въ договорныя отношенія двухъ независимыхъ державъ, носящія кромѣ того чисто оборонительный характеръ. Въ виду рѣшительнаго тона русскаго отвѣта, Франція отказалась отъ какихъ-либо дипломатическихъ шаговъ, предоставивъ Пальмерстону одному продолжать дальнѣйшую переписку съ русскимъ правительствомъ. Не ограничиваясь письменными предложеніями, англійское правительство рѣшило оказать непосредственное давленіе на Турцію и въ маѣ 1834 года отправило въ турецкія воды значительную эскадру, однако и это не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ (Th. Schiemann. Geschiehte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin, 1913. Band III, S. 239, 279). Всѣ эти выпады англійскаго правительства сильно раздражали имп. Николая и вмѣстѣ съ тѣмъ поселяли тревогу въ русскомъ обществѣ, опасавшемся возможности новой войны. Самъ Николай писалъ Паскевичу 8 декабря 1833 года: „Изъ Англіи мнѣ пишутъ, что злость на насъ все возрастаетъ; я на все готовъ, задирать вѣрно не буду, но и бояться или уступать не стану, готовъ принять незванныхъ гостей" (Кн. Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. СПб. 1896. Т. V Приложенія; стр. 184).

На почвѣ этихъ натянутыхъ отношеній между обоими правительствами возникъ и инцидентъ съ дипломатическими представителями обѣихъ державъ, о которомъ идетъ рѣчь въ Пушкинскомъ дневникѣ. Въ августѣ 1833 года англійское правительство назначило посломъ при русскомъ дворѣ одного изъ лучшихъ своихъ дипломатовъ, знатока Восточнаго вопроса, Каннинга-Стратфорда. Противъ

lib.pushkinskijdom.ru

этого назначенія рѣшительно протестовало русское правительство, такъ какъ, съ одной стороны, Каннингъ былъ извѣстенъ, какъ убѣжденный противникъ Россіи и русской политики, а съ другой— Николай питалъ по отношенію къ нему какое-то личное нерасположеніе, о которомъ говоритъ и англійскій біографъ Каннинга, сообщающій, что „Nicholas entertained a personal as well as a political dislike to his greatest opponent" (Dictionary of National Biographie. Vol. VIII. London, 1886. P. 440). Причины этого нерасположенія для насъ неясны. Пушкинъ говоритъ о какой-то „непріятности", происшедшей между ними, когда Николай былъ еще великимъ княземъ. Тотъ же англ. біографъ указываетъ, что встрѣча съ Николаемъ произошла въ 1815 году въ Парижѣ, куда Каннингъ пріѣзжалъ для представленія королю Людовику XVIII, и гдѣ въ это время находились и русскіе великіе князья, въ свитѣ своего брата—императора; онъ заявляетъ даже, что это была „единственная" встрѣча будущихъ политическихъ противниковъ: „He (Canning) met, for first and last time, his lifelong enemy, the Czar Nicholas" (op. cit., p. 434). Въ концѣ 1816 и началѣ 1817 года вел. кн. Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца; здѣсь у него произошло нѣкоторое неудовольствіе съ принцемъ-регентомъ Георгомъ, вообще враждебно настроеннымъ противъ Россіи (Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый. Т. I, стр. 78); но Каннинга, повидимому, онъ не встрѣчалъ, такъ какъ онъ въ это время былъ посланникомъ въ Швейцаріи, и ни о какомъ столкновеніи съ нимъ нѣтъ упоминанія въ подробныхъ донесеніяхъ императрицѣ-матери сопровождавшаго великаго князя „кавалера" Г. А. Глинки (Рус. Архивъ, 1877, янв., стр 198—202). Наконецъ, въ концѣ 1824 года Каннингъ самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, для веденія переговоровъ по греческому вопросу; возможно, что именно въ это время произошелъ между ними какой-либо инцидентъ (хотя это и противорѣчитъ утвержденію біографа Каннинга), давшій вел. князю поводъ къ неудовольствію; однако мы не располагаемъ относительно этого никакими положительными свѣдѣніями, хотя самый фактъ *личнаго* нерасположенія Николая къ Каннингу засвидѣтельствованъ тѣмъ же біографомъ послѣдняго. Пальмерстонъ пытался настаивать на своемъ выборѣ, и въ теченіе довольно продолжительнаго времени постъ англійскаго посла въ Петербургѣ оставался незамѣщеннымъ и обязанности его исполнялъ Блай, въ качествѣ chargé d'affaires. Въ свою очередь, русское правительство въ мартѣ 1834 года отозвало изъ Лондона многолѣтняго русскаго посла при англійскомъ дворѣ князя Х. А. Ливена и назначило

lib.pushkinskijdom.ru

на это видное мѣсто, занимавшееся всегда кѣмъ-либо изъ наиболѣе заслуженныхъ дипломатовъ, сравнительно молодого и ничѣмъ не выдающагося чиновника графа П. И. Медема (1800—1854), бывшаго до того времени совѣтникомъ русскаго посольства въ Парижѣ; притомъ Медемъ былъ назначенъ лишь въ качествѣ исправляющаго должность повѣреннаго въ дѣлахъ, т.-е. былъ облеченъ тѣмъ же званіемъ, какое носилъ Блай въ Петербургѣ: конечно, это дѣлалось съ вполнѣ опредѣленной цѣлью и имѣло характеръ мелкой дипломатической войны; такъ понялъ дѣло и Блай: отсюда и его недовольство назначеніемъ Медема, который даже по возрасту, по его мнѣнію, не подходилъ къ своему посту. Впрочемъ, уже въ январѣ 1835 года, когда наши отношенія съ Англіей приняли болѣе спокойный характеръ, русское правительство назначило посломъ при англійскомъ дворѣ заслуженнаго дипломата графа К. О. Поццо ди-Борго, бывшаго до этого времени русскимъ посломъ во Франціи. Со своей стороны, 5 іюля 1835 г. англійское правительство назначило посломъ въ Петербургѣ лорда Дёргама (Durham), который уже раньше, въ 1832 году, занималъ нѣкоторое время эту должность и сумѣлъ завоевать себѣ симпатіи имп. Николая.

Стр. 59 (2). Ливенъ, свѣтлѣйшій князь Христоферъ Андреевичъ (1774—1838). Благодаря своей матери, Шарлоттѣ Карловнѣ, урожденной фонъ-Поссе, бывшей интимнымъ другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и воспитательницей ея младшихъ дѣтей, Ливенъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру, такъ что уже въ 1798 году онъ былъ генералъ-майоромъ. Онъ участвовалъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ и присутствовалъ при свиданіи императоровъ въ Тильзитѣ. Въ концѣ 1809 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ, а въ сентябрѣ 1812 года посломъ въ Лондонъ. Въ англійской столицѣ онъ провелъ болѣе 20 лѣтъ, сумѣвъ за это время пріобрѣсти себѣ уваженіе многихъ выдающихся англійскихъ политическихъ дѣятелей. Немало способствовала установленію его популярности въ англійскомъ обществѣ его супруга, умная и образованная княгиня Дарья (Доротея) Христофоровна, урожденная фонъ-Бенкендорфъ, „дипломатическая Сивилла“, какъ ее называли, салонъ которой являлся мѣстомъ собранія видныхъ государственныхъ дѣятелей. Въ мартѣ 1834 года кн. Ливенъ былъ отозванъ отъ своего поста, а 22 апрѣля, въ день празднованія совершеннолѣтія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича былъ назначенъ его попечителемъ. Сопро-

lib.pushkinskijdom.ru

вождая наслѣдника въ его заграничномъ путешествіи, Ливенъ скончался въ Римѣ 29 декабря 1838 года (Русскій біографич. Словарь СПб., 1914; стр. 424—5).

Стр. 59 (5). Каннингъ—Пушкинъ имѣетъ въ виду знаменитаго англійскаго дипломата Каннинга-Стратфорда (1786—1880), получившаго въ 1852 году титулъ Viscount de Redcliffe; но онъ смѣшалъ его съ другимъ Каннингомъ — виконтомъ Странгфордомъ, бывшимъ нѣкоторое время въ серединѣ 20-хъ гг. англійскимъ дипломатическимъ представителемъ въ Россіи. Каннингъ-Стратфордъ получилъ обычное въ англійскихъ аристократическихъ семьяхъ образованіе, въ Итонѣ и Кембриджѣ, и съ 1808 года началъ свою дипломатическую карьеру въ качествѣ секретаря англійскаго посольства въ Константинополѣ. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ концѣ 1824 года былъ отправленъ въ Петербургъ со спеціальной миссіей—договориться съ русскимъ правительствомъ по греческому вопросу, такъ какъ Англія опасалась сепаратнаго выступленія Россіи въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Въ октябрѣ 1825 года онъ былъ назначенъ англійскимъ представителемъ въ Константинополѣ, гдѣ съ тѣхъ поръ и сосредоточивается его дѣятельность и гдѣ онъ пробылъ до 1858 года, съ нѣкоторыми, впрочемъ весьма значительными перерывами. Каннингъ поставилъ себѣ главною цѣлью всемѣрное поддержаніе Турціи и противодѣйствіе русскому вліянію и русской политикѣ. Для осуществленія первой цѣли онъ считалъ необходимымъ европеизацію Турціи и потому сочувственно поддерживалъ султановъ Махмута II и Абдулъ-Меджида въ ихъ реформаторской дѣятельности. Весьма важную роль сыгралъ Каннингъ въ эпоху подготовки Восточной войны 1853—56 г.г.; онъ старался всячески парализовать вліяніе Россіи, искусно пользовался всякой ошибкой русской дипломатіи, возбуждалъ турокъ къ неуступчивости и добился ,наконецъ, отклоненія русскаго ультиматума; такимъ образомъ руссофобъ Каннингъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ войны, приведшей Россію къ такимъ тяжелымъ испытаніямъ. При этомъ, выступая въ качествѣ защитника Турціи, Каннингъ въ сущности весьма искусно защищалъ интересы самой Англіи и оказалъ своей родинѣ чрезвычайно цѣнныя услуги, такъ что вполнѣ заслужилъ названіе „великаго посланника“ (the great ambassador), которое было дано ему современниками. Въ 1858 году Каннингъ покинулъ навсегда Константинополь и вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую дѣя-

lib.pushkinskijdom.ru

тельность. Послѣдніе 22 года своей жизни онъ провелъ въ Англіи, занимаясь на досугѣ литературой и составленіемъ своихъ мемуаровъ (Dictionary of National Biographie. Vol. VIII. London, 1886. P. 431—444).

Стр. 59 (10—16). Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873), урожденная принцесса Вюртембергская, супруга вел кн. Михаила Павловича. Она получила тщательное образованіе въ Парижѣ, подъ наблюденіемъ знаменитаго Кювье, и съ раннихъ лѣтъ обращала на себя вниманіе своимъ тонкимъ умомъ и незаурядными способностями. Въ Россію она прибыла въ качествѣ невѣсты вел. князя въ октябрѣ 1823 г. и сразу сумѣла завоевать себѣ всеобщія симпатіи, благодаря своему такту, внимательности и обходительности. Ея бракъ не былъ счастливъ, такъ какъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ ни по своему характеру, ни по своему развитію и интересамъ нисколько не подходилъ къ своей супругѣ. Въ то время какъ онъ, по выраженію Вигеля, „ничего ни письменнаго, ни печатнаго съ малолѣтства не любилъ, изъ музыкальныхъ инструментовъ признавалъ только барабанъ и презиралъ занятія искусствами", вел. княгиня Елена Павловна отличалась живостью и разнообразіемъ своихъ духовныхъ интересовъ. По свидѣтельству кн. В. Ѳ. Одоевскаго, бывшаго своимъ человѣкомъ въ дворцѣ вел. княгини, она вѣчно чему-нибудь училась. Кругъ ея знаній былъ обширенъ и разнообразенъ. Она много и серьезно читала, старалась почерпать свѣдѣнія изъ разговоровъ съ учеными, путешественниками, дипломатами, интересовалась даже такими спеціальными науками, какъ лѣсоводство и агрономія и приглашала профессоровъ читать ей лекціи по этимъ предметамъ (Записки В. А. Инсарскаго. Рус. Старина, 1907, I, стр. 56). Не менѣе интересовалась вел. княгиня искусствами, въ особенности музыкой: въ Михайловскомъ дворцѣ постоянно устраивались музыкальные вечера и концерты, на которыхъ выступали всѣ музыкальные знаменитости пріѣзжавшіе въ Петербургъ; особое покровительство вел. княгиня оказывала начинающимъ артистамъ, напр., братьямъ Рубинштейнъ. Благодаря своему многостороннему образованію Елена Павловна умѣла вести разговоръ со спеціалистами въ разныхъ областяхъ знанія и, въ свою очередь, пользовалась этими разговорами для обогащенія своихъ свѣдѣній. Императоръ Николай не даромъ говорилъ о ней: „C'est le savant de notre famille" и отсылалъ къ ней европейскихъ путешественниковъ. Одинъ изъ нихъ, маркизъ Кю-

lib.pushkinskijdom.ru

стинъ, посѣтившій Россію въ 1839 году, замѣчаетъ, что на вел. княгиню возлагалась обязанность „faire les honneurs de la littérature à la cour de l' Empereur Nicolas"; онъ же отзывается о ней: „Cette princesse si belle, si spirituelle, est célèbre en Europe par la grâce de ces manières et l'intérêt de sa conversation" (M. de Custine. La Russie en 1839. Bruxelles, 1843. Tome II, p. 165). Нѣмецкій путешественникъ Ф. фонъ Гагернъ пишетъ о ней въ томъ же 1839 году: „Она весьма умна. Ей также ставятъ въ упрекъ, что она не всегда владѣетъ своимъ остроуміемъ, поэтому ея боятся" (Рус. Старина, 1886, іюль, стр. 30). Но, любя умную и содержательную бесѣду, вел. княгиня также любила блескъ и роскошь придворной жизни: балы и праздники, которые она давала, поражали современниковъ своимъ истинно-царскимъ великолѣпіемъ, а также своимъ тонкимъ вкусомъ и изящной изобрѣтательностью. Немало занималась она и дѣлами благотворительности, истрачивая на это значительныя суммы; между прочимъ она много содѣйствовала основанію Петербургской консерваторіи и поддерживала ее ежегодными взносами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ пришлось сыграть и довольно замѣтную политическую роль. Заинтересовавшись дѣломъ освобожденія крестьянъ, она старалась использовать свое личное вліяніе на Александра II для благополучнаго разрѣшенія этого вопроса. Михайловскій дворецъ сталъ однимъ изъ центровъ, въ которомъ собирались сторонники и дѣятели эмансипаціи: Ник. Милютинъ, кн. Черкасскій, Кавелинъ, Самаринъ и др,; здѣсь обсуждались вопросы, связанные съ этимъ дѣломъ, составлялись проекты и записки, намѣчались мѣры борьбы съ противниками освобожденія и т. д. Сама вел. княгиня, со свойственнымъ ей увлеченіемъ, принимала во всемъ этомъ дѣятельное участіе, всячески поддерживая своимъ вліяніемъ работу Редакціонныхъ комиссій: о ея роли въ дѣлѣ подготовки освобожденія см. въ Воспоминаніяхъ о ней кн. Д. А. Оболенскаго въ „Рус. Старинѣ" (1909 г., кн. 3—5). Что касается до другихъ реформъ 60-хъ годовъ, то хотя вел. княгиня относилась къ нимъ сочувственно, но въ дѣлѣ ихъ проведенія непосредственнаго участія не принимала.

О своемъ представленіи вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Пушкинъ писалъ женѣ 3 іюня: „Я поѣхалъ къ Ея Выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою нещастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел.

lib.pushkinskijdom.ru

Кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligè' de lire tout ce qui paroit.—Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей; d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила" (Переписка, III, стр. 122). Въ этомъ отрывкѣ характерно упоминаніе о настроеніи Пушкина передъ представленіемъ вел. княгинѣ, о которомъ онъ ни слова не говоритъ въ своемъ дневникѣ; подчеркнута также неловкость, допущенная Красовскимъ въ своемъ отвѣтѣ на предложенный ему вопросъ. Вторично Пушкинъ возвращается къ этому эпизоду своего представленія вел. княгинѣ, отвѣчая женѣ на ея запросъ, очевидно, вызванный со стороны Натальи Николаевны чувствомъ ревности по отношенію къ гр. Н. Л. Сологубъ, состоявшей фрейлиной при Еленѣ Павловнѣ (см. выше стр. 363): „Когда я представлялся В. Кн., дежурная была не С., а моя прищепленная кузинка Чичерина, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ уже если влюбиться...—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба" (Переписка, III, стр. 133). Но Пушкинъ бывалъ и ранѣе во дворцѣ вел. кн. Елены Павловны: такъ, его стихотвореніе „Циклопъ" представляетъ собою экспромптъ, прочитанный имъ на маскарадѣ въ Михайловскомъ дворцѣ, состоявшемся въ началѣ 1830 года: на этомъ же маскарадѣ Крыловъ выступалъ въ качествѣ музы Таліи (В. Кеневичъ. Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. Рус. Архивъ, 1866, стр. 1336). Впослѣдствіи, послѣ несчастной дуэли Пушкина, великая княгиня проявила свой интересъ къ нему въ нѣсколькихъ запискахъ, обращенныхъ ею къ Жуковскому, съ вопросами о положеніи раненаго поэта (Пушкинъ и его современники, вып. XII, стр. 31).

Стр. 59 (11—15). Красовскій Александръ Ивановичъ (1780—1857), цензоръ, изъ духовнаго званія, окончилъ курсъ въ гимназіи при Академіи наукъ (1796), былъ сперва переводчикомъ иностранныхъ языковъ при конференціи Академіи, затѣмъ библіотекаремъ Публичной Библіотеки (1800), секретаремъ ея (1810), наконецъ, съ 1821 г. сталъ служить по Цензурному вѣдомству; въ 1828 г. былъ уволенъ за штатъ, но уже съ 1832 г. и до смерти состоялъ предсѣдателемъ Комитета иностранной цензуры; былъ онъ и членомъ Россійской Академіи, введенный туда А. С. Шишковымъ (1833), затѣмъ, по упраздненіи Россійской Академіи (1841), сталъ почетнымъ членомъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Какъ человѣкъ, Красовскій „отличался всѣми качествами исполнительнаго чиновника, у котораго

lib.pushkinskijdom.ru

вся жизнь, всѣ чувства были примѣнены къ желаніямъ высшаго начальства“ (Русск. біограф. Слов., s. v.). Эта краткая характеристика очень рельефно дополняется воспоминаніями его современника (Рус. Стар., 1874 г. IX, 106 и сл.): „Это былъ казенный человѣкъ, какъ понимали казеннаго человѣка въ старину, и онъ шелъ къ своей казенной добычѣ всегда верхнимъ чутьемъ, которое его никогда не обманывало. Въ немъ было все на показъ: его тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба — все форменнаго покроя. Водотолченное усердіе, принизительное смиреніе, угодливость передъ высшими, разсчитанное ханжество — все это служило ему ходулями въ продолженіи всей его дѣятельности“. Еще одну черточку добавляетъ къ этой характеристикѣ Н. И. Гречъ, разсказывая объ этомъ „гнусномъ вѣстовщикѣ“, о томъ какъ появленіе его на блинахъ у А. Н. Оленина наложило печать молчанія на гостей („Записки“. СПб. 1886, XIII). Т. о. Красовскій былъ типичнымъ представителемъ бюрократіи среди дѣятелей реакціонной эпохи; но и на этомъ темномъ фонѣ онъ выдѣлялся въ качествѣ цензора своимъ мракобѣсіемъ и подвигами, доводимыми имъ до геркулесовыхъ столповъ (ср. А. М. Скабичевскій: „Очерки по исторіи русской цензуры“. СПб. 1897, стр. 175—184).

Непосредственныхъ, личныхъ отношеній къ Красовскому Пушкинъ не имѣлъ, но, конечно, очень рано и хорошо зналъ объ его подвигахъ и чувствовалъ всю тяжесть осуществляемой Красовскимъ и компаніей цензуры; въ его представленіи онъ обычно объединяется съ другимъ подобнымъ ему типомъ цензоровъ—А. С. Бируковымъ; о немъ и о другомъ у него сложилось совершенно опредѣленное мнѣніе, которое, съ небольшими измѣненіями, онъ не разъ высказывалъ, особенно въ раннюю пору своей дѣятельности, въ эпиграммахъ и письмахъ: такъ, сюда относится его эпиграмма 1824 г. („Тимковскій царствовалъ.....“ Сочин., Академ. изд., III, 212), гдѣ онъ полагаетъ, что цензоръ И. О. Тимковскій, и тотъ умнѣе Красовскаго: таковъ же конецъ его элегіи на смерть Анны Львовны, гдѣ Красовскаго онъ называетъ „подлецомъ-поповичемъ“ (письма къ П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго, конецъ апрѣля 1825 г.—Переписка, у Саит. I, 209, № 156); въ письмахъ тоже: „Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ глупы (въ это время ожидались перемѣны въ министерствѣ и цензурѣ, готовился новый цензурный уставъ А. С. Шишкова; ср. Переписка, у Саит. I, 122), своенравны и притѣснительны“ (Одесса, 13. VI. 1824 къ Л. С. Пушкину—у Саит. I, 117, № 81); „Я было цѣлую панихиду затѣялъ....., справляясь въ умѣ съ таблицей

lib.pushkinskijdom.ru

умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго....“ (Михайловское, 10. X 1824 къ П. А. Вяземскому—Саит. I, 136, № 98); „Въ подлостяхъ нужно имѣть нѣкоторое благородство. Я же подличалъ (рѣчь идетъ о „Второмъ посланіи къ цензору“) благонамѣренно—имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго“ (оттуда же, 25, I. 1825, ему же—Саит. I, 170, № 122). Уже самое участіе Красовскаго (не устраненнаго и при новомъ министрѣ) въ цензурѣ внушаетъ Пушкину опасеніе, что дѣла литературы не улучшатся: „Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, всетаки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею“ (Михайловское, начало іюня 1825 г. П. А. Вяземскому, по поводу участія въ „Телеграфѣ“—Саит. I, 235, № 174). И позднѣе, когда Красовскій служилъ уже по иностранной цензурѣ, и не имѣлъ т. о. непосредственнаго вліянія въ томъ, что писалось по русски, Пушкинъ, оглядываясь назадъ, тоже оцѣнилъ его прежнюю дѣятельность: „Благодаря Красовскому и Бирукову вся литература послѣднее пятилѣтіе (или десятилѣтіе) царствованія Александра I сдѣлалась рукописной....“ (письмо черновое Д. В. Давыдову, СПб. 1836 іюль—авг.—Саит. III, 355, № 1054). Поэтому вполнѣ понятны послѣднія слова „Дневника“: исключеніе Никитенкомъ стиховъ изъ „Сказки о золотомъ пѣтушкѣ“ живо напомнило ему времена Красовскаго и Бирукова (см. стр. 69, строка 35).

М. С.

Стр. 59 (17). Мыза Таицы, Софійскаго у., Петербургской губ. дѣйствительно принадлежала прадѣду Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу („Арапу“), вмѣстѣ съ имѣніемъ Суйда, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, послѣ выхода въ отставку. Кромѣ, того ему въ томъ же Софійскомъ уѣздѣ принадлежала мыза Елицы съ 5 деревнями, мызы Руново и Кобрино съ деревнями, а также цѣлый рядъ селеній въ Опоческомъ уѣздѣ, Псковской губ.,—между прочимъ и село Михайловское, полученное въ приданое Надеждой Осиповной Пушкиной, матерью поэта. (См. статью Б. Л. Модзалевскаго: „Родъ Пушкина“ въ изд. сочин. П—на подъ ред. С. А. Венгерова, т. I. ст. 20).

Стр. 59 (20). „Говорили много о Павлѣ I-мъ—романтическомъ нашемъ Императорѣ“—Пушкинъ нѣсколько разъ употребляетъ эпитетъ *романтическій*, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ лицамъ, для обозначенія ихъ оригинальности, своеобычности. Такъ, въ письмѣ

lib.pushkinskijdom.ru

къ А. А. Бестужеву отъ 30 ноября 1825 г. онъ примѣняетъ это слово къ Якубовичу: „Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, пострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма". А въ письмѣ къ Катенину отъ 4 декабря 1825 г. онъ пишетъ по поводу слуха о воцареніи вел. князя Константина: „Какъ поэтъ радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V" (Переписка, I, стр. 308, 312).

Стр. 59 (22). Съ какимъ Давыдовымъ Пушкинъ обѣдалъ у Вяземскаго, 3-го іюня мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ это—не знаменитый партизанъ Денисъ Давыдовъ, такъ какъ послѣдній, судя по его письмамъ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 28 мая 1834 г. (Старина и Новизна; книга XXII, стр. 59) и къ А. М. и Н. М. Языковымъ отъ 16 іюня (Сочиненія Д. В. Давыдова, подъ ред. А. О. Круглаго. СПб., 1895. Т. III, стр. 195) проживалъ въ это время въ своемъ имѣніи, с. Мазѣ, Симбирской губ.

Стр. 59 (23). Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ (1788—1872), съ 1839 г. графъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей Николаевской эпохи. Поступивъ въ 1806 году на службу въ Кавалергардскій полкъ, онъ участвовалъ съ отличіемъ въ войнахъ съ Наполеономъ и обратилъ на себя вниманіе имп. Александра I, который употреблялъ его для различныхъ отвѣтственныхъ порученій. Въ 1819 году молодой Киселевъ, бывшій однако уже въ чинѣ генералъ-майора, былъ назначенъ на видный постъ начальника штаба 2-й арміи; на этой должности онъ проявилъ себя въ качествѣ энергичнаго и разумнаго администратора: онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе положенія нижнихъ чиновъ, устраивалъ ланкастерскія школы, ограничилъ тѣлесныя наказанія, упорядочилъ хозяйственную часть; въ эпоху всеобщаго увлеченія „учебнымъ шагомъ" и плацъ-парадными успѣхами, онъ находилъ, что „фронтовыя занятія черезчуръ обширны, изнуряютъ солдатъ", и старался сократить ихъ, но зато обращалъ серьезное вниманіе на дѣйствительную боевую подготовку войскъ.

Во 2-й арміи, штабъ которой стоялъ въ это время въ Тульчинѣ, служило много членовъ тайныхъ обществъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ Киселевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ: такъ онъ

lib.pushkinskijdom.ru

очень цѣнилъ Пестеля, отзывался о немъ съ большимъ уваженіемъ и дружески переписывался съ нимъ (Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Николай Первый». Т. I, стр. 527, прим. 419); декабристы Бурцевъ и Басаргинъ были его адъютантами; Якушкинъ даже опредѣленно заявляетъ, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества, но смотрѣлъ на это сквозь пальцы (Записки И. Д. Якушкина. М. 1905; стр. 43); однако біографъ Киселева, А. П. Заблоцкій-Десятовскій рѣшительно опровергаетъ это сообщеніе («Графъ П. Д. Киселевъ и его время». СПб., 1882. Т. I, стр. 243). И дѣйствительно, хотя Киселевъ, несомнѣнно, раздѣлялъ многіе либеральные взгляды которые были распространены среди будущихъ декабристовъ, однако, какъ человѣкъ положительный и осторожный, онъ былъ чуждъ ихъ политическихъ увлеченій; это ясно сказалось въ его письмѣ къ М. Ѳ. Орлову (1819—20 гг.), въ которомъ онъ предостерегаетъ Орлова отъ этихъ увлеченій, совѣтуя ему ставить себѣ не столь широкія, но зато болѣе осуществимыя цѣли; любопытно между прочимъ, что въ этомъ письмѣ Киселевъ упоминаетъ и о „пылкихъ ученикахъ лицея“, очевидно, какъ о носителяхъ либеральныхъ идей (Рус. Старина, 1887, III, стр. 232). Сношенія Киселева съ декабристами возбудили неудовольствіе противъ него въ Петербургѣ; въ 1826 г. на него былъ поданъ форменный доносъ въ томъ, что онъ не только зналъ, но и втайнѣ содѣйствовалъ „адскимъ планомъ“ заговорщиковъ (Рус. Старина, 1881, янв., стр. 189), такъ что одно время Киселевъ даже думалъ о выходѣ въ отставку; однако послѣ представленныхъ имъ объясненій, ему удалось пріобрѣсти довѣріе молодого государя, и онъ остался на своемъ посту.

Въ 1828—29 гг. Киселевъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, а по окончаніи войны онъ былъ назначенъ 4 октября 1829 г. полномочнымъ предсѣдателемъ диванов княжествъ Молдавіи и Валахіи и командующимъ оккупаціонными войсками. Въ этой должности Киселевъ блестяще проявилъ свои административныя способности: это признаютъ и иностранные писатели, даже мало расположенные къ Россіи, напр., Бамбергъ (F. Bamberg. Geschichte der orientalischen Angelegenheit. Berlin, 1892, S. 287); а Т. Шиманъ считаетъ дѣятельность Киселева въ Дунайскихъ княжествахъ „wahrhaft epochemachend“ (Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin, 1908. Band II, S. 393). Подъ предсѣдательствомъ Киселева и подъ его непосредственнымъ руководствомъ, диваны Молдавіи и Валахіи выработали такъ назыв. „Органическій Регламентъ“,

lib.pushkinskijdom.ru

представлявшій собой нѣчто въ родѣ конституціи, нормирующей весь государственный строй обоихъ княжествъ. Реформы, произведенныя Киселевымъ, обнимаютъ всѣ стороны народной жизни: онъ упорядочилъ судопроизводство, отмѣнилъ продажность должностей, уничтожилъ внутреннія пошлины, измѣнилъ налоговую систему, бремя которой до тѣхъ поръ ложилось исключительно на низшіе классы населенія, принялъ мѣры къ уничтоженію крѣпостного права, еще существовавшаго въ дунайскихъ княжествахъ, и къ сокращенію „зловредныхъ привилегій бояровъ", пользовавшихся ими для того, чтобы обогащаться на счетъ народа (Заблоцкій-Десятовскій: назв. соч., стр. 339). Результатомъ дѣятельности Киселева была „европеизація" придунайскихъ княжествъ, значительное упорядоченіе ихъ органовъ администраціи, финансовъ, судопроизводства и т. д. Въ началѣ 1834 года Киселевъ рѣшилъ оставить свой постъ и вернуться въ Россію. 8 мая онъ прибылъ въ Петербургъ и уже на слѣдующій день былъ принятъ государемъ, которому онъ представилъ подробный отчетъ о своемъ управленіи княжествами, который и былъ опубликованъ въ „Сѣв. Пчелѣ" (см. также Journal de St. Pêtersbourg, 21 Juin, № 77). Вполнѣ естественно, что на обѣдѣ 3-го іюня, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ въ своей записи, рѣчь шла преимущественно о дѣятельности Киселева въ княжествахъ, откуда онъ только что возвратился; показателенъ при этомъ сочувственный отзывъ Пушкина о Киселевѣ, вызванный, очевидно, его реформаторской дѣятельностью.

Послѣ возвращенія въ Россію дѣятельность Киселева сосредоточивается преимущественно въ области крестьянскаго вопроса. Киселевъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и еще въ 1817 году подавалъ имп. Александру I записку о постепенномъ уничтоженіи крѣпостного права. Николай также считалъ существованіе этого права въ культурномъ государствѣ ненормальнымъ и вреднымъ, но, съ другой стороны, боялся всякихъ рѣшительныхъ мѣръ въ этой области. Въ концѣ 1837 года было учреждено Министерство Государственныхъ имуществъ, для того чтобы упорядочить положеніе казенныхъ крестьянъ, и во главѣ его былъ поставленъ Киселевъ, котораго Николай въ шутку называлъ своимъ „начальникомъ главного штаба по крестьянскому дѣлу". Вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ принималъ участіе и въ нѣсколькихъ секретныхъ комитетахъ, образованныхъ для обсужденія вопроса объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ; своими проектами въ этой области Киселевъ возбудилъ противъ себя ненависть про-

lib.pushkinskijdom.ru

тивниковъ освобожденія; Меньшиковъ, изъ либерала ставшій съ теченіемъ времени ярымъ крѣпостникомъ, выразился о немъ однажды: „Намъ не страшенъ коммунизмъ, а страшенъ киселизмъ“. Враги Киселева не останавливались передъ всевозможными доносами и инсинуаціями; такъ въ одной докладной запискѣ Булгарина Л. В. Дубельту говорится о появившейся въ Москвѣ карикатурѣ: тѣнь Пугачева идетъ, опираясь одной рукой на плечо Перовскаго, другою—на плечо Киселева (Лемке. „Николаевскіе жандармы и русская литература“. Изд. 2-е. СПб. 1909; стр. 347).

Со вступленіемъ на престолъ имп. Александра II, поприще дѣятельности Киселева снова мѣняется. 11 іюля 1856 года онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, со спеціальной цѣлью снова наладить отношенія съ Франціей, разстроенныя войною. Но и на новомъ, дипломатическомъ посту Киселевъ продолжалъ живо интересоваться крестьянскимъ вопросомъ, который какъ разъ въ это время вступалъ въ стадію своего разрѣшенія. Своимъ вліяніемъ Киселевъ всячески поддерживалъ идею освобожденія крестьянъ съ землею и сохраненія общиннаго строя. Въ качествѣ посла при Тюльерійскомъ дворѣ, Киселевъ являлся сторонникомъ рѣшительнаго сближенія и даже союза съ Франціей, что совершенно противорѣчило прусскимъ симпатіямъ Александра II, явно недовѣрявшаго Наполеону. Поэтому въ 1862 году Киселевъ покинулъ свой постъ, но остался въ Парижѣ, гдѣ онъ и прожилъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни, вплоть до своей кончины.

Декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Киселева, при которомъ онъ служилъ въ Тульчинѣ: „ Не имѣя ученаго образованія, онъ былъ чрезвычайно уменъ, ловокъ, дѣятеленъ, очень пріятенъ въ обществѣ и владѣлъ даромъ слова. У него была большая способность привязывать къ себѣ людей и особенно подчиненныхъ. По службѣ онъ былъ взыскателенъ, но очень вѣжливъ въ обращеніи, и вообще мыслилъ и дѣйствовалъ съ какимъ-то рыцарскимъ благородствомъ. Со старшими онъ держалъ себя скорѣе гордо, нежели униженно, а съ младшими ласково и снисходительно... Не разъ я самъ отъ него слышалъ, какъ трудно ему было сдѣлаться изъ свѣтскаго полотера (какъ онъ выражался) дѣловымъ человѣкомъ, и сколько безсонныхъ ночей онъ долженъ былъ проводить, будучи уже флигель-адъютантомъ, чтобы нѣсколько образовать себя и приготовиться быть на что-нибудь годнымъ. Весьма естественно, что такой человѣкъ не только не противился, но поощрялъ то серьезное направленіе, которому слѣдовала Туль-

lib.pushkinskijdom.ru

чинская молодежь“ (Девятнадцатый Вѣкъ. М. 1872. Кн. 1-я, стр. 67—68). Однако есть и отзывы о характерѣ Киселева иного рода, рисующіе его съ отрицательной стороны, какъ человѣка холоднаго, эгоистическаго, надменнаго и т. д.; такимъ его изображаетъ, напр., его племянникъ В. А. Полторацкій, называющій Киселева за его высокомѣріе: „дядя-пьедесталъ“ (Историч. Вѣстникъ, 1893, IX, стр. 597); впрочемъ, можетъ быть, отзывъ этотъ отчасти объясняется личнымъ раздраженіемъ противъ Киселева, вызваннымъ его отказомъ оказать помощь автору, обойденному по службѣ наградой. Впрочемъ, другой племянникъ Киселева, Д. А. Милютинъ также отмѣчаетъ въ его характерѣ „сдержанность и сухость въ отношеніяхъ къ людямъ, даже близкимъ“. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ указываетъ на заботы Киселева о воспитаніи племянниковъ („Воспоминанія генералъ-фельдмаршала графа Д. А. Милютина“. Томскъ, 1919. Т. I, стр. 12 и 18). Столь же разнообразны и отзывы о его государственной дѣятельности: въ то время, какъ одни изъ современниковъ, напр. гр. М. А. Корфъ, сенаторъ К. Н. Лебедевъ, Е. Ѳ. фонъ-Брадке обращаютъ вниманіе на его высокія качества, какъ „истинно государственнаго человѣка“, другіе, преимущественно изъ числа его антагонистовъ, отмѣчаютъ его ошибки, непослѣдовательность, самонадѣянность, опрометчивость: онъ въ ихъ глазахъ честолюбецъ, прикрывающій свои стремленія маской высокихъ идей— „полу-либералъ, полу-сатрапъ“ (Рус. Старина, 1892, май; 226—9). Однако, несмотря на всѣ слабости Киселева, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля, онъ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, и Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своей высокой оцѣнкѣ.

Личное знакомство Пушкина съ Киселевымъ относится еще къ годамъ его молодости. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ своемъ посланіи „Орлову“ (1819 г.):

На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ,
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего...

Повидимому, Пушкинъ намекаетъ здѣсь на свое намѣреніе поступить на военную службу, которое поддерживалъ Киселевъ,

lib.pushkinskijdom.ru

только что (22 февраля 1819 г.) назначенный начальникомъ штаба 2-й арміи и, очевидно, обѣщавшій свое содѣйствіе Пушкину при опредѣленіи на службу; однако А. Ѳ. Орловъ отклонилъ поэта отъ этого намѣренія и заставилъ „смирить немирныя желанья". Впослѣдствіи, въ 1822 году, Пушкинъ, заботясь объ устройствѣ судьбы своего брата, совѣтовалъ ему поступить на военную службу, подъ начальство Раевскаго или Киселева, которые, по его мнѣнію, не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи (Переписка, I, стр. 50). Проживая на югѣ Россіи и имѣя тамъ много знакомыхъ въ военной средѣ, Пушкинъ, несомнѣнно, долженъ былъ быть освѣдомленъ о дѣятельности Киселева въ эту эпоху; однако мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы они въ это время встрѣчались лично.

Стр. 59 (25). Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ (1777—1861), одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ государственныхъ дѣятелей эпохи Александра I, герой Кульма, „проконсулъ Кавказа", личность оригинальная, богато одаренная и сложная, совмѣщавшая въ себѣ разнообразныя и противорѣчивыя черты, хорошія и дурныя, и вызывавшая поэтому различныя мнѣнія и оцѣнки со стороны современниковъ. Вигель писалъ о немъ: „Ермоловъ имѣетъ всѣ пороки и всѣ блестящія качества Русскихъ: онъ гордъ, властолюбивъ, хитеръ, а иногда жестокъ и неумолимъ, какъ они; но, какъ они, онъ храбръ, уменъ и искусенъ. Его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ" (Записки, ч. VII, прилож., стр. 59). Поэтому и отзывъ Пушкина („великій шарлатанъ"), несмотря на его парадоксальность, не долженъ казаться неожиданнымъ и страннымъ. Въ сложной личности Ермолова, дѣйствительно, были черты хитрости, лукавства, была склонность къ притворству, къ двойной игрѣ. Вскорѣ послѣ его паденія въ 1827 году, старый генералъ Раевскій писалъ о немъ своему сыну, служившему на Кавказѣ при Ермоловѣ: „Богъ видитъ, что я жалею его, но нужно было поручить команду Грузіи другому, — онъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ! надѣялся всегда на свою хитрость,—обманы рано или поздно открываются, на нихъ полагаться не должно, — Ермоловъ умной, безкорыстной, трудолюбивый человѣкъ, но не военной, по этому самому чувствуя сей недостатокъ онъ разными штуками такъ сказать выежжалъ, и наконецъ упалъ, я не думаю, чтобы человѣка такого какъ онъ оставили, онъ человѣкъ государственной, и много можетъ быть полѣзенъ" (Архивъ Раевскихъ. Т. I, стр. 334). Однако ожиданія Раевскаго не оправдались, и Ермоловъ уже не возвра-

lib.pushkinskijdom.ru

щался болѣе къ государственной дѣятельности; императоръ Николай опасался его чрезвычайной популярности, подозрѣвалъ его въ какихъ-то противоправительственныхъ заговорахъ, такъ какъ имя его нерѣдко съ сочувствіемъ упоминалось декабристами, и потому держалъ его вдали отъ государственныхъ дѣлъ. Въ теченіе всего царствованія Николая Ермоловъ прожилъ частнымъ человѣкомъ, сперва въ Орлѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, на ряду съ Чаадаевымъ и Мих. Орловымъ, представлялъ одинъ изъ центровъ тогдашней оппозиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ достопримѣчательностей столицы. Однако его оппозиціонное настроеніе проистекало у него изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, и выражалось въ рѣзкихъ отзывахъ о правительственныхъ лицахъ и въ будирующихъ выходкахъ, въ родѣ отказа отъ званія члена Государственнаго Совѣта подъ предлогомъ своей „неспособности“. По справедливому замѣчанію кн. П. А. Вяземскаго, оппозиція Ермолова было „одно внѣшнее явленіе; въ сущности онъ былъ человѣкъ власти и порядка. Въ немъ была замѣчательная тонкость и даже хитрость ума; но подъ конецъ онъ слишкомъ перетонилъ и перехитрилъ. Этимъ самымъ далъ онъ противъ себя оружіе противникамъ своимъ“ (Собраніе сочиненій. Т. VIII, стр. 171). Этотъ отзывъ Вяземскаго по существу совпадаетъ съ отзывомъ Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ смотрѣли на Ермолова близкіе къ Пушкину люди, мнѣніе которыхъ онъ привыкъ цѣнить.

Выдающаяся изъ ряда вонъ личность Ермолова, повидимому, сильно интересовала Пушкина. О немъ онъ долженъ былъ быть наслышанъ еще во время своего перваго пребыванія на Кавказѣ. Въ эпилогѣ „Кавказскаго Плѣнника“ Пушкинъ упоминаетъ имя Ермолова:

Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ, идетъ Ермоловъ

Впослѣдствіи, въ 1829 году, во время своего вторичнаго путешествія на Кавказъ, Пушкинъ сдѣлалъ лишнихъ двѣсти верстъ, для того только, чтобы повидаться съ Ермоловымъ, проживавшимъ въ это время въ Орлѣ. Въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“ онъ довольно подробно описываетъ свое посѣщеніе Ермолова, съ которымъ онъ провелъ два часа въ оживленной бесѣдѣ. Ермоловъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Пушкина своею внѣшностью: „Голова тигра на Геркулесовскомъ торсѣ“. Любопытна одна деталь, не ускользнувшая отъ наблюдательнаго взора поэта: „Улыбка непріятная, потому что неестественна“. Отмѣчаетъ онъ и настрое-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе своего собесѣдника: „Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе". Недовольство Ермолова отразилось и въ его ядовитыхъ отзывахъ о Паскевичѣ, „Эрихонскомъ", а также въ его замѣчаніяхъ о засиліи нѣмцевъ въ русской арміи. „Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова". Общее впечатлѣніе, вынесенное Пушкинымъ изъ этого свиданія, было, повидимому, сильное и положительное. Такое же впечатлѣніе вынесъ и Ермоловъ изъ своей бесѣды съ поэтомъ. Партизанъ-поэтъ Ден. Вас. Давыдовъ, въ своемъ письмѣ князю П. А. Вяземскому отъ 30 декабря 1829 г., приводитъ отрывки изъ письма къ нему Ермолова, его двоюроднаго брата, касающіеся Пушкина: „Былъ у меня Пушкинъ. Я въ первый разъ видѣлъ его и, какъ можешь себѣ вообразить, смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ любопытствомъ. Въ первый разъ не знакомятся коротко, но какая власть высокаго таланта! Я нашелъ въ себѣ чувство, кромѣ невольнаго уваженія. Ему также, я полагаю, необыкновеннымъ показался простой пріемъ, къ каковымъ жизнь въ столицѣ его вѣрно не пріучила". Въ другомъ мѣстѣ письма, хваля сочиненія Пушкина, онъ говоритъ: „Вотъ это поэзія! Это не стихи нашего знакомаго Грибоѣда, отъ *жеванія* которыхъ скулы болятъ..." (Старина и Новизна. Книга XXII. Петроградъ, 1917; стр. 38—39.) Въ бумагахъ Пушкина сохранился черновой набросокъ его письма къ Ермолову, относящійся къ марту—апрѣлю 1833 года; въ этомъ письмѣ онъ обращается къ Кавказскому герою съ просьбой разрѣшить ему быть его „исторіографомъ" или издателемъ его записокъ (Переписка, III, стр. 181). Никакого отвѣта Ермолова не сохранилось; возможно даже, что и письмо Пушкина не было имъ отослано по адресу; но характерна самая мысль Пушкина заняться біографіей Ермолова, показывающая, насколько онъ интересовался его личностью и дѣятельностью.

Стр. 60 (*стр.* 7.) Нащокинъ, Павелъ Войновичъ (Ивановичъ) (1798—1854) одинъ изъ ближайшихъ, если не самый близкій другъ Пушкина во вторую половину его жизни. Познакомился съ нимъ Пушкинъ еще въ лицейскіе годы, когда ему приходилось навѣщать брата Льва въ лицейскомъ пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ нѣкоторое время воспитывался и П. В. Нащокинъ. По окончаніи лицея Пушкинъ съ нимъ не встрѣчался до 1826 года: онъ былъ до этого времени на югѣ и въ Михайловскомъ, а Нащокинъ по выходѣ

lib.pushkinskijdom.ru

до окончанія курса изъ пансіона и послѣ непродолжительной службы въ Измайловскомъ полку, около 1825 года окончательно поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, вращаясь въ лучшихъ Московскихъ кругахъ литературныхъ и художественныхъ, устраивая у себя разные пріемы, соря деньгами направо и налѣво, предпринимая также нерѣдко поѣздки въ Петербургъ, гдѣ велъ тотъ же широкій не по средствамъ образъ жизни. Въ 1826 г. Пушкинъ и Нащокинъ опять встрѣтились и на этотъ разъ сильно подружились и остались неразрывными друзьями до самой смерти поэта. Несмотря на свое незаконченное образованіе, Нащокинъ былъ человѣкомъ выдающимся по образованію, многостороннему развитію, обладалъ, видимо, незаурядным художественнымъ чувствомъ, литературными способностями, хотя въ литературѣ и не выступалъ; этому способствовала его несомнѣнная даровитость, чуткая воспріимчивость, общительность, широкая хотя довольно безалаберная и своеобразная натура, неизсякаемая живость и жизнерадостность характера, причудливо соединенная съ неспособностью къ настойчиво математической работѣ, съ потребностью частой смѣны впечатлѣній: первоначально богатый человѣкъ, онъ прожилъ нѣсколько состояній, ведя по временамъ жизнь типичнаго прожигателя, отъ роскоши переходилъ къ полному безденежью, но всегда оставался неунывающимъ, не падалъ духомъ, сохраняя неизмѣнно вкусъ и тяготеніе къ „красивой жизни“. При всей своей неустойчивости въ жизни, онъ, однако, сумѣлъ сохранить лучшія свои качества: душевную чистоту, правдивость, корректное отношеніе къ людямъ, любовь, самую живую, къ своимъ друзьямъ, живость и отчетливость мысли, которую легко было принять за трезвую практичность, умѣніе найтись. Такія крайности какъ-то легко совмѣщались въ Нащокинѣ. Такимъ рисуется онъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ (т. II и III Акад. изданія; и отдѣльно „Девятнадцатый Вѣкъ“ П. Бартенева, I, М. 1872, 383 и сл.), воспоминаніяхъ современниковъ (В. Т-ва въ „Искрѣ“ 1866 г. № 47, Куликова въ „Русск. Стар.“ 1880, XII, 1881, VIII), извѣстномъ письмѣ къ нему Гоголя 1842 г. изъ Гастейна (Письма Г-я, изд. подъ ред. В. И. Шенрока, II, 188 и сл.). При всѣхъ своихъ недостаткахъ П. В. Нащокинъ оставался человѣкомъ привлекательнымъ для тѣхъ, кто его узналъ ближе; къ числу ихъ относится и Пушкинъ: онъ былъ къ нему привязанъ, глубоко его любилъ, относился къ нему съ большимъ довѣріемъ въ своихъ интимныхъ дѣлахъ (каковы, между-прочимъ, денежныя, такъ угнетавшія Пушкина: здѣсь Нащокинъ являлся главнымъ его

lib.pushkinskijdom.ru

совѣтникомъ, повѣреннымъ; ихъ переписка вращается главнымъ образомъ около этихъ дѣлъ); сверхъ того видно, что Пушкинъ признавалъ за нимъ большой литературно-критическій вкусъ и тактъ, дѣлясь съ нимъ своими литературными мыслями и занятіями (см. напр. письмо Пушкина № 11 и 25 по Бартеневу), цѣнилъ его наблюдательность и умѣнье живо, образно и увлекательно разсказывать виданное и слышанное (см. письмо № 16 тамъ же). Все это вылилось въ задушевномъ тонѣ ихъ взаимной переписки. Повидимому, и самая личность П. В. Нащокина оставила слѣдъ въ литературныхъ замыслахъ Пушкина: предполагаютъ (см. „П. В. Анненковъ и его друзья“ Спб. 1842, 462), что набрасывая своего „Пелымова“, онъ имѣлъ въ виду дать портретъ своего друга.

Обстоятельныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и Нащокина даны въ изслѣдованіи М. О. Гершензона „Другъ Пушшина Нащокинъ“ (Русск. Мысль, 1904, IV отд. II, стр. 109 и сл., тоже „Мудрость Пушкина“ (М. 1919, стр. 206—229).

М. С.

Стр. 60 (9—29). О князѣ В. П. Кочубеѣ см. выше, стр. 221—226. Кочубей умеръ скоропостижно въ ночь со 2 на 3 іюня 1834 г., въ Москвѣ, гдѣ онъ находился проѣздомъ въ свое Кіевское имѣнье. Кончина его, дѣйствительно, произвела значительное впечатлѣніе на общество. Извѣщая о ней свою дочь, княгиню О. А. Долгорукову, А. Я. Булгаковъ писалъ изъ Москвы 4 іюня 1834 года: „Voilà le dernier grand seigneur de Catherine qui s'en va; il sera bien difficile de remplacer le défunt; c'est une perte pour l'état, la cour, la société et pour sa famille... Personne ne devine qui pourra être son successeur“ (Рус. Архивъ, 1906, II, стр. 414). К. Я. Булгаковъ, въ свою очередь, писалъ брату 6-го іюня: „Смерть князя Кочубея ужасно всѣхъ здѣсь поразила... Государь теряетъ въ немъ слугу вѣрнаго, человѣка умнаго, опытнаго, государственнаго. Всѣ сожалѣютъ о немъ“ (Рус. Архивъ, 1904, I, стр. 421). Болѣе сдержанно отзывается о немъ сенаторъ П. Г. Дивовъ, вообще недолюбливавшій Кочубея за его „либерализмъ“; въ своемъ дневникѣ подъ 5 іюня 1834 г. онъ записалъ: „Получено извѣстіе о кончинѣ канцлера князя Кочубея, скончавшагося въ Москвѣ: тѣло его повелѣно перевести въ Петербургъ, вѣроятно для того, чтобы похоронить съ большею помпою. По мысли этого предсѣдателя Государственнаго Совѣта, которымъ руководилъ Сперанскій, учреждены въ царствованіе императора Александра I министерства. Онъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ, но не

lib.pushkinskijdom.ru

былъ одаренъ отъ природы" (Рус. Старина, 1900, іюль, стр. 190). Въ офиціозной „Сѣверной Пчелѣ", въ № 140 отъ 23 іюня, былъ напечатанъ обширный хвалебный некрологъ, съ перечисленіемъ всѣхъ достоинствъ и заслугъ покойнаго; см. также Journal de Francfort, 24 juillet 1834. Пушкинъ упоминаетъ о смерти Кочубея въ письмахъ къ женѣ отъ 8-го и 11-го іюня, сообщая о томъ впечатлѣніи, какое эта смерть произвела на Нат. Кир. Загряжскую (Переписка, III, стр. 125, 127). Въ собраніи историческихъ анекдотовъ „Table-talk" Пушкинъ записалъ: „Графа [?] Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково́-то ему будетъ въ день второго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно уже будутъ на небесахъ" (Сочиненія П-на, подъ ред. П. А. Ефремова. СПб. 1903. Т. V, стр. 194). Опасенія Пушкина насчетъ того, что ходившую въ публикѣ эпиграмму на смерть Кочубея могутъ приписать ему, были небезосновательны, такъ какъ уже издавна подъ его именемъ ходили по рукамъ стихи, вовсе ему не принадлежавшіе, часто нецензурнаго содержанія. Такъ еще въ 1820 году, исписавши, по предложенію Милорадовича, своими „вольными" стихами цѣлую тетрадь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтилъ въ ней и ложно приписанные ему пьесы (Рус. Архивъ, 1866, стр. 918); а въ своемъ „Воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I", написанномъ въ 1825 г., Пушкинъ говоритъ между прочимъ, что „всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное" приписывается ему, „какъ всякіе остроумные вымыслы—князю Циціанову" (Сочин. П-на, подъ ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. V, стр. 387). Иногда эти ложно приписанные Пушкину произведенія попадали въ печать съ его именемъ, даже еще при жизни поэта: значительная часть этой псевдо-Пушкиніаны указана въ книжкѣ П. А. Ефремова: „Ложный Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ". СПб., 1903.

Стр. 60 (30). „Прусскій кронпринцъ"—Фридрихъ-Вильгельмъ (1795—1861), старшій сынъ короля Фридриха-Вильгельма III и знаменитой красавицы, королевы Луизы, братъ императрицы Александры Ѳеодоровны, носившій въ кругу семьи ласкательное имя „Фрицъ". Онъ прибылъ въ Россію, моремъ на пароходѣ, 13 іюня 1834 г. и пробылъ здѣсь до 1-го августа (см. Сѣв. Пчелу, № 135, отъ 18 іюня, и № 176, отъ 7 августа). 3 іюля 1834 г. императоръ Ни-

lib.pushkinskijdom.ru

колай писалъ фельдмаршалу Паскевичу: „Наслѣдный принцъ ведетъ себя здѣсь умно, и въ самыхъ коренныхъ чистыхъ правилахъ, какъ нельзя лучше желать; его присутствіе между нами и для него и для насъ весьма полезно, ибо онъ насъ видитъ послѣ 17 лѣтъ, а мы его узнаемъ, какимъ онъ есть, а не такъ, какъ злоба и зависть его описываютъ; на него смѣло понадѣяться можно“ (Князь Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность“. Т. V, приложенія; стр. 235). Однако впослѣдствіи государь значительно измѣнилъ свое мнѣніе о братѣ своей жены, когда послѣдній, вступивъ на престолъ 7-го іюня 1840 года подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV, обнаружилъ либеральныя стремленія, которыя произвели на прямолинейнаго консерватора Николая чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Женатъ былъ кронъ-принцъ на дочери Баварскаго короля Максимиліана I Елизаветѣ-Луизѣ (1801—1873); дѣтей у нихъ не было, и потому ему наслѣдовалъ въ 1861 г. младшій его братъ, принцъ Вильгельмъ, ставшій уже въ 1858 г. регентомъ Пруссіи, вслѣдствіе душевной болѣзни короля, и провозглашенный 18 января 1871 г. императоромъ объединенной Германіи.

Стр. 61 (1—3). „Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ—но все перемололось.—Однако это мнѣ не пройдетъ“... Таковы скудныя строки дневника, записанныя Пушкинымъ подъ 22 іюля 1834 года; но подъ этой лаконической записью скрывается одинъ изъ наиболѣе важныхъ эпизодовъ послѣднихъ годовъ жизни Пушкина, опредѣлившій все ея дальнѣйшее теченіе и предопредѣлившій ея печальный исходъ.

Прежде всего—о самой формѣ данной записи. Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ Пушкинскаго дневника является его крайняя сдержанность и лаконичность. Пушкинъ записываетъ въ немъ преимущественно свѣдѣнія о своей внѣшней жизни, о своемъ времяпрепровожденіи—и чрезвычайно скупъ на все, что касается внутренней, интимной стороны его существованія. Въ дневникѣ Пушкина мы не найдемъ обычной для подобнаго рода „человѣческихъ документовъ“ бесѣды съ самимъ собою, откровенныхъ лирическихъ изліяній; въ немъ много „ума холодныхъ наблюденій“, но нѣтъ „сердца горестныхъ замѣтъ“. Насколько Пушкинъ сообщителенъ и откровененъ въ своихъ письмахъ къ женѣ и къ друзьямъ, настолько онъ сухъ и сдержанъ въ своемъ дневникѣ. Если онъ и выказываетъ иногда свои сужденія о тѣхъ или другихъ предметахъ, то большею частью сужденія эти касаются не его самого, а раз-

lib.pushkinskijdom.ru

личныхъ лицъ и фактовъ, и очень часто являются лишь отголоскомъ разговоровъ и толковъ общества, среди котораго онъ вращался. Будучи писателемъ, онъ нигдѣ не говоритъ о своихъ работахъ, о своихъ творческихъ замыслахъ, и если мы и находимъ иногда въ дневникѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области его литературной дѣятельности, то эти свѣдѣнія относятся уже къ готовымъ произведеніямъ и касаются также, можно сказать, ихъ внѣшней судьбы,—вопросовъ цензуры и печатанія. Семейная жизнь Пушкина также совершенно не нашла себѣ отраженія въ его дневникѣ; не касается онъ здѣсь и тѣхъ матеріальныхъ затрудненій, которыя отравляли его существованіе въ это время и о которыхъ онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ; ничего не сообщаетъ Пушкинъ о своемъ настроеніи, точно оно не испытывало никакихъ колебаній, оставалось все время ровнымъ и однообразнымъ. Единственный случай, когда Пушкинъ касается въ своемъ дневникѣ переживаемыхъ имъ треволненій, это именно въ данной записи, да и то она составлена въ такихъ нарочито краткихъ и неясныхъ выраженіяхъ, что требуетъ для своего раскрытія значительныхъ объясненій. Смыслъ этого біографическаго эпизода, кратко выражаясь, заключается въ попыткѣ Пушкина вырваться изъ тяготившихъ его условій и условностей петербургской жизни, порвать опутавшія его цѣпи и вернуть себѣ утраченную имъ свободу и независимость. Попытка эта въ силу разныхъ причинъ, окончилась неудачей: Пушкинъ принужденъ былъ отказаться отъ замышленнаго имъ „побѣга“ и остаться въ своей вольной тюрьмѣ, среди тѣхъ нестерпимыхъ для него условій и отношеній, которыя рано или поздно должны были привести его къ гибели: предчувствіе Пушкина, что „это ему не пройдетъ“, оказалось пророческимъ...

Главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ весь внѣшній укладъ существованія Пушкина во вторую половину жизни, была его женитьба. Прежде всего женитьба повлекла за собою его переѣздъ въ Петербургъ. Въ Москвѣ оставаться онъ не хотѣлъ, съ одной стороны изъ-за тещи, съ которой у него очень скоро установились весьма холодныя, почти непріязненныя отношенія; съ другой стороны, Пушкинъ самъ, хотя и москвичъ по рожденію, недолюбливалъ Москву и московскую жизнь, о чемъ онъ неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ къ женѣ. Разныя причины влекли Пушкина въ Петербургъ: съ Петербургомъ у него были связаны воспоминанія молодости; въ Петербургѣ жили нѣкоторые изъ его ближайшихъ друзей: Жуковскій, Вяземскій, Плетневъ, Соболевскій и др. Петербургъ могъ привлекать его, какъ центръ государственной, обществен-

lib.pushkinskijdom.ru

ной и умственной жизни всей страны, какъ городъ европейскій по проимуществу; наконецъ, монументальная красота императорской столицы находила себѣ отзвукъ въ художественной душѣ поэта, обаятельно дѣйствовала на него: не даромъ въ „Мѣдномъ Всаднике“ Пушкинъ создалъ, по выраженію Бѣлинскаго, настоящую „апоѳеозу Петербурга“. Переѣздъ въ Петербургъ повлекъ за собою поступленіе Пушкина на службу, а затѣмъ, въ связи со свѣтскими успѣхами его жены, производство его въ камеръ-юнкеры. Такимъ образомъ Пушкинъ былъ волей-неволей втянутъ въ обычную колею жизни и вошелъ въ кругъ высшаго столичнаго аристократическаго и придворнаго общества. Отношеніе Пушкина къ высшему обществу отличалось нѣкоторою двойственностью. Съ одной стороны, онъ всегда чувствовалъ къ нему извѣстное тяготѣніе; еще Пущинъ, свидѣтель его юныхъ лѣтъ, отмѣчаетъ въ Пушкинѣ эту несимпатичную ему черту (Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. СПб. 1907, стр. 47). Въ болѣе поздніе годы искренно преданный ему Дельвигъ также неоднократно пытался отклонить Пушкина отъ этого опаснаго для него тяготѣнія (Воспоминанія барона А. И. Дельвига. М. 1912; т. I-й, стр. 72, 107, 152). Повидимому, въ основѣ этого тяготѣнія къ высшему кругу у Пушкина лежало сильно развитое въ немъ сословное чувство, сознаніе своего „шестисотлѣтняго дворянства“: Пушкинъ тяготѣлъ къ аристократическому обществу, потому что самъ чувствовалъ себя аристократомъ. „J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés,—писалъ онъ Бенкендорфу 24 ноября 1831 года, жалуясь на Булгарина, задѣвшаго въ одной сатирической замѣткѣ его родовую гордость;—je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé“ (Переписка, II, стр. 347). Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь высшаго общества съ ея законченными формами, съ роскошью и изяществомъ обстановки, съ отсутствіемъ,—по крайней мѣрѣ во внѣшности—всего рѣзкаго, грубаго, вульгарнаго, безвкусно-крикливаго и нелѣпо-жеманнаго, привлекала Пушкина, какъ художника, дѣйствовала на его эстетическія наклонности: не даромъ онъ говорилъ про свою музу:

Ей нравился порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь именъ и лѣтъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Съ другой стороны, однако Пушкинъ не могъ не сознавать внутренней пустоты этой жизни, ничтожество людей, составлявшихъ это изящное, избранное общество, жившее „въ тревогѣ пестрой и безплодной большого свѣта и двора“, не могъ не видѣть, подобно своей Татьянѣ, „всю эту ветошь маскарада“, не могъ не знать, что руководящую роль въ этомъ гордомъ своей замкнутостью кругу часто играли люди, не заслуживающіе уваженія, льстецы и карьеристы. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ разбросаны во многихъ мѣстахъ сатирическіе выпады противъ высшаго свѣта и его представителей, „шальныхъ, балованыхъ дѣтей“, „кокетокъ богомольныхъ“, „хлопьевъ добровольныхъ“, среди которыхъ не встрѣтить „даже глупости смѣшной“. Это критическое отношеніе къ Петербургскому „свѣту“ отразилось и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, а также и въ его письмахъ, и, наконецъ, въ дневникѣ (см. записи отъ 14 апрѣля, 25 апрѣля, 19 іюля, 5 декабря 1834 г.).

Первый годъ жизни въ Петербургѣ, въ особенности мѣсяцы пребыванія въ Царскомъ Селѣ (май—октябрь 1831 г.) былъ для Пушкина эпохой почти полнаго благополучія; казалось, судьба его начала складываться благопріятно: онъ наслаждался невѣдомыми ему до сихъ поръ радостями семейной жизни, радовался свѣтскимъ успѣхамъ своей жены, гордился ея красотою и производимымъ ею впечатлѣніемъ; въ Петербургѣ нашелъ онъ кругъ близкихъ ему по духу друзей, государь разрѣшилъ ему заниматься въ архивахъ интереснымъ для него дѣломъ собиранія историческихъ матеріаловъ по исторіи Петра Вел., даже позволилъ ему издавать газету,—все, казалось, сулило ему свѣтлое будущее, и только очередныя непріятности отъ Бенкендорфа (напр., по случаю напечатанія „Анчара“), да ядовитые выпады Булгарина время отъ времени нарушали его спокойствіе и отравляли его настроеніе. Поэтому его письма къ женѣ и друзьямъ 1831—32 гг. отличаются бодрымъ тономъ, свѣтлымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ; особенно характерно въ этомъ отношеніи его письмо къ Плетневу отъ 22 іюля 1831 г., цѣликомъ проникнутое здоровымъ Пушкинскимъ оптимизмомъ, свѣтлой вѣрой въ жизнь, въ людей, въ будущее. Но уже съ середины 1832 года въ интимныхъ письмахъ Пушкина къ друзьямъ начинаютъ проскальзывать иныя ноты, ноты горечи, тревоги и душевной усталости. „Il n'est de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux—vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée“ (П. А. Осиповой май 1832 г.). „Жизнь въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы

lib.pushkinskijdom.ru

о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но у меня нѣтъ досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія“ (П. В. Нащокину, 22 февр. 1833 г.). „Je ne sais quand j'aurois le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement, ni mes gouts, ni ma fortune ne peuvent s'accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter“ (13 мая 1833 г.). Причины тревогъ и огорченій Пушкина были разнообразны, но всѣ они были тѣсно связаны съ условіями его Петербургской жизни. Первой, хотя, быть можетъ, не главной причиной были матеріальныя затрудненія, съ которыми ему вскорѣ пришлось встрѣтиться. Пушкинъ не имѣлъ собственнаго состоянія; выдѣленная ему отцомъ часть Болдина была имъ заложена, а полученныя деньги ушли частью на приданое жены, частью, на первоначальное обзаведеніе. Между тѣмъ вращаясь въ богатомъ аристократическомъ кругу, Пушкинъ принужденъ былъ вести соотвѣтственный train de vie, требовавшій большихъ расходовъ, а у него не было опредѣленныхъ доходовъ, кромѣ 5000 руб. жалованія, которыхъ, конечно, далеко не хватало. Уже въ октябрѣ 1831 года онъ писалъ своему другу Нащокину: „женившись я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро“. Литературный заработокъ Пушкина не отличался опредѣленностью, да и нельзя было разсчитывать на него съ полной увѣренностью, такъ какъ цензура во всякое время могла помѣшать печатанію любого произведенія, какъ это и случилось, напр., съ Мѣднымъ Всадникомъ, благодаря чему, пришлось измѣнить условія заключеннаго со Смирдинымъ договора и лишиться значительной части выговореннаго гонорара (см. запись дневника отъ 14 декабря 1833 г.). Приходилось поэтому всячески изворачиваться: занимать у друзей и знакомыхъ, обращаться за поддержкой къ казнѣ (запись 6 марта 1834 г.), закладывать въ ломбардъ женины драгоцѣнности (запись 8 января 1835) и т. д., иногда въ поискахъ за деньгами Пушкинъ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи ростовщиковъ. Сверхъ всѣхъ этихъ личныхъ денежныхъ затрудненій, Пушкину пришлось взять на себя веденіе дѣлъ своихъ родителей, для того чтобы спасти ихъ отъ угрожающаго разоренія. О своихъ матеріальныхъ затрудненіяхъ Пушкинъ постоянно говоритъ въ письмахъ къ Нащокину, который былъ въ этомъ отношеніи его совѣтчикомъ и повѣреннымъ.

Къ этимъ матеріальнымъ затрудненіямъ, отравлявшимъ жизнь

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкина мелочными заботами, присоединялось еще враждебное отношеніе къ нему многихъ представителей высшаго Петербургскаго общества. Чрезвычайно самолюбивый и щекотливый въ вопросахъ личной чести, Пушкинъ чувствовалъ себя какъ бы затертымъ и униженнымъ въ обществѣ, въ которомъ личность цѣнилась въ зависимости отъ богатства и служебнаго положенія. Это заставляло его держаться по отношенію къ свѣту съ подчеркнутой гордостью и независимостью; эту черту отмѣчаетъ въ немъ, напр., В. И. Сафоновичъ, свидѣтельствующій, что онъ „вносилъ въ общество какую-то самоувѣренность, которая отталкивала отъ него знакомыхъ... Всегда въ немъ видно было стремленіе быть авторитетомъ. Въ высшемъ кругу это ему не удавалось: тамъ обыкновенно принимаютъ поэтовъ и извѣстныхъ артистовъ совсѣмъ съ другою цѣлью и не столько имъ желаютъ угождать, сколько требуютъ отъ нихъ угожденія“ (Рус. Архивъ, 1903, I, стр. 493). Лучше всего фальшивое и шаткое положеніе Пушкина въ богатомъ свѣтскомъ обществѣ столицы оцѣнилъ гр. Сологубъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ“. Главное несчастіе Пушкина, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью. „Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой онъ не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ однако какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ официальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали:—„Карету Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя!“—Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за презрѣніе, которое оказывалось къ названію. За то и онъ оказывалъ наружное какъ бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ... Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея соперницъ. Для того чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко... Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, насколько можетъ

lib.pushkinskijdom.ru

быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ" (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Москва, 1866. Стр. 35—41). Немало огорченій доставляли Пушкину также и его отношенія къ Бенкендорфу (о нихъ см. выше, стр. 216—220). Все это тягостнымъ образомъ дѣйствовало на Пушкина, омрачало его настроеніе внушало ему чувство унынія и отвращенія къ жизни. „Croyez m'en, chère Madame Ossipof,—писалъ онъ однажды своей старой Тригорской пріятельницѣ,—la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante et c'est un vilain lac de boue que le monde" (Переписка, III, стр. 242).

Послѣднею каплей, переполнившей мѣру терпѣнія Пушкина, была, повидимому, возмутительная исторія съ перехваченнымъ на почтѣ письмомъ его къ женѣ (объ этомъ см. выше, стр. 431 и сл.). Но уже и ранѣе настроеніе его было омрачено рядомъ испытанныхъ непріятностей, каковы, напр., запрещеніе „Мѣднаго Всадника", пожалованіе его въ камеръ-юнкеры, ставившее его въ смѣшное положеніе въ глазахъ „свѣта", болѣзнь жены и т. д., не говоря уже объ обычныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, семейныхъ заботахъ и общей неловкости его положенія среди внутренне чуждаго ему столичнаго общества. Письма Пушкина къ женѣ, благодаря своей интимности и искренности, даютъ намъ возможность ближе познакомиться съ его душевнымъ настроеніемъ, которое такъ мало отразилось въ его дневникѣ, и прослѣдить, какъ накоплялось постепенно въ душѣ Пушкина чувство негодованія противъ тѣхъ условій, въ которыя онъ былъ поставленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялось и созрѣвало рѣшеніе освободиться отъ этихъ стѣснительныхъ условій, вырваться изъ Петербурга и обрѣсти свою прежнюю независимость. Сейчасъ же послѣ отъѣзда Натальи Николаевны, онъ пишетъ ей (17 апрѣля 1834 г.), разсказывая о недовольствѣ государя тѣмъ, что придворные чины неаккуратно являются во дворецъ: „Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ ни за какіе благополучія! Слѣдующія письма (конецъ апрѣля и начало мая) въ общемъ отличаются бодрымъ тономъ: Пушкинъ разсказываетъ о своемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ, даетъ отчетъ о своемъ поведеніи, сообщаетъ городскіе слухи и новости, перемѣшивая все это шутками

lib.pushkinskijdom.ru

и остроумными словечками: только безпокойство о здоровіи жены и опасенія какой-либо неосторожности въ ея поведеніи заставляютъ его переходить въ серьезный тонъ. Но уже въ письмѣ отъ 18 мая, въ которомъ Пушкинъ сообщаетъ женѣ о перехваченномъ письмѣ, мы находимъ слѣдующее заключеніе: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Неприятна зависимость, особенно когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя“ (Переписка, III, стр. 118). Черезъ двѣ недѣли, 29 мая онъ пишетъ, какъ-бы подготовляя жену къ мысли о перемѣнѣ въ образѣ жизни: „Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ приятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнять долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства... Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?“ (тамъ же, стр. 120). Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 3 іюня Пушкинъ жалуется на „свинство почты“, которое расхолаживаетъ его, мѣшаетъ ему писать съ полной откровенностью: „Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобою подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше“ (стр. 122). Повидимому, Наталья Николаевна поняла намеки Пушкина на необходимость перемѣны условій жизни и отнеслась къ мысли объ этой перемѣнѣ довольно спокойно, во всякомъ случаѣ, безъ особыхъ возраженій; отвѣчая ей на ея письмо, Пушкинъ пишетъ между прочимъ: „Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя нещастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды,

lib.pushkinskijdom.ru

унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни". Въ концѣ этого же письма Пушкинъ прибавляетъ: „Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а желчь не унимается... Жду отъ тебя письма объ Ярополицѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма разпечатываютъ: этого требуетъ Государственная безопасность" (стр. 125). 11 іюня, отвѣчая Натальѣ Николаевнѣ на ея проектъ взять сестеръ къ себѣ въ Петербургъ и хлопотать объ ихъ опредѣленіи во фрейлины, Пушкинъ пишетъ: „Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно, откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу.—Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобы пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь—тогда, пожалуй,будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣ отъ двора: въ немъ толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П.Б. не заманили и московскимъ калачомъ. Жилъ бы себѣ баріномъ.—Но вы, бабы, не понимаете щастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal". Въ заключеніи, намекая на государя, и на его роль въ исторіи съ перехваченнымъ письмомъ, которое Николай не постѣснился прочитать, Пушкинъ замѣчаетъ: „На *того* я пересталъ сердиться, потому что, toute réflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н...кѣ, поневолѣ привыкнешь къ г...., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!" (стр. 128). Наконецъ, въ концѣ іюня, вѣроятно, одновременно съ подачей прошенія объ отставкѣ, Пушкинъ откровенно излагаетъ женѣ тѣ соображенія, которыя привели его къ этому шагу: „Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще

lib.pushkinskijdom.ru

на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай мнѣ сдѣлаться богатымъ,—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову". Въ концѣ письма — характерное признаніе: „Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все *тотъ* виноватъ; но Богъ съ нимъ, отпустилъ бы лишь меня восвояси" (стр. 135).

25 іюня 1834 г. Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на необходимость частыхъ отлучекъ изъ Петербурга, вызываемыхъ домашними обстоятельствами, просилъ объ увольненіи отъ службы; вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ просилъ, однако, чтобы ему было позволено по-прежнему работать въ архивахъ. 30 іюня Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина, что онъ докладывалъ государю его просьбу объ отставкѣ и что государь заявилъ, что онъ никого не желаетъ удерживать противъ воли, но что на ходатайство Пушкина о сохраненіи за нимъ права посѣщать государственные архивы онъ не изъявилъ согласія, „такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства" (стр. 140). Послѣднее, оскорбительное для Пушкина замѣчаніе было вставлено, конечно, для того чтобы подчеркнуть недовольство государя (и Бенкендорфа) самостоятельнымъ шагомъ Пушкина.

Таково было положеніе вещей, когда о рѣшеніи Пушкина выйти въ отставку и о письмѣ его къ Бенкендорфу узналъ Жуковскій. Онъ немедленно вмѣшался въ дѣло и всей силой своего авторитета обрушился на Пушкина, чтобы вынудить его перемѣнить рѣшеніе, мотивируя свои настоянія главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что его выходъ въ отставку является вопіющей неблагодарностью по отношенію къ государю, осыпавшему его „милостями". Жуковскій хорошо разсчиталъ силу своего аргумента: онъ зналъ, что своимъ призывомъ къ чувству благодарности онъ сильнѣе всего подѣйствуетъ на Пушкина,—и онъ не ошибся; тотчасъ послѣ полученія его укоризненнаго письма Пушкинъ снова обратился къ Бенкендорфу (3 іюля), прося его не давать хода его первому прошенію: „Cette démarche étant inconvenante, je Vous supplie, Monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat". На другой день, 4 іюня подъ давленіемъ Жуковскаго, онъ пишетъ Бенкендорфу второе,

lib.pushkinskijdom.ru

письмо, въ которомъ заявляетъ о своемъ огорченіи, что его „необдуманное прошеніе“ могло показаться „безумной неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто былъ для него болѣе благодѣтелемъ, нежели государемъ“ (стр. 146).

Однако, несмотря на свое подчиненіе волѣ и внушеніямъ Жуковскаго, Пушкинъ все-таки, въ глубинѣ души, отказывался признать себя неправымъ, а свое рѣшеніе о выходѣ въ отставку „безумнымъ“. Свое недоумѣніе онъ выразилъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 6 іюня: „Я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе, какая неблагодарность? Но Государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ“. Затѣмъ, на замѣчаніе Жуковскаго, что его письма къ Бенкендорфу слишкомъ „сухи“, Пушкинъ отвѣчаетъ: „Да зачѣмъ же быть имъ сопливыми? Въ глубинѣ сердца моего чувствую себя правымъ передъ Государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ, но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе“. Однако, чтобы удовлетворить желанію Жуковскаго, Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу 6-го іюня третье, болѣе пространное письмо, въ которомъ старается смягчить дурное впечатлѣніе, произведенное его прошеніемъ объ отставкѣ, и разъяснить шефу жандармовъ, а черезъ его посредство и самому государю, причины, которыя побудили его къ этому шагу.

Пока тянулась вся эта исторія съ неудачной попыткой Пушкина вырваться на волю, онъ ничего не сообщалъ о ней женѣ, не желая, вѣроятно, напрасно волновать ее, до окончательнаго рѣшенія дѣла. Только 11 іюля, когда положеніе выяснилось, онъ пишетъ Натальѣ Николаевнѣ: „На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ *тѣмъ* чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ и не правъ“. А черезъ два дня онъ дополняетъ свое первое, довольно неопредѣленное сообщеніе болѣе точными данными: „Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажетъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма (стр. 153).

Такъ кончилась неудачею попытка Пушкина вырваться на волю. Пушкинъ недаромъ думалъ, что эта попытка ему „не пройдетъ". Она не привела ни къ чему и только ухудшила его положеніе, потому что еще болѣе укрѣпила Николая и Бенкендорфа въ ихъ недовѣріи къ поэту. Получивъ второе письмо Пушкина съ отказомъ отъ первоначальнаго шага, Бенкендорфъ писалъ государю: „Передъ нами мѣрило человѣка (l'échelle de l'homme); лучше чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ" (Старина и Новизна. Книга VI, СПб. 1903; стр. 10). Очевидно, Бенкендорфъ не хотѣлъ выпускать Пушкина изъ-подъ своего бдительнаго надзора, и попытка его освободиться отъ этого надзора еще болѣе усугубила его подозрительность.

Стр. 61 (4—8). Маршалъ Мезонъ (Maison, Nicolas-Joseph), род. въ 1771 г., сынъ земледѣльца, съ 1792 г. участвовалъ во всѣхъ ойнахъ республики и Наполеона I, за отличіе подъ Аустерлицемъ былъ произведенъ въ генералы, послѣ паденія Наполеона примкнулъ къ Людовику XVIII и оставался ему вѣренъ во время „ста дней"; поэтому правительство реставраціи осыпало его милостями: въ 1814 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ Парижа и перомъ Франціи, въ 1817 г. получилъ титулъ маркиза, въ 1828 г. званіе маршала. Послѣ іюльскаго переворота Мезонъ сумѣлъ снискать благосклонность новаго правительства и былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ посломъ въ Вѣнѣ (1831) и Петербургѣ (1833); въ 1835—36 гг. онъ былъ военнымъ министромъ; скончался въ 1840 г.—Мезонъ прибылъ въ Петербургъ 16 декабря 1833 г., а 24-го декабря вручилъ свои вѣрительныя грамоты, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла (Рус. Инвалидъ 1833 г., №№ 326 и 334). Онъ, повидимому, сумѣлъ произвести на имп. Николая благопріятное впечатлѣніе; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ своему довѣренному другу Паскевичу отъ 4 января 1834 г. государь отзывался о немъ довольно благосклонно: „Прибылъ маршалъ Мезонъ; первые пріемы его хороши, и кажется, онъ

lib.pushkinskijdom.ru

человѣкъ умный и изъ кожи лѣзетъ, чтобы угодить" (Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Т. V, приложенія, стр. 229). О несчастномъ случаѣ съ нимъ на маневрахъ Пушкинъ писалъ женѣ: „Бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай нашихъ". Подробнѣе сообщалъ объ этомъ брату К. Я. Булгаковъ въ письмѣ отъ 23 іюля: „Французскій посолъ на маневрахъ больно ушибся. Онъ хотѣлъ проскакать, между тѣмъ какъ кавалерія неслась въ атаку, не успѣлъ проѣхать и былъ съ лошадью опрокинутъ; больно ушибленъ, такъ что оставался безъ памяти. Арендтъ тотчасъ его перевязалъ и отвезъ въ Красное Село, гдѣ и Государь его навѣстилъ. Онъ ушибъ между прочимъ голову; но, слава Богу, обошлось лучше, чѣмъ бы должно было опасаться. Ему гораздо лучше, и полагаютъ, что черезъ нѣсколько дней совсѣмъ будетъ здоровъ" (Рус. Архивъ, 1904, I, стр. 426). Въ „Рус. Инвалидѣ" № 181 отъ 19 іюля 1834 г. помѣщено подробное описаніе маневровъ подъ Краснымъ, но о случаѣ съ марш. Мезономъ нѣтъ никакого упоминанія.

Стр. 61 (6). „Арнтъ"—правильнѣе Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ (1785—1859), извѣстный врачъ, преимущественно хирургъ. Окончивъ въ 1805 г. С.-Петербургскую Медико-хирургическую академію, онъ сопровождалъ русскую армію въ ея многочисленныхъ военныхъ походахъ 1806—1815 гг. и пріобрѣлъ большую опытность въ хирургическихъ операціяхъ. Въ 1821 г. получилъ honoris causa званіе доктора медицины и хирургіи, а въ 1829 году былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. Съ этого времени онъ неизмѣнно сопровождалъ имп. Николая во всѣхъ его путешествіяхъ. Какъ практическій врачъ, Арендтъ пользовался громадною популярностью въ Петербургскомъ обществѣ. Имѣя большую практику среди высшей аристократіи, онъ не отказывался лѣчить и бѣдняковъ иногда онъ даже самъ помогалъ имъ деньгами и лѣкарствами. Во время предсмертной болѣзни Пушкина, Арендтъ неоднократно пріѣзжалъ къ нему; между прочимъ, онъ привезъ ему извѣстную записку государя съ призывомъ „умереть христіаниномъ" и съ обѣщаніемъ позаботиться о его семействѣ (П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Петроградъ, 1916; стр. 36).

Стр. 61 (9—11). „Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ" принадлежалъ, дѣйствительно, лейбъ-гвардіи поручику князю Дмитрію Юрьевичу Трубецкому. На мѣстѣ этого владѣнія, а также

lib.pushkinskijdom.ru

нѣкоторыхъ смежныхъ, монастырскихъ и церковныхъ, было построено въ 1771—1785 гг. архитекторомъ Матв. Ѳед. Казаковымъ грандіозное зданіе Сената (Ив. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Ч. I-я, изд. 2-е; М. 1905; стр. 334—335).

Стр. 61 (12)—62 (3). Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ (1754—1829), родомъ малоросъ, получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, служилъ первоначально при князѣ Ник. Вас. Репнинѣ, завѣдуя его канцеляріей, позднѣе при Безбородкѣ, обратилъ на себя своей дѣловитостью и трудолюбіемъ вниманіе имп. Екатерины, которая назначила его статсъ-секретаремъ и членомъ Главнаго Почтоваго правленія (1793 г.). Павелъ I также очень благоволилъ къ Трощинскому, получившему при немъ цѣлый рядъ крупныхъ наградъ и назначенному (1798 г.) Президентомъ Главнаго Почтоваго правленія. Однако уже въ слѣдующемъ году Трощинскій былъ отставленъ отъ этой должности, а въ 1800 г. вовсе уволенъ отъ службы. Послѣ государственнаго переворота 11 марта 1801 года, Трощинскому было поручено составленіе манифеста о восшествіи на престолъ имп. Александра I; манифестъ этотъ былъ написанъ очень удачно: особенно понравилось современникамъ обѣщаніе молодого государя „управлять по законамъ и сердцу“ его бабки, императрицы Екатерины II. Изъ разсказа Пушкина явствуетъ, что совершившійся переворотъ былъ для Трощинскаго полной неожиданностью; однако существуютъ указанія, что онъ былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, посвященъ въ тайну заговора, хотя и не принималъ въ немъ непосредственнаго участія; объ этомъ опредѣленно говоритъ одинъ изъ главныхъ участниковъ событія ген. Л. Л. Бенигсенъ въ письмѣ къ своему другу Б. Б. фонъ-Фоку, написанномъ вскорѣ послѣ переворота, при чемъ онъ указываетъ, что на Трощинскаго была возложена обязанность сейчасъ-же послѣ переворота созвать Сенатъ для принятія соотвѣтствующихъ постановленій (Историч. Вѣстникъ, 1917, май-іюнь, стр. 537). Въ началѣ царствованія имп. Александра Павловича, Трощинскій игралъ при немъ видную роль, въ качествѣ ближайшаго совѣтника государя по внутреннимъ дѣламъ. Въ томъ же 1801 году онъ былъ назначенъ членомъ Государст. Совѣта, а въ слѣдующемъ—министромъ Удѣловъ. Выйдя въ отставку въ 1806 году, Трощинскій нѣсколько лѣтъ прожилъ у себя на родинѣ, въ Малороссіи; но въ 1814 г. онъ снова вернулся на государственную службу, въ качествѣ министра Юстиціи; онъ занималъ этотъ постъ до 25 августа 1817 года, когда окончательно

lib.pushkinskijdom.ru

вышелъ въ отставку. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи Кибинцахъ, Миргородскаго уѣзда Полтавской губ. Между прочимъ онъ покровительствовалъ семьѣ Гоголей, такъ какъ мать писателя, Марья Ивановна Гоголь-Яновская была племянницей жены его брата. О Трощинскомъ см. біографическій очеркъ анонимнаго автора, основанный на данныхъ семейнаго архива, въ Рус. Старинѣ, 1882 г., II, стр. 641—682.

Стр. 62 (7). Открытіе Александровской колонны состоялось 30-го августа (см. выше стр. 168). Подробное описаніе торжества а также наградъ, пріуроченныхъ къ нему, см. въ письмахъ К. Я. Булгакова къ брату (Рус. Архивъ, 1904, I, стр. 431—432), а также въ Запискахъ гр. Бенкендорфа (Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый. СПб., 1903. Т. II, стр. 685—688). Ему посвящена особая брошюра И. Г. Бутовскаго: „Объ открытіи памятника Императору Александру I". СПб., 1834. Самый памятникъ подробно описанъ въ роскошномъ изданіи, составленномъ самимъ Монферраномъ: „Plan et détails du monument consacré à la memoire de l'Empereur Alexandre". St-Pètersbourg—Paris. 1836. См. также статью И. Н. Божерянова въ Рус. Старинѣ, 1884, авг., стр. 369—375.

Стр. 62 (10). Раевскій, Александръ Николаевичъ (1795—1868), старшій сынъ извѣстнаго боевого генерала, героя 12-го года, Николая Николаевича Раевскаго; получивъ тщательное домашнее образованіе, онъ съ 1810 г. былъ зачисленъ на службу и участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ заграничныхъ походахъ; будучи адъютантомъ гр. М. С. Воронцова, онъ провелъ два года во Франціи и посѣтилъ съ нимъ Англію; въ 1817 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ полковники; будучи домашнимъ человѣкомъ въ семьѣ Воронцовыхъ, съ 1823 года проживалъ большей частью въ Одессѣ, гдѣ Воронцовъ былъ генералъ-губернаторомъ; въ октябрѣ 1824 г. оставилъ военную службу, а въ декабрѣ слѣдующаго года былъ арестованъ, въ связи съ дѣломъ декабристовъ, но сумѣлъ оправдаться и былъ скоро освобожденъ и даже получилъ, въ вознагражденіе за испытанную непріятность, званіе камергера. Вернувшись въ Одессу, онъ оставался здѣсь до іюля 1828 г., когда онъ, вслѣдствіе своего столкновенія съ Воронцовымъ, былъ высланъ изъ города, съ предписаніемъ проживать въ Полтавской губерніи, гдѣ у его отца было имѣніе. Въ сентябрѣ 1833 г. Раевскій получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву, гдѣ онъ и поселился, частнымъ человѣкомъ не у дѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ ноябрѣ слѣдующаго года онъ женился на Екатеринѣ Петровнѣ Киндяковой, но уже въ 1839 г. овдовѣлъ. Послѣ выхода замужъ его единственной дочери Александры, Раевскій переселился заграницу, гдѣ и проживалъ, преимущественно въ Ниццѣ, до самой смерти.

Таковы несложныя внѣшнія данныя жизни этого незауряднаго, умнаго, образованнаго и даровитаго человѣка, про котораго Пушкинъ еще въ 1820 году, въ началѣ ихъ знакомства, писалъ, что онъ „будетъ болѣе нежели извѣстенъ". Однако это предсказаніе поэта не оправдалось, и А. Н. Раевскій, не смотря на всѣ свои дарованія, прошелъ въ жизни, не оставивъ въ ней никакого слѣда, въ качествѣ одного изъ тѣхъ „лишнихъ людей", которыми такъ богата была тогдашняя русская дѣйствительность. Одна изъ причинъ этой печальной непроизводительности его существованія заключалась, быть можетъ, въ самомъ характерѣ его, не столько самолюбивомъ, сколько себялюбивомъ, узко-эгоистическомъ, а также въ складѣ его ума, скептическомъ и разлагающемъ. Еще въ 1820 году отецъ его Николай Николаевичъ писалъ о немъ: „Я ищу въ немъ проявленія любви, чувствительности и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а споритъ, и чѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости... У него умъ наизнанку... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить". Очень отрицательную характеристику Раевскаго даетъ въ своихъ запискахъ Вигель; онъ отмѣчаетъ въ немъ „какое то непріязненное чувство ко всему человѣческому", говоритъ, что характеръ его состоялъ „изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти", что „въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства" и что онъ не чуждался интриги и клеветы, такъ какъ „любилъ марать все чистое, все возвышенное, и то, что французы дѣлали изъ тщеславія, дѣлалъ онъ изъ одной злости"; холодный ко всему, онъ былъ совершенно нечувствителенъ къ искусству, къ поэзіи, которая, „была ему дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ онъ видѣлъ одно сумасбродство" (Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. VI, стр. 169—171).

Извѣстно, какое сильное, хотя и преходящее вліяніе оказалъ А. Н. Раевскій на молодого Пушкина, въ періодъ его пребыванія на югѣ Россіи (см. объ этомъ статьи А. М. Лободы и Н. О. Лернера въ Собраніи сочиненій П-на, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 104—118, 275—280, 618—623; т. III, стр. 528—531; а также М. О. Гершензона: „Исторія Молодой Россіи"; М., 1908). Блестящій

lib.pushkinskijdom.ru

умъ и образованіе Раевскаго, его язвительное остроуміе, насмѣшливый скептицизмъ въ отношеніи къ жизни и къ людямъ, байроническая разочарованность, представлявшая въ то время еще прелесть новизны и оригинальности,—все это нашло себѣ отголосокъ въ мятущейся душѣ молодого поэта, переживавшаго еще въ тѣ годы свой періодъ Sturm-und-Drang. Пушкинъ подчинился обаянію этого холоднаго сатирическаго ума, онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя черты его міросозерцанія и „сталъ взирать его очами". По удачному выраженію Гершензона, „умный побѣдилъ мудраго"; Пушкинъ самъ называлъ Раевскаго: „mon maître en fait de morale"; въ французскомъ письмѣ къ брату (сентябрь—октябрь 1822 г.) онъ, въ свою очередь пробуетъ преподать ему эту „мораль", запечатленную духомъ скептической мизантропіи. Въ своемъ знаменитомъ „Демонѣ" (1823), посвященномъ А. Н. Раевскому, Пушкинъ далъ олицетвореніе этого пережитаго имъ душевнаго настроенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ современники согласно узнавали въ Пушкинскомъ „демонѣ" черты А. Н. Раевскаго, за которымъ съ этого времени навсегда утвердилась эта кличка. Однако подчиненіе Пушкина авторитету своего друга продолжалось недолго: съ одной стороны, коренная разница ихъ натуръ, всего ихъ міровоспріятія и міроотношенія, не могла не вызвать, рано или поздно, въ свѣтлой и жизнерадостной душѣ Пушкина естественную реакцію; а съ другой стороны, самъ Раевскій своимъ поведеніемъ оттолкнулъ отъ себя Пушкина, обнаруживъ такія черты своей натуры, какъ неискренность и двуличіе по отношеніи къ тому, кого онъ самъ называлъ своимъ другомъ. Весь этотъ эпизодъ тѣсно связанъ съ исторіей отношеній Пушкина и Раевскаго къ графинѣ Е. К. Воронцовой, въ которую оба они были влюблены. Раевскій очень искусно пользовался этою любовью Пушкина, для того чтобы прикрывать свои собственныя отношенія къ графинѣ и направлять на него ревнивую подозрительность самого Воронцова. А когда Пушкинъ оказался ему неудобенъ, онъ, при помощи тонко задуманной интриги, достигъ полнаго разрыва между Воронцовымъ и Пушкинымъ и высылки послѣдняго изъ Одессы (Вигель, ч. VI, стр. 171—172). Такимъ образомъ по отношенію къ Пушкину Раевскій сыгралъ коварную и двуличную роль, которую Пушкинъ разгадалъ только впослѣдствіи. Въ стихотвореніи „Коварность", написанномъ уже въ Михайловскомъ, новѣйшіе комментаторы Пушкина, Лернеръ и Брюсовъ, справедливо видятъ отраженіе его отношеній къ Раевскому, который, послѣ обнаруженія вѣроломства его дружбы, былъ въ глазахъ поэта „осужденъ послѣднимъ приговоромъ". Разочарова-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе, вызванное измѣной нѣкогда близкаго ему человѣка, надолго сохранило свой отголосокъ въ душѣ Пушкина; можетъ быть, намекъ на пережитое имъ огорченіе слѣдуетъ видѣть въ его скептическихъ отзывахъ о дружбѣ въ четверостишіи „Дружба“, въ XIX строфѣ 2-й главы „Евгенія Онѣгина“, а также въ VIII строфѣ стих. „19 октября“ („Изъ края въ край преслѣдуемъ грозою...“), въ которой поэтъ говоритъ о томъ, какъ онъ, гонимый судьбою, лишенный общества и поддержки своихъ старыхъ друзей-лицеистовъ, искалъ утѣшенія „на лонѣ дружбы новой“:

Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ эти лирическія изліянія относятся къ одному и тому же времени, къ осени 1825 года, когда еще живо было въ душѣ поэта чувство пережитаго разочарованія. Но и гораздо позднѣе „память сердца“ вызывала въ немъ отголосокъ этого чувства: такъ, еще въ 1835 году, въ стихотвореніи: „Вновь я посѣтилъ...“, Пушкинъ, вспоминая о томъ настроеніи, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Михайловское, вспоминаетъ и о своихъ горькихъ думахъ о прошломъ—

..... о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной...

Для того, чтобы оправдать свое поведеніе въ глазахъ Пушкина и сохранить съ нимъ прежнія дружескія отношенія, Раевскій, черезъ мѣсяцъ послѣ его отъѣзда изъ Одессы, прислалъ ему письмо, съ выраженіемъ своего соболѣзнованія по поводу его высылки, съ увѣреніями въ неизмѣнности своей привязанности, своей amitié fraternelle, и съ увѣщаніями беречь себя ради своей славы и ради будущаго русской литературы (de notre littérature naissante). Письмо составлено настолько умно, что даже производитъ впечатлѣніе искренности; но, повидимому, Пушкинъ не поддался этому впечатлѣнію, разгадавъ дѣйствительныя побужденія, которыми руководился Раевскій, и оставилъ посланіе своего „друга“ безъ отвѣта.

Однако не смотря на свое разочарованіе въ дружбѣ Раевскаго и въ самой его личности, Пушкинъ продолжалъ интересоваться имъ,

lib.pushkinskijdom.ru

и когда надъ нимъ стряслась бѣда и онъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу, Пушкинъ писалъ съ безпокойствомъ барону Дельвигу: „Мнѣ сказывали что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности--Но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна.—Узнай гдѣ онъ и успокой меня“ (Переписка, I, стр. 319). Безпокойство Пушкина, весьма показательное для его великодушнаго сердца, было однако совершенно напраснымъ, такъ какъ, несмотря на свою близость со многими изъ видныхъ декабристовъ, Раевскій, скептикъ и мизантропъ, холодный и осторожный, былъ вовсе чуждъ ихъ благородныхъ мечтаній и увлеченій: поэтому ему очень легко удалось оправдаться въ глазахъ государя, который даже наградилъ его званіемъ камергера. Затѣмъ имя Раевскаго исчезаетъ со страницъ Пушкинской переписки, если не считать упоминанія его въ письмѣ къ Вяземскому отъ 1 сентября 1828 г., въ связи со слухами о скандальной исторіи Раевскаго въ Одессѣ, приведшей къ его высылкѣ оттуда. Свидѣлись бывшіе друзья только въ 1834 году, въ концѣ августа, въ Москвѣ, гдѣ Пушкинъ былъ проѣздомъ въ Калужскую губернію. Впечатлѣніе, вынесенное Пушкинымъ изъ этой встрѣчи, было далеко не благопріятнымъ для Раевскаго: онъ нашелъ его даже „поглупѣвшимъ“, хотя тутъ же иронически прибавляетъ: „можетъ быть это пройдетъ“. Вообще, въ 30-хъ годахъ Раевскій, повидимому, не производилъ на окружающихъ того впечатлѣнія, какъ во дни своей молодости; онъ все еще сохраняетъ прозвище „демона“, но уже утратилъ прежнее обаяніе, такъ что А. Я. Булгаковъ въ письмахъ къ дочери довольно зло называетъ его „le Satan de Чистый Прудъ“ (Рус. Архивъ, 1906, II, стр. 546). Въ послѣдній разъ Пушкинъ упоминаетъ Раевскаго въ письмѣ къ женѣ отъ 11 мая 1836 г.: онъ встрѣтилъ его на обѣдѣ у М. Ѳ. Орлова и вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ раньше: Раевскій, пишетъ онъ, очевидно, вспоминая свой отзывъ о немъ въ дневникѣ „прошлаго раза казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ“ (Переписка, III, стр. 312): однако и въ такой смягченной формѣ отзывъ этотъ остается въ достаточной мѣрѣ пренебрежительнымъ.

Стр. 62 (13—22). Лѣтомъ 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (сынъ фельдмаршала) соорудилъ памятникъ въ принадлежавшемъ ему селѣ Тарутинѣ (Калужск. губ., Боровскаго у.),

lib.pushkinskijdom.ru

для увѣковѣченія одержанной тамъ въ 1812 году побѣды надъ французами. Памятникъ устроенъ вблизи старой большой дороги изъ Москвы въ Калугу, на одной изъ земляныхъ батарей 1812 года, и состоитъ изъ четыреугольной земляной насыпи, съ выступами фундамента изъ бѣлаго тесаннаго камня, и четырехгранной чугунной колонны, высотою въ 6 саженъ, увѣнчанной шаромъ съ изображеніемъ знаковъ зодіака и одноглавымъ орломъ съ распущенными крыльями наверху. Высота всего памятника 10 сажень. На одной сторонѣ надпись: „На семъ мѣстѣ Россійское воинство, подъ предводительствомъ фельдмаршала Кутузова укрѣпясь, спасло Россію и Европу“, а на другой: „Сей памятникъ воздвигнутъ на иждивеніе крестьянъ села Тарутина получившихъ отъ графа Сергѣя Петровича Румянцева свободу“ (С. А. Педашенко. Памятники имп. Александру I, а также героямъ и событіямъ Отечественной войны 1812 года. СПБ. 1912). Для сооруженія этого памятника гр. Румянцезъ въ 1829 г. освободилъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ с Тарутина, въ числѣ 745 душъ, обязавъ ихъ поставить монументъ на полѣ битвы. На это намекаютъ и приведенныя Пушкинымъ слова пьяныхъ ямщиковъ: „Какіе мы разбойники?.. Намъ дана вольность и поставленъ столпъ намъ въ честь“.

Стр. 62 (23). „Полотняный Заводъ“—имѣніе Гончаровыхъ, Медынскаго у., Калужской губ., въ 16 верстахъ отъ Калуги, на берегу рѣчки Суходрева. Основателемъ богатства Гончаровыхъ былъ Аѳанасій Абрамовичъ Гончаровъ (1699—1784), предпріимчивый и энергичный человѣкъ, изъ зажиточныхъ „посадскихъ людей“ гор. Калуги, устроившій въ концѣ царствованія Петра I, ему покровительствовавшаго, вмѣстѣ съ двумя другими „компанейщиками“, фабрику для выработки паруснаго полотна, а нѣсколько позднѣе бумажную мельницу. Съ 1732 г. онъ является уже единоличнымъ владѣльцемъ Заводовъ, въ 1742 г., вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго асессора, пріобрѣтаетъ потомственное дворянство и право владѣть крѣпостными людьми. Въ царствованіе Екатерины его богатство достигаетъ весьма крупныхъ размѣровъ: ему принадлежитъ свыше 70-ти владѣній: имѣнія, фабрики, заводы, дома въ Москвѣ и т. д. Въ 1775 г. Полотняный Заводъ удостоился посѣщенія самой императрицы, по преданію, ночевавшей въ роскошно убранномъ домѣ Гончарова. Въ 1778 г., по ходатайству Гончарова, Полотняный Заводъ становится майоратомъ рода Гончаровыхъ. Но благосостояніе ихъ было сильно подорвано его внукомъ Аѳа-

lib.pushkinskijdom.ru

насіемъ Николаевичемъ, благодаря его широкой жизни, расточительности и любви къ блеску и роскоши. Умирая въ 1832 году, онъ не только оставилъ своимъ наслѣдникамъ дѣла въ крайнемъ разстройствѣ, но и весьма значительный долгъ, ок. $1^1/_2$ милліона рублей. Его единственный сынъ Николай Аѳанасьевичъ съ 1823 года былъ душевнобольнымъ, и потому бремя наслѣдства вмѣстѣ съ Гончаровскимъ майоратомъ, пришлось взять на себя старшему брату Нат. Ник. Пушкиной—Дмитрію Николаевичу (род. 1808 г.), которому и удалось постепенно упорядочить пришедшее въ упадокъ благосостояніе семьи.

Пушкинъ былъ на Полотняномъ Заводѣ дважды: первый разъ въ маѣ 1830 года, когда онъ, въ качествѣ жениха Натальи Николаевны пріѣзжалъ представиться „дѣдушкѣ“ Аѳанасію Николаевичу, какъ главѣ Гончаровской семьи. Вторично онъ былъ тамъ въ 1834 году, когда провелъ на Заводахъ двѣ недѣли (конецъ августа—начало сентября). Еще лѣтомъ онъ мечталъ объ этой поѣздкѣ и 11 іюня писалъ женѣ: „Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П. Б. не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ“. О пребываніи Пушкина на Полотняномъ Заводѣ сохранилось нѣсколько, впрочемъ—незначительныхъ свѣдѣній въ статьѣ А. Средина: „Полотняный Заводъ“ (Старые Годы, 1910, іюль—сентябрь, стр. 107—108), составленной на основаніи семейныхъ и мѣстныхъ преданій; тамъ же—описаніе самого имѣнья, усадьбы, раскинутой на 70-ти десятинахъ, дома, построеннаго еще въ концѣ XVIII вѣка и до сихъ поръ сохраняющаго свою типичную обстановку, переносящую въ эпоху Екатерины и Александра I, обширнаго парка, съ прудами, лабиринтами, бесѣдками и прочими затѣями; во времена Пушкина существовалъ еще театръ, нынѣ уничтоженный. Любопытно, что среди довольно обширной иконографіи Гончаровской семьи, сохранившейся въ Полотняномъ Заводѣ, нѣтъ портретовъ не только Пушкина, но и Натальи Николаевны, хотя есть портреты ея сестеръ и даже Дантеса. Это тѣмъ болѣе странно, что Наталья Николаевна, послѣ смерти Пушкина, два года безвыѣздно прожила на Полотняномъ Заводѣ (1837—39), въ семьѣ своего брата Дмитрія Николаевича, наслѣдника Гончаровскаго майората.

Стр. 62 (24). „Нижегородская деревня“—село Болдино, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ. Болдино—родовая вотчина Пушкиныхъ, пожалованная одному изъ предковъ ихъ, Ѳедору

lib.pushkinskijdom.ru

Ѳедоровичу Пушкину въ 1619 г. „за Московское осадное сидѣнье". (Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина, въ Собраніи сочин. П-на, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 4). Прадѣдъ поэта, Александръ Петровичъ Пушкинъ много заботился объ устройствѣ этого имѣнія и расширилъ его путемъ покупокъ. Отъ него оно перешло къ дѣду поэта Льву Александровичу (1723—1790), „человѣку пылкому и жестокому", по отзыву его внука-поэта; послѣ переворота 28 іюня онъ отказался присягнуть имп. Екатеринѣ и вслѣдствіе этого всю жизнь прожилъ „не у дѣлъ", въ Москвѣ и въ своихъ помѣстьяхъ; между прочимъ, заподозривъ свою первую жену въ связи съ французомъ-гувернеромъ, онъ заключилъ ее въ домашнюю тюрьму, гдѣ она и умерла, а ея возлюбленнаго „весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ" (Родословная Пушкиныхъ и Ганибаловъ. Сочиненія П-на. Т. V, стр. 427). Отъ него Болдино перешло къ отцу поэта, Сергѣю Львовичу, который, въ свою очередь, осенью 1830 года, когда сынъ его готовился вступить въ бракъ, выдѣлилъ ему часть имѣнія. Для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ, Пушкинъ въ началѣ сентября 1830 г. пріѣхалъ въ Болдино, гдѣ и прожилъ три мѣсяца (до конца ноября), задержанный холерою и карантинами; это пребываніе въ Болдинѣ, какъ извѣстно, отмѣчено необыкновеннымъ подъемомъ творческаго вдохновенія. Вторично Пушкинъ былъ въ Болдинѣ осенью 1833 года, при своемъ возвращеніи изъ поѣздки въ Оренбургскую губернію, и на этотъ разъ провелъ здѣсь полтора мѣсяца, съ начала октября до середины ноября. Разстройство имущественныхъ дѣлъ отца, заставило Пушкина, для того чтобы избавить своихъ родныхъ отъ полнаго разоренія, взять на себя заботы объ ихъ состояніи (см. письмо къ Нащокину, начало марта 1834 г.: Переписка, III, стр. 84). Въ апрѣлѣ 1834 г. Пушкинъ сообщилъ О. М. Пеньковскому, управляющему Болдина, о томъ, что, согласно довѣренности отца, онъ вступилъ въ управленіе всѣмъ имѣніемъ, и затребовалъ отъ него отчетъ о положеніи дѣла (Переписка, III, стр. 96). Но, очевидно, не вполнѣ довѣряя Пеньковскому, онъ отправилъ въ Болдино рекомендованнаго ему А. Н. Вульфомъ нѣмца-управителя К. Рейхмана; однако тотъ, познакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, нашелъ ихъ настолько запущенными, что отказался взять на себя управленіе имѣньемъ, о чемъ и извѣстилъ Пушкина письмомъ отъ 22 іюня 1834 г. (Переписка, III, стр. 135). Въ письмѣ къ своей старой Псковской пріятельницѣ, искренно расположенной къ нему П. А. Осиповой, Пушкинъ жалуется (29 іюня) на тѣ затрудненія, съ которыми связано для него управленіе Бол-

lib.pushkinskijdom.ru

динымъ (тамъ же 139). Такъ какъ часть Болдинскаго имѣнья принадлежала другимъ невыдѣленнымъ изъ него наслѣдникамъ, брату Льву и сестрѣ Ольгѣ, то Пушкину пришлось вступить по этому поводу въ довольно непріятную для него переписку съ мужемъ послѣдней Н. И. Павлищевымъ, добивавшимся полученія своей доли дохода съ имѣнья (тамъ же, стр. 103 и 111). Осенью 1834 г. Пушкинъ снова поѣхалъ въ Болдино, гдѣ онъ прожилъ на этотъ разъ съ половины сентября до половины октября, ведя переговоры съ крестьянами, съ сосѣднимъ помѣщикомъ Безобразовымъ о продажѣ части имѣнья и т. д.; обо всемъ этомъ Пушкинъ сообщаетъ въ письмахъ къ женѣ (тамъ же, 164—165). По пріѣздѣ въ Петербургъ Пушкинъ выдалъ 20 ноября „бѣлорусскому дворянину" Осипу Матвѣевичу Пеньковскому довѣренность на управленіе Болдинскимъ имѣніемъ, явленную 22 ноября въ 1-мъ Департ. Петерб. Палаты граждан. суда (Сочиненія П-на, подъ ред. А. П. Ефремова. СПб. 1903. Т. VII, стр. 580—1). Подробнѣе о пребываніи Пуш. кина въ Болдинѣ и о его заботахъ объ имѣніи см. въ статьѣ А. И. Звѣздина: „О родовомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губ. и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ" (Дѣйствія Нижегород. губер. ученой Архивной Комиссіи. Т. IV. Н. Новгородъ, 1900. Стр. 51—69).

Стр. 62 (*27*). „Пугачевъ мой отпечатанъ". Печатаніе „Исторіи Пугачевскаго бунта" было закончено, повидимому, въ концѣ ноября, такъ какъ 23 ноября Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ просьбой о дозволеніи поднести государю первый экземпляръ этой книги. Но выпускъ ея въ свѣтъ нѣсколько задержался, отчасти вслѣдствіе опасенія М. М. Сперанскаго выпустить ее изъ типографіи до свѣрки съ оригиналомъ, читаннымъ государемъ. Только послѣ особаго предложенія гр. Бенкендорфа отъ 16 декабря 1834 г. все изданіе было выдано Пушкину (А. Н. Макаровъ. „Дѣло о напечатаніи Исторіи Пугачевскаго бунта". Пушкинъ и совр., XVI, стр. 89—90). Объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги Пушкина было напечатано въ Сѣв. Пчелѣ № 295, отъ 28 декабря 1834 г.

Стр. 63 (*9*). „Кн. Д."—княгиня Ольга Александровна Долгорукова (1814—1865), младшая дочь Московскаго почтъ-директора А. Я. Булгакова, супруга князя Александра Сергѣевича Долгорукова, чиновника по особымъ порученіямъ при Московскомъ военномъ губернаторѣ. Свадьба ея состоялась за три недѣли до свадьбы Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кина, поддерживавшаго въ то время добрыя отношенія съ Булгаковымъ и его семьей. 19 февраля 1831 г. Булгаковъ писалъ брату: „До сихъ поръ еще толкуютъ о славномъ балѣ нашихъ молодыхъ... Поэтъ Пушкинъ также въ восхищеніи отъ нея: говоритъ, что невозможно лучше Ольги соединять вмѣстѣ роль дѣвушки, только что поступившей въ барыню, и хозяйки. Онъ мнѣ говорилъ на балѣ: Я глазъ не спускаю съ княгини Ольги Александровны, непонятно, какъ она всюду поспѣваетъ,—не только занимается всѣми, кои тутъ, но даже отсутствующимъ посылаетъ корнеты съ конфектами; я бы ее воспѣлъ, да не стихи на умѣ теперь“ (Рус. Архивъ, 1902, I, стр. 53—54); а черезъ нѣсколько дней, описывая благотворительный маскарадъ 22 февраля въ Бол. Театрѣ, онъ говоритъ: „За однимъ столомъ сидѣли мы и Пушкинъ-поэтъ; безпрестанно подходили любопытные смотрѣть на двухъ прекрасныхъ молодыхъ. Хороша Гончарова бывшая, но Ольгѣ всѣ даютъ преимущество“; 27 февраля Булгаковъ съ дочерью былъ на балу, данномъ молодыми Пушкиными, а 1-го марта они всѣ вмѣстѣ участвовали въ масленичномъ катаніи (тамъ же, стр. 54, 55, 57).—Княгиня О. А. Долгорукова считалась въ свое время въ числѣ первыхъ Московскихъ красавицъ, хотя ее нѣсколько портилъ вздернутый кверху носъ, вслѣдствіе чего отецъ называлъ ее: „милая курноска.“ Благодаря своей любезности, привѣтливости, живости характера и остроумію она пользовалась въ обществѣ большой любовью (см. Воспоминанія гр. М. Д. Бутурлина: Рус. Архивъ, 1897, II, стр. 537, и С. М. Загоскина: Историч. Вѣстникъ, 1900, II, стр. 62). Очень благоволилъ къ ней и имп. Николай, что́ давало поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ, намекъ на которыя отразился въ недошедшемъ до насъ письмѣ Пушкина къ женѣ, въ которомъ Пушкинъ предупреждаетъ ее быть осторожной въ своей перепискѣ, въ виду того, что Московскимъ почтъ-директоромъ состоитъ Булгаковъ, не стѣсняющійся „распечатывать чужія письма и торговать собственными дочерьми“ (Рус. Старина, 1880, III, стр. 219). Когда у кн. Долгоруковой родилась первая дочь, государь пожелалъ быть лично ея крестнымъ отцомъ. Осенью 1834 г. Николай I посѣтилъ цѣлый рядъ городовъ: Орелъ, гдѣ были устроены большіе маневры, Калугу, Ярославль, Кострому, Н. Новгородъ и Владиміръ, а въ перерывахъ между поѣздками трижды останавливался въ Москвѣ: въ первый разъ, съ 7-го по 17-е сентября, второй—съ 24-го сентября по 5-е октября, въ третій—съ 14-го по 22-е октября. Объ этихъ пребываніяхъ государя въ Москвѣ, А. Я. Булгаковъ сообщалъ своей дочери, между прочимъ и о своей встрѣчѣ и разго-

lib.pushkinskijdom.ru

ворѣ съ государемъ у княгини Юсуповой, во время котораго Николай спрашивалъ и объ отсутствующей кн. Долгоруковой (Рус. Архивъ, 1906, II, стр. 538—9). Судя по перерывамъ въ письмахъ съ 3-го по 24-е сентября и съ 14-го по 25-е октября, совпадающихъ съ пребываніемъ государя въ Москвѣ, кн. Долгорукова, очевидно, также пріѣзжала сюда изъ подмосковнаго имѣнія, въ которомъ она проживала.

Стр. 63(9—10). „Сашка Булгаковъ"—Московскій почтъ-директоръ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (1781—1863), сынъ извѣстнаго дипломата Екатерининскаго времени Як. Ив. Булгакова и какой-то гречанки (или итальянки), родился въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его былъ русскимъ посломъ. Въ юности онъ служилъ по дипломатическому вѣдомству, при русскихъ миссіяхъ въ Неаполѣ и Вѣнѣ, затѣмъ поселился въ Москвѣ, гдѣ женился на княжнѣ Нат. Вас. Хованской и такимъ образомъ вошелъ въ кругъ Московского высшаго общества. Въ 1832 году онъ былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ. „Тутъ былъ онъ,—по словамъ кн. Вяземскаго,—совершенно въ своей стихіи. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма, словомъ купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ Окѣ" (Сочиненія, т. VII, стр. 189). Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались новости, и онъ спѣшилъ передавать ихъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ, являясь для нихъ какъ бы живою газетой. Искательный и любезный, онъ старался всѣмъ угодить; графъ В. А. Перовскій называлъ его „общимъ одолжителемъ". Онъ зналъ всю Москву, и вся Москва знала Булгакова. Его письма къ брату Константину Яковлевичу, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ, 1901—1903 гг., представляютъ собой лучшую хронику Московской общественной жизни 10—30-хъ годовъ. Не будучи самъ писателемъ, онъ былъ близокъ со многими литературными дѣятелями того времени, въ особенности съ В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ и А. И. Тургеневымъ. Когда Булгаковъ познакомился съ Пушкинымъ въ точности неизвѣстно, но 21 марта 1829 г. онъ сообщалъ брату, что наканунѣ Пушкинъ былъ у него въ гостяхъ (Рус. Архивъ, 1901, III, стр. 208). Личныя отношенія продолжались и позднѣе (объ этомъ см. выше стр. 487), но особой близости между ними не установилось, а случай съ перехваченнымъ письмомъ навсегда ихъ разсорилъ (см. стр. 431—434); чувство антипатіи къ Булгакову выразилось въ его замѣткѣ въ дневникѣ: онъ съ явнымъ сочувствіемъ приводитъ пренебрежительный отзывъ о немъ московскихъ

lib.pushkinskijdom.ru

баръ, обиженныхъ вниманіемъ, оказываемымъ государемъ Булгакову и его дочери.

Стр. 63 (13—16). Лѣто 1834 года было очень обильно пожарами. Нѣсколько большихъ провинціальныхъ городовъ было опустошено ими (Тула, Пенза, Владиміръ). Съ 11-го іюля начались пожары въ Москвѣ. „Сего числа въ 12 часу пополуночи открылся пожаръ въ Семеновской слободѣ и, слѣдуя сильному влеченію вѣтра, пожралъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ около 300 деревянныхъ и нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежащихъ къ Лефортовской части сей столицы. Большое число мелкихъ фабричныхъ заведеній и, сколько извѣстно, одна довольно значительная бумажнотканая фабрика здѣшняго купца Матвѣева-Танинскаго, сдѣлались жертвою пламени. Полагаютъ, что убытокъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Усерднѣйшія дѣйствія пожарной команды, въ присутствіи Его Сіятельства Князя Дмитрія Владимировича Голицына, оказались тщетными по причинѣ необыкновенныхъ вѣтровъ, свирѣпствующихъ здѣсь нѣсколько дней уже сряду“ (Сѣв. Пчела, 18 іюля, № 160). Сенаторъ П. Г. Дивовъ занесъ въ своемъ дневникѣ отъ 17 августа, о тѣхъ тревожныхъ толкахъ, которые распространялись въ обществѣ въ связи съ пожарами, повторявшимися почти ежедневно: „Говорятъ, будто въ Москвѣ настроеніе общества весьма неблагонадежно; этимъ объясняются пожары, разоряющіе столицу; мирные граждане встревожены массою анонимныхъ брошюръ и подметныхъ писемъ“ (Рус. Старина, 1900, іюль, стр. 191). Яркую картину общаго испуга и растерянности, вызванныхъ непрекращающимися пожарами, рисуетъ князь А. В. Мещерскій въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Въ этотъ памятный для всѣхъ Москвичей годъ, послѣ знойнаго лѣта, начались съ осени, почти одновременно въ разныхъ частяхъ города, страшные пожары, отъ которыхъ превращались въ пепелъ цѣлые кварталы. Тревожное настроеніе Москвичей стало съ каждымъ днемъ усиливаться, и всѣ громко стали говорить о поджигателяхъ. Многіе утверждали, что эти поджигатели Поляки. Страшная паника охватила всѣхъ, такъ что жители не довѣрялись уже полицейской охранѣ, а сами стали по ночамъ сторожить свои дома противъ поджоговъ, и для этого всѣ обыватели на ночь располагались на ночлегъ на улицахъ, на тротуарахъ вдоль своихъ домовъ цѣлыми семействами. Дикую и странную картину представляли улицы Москвы, когда всякій вечеръ жильцы домовъ высыпали на улицу съ подушками и матрацами и ложились спать на тро-

lib.pushkinskijdom.ru

туарахъ подъ открытымъ небомъ" (Рус. Архивъ, 1900, іюль, стр. 367). Населеніе настолько привыкло къ ежедневнымъ пожарамъ, что они стали какъ бы бытовымъ явленіемъ. 20 августа А. Я. Булгаковъ писалъ дочери: „Въ городѣ не слышно ничего новаго и кажется поутихъ страхъ всеобщій; встрѣтя вчера об-полиціймейстера, я его поздравлять началъ.—Съ чѣмъ? в. п.?—Съ тѣмъ, что вчера и сегодня не было пожаровъ,—et en vérité, nous commençons à croire qu'il fallait tous les jours une incendie, comme une digestion" (Рус. Архивъ, 1906, авг., стр. 528).

Московская администрація, конечно, была чрезвычайно обезпокоена этими таинственными пожарами всячески старалась найти виновниковъ ихъ. Въ очеркѣ, посвященномъ характеристикѣ тогдашняго генералъ-губернатора, свѣтл. князя Д. В. Голицына, и сохранившемся въ бумагахъ Погодина, имѣются нѣкоторыя данныя о томъ, какъ московскіе власти боролись съ этимъ грознымъ общественнымъ бѣдствіемъ: „1834 годъ огненными чертами написанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ... Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей, и стало опасно ходить по улицамъ! Волненіе выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ. Жандармы оказались безсильны. Но князь Дмитрій Владиміровичъ является и тутъ отличнымъ администраторомъ. Чѣмъ успокоить народъ, предупредить насилія? Нужны очистительныя жертвы для спасенія—отъ волненія черни. Первыхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ судятъ военнымъ судомъ и подвергаютъ публичной казни безъ ясныхъ уликъ; но пожары не прекращаются, народъ волнуется—нѣсколько жертвъ безъ вины пали отъ его подозрительности (въ томъ числѣ полковникъ Сомовъ). Князь испрашиваетъ разрѣшенія государя принять сильнѣйшія мѣры, и князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ [а не М. Голицынъ, какъ ошибочно записалъ Пушкинъ] открываетъ слѣды шайки разбойниковъ-поджигателей, ловитъ 17 человѣкъ и находитъ у нихъ грабежныя съ пожаровъ вещи, но только двое изъ нихъ сознаются, остальные запираются, а съ ихъ арестомъ пожары прекратились. Сильное обвиненіе. Князь Иванъ Ѳедоровичъ прибѣгаетъ къ формальной пыткѣ и истязаніемъ вынуждаетъ сознаніе. Виновные наказаны, 400 тыс. жителей успокоены, но князь Дмитрій Владиміровичъ узнаетъ, чѣмъ Иванъ Ѳедоровичъ достигъ этого, ѣдетъ осмотрѣть орудія пытки... и, убѣдясь въ ихъ жестокости, удаляетъ князя Ивана Ѳедоровича Голицына отъ дѣлъ" (Рус.

lib.pushkinskijdom.ru

Старина, 1889, іюль, стр. 148—149). Объ этихъ пыткахъ говоритъ и Герценъ, разсказывая о московскихъ пожарахъ, какъ разъ совпавшихъ съ его арестомъ; онъ же свидѣтельствуетъ и о личномъ вмѣшательствѣ государя, недовольнаго медлительностью московской администраціи: „Комиссія, назначенная для розыска зажигательствъ судила, т. е. сѣкла, мѣсяцевъ шесть къ ряду, и ничего не высѣкла. Государь разсердился и велѣлъ дѣло окончить въ три дня. Дѣло и кончилось въ три дня; виновные были найдены и приговорены къ наказанію кнутомъ, клейменію и ссылкѣ въ каторжную работу". (Сочиненія А. И. Герцена. Женева, 1878. Т. VI, стр. 231). О московскихъ пожарахъ и о томъ, какъ отнесся къ нимъ имп. Николай, лично присутствовавшій при тушеніи, разсказывает и графъ Бенкендорфъ въ своихъ Запискахъ, ошибочно отнеся этотъ эпизодъ къ 1833 году; однако онъ, конечно, даетъ вмѣшательству государя совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ Герценъ, хотя и подтверждаетъ косвенно слова послѣдняго, говоря что Николаю, „избавителю города", удалось „въ нѣсколько дней то, чего полиція не могла достигнуть цѣлые мѣсяцы" (Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый. СПб. 1903. Т. II, стр. 681).

Стр. 63 (19—23). Лексъ, Михаилъ Ивановичъ (1793—1856), смоленскій уроженецъ, хотя изъ иностранныхъ подданныхъ, съ очень скромнымъ домашнимъ образованіемъ. Въ 1818 г. онъ поступилъ на службу въ канцелярію намѣстника Бессарабской области; съ пріѣздомъ Воронцова въ 1823 г. былъ имъ переведенъ въ Одессу, въ качествѣ начальника отдѣленія его канцеляріи, а въ 1826 г. былъ назначенъ правителемъ дѣлъ. Въ 1832 г. перешелъ на службу въ Петербургъ, съ назначеніемъ директоромъ канцеляріи, министерства Внутреннихъ дѣлъ, въ 1836 г. занялъ должность директора Хозяйственнаго департамента того же министерства, а въ 1851 г. назначенъ товарищемъ министра и сенаторомъ (Рус. біографич. Словарь. СПб. 1914, стр. 181). Видная карьера, сдѣланная Лексомъ, человѣкомъ безъ всякихъ связей и съ очень ограниченнымъ образованіемъ, объясняется главнымъ образомъ его „дѣловыми" способностями, благодаря которымъ онъ оказался особенно пригоднымъ для бюрократической службы. Вигель отмѣчаетъ въ немъ „быстроту понятія" и „проворство исполненія", а также его умѣнье ладить съ людьми и быть для всѣхъ пріятнымъ. Онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на его рѣдкую честность, дѣлавшую его исключеніемъ среди тогдашнихъ мелкихъ провинціальныхъ чиновни-

lib.pushkinskijdom.ru

ковъ. «Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупицъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегда умно-веселая улыбка на устахъ, уменьшали дурноту рябого лица его, а его услужливость всѣхъ хорошо къ нему располагала» (Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. VI, стр. 96). Намекъ на крайнюю бѣдность Лекса есть и у Пушкина; правильно также указаніе, что у него не было отдѣльной комнаты; И. П. Липранди упоминаетъ, что онъ жилъ въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ двумя другими чиновниками, своими сослуживцами; однако слова Пушкина, что „онъ спалъ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ", конечно, нельзя понимать буквально. Въ своихъ отзывахъ о Лексѣ, Липранди изображаетъ его приблизительно тѣми же чертами, какъ Вигель, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ его какъ веселаго и пріятнаго собесѣдника, любившаго разсказывать анекдоты и случаи изъ своей служебной жизни, хотя подчасъ путавшаго имена и событія. Однимъ изъ этихъ эпизодовъ, переданныхъ ему Лексомъ, воспользовался Пушкинъ въ своемъ разсказѣ о Кирджали („Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди". Рус. Архивъ, 1866, стр. 1222, 1295). Разсказъ этотъ написанъ Пушкинымъ въ 1834 году и тогда же напечатанъ въ т. VII-мъ „Библіотеки для Чтенія", при чемъ, не называя Лекса по имени, Пушкинъ характеризуетъ его, какъ „человѣка съ умомъ и сердцемъ". Пушкинъ познакомился съ Лексомъ въ Кишиневѣ, во время своей службы въ канцеляріи Инзова, но особой близости между ними не установилось: по крайней мѣрѣ, въ письмахъ Пушкина этого времени не встрѣчается вовсе упоминаній о немъ. Однако, повидимому, уже тогда Пушкинъ замѣтилъ способнаго и неглупаго молодого чиновника и, какъ онъ самъ говоритъ, обратилъ на него вниманіе Инзова. Приписываемое Пушкину двустишіе-экспромптъ:

Михаилъ Ивановичъ Лексъ—
Прекрасный человѣкъ-съ

едва ли принадлежитъ ему, также какъ и эпиграмма, напечатанная Г. С. Чириковымъ, со ссылкой на С. А. Соболевскаго, будто бы удостовѣрявшаго ея принадлежность Пушкину (Рус. Архивъ, 1881, январь, стр. 189):

Была пословица у Римскаго народа:
Sit dura lex—sed lex; у насъ не такъ:
У насъ и dura lex, и Лексъ дуракъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 63 (25). „M-me Jermoloff, la sale (Lassale)"—Жозефина-Шарлотта, дочь виднаго Наполеоновскаго генерала графа де-Лассаль, убитаго при Ваграмѣ 6 іюля 1809 года, жена Михаила Александровича Ермолова (1794—ум. въ 50-хъ гг. въ Парижѣ). Сынъ Екатерининскаго фаворита, онъ съ отличіемъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ и заграничныхъ походахъ, при чемъ дважды былъ раненъ; въ 1832 г. онъ въ чинѣ полковника былъ назначенъ состоять при вел. князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ главномъ начальникѣ военныхъ учебныхъ заведеній, въ 1835 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а въ началѣ 40-хъ гг. переселился заграницу, гдѣ и проживалъ (во Франціи) до своей смерти. Ермоловъ былъ нечуждъ литературѣ и издалъ (на французскомъ яз.) нѣсколько произведеній; между прочимъ онъ перевелъ на франц. языкъ „Выстрѣлъ" и „Кирджали" Пушкина (Александръ Ермоловъ. Родъ Ермоловыхъ. М. 1912; стр. 59—60; Вел. кн. Николай Михайловичъ. Русскій некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I, стр. 32). Ермолову Пушкинъ упоминаетъ также и въ одномъ письмѣ къ женѣ, 11 іюля 1834 г., разсказывая о вечерѣ у гр. Фикельмонъ, на которомъ было нѣсколько пруссачекъ, одѣтыхъ, „какъ Ермолова во дни отчаянные" (Переписка, III, стр. 151).

Стр. 63 (22). Инзовъ, Иванъ Никитичъ (1768—1845), Кишневскій начальникъ и покровитель Пушкина, лицо загадочнаго происхожденія (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, сынъ вел. кн. Павла Петровича). Онъ воспитывался въ семьѣ кн. Юрія Никитича Трубецкого, которому онъ былъ привезенъ графомъ Я. А. Брюсомъ, при чемъ Брюсъ, отдавая ребенка на воспитаніе, не сообщилъ Трубецкому тайны его рожденія, обѣщая раскрыть ее передъ смертью, но умеръ, не исполнивъ обѣщанія. Трубецкой воспиталъ мальчика вмѣстѣ съ собственными дѣтьми, при чемъ школьное образованіе Инзовъ получилъ въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ. Трубецкой же, принадлежавшій къ масонскому ордену, внушилъ своему воспитаннику тѣ нравственныя и мистическія стремленія, которыя легли въ основу его міросозерцанія. Въ 1785 году Инзовъ поступилъ на военную службу въ Сумскій легко-конный полкъ, при чемъ при опредѣленіи имп. Екатерина пожаловала ему три тысячи червонцевъ. Инзовъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1789—91 гг., въ итальянскомъ и швейцарскомъ походахъ Суворова и въ войнахъ съ Наполеономъ 1805—14 гг., при чемъ выказалъ большую личную храбрость, распорядительность и хладнокровіе въ бою. Однако

lib.pushkinskijdom.ru

военное поприще не было настоящимъ призваніемъ Инзова: біографъ его замѣчаетъ по этому поводу: „Воевать Инзовъ умѣлъ, хотя и не любилъ; опасностей на войнѣ онъ не боялся; въ часы досуга онъ утѣшался чтеніемъ или безмолвною игрою въ шахматы: даже во время преслѣдованія „великой арміи", видѣли Инзова играющимъ въ шахматы съ гр. Каподистріей, статсъ-секретаремъ Александра I" (С. Потоцкій. «Инзовъ, Иванъ Никитичъ.» Біографическій очеркъ. Бендеры, 1904; стр. 17—18).

Въ мартѣ 1818 года Инзовъ былъ назначенъ главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, съ мѣстопребываніемъ въ Екатеринославѣ, а въ іюнѣ 1820 года онъ получилъ назначеніе полномочнымъ намѣстникомъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ переѣхать въ Кишиневъ. Кромѣ того съ 17 іюня 1822 г. Инзовъ замѣщалъ уволеннаго въ отпускъ заграницу графа Ланжерона въ качествѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора, вплоть до пріѣзда въ іюлѣ 1823 г. графа М. С. Воронцова, вновь назначеннаго на эту должность. Въ качествѣ попечителя иностранныхъ колонистовъ, Инзовъ оказалъ чрезвычайные услуги поселившимся на югѣ Россіи выходцамъ изъ-за границы, упрочивъ и упорядочивъ ихъ юридическое и матеріальное положеніе. Особенно покровительствовалъ онъ болгарамъ, многочисленные колоніи которыхъ при его управленіи достигли большого процвѣтанія. Память о немъ, какъ о благодѣтелѣ болгаръ, долго сохранялась среди мѣстнаго населенія. Менѣе удовлетворительна была административная дѣятельность Инзова по управленію Бессарабской областью и Новороссійскимъ краемъ, такъ какъ при добродушномъ, миролюбивомъ и апатичномъ характерѣ Инзова ему было трудно справиться съ злоупотребленіями чиновничества и съ интригами партій среди самого населенія. Повидимому, самъ Инзовъ сознавалъ свою неспособность вести сложное дѣло управленія цѣлымъ краемъ, и былъ очень доволенъ когда данная ему власть была съ него снята и онъ снова могъ посвятить себя всецѣло заботѣ о колонистахъ. Въ 1833 году управленіе иностранными колоніями было переведено изъ Кишинева въ Одессу, гдѣ Инзовъ и прожилъ остальную часть своей жизни.

Всѣ знавшіе Инзова обрисовываютъ его личность симпатичными чертами, какъ человѣка честнаго, добраго и сердечнаго, хотя и нѣсколько чудаковатаго. Одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по управленію колоніями, А. М. Фадѣевъ говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Если Инзовъ не сдѣлалъ

lib.pushkinskijdom.ru

блестящей, видной карьеры, то единственно по недостатку всякаго стремленія къ ней, отсутствію честолюбія и претензіи на какіе бы то ни было военныя или гражданскія доблести. Хотя служилъ онъ въ военной службѣ, но натура его не содержала въ себѣ ничего воинственнаго. Онъ былъ человѣкъ добрый, съ познаніями, совершенно безкорыстный и въ нравственномъ отношеніи вполнѣ безукоризненный; самъ о себѣ онъ говорилъ, что физически сохранилъ свою дѣвственную невинность и чистоту; но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый, нерѣшительный, подвергавшійся часто вліянію людей недостойныхъ того, мелочной: говорили, что онъ, когда не случалось особаго служебнаго занятія, постоянно самъ помогалъ писарямъ пришивать бумаги къ дѣлу... Инзовъ, нѣсколько апатичный по своей натурѣ, довольно равнодушный къ суетамъ мірскимъ, съ искреннимъ сочувствіемъ занимался естественными и другими науками, особенно нумизматикой, зоологіей и ботаникой; собиралъ коллекціи древнихъ монетъ и насѣкомыхъ, и несравненно болѣе интересовался явленіями изъ міра букашекъ и жуковъ, нежели треволненіями человѣческими" (Воспоминанія А. М. Фадѣева. Одесса, 1897. Ч. I, стр. 63 и 91). Другой современникъ, Н. Н. Мурзакевичъ говоритъ объ Инзовѣ въ своихъ Запискахъ: „Всеобщая молва носилась, что онъ былъ побочнымъ сыномъ императора Павла. Ничѣмъ не доказанное предположеніе основывалось лишь на нѣкоторомъ сходствѣ чертъ лица. Всегда скромный и застѣнчивый старикъ придерживался мистицизма и любилъ ботанику. Большая его библіотека состояла изъ сочиненій Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и имъ подобныхъ, а также сочиненій ботаническихъ. Разговоры наши чаще всего касались сочиненій сказанныхъ мечтателей. О себѣ Инзовъ никогда не говорилъ, да и затронутый всегда отмалчивался. По смерти этого добродѣтельнаго старца (въ 1845 году), при осмотрѣ его бумагъ, ничего не нашлось такого, что бы могло прояснить его загадочную жизнь" (Рус. Старина, 1887 г., февр., стр. 285-6).

Въ маѣ 1820 года на службу въ канцелярію Инзова былъ переведенъ молодой Пушкинъ, высланный изъ Петербурга въ наказаніе за свои вольнодумные стихи. Инзовъ, несмотря на разницу лѣтъ и общественнаго положенія, сумѣлъ понять мятежную душу юнаго поэта и отнесся къ опальному „вольнодумцу" не только безъ всякаго бюрократическаго формализма, но наоборотъ—съ большимъ участіемъ и теплотою. Правда, онъ былъ предупрежденъ о Пушкинѣ письмами гр. Каподистрія и, вѣроятно, также А. И. Тургенева, рекомендовав-

lib.pushkinskijdom.ru

шихъ молодого поэта его вниманію. Уже при первомъ знакомствѣ, еще въ Екатеринославѣ, Инзовъ проявилъ по отношенію къ Пушкину вниманіе и снисходительность, отпустивъ его на Кавказъ съ семьею генерала Раевскаго. Сообщая объ этомъ К. Я. Булгакову, Инзовъ писалъ въ заключеніе о Пушкинѣ: „Онъ малой право доброй, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ: одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою“ (Рус. Архивъ, 1863, стр. 900). Въ Кишиневѣ Инзовъ поселилъ Пушкина у себя, отведя ему двѣ комнатки въ занимаемомъ имъ домѣ; у него же обычно Пушкинъ и столовался, и Инзовъ былъ очень недоволенъ, когда Пушкинъ предпочиталъ обѣдать въ болѣе веселой компаніи. Въ случаѣ если Пушкинъ въ чемъ либо провинился (столкновенія съ молдавскими боярами, дуэли). Инзовъ отечески журилъ его или даже сажалъ подъ домашній арестъ. Но съ другой стороны, если Пушкину грозила какая-либо опасность, онъ всячески защищалъ его; такъ, напр., когда осенью 1821 года, по чьему то доносу, послѣдовалъ со стороны командующаго Императорской квартирой князя Волконскаго запросъ о поведеніи Пушкина, Инзовъ отвѣчалъ: „Г. Пушкинъ, состоящій при мнѣ, ведетъ себя изрядно. Я занимаю его письменною корреспонденціей на французскомъ языкѣ и переводами съ русскаго на французскій; ибо, по малой его опытности въ дѣлахъ, не могу довѣрять ему иныхъ бумагъ; относительно же занятій его по масонской ложѣ, то по неоткрытіи таковой не можетъ быть онымъ, хотя бы и желаніе его къ тому было“ (Рус. Старина, 1883, стр. 654). Старый, безсемейный холостякъ Инзовъ положительно привязался къ Пушкину и потому, когда послѣдній лѣтомъ 1823 года перешелъ на службу въ Одессу къ Воронцову, онъ чрезвычайно огорчился этимъ и комически жаловался Вигелю: „Зачѣмъ онъ оставилъ меня? вѣдь онъ посланъ былъ не къ генералъ-губернатору, а къ попечителю колоній; никакого другого повелѣнія о немъ не было съ тѣхъ поръ; я бы могъ, но не хотѣлъ ему препятствовать. Конечно, въ Кишиневѣ иногда бывало ему скучно; но развѣ я мѣшалъ его отлучкамъ?.. Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ, и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему“ (Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1893. Ч. VI, стр. 152). Въ свою очередь, Пушкинъ высоко цѣнилъ эту привязанность къ себѣ стараго генерала и, хотя иногда и позволялъ себѣ съ нимъ нѣкоторыя безобидныя шутки, однако относился къ нему съ любовью и уваженіемъ. Особенно оцѣнилъ онъ чисто-человѣческое, сердечное отношеніе къ нему Инзова послѣ своихъ

lib.pushkinskijdom.ru

столкновеній съ новымъ начальникомъ Воронцовымъ. Впослѣдствіи, уже послѣ окончательнаго разрыва съ нимъ, въ іюлѣ 1824 года Пушкинъ писалъ А. И. Тургеневу разсказывая ему о своей ссорѣ, съ Воронцовымъ: „Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ?.. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда,—но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною о Гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужь вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ“ (Переписка, I, стр. 124). И еще позднѣе, въ Михайловскомъ онъ съ горечью вспоминалъ объ обидѣ, нанесенной ему Воронцовымъ: „Инзовъ меня очень любилъ и за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А Его Сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная Рус. литер. какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно...“ (Воображаемый разговоръ съ Александромъ I. Сочиненія П—на, под ред. П. А. Ефремова. Т. V, стр. 387).

Стр. 63 (*26*). „Курваль (дочь Ген. Моро)“—мы не имѣемъ объ этой личности никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Возможно, что эта дама была супругой французскаго путешественника виконта де-Курваль, представлявшагося 2 декабря 1834 г. имп. Николаю въ частной аудіенціи (Journal de St.-Pétersbourg, 4/16 Décembre 1834, № 145).—Жанъ-Викторъ Моро (1763—1813), одинъ изъ наиболѣе выдающихся республиканскихъ генераловъ, сынъ адвоката, казненнаго во время террора. Участвовалъ въ завоеваніи Голландіи въ 1794—95 гг., затѣмъ командовалъ Сѣверной арміей въ 1795—96 гг., сражался съ Суворовымъ въ Италіи въ 1799 г.; назначенный Бонапартомъ командующимъ Рейнской арміей, онъ нанесъ австрійцамъ рѣшительное пораженіе при Гогенлиденѣ 3 дек. 1800 г. Успѣхи Моро и его популярность возбудили подозрительность Наполеона. Замѣшанный въ дѣло о заговорѣ Пишегрю и Кадудаля (1804) противъ жизни перваго консула, онъ былъ арестованъ, приговоренъ къ тюремному заключенію, а затѣмъ высланъ изъ Франціи. Поселившись въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ въ пріобрѣтенномъ имъ имѣньи, близь Филадельфіи. Здѣсь познакомился съ нимъ П. П. Свиньинъ, посвятившій ему

lib.pushkinskijdom.ru

особую статью въ своей книгѣ: „Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ“ (СПб., 1818, стр. 85—120). Въ 1813 г. императоръ Александръ пригласилъ ген. Моро принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона; переговоры объ этомъ велись черезъ русскаго посланника въ Соед. Штатахъ А. Я. Дашкова и Свиньина. Въ концѣ мая 1813 г. Моро вмѣстѣ со Свиньинымъ, покинулъ Америку и черезъ мѣсяцъ высадился на берегахъ Швеціи. 16-го августа онъ прибылъ въ Прагу, гдѣ въ то время находилась главная квартира союзныхъ армій, и на слѣдующій день былъ принятъ имп. Александромъ, отнесшимся къ нему съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Однако пребываніе его въ арміи союзниковъ продолжалось недолго, такъ какъ уже нѣсколько дней спустя онъ былъ смертельно раненъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ 27-го августа и скончался 2-го сентября. Послѣ его смерти, имп. Александръ назначилъ его вдовѣ и единственной дочери, родившейся въ 1808 году значительную пенсію. Тѣло ген. Моро было перевезено въ Петербургъ и погребено въ католической церкви св. Екатерины. О пребываніи Моро въ русской арміи см. статью Е. П. Карновича: „Генералъ Моро въ русской службѣ“ („Историческіе разсказы и бытовые очерки“. СПб., 1884) и А. Н. Попова: „Ген. Моро въ русскихъ войскахъ“ (Рус. Старина, 1910 г., №№ 1, 2 и 10; 1911 г., № 11; 1913 г., № 9).

Стр. 63 (30)—64 (20). „Третьяго дня былъ я наконецъ въ А.“—О балахъ въ Аничковомъ дворцѣ см. выше стр. 241—242.—„Старая Г. Бобр.“—графиня Анна Владиміровна Бобринская; о ней см. стр. 255—256.—„Молодые сыновья Кеннинга и Велингтона“—2-го декабря имп. Николай принималъ въ частной аудіенціи нѣсколькихъ иностранцевъ, среди которыхъ находились „Англійскіе вояжеры Маркизъ де-Дуро (сынъ Герцога Веллингтона) и Г. Чарлсъ Каннингъ“ (Сѣв. Пчела, 5 дек. 1834, № 277; см. также Journal de St.-Pétersbourg, 4/16 Décembre, № 145). 6-го декабря эти же лица присутствовали на высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ (Journal de St.-Pétersbourg, 8/20 Décembre, № 147).

Стр. 64 (21). Ленскій, Адамъ Осиповичъ, камергеръ, помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту дѣлъ Царства Польскаго. Въ 20-хъ годахъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ кн. Любецкимъ, министромъ финансовъ Царства Польскаго. Будучи блестящимъ молодымъ человѣкомъ, онъ имѣлъ

lib.pushkinskijdom.ru

большой успѣхъ въ салонахъ высшаго столичнаго общества. Ленскій плохо зналъ по-русски и поэтому привезъ съ собой изъ Варшавы довѣреннаго чиновника, который читалъ и переводилъ ему служебныя бумаги и обучалъ русскому языку. Всеподданнѣйшіе доклады, съ которыми онъ ѣздилъ къ государю по вторникамъ, писались по-русски, но устныя объясненія Ленскій давалъ по-французски (см. о немъ замѣтку Пржецлавскаго въ Рус. Архивѣ, 1872 г., стр. 1053—54).

Стр. 64 (21). Личное знакомство Пушкина съ Мицкевичемъ (1798 — 1855) въ достаточной степени точно освѣщено въ исторіи литературы: оно было не долговременно (съ начала 1827 въ Москвѣ и до марта 1829-го въ Петербургѣ), но совершенно ясно опредѣлило отношенія обоихъ поэтовъ другъ къ другу: глубокая взаимная симпатія, основанная на искреннемъ признаніи таланта другъ въ другѣ, на одинаково возвышенномъ воззрѣніи на поэзію и ея значеніе въ жизни общества, на глубокомъ уваженіи къ личнымъ качествамъ у того и другого писателя. При этомъ, по наблюденіямъ современниковъ, бывшихъ свидѣтелями личныхъ встрѣчъ обоихъ поэтовъ въ кружкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, наблюдается со стороны Пушкина не только глубокое уваженіе къ возвышенной настроенности Мицкевича, но и искренное признаніе за нимъ преимущества, какъ въ отношеніи таланта, такъ и общаго міросозерцанія (см. „Воспоминанія А. П. Кернъ“ въ „Пушк. и совр.“, XXI—XXII, 242—243 и „Записки Кс. А. Полевого“, стр. 171—172). На этой почвѣ возможно было воздѣйствіе идей и взглядовъ Мицкевича на Пушкина въ его литературной дѣятельности; это воздѣйствіе устанавливается изслѣдователями путемъ тщательнаго параллельнаго анализа произведеній обоихъ поэтовъ, особенно, „Мѣднаго Всадника“ и третьей части „Dziadów“; см. В. Д. Спасовичъ, „Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“ (Вѣстн. Евр., 1887, IV, 743 и сл.), J. Tretiak: „Mickiewicz i Puszkin“ (Варш. 1906, особ. стр. 187—303; русское изложеніе выводовъ Третьяка—у С. Брайловскаго въ. „Пушк. и совр.“, VII, 79—109), В. Я. Брюсовъ „Идея повѣсти“ (Мѣднаго Всадника) въ Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, III, 456 и сл.).

Если личныя взаимоотношенія обоихъ поэтовъ сложились такъ благопріятно въ 1828—1829 гг., то и въ послѣдующее время они остались неизмѣнно такими же, несмотря на то, что послѣ отъѣзда Мицкевича за границу (въ маѣ 1829) они больше не встрѣчались,

lib.pushkinskijdom.ru

переписки между ними намъ неизвѣстно, а также на то, что вскорѣ произошли событія, которыя могли отдалить ихъ и разъединить: въ 1830—31 г. вспыхнуло польское возстаніе, взгляды на которое, конечно, были различны у русскаго, патріотически настроеннаго Пушкина, и польскаго поэта, понятно, отнесшагося съ своей стороны рѣзко отрицательно къ русскому правительству и офиціальной Россіи. Дѣйствительно, къ этому времени относятся стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, вышедшія вмѣстѣ съ стихотвореніемъ Жуковскаго „На взятіе Варшавы“ (1831, сент.); въ 1832 г. въ Дрезденѣ Мицкевичъ издаетъ отрывки изъ третьей части „Dziadów“, съ посвященіемъ мученикамъ польской идеи, умершимъ въ заточеніи въ Архангельскѣ, Москвѣ и Петербургѣ (см. Dzela Mickiewicza, Lwów, 1885, II, 205 прим.) и со стихотвореніями „Памятникъ Петру Великому“ (тамъ же стр. 332) и „Къ пріятелямъ-москалямъ“ (тамъ же, стр. 352). Но и эти факты не измѣнили въ существѣ прежнихъ отношеній ни Пушкина къ Мицкевичу, ни Мицкевича къ Пушкину; они относились и теперь къ другъ другу по прежнему; съ увѣренностью это можно утверждать относительно Мицкевича: то же искренне дружелюбное отношеніе къ Пушкину продиктовало извѣстные стихи, которыми начинается „Памятникъ Петру Великому“:

Два юноши стояли подъ дождемъ,
Рука съ рукой и подъ однимъ плащемъ:
Одинъ изъ нихъ—неутомимый странникъ,
Сынъ Запада, невѣдомый пришлецъ,
Другой народа русскаго избранникъ,
Прославленный на Сѣверѣ пѣвецъ,
Но узы дружбы ихъ соединяютъ.

(переводъ, не вполнѣ точный, М. Славинскаго, въ „Памяти Пушкина“, юбилейный сборникъ журн. „Жизнь“. СПб. 1899, стр. 147); и позднѣе онъ смотритъ на Пушкина по прежнему благожелательно; доказательствомъ тому служитъ написанный имъ въ 1837 г. некрологъ Пушкина (по-французски въ журн. „Globe“ за подписью „Одного изъ друзей Пушкина“; русскій переводъ см. „Памяти Пушкина“, юбил. сборн. журн. „Жизнь“ (СПб. 1899), стр. 166; подробное изложеніе у кн. П. А. Вяземскаго, Собр. соч. III, 306—333; тоже у П. Бартенева: „Пущкинъ“, II (М. 1885), 154 и слѣд.), а также „Курсъ славянской литературы“ (читанный Мицкевичемъ въ Парижѣ въ 1842 года), гдѣ 69-я лекція почти

lib.pushkinskijdom.ru

цѣликомъ посвящена Пушкину (см. Pisma Mickiewicza (Paryż 1861), IX, 284—295). И Пушкинъ сохранилъ прежнее впечатлѣніе отъ своего общенія съ Мицкевичемъ, если теперь кое въ чемъ и расходился съ нимъ: его стихотвореніе „.... Онъ между нами жилъ“ (Соч. Пушк. подъ ред. С. А. Венгерова, III, 499—500), посвященное цѣликомъ А. Мицкевичу, писано въ 1834 г. (10 авг.).

Какъ разъ въ эти именно годы, когда писался „Дневникъ“, Пушкинъ въ своихъ трудахъ соприкасался съ идеями Мицкевича, съ его произведеніями въ частности. Если въ 1827 г., какъ извѣстно, онъ переводилъ „Конрада Валленрода“ (только отрывокъ изъ Вступленія), то теперь онъ опять обращается къ переводамъ изъ Мицкевича же: „Воевода“ и „Будрысъ“ относятся къ 1833 г. (Болдино). Въ это же время Пушкинъ пишетъ и „Мѣднаго Всадника“, въ которомъ даетъ между прочимъ свою оцѣнку Петра Великаго и его реформы: рядъ мнѣній на этотъ счетъ по своей формулировкѣ предполагаетъ, что Пушкину въ это время были уже извѣстны взгляды на того же Петра въ „Dziadach“ Мицкевича: онъ возражаетъ на нихъ, не указывая, но имѣя ихъ въ виду. Именно, теперь Пушкину кстати было вспомнить про Мицкевича, м. б., про тѣ непосредственно ему сообщенныя ему мнѣнія Мицкевича, касавшія Петра, на которыя даетъ указаніе и самъ Мицкевичъ, въ „Памятникъ Петру Великому“ (см. стихотвореніе, строфа 2—3): помимо „Мѣднаго Всадника“ въ это время Пушкинъ былъ занятъ исторіей Петра, собирая архивный и иной матеріалъ, что несомнѣнно связывалось съ провѣркой своихъ прежнихъ взглядовъ на личность и дѣятельность Петра Великаго, а также, разумѣется, и иныхъ, въ томъ числѣ и Мицкевича, такъ высоко стоявшаго въ глазахъ Пушкина уже давно. Поэтому весьма вѣроятно, что именно это настроеніе и ходъ мыслей натолкнули Пушкина при встрѣчѣ съ полякомъ Ленскимъ на балу на разговоръ о Мицкевичѣ, а больной вопросъ о польско-русскихъ тогдашнихъ отношеніяхъ, въ которыхъ для Пушкина ясна была связь съ идеями и мнѣніями Мицкевича, толкнулъ его и на переходъ въ разговорѣ отъ Мицкевича къ болѣе общему вопросу о Польшѣ. Такова могла быть подкладка его разговора и записи о немъ въ „Дневникѣ“.

М. С.

Стр. 64 (24—25). „В. Кн.“—вел. князь Михаилъ Павловичъ. Его характеристику см. выше стр. 162 и сл., о его склонности къ остротамъ и каламбурамъ—стр. 166; о его отношеніи къ Пушкину—стр. 167—168.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 65 (3). „Нордингъ"—Gustav de Nordin, секретарь Шведско-Норвежскаго посольства въ Петербургѣ; съ декабря 1836 по май 1837 года онъ, за отсутствіемъ посла, исправлялъ его обязанности, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Послѣ смерти Пушкина, онъ въ своемъ донесеніи министру Веттерштедту отъ 6/18 февраля 1834 г., сообщая объ обстоятельствахъ роковой дуэли, далъ вмѣстѣ съ тѣмъ краткій, но весьма сочувственный отзывъ о самомъ поэтѣ, показывающій, что онъ умѣлъ цѣнить Пушкина и понималъ его значеніе въ русской литературѣ: онъ называетъ его здѣсь: „homme de lettres d'un haut mérite et comme Poète sans rival dans son pays" (П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Петроградъ, 1916; стр. 208—209).

Стр. 65 (4). Пушкинъ былъ совершенно правъ, говоря о недавнемъ происхожденіи русскихъ дворянскихъ гербовъ. Они появляются въ Россіи только во второй половинѣ XVII вѣка, вмѣстѣ съ усиленіемъ Западнаго вліянія, въ частности—польскаго. Самое слово „гербъ" польскаго происхожденія (herb). Послѣ уничтоженія мѣстничества въ 1682 г., была учреждена при Разрядѣ Палата родословныхъ дѣлъ, для веденія родословныхъ книгъ и провѣрки правъ на дворянство со стороны лицъ служилаго сословія; такъ какъ многія изъ этихъ лицъ были выходцами изъ-за границы, то при Посольскомъ приказѣ, вѣдавшемъ всѣхъ иностранцевъ, была составлена „Книга о родословіи и гербахъ Россійскихъ разныхъ знатныхъ шляхетскихъ фамилій". Но только при Петрѣ Вел. началась офиціальная регламентація русскихъ дворянскихъ гербовъ, составлявшая одну изъ обязанностей учрежденной въ 1722 году Герольдмейстерской конторы, вѣдавшей всѣ дѣла русскаго дворянства. Первый сборникъ русскихъ дворянскихъ гербовъ былъ составленъ А. Т. Князевымъ въ 1785 г. (изданъ лишь въ 1912 г.). Но только при имп. Павлѣ I было приступлено въ 1797 г. къ офиціальному учету старыхъ и новыхъ гербовъ, принадлежащихъ русскому и пришлому дворянству, и къ изданію „Общаго гербовника дворянскихъ гербовъ Всероссійской Имперіи" (см. А. Лакьеръ: „Русская геральдика", П. Винклеръ: „Русская геральдика", Ю. Арсеньевъ: „Геральдика"). Что касается до упоминанія Пушкинымъ о томъ, что въ гербѣ Вяземскихъ и Ржевскихъ находится пушка, то это объясняется происхожденіемъ обѣихъ этихъ фамилій отъ Смоленскихъ удѣльныхъ князей: при составленіи своего герба они, для доказательства этого происхожденія, помѣстили въ немъ пушку, составляющую гербовую эмблему Смоленска.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 65 (4). Говоря о семействѣ Екатерины I, Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду фамиліи графовъ Скавронскихъ, Гендриковыхъ и Ефимовскихъ, изъ которыхъ первые произошли отъ братьевъ императрицы Екатерины—Карла и Ѳедора (Фридриха) Самойловичей Скавронскихъ, получившихъ въ 1727 году графскій Россійской имперіи титулъ; о чудесной судьбѣ этой семьи, см. статью В. О. Михневича: „Семейство Скавронскихъ“ (Истор. Вѣстникъ, 1885, №№ 2—4). Гендриковы и Ефимовскіе являются потомками ея сестеръ Христины и Анны и получили графское достоинство отъ имп. Елизаветы въ 1742 г. Бѣдные литовскіе крестьяне по происхожденію, темные и невѣжественные, они были обязаны своимъ возвышеніемъ слѣпому случаю, благодаря которому ихъ сестра изъ служанки пастора Глюка стала сперва любовницей, а затѣмъ супругою Петра Вел. и всероссійской императрицей. Всѣ они были щедро награждены деньгами, имѣніями и крѣпостными душами, а также почетными званіями, чинами и орденами; породнившись съ представителями старой родовой аристократіи, они вошли въ кругъ высшей знати, на правахъ равныхъ членовъ (Гельбигъ: „Русскіе избранники и случайные люди“. Рус. Старина, 1886, апр., стр. 106-112). Этихъ и подобныхъ имъ любимцевъ фортуны и „случая“ Пушкинъ, очевидно, имѣлъ въ виду, когда писалъ въ своей „Родословной“, съ ироніей, подъ которой, въ сущности скрывалось чувство обиды потомка „родовъ униженныхъ“: „У насъ нова рожденьемъ знатность—и чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй“.

Стр. 65 (20)—66 (15). Разговоръ Пушкина съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ о дворянствѣ весьма характеренъ для общественныхъ взглядовъ Пушкина въ эпоху 30-хъ годовъ. Въ немъ сказалось сильно развитое у Пушкина сословное чувство. Пушкинъ живо интересовался вопросомъ о современномъ положеніи русскаго дворянства и глубоко скорбѣлъ о переживаемомъ имъ упадкѣ. Мысли его по этому поводу нашли себѣ отраженіе въ статьяхъ и замѣткахъ 1830—34 гг., а также въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ этого времени, каковы „Моя родословная“, „Родословная моего героя“ и др. Особенно характерны въ этомъ отношеніи „Критическіе замѣтки“ Пушкина, написанныя имъ въ Болдинѣ осенью 1830 года и состоящія въ ближайшей связи съ болѣе ранними его замѣтками, помѣщенными имъ лѣтомъ того же года въ „Литературной Газетѣ“ бар. Дельвига (№ 36, іюня 25-го, и № 45, августа 9-го), и вызванными полемическими выходками Булгарина

lib.pushkinskijdom.ru

и Полевого противъ такъ назыв. „литературной аристократіи". Возражая Булгарину, находившему, что аристократическія пристрастія Пушкина объясняются простымъ подражаніемъ Байрону, Пушкинъ заявляетъ въ этой замѣткѣ: „Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ раньше, чѣмъ узналъ Байрона"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что въ основѣ его родового чувства лежитъ „безкорыстное уваженіе къ мертвымъ прадѣдамъ"—т.-е. та „любовь къ отеческимъ гробамъ", о которой онъ говорилъ въ стихотворномъ отрывкѣ 1830 года („Два чувства дивно близки намъ..."). „Образованный французъ или англичанинъ,—пишетъ онъ далѣе,—дорожатъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т.-е. исторіей Россіи" (Соч. П-на, подъ ред. П. О. Морозова. Т. VI, стр. 275—276). Въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 24 ноября 1831 г., вызванномъ также журнальной полемикой, Пушкинъ говоритъ между прочимъ: „J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés; je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique celà ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'on laissé (Переписка, II, 347). Интересъ Пушкина къ исторіи своего рода проявился въ составленной имъ „Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ", долженствовавшей служить введеніемъ въ задуманныя имъ автобіографическія записки (Болдино, окт.-нояб. 1830); Пушкинъ не удержался также отъ искушенія ввести нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ въ кругъ своего литературнаго творчества (Григ. Пушкинъ въ „Бор. Годуновѣ", Абрамъ Ганнибалъ въ „Арапѣ Петра Вел.").

Упадокъ политическаго и экономическаго значенія стараго родовитаго дворянства и замѣна его новою знатью изъ потомковъ лицъ, выдвинувшихся уже при императорахъ, благодаря службѣ, или же благодаря „случаю", также постоянно вызывала Пушкина на размышленіе. Въ отрывкѣ: „Гости съѣзжались на дачу..." (1831) Пушкинъ влагаетъ въ уста одного изъ выведенныхъ имъ собесѣдниковъ слѣдующія слова, которыя, конечно, являются выраженіемъ его собственныхъ мнѣній: „Древнее русское дворянство... упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго сословія; дворянская

lib.pushkinskijdom.ru

чернь, къ которой и я принадлежу считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы— вотъ ихъ родоначальники... Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству. Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности" (Соч. П-на, подъ ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. V, стр. 145—146). Эти же мысли мы находимъ и въ указанныхъ выше критическихъ замѣткахъ Пушкина, относящихся къ тому же времени, почти дословно они повторяются также въ „Моей Родословной" (1830):

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ...

А въ „Родословной моего героя" (1833) Пушкинъ иронически отзывается о тщеславныхъ потомкахъ нѣкогда славныхъ родовъ, которые болѣе чѣмъ подвигами предковъ гордятся „красою собственныхъ заслугъ, звѣздой двоюроднаго дяди..", и выражаетъ сожалѣніе о томъ—

Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ...

Размышляя о причинахъ упадка стариннаго родовитаго дворянства, Пушкинъ видѣлъ ихъ прежде всего въ раздробленіи имѣній, т.-е. въ отсутствіи майоратной системы, а затѣмъ въ политикѣ правительства и въ его мѣрахъ, направленныхъ къ ослабленію дворянства. Онъ осуждалъ одного изъ своихъ предковъ, окольничьяго Матвѣя Пушкина за то, что тотъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (это, по мнѣнію Пушкина, „мало дѣлаетъ чести его характеру": см. Соч. П—на, V, стр. 546). Но главнымъ виновникомъ паденія дворянства Пуш-

lib.pushkinskijdom.ru

кинъ считалъ Петра I; знаменитую „Табель о рангахъ", устанавливавшую порядокъ пріобрѣтенія потомственнаго дворянства путемъ службы, Пушкинъ прямо считалъ „мѣрой революціонной" (см. его „Мысли на дорогѣ". Соч. П—на, подъ ред. П. О. Морозова; т. VI, стр. 372); вообще, мысль о Петрѣ, какъ о революціонерѣ, неоднократно встрѣчается у Пушкина; такъ, въ его программныхъ замѣткахъ „О дворянствѣ" (1830—32 гг.) онъ говоритъ о немъ: Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (la Révolution incarnée)", а въ письмѣ къ Вяземскому отъ 16 марта 1830 г., сообщая ему о какихъ-то московскихъ слухахъ, вызванныхъ пріѣздомъ въ Москву государя, Пушкинъ пишетъ: „Государь оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи Революціи Петра. Вотъ тебѣ случай писать политическій памфлетъ, и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы" (Переписка, II, стр. 120—121). Конечно, эти наивныя ожиданія, которыми Пушкинъ поспѣшилъ подѣлиться со своимъ обычнымъ корреспондентомъ, оказались ни на чемъ не основанными; но характерно, что и здѣсь у Пушкина на первомъ мѣстѣ является мысль объ огражденіи правъ дворянскаго сословія,—конечно, отъ произвола правительства, т.-е. правящей бюрократіи. Недовѣріе и нелюбовь Пушкина къ бюрократіи, сказавшіяся въ данной записи дневника, также являются чрезвычайно характерными для его общественныхъ взглядовъ. Повидимому, организацію бюрократической системы Пушкинъ также возводилъ къ Петру I и къ его табели о рангахъ, сыгравшей, по его мнѣнію, важную роль въ исторіи постепеннаго паденія родового дворянства. Въ тѣхъ же замѣткахъ „О дворянствѣ" мы читаемъ: „Voila déjà 150 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse, et c'est l'empereur actuel qui le premier a posé une digue, bien faible encore, contre le débordement d'une démocratie pire que celle de l'Amérique.—Уничтоженіе дворянства чинами. Маіоратства, уничтоженныя плутовствомъ. Паденіе постепенное дворянства" (Соч. П-на, подъ ред. П. О. Морозова. Т. VII, стр. 32). Также весьма несочувственно отзывается Пушкинъ и объ указѣ о гражданскихъ экзаменахъ 1809 года, находя эту мѣру „слишкомъ демократической" (т. VI, стр. 255); иниціатора этого указа, столь ненавистнаго для тогдашняго дворянства, Пушкинъ не обинуясь называетъ: „popovitch turbulent et ignare" (см. также выше, стр. 247—248). Эти же соображенія о необходимости огра-

lib.pushkinskijdom.ru

ниченія доступа въ ряды дворянства при помощи чиновъ Пушкинъ, очевидно, развивалъ и въ своемъ разговорѣ съ вел. княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который онъ резюмируетъ въ дневникѣ. Онъ выражаетъ свое сочувствіе установленію „почетнаго гражданства" (введеннаго манифестомъ 10 апрѣля 1832 г.), видя въ немъ одинъ изъ способовъ огражденія дворянства отъ проникновеніе въ него новыхъ, демократическихъ элементовъ. Собесѣдникъ его, повидимому, придерживался другого взгляда, чѣмъ и вызвалъ замѣчаніе Пушкина, что „всѣ Романовы революціонеры и уравнители" (tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs"), поразившее великаго князя своей неожиданностью.

Стр. 65 (11). Статья „Сѣверной Пчелы",—о которой говорилъ Пушкину вел. князь Михаилъ Павловичъ, напечатана въ №206 отъ 13 сентября 1834 года. Въ ней описывается пріѣздъ имп. Николая въ Москву и выходъ его къ народу 8-го сентября. Описаніе это, конечно, составлено въ самомъ патріотическомъ и вѣрноподданническомъ духѣ, такъ что можно только удивляться, чѣмъ „журналистъ дуракъ" могъ вызвать неудовольствіе вел. князя. Мѣсто, вызвавшее его негодованіе, читается слѣдующимъ образомъ: „По окончаніи развода, Государь Императоръ изволилъ отправиться въ Грановитую Палату. Взойдя на Красное Крыльцо, Онъ снова обратился къ площади, и низко поклонился народу.— О! какой неизъяснимый восторгъ отразился въ общемъ, громовомъ ура! всей многолюдной толпы, когда Владыка Земли Русской, правнукъ Великаго Петра, склонилъ священную главу свою предъ гражданами Москвы—сей древней и всегда вѣрной *отчины* Державныхъ его Предковъ!—Для чего какой нибудь заклятый врагъ Россіи, какой нибудь неистовый демагогъ, не былъ свидѣтелемъ сей общей радости, не слышалъ этого неподкупнаго голоса цѣлаго народа!— Онъ увидѣлъ бы тогда, въ чемъ состоитъ ничѣмъ не одолимая сила святой Руси, одинъ взглядъ на эту довѣренность Государя къ подданнымъ, на эту любовь народа къ Царю, долженъ уничтожить всѣ замыслы враговъ нашей родины—ибо единый гнѣвъ Божій можетъ сокрушить Царство, въ которомъ Государь и народъ его, какъ душа и тѣло, нераздѣльны между собою".

Стр. 66 (15—18). Разговоръ Пушкина съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ о воспитаніи, конечно, объясняется тѣмъ, что въ вѣдѣніи послѣдняго, въ качествѣ главнаго начальника всѣхъ военныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

учебныхъ заведеній, находилось въ то время воспитаніе значительной части русской молодежи. Въ 1826 году Пушкинъ, по вызову государя, составилъ особую записку „О народномъ воспитаніи“; въ ней онъ между прочимъ коснулся и тогдашняго положенія кадетскихъ корпусовъ, находившихся, по его мнѣнію, „въ самомъ гнусномъ запущеніи“. Возможно, что нѣкоторыя изъ мыслей своей записки онъ повторилъ и теперь въ разговорѣ съ великимъ княземъ.

Стр. 66 (*19*). Никитенко, Александръ Васильевичъ (1805—1877), профессоръ русской словесности, цензоръ и критикъ, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“. Родомъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Шереметева, онъ только въ 1827 г. получилъ вольную, а въ слѣдующемъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, по окончаніи котораго сталъ заниматься педагогической дѣятельностью. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности, а въ 1833 г. цензоромъ. Въ 1835 г. Никитенко получилъ степень доктора философіи за свою диссертацію: „О творческой силѣ въ поэзіи или поэтическомъ геніи“, а въ 1853 г. былъ избранъ членомъ Академіи Наукъ. Однако въ качествѣ ученаго и профессора онъ не проявилъ особенныхъ дарованій и не ознаменовалъ себя никакими выдающимися трудами. Гораздо виднѣе была его дѣятельность въ качествѣ цензора и члена Цензурнаго Комитета; въ этой должности либерально-настроенный бюрократъ Никитенко умѣлъ оказать не мало услугъ русской литературѣ, въ особенности при проведеніи цензурнаго устава 1865 года. Однако самую важную заслугу Никитенка представляютъ оставленные имъ записки и дневникъ, заключающіе въ себѣ чрезвычайно цѣнный матеріалъ по исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни за цѣлые полвѣка (съ 20-хъ по 70-е годы).

Эпизодъ съ арестомъ Никитенка подробно разсказанъ имъ въ его дневникѣ, въ записи 1-го января 1835 года. Арестъ былъ вызванъ тѣмъ, что Никитенко, въ качествѣ цензора „Библіотеки для Чтенія“ пропустилъ въ ней стихотвореніе М. Деларю „Красавицѣ“, переведенное изъ Виктора Гюго:

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой.

lib.pushkinskijdom.ru

И если бъ богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

16-го декабря Никитенко былъ вызванъ къ попечителю князю М. А. Дондукову-Корсакову, который объявилъ ему, что „митрополитъ Серафимъ испросилъ наканунѣ у государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему вышеприведенные стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганія поэзіи. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту". Случай этотъ возбудилъ значительное вниманіе въ городѣ, и Никитенку въ его заключеніи на Ново-Адмиралтейской гауптвахтѣ посѣщали многія лица для выраженія своего сочувствія. Арестъ продолжался восемь дней; въ первый день Рождества Никитенко былъ освобожденъ, и въ тотъ же день отправился къ министру Уварову, который успокоилъ его, сообщивъ, что государь на него не сердится, но что онъ принужденъ былъ подвергнуть его аресту, для того чтобы дать удовлетвореніе главѣ духовенства и притомъ публичное и гласное, но что самъ онъ недоволенъ тѣмъ, что митрополитъ утруждалъ его по мелочному поводу. „Я узналъ,—пишетъ далѣе Никитенко,—кто былъ первымъ виновникомъ моего заключенія; это—Андрей Никол. Муравьевъ, авторъ „Путешествія по святымъ мѣстамъ" и неудачной трагедіи „Тиверіада". Я лично не знаю его, но изъ всего, что о немъ говорятъ, выходитъ, что это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ, то-есть, по пословицѣ, съ помощью монаховъ, на святости идей строитъ свое земное счастье. Однако онъ не много выигралъ доносомъ на меня. Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, а государь черезъ Бенкендорфа уже далъ замѣтить митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу. Очевидно, Муравьеву съ братіей не того хотѣлось" (А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. СПб., 1905. Т. I, стр. 256—260).

Стр. 66 (20). Деларю, Михаилъ Даниловичъ (1811—1868) второстепенный поэтъ Пушкинской плеяды. Образованіе онъ получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ. Это обстоятельство, вѣроятно, способствовало его сближенію съ бар. Дельвигомъ, въ „Литерат. Газетѣ" котораго онъ помѣстилъ цѣлый рядъ лирическихъ піесъ. Какъ поэтъ, онъ не отличался оригинальностью, хотя и недурно владѣлъ стихомъ;

lib.pushkinskijdom.ru

большинство его стихотвореній представляютъ собой подражаніе произведеніямъ Пушкина, Дельвига и Жуковскаго. Напечатанный имъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1834 г., т. VII отд. I, стр. 130) переводъ стихотворенія В. Гюго: „Красавицѣ“ повлекъ для него непріятныя послѣдствія: митрополитъ Серафимъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе государя на „неприличныя выраженія“, допущенныя Деларю въ этихъ стихахъ и заключающія „дерзкія мечты быть царемъ и даже Богомъ“ (см. выше, стр. 509). По жалобѣ Серафима военному министру Чернышеву, въ канцеляріи котораго служилъ Деларю, 19-го декабря было высочайше повелѣно подвергнуть Деларю служебному взысканію, вслѣдствіе чего ему былъ объявленъ строгій выговоръ, и онъ принужденъ былъ подать въ отставку. По свидѣтельству его сына, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся временному отлученію отъ церкви (Рус. Старина, 1880, сент., стр. 217; нѣкоторыя подробности объ увольненіи Деларю см. также въ замѣткѣ А. П. Петрова: Рус. Старина, 1880, окт., стр. 423). Въ 1835 году Деларю издалъ сборникъ: „Опыты въ стихахъ“, заключавшій въ себѣ его оригинальныя и переводныя стихотворенія. Только въ 1837 году, благодаря ходатайству такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ Д. М. и А. М. Княжевичи и Я. И. Ростовцевъ, Деларю удалось снова поступить на службу, въ качествѣ инспектора Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Здѣсь онъ между прочимъ издалъ въ 1839 г. переводъ Пѣсни о полку Игоревѣ, сдѣланный гекзаметрами. Въ 1841 г. Деларю по разстроенному здоровью принужденъ былъ оставить службу и съ тѣхъ поръ жилъ въ своемъ имѣньи Харьковской губ., а затѣмъ въ самомъ Харьковѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Въ своей замѣткѣ: „М. Д. Деларю и А. С. Пушкинъ“ Ѳ. М. Деларю пишетъ: „Отецъ мой, еще въ лицеѣ знавшій Пушкина и имѣвшій также склонность къ поэзіи, относился всегда къ Пушкину, какъ къ генію, и смотрѣлъ на него какъ на своего учителя, но въ то же время ближе стоялъ по своимъ личнымъ симпатіямъ и склонностямъ къ другому нашему поэту, другу и сотоварищу Пушкина, барону Дельвигу. Отношенія отца моего къ Дельвигу были самыя нѣжно-дружескія и отцу моему пришлось закрыть глаза нашему русскому Геснеру, что отчасти послужило поводомъ и къ болѣе тѣсному сближенію между моимъ отцомъ и Александромъ Сергѣевичемъ“ (Рус. Старина, 1880, сент., 217). По сообщенію того же лица, Деларю удалось оказать Пушкину серьезную услугу въ дѣлѣ по поводу перехваченнаго письма къ женѣ (см. выше, стр. 432). Возможно, что Деларю былъ представленъ

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкину во время посѣщенія Пушкинымъ Царскосельскаго лицея весною 1828 года, когда Деларю былъ еще воспитанникомъ старшаго класса (Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. СПб. 1899; стр. 275). Какъ слѣдъ ихъ личныхъ отношеній сохранилось письмо Пушкина къ Деларю отъ 28 сентября 1831 г., впрочемъ, незначительнаго содержанія. Однако Пушкинъ очень невысоко ставилъ Деларю, какъ поэта; въ отвѣтъ на письмо Плетнева, находившаго у него „прекрасный талантъ", Пушкинъ пишетъ въ апрѣлѣ 1831 года: „Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого Лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ можетъ быть онъ и разовьется" (Переписка, II, 236). Характерно также, что въ имѣвшейся въ библіотекѣ Пушкина книгѣ Деларю: „Опыты въ стихахъ" разрѣзаны только первыя страницы (Пушкинъ и совр., вып. IX—X, стр. 35).—Что касается до приводимаго Пушкинымъ стихотворнаго экспромпта, то принадлежность его Крылову засвидѣтельствована также нѣкоторыми другими современниками; такъ, Н. М. Колмаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ, что лично слышалъ этотъ экспромптъ изъ устъ самого Крылова въ домѣ графини С. В. Строгановой (Рус. Старина, 1891, іюнь, стр. 666); И. И. Ханенко, приводя это двустишіе въ нѣсколько иной редакціи, ссылается на П. А. Львова, родственника Олениныхъ, видѣвшаго эту надпись, сдѣланную рукою Крылова на книжкѣ журнала, въ которой было напечатано стихотвореніе Деларю (Рус. Архивъ, 1869, стр. 074). См. также Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, подъ ред. В. В. Каллаша; т. IV, стр. 352—353).

Стр. 66 (24). „Митрополитъ"—имѣется въ виду Серафимъ, митр. СПетербургскій (1763—1843), одинъ изъ видныхъ представителей крайней церковной реакціи, „престарѣлый фанатикъ", по отзыву А. А. Малышева („Изъ воспоминаній о прошломъ". Историч. Вѣстникъ, 1885, іюнь, стр. 650). Занявъ въ 1821 году митрополичью каѳедру въ Петербургѣ, онъ вскорѣ, въ союзѣ съ Юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ и гр. Аракчеевымъ, принялъ горячее участіе въ борьбѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ и Библейскимъ обществомъ, усмотрѣвъ въ дѣятельности ихъ угрозу православію. Ту же нетерпимость проявилъ онъ и въ дѣлѣ Павскаго, о которомъ см. ниже. Нужно однако замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ большей частью по наущенію другихъ лицъ, вліянію

lib.pushkinskijdom.ru

которыхъ онъ поддавался: такъ, напр., въ исторіи со стихами Деларю—по наущенію Андр. Ник. Муравьева.

Стр. 66 (21). Смирдинъ, Александръ Филипповичъ (1795 -1857), извѣстный книгопродавецъ-издатель, начавшій въ 1807 году свою дѣятельность у московскаго книгопродавца Ильина въ качествѣ „мальчика", а затѣмъ служившій приказчикомъ въ книжной лавкѣ Плавильщикова въ Петербургѣ, у Синяго моста. Послѣдній такъ привязался къ Смирдину, что умирая завѣщалъ ему свой магазинъ, вмѣстѣ съ состоявшей при немъ богатой библіотекой для чтенія. Расширеніе дѣла, явившееся результатомъ его энергіи и предпріимчивости, побудило Смирдина въ 1832 году перенести свой магазинъ на Невскій проспектъ, гдѣ онъ занялъ два этажа въ домѣ Петропавловской церкви, противъ Казанскаго собора. 19-го февраля онъ отпраздновалъ свое новоселье обѣдомъ, на которомъ присутствовали почти всѣ наличные литературные дѣятели того времени, въ томъ числѣ и Пушкинъ. По предложенію Жуковскаго, гости рѣшили одарить радушнаго хозяина своими произведеніями, изъ которыхъ составился альманахъ „Новоселье" (I-й томъ—1833 г., II-й томъ—1834 г., III-ій томъ—1846 г.); въ первомъ томѣ Пушкинъ помѣстилъ „Домикъ въ Коломнѣ", во второмъ—„Анджело". Книжный магазинъ Смирдина являлся въ 30-40 годахъ однимъ изъ центровъ литературной жизни столицы, своего рода литературнымъ клубомъ, въ которомъ собирались писатели и ученые и просто лица, интересующіяся литературой. Смирдинъ не былъ книгопродавцемъ—промышленникомъ, въ обычномъ смыслѣ слова; онъ самъ былъ любителемъ и цѣнителемъ литературы, не гонялся за выгодой, платилъ авторамъ значительный по тому времени гонораръ (Пушкину, напр., по червонцу за стихъ) и не жалѣлъ средствъ для расширенія своего издательскаго дѣла. Между прочимъ, онъ одинъ изъ первыхъ сталъ заботиться объ удешевленіи книги, видя въ ней могучее орудіе просвѣщенія Большою заслугой Смирдина было предпринятое имъ изданіе русскихъ писателей XVIII-го и начала XIX-го вѣка: эти „собранія сочиненій" для нѣкоторыхъ писателей являются и до сихъ поръ единственными. Широкій размахъ дѣятельности Смирдина невольно поражалъ его современниковъ; такъ, еще въ 1834 году, Бѣлинскій въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ", полу-шутя, полу-серьезно совѣтовалъ назвать текущій періодъ русской литературы „Смирдинскимъ періодомъ" (Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 390); а въ 1845 г., въ статьѣ по поводу сборника: „Сто

lib.pushkinskijdom.ru

русскихъ литераторовъ", онъ съ большимъ сочувствіемъ отозвался объ издательской дѣятельности Смирдина и о его заслугахъ на поприщѣ русскаго просвѣщенія (т. IX, стр. 492—495). Въ маѣ 1834 г. Никитенко писалъ о Смирдинѣ въ своемъ дневникѣ: „Смирдинъ истинно честный и добрый человѣкъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ разориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастіемъ для нашей литературы! врядъ ли ей дождаться другого такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя" (А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. СПб., 1905. Т. I, стр. 244). Опасенія Никитенка, къ сожалѣнію, оказались пророческими. Увлекающійся и нерасчетливый Смирдинъ слишкомъ зарвался въ своей издательской дѣятельности, мало считаясь со своими средствами и съ реальными возможностями тогдашняго книжнаго рынка; уже въ началѣ 40-хъ годовъ дѣла его пошатнулись, но онъ продолжалъ свою дѣятельность въ томъ же масштабѣ. Въ концѣ-концовъ онъ совершенно разорился и умеръ въ бѣдности. Кромѣ своей книгопродавческой и издательской дѣятельности, Смирдинъ занимался также библіографіей; ему принадлежитъ извѣстная „Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія" (1828), составленная имъ вмѣстѣ съ В. Г. Анастасевичемъ.

Дѣловыя сношенія Пушкина со Смирдинымъ начались, повидимому, въ 1828 году, когда онъ продалъ ему 2-е изданіе „Руслана и Людмилы" за 7000 рублей. Въ апрѣлѣ 1830 г. Плетневъ отъ имени Пушкина заключилъ со Смирдинымъ соглашеніе, по которому ему на четыре года уступались права на всѣ произведенія Пушкина, уже бывшія въ печати, за мѣсячную плату въ 600 руб. (Переписка, II, стр. 142); эти деньги составляли для Пушкина весьма значительный ресурсъ, и онъ неоднократно упоминаетъ о нихъ въ своихъ письмахъ, называя ихъ своимъ „оброкомъ" или „жалованіемъ" (стр. 264 и 287). Иногда эти платежи почему-либо задерживались, это вызвало со стороны Пушкина эпиграмму на Смирдина (въ письмѣ къ М. Л. Яковлеву):

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ,—
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

Но Пушкинъ все же цѣнилъ добросовѣстное отношеніе Смирдина и потому охотно поручалъ ему изданіе своихъ произведеній; такъ, Смирдинымъ были изданы: „Борисъ Годуновъ" (1831), „Евге-

lib.pushkinskijdom.ru

ній Онѣгинъ“ (1-е полное изданіе, 1833), „Поэмы и повѣсти“ (1835). Когда въ концѣ 1833 г. Смирдинъ задумалъ изданіе „Библіотеки для Чтенія“, онъ заключилъ съ Пушкинымъ условіе, по которому Пушкинъ обязался отдавать этому журналу свои новыя произведенія, получая по червонцу за стихъ; и дѣйствительно, въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1834 г. былъ напечатанъ цѣлый рядъ его произведеній въ стихахъ и въ прозѣ („Гусаръ“, „Сказка о Мертвой Царевнѣ“, „Пиковая дама“, „Кирджали“ и др.). Но характеръ, приданный этому изданію Сенковскимъ, его фактическимъ редакторомъ, и отношеніе самого Сенковскаго къ Пушкину и его кружку, принудили Пушкина въ концѣ-концовъ прекратить свое сотрудничество въ „Библіотекѣ“; къ тому же онъ задумалъ изданіе собственнаго журнала. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Смирдина, онъ попытался отклонить Пушкина отъ его намѣренія. Въ концѣ октября 1835 г. Пушкинъ писалъ по этому поводу Нащокину: „Денежныя мои обстоятельства плохи—я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю какъ онъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я только отъ своего предпріятія отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на это согласиться. Но Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура—что съ ними связываться невозможно“ (Переписка, III, стр. 243).

Стр. 67 (стр. 1—4). Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ (1786-1880), младшій братъ извѣстнаго патріота-публициста, основателя и издателя „Русскаго Вѣстника“ Сергѣя Николаевича. По окончаніи кадетскаго корпуса (1802), участвовалъ, въ качествѣ адъютанта гр. Милорадовича, въ походахъ 1805—6 гг., затѣмъ жилъ въ отставкѣ, но въ 1812 г. опять поступилъ на военную службу и опять въ адъютанты Милорадовича, съ которымъ и совершилъ походъ 1812—15 г.; результатомъ этого были извѣстныя его „Письма Русскаго офицера“ (М. 1808,—2 ч. и М. 1815-6,—8 частей), доставившія ему популярность въ качествѣ писателя и патріота. Послѣ этого онъ продолжалъ службу, преимущественно военно-административную, при томъ же Милорадовичѣ, ставшемъ Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, редактируя „Военный Журналъ“, соѣтавляя обзоры узаконеній по уголовной части, что дало ему возможность познакомиться и довольно близко сойтись съ М. М. Сперанскимъ. Но въ 1825 г. онъ былъ привлеченъ по дѣлу о принадлежности къ „Союзу благоденствія“ и „Сѣверному обществу“,

lib.pushkinskijdom.ru

исключенъ изъ службы и сосланъ въ Петрозаводскъ, гдѣ опредѣленъ на службу по гражданской части; близость его къ Милорадовичу, которому онъ посвящалъ нѣкоторые свои труды („Подвиги Милорадовича въ 1812 г.—1814"; „Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ Милорадовича"—1818), его искренность, патріотизмъ—были причиной того, что онъ отдѣлался сравнительно счастливо. Въ 1830 г. онъ переведенъ былъ въ Тверь, затѣмъ въ Орелъ, наконецъ въ 1835 г. уволенъ въ отставку, послѣ чего поселился въ Москвѣ, оттуда въ 1835 г. переѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ 1862 г. окончательно въ Тверь, гдѣ и доживалъ свои долгіе годы, занимаясь филантропіей, археологіей и отчасти поэзіей.

Поэтическая его дѣятельность началась довольно рано: въ 1818 г. вышелъ уже его „Гимнъ величію и всемогуществу Божію" (СПб), довольно рано опредѣлился и характеръ его поэзіи: религіозно-мистическій, постепенно усиливавшійся послѣ его женитьбы на Авдотьѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовой, позже поэтессѣ средней руки, того же направленія; этотъ элементъ идетъ у Глинки рядомъ съ настроеніемъ патріотическимъ (ср. его стихотв. „Москва", „Тройка", „Ура"). Въ 1830 г. вышла его „Карелія, или заточеніе Маріи Іоанновны Романовой" (СПб.); по этому поводу въ „Литературной Газетѣ" Дельвига (1830 г. № 10, 15 февр.) появился отзывъ о ней Пушкина (статья не подписана, но должна быть усвоена Пушкину, какъ это доказано М. Л. Гофманомъ; см. Пушкинъ и соврем., XXIII—XXIV, 18—20); здѣсь имъ дана сжатая, по обыкновенію, очень выпуклая характеристика дарованія Глинки: „Изо всѣхъ нашихъ Поэтовъ Ѳ. Н. Глинка, можетъ быть, самый оригинальный. Онъ не исповѣдуетъ ни древняго, ни Французскаго Классицизма, онъ не слѣдуетъ ни готическому, ни новѣйшему Романтизму; слогъ его не напоминаетъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живости Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковскимъ и Батюшковымъ. Вы столь же легко угадаете Глинку въ элегическомъ его Псалмѣ, какъ узнаете Князя Вяземскаго въ станцахъ метафизическихъ или Крылова въ сатирической притчѣ. Небрежность рифмъ и слога, обороты то смѣлые, то прозаическіе, простота, соединенная съ изысканностью, какая-то вялость и въ то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушіе, теплота чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжесть живописи, иногда мѣлочной,—все даетъ особенную печать его произведеніямъ" (см. Пушк. и Совр., XXIII—XXIV, 95; ср. И. Н. Розановъ „Русская лирика" М. 1914, стр. 217—238).—Какъ личность, современники

lib.pushkinskijdom.ru

единогласно изображаютъ Глинку какъ человѣка съ исключительно ясной душой, неисчерпаемымъ запасомъ добродушія и горячей любви къ людямъ, проникнутаго тѣми „высокими началами, на которыхъ зиждется благосостояніе обществъ гражданскихъ“ (ср. Пушк. и соврем., XXIX—XXXI, 79).

Знакомство Пушкина съ Глинкой началось, повидимому, вскорѣ послѣ окончанія имъ лицея (1817), когда, по воспоминанію самого Ѳ. Н. Глинки, они сошлись настолько, что Пушкинъ „позволялъ ему говорить прямо на-прямо на счетъ тогдашней его разгульной жизни“, когда ему „удалось даже отвести его отъ одной дуэли“. (Рус. Арх. 1866, № 6, стр. 916—917). Такое умиротворяющее вліяніе Глинки на Пушкина вполнѣ допустимо: Глинка былъ и много старше Пушкина и иного склада человѣкъ. Полюбивъ искренно молодого поэта и преклоняясь передъ его разцвѣтающимъ талантомъ (это чувство Глинка сохранилъ до конца своихъ дней неизмѣннымъ), онъ и въ другой разъ имѣлъ случай доказать свою къ нему привязанность: въ 1820 году Пушкину грозила тяжелая кара (ссылка въ Соловки) за распространеніе своихъ „либеральныхъ“ сочиненій: вмѣстѣ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ и Глинка не мало способствовалъ облегченію участи Пушкина, очевидно, воспользовавшись своей близостью къ гр. Милорадовичу. Мало того, увлеченный чтеніемъ только что вышедшаго „Руслана и Людмилы“ онъ напечаталъ (1819) восторженное Посланіе къ Пушкину (см. В. В. Каллашъ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“. М. 1899, стр. 6—8): это было не только чуть ли не первое печатное признаніе геніальности Пушкина, но и гражданскимъ смѣлымъ шагомъ по тогдашнимъ временамъ—публичное обращеніе къ опальному поэту. И то, и другое оцѣнилъ Пушкинъ тогда же: черезъ брата въ началѣ января 1823 г. онъ посылаетъ Глинкѣ стихотвореніе съ благодарностью и порученіемъ обнять его и сказать, что онъ „все-таки [т.-е. не смотря на направленіе свое въ поэзіи] почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра“, а въ самомъ стихотвореніи называетъ его „великодушнымъ гражданиномъ“ и „Аристидомъ“, раздѣляя т. о. общее (выше приведенное) мнѣніе о немъ (Переписка—у Саит. I, № 45, стр. 63—64).

Вскорѣ самъ попавшій въ ссылку, Глинка не перестаетъ интересоваться судьбой Пушкина, съ теплотой вспоминая время, когда они видѣлись (см. его письмо Пушкину 17 февр. 1830 г. изъ Петрозаводска—у Саит, II, № 412, стр. 116—118). Сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, послѣ они видѣлись только разъ: въ августѣ 1830 года Вяземскій и Пушкинъ, проѣздомъ черезъ

lib.pushkinskijdom.ru

Тверь, навѣстили Глинку (Пушкинъ и соврем., XVI, 105), о чемъ еще въ слѣдующемъ году съ удовольствіемъ вспоминаетъ Глинка въ своемъ письмѣ къ Пушкину (Переп.—у Саит. II, № 582, стр. 290—291), въ то-же время прося его похлопотать вмѣстѣ съ Жуковскимъ объ облегченіи его, Глинки, участи. Больше, повидимому, они уже не встрѣчались; переписка между нами была случайна: намъ извѣстно изъ этой эпохи одно только письмо Пушкина—полудѣлового, полудружескаго характера—съ приглашеніемъ Глинкѣ принять участіе въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, которые собирался Пушкинъ издать въ память Дельвига (Переп.—у Саит. II, № 636, стр. 344, отъ 21 ноября 1831 г.). Смерть Пушкина вызвала у Глинки большое стихотворенные „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина“ (см. его у В. В. Каллаша: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, стр. 94—101), направленномъ имъ къ отцу поэта.

Пушкинъ, любя Глинку, какъ человѣка, и высоко цѣня его (ср. Переписка, у Саит. I, № 20, стр. 32—33), въ то-же время иначе оцѣнивалъ его, какъ поэта, что можно видѣть уже изъ отзыва его о „Кареліи“: онъ, конечно, не могъ, раздѣлять его настроеній въ поэтической дѣятельности, будучи иной духовной организаціей; его подкупали лишь отдѣльныя стороны этой дѣятельности: глубокій, неподдѣльный лиризмъ, яркость, смѣлость образовъ, но ему совершенно чуждъ былъ этическій дидактизмъ, піэтизмъ и мистика, которыми, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе проникалась поэзія Глинки; ихъ онъ добродушно-шутливо высмѣивалъ въ своихъ отзывахъ въ письмахъ къ пріятелямъ (ср. письмо къ П. А. Вяземскому 29 ноября 1824 изъ Михайловскаго—у Саит. I, 151, прим. 3, или раньше указ. I, № 22: „пахнетъ Глинкой“) и въ эпиграммахъ, называя его „Ѳитой“, „Глаголемъ“ „Кутейкинымъ въ эполетахъ“ (Глинка былъ полковникомъ;—у Саит. I, № 122, стр. 170 (1825 г. 15 янв.—Вяземскому); „Божьей коровкой“ (Соч. Пушк., ред. С. А. Венгерова, II, 499, ср. тамъ же, IV, стр. XIV и сл.), но въ то-же время заботится о томъ, чтобы этими эпиграммами не обидѣть Глинку, котораго онъ считаетъ своимъ другомъ (см. указ. письмо Вяземскому въ концѣ); см. также письмо къ Глинкѣ 31 января 1831.—у Саит II, № 636).

Этотъ же ласково-ироническій безобидный тонъ сквозитъ и въ словахъ Пушкина въ „Дневникѣ“, гдѣ Пушкинъ тонко подмѣтилъ несоотвѣтствіе стиля съ идеей въ „ухарскомъ“ псалмѣ Глинки. Псаломъ этотъ слова Адонаи къ мечу изъ Исаіи читается такъ („Духовныя стихотворенія“, т. I, стр. 435):

lib.pushkinskijdom.ru

Сверкай мой мечъ! играй мой мечъ!
Лети, губи, какъ змѣй крылатый,
Пируй, гуляй въ раздольѣ сѣчь!
Щиты ихъ въ прахъ! въ осколки латы!

Стиль, дѣйствительно,—въ духѣ боевыхъ стихотвореній Д. В. Давыдова.

М. С.

Стр. 67 (*3*) Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ (1784—1839), извѣстный партизанъ 1812 года, военный писатель и поэтъ, двоюродный братъ пріятелей Пушкина Александра и Василія Львовичей Давыдовыхъ, съ 1816 г. былъ членомъ „Арзамаса“ (съ именемъ „Армянина“), дружилъ съ П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ, т.-е. принадлежалъ къ тому же тѣсному дружескому кружку, въ который входилъ и Пушкинъ, что въ значительной степени объясняетъ и взаимныя отношенія Пушкина и Давыдова. Его поэтическая дѣятельность началась гораздо раньше, нежели Пушкина (уже къ 1813 г. относятся его басни: „Голова и Ноги“ и „Рѣка и Зеркало“, приписывавшаяся между прочимъ въ рукописныхъ тетрадкахъ и Пушкину—Соч. Д. И. Давыдова СПб. 1893, I, 13—14; ср. выше—о І. Лелевелѣ); сперва не чуждый сентиментального исправленія, Д. В. Д-въ скоро вышелъ на свою настоящую дорогу, самобытную, автора „ухарскихъ“, „гусарскихъ“ стихотвореній, воспѣвавшихъ военную, бивачную жизнь удалыхъ кавалеристовъ (уже въ 1804 г. онъ воспѣваетъ „Бурцева еру, забіяку“, „Гусарскій пиръ“—Собр. Соч., I, 15—18). Такимъ онъ остался и всю свою жизнь какъ поэтъ. Въ годы юности Пушкинъ, водившій знакомство съ Царскосельскими офицерами и знакомый съ этой „гусарской“ поэзіей, не избѣгъ ея вліянія, въ частности Давыдова, въ своихъ мечтаніяхъ о поступленіи на военную службу, о чемъ онъ и вспоминаетъ въ своемъ „Сѣтованіи“, посвященномъ именно Давыдову (черновикъ 1821 г.—Соч. Пушкина, изд. академич., III, 43 и примѣч. стр. 66—68).

Личное знакомство Давыдова съ Пушкинымъ, а затѣмъ сближеніе начались, повидимому, еще со временъ „Арзамаса“. Въ концѣ 1820 и началѣ 1821 г. Пушкинъ гостилъ въ с. Каменкѣ (Чигиринск. у., Кіевской губ.), принадлежавшемъ Раевскимъ и Давыдовымъ, двоюроднымъ братьямъ Дениса Васильевича; Денисъ Вас. въ это время служилъ на югѣ (въ Кременчугѣ), оттуда часто ѣздилъ въ Москву, Петербургъ, бывалъ и въ Каменкѣ; но встрѣчались ли

lib.pushkinskijdom.ru

они здѣсь, объ этомъ свѣдѣній не имѣется (В. В. Жерве, „Партизанъ-поэтъ Д. В. Д-ъ". СПб. 1913, стр. 95—97). Встрѣчались же они и позднѣе, напр., въ 1831 г. въ Петербургѣ у кн. П. А. Вяземскаго (Н. О. Лернеръ: „Труды и дни", изд. 2, стр. 235), но, повидимому, изрѣдка. Во всякомъ случаѣ, на довольно раннюю пору ихъ сближенія указываетъ Пушкинское „Сѣтованіе" (1821), показывающее, что уже тогда Пушкинъ высоко цѣнилъ писательское дарованіе Давыдова, ставилъ ему въ особую заслугу его самобытность и оригинальность, какъ формы, такъ и содержанія. Эта высокая оцѣнка Давыдова подтверждается и признаніемъ Пушкина въ томъ, что онъ обязанъ Давыдову въ нѣкоторой степени развитіемъ своего творчества: на вопросъ М. В. Юзефовича, какъ ему удалось уберечься въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ отъ односторонняго вліянія Жуковскаго и Батюшкова, Пушкинъ якобы отвѣтилъ: „Я этимъ обязанъ Денису Давыдову: онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ" (Рус. Арх., 1894, II, 782 и 1880, III, 444; ср. Соч. Пушкина, изд. академич., III, примѣч., стр. 68). И позднѣе (1835), узнавъ, что О. И. Сенковскій, печатая въ „Библіотекѣ для Чтенія" статьи Д. В. Давыдова, позволяетъ себѣ „исправлять" слогъ Давыдова, онъ съ негодованіемъ писалъ Давыдову: „Сенковскому учить тебя русскому языку—все равно, что евнуху учить Потемкина" (Русск. Стар., 1872 г. Стр. 638).

Къ сожалѣнію, переписка Пушкина съ Давыдовымъ не сохранилась въ цѣлости (В. В. Жерве, ук. соч., стр. 143): намъ извѣстно свыше десятка писемъ Давыдова Пушкину, и только два отвѣтныя ему письма Пушкина, и письма эти относятся почти всѣ къ одному 1836 году, когда Пушкинъ оживленно сносился съ нимъ по дѣламъ „Современника"; изъ болѣе ранняго времени о письменныхъ ихъ сношеніяхъ, судя по тону писемъ дружественныхъ, намъ извѣстно письмо Д. В. Давыдова (отрывокъ) отъ 1827 г. (изъ Москвы, августъ) — о знакомствѣ его съ Вальтеръ-Скоттомъ (Переп. Пушк.— у Саитова, II, № 336, стр. 43—44) и 1834 г. (4 апр. изъ с. Мазы) по поводу эпиграфа къ „Пиковой Дамѣ" (онъ взятъ, по словамъ Давыдова, изъ его разговора съ М. А. Нарышкиной, переданнаго Давыдовымъ Пушкину); здѣсь же выражено сожалѣніе, что Д. В-чу не удалось повидаться съ нимъ въ Симбирскѣ или у Языковыхъ (Пушкинъ здѣсь былъ 10—14 сентября 1833 г., проѣздомъ, собирая матеріалы для исторіи Пугачева—Н. О. Лернеръ. „Труды и Дни", изд. 2-е, стр. 288); здѣсь же онъ говоритъ объ оживленіи своей стихотворной дѣятельности, результаты которой онъ готовъ

lib.pushkinskijdom.ru

предоставить „своему парнасскому отцу и командиру“ (Переп.—у Саит. III, № 795, стр. 99). Интересуется Давыдовъ и работами Пушкина о Пугачевѣ: онъ рекомендуетъ ему (черезъ А. М. Языкова и В. Д. Комовскаго) обратиться за матеріалами о Пугачевѣ къ помѣщику И. Г. Пыхачеву (Н. О. Лернеръ, ук. соч., стр. 300). Поэтому понятно, почему Пушкинъ, по выходѣ изъ печати „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (1834 г., декабрь) не только посылаетъ экземпляръ ея Давыдову, но и сопровождаетъ посвященіемъ: „Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою....“ (18 янв. 1836 г.—Н. О. Лернеръ, ук. соч., стр. 349). Наконецъ, къ 1835—1836 г. относятся хлопоты Пушкина по изданію и редактированію „Современника“; къ этому времени относится большинство (11) писемъ Давыдова къ Пушкину (они неисправно напечатаны въ Собр. соч. Д. В. Давыдова СПб. 1893, III, 214 и сл., и хорошо—у Саитова въ III т.) Давыдовъ не только самъ принимаетъ участіе въ „Современникѣ“ своими статьями („О партизанской войнѣ“ въ III кн. 1836 г. „Занятіе Дрездена“—въ IV и стихотвореніями (всѣ въ III кн.; см. Собр. соч. Д. В. Д-ва, I, 68—69), но и хлопочетъ усердно (живя въ с. Мазѣ, Симб. губ.) о привлеченіи въ журналъ сотрудниковъ (Баратынскаго, Хомякова, Языкова), и о распространеніи подписки на „Современникъ“ (ср. И. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“. СПб. 1903, стр. 237—238).

Все это свидѣтельствуетъ о близости и дружбѣ обоихъ писателей, особенно къ концу ихъ жизни.

М. С.

Стр. 67 (16). „К. В.“—Князь Петръ Михайловичъ Волконскій (1776—1852), министръ Императорскаго Двора, одно изъ наиболѣе приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ имп. Александра I и Николая I, къ которымъ онъ относился, по выраженію Вигеля, съ „собачьей преданностью“. Онъ былъ постояннымъ спутникомъ Александра Павловича во время его многочисленныхъ путешествій. Въ заграничномъ походѣ 1813 года онъ состоялъ начальникомъ штаба Государя и въ качествѣ такового сыгралъ весьма важную роль въ трехдневной „битвѣ народовъ“ подъ Лейпцигомъ. По окончаніи войны, онъ представилъ имп. Александру проектъ учрежденія Главнаго Штаба и былъ назначенъ первымъ его начальникомъ, а при учрежденіи въ 1826 году министерства Императорскаго Двора—первымъ министромъ. 30 августа 1834 г., въ день открытія Александровской колонны, ему былъ пожалованъ титулъ

lib.pushkinskijdom.ru

„свѣтлости“, какъ ближайшему сотруднику императора Александра I, а въ 1850 г. званіе фельдмаршала. Разсказанный Пушкинымъ эпизодъ съ табакерками мало вяжется съ другими отзывами о характерѣ кн. Волконскаго его современниковъ, которые единодушно отмѣчаютъ въ немъ черты честности и безкорыстія. Такъ весьма нещедрый на похвалы Вигель пишетъ о немъ: „Онъ никого не хотѣлъ знать, ни друзей, ни родныхъ; не только наградъ—прощенія, помилованія въ случаѣ вины никому изъ нихъ не хотѣлъ онъ выпрашивать. До того прославился онъ ненавистью къ непотизму, что чувство это начали уже называть эгоизмомъ“ (Записки; ч. IV, стр. 181). Графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ его подобными же чертами: „Онъ былъ скареденъ, это вѣрно, во всякой копейкѣ по хозяйственной части Императорскаго Двора и тѣмъ нажилъ себѣ много недовольныхъ (ему дано было прозвище: le prince Non) и постоянно избѣгалъ оказывать свою протекцію и быть ходатаемъ царскихъ милостей для кого бы то ни было... Строгая во всемъ честность князя Петра Михайловича и безкорыстная его преданность царской семьѣ были образцовыми“ (Рус. Архивъ, 1898, № 3, стр. 423—424). Графъ О. Брей, баварскій посланникъ при русскомъ дворѣ пишетъ о Волконскомъ: „Князь сохранилъ въ занимаемой имъ нынѣ должности свои привычки: чрезвычайно холодный въ обращеніи и склонный къ бережливости среди расточительнаго общества, онъ отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ на всякую просьбу и почти всегда бываетъ пасмуренъ и нахмуренъ. Его называютъ: „prince de pierre“; только благодѣтельному страху, который онъ распространяетъ вокругъ себя, надобно приписать то обстоятельство, что ему удалось ограничить до нѣкоторой степени злоупотребленія и мошенничества, которыя мелкіе чиновники и лакеи сумѣли ввести и упрочить“ (Рус. Старина, 1902, № 1, стр. 134—135). Служившій при немъ В. И. Панаевъ приводитъ яркій примѣръ его безкорыстія, проявившійся въ томъ, что когда въ 1845 г., по случаю крещенія вел. князя Александра Александровича имп. Николай пожаловалъ Волконскому въ награду 400.000 руб., тотъ обидѣлся и никакъ не хотѣлъ принять этихъ денегъ и согласился на это только послѣ настойчивыхъ личныхъ просьбъ самого государя (Рус. Старина 1892, № 11, стр. 277). Въ виду этихъ свидѣтельствъ современниковъ, столь единодушныхъ въ своей оцѣнкѣ безкорыстія Волконскаго, приходится предположить, что противоположный отзывъ Пушкина, вѣроятно, основанъ на толкахъ лицъ, недовольныхъ министромъ,

lib.pushkinskijdom.ru

каковыхъ, судя по тѣмъ же свидѣтельствамъ, было немало среди Петербургскаго общества.

Стр. 67 (10). „Брилліанты Н. Н.“ - т.-е. принадлежавшія Натальѣ Николаевнѣ драгоцѣнныя вещи, которыя Пушкинъ принужденъ былъ заложить уже вскорѣ послѣ свадьбы. Первоначально они были заложены въ ломбардѣ при Московскомъ Воспитательномъ домѣ, потомъ были выкуплены черезъ посредство московскаго ростовщика и дисконтера А. Рахманова (см. его письмо къ Пушкину отъ 9 февраля 1832 г.;—Переписка, II, стр. 370); затѣмъ, повидимому, Пушкинъ снова заложилъ ихъ, можетъ быть, тому же Рахманову. Объ этихъ операціяхъ съ брилліантами нѣсколько разъ упоминается въ перепискѣ Пушкина съ Нащокинымъ, который болѣе другихъ друзей Пушкина былъ посвященъ въ его имущественныя дѣла (II, стр. 339, 359, 364, 370).

Стр. 67 (26). „Записки“ имп. Екатерины II, о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ, ходили въ копіяхъ по рукамъ, хотя и подъ большимъ секретомъ. Герценъ въ своемъ предисловіи къ Лондонскому изданію „Записокъ“ (1859 г.) говоритъ, что имп. Павелъ I далъ копію съ нихъ своему ближайшему другу князю А. Б. Куракину, послѣ смерти котораго въ 1818 г. А. И. Тургеневъ успѣлъ въ его библіотекѣ сдѣлать съ нихъ себѣ копію: отсюда, будто-бы пошли всѣ списки, существовавшіе въ Россіи. Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 4 мая 1822 г. говоритъ, что онъ съ большимъ интересомъ прочелъ Записки Екатерины Вел. М. П. (Погодинъ: „Ник. Мих. Карамзинъ“. Ч. II-я М. 1866. Стр. 315); о нихъ же упоминаетъ Ѳ. П. Лубяновскій въ своихъ воспоминаніяхъ (Рус. Архивъ, 1872 г., I, стр. 454) и П. Ѳ. Карабановъ въ своихъ разсказахъ о статсъ-дамахъ русскаго двора въ XVIII вѣкѣ (Рус. Старина, 1870 г., II, стр. 447). Въ томъ же предисловіи Герценъ сообщаетъ, впрочемъ, безъ указанія источника, что принадлежавшая Пушкину копія Записокъ была сдѣлана имъ самимъ въ Одессѣ въ библіотекѣ графа Воронцова. Эта Пушкинская копія въ описи найденныхъ въ его кабинетѣ документовъ, составленной при разборѣ его бумагъ Дубельтомъ и Жуковскимъ, обозначена: „Секретныя записки о жизни и смерти (sic!) императрицы Екатерины 2-й, на французскомъ языкѣ, въ двухъ книгахъ“. Интересно отмѣтить, что при представленіи этой описи имп. Николаю, послѣдній въ графѣ: „куда отданы“, положилъ резолюцію: „Ко мнѣ“ (Дѣла III Отдѣленія

lib.pushkinskijdom.ru

Собст. Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ. СПб., 1906. Стр. 192, 197).

Стр. 67 (28). Смирнова, Софья Михайловна (1809—1835), сестра Пушкинскаго пріятеля Николая Михайловича Смирнова, жившая вмѣстѣ съ его семьей. Вслѣдствіе паденія въ дѣтствѣ, она была горбата и болѣзненна; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась своимъ образованіемъ и пользовалась дружбой и уваженіемъ Жуковскаго и Пушкина, тепло отозвавшагося на ея смерть въ своемъ дневникѣ („милая молодая дѣвушка"). Ея племянница О. Н. Смирнова писала о ней въ примѣчаніяхъ къ „Запискамъ" своей матери: „Моя тетка Смирнова была умна, начитанна, замѣчательно добра... У нея были неправильныя крупныя для ея роста черты лица, умные голубые, близорукіе глаза, чудесные бѣлокурые волосы и чистый, нѣжный цвѣтъ лица; но голова ея была несоразмѣрно велика по ея туловищу, такъ какъ несчастный случай паденія совершенно изувѣчилъ ее". По ея словамъ, Пушкинъ и Жуковскій, прежде чѣмъ явиться въ гостиной Александры Осиповны, часто заходили къ ея свояченицѣ, которая никогда не показывалась гостямъ, и бесѣдовали съ нею, большей частью, о литературѣ. Однако, только послѣ своего переселенія въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ она росла и воспитывалась, С. Н. Смирнова познакомилась съ новой русской литературой. Ольга Николаевна приводитъ по этому поводу замѣтку изъ дневника своей матери: „Софи прочла, наконецъ, „Руслана и Людмилу", который привелъ ее въ восхищеніе. Пушкинъ тоже очень радъ. Больше всего ей понравился прологъ, и она сказала ему объ этомъ. Я заставила ее поговорить съ нимъ о его поэмахъ и сказкахъ, о повѣстяхъ Бѣлкина, а съ Жуковскимъ о „Свѣтланѣ" и „Царѣ Берендеѣ." Она читала „Шильонскаго узника" Байрона и сравнивала строчку за строчкой оба произведенія; такъ же прочла она „Ангела и Пери" Мура. Она сказала обоимъ друзьямъ, что произведенія ихъ дали ей новую радость въ жизни. Крыловъ ей очень понравился; раньше она знала только басни Лафонтена. Имъ хотѣлось знать ея мнѣніе о Фонъ-Визинѣ и Грибоѣдовѣ. Она сказала: „Я уже не встрѣчала въ Москвѣ Простаковыхъ; но дѣйствующихъ лицъ „Горя отъ ума" знаю и, если бы это не было невеликодушно, я назвала бы вамъ ихъ" (Записки А. О. Смирновой. Ч. I-я, стр. 170—171).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 67 (30). „Свояченица моя"—вѣроятно, старшая сестра Н. Н. Пушкиной, Екатерина Николаевна Гончарова (1808—1843). Осенью 1834 года Наталья Николаевна привезла съ собою, въ Петербургъ своихъ сестеръ для того чтобы освободить ихъ отъ тяжелой опеки матери и устроить ихъ судьбу. Пушкинъ вообще отрицательно относился къ переселенію ихъ въ Петербургъ, предвидя возможные непріятности отъ совмѣстнаго житья. Когда жена сообщила ему о своемъ намѣреніи, Пушкинъ писалъ ей: „Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одною кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣсть малы, родители, когда уже престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься и семейственнаго спокойствія не будетъ" (14 іюля 1834 г. Переписка, III, стр. 154.) Однако, Наталья Николаевна не вняла увѣщаніямъ мужа и настояла на своемъ. Екатерина Николаевна Гончарова, по словамъ ея племянницы А. П. Араповой, была „далеко не красавица, представляла собой довольно оригинальный типъ южанки съ черными волосами" (Новое Время, 19 дек. 1907 года, № 1143). Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, она, по ходатайству своей вліятельной тетки Н. К. Загряжской, была взята фрейлиной къ Высочайшему двору; въ качествѣ таковой она и представлялась вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, поздравляя ее съ рожденіемъ дочери вел. княжны Анны Михайловны, умершей въ младенчествѣ. Пушкинъ часто выѣзжалъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ женой и ея сестрами; Дантесъ даже назвалъ его однажды при его появленіи на балѣ: „pacha à trois queues" (Рус. Архивъ, 1865, стр. 735). Но красота Натальи Николаевны настолько затемняла ея сестеръ, что въ сравненіи съ нею онѣ казались дурнушками. Старанія Натальи Николаевны устроить судьбу своихъ сестеръ путемъ болѣе или менѣе выгоднаго свѣтскаго брака долгое время оставались тщетными. Наконецъ, сама Екатерина Николаевна влюбилась въ красавца Дантеса, ухаживавшаго за ея младшей сестрой. Онъ, повидимому, оставался совершенно равнодушнымъ къ этой страстной любви, но, въ виду сложившихся обстоятельствъ, принужденъ былъ согласиться на этотъ бракъ. 10 го января 1837 года состоялась свадьба барона Дантеса-Геккерена съ Екатериной Николаевной Гончаровой, а 17-го января произошла роковая дуэль, за которой послѣдовалъ судъ надъ Дантесомъ, расжалованіе его и высылка изъ Россіи. Вся эта тяжелая и сложная семейная исторія и роль въ ней Екатерины Николаевны подробно освѣщены въ книгѣ П. Е. Щеголева: „Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы" (Петроградъ, 1916 г.). Екатерина Николаевна послѣдовала

lib.pushkinskijdom.ru

за мужемъ заграницу и поселилась съ нимъ въ принадлежавшемъ его роднымъ имѣніи Сульцъ въ Эльзасѣ. Здѣсь она родила двухъ дочерей и сына и скончалась вскорѣ послѣ рожденія послѣдняго отъ родильной горячки. Внукъ ея, Louis Metman слѣдующими чертами рисуетъ ея портретъ: „Elle était grande et élancée. Ses yeux bruns légèrement voilés par la myopie animaient un visage à l'ovale allongé, au teint mat. Son sourire montrait des dents admirables. Une démarche élégante, des épaules tombantes, des belles mains faisaint d'elle au physique une femme charmante. Son mari, ses parents, ses amis, tous ceux qui l'ont connue ont laissé sur ses qualités morales des témoignages qui la peignent comme une épouse accomplie, une mère passionnée" (Щеголевъ: наз. соч., стр. 298—299).

Стр. 67 (32). „Комендантъ Мартыновъ"—о немъ см. выше стр. 149. Отзывъ Пушкина: „комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками", несмотря на свою рѣзкость, повидимому, вполнѣ справедливъ; фактъ этотъ, засвидѣтельствованный и другими современниками, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на почетное, но мало вліятельное мѣсто коменданта назначали обыкновенно тѣхъ выслужившихся генераловъ, которые оказались неспособными къ занятію другихъ, болѣе отвѣтственныхъ должностей. О наивности и глупости Мартынова (и его предшественника Башуцкаго) сохранилось немало анекдотовъ. Въ „Щукинскомъ Сборникѣ" (вып. IV-й, стр. 270—271) приведено нѣсколько характерныхъ примѣровъ, при чемъ въ одномъ случаѣ анонимный авторъ-собиратель свидѣтельствуетъ, что разсказанный имъ эпизодъ произошелъ въ его присутствіи и онъ собственными ушами слышалъ простодушное изреченіе Мартынова: „Когда въ первый разъ показывали только что привезенную картину Брюлова „Послѣдній день Помпеи", то она стояла въ Эрмитажѣ въ комнатѣ, въ концѣ Рафаэлевой Ложи или галлереи. Въ числѣ публики былъ и я. Вдругъ приходитъ Мартыновъ, сталъ передъ картиной, смотрѣлъ и сказалъ: „для меня лучше всего старикъ Помпей, которого несутъ дѣти".

Стр. 68 (6). Графъ Панинъ, Викторъ Никитичъ (1801—1874) видный государственный дѣятель эпохи Николая I и Александра II, занимавшій съ 1839 по 1861 г. постъ министра Юстиціи, въ 1860 г. по волѣ государя замѣнившій Я. И. Ростовцева въ качествѣ предсѣдателя Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и Редакціонныхъ Комиссій, хотя самъ онъ лично мало сочувствовалъ идеѣ эмансипаціи,

lib.pushkinskijdom.ru

будучи строгимъ, хотя и просвѣщеннымъ консерваторомъ; въ эту эпоху Герценъ въ „Колоколѣ“ велъ съ нимъ ожесточенную борьбу, считая его однимъ изъ главныхъ противниковъ освобожденія крестьянъ. Въ 1835 году, къ которому относится запись Пушкинскаго дневника, Панинъ достигъ уже весьма замѣтнаго служебнаго положенія, будучи дѣйств. стат. совѣтникомъ, статсъ-секретаремъ и товарищемъ министра юстиціи. Если вмѣстѣ съ тѣмъ принять во вниманіе, что Панинъ отличался необыкновенно высокимъ ростомъ (Герценъ называлъ его „трехполѣннымъ“), то появленіе его на придворномъ маскарадѣ въ костюмѣ дитяти, дѣйствительно, можетъ показаться не только комическимъ и страннымъ, но даже, какъ, по словамъ Пушкина, находили многіе, „неприличнымъ“.

Стр. 68 (7). Брызгаловъ, Иванъ Семеновичъ (1753—1841), родомъ изъ крестьянъ дворцоваго вѣдомства, въ молодости служилъ истопникомъ Гатчинскаго дворца, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе цесаревича Павла Петровича и былъ назначенъ имъ камеръ-лакеемъ, а затѣмъ гофъ-фурьеромъ. По воцареніи Павла, онъ получилъ званіе оберъ-гофъ-фурьера, а въ 1799 году былъ назначенъ кастеляномъ внутреннихъ дворовъ Михайловскаго замка, съ обязанностью наблюдать за своевременнымъ поднятіемъ и опусканіемъ подъемныхъ мостовъ на тѣхъ каналахъ, которыми замокъ былъ окруженъ. Оставшись не у дѣлъ послѣ смерти имп. Павла, Брызгаловъ пользовался значительнымъ пенсіономъ, благодаря покровительству вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и нѣкоторыхъ вельможъ изъ числа Павловскихъ любимцевъ, напр. Аракчеева.

Отличаясь вздорнымъ характеромъ, а также различными чудачествами и странностями, Брызгаловъ до конца жизни ходилъ по улицамъ Петербурга въ костюмѣ Павловскихъ временъ, въ малиновомъ мундирѣ, съ бѣлымъ камзоломъ и бѣлыми штанами, въ высокихъ ботфортахъ съ крагенами. Современникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту комическую, но знакомую всему Петербургу фигуру, представлявшую собой въ Николаевское время какъ бы ходячій анахронизмъ: „Брызгаловъ вездѣ появлялся въ своемъ нарядѣ... при огромной, высокой, съ широкими галунами и генеральскою витушкою и бѣлымъ плюмажемъ шляпою, надѣтой по формѣ, т.-е. поперекъ, а не вдоль. Изъ-за раздѣла фалдъ торчала длинная, касавшаяся земли шпага съ бронзовымъ вычурнымъ эфесомъ и серебрянымъ шнурковымъ темлякомъ. Шпага эта была въ юфтовыхъ желтыхъ ножнахъ. На карманахъ и на всѣхъ петлицахъ малиноваго вседнев-

lib.pushkinskijdom.ru

наго мундира были узкія золотыя галунныя нашивки, а на парадномъ, роскошно расшитомъ золотомъ, какой Брызгаловъ носилъ въ особенно торжественные дни золотое шитье, въ видѣ фантастическихъ листьевъ, усыпанныхъ блестками. При такомъ парадномъ мундирѣ Брызгаловъ являлся непремѣнно въ шелковыхъ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ громаднѣйшими пряжками. Тогда завитой парикъ его былъ сильнѣйшимъ образомъ напудренъ, и бѣлая пудра покрывала его плечи... Брызгаловъ рѣдко ходилъ одинъ; его почти всегда сопровождали оба его сына, идущіе впереди его. Дѣти Брызгалова à la lettre были уродами, съ ногами въ видѣ обруча, съ руками волочившимися почти по землѣ, съ громадными головами (почему ихъ въ городѣ звали „головастиками Брызгаловской кунсткамеры"), покрытыми косматыми, падавшими ниже плечъ волосами, и съ идіотическими болѣзненными физіономіями, украшенными длиннѣйшими носами и одурманенными глазами.. Одѣты они были въ неуклюжіе свѣтло-зеленые камлотовые сюртуки, съ превысокими, цилиндрическими съ узенькими полями сѣро-бѣлыми шляпами на головахъ (Касьянъ Касьяновъ [В. П. Бурнашевъ]: „Наши чудодѣи". СПб. 1875. стр. 134—147). Объ этихъ „калѣкахъ-сыновьяхъ" Брызгалова, „одѣтыхъ скоморохами", упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ дневникѣ. Появленіе на улицахъ Петербурга Брызгалова, въ его необычномъ нарядѣ и въ сопровожденіи столь же странно одѣтыхъ сыновей, возбуждало вниманіе прохожихъ, а иногда и глумленіе уличныхъ мальчишекъ, преслѣдовавшихъ „брызгалятъ" своими криками; но въ общемъ эти комическіе фигуры настолько примелькались въ толпѣ, что стали какъ бы неизбѣжною принадлежностью Петербургской уличной жизни.

Между прочимъ, своеобразная фигура Брызгалова привлекла къ себѣ вниманіе извѣстнаго художника первой половины XIX вѣка А. О. Орловскаго, который нарисовалъ съ него три портрета, изъ которыхъ одинъ изображаетъ его спиною къ зрителямъ, прогуливающимся въ своемъ Павловскомъ мундирѣ вдоль Адмиралтейства; на другомъ, болѣе шаржированномъ портретѣ, Брызгаловъ изображенъ вмѣстѣ со своими дѣтьми (В. А. Верещагинъ. Русская карикатура. III. А. О. Орловскій. СПб., 1913, стр. 28 и 46—49; В. Я. Адарюковъ и Н. А. Обольяниновъ: Словарь рус. литограф. портретовъ. Т. I, стр. 137). Когда эти рисунки появились въ продажѣ, Брызгаловъ увидѣлъ въ нихъ умаленіе своей чести, и страшно вознегодовалъ и потребовалъ уничтоженія „пасквильнаго портрета", который одно время и былъ изъятъ изъ обращенія, а затѣмъ хотя

lib.pushkinskijdom.ru

и былъ снова допущенъ, но уже безъ всякой подписи, намекавшей на оригиналъ.

Кромѣ своей оригинальной внѣшности и костюма, Брызгаловъ былъ извѣстенъ также своимъ сварливымъ и неуживчивымъ характеромъ, благодаря которому онъ постоянно приходилъ въ столкновенея съ домовладѣльцами и квартирантами домовъ, въ которыхъ жительствовалъ, и нерѣдко судился съ ними; дѣла эти, по тогдашнему положенію, разбирались въ кварталахъ и у оберъ-полицеймейстеровъ; на этомъ поприщѣ онъ такъ прославился, что об.-пол. С. А. Кокошкинъ о лицахъ сварливыхъ и придирчивыхъ говаривалъ: „vrai Brisgaloff № 2, chicaneur, calomniateur, sans foi, sans loi“ (В. Л. Снегиревъ. Послѣдній кастелянъ Михайловскаго замка. Рус. Архивъ, 1916, № 7—12, стр. 291). Брызгаловъ дожилъ до глубокой старости и умеръ 89 лѣтъ отъ роду, до конца дней своихъ не измѣняя своимъ привычкамъ и причудамъ.

Стр. 68 (15). „Съ Генваря очень я занятъ Петромъ“.—Личность Петра Вел. издавна интересовала Пушкина. Уже въ набросанныхъ въ Кишиневѣ „Историческихъ замѣткахъ“ (1822) мы находимъ размышленія Пушкина о Петрѣ и его роли въ русской исторіи. Личность Петра отразилась въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и мелкихъ произведеній Пушкина каковы: „Арапъ Петра Вел.“ (1827), „Стансы“ (1827), „Полтава“ (1828), „Мѣдный Всадникъ“ (1833), „Пиръ Петра Вел.“ (1835). Наконецъ, много отдѣльныхъ замѣчаній о немъ разсѣяно въ его историческихъ и критическихъ статьяхъ и наброскахъ. Все это ясно показываетъ устойчивость и интенсивность интереса, который Пушкинъ питалъ къ великому преобразователю Россіи. Поэтому вполнѣ естественно, что, когда Пушкину былъ открытъ доступъ въ государственные архивы, у него сейчасъ же явилась мысль воспользоваться этимъ для изученія исторіи Петра и его времени. Уже въ серединѣ іюля 1831 года Пушкинъ писалъ Бенкендорфу, что болѣе всего желалъ бы заняться историческими розысканіями въ архивахъ, для того чтобы „современемъ исполнить давнишнее свое желаніе написать исторію Петра Великаго“; а 22 іюля онъ сообщалъ Плетневу о полученномъ имъ разрѣшеніи, какъ о совершившемся фактѣ (Переписка, II стр. 279 и 287). Повидимому, Пушкинъ приступилъ къ своей работѣ только въ февралѣ 1832 года (см. письмо К. С. Сербиновича Пушкину отъ 18 февраля: тамъ же, стр. 373, и письмо Пушкина къ Бенкендорфу, съ просьбой допустить его къ разсмотрѣнію

lib.pushkinskijdom.ru

библіотеки Вольтера, въ которой между прочимъ находились книги и рукописи, доставленные ему Шуваловымъ для составленія исторіи Петра I; тамъ же, стр. 373—374). У Пушкина была мысль привлечь къ совмѣстной работѣ надъ архивнымъ матеріаломъ также и М. П. Погодина, которому онъ и писалъ въ этомъ смыслѣ 5-го марта 1833 года; однако, несмотря на полную готовность Погодина, этотъ планъ почему то не осуществился. Въ началѣ апрѣля онъ снова писалъ Погодину: „Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ“ (Переписка, III, стр. 11, 17 и 93); однако, вскорѣ Пушкинъ самъ временно отвлекся отъ Петра, заинтересовавшись сперва Суворовымъ, а затѣмъ Пугачевымъ. Только послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (въ послѣднихъ числахъ декабря 1834 года), Пушкинъ снова возвращается къ работѣ надъ исторіей Петра, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и его запись въ дневникѣ. Результатомъ этой работы явилось обширное собраніе сырыхъ архивныхъ матеріаловъ, которому, однако, Пушкинъ не успѣлъ придать литературную обработку. Какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, работа эта „свидѣтельствуетъ о добросовѣстности, съ какою онъ приступалъ къ задачѣ своей; Пушкинъ употребилъ 5 лѣтъ на одинъ первый подготовительный трудъ“ („А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи“. Изданіе 2-е. СПб. 1873. Стр. 396). Впервые отрывки изъ собранныхъ Пушкинымъ матеріаловъ были опубликованы Анненковымъ въ его изданіи; особенный интересъ представляютъ сдѣланныя Пушкинымъ выписки изъ различныхъ источниковъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ и сопровожденныя его замѣчаніями, въ которыхъ выразился взглядъ самого Пушкина на Петра и на его государственную дѣятельность, взглядъ отличающійся трезвостью и объективностью. См. по этому вопросу статью В. С. Иконникова: „Историческія воззрѣнія Пушкина“ (Военно-Историческій Вѣстникъ, 1911, № 9—10).

Стр. 68 (19). Bertrand и Raton—персонажи извѣстной басни Лафонтена: „Le Singe et le Chat“, въ которой лукавая обезьяна (Bertrand) заставляетъ простодушнаго кота (Raton) таскать для нея каштаны изъ огня: имена эти, съ теченіемъ времени, стали нарицательными, для обозначенія людей опредѣленнаго типа. Въ этомъ смыслѣ и употребилъ ихъ Скрибъ въ своей комедіи „Bertrand et Raton, ou l'art de conspirer“, впервые поставленной на сценѣ Comédie Française 14-го ноября 1833 года и принадлежащей къ луч-

lib.pushkinskijdom.ru

шимъ произведеніямъ плодовитаго драматурга. Сюжетъ комедіи взятъ изъ датской исторіи; въ основѣ его лежитъ придворная интрига, при помощи который былъ низвергнутъ датскій министръ-реформаторъ Струэнзе, несмотря на поддержку короля Христіана VII и королевы Каролины-Матильды. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ заговора является министръ Ранцау (Bertrand), пользующійся для своей интриги богатымъ коммерсантомъ Буркенстафомъ (Raton) и при помощи хитро задуманнаго плана достигающій, наконецъ, своей цѣли—низверженія Струэнзе и ареста поддерживавшей его королевы, съ которой Струэнзе находился въ связи. Въ дѣйствіе, конечно, вплетена и любовная интрига. Несмотря на нѣкоторыя отступленія отъ исторической достовѣрности, комедія Скриба все же имѣетъ въ своей основѣ дѣйствительный историческій фактъ; поэтому приводимое Пушкинымъ замѣчаніе графа Фикельмона о томъ, что въ комедіи нѣтъ и рѣчи о Даніи, является мало понятнымъ.

Стр. 68 (20). „Блумъ"—графъ Отто Бломе (1770—1849), датскій посланникъ при русскомъ дворѣ, генералъ-лейтенантъ. Въ Петербургѣ онъ находился съ 1804 по январь 1824 года, а затѣмъ съ января 1826 по октябрь 1841 года. Въ промежуткѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ занималъ постъ министра Иностранныхъ дѣлъ. Во время русско-шведской войны 1808—09 гг. настойчиво совѣтовалъ своему правительству поддержать Россію. Въ своемъ донесеніи о дуэли и смерти Пушкина, онъ даетъ о немъ очень сдержанный, скорѣе недоброжелательный отзывъ: „D'un caractère des plus violents et d'une jalousie, qui ne connait pas de bornes..., M. de Pouschkin a... payé de sa vie la fureur d' une passion, dont l'aveuglement le charge de tous les torts dans cette déplorable aventure" (П. Е. Щеголевъ. „Дуэль и смерть Пушкина". Петроградъ, 1916; стр. 217—219).

Не совсѣмъ ясно, въ какомъ смыслѣ Пушкинъ называетъ Бломе „нашимъ стариннымъ шпіономъ". Дѣйствительно, одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ противъ Сперанскаго въ 1812 году, заключался въ томъ, что онъ будто бы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Лористономъ и Блумомъ (Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ Первый". СПб., 1898. Т. IV, стр. 222); однако, самъ Блюмъ въ своихъ донесеніяхъ своему правительству о высылкѣ Сперанскаго повторяетъ только ходившіе въ обществѣ, враждебно настроенномъ противъ Сперанскаго, толки, обвинявшіе его въ дезорганизаціи всей государственной системы

lib.pushkinskijdom.ru

и даже въ „республиканскихъ" замыслахъ (Рус. Архивъ, 1882, апр. стр. 171—172); правда, напечатавшій эти депеши П. И. Бартеневъ сопровождаетъ ихъ примѣчаніемъ, въ которомъ, не указывая источника своихъ свѣдѣній, сообщаетъ, будто бы датское правительство пересылало въ Парижъ донесенія своихъ представителей при чужихъ дворахъ; однако, и въ такомъ случаѣ Блумъ не могъ, отвѣчать за дѣйствія своего правительства, которое, можетъ-быть, поступало безъ его вѣдома. Съ другой стороны, самая продолжительность пребыванія Блума въ Россіи показываетъ, что онъ какъ-то сумѣлъ акклиматизироваться въ условіяхъ русской жизни и пріобрѣсти себѣ симпатіи общества и довѣріе правительства. Такъ Д. Н. Свербеевъ прямо называетъ его „любимцемъ Петербургскаго общества" и говоритъ о немъ, что онъ постоянно сопровождалъ Императора Александра въ красномъ своемъ мундирѣ на парадахъ и маневрахъ" (Записки Д. Н. Свербеева. М. 1899. Т. I, стр. 314). Николай I также благоволилъ къ датскому посланнику и разрѣшилъ ему сопровождать русскую армію въ турецкомъ походѣ 1828 года (Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin, 1908. Band II, S. 244).

Стр. 68 (*25* и сл.). Исторія увольненія протоіерея *Г. П. Павскаго* отъ должности преподавателя Закона Божія наслѣднику престола сообщена Пушкинымъ кратко, но точно; это показываетъ, что онъ узналъ о ней изъ хорошо освѣдомленнаго источника. Такимъ источникомъ для него былъ, можно почти навѣрное сказать, В. А. Жуковскій, какъ разъ бывшій тогда завѣдующимъ учебной частью при в. к. наслѣдникѣ: въ числѣ его обязанностей были выборъ и приглашеніе преподавателей въ царской семьѣ, и назначеніе Г. П. Павскаго произошло, конечно, также не безъ его участія, и самое увольненіе его не могло, естественно, совершиться безъ его вѣдома, тѣмъ болѣе, что Жуковскій, наблюдавшій за ходомъ всего преподаванія царскимъ дѣтямъ, былъ цѣликомъ на сторонѣ увольняемаго Павскаго.

Вся эта исторія, произведшая значительное впечатлѣніе въ тогдашнихъ Петербургскихъ высшихъ слояхъ общества, имѣвшая до нѣкоторой степени характеръ придворнаго событія, поставленная въ связь съ интригами и закулисной борьбой при дворѣ Николая, не могла не заинтересовать и А. С. Пушкина; онъ и выразилъ довольно опредѣленно свое отношеніе къ ней и ея главнымъ героямъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Дѣло въ общемъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, состояло въ слѣдующемъ. Въ 1826 году въ преподаватели Закона Божія наслѣднику и его сестрамъ былъ приглашенъ выдающійся ученый, профессоръ богословія новооткрытаго Петербургскаго университета Герасимъ Петровичъ Павскій. Павскій (род. 1787, сконч. 1863), дѣйствительно, былъ тогда самымъ выдающимся изъ ученыхъ среди духовенства по своимъ качествамъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, явленіемъ не заурядным въ этой средѣ. Воспитанникъ Петербургской духовной академіи (гдѣ онъ между прочимъ богословское образованіе получилъ у Филарета, бывшаго профессоромъ СПб. Дух. академіи, будущаго митрополита московскаго и позднѣе главнаго виновника его устраненія отъ должности), онъ въ 1814 занялъ уже каѳедру еврейскаго языка въ своей академіи; съ того же времени, какъ знатокъ этого языка, филологъ и богословъ съ большимъ размахомъ сталъ принимать видное участіе въ работахъ Библейскаго Общества, гдѣ съ 1820 г. состоялъ редакторомъ русскаго перевода Ветхаго Завѣта издававшагося этимъ Обществомъ. Выдающійся ученый, чуждый рутины, быстро завоевавшій себѣ въ университетѣ и академіи симпатіи молодежи, увлеченной „ему одному свойственной важностью и почти младенческимъ добросердечіемъ, силой и простотой, соединенными съ глубиной воззрѣній и удивительнымъ богатствомъ знаній“ (характеристика А. В. Никитенка, бывшаго его слушателя по университету; см. Дневникъ, I, 235 и III, 43), несомнѣнно, былъ самой замѣтной фигурой въ средѣ тогдашняго духовенства, которое, въ силу, можетъ быть, именно этого, а также его „либерализма“, въ значительной части, особенно высоко стоящее въ іерархическомъ отношеніи, смотрѣло на него косо и ожидало случая для борьбы съ нимъ. Случай этотъ представился въ 1834 г., когда, по желанію двора и по представленію В. А. Жуковскаго (см. Н. К. Никольскаго: „Христіанское ученіе Г. П. Павскаго, съ объяснительной статьей“. Спб., 1909, стр. 98—99) были напечатаны двѣ тетради его лекцій въ царской семьѣ: „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“ и „Начертаніе церковной исторіи“, предназначавшіеся для пособія при слушаніи самыхъ лекцій великими князьями. Книжки были изданы не для публики (ср. изд. Жуковскаго: „Für Wenige“), для учениковъ и ученицъ Павскаго, дѣтей имп. Николая, въ публику могли онѣ проникнуть лишь случайно, отпечатанныя въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и съ самаго появленія уже бывшія большой рѣдкостью (только случайно найденный экземпляръ „Хри-

lib.pushkinskijdom.ru

стіанскаго ученія“ впервые былъ перепечатанъ Н. К. Никольскимъ въ 1909 г. по случаю юбилея Академіи; см. выше); самъ Павскій (см. Чтенія Общ. Ист. и Др. 1870 г. кн. II, цитаты—у Никольскаго у. с., 97—98) считалъ ихъ „не болѣе, какъ корректурными листами, гдѣ можно прибавлять и убавлять“, „учебными тетрадями, наскоро напечатанными для того, чтобы при отчетѣ въ урокахъ, ученики имѣли передъ собой нить преподаннаго имъ ученія“, „зародышемъ“ дальнѣйшаго болѣе подробнаго курса. Эти-то книжки и послужили поводомъ къ началу борьбы противъ Павскаго, кончившейся удаленіемъ его отъ должности преподавателя и изъ числа придворнаго духовенства. Во главѣ враговъ Павскаго стоялъ митр. Московскій Филаретъ, но не непосредственно, а скрывавшійся за спиной престарѣлаго митр. Петербургскаго Серафима, тщеславнаго, но слабовольнаго царедворца, бывшаго всецѣло подъ вліяніемъ честолюбиваго и властолюбиваго Филарета. Черезъ Серафима Филаретъ, при посредствѣ А. Н. Голицына (бывшаго до того министра духовн. дѣлъ), направилъ государю записку, въ которой указывалъ на несомнѣнные, по его мнѣнію, признаки неправовѣрія и неправославія законоучителя наслѣдника престола, содержащіеся въ его книжкахъ (Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, II, Спб. 1885, 343—350, (№ 210 и № 220); ранѣе напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др., 1870, II; записка написана 1834 г. іюля 16). Не подлежитъ сомнѣнію, что богословскія воззрѣнія Павскаго не вполнѣ совпадали съ воззрѣніями м. Филарета. Задачею Филарета было возможно точное изложеніе православныхъ догматовъ, въ усвоеніи которыхъ онъ видѣлъ главную цѣль религіознаго обученія. Христіанская религія, училъ Павскій, „есть религія любви потому, что она есть религія сердца“. Вслѣдствіе этого религіозное воспитаніе, по его мнѣнію, должно состоять прежде всего въ томъ, чтобы „чаще пробуждать, оживлять и питать“ таинственное религіозное чувство и уже затѣмъ постепенно вводить идеи религіозныя въ понятія разсудка. Взгляды Павскаго, какъ онъ самъ признавалъ, не во всемъ согласовались съ господствовавшими тогда теченіями богословской мысли, къ которымъ онъ не считалъ нужнымъ приспособляться, считая своею обязанностію возвѣщать лишь то, въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ. Филаретъ, тяготѣвшій къ схоластическимъ системамъ, не могъ примириться съ такими воззрѣніями Павскаго и еще въ 1828 г. по поводу него выражался такъ: „Мнѣ кажется, что издатели („Христіанскаго Чтенія“, въ которомъ работалъ Г. П. Павскій) нѣмецкое кушанье не разжевавъ глотаютъ“ (см. Н. К. Никольскій, у. с., стр. 142, 143,

lib.pushkinskijdom.ru

146). Павскій былъ врагомъ схоластики и тяготѣлъ къ историческому методу богословствованія. Эти принципіальныя расхожденія двухъ ученыхъ употреблены были теперь Филаретомъ и его единомышленниками, какъ средство борьбы противъ высокаго общественнаго положенія Павскаго.

Дорожа преподавателемъ, очень цѣнимымъ всей царской семьей и особенно привязанными къ нему слушателями, императоръ, вѣроятно, не безъ вліянія В. А. Жуковскаго, также высоко ставившаго преподаваніе и личность Павскаго („ваша религія—другъ просвѣщенія, такая именно, какая должна быть въ душѣ государя"—слова его Павскому; см. Словарь Брокгауза, XLIV, 517), предоставилъ Павскому право дать свои объясненія на записку-доносъ Филарета и Серафима. Записка—отвѣтъ Павскаго, повидимому, удовлетворила императора (она напечатана въ Чтен. О. И. и Др. 1870, II), и дѣло на этотъ разъ могло бы, кажется, кончиться благополучно для Павскаго; но тутъ были пущены въ ходъ экстренныя средства для отстраненія „опаснаго" законоучителя: Серафимъ, говорятъ, лично явился къ государю, палъ передъ нимъ на колѣни и отъ лица всей церкви просилъ прекратить „соблазнъ". Николай, нехотя, долженъ былъ уступить: въ январѣ 1835 г. Павскій, по желанію государя, подалъ формальную просьбу объ увольненіи, трогательно простился съ царской семьей, съ огорченіемъ разстававшейся съ нимъ, и 18 февраля получилъ увольненіе, награжденный и обласканный царской семьей и государемъ (подробнѣе см. у с. Н. К. Никольскаго, стр. 122 и сл.). Одолѣвши и добившись устраненія Павскаго, противники, съ Серафимомъ и Филаретомъ во главѣ, попытались поставить на его мѣсто своего кандидата въ лицѣ протоіерея Кочетова (см. о немъ ниже), но императоръ тактично оставилъ за собой свободу выбора преемника Павскому. Онъ остановился на протоіереѣ Василіи Борисовичѣ Бажановѣ (1800—1883), который еще въ 1827 г. смѣнилъ Павскаго и въ университетѣ (подробнѣе о Б. см. у С. А. Венгерова, Критико-біографич. словарь, II, Спб. 1891, 25 и сл.). Императоръ незадолго передъ тѣмъ имѣлъ случай непосредственно съ нимъ познакомиться и оцѣнить независимый образъ мыслей (см. Истор. Вѣстникъ, 1883 г. XII, 556—564, отрывокъ изъ автобіографіи Бажанова), посѣтивъ неожиданно въ 1833 г. урокъ Закона Божія въ 1-й гимназіи, гдѣ преподавателемъ былъ Бажановъ; 2 февр. 1835 г. онъ былъ уже призванъ во дворецъ. Выборъ былъ, повидимому, удаченъ. А. В. Никитенко такъ характеризуетъ Бажанова: „Привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать

lib.pushkinskijdom.ru

свой предметъ просто и выразительно, стремленіе къ духу, а не къ буквѣ, все это хоть немного смягчаетъ для насъ потерю Павскаго. Въ богословскихъ лекціяхъ нашихъ вообще господствуетъ здравый философскій духъ, который ставитъ религію на твердую почву, недоступную для фанатиковъ" („Дневникъ", I; 235). Независимый по характеру, гуманный, чуждый фанатизма, Бажановъ удержался въ своемъ званіи до конца своей жизни. Павскому же пришлось продолжать борьбу, испытывая преслѣдованія не только со стороны духовной среды: если его переводы св. книгъ съ еврейскаго вызвали доносъ (Агаѳангела Соловьева) въ 1841 г. и судное дѣло въ Синодѣ (впрочемъ, ничѣмъ существеннымъ не кончившееся; подробности „дѣла" см. у И. А. Чистовича: «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ". Спб. 1899, стр. 133—207), то его филологическія работы и взгляды, прямо и откровенно имъ высказываемые, вызвали раздраженіе въ консервативныхъ кругахъ, въ частности А. С. Шишкова (и въ придворныхъ сферахъ принадлежавшаго къ партіи противниковъ Павскаго), президента Академіи, претендовавшаго, какъ извѣстно, на званіе ученаго филолога со своимъ знаменитымъ „корнесловіемъ": выдающійся, во всякомъ случаѣ, филологъ, авторъ „Филологическихъ розысканій" (1841), только въ 1858 г. вошелъ въ составъ членовъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ. Это поведеніе Шишкова по отношенію къ Павскому и имѣлъ въ виду Пушкина.

М. С.

Стр. 68 (31). Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841), адмиралъ, государственный секретарь (1812—1813), затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія (1824—1828) и создатель цензурнаго устава 1826 года, наконецъ (1813—1841) президентъ Россійской Академіи. Начавши свою карьеру еще при Екатеринѣ, онъ на всю жизнь остался поклонникомъ „славныхъ дней Екатерины", потому не могъ быть доволенъ либеральной порой царствованія Александра, но зато широко и энергично развилъ свою консервативную дѣятельность въ эпоху реакціи Александровскаго и Николаевскаго времени. Еще въ 1811 онъ сталъ во главѣ „Бесѣды любителей русскаго слова" и черезъ нее, а затѣмъ черезъ Россійскую Академію, повелъ энергичную борьбу за старый стиль въ литературѣ, чему онъ придавалъ болѣе широкое, нежели только литературное, значеніе, видя въ проникновеніи новыхъ литературныхъ формъ и новаго языка тлетворное вліяніе иностранцевъ, главн. обр. французовъ, на всю русскую

lib.pushkinskijdom.ru

жизнь. Главными его врагами были послѣдователи Карамзина, какъ реформатора русской литературной рѣчи, группировавшіеся около „Арзамаса“; въ противовѣсъ имъ онъ выставлялъ требованія возвращенія къ рѣчи Ломоносова и еще дальше къ славянскому языку, который онъ отождествлялъ съ русскимъ. Прямолинейный, глубоко честный, искренне патріотичный, но „тупой“ (по выраженію Карамзина), А. С. Шишковъ всякую свою мысль доводилъ до крайности, до абсурда, особенно въ области языка, мало знакомой ему научно; отсюда—тѣ его „корнесловія“, которыя создали ему такую своеобразную извѣстность. Его честность, искренній патріотизмъ оказывали и положительное вліяніе на настроеніе русскаго общества, напоминая ему про народность, прививая вкусъ къ народной рѣчи и словесности, и съ этой стороны вызвали положительные о немъ отзывы и у Пушкина: онъ въ заслугу Шишкову вмѣняетъ его дѣятельность въ 1812 г., когда на его долю выпало сочиненіе большинства манифестовъ русскаго правительства къ странѣ; имѣя въ виду его честное и корректное отношеніе къ литературѣ (но не къ писателямъ его времени), Пушкинъ надѣялся, что создаваемый Шишковымъ цензурный уставъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ литературы, какъ явленія общественнаго; таковъ смыслъ его „Второго посланія къ цензору“ (1824 г.; ср. Соч. Пушк., ред. С. А. Венгерова, III, 527). Но, какъ извѣстно надежды Пушкина должны были скоро разсѣяться. Другая сторона дѣятельности Шишкова—стародума и реакціонера—конечно, не могла возбуждать положительнаго отношенія со стороны Пушкина, не могъ онъ примириться и съ знаменитымъ „корнесловіемъ“ Шишкова, выражавшемъ въ значительной степени его общественные взгляды; эти вгляды онъ проводилъ не только въ своихъ писаніяхъ, заполненныхъ этими фантастическими словопроизводствами (о нихъ см. И. В. Ягича: Энциклопедія славянской филологіи, I, 172—175, М. И. Сухомлинова, Исторія Россійской Академіи, вып. VII, 207—213), но и всю Россійскую Академію старался сдѣлать орудіемъ для того же „попеченія о языкѣ“, соотвѣтствующимъ образомъ подбирая ея членовъ. И Пушкинъ, помимо непосредственнаго участія Шишкова, ставшій членомъ Академіи (1832 г. 3 дек.), не могъ быть доволенъ составомъ Академіи; и онъ имѣлъ право на это жаловаться: съ 1818 года и по 1832-й Шишковъ провелъ въ составъ ея, сверхъ раньше уже бывшихъ (въ этомъ числѣ митроп. Серафима, при выборахъ Пушкина отказывавшагося подавать голосъ потому, что „Пушкинъ ему неизвѣстенъ“! см. Сухомлиновъ, ук. соч., стр. 79, 81), еще семь

lib.pushkinskijdom.ru

человѣкъ лицъ изъ духовенства, ничѣмъ не извѣстныхъ въ наукѣ и литературѣ, „набилъ академію попами“, тогда какъ одного изъ немногихъ, притомъ несомнѣнно выдающихся филологовъ, прот. Г. П. Павскаго (см. выше), естественно не одобрявшаго „корнесловія“ Шишкова (ср. В. Я. Стоюнинъ: „А. С. Шишковъ“, стр. 267), онъ не допускалъ въ ея стѣны. Признавая всю важность „Словаря русскаго языка“ для литератора (ср. Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, V, 293—94, 306), считая заботу объ этомъ словарѣ одной изъ обязанностей Академіи, онъ, однако, не могъ одобрять того направленія, въ какомъ Шишковъ властно повелъ новое (третье) изданіе этого „Словаря;“ объ этомъ судить онъ могъ и непосредственно: въ 1833 г. онъ былъ въ ляти ея засѣданіяхъ, въ 1834 г.— въ одномъ (Сухомлиновъ, ук. соч., VII, 83), когда какъ разъ тамъ происходило чтеніе корректуръ этого „Словаря“, составившаго, по настоянію Шишкова, главное, если не единственное, занятіе ея членовъ.

М. С.

Стр. 69 (3). „Кочтовъ“—правильнѣе, Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ (1789—1851), протоіерей, законоучитель Царскосельскаго лицея (съ 1817 г.), членъ Россійской Академіи (съ 1828 г.), куда онъ былъ введенъ Шишковымъ. Ему принадлежитъ нѣсколько нравственно-богословскихъ сочиненій, изъ коихъ наиболѣе важное: „Начертаніе христіанскихъ обязанностей по ученію православной церкви“ (1827). Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ брошюрѣ П. А. Плетнева: „Біографическая записка объ академикѣ І. С. Кочетовѣ“ (СПб., 1854) и въ Рус. біографич. словарѣ, СПб., 1903, стр. 360—362.

М. С.

Стр. 69 (8—10). „Исторія Пугачевскаго бунта“ встрѣтила при своемъ появленіи довольно холодный пріемъ со стороны критики и публики. Объ этомъ неоднократно говоритъ и самъ авторъ: такъ, напр., въ началѣ своего разбора критической статьи Броневскаго объ „Исторіи“, Пушкинъ прямо замѣчаетъ, что книга его „не имѣла въ публикѣ никакого успѣха“; въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 25 апрѣля 1835 г. Пушкинъ замѣчаетъ, что его трудъ „побраниваютъ“; онъ указываетъ здѣсь и на предполагаемыя причины недовольства публики: „Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается

lib.pushkinskijdom.ru

до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькой Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну, возмется идеализировать это лице по самому послѣднему фасону" (Переписка, III, стр. 196). Даже позднѣе, наканунѣ своей дуэли, 26-го января 1837 г. Пушкинъ писалъ графу К. Ѳ. Толю, что вниманіе его вознаграждаетъ автора „за равнодушіе публики и критиковъ" (тамъ же, стр. 443). Однако, вскорѣ послѣ выхода „Исторіи" въ свѣтъ Пушкинъ писалъ Нащокину (20 января 1835 г.) „Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой, а все идетъ на расплату" (тамъ же, стр. 179); вѣроятно, при выходѣ въ свѣтъ книги, публика накинулась на нее, какъ на новинку, но затѣмъ быстро охладѣла, что́ и отмѣчено въ февральской записи дневника. Сводъ мнѣній критики объ „Исторіи", а также общая характеристика этого труда и самого Пушкина, какъ историка, со стороны его научныхъ пріемовъ и историческихъ взглядовъ, даны въ статьѣ проф. Н. Н. Ѳирсова, въ его комментаріи къ „Исторіи Пугачев. бунта" въ Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. XI, Петроградъ, 1914, стр. 1 — 56 (вторая пагинація).

Стр. 69 (*20—21*) „Уваровъ... попалъ въ Президъ. Ак. Наукъ, какъ кн. Дашкова въ през. Р. Ак".—Про кн. Дашкову среди недоброжелательствовавшихъ ей современниковъ ходили слухи, будто бы ея академическія рѣчи были написаны не ею, а кѣмъ-то другимъ; объ этомъ между прочимъ говоритъ и Державинъ въ замѣчаніяхъ къ своимъ произведеніямъ (Сочиненія Г. Р. Державина. Т. III. СПб., 1866. Стр. 625). Подобные слухи носились и относительно Уварова, въ частности относительно его статей и рѣчей, посвященныхъ античному міру, которыя приписывались извѣстному эллинисту, академику Ѳ. Б. Грефе. Едва ли однако эти толки имѣли подъ собой какое-либо фактическое основаніе, такъ какъ, при многихъ несимпатичныхъ качествахъ Уварова, онъ, несомнѣнно, былъ человѣкомъ даровитымъ и образованнымъ, умѣвшимъ производить впечатлѣніе даже на такихъ людей, какъ Гёте и Гумбольдъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 69 (11). Дондуковъ-Корсаковъ Михаилъ Александровичъ, князь (1794 — 1869), братъ лицейскаго товарища Пушкина Н. А. Корсакова, въ 1833—42 г. былъ попечителемъ СПб. Учебн. Округа и по должности состоялъ во главѣ Петербургскаго Цензурнаго комитета, а потому былъ въ отношеніяхъ подчиненнаго къ С. С. Уварову, ставшему уже министромъ народнаго просвѣщенія. Съ 7 марта 1835 г. Дондуковъ-Корсаковъ сталъ вице-президентомъ Академіи Наукъ. Черезъ него Уваровъ проводилъ свои мѣры цензурнаго утѣсненія Пушкина, какъ объ этомъ можно судить по жалобѣ последняго на цензурныя притѣсненія въ августѣ этого года и по письму его же къ Плетневу въ октябрѣ (у Саитова, III, 238, № 939). Какого взгляда на Дондукова былъ Пушкинъ, видно изъ тѣхъ же писемъ: онъ называетъ его паясомъ, кувыркающимся на полу (Письмо 26 апр. 1835 г. къ И. И. Дмитріеву у Саит., III, 196, № 902), быкомъ (письмо къ П. А. Плетневу, № 939); на то же указываетъ и извѣстная эпиграмма:

Въ Академіи наукъ
Засѣдаетъ Князь Дундукъ,

выразившая заразъ мнѣніе Пушкина и о Дондуковѣ-Корсаковѣ и ироническое отношеніе къ Академіи того времени (подробности см. въ Соч. П-а, изд. Брокгауза, VI 488—489; о самомъ Д.-Корсаковѣ въ частности см. Ж. М. Н. П. 1869 г. № 9—его некрологъ).

М. С.

Стр. 69 (35). Объ А. В. Никитенко, профессорѣ и цензорѣ, см. выше стр. 508. Первая встрѣча его съ Пушкинымъ произошла лѣтомъ 1827 г. у А. П. Кернъ. Свое впечатлѣніе отъ этой встрѣчи Никитенко занесъ въ дневникѣ 8 іюня: „Я просидѣлъ у ней до десяти часовъ вечера. Когда я уже прощался съ ней, пришелъ поэтъ Пушкинъ. Это человѣкъ небольшого роста, на первый взглядъ не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Если смотрѣть на его лицо, начиная съ подбородка, то тщетно будешь искать въ немъ, до самыхъ глазъ, выраженія поэтическаго дара. Но глаза непремѣнно остановятъ васъ: въ нихъ вы увидите лучи того огня, которымъ согрѣты его стихи—прекрасные, какъ букетъ свѣжихъ весенникъ розъ, звучные, полные силы и чувства. Объ обращеніи его и разговорѣ не могу ничего сказать, потому что скоро ушелъ“ („Записки и Дневникъ“. Изд. 2-е СПб., 1905. Т. I, стр. 168).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ другой разъ онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя характерныя черты физіономіи Пушкина, говоря о его портретѣ работы Кипренскаго: „вы тотчасъ признаете его проницательныя глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія“ (тамъ же, стр. 174). Нѣсколько разъ Никитенко встрѣчался съ Пушкинымъ у Плетнева. (тамъ же, стр. 219—220). Въ апрѣлѣ 1834 г. между ними произошло непріятное недоразумѣніе изъ-за того, что въ поэмѣ „Анджело“ Уваровъ вычеркнулъ нѣсколько стиховъ, а Пушкинъ приписалъ это цензуровавшему его Никитенку и разсердился на него. „Къ нему дошелъ его „Анджело“,—пишетъ Никитенко 11 апрѣля,—съ нѣсколькими урѣзанными министромъ стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платитъ ему за каждый стихъ по червонцу, слѣдовательно Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Смирдинъ все-таки заплатилъ ему и за точки!“ (стр. 241 — 242). 30-го мая Никитенко отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что наканунѣ онъ встрѣтился у Плетнева съ Пушкинымъ, который „почтилъ“ его „холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ“ (стр. 245). Испортившіяся по недоразумѣнію отношенія уже болѣе не налаживались: Пушкинъ сохранилъ до конца къ Никитенку недружелюбное чувство; „осленокъ Никитенко“—отозвался онъ о немъ въ письмѣ къ Плетневу (окт. 1835 г.), несмотря на то, что зналъ объ ихъ взаимныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, Никитенко чрезвычайно высоко цѣнившій Пушкина, какъ поэта, очень холодно и сдержанно отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ: осуждаетъ его высокомѣрную манеру держаться, отмѣчаетъ пренебрежительный, „аристократическій“ тонъ его отзывовъ о лицахъ, не принадлежащихъ къ его кругу (стр. 270), намекаетъ на корыстолюбіе Пушкина въ его отношеніяхъ къ Смирдину (стр. 242, 244). Когда Никитенку, въ январѣ 1836 г. предложили взять на себя цензурированіе Пушкинскаго „Современника“, онъ просилъ уволить его отъ этого, потому что „съ Пушкинымъ слишкомъ тяжело имѣть дѣло“ (стр. 271). Послѣдняя встрѣча его съ поэтомъ произошла за нѣсколько дней до дуэли, 21-го января 1837 г.; отзывъ Никитенко объ этой встрѣчѣ чрезвычайно характеренъ для его отношенія къ Пушкину, „Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ былъ Пушкинъ: онъ все еще на меня дуется. Онъ сдѣлался большимъ аристократомъ. Какъ обидно, что онъ такъ мало цѣнитъ себя, какъ человѣка и поэта, и стучится въ одинъ замкнутый кружокъ общества, тогда какъ

lib.pushkinskijdom.ru

могъ бы безраздѣльно царить надъ всѣмъ обществомъ. Онъ хочетъ прежде всего быть бариномъ, но вѣдь у насъ баринъ тотъ, у кого больше дохода. Къ нему такъ не идетъ этотъ жеманный тонъ, эта утонченная спѣсь въ обращеніи, которую завтра же можетъ безвозвратно сбить опала. А вѣдь онъ умный человѣкъ, помимо своего таланта. Онъ, напримѣръ, сегодня много говорилъ дѣльнаго и, между прочимъ, тонкаго о русскомъ языкѣ. Онъ сознавалъ также, что исторію Петра пока нельзя писать, то-есть ее не позволятъ печатать. Видно, что онъ много читалъ о Петрѣ" (стр. 282). Этимъ замѣчаніямъ Никитенко нельзя отказать въ вѣрности и наблюдательности; Никитенко сумѣлъ здѣсь подмѣтить двойственное отношеніе Пушкина къ свѣтскому обществу, создавшее для него то ненормальное и безвыходное положеніе, которое рано или поздно должно было привести его къ катастрофѣ. Дуэль и смерть Пушкина произвели на Никитенко очень сильное впечатлѣніе „Бѣдный Пушкинъ!—записываетъ онъ 28-го января. Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право гражданства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе! Тебѣ слѣдовало итти путемъ человѣчества, а не касты: сдѣлавшись членомъ послѣдней, ты уже не могъ не повиноваться законамъ ея. А ты былъ призванъ къ высшему служенію". Въ слѣдующіе дни онъ довольно подробно записываетъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ дуэли, о предсмертной болѣзни и о кончинѣ поэта,—вѣроятно, со словъ хорошо освѣдомленнаго Плетнева. Смерть Пушкина окончательно примирила съ нимъ Никитенко. „Пушкинъ умеръ хорошо",—такъ формулируетъ онъ свое впечатлѣніе (стр. 283—284).

Стр. 69 (36). Бируковъ, Александръ Степановичъ (1772—1844), цензоръ СПетербургскаго Цензурнаго Комитета, занимавшій эту должность съ 1821 г. по 1826 годъ и отличавшійся, подобно Красовскому, большой строгостью и придирчивостью. Къ нему обращены оба Посланія Пушкина къ Цензору (1822 и 1824 гг.); на него же направлена и эпиграмма:

Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ-ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ;
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

Пушкинъ писалъ впослѣдствіи, что „въ послѣднее пятилѣтіе Царст. покойн. Имп. вся литература сдѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову" (Переписка, III, стр. 356). Въ 1822 г.

lib.pushkinskijdom.ru

князь Вяземскій предлагалъ русскимъ литераторамъ выступить съ общимъ протестомъ противъ своеволія цензуры; отвѣчая на это предложеніе, Пушкинъ писалъ ему въ шутливомъ тонѣ: „Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ приемлется за бунтъ.—Не знаю подвержены-ли писатели военному суду, но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокойства“ (тамъ же, I, стр. 60). Однако, и самому Пушкину приходи́лось жаловаться на то, что „Бируковъ и Красовскій не втерпежъ глупы, своенравны и притѣснительны“, и что „скучно писать про себя—или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго“ (тамъ же стр. 117 и 136). Впрочемъ, встрѣчаются у Пушкина и другіе, болѣе благопріятные отзывы о Бируковѣ: такъ, ободренный пропускомъ 1-ой главы „Евгенія Онѣгина“, относительно судьбы которой онъ очень безпокоился, Пушкинъ писалъ брату Льву Сергѣевичу 15-го марта 1825 г. по поводу подготовляемаго имъ изданія своихъ стихотвореній: „Бируковъ человѣкъ просвѣщенный, кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно“ (тамъ же, стр. 193). Въ 1824 году Бируковъ даже попалъ подъ судъ за пропущенную имъ книгу Госнера; впрочемъ, дѣло это, тянувшееся до 1828 года, окончилось его полнымъ оправданіемъ. Однако, самъ А. С. Шишковъ былъ недоволенъ имъ и обвинялъ его въ излишней строгости и боязни, „соединенной съ неразумѣніемъ силы языка“ (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 521).

lib.pushkinskijdom.ru

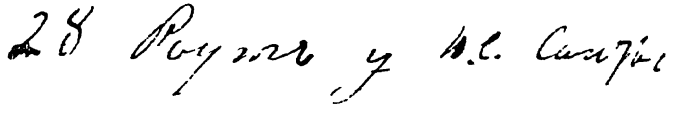
ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 4 (7—9 сверху). Графиня Дарья Ѳедоровна Фикельмонъ, жена австрійскаго посла, была урожденная гр. Тизенгаузенъ, а не Хитрово, какъ ошибочно сказано (см. примѣчаніе на стр. 102).

Къ стр. 29, прим. 33. Напечатано: „его жены"; слѣдуетъ: „къ его женѣ".

Къ стр. 32 (20 снизу). Напечатано: А. Н. Майковъ; слѣдуетъ: Л. Н. Майковъ.

Къ стр. 36 (1) „Роугъ у Салтыкова"—передъ С. у Пушкина какая то неясно написанная буква: не то В, не то И, не то Н. Несомнѣнно, однако, что Пушкинъ имѣлъ здѣсь въ виду Сергѣя Васильевича Салтыкова (см. о немъ примѣч., стр. 140—145).



Къ стр. 37 (14—23). Запись 30 ноября 1833 г. о недовольствѣ вел. князя Михаила Павловича найденными имъ въ гвардіи безпорядками вызвана была состоявшимся наканунѣ, 29-го ноября, приказомъ (№ 171) вел. князя по гвардейскому корпусу, коимъ онъ командовалъ; этимъ приказомъ объявлялся выговоръ командиру лейбъ-гвардіи Коннаго полка ген.-майору барону Мейендорфу и командиру гвардейской кирасирской дивизіи ген.-адъютанту графу Апраксину за обнаруженныя великимъ княземъ при ночномъ объѣздѣ „неисправности", заключавшіяся въ томъ, что дежурные по Конному полку офицеры были одѣты не по формѣ и во время дежурства ужинали и играли въ карты; за это вел. князь предлагалъ подвергнуть ихъ „примѣрному взысканію" (Рус. Архивъ, 1905, № 9, стр. 55—59). Записывая этотъ эпизодъ, Пушкинъ сопровождаетъ его замѣчаніями, показывающими, что онъ совершенно не сочувствовалъ духу мелочной придирчивости и чисто внѣшней

lib.pushkinskijdom.ru

дисциплины, который тогда господствовалъ въ высшихъ военныхъ кругахъ.

Къ стр. 38 (14). По поводу Будаковой, предполагаемой дочери Елизаветы Петровны, Б. Л. Модзалевскій, приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ Камеръ-фурьерскихъ журналовъ и Архива Мин. Имп. Двора о семьѣ Григорія Будакова, имя котораго нерѣдко встрѣчается въ этихъ источникахъ въ періодъ 1728—1766 гг.; самъ онъ былъ сперва мундшенкомъ, затѣмъ гофъ-юнкеромъ и камеръ-юнкеромъ; сыновья его, Алексѣй и Петръ—пажами, дочь Прасковья—фрейлиной; 11-го ноября 1761 г. она была обвѣнчана въ придворной церкви съ корнетомъ л.-гв. Коннаго полка бароном Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (1738—1771). „Появленіе камеръ-юнкера, пажей и фрейлины изъ никому не вѣдомаго рода Будаковыхъ, вѣнчаніе Прасковьи Будаковой при дворѣ съ представителемъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, приблизительный возрастъ Прасковьи Будаковой (родилась она, очевидно, около 1740 г.) и близость ко двору,—все это можетъ служить какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ передаваемаго Пушкинымъ сообщенія о существованіи у Елизаветы побочной дочери Будаковой, въ судьбѣ которой она и принимала дѣятельное участіе“ („Дневникъ Пушкина“. 1833—1835. Подъ ред. и съ объяснит. примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со статьею П. Е. Щеголева. Петроградъ—Москва, 1923. Стр. 249).

Къ стр. 39 (8). „Ст“.—слѣдуетъ читать „См.“ (вѣроятно, Смирнова); начертаніе *т.*, напоминающее *м*, неоднократно встрѣчается у Пушкина.

Къ стр. 40 (17—19). „Нѣмецкій amateur ученикъ Тиковъ читалъ „Фауста“.—Людвигъ Тикъ (1773—1853), одинъ изъ главныхъ и типичныхъ представителей нѣмецкаго романтизма. Пушкинъ нигдѣ не упоминаетъ о немъ, только въ письмѣ къ Погодину отъ 11 іюля 1832 года онъ проситъ передать А. А. Шишкову его благодарность за присланное послѣднимъ изданіе: „Избранный нѣмецкій театръ“: „Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната“ (Переписка, II, стр. 386). „Фортунатъ“—драматическая сказка Тика, помѣщенная Шишковымъ въ 3-й части своего изданія.—Что касается до „нѣмецкаго amateur'а“, читавшаго „Фауста“ на вечерѣ у Жуковскаго, то о немъ можно высказаться лишь предположительно. 17-го января 1841 года Плетневъ пишетъ своему постоянному корреспонденту Гроту, разсказывая о литературно-музыкальномъ вечерѣ у графа В. А. Сологуба: „Прежде му-

lib.pushkinskijdom.ru

зыки—извѣстный нѣмецкій декламаторъ Кизеветеръ (котораго я слыхалъ у Наслѣдника еще лѣтъ за семь) декламировалъ подъ аккорды піано сцены изъ Фауста" (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. СПб. 1896. Т. I, стр. 208). Не есть ли этотъ Кизеветеръ тотъ самый „нѣмецкій amateur", котораго слышалъ и Пушкинъ у Жуковскаго въ декабрѣ 1833 года? Во всякомъ случаѣ хронологическое указаніе, данное Плетневымъ („лѣтъ за семь"), не противорѣчитъ, а скорѣе подтверждаетъ такое предположеніе, точно также какъ и другое указаніе: Плетневъ слушалъ чтеніе Кизеветера „у Наслѣдника," которому могъ представить нѣмецкаго чтеца, именно, Жуковскій, въ качествѣ его воспитателя. Впрочемъ, какихъ-либо болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ Кизеветерѣ найти намъ не удалось.

Къ стр. 43 (*прим.*) Напечатано С. В. Трубецкой; слѣдуетъ В. С. Трубецкой; см. примѣчанія, стр. 255.

Къ стр. 44 (*24 и сл.*) По поводу отмѣченныхъ Пушкинымъ городскихъ толковъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В., Б. Л. Модзалевскій, на основаніи указанія Ефремовскаго списка Анненковской копіи Пушкинскаго дневника, принадлежащаго нынѣ Пушкинскому дому, и другихъ соображеній, высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ лицѣ „молодой княгини С" Пушкинъ имѣлъ въ виду княгиню Любовь Васильевну Суворову (1811—1867), урожд. Ярцеву, бывшую фрейлину имп. Александры Ѳеодоровны, вышедшую 12 ноября 1830 года замужъ за князя Александра Аркадьевича Суворова-Рымникскаго, внука генералиссимуса, полковника Фанагорійскаго гренадерскаго имени его дѣда полка. Б. Л. Модзалевскій ставитъ эту запись въ связь съ записью 16-го апрѣля: „Сув... брюхата: и кажется не во время", въ которой, однако, фамилія выписана очень неразборчиво, почему мы и приводимъ это мѣсто дневника въ снимкѣ факсимиле:

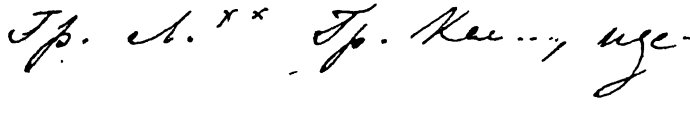
Что же касается до „графа В.", то по указанію того же источника, подъ этимъ иниціаломъ подразумѣвается графъ Левъ Петровичъ Витгенштейнъ (1799—1866), сынъ фельдмаршала графа (впослѣдствіи князя) Петра Христіановича Витгенштейна, героя Отечественной войны; замѣшанный въ дѣлѣ декабристовъ, молодой Витгенштейнъ принужденъ былъ прервать свою карьеру и оставить

lib.pushkinskijdom.ru

военную службу съ чиномъ полковника. Въ апрѣлѣ 1828 года онъ женился на княжнѣ С. Д. Радзивиллъ, но уже въ іюлѣ 1832 года овдовѣлъ съ тѣхъ поръ онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ имѣніи отца—Каменкѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губ. 23 октября 1834 года онъ снова женился на фрейлинѣ княжнѣ Леонилѣ Ивановнѣ Барятинской (род. въ 1816 году) и поселился въ Каменкѣ.—Неясной остается, однако, личность К-вой, золовки княгини С., о которой упоминаетъ Пушкинъ; у князя А. А. Суворова было только двѣ сестры: княгиня Голицына и Башмакова, по 2-му браку княгиня Горчакова („Дневникъ Пушкина". 1833—1835. Подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. Стр. 93—93 и 161).

Къ стр. 49 (23). „Сѣверная Пчела"—газета политическая и литературная, основанная въ 1825 году Ѳ. В. Булгаринымъ; выходила первоначально три раза въ недѣлю, а съ 1831 г. ежедневно. Единственная изъ всѣхъ частныхъ изданій, „Сѣв. Пчела" имѣла монополію политическихъ извѣстій и потому имѣла значительное распространеніе, но не пользовалась уваженіемъ среди наиболѣе образованной части общества. Объ отношеніи „Сѣв. Пчелы" къ Пушкину см. статью Столпянскаго въ сборникѣ: „Пушкинъ и его современники", вып. XIX—XX и XXIII—XXIV.

К стр. 50 (24). „Вся семья графа Л.** Гр. Кис... идеализированная ее мать"—Гр. Кис... можно прочесть также Кас... и Кел.. Повидимому, здѣсь имѣется въ виду графиня Александра Ивановна Коссаковская, урожд. графиня Лаваль (см. выше, стр. 369; срав. также прим. Б. Л. Модзалевскаго въ его изданіи „Дневника" Пушкина, стр. 134).



Къ стр. 50 (28). „Шереметевъ". —Благодаря камеръ-фурьерскому журналу имп. Александры Ѳедоровны, Б. Л. Модзалевскому удалось выяснить это лицо. Это—Василій Александровичъ Шереметьевъ (1795—1862), Орловскій губернскій предводитель дворянства, въ 1834 г. пожалованный въ камергеры и, вѣроятно, являвшійся благодарить за пожалованіе. Впослѣдствіи онъ былъ послѣдовательно Харьковскимъ, Черниговскимъ и Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а съ іюня 1843 по мартъ 1847 г.—товарищемъ министра юстиціи, при графѣ В. Н. Панинѣ, членомъ Комиссіи прошеній, почетнымъ опекуномъ, и наконецъ съ 30-го августа

lib.pushkinskijdom.ru

1856 г. членомъ Государственнаго Совѣта. Въ молодости онъ служилъ въ л.-гв. Гусарскомъ полку, стоявшемъ въ Царскомъ Селѣ; возможно, что Пушкинъ, бывшій въ то время близкимъ къ кружку младшихъ офицеровъ полка (Н. Н. Раевскій, П. Я. Чаадаевъ, П. П. Каверинъ и др.), былъ знакомъ и съ Шереметьевымъ, хотя онъ нигдѣ о немъ не упоминаетъ („Дневникъ Пушкина", 1833—1835. Подъ редакціей и съ объяснит. примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Стр. 137).

Къ стр. 50 (29). „Болховской"—въ комментаріи (стр. 370—372) ошибочно отождествленъ съ Дмитріемъ Николаевичемъ Бологовскимъ, Кишиневскимъ знакомымъ Пушкина, о которомъ онъ упоминаетъ въ записи дневника отъ 3 іюня 1834 г., называя его здѣсь, не совсѣмъ точно, тѣмъ же именемъ: „генералъ Болховской" (стр. 59). Б. Л. Модзалевскій, имѣвшій возможность пользоваться камеръ-фурьерскимъ журналомъ имп. Александры Ѳеодоровны, выяснилъ, что въ первомъ случаѣ Пушкинъ имѣлъ въ виду статскаго совѣтника Якова Дмитріевича Бологовскаго (1798—1851) служившаго въ молодости въ Преображенскомъ полку и участвовавшаго въ Персидской войнѣ; въ 1828 г. онъ вышелъ въ отставку, а съ 1830 г. поступилъ на штатскую службу начальникомъ Одесскаго Таможеннаго Округа. Впослѣдствіи онъ былъ вице-директоромъ Департамента Внѣшней торговли, а затѣмъ (1837—1842) губернаторомъ въ Твери, гдѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память („Дневникъ Пушкина. 1833—1835." Подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. Стр. 137—138).

Къ стр. 52 (5). Пулавскій—дѣятель польской революціи 1830—31 г., ксендзъ, примкнувшій къ радикальной демократической партіи, во главѣ которой стоялъ Лелевель, членъ Варшавскаго „Патріотическаго клуба", опиравшагося на низшіе слои населенія и боровшагося съ вліяніемъ аристократической партіи. Онъ участвовалъ въ народномъ движеніи 15-го августа, направленномъ противъ временнаго правительства и имѣвшемъ цѣлью захватъ власти въ руки якобински настроеннаго Патріотическаго клуба (Th. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band III. Berlin, 1913. S. 116, 128, 130—131).

Стр. 56 (7). Хвостовъ, Димитрій Ивановичъ, графъ (1757—1835) учился сперва въ одномъ изъ Московскихъ пенсіоновъ (Литке), затѣмъ нѣкоторое время въ Московскомъ университетѣ, наконецъ дома, записанъ былъ въ Преображенскій полкъ (1772), вскорѣ перешелъ на гражданскую службу, въ 1789 г. женился на Агра-

lib.pushkinskijdom.ru

фенѣ Ивановнѣ Горчаковой, племянницѣ Суворова, который поэтому ему протежировалъ, проведя его въ камеръ-юнкеры и доставилъ ему (1799) графскій титулъ; кончилъ свою службу Хвостовъ въ важныхъ чинахъ, членомъ Государственнаго Совѣта (Н. И. Гречъ, Опытъ краткой исторіи русской литературы (1822), автобіографич. свѣдѣнія, стр, 212—213).

Извѣстенъ же Д. И. Хвостовъ болѣе, какъ писатель съ совершенно исключительной по характеру репутаціей; отсталый, упорный поклонникъ французско-классической школы XVIII в., онъ, не имѣя поэтическаго дарованія, одержимъ былъ метроманіей, писалъ неустанно оды по всякимъ поводамъ посланія, басни (первыя его произведенія относятся къ 1774 году); при всемъ своемъ добродушіи и незлобивости, онъ глубоко былъ убѣжденъ въ своемъ выходящемъ изъ ряда обычныхъ талантѣ, настойчиво и наивно считалъ себя большимъ поэтомъ, усердно заботился по своему о своей славѣ поэта: на собственный счетъ (за неимѣніемъ издателей) печаталъ свои многочисленныя произведенія (такъ, первое изданіе ихъ въ 4-хъ томахъ вышло въ 1817 г., затѣмъ въ 1821—24, въ 5 уже томахъ въ 1827, въ шести 1828—29 гг., сверхъ того выходили и отдѣльныя его произведенія), разсылалъ, дарилъ ихъ направо-налѣво, первому встрѣчному, даже станціоннымъ смотрителямъ при проѣздѣ въ свою деревню; заботясь о расширеніи своей славы, заказывалъ переводы своихъ твореній на иностранные языки, посылалъ за границу (напр. Вильмену и Гете, послѣднему при письмѣ; см. Русск. Стар. 1892, VI, 584). И этой, дорогой для него, славы онъ достигъ..... Онъ сталъ „притчей во языцѣхъ“ среди людей причастныхъ къ литературѣ, своего рода Третьяковскимъ начала XIX в., мишенью для эпиграммъ, насмѣшекъ и даже довольно рѣзкихъ и дерзкихъ выходокъ (каково, напр., Д. Дашкова; о ней см. Н. С. Тихонравовъ, Собр. соч. III, 2, стр. 139—146, ср. ниже). Принадлежа къ старому поколѣнію писателей, онъ такъ и остался старовѣромъ по отношенію къ современнымъ теченіямъ литературы; около него группировались такіе же литературные старовѣры, въ родѣ С. А. Ширинскаго-Шихматова (1783—1837), С. С. Боброва (1760—1810), самъ онъ примыкалъ къ Шишковской „бесѣдѣ“. Все это еще болѣе подзадаривало младшее поколѣніе къ издѣвательству надъ Хвостовымъ. Даже старикъ Державинъ не устоялъ противъ искушенія написать на Хвостова эпиграмму, когда этотъ въ 1797 г. выступилъ съ своей одой „Богъ“ (стало обыть, 13 лѣтъ спустя послѣ знаменитой Державинской): онъ наз-

lib.pushkinskijdom.ru

валъ его „Самохваломъ“ и заявилъ, что Хвостовъ „быть бы гдѣ главѣ, намаливалъ тугъ .....хвостъ“ (Соч. Державина, акад. изд. III, 1865, 618; ср. тамъ же, стр. 413, 500 прим.). Добродушный, мягкій В. А. Жуковскій и тотъ не могъ удержаться, чтобы не пройтись по адресу Хвостова, назвавъ его въ своей шуткѣ „Плачъ о Пиндалѣ“—„Пестовымъ, неумолимымъ палачемъ стиховъ“ (1814 г.; см. Соч. Жуковскаго, подъ ред. А. С. Архангельскаго, II (СПб. 1902, 82); рядомъ съ нимъ и К. Н. Батюшковъ обращается къ Хвостову съ такими словами:

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый!
Стихи твои какъ барабанъ,
Для слуха нестерпимы.

(1813 г. „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славенороссовъ“—Соч. Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, I, 172; ср. тамъ же, стр. 283, 354). Конечно ужъ, не прошли мимо Хвостова А. О. Воейковъ, по обыкновенію рѣзко и грубо облаявшій бѣднаго стихотворца (въ „Домѣ сумасшедшихъ“—1814 г., „Парнасскомъ адресъ-календарѣ—1820 г.) и московскій остроумникъ А. Писаревъ („Пѣвецъ на бивакѣ“ Русск. Стар. 1892, VII, 85). Поэтому неудивительно, что басни Хвостова, по словамъ П. А. Вяземскаго, „были настольной и потѣшной книгой въ Арзамасѣ“ (Руск. Арх., 1866, стр. 473).

Конечно, и Пушкинъ въ числѣ другихъ не могъ остаться равнодушенъ къ „Хвостовщинѣ“ (выраженіе П. А. Вяземскаго Остаф. Арх., III, 124, 310) и ея творцу. Еще лицеистомъ онъ вспоминаетъ о томъ, что

Творенья громкія Риѳматова, Графова
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать.

(1814 г. „Къ другу стихотворцу“ Соч. Пушкина, акад. изд. I, 16): Риѳматовъ—С. А. Ширинскій-Шихматовъ, Графовъ—Хвостовъ, Бибрусъ—С. С. Бобровъ). Въ другомъ стихотвореніи того же года.

Скажи, по милости, Графону,
Ползкомъ ползущу къ Галикону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки

(„Къ Батюшкову“, тамъ же I, 52; ср. 91, 148, 163, 164, стих. 1816 г.) И позднѣе все въ томъ же родѣ вспоминается Пушкину Хвостовъ: къ 1825 г. относится извѣстная его „Ода его Сіятельству графу

lib.pushkinskijdom.ru

Хвостову" („Султанъ ярится".....)—зло-шутливая пародія на одописцевъ (Соч. Пушкина, акад. изд. IV, 23-25), „Посланіе Вяземскому" (тамъ же, стр. 145), гдѣ поэтъ вспоминаетъ Хвостова „отца *зубатыхъ* голубей"—шутка ходившая въ „Арзамасѣ" по поводу басни Хвостова: „Два голубя"; см. тамъ же, примѣч., стр, 28; ср. стр. 186—187). Даже въ „Мѣдномъ Всадникѣ" (1833) не обошлось безъ шутки по адресу Хвостова: когда послѣ наводненія жизнь стала входить въ обычное русло:

.....Графъ Хвостовъ,
Поэтъ любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ

Соч. Пушкина, изд. Лит. фонда, III, 569; имѣется въ виду „Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя", помѣщенное Хвостовымъ въ „Невскомъ альманахѣ" 1825 г.)

Всѣ эти шутки и насмѣшки, если и задѣвали Хвостова, то во всякомъ случаѣ не оказывали большого вліянія на упрямаго и вѣрящаго въ свое дарованіе стихотворца: глубоко убѣжденный въ своихъ правахъ на славу не только среди современниковъ, но и отдаленнаго потомства (ср. Н. И. Греча, ‹Опытъ....., стр. 213, въ концѣ статьи), онъ объяснялъ эти нападки „злобой и завистью" собратій по литературѣ (ср. Русс. Стар. 1892, VI. 576), упорно продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ духѣ.

Не смотря на такія отношенія къ современной литературѣ вообще, Хвостовъ по временамъ способенъ былъ проявлять и положительное къ ней и ея носителямъ отношеніе, разумѣется истолковывая явленія этой литературы сообразно своему непониманію; если онъ, съ одной стороны, легко поддавался лести къ которой иногда прибѣгали нуждавшіеся въ его помощи, съ другой онъ и самъ могъ заявлять о своихъ симпатіяхъ лицамъ проявлявшимъ, какъ ему казалось, сходное съ его настроеніемъ мыслей (консервативно-патріотическое). На этой почвѣ проявились и его непосредственныя отношенія къ Пушкину. Когда въ 1831 г., вышло въ свѣтъ извѣстное стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи" оно какъ извѣстно, возбудило по отношенію къ его автору двоякое отношеніе: одни, преимущественно консервативные люди, одобряли поведеніе Пушкина, видя въ немъ проявленіе его патріотизма (Уваровъ, напр., въ общемъ не благоволившій къ Пушкину, даже перевелъ это стихотвореніе на французскій языкъ), другіе, люди прогрессивнаго лагеря (напр., П. А. Вяземскій) его осуждали. Д. И. Хво-

lib.pushkinskijdom.ru

стовъ, самъ писавшій на ту же тему (СПб. 1831) счелъ долгомъ взять Пушкина подъ свою защиту: онъ написалъ ему „Посланіе“ (ст. В. В. Каллашъ: Русскіе поэты о Пушкинѣ. М. 1899, стр. 301) и письмо, съ выраженіемъ сочувствія дарованія поэта, съ жалобой на тщетность своихъ усилій обратить на путь истины „развращенныя сердца завистливыхъ крамольниковъ“ и убѣжденіемъ къ Пушкину „воспѣвать богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени“ (Переписка Пушкина, у Саитова, II, 339—340, № 631; ср. И. А. Шляпкинъ „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“. СПб. 1903, стр. 153). Пушкинъ, повидимому, не торопился отвѣчать на это заявленіе ему сочувствія; это вызвало дальнѣйшій шагъ со стороны Хвостова: онъ пишетъ новые посланіе: „Соловей въ Таврическом саду“, которое заканчиваетъ словами:

Любитель музъ, съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей,
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ—Соловей.

(1832 г.—В. В. Каллашъ, ук. изд., стр. 304; Пушкинъ тогда жилъ на Фурштадской, близь Таврическаго сада) Это стихотвореніе было положено на музыку: Хвостовъ его съ нотами послалъ Пушкину на имя Н. Н. Пушкиной; тогда тотъ отвѣчалъ любезно-свѣтскимъ письмомъ (Саит. II, 386—387, № 683, лѣто 1832 г.), благодаря отъ имени жены за любезность и отъ себя за двукратный подарокъ и обѣщаетъ пріѣхать съ женой къ „нашему славному и любезному патріарху“; повидимому, на этомъ отношеніи и кончилось, не измѣнивъ взглядовъ Пушкинъ на Хвостова, такъ какъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ опять прошелся на счетъ Хвостова.

М. С.

Къ стр. 57 (16—17). „Интрига, достойная Видока и Булгарина“.—Видокъ (Vidocq, 1775—1857), извѣстный искатель приключеній; юношей онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, служилъ солдатомъ во французскихъ и австрійскихъ войскахъ, дезертировалъ, занимался воровствомъ и подлогами, за что и попалъ въ каторжную тюрьму, откуда дважды бѣжалъ; въ 1809 г. предложилъ свои услуги полиціи и, благодаря своему большому опыту, пріобрѣтенному въ уголовномъ мірѣ, быстро выдвинулся и былъ назначенъ начальникомъ Парижской сыскной полиціи; въ 1827 г. онъ вышелъ въ отставку, а въ 1828—29 гг. издалъ свои „Записки“, въ 4-хъ томахъ („Mémoires de Vidocq, chef de police de sûreté“). Пушкинъ

lib.pushkinskijdom.ru

воспользовался этими Записками для того, чтобы въ посвященной имъ замѣткѣ въ „Литерат. Газетѣ“ (6-го апреля 1830 г., № 20) въ прозрачной формѣ охарактеризовать, подъ видомъ Видока, своего литературного противника Булгарина. Срав. также эпиграмму: „Не то бѣда, что ты полякъ...“ и „Мою родословную“ (1830), въ которыхъ Видокъ-Фигляринъ представляетъ собой прозрачный псевдонимъ Фаддея Булгарина. О Булгаринѣ см. выше, стр. 300—308.

Къ стр. 102 (*стр. 10 сверху*). Напечатано: Н. Ф. Дурново—слѣдуетъ: Н. Ѳ. Хитрово.

Къ стр. 105 (*стр. 11 сверху*). Напечатано: Заблудовскій—слѣдуетъ: Заблоцкій.

Къ стр. 134 (*стр. 11 св.*). Напечатано: мая,—слѣдуетъ: 2-го мая.

Къ стр. 150 (*стр. 7 св.*). Напечатано не,—слѣдуетъ: но.

Къ стр. 151 (*21—22 св.*). Не „генералъ-губернаторъ“, какъ ошибочно напечатано, а „генералъ-адъютантъ“ графъ Чернышевъ, военный министръ.

Къ стр. 297 (*17 сн.*). Напечатано: состроилъ,—слѣдуетъ—сострилъ.

Къ стр. 297 (*14 св.*). Напечатано: 1997,—слѣдуетъ: 1897.

Къ стр. 314 (*14 сн.*). Напечатано: *С. М.*,—слѣдуетъ: *М. С.*

Къ стр. 317 (*5 сн.*). Напечатано: чувствуетъ,—слѣдуетъ: чувствуется.

Къ стр. 344 (*стр. 21 св.*). Напечатано: Д. И. Свербеевъ,—слѣдует: Д. Н. Свербеевъ.

Къ стр. 344 (*стр. 2 сн.*). См. „Эпиграммы и экспромпты“ С. А. Соболевскаго М. 1912, стр. 68.

Къ стр. 350 (*стр. 11 св.*). Напечатано: Клеймихель,—слѣдуетъ Клейнмихель.

Къ стр. 369 (*стр. 17 св.*). Напечатано К. Ѳ. Ламбертъ,—слѣдуетъ: К. О. Ламбертъ.

Къ стр. 409 (*6 св.*). Напечатано: А. Я. Булгакова,—слѣдуетъ: А. Я. Булгаковъ.

Къ стр. 432 (*16 св.*). Напечатано: Д. М. Деларю,—слѣдуетъ: М. Д. Деларю.

Къ стр. 437 (*10 св.*). Напечатано: Н. П. Брусянинъ,—слѣдуетъ: Н. П. Брусиловъ.

Къ стр. 461 (*стр. 18 св.*). Напечатано: математической,—слѣдуетъ: систематической.

lib.pushkinskijdom.ru

УКАЗАТЕЛЬ.

Въ указателѣ даются имена лицъ, встрѣчающихся въ книгѣ, а также названія произведеній Пушкина, упоминаемых въ ней. Кромѣ того, приводятся изъ текста «Дневника» наиболѣе важныя предметныя данныя. Жирная цифра указывает на мѣсто въ комментаріи, спеціально посвященное данному слову (Hauptstelle). Цифра въ скобкахъ означаетъ строку въ текстѣ «Дневника».

А. Б. См. Безсоновъ.
Абдулъ-Меджидъ, султанъ—447.
Адарюковъ, Владимиръ Яковлевичъ—527.
Адеркасъ, баронъ Борисъ Александровичъ—89, 92.
Академія Наукъ—69.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—286. 287. 337.
Аксаковъ, Сергѣй Тимофееевичъ—287.
Александра Ѳеодоровна, императрица—25. 39—44. 50 (26, 27, 30). 51. 54 (9, 13). 64 (9, 11), 74—76. 97. 195. 198. **231—232.** 243. 274. 283. 288. 368. 370. 378. 405. 408. 421. 463. 464. 545—547.
Александровская колонна—37. 57. 62. **168. 478.**
Александръ Александровичъ, вел. князь,—521.
Александръ Николаевичъ, вел. князь, позднѣе императоръ—6. 24. 25. 47. 54. (6, 10). 55 (4, 21, 25). 57 (2, 20). 68. 76. 77. 197. 235. 288. 300. 328. 389. 349. 381. 405. 414, **417.** 418. 420. 421. 429. 431. 446. 449. 456. 531—533. 545.
Александръ I Павловичъ, императоръ—10. 18. 19. 25. 26. 31. 32. 35. 37. 41. 46 (3, 4, 12, 14). 47. 49. 57. 58 (17, 26). 61 (24, 29, 33, 34). 62. 64. 75. 77. 78. 86. 89. 105. 106. 113. 140. 143. 144. 146. 161. 162. 168. 184. 189. 192. 193. 199. 200. 205. 216. 221—229. 233. 234. 244—247. 253. 255. 266. 275. 291—294. 296—299. 315. 347. 348. 351. 354. 358. 359. 371. 385. 387. 389. 425. 427. 431. 434. 437—443. 445. 452. 453. 455. 458. 462. 463. 477. 478. 483. 484. 494. 497. 498. 520. 521. 525. 530. 531. 535. 541.
«Александръ Радищевъ» (статья Пушкина)—194.
Алябьева, А. В.—406.
Амалія, маркграфиня—293.
Аммосовъ, А.—257.
Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ—513.
Ангальтъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ—435.
«Ангелъ» (стих.)—394
Англійскій клубъ—48 **352—354.**
«Анджело» (поэма)—361 512. 540.
«Андрей Шенье» (стих.)—205. 403.
Аничковъ дворецъ—41. 43. 63. 64. (2. 7.). **241—242.**
Анна Михайловна, вел. княжна—524.
Анна Павловна, вел. княжна—159.
Анненковъ, Иванъ Васильевичъ—14.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ—3. 4. 7—9. 11—15. 24. 26—29. 31. 32. 86. 93. 94. 133. 316. 387. 437. 462. 529. 545.
Анстедтъ, баронъ Иванъ Осиповичъ—228.

lib.pushkinskijdom.ru

«Анчаръ» (стих.)—220. 467.
Апраксина, графиня. См. княг. Долгорукая.
Апраксинъ, графъ—543.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ—17. 25—26. 46 (12, 17). 49. 55. 57 (23, 30). 76. 77. 109. 148—150. 223. 246. 297. **298—300. 355. 418—419.** 420. **434.** 511. 526.
Арапова, Александра Петровна, ур. Ланская—290. 378. 397. 412. 414. 524.
«Арапъ Петра Великаго» (повѣсть)—504 528.
Аргамаковъ, поручикъ—267.
Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ—25. 61. 63. **476.**
Арзамасъ и арзамасцы—83. 84. 117. 121. 126. 145. 237. 249. 274. 358. 359. 428. 436. 518. 536. 549. 550.
Арина Родіоновна (няня Пушкина)—88. 94.
Арнольдъ, Юрій Карловичъ—273. 276—277. 279. 282—283. 340. 342.
Аритъ, Николай Ѳедоровичъ. См. Арендтъ.
Арсеньевъ, А. В.—253.
Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ—324.
Арсеньевъ, Юрій Васильевичъ—502.
Артемьевъ—385.
Архангельскій—Александръ Семеновичъ—549.
Ахметъ-паша—36. **147—148.**

Бажановъ, Василій Борисовичъ—534. 535.
Базаровъ, Іоаннъ Іоанновичъ—328.
Байронъ—86. 129. 208 387. 397. 504. 523 538.
Бакунинская, В. И.—354.
Бакунинъ, И. М.—375.
Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ—201. 370.
Балашовъ, И.—28.
Балугьянскій, Михаилъ Андреевичъ—246.
Балы на масляницѣ — 44. **267.**
Bamberg, F.—454.
Бантышъ Каменскій, Дмитрій Николаевичъ—354.
Барантъ. баронъ Амабль-Гильомъ—102.
Баратынская, Анастасія Львовна—213.
Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ—128. 139. 213. 336. 368. 520.
Барклай де Толли, князь Михаилъ Богдановичъ—227. 371. 453.
Барковъ, Иванъ Семеновичъ—214.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ—189. 190. 194. 228. 250. 311. 313. 314. 336.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ—3. 5—7. 9. 24. 27. 29—31. 84. 103. 115. 120. 136. 137. 140. 207. 210. 231. 257. 269—271. 288. 290. 292. 342. 393. 461. 462. 500. 531.
Барятинская, княжна Екатерина Ѳедоровна. См. Долгорукая.
Барятинская, княжна Леонила Ивановна. См. гр. Витгенштейнъ.
Барятинскій—405.
Барятинскій — князь Александръ Ивановичъ—253.
Барятинскій, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ—405.
Басаргинъ, Николай Васильевичъ—454. 456.
Батенковъ, Гавріилъ Степановичъ—204.
Батуринъ, майоръ—275.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ—121. 130. 271. 324. 358. 427. 428. 515. 519. 549.
Бахтѣева, Марѳа Филипповна—194.
«Бахчисарайскій фонтанъ» (поэма)—120. 129.
Башмакова, Варвара Аркадьевна, ур. кн. Суворова—546.
Башуцкій, Александръ Даниловичъ—525.
Безбородко, князь Александръ Андреевичъ—221. 477.
Безобразова, Александра Сергѣевна—244.
Безобразова, Любовь Александровна, ур. кн. Хилкова—41—43. 48. **243—244.** 411.
Безобразовъ (помѣщикъ)—486.
Безобразовъ, Сергѣй Дмитріевичъ—41 (7, 12). 42. 43. 240. **243—244.** 411. 416. 470.
Безобразовы—24. 27. 42. 75. 243.
Безсоновъ, А.—176.
Бейль, Пьеръ—187.
Белизаръ, книгопродавецъ—142. 145.
Бемъ, Яковъ—495.
Бемы, братья—141.
Бенигсенъ гр. Леонтій Леонтьевичъ—477.
Бенкендорфъ графиня Доротея Христофоровна. См. княг. Ливенъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ—14. 25. 28. 31. 39. 45. 55. 74. 92. 97. 114. 134. 138. 146. 205. **216—220.** 221. 245. 254. 259. 261—265. 267. 280. 298. 303. 350. 351. 355—358. 360. 362. 391. 417. 432. 466. 467. 470. 473—475. 478. 486. 491. 504. 509. 528.

Бергъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ—376.

де-Берри, герцогиня. См. Каролина-Фердинанда-Луиза, герцогиня Беррійская.

«Bertrand et Raton» (комедія Скриба.)—68. **529—530.**

Бертье-Делагардъ, А. Л.—383.

Бестужевъ Александръ Александровичъ—87. 121. 131. 304. 332. 389. 453.

Бестужевъ-Рюминъ Константинъ Николаевичъ—119.

Бетховенъ—278.

Бехтѣевъ, Александръ Алексѣевичъ—401.

Бибиковъ, Александръ Илычъ—266.

«Библіотека для чтенія» (журналъ)—49.

Биронъ, принцесса Луиза Карловна См. гр. Віельгорская.

Бируковъ, Александръ Степановичъ—69. 451. 452. **541—542.**

Благово, Дмитрій Дмитріевичъ—365.

Блай—22. 37 (4, 4, 7). 39. 59. 74. **159.** 444—446.

Бломе, графъ Отто. См. Блумъ.

Блудова, графиня Антонина Дмитріевна—160. 397. 398.

Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ—40. 50. 55 (9, 12). 112. 114. 134. 143. 182. **234—237.** 249. 337. 359. 362. 428. 436.

Блумъ, графъ Отто—68. **530—531.**

Бобринская, графиня Анна Владимировна, ур. баронесса Унгернъ-Штернбергъ—43. 64. 211. **255—256.** 498.

Бобринская, графиня Софья Александровна—294.

Бобринскій, графъ Алексѣй Алексѣевичъ—22. 24. 25. 39. 42. 44. 64. 68. 74. 75. **210—211.**

Бобринскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ—211. 255.

Бобровъ, Семенъ Сергѣевичъ—548. 549.

Богуславскій, мемуаристъ—167. 233.

Божеряновъ, Иванъ Николаевичъ—425. 478.

Болдино (имѣніе)—62. **484—486.**

Бологовскій, Дмитрій Николаевичъ—59. 60. 77. **370—372.** 385. 547.

Бологовскій, Яковъ Дмитріевичъ—50. 51 (9, 16). **547.**

Болховской. См. Д. Н. Бологовскій и Я. Д. Бологовскій.

Бонапартъ. См. Наполеонъ I.

«Борисъ Годуновъ» (трагедія)—83. 92. 128. 138. 176. 177. 219. 262. 263. 265. 336. 342. 343. 504. 513.

«Бородинская годовщина» (стих.)—94. 430. 500.

Борхъ, графиня Софья Ивановна, ур. Лаваль—430.

Борхъ, графъ Александръ Михайловичъ—430.

фон-Брадке, Егоръ Ѳедоровичъ—457.

Bradford, W.—191.

Брайловскій, Сергѣй Николаевичъ—499.

Браницкая, граф. Елизавета Ксаверіевна. См. Воронцова.

Брей, графъ О.—521.

Брикнеръ, Александръ Густавовичъ — 441. 442.

Фонъ-деръ-Бринкенъ, Рихардъ—36 (12, 13). 51. 56. 74. **150—151.**

Брокгаузъ (издатель словаря)—318.

Броневскій, Владимиръ Богдановичъ—537.

Брунновъ, баронъ Филиппъ Ивановичъ—50. 355. 356. **362—363.**

Брусиловъ, Николай Петровичъ—307. 437. 552.

Брызгаловъ, Иванъ Семеновичъ—68. **526—528.**

Брюлловъ, Александръ Павловичъ—421. 422.

Брюлловъ, Карлъ Павловичъ—334. 335. 525.

Брюновъ. См. Брунновъ.

Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ—31. 170. 221. 480. 499.

Брюсъ, графъ Яковъ Александровичъ—493.

Брянская, Анна Матвѣевна—330.

Буало—128. 242. 428—429.

Будакова, Прасковья Григорьевна—38. 74. **194—195. 544.**

Будаковъ, Алексѣй Григорьевичъ—544.

Будаковъ, Григорій—544.

Будаковъ, Петръ Григорьевичъ—544.

lib.pushkinskijdom.ru

Будбергъ, баронъ—292. 294. 296.
«Будрысъ» (стих.)—501.
Булгакова, Наталья Васильевна, ур. кн. Хованская—488.
Булгакова, Ольга Александровна. См. кн. Долгорукова.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ—63. 140. 147. 150. 238 291 292. 396. 401. 405. 421. **431—434.** 436. 462. 476. 478. 482. 486. 487. **488—489.** 490. 552.
Булгаковъ, Константинъ Александровичъ—165. 166.
Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ—111. 147. 150. 329. 396. 401. 402. 405. 421. 432. 462. 476. 478. 487. 488. 496.
Булгаковъ, Яковъ Ивановичъ—488.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ—46. 57. 115. 131—134. 155. 231. 239. **300—308.** 310. 313. 317. 332. 340. 358. 425. 456. 466. 467. 503. 504. 546. 551. 552.
Буличъ, Сергѣй Константиновичъ—273.
Буркенстафъ—530.
Бурнашевъ, Владиміръ Петровичъ—527.
Бурцевъ—518.
Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ—454.
Бутера, княг. Варвара Петровна. См. граф. Полье.
ди-Бутера, князь. См. Вильдингъ.
Бутервегъ, Фридрихъ—322.
Бутовскій, Иванъ Григорьевичъ—478.
Бутурлина, граф. Елизавета Михайловна, ур. Комбурлей—161. 242.
Бутурлинъ, графъ Дмитрій Петровичъ—22. 37 (6, 11). 62. 74. 78. **160—162.** 374.
Бутурлинъ, графъ Михаилъ Дмитріевичъ—164. 258. 267. 487. 521.
Бухвостова, Ѳедосья Петровна. См. Смирнова.
Бычковъ, Иванъ Аѳанасьевичъ—92. 100. 104. 354.
Бычковъ Ѳедоръ, Аѳанасьевичъ—136.
Бѣлинскій Виссаріонъ Григорьевичъ—178. 203. 213. 279. 332. 466. 512.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, княг. Анна Григорьевна, ур. Козицкая—430.
Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна Екатерина Александровна. См. Суховановъ.
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь Александръ Михайловичъ—430.
«Бѣсы» (стих.)—365.
Бюлеръ, баронъ Ѳедоръ Андреевичъ—369. 430.

В., графиня—51. **392—394.**
В., графъ—44 (25, 27). **545—546.**
Валентиновичъ, Текла Ивановна. См. княг. Зубова и гр. Шувалова.
Valerot—299.
Вальтеръ-Скоттъ—21. 63. 175. 250. 263. 519.
Вальховскій, Владиміръ Дмитріевичъ. См. Вольховскій.
Варламовъ, Александръ Егоровичъ—212.
Василевъ, Иванъ Ивановичъ—89
Васильчикова Марія Васильевна. См. гр. Кочубей.
Васильчиковъ, Александръ Алексѣевичъ—180. 184. 186. 191. 222.
Велланскій, Даніилъ Михайловичъ—322.
Веллингтонъ, герцогъ—64. 101. 497—498.
Вельяминовъ-Зерновъ, А. Н.—267.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ—10. 13. 27. 31. 32. 132. 214. 221. 240. 291. 300. 302. 305. 306. 308. 318. 412. 433. 452. 479. 485. 499. 501. 512. 517. 534. 536.
Вендрамини—143.
Веневитиновъ, Алексѣй Владимировичъ—336.
Веневитиновъ, Дмитрій Владимировичъ—131. 268. 275. 336.
Венеціановъ, Алексѣй Гавриловичъ—395.
Вергилій—339.
Верещагинъ, Василій Андреевичъ—527.
Верховскій, Юрій Никандровичъ—352.
«Веселаго пути»... (эпиграмма)—237.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ—85.
Веттерштедъ, министръ—502
Вигель, Филиппъ Филипповичъ—10. 19. 25. 41 (24, 27, 30). 75. 83. 206—207. 226—228. 234—236 247. **249—251.** 252. 253. 270. 295. 327. 362. 384. 385. 391. 392. 425. 426. 435. 436. 442. 443. 448. 458. 479. 480. 491. 492. 496. 520. 521.
Видокъ—57. 155. **551—552.**
Вильгельмъ I, герм императоръ—208. 256. 464.

lib.pushkinskijdom.ru

Вильгельмъ III, король нидерл.—159.
Вильдингъ, Джорджъ, князь Бутера—328.
Вильменъ—268. 548.
Винклеръ, Павелъ Павловичъ—502.
Витгенштейнъ, граф. Леонида Ивановна, ур. княж. Барятинская—546.
Витгенштейнъ, граф. Стефанія Доминиковна, ур. княж. Родзивиллъ—546.
Витгенштейнъ, графъ Левъ Петровичъ—**545—546.**
Витгенштейнъ, графъ Петръ Христіановичъ—107. 545.
Витгенштейнъ, князь—239.
Виттъ, генералъ—391.
Віельгорская, граф. Луиза Карловна, ур. принцесса Бирон—272. 274.
Віельгорскій, графъ Матвѣй Юрьевичъ—273. 404.
Віельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ—14. 45. 57. 77. 144. 212. 232. **271—275.** 404.
«Вновь я посѣтилъ» ... (стих.)—481.
«Воевода» (стих.)—501.
Воейковъ, флигель-адъютантъ—371.
Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ—130. 171. 174. 175. 202. 301—303. 307. 549.
Волковъ, А. А.—355. 356.
Волконскіе—208.
Волконскій, князь Петръ Михайловичъ—67 (16, 20). 78. 105. 496. **520—521.**
Волконскій, князь Сергѣй Григорьевичъ—161.
Вольтеръ,—187. 240. 529.
«Вольтеръ» (статья)—240.
Вольфъ, А. И.—202. 330.
Вольховская, Марія Васильевна, ур. Малиновская—377.
Вольховскій, Владиміръ Дмитріевичъ—24. 50. 51. 76. **375—378.**
«Воображаемый разговоръ съ имп. Александромъ I» (статья)—291. 389. 463. 497.
Воронцова, гр. Екатерина Романовна. См. Дашкова.
Воронцова, гр. Елизавета Ксаверіевна, ур. Браницкая—51. 385. **392—394.** 480.
Воронцова, гр. Елизавета Романовна—189. 190.
Воронцовъ, гр. Михаилъ Илларіоновичъ—187.
Воронцовъ, графъ Михаилъ Семеновичъ—51 (9, 12). 127. 197. 209 229 230. 251. 294. 362. 372. **379—390.** 391. 392. 441. 478. 480. 491. 494. 496. 497. 522.
Воронцовъ, графъ Романъ Илларіоновичъ.
Воронцовъ, графъ Семенъ Романовичъ—371. 379.
Воронцовы, графы—230.
Ворцель, графъ Станиславъ—52. 400. **404.**
«Воспоминанія въ Царскомъ селѣ» (стих.)—47. 84.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ—285.
Всеволожская, Л. Н. См. Кожина и Жюльвекуръ.
«Всей Россіи притѣснитель» ... эпиграмма)—419.
«Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ» ... (эпиграмма)—231.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ—32. 138. 238. 411. 485.
Вульфъ, Евпраксія Николаевна—393.
«Въ Академіи наукъ» ... (эпиграмма)—539.
«Въ альбомъ А. О. Россети» (стих.)—284. 289.
«Выстрѣлъ» (повѣсть)—365. 493.
Вяземская, княг. Вѣра Ѳедоровна ур. княж. Гагарина—24. 39 (12, 13). 42. 138. 139. **206—210.** 363. 393. 409.
Вяземская, княж. Екатерина Андреевна. См. Карамзина.
Вяземскіе, князья—65. 123. 210. 414. 502.
Вяземскій, кн. Павелъ Петровичъ—121. 139. 140. 156. 210. 216. 238. 258. 408.
Вяземскій. кн. Петръ Андреевичъ—14. 21. 25. 28, 29. 35. 46. 48 (17, 21). 56 (12, 16). 59 (19, 22), 60 (прим.). 74. 76. 77. 83. 84. 86. 87. 96. 100. 102. 103. 106. **113—140.** 146. 147. 152. 154. 155. 157. 161. 166. 168. 181. 198. 206. 208—211. 214.—216. 218. 219. 232. 237. 238. 241. 243. 248. 249. 271. 272. 274. 284. 285. 289. 292. 295. 297. 298. 302. 304. 308—311. 313. 316. 326. 332. 344. 357. 359. 382. 383. 386. 388. 389. 394. 399. 407. 419. 420. 428. 429. 434. 436. 437. 443. 451—453. 459. 460. 465.

lib.pushkinskijdom.ru

482. 488. 500. 506. 515—519. 542. 549. 550.

Гагарина, княжна. Вѣра Ѳедоровна. См. княг Вяземская.
фонъ Гагернъ, Ф.—449.
Гаевскій, Семенъ Ѳедоровичъ—46. 49. 76. **321—322.**
Гайнфатеръ—422.
Галиц., кн. М. См. Голицынъ.
Галичъ, Александръ Ивановичъ—47. 76. **322—325.**
Галль, Францъ-Іосифъ—279.
«Галубъ» (поэма)—364.
Гаппибалъ, Абрамъ Петровичъ—59. **452.** 504.
Гастфрейндъ, Николай Андреевичъ—230. 237. 372. 373. 375—377.
Hatzfeldt, графиня—256.
Гауэншильдъ—460.
Hazlitt, William—186.
Гейне—103.
Геккеренъ, баронъ Якобъ-Теодоръ—37. 74. **158—159.** 231. 256.
Фонъ-Гельбигъ, Георгъ—503.
Гендриковы, графы—503.
Гельвецій—187.
Геннади, Григорій Николаевичъ—194. 306. 307.
Генрихъ V, король-англ.—453.
Георгъ, принцъ-регентъ—445.
Гераковъ, Гавріилъ Васильевичъ—327.
Гербель, Николай Васильевичъ—212.
Германъ, Карлъ Федоровичъ—324.
«Герой» (стих.)—98.
Герценъ, Александръ Ивановичъ—191. 218. 363. 404. 491. 522. 526.
Гершензонъ, Михаилъ Осиповичъ—214. 393. 462. 479—480.
Геснеръ—510.
Гете—332. 341. 538. 548.
Гетерія—35. 105.
Гизо—268.
Гладковъ Иванъ Васильевичъ—49. **351—352.** 353, 354.
Глазуновъ, книгопродавецъ—549.
Глинка, Авдотья Павловна,—515.
Глинка, Григорій Андреевичъ—445.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ—268. 334. 335. 341, 342.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ—202. 514.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ—67. (1, 4). 426. **514—518.**
Глиноецкій, Николай Павловичъ—110.
Глюкъ. Эрнстъ—503.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ—86.
Гогартъ—285.
Гогенлоэ, принцъ—240.
Гоголи, Василій Афанасьевичъ и Марія Ивановна—478.
Гоголь, Марія Ивановна—478.
Гоголь, Николай Васильевичъ—3. 19. 38. 50. 56. 74. 76. 77. 93. 116. 117. 139. 154. **169—180.** 273. 280. 284. 286—288. 318. 330. 334. 360. **367—368. 427.** 428. 429. 461.
Годуновъ, Борисъ Федоровичъ, царь—395.
Голенищева-Кутузова, Авдотья Павловна. См. Глинка.
Голенищевъ-Кутузовъ - Смоленскій, князь Михаилъ Илларіоновичъ—151. 157 200. 223. 371.
Голицына, кн. Марія Аркадьевна, ур. Суворова—546.
Голицына, княг. Варвара Васильевна, ур. Энгельгардтъ—294.
Голицына, кн. Евдокія Ивановна—128.
Голицына, княг. Наталья Петровна, ур. Чернышева—50. **365—367.**
Голицына, княг. Прасковья Николаевна—295.
Голицынъ, кн. Александръ Николаевичъ—201. 231. 351. 511. 533.
Голицынъ, кн. Владиміръ Сергѣевичъ—46 (3, 10). 293. **294—296.**
Голицынъ, кн. Иванъ Ѳедоровичъ—490
Голицынъ, кн. Дмитрій Владиміровичъ—366. 489. 490.
Голицынъ, кн. М.—63. **490.**
Голицынъ, кн. Николай Николаевичъ—294.
Голицынъ, кн. Николай Сергѣевичъ—107.
Голицынъ, кн. Петръ Михайловичъ—265.
Голицынъ, кн. Сергѣй Ѳедоровичъ—294. 366.
Голицыны—294.
Голодъ 1833 года—35. 39. 40. 48. **111—113.**
Голомбіевскій, Александръ Александровичъ—369.
Гонтаръ, банкиръ—226.
Гончарова, Александра Николаевна—257. 484. 524.
Гончарова, Екатерина Николаевна, въ замуж. Дантесъ—67. 68. 79. 257. 379. 484. **524—525.**
Гончарова, Наталья Ивановна, ур. Загряжская—185. 186. 210. 378. 396. 406. 407. 410. 465.

lib.pushkinskijdom.ru

Гончарова, Наталья Николаевна. См. Пушкина.
Гончаровъ, Аѳанасій Абрамовичъ—483.
Гончаровъ, Аѳанасій Николаевичъ—186. 483. 484.
Гончаровъ, Дмитрій Николаевичъ—157. 414. 416. 484.
Гончаровъ, Николай Аѳанасьевичъ—186. 484.
Гончаровы—215. 483.
Горацій—339.
Горбачевскій, Иванъ Ивановичъ—253.
Горчакова, княг. Варвара Аркадьевна, ур. Суворова—546.
Горчакова, Аграфена Ивановна. См. гр. Хвостова.
Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ—161.
Горчаковъ, князь Дмитрій Петровичъ—214.
Госперъ—542.
«Гости съѣзжались на дачу» ... (отрывокъ)—504.
Гофманъ, Модестъ Людвиговичъ—515.
Гофманъ, Эрнстъ-Теодоръ-Амадей—275. 281. 282. 364. 365.
Грей, графъ Чарльзъ—159.
Грефе, Ѳедоръ Богдановичъ—538.
Гречъ, Николай Ивановичъ—46 (23, 25). 76. 135. 201. 202. **300—308.** 318. 321. 332. 352. 354. 419. 422. 426. 451. 548. 550.
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ—129. 366. 453. 460. 523.
Григорій Назіанзинъ—286.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ—163. 164.
Григорьевъ, Василій Васильевичъ—326.
Grimm, August-Theodor—232.
Гриммъ, Фридрихъ-Мельхіоръ—439.
Griffeo, графъ—282.
«Гробовщикъ» (повѣсть)—365.
Гротъ, Яковъ Карловичъ—126. 188. 322. 323. 373. 374. 376. 414. 511. 544. 545.
Гудзій, Николай Каллиниковичъ—178. 180.
Гумбольдтъ—538.
Гурьева, графиня Марія Дмитріевна. См. Нессельроде.
Гурьевъ, графъ Дмитрій Александровичъ—229. 231.
«Гусаръ» (стих.)—514.
Гюго Викторъ—17. 26. 66. 268. 285. 508. 510.

Даву, маршалъ—149.
Давыдовъ—59. 77. **458.**
Давыдовъ, Александръ Львовичъ—518.
Давыдовъ, Василій Львовичъ—518.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ—67. 139. 200. 352. 403. 452. 453. 460. **518—520.**
Да-Ега, графиня, ур. Д'Альмейда, граф. д'Оейнгаузенъ—397.
Даль, Владиміръ Ивановичъ—429.
Д'Альмейда графиня д'Оейнгаузенъ. См. Да-Ега и граф. Строганова Ю. П.
Дамскіе мундиры—35. 36. 38. **111.**
Dangeau—20. 26. 27. 30. 41. **242—243.**
Данилевскій, Александръ Семеновичъ—173. 177. 178.
Даниловъ, В. В.—317.
Дантесъ, баронъ Георгъ-Карлъ—3. 4. 29. 43. 75. 159. **256—258.** 379. 397. 413. 484. 524.
Дашкова, княг. Екатерина Романовна, ур. гр. Воронцова—19. 38. (8, 9, 11, 15, 17, 19, 26). 69. 74. **186—191.** 194. 396. 437. 538.
Дашковъ, Андрей Яковлевичъ—498.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ—56 (11. 11). 69. 77. 132. 134. 151. 249. **427—428.** 429. 436. 548.
Дашковъ, князь Михаилъ Ивановичъ—187.
Дашковъ, князь Павелъ Михайловичъ—187.
«Два чувства дивно близки намъ» (стих.)—504.
Движущаяся мебель—40. **232—233.**
Дворянскіе гербы—65. **502.**
Дворянскій балъ—53 (2, 14). 55. **414. 420—422.**
Дворянство (русское)—55. 65. 66. **503—507.**
Де-Виньи, Альфредъ—268.
«Девятнадцатое октября» 1825 г. (стих.)—262. 377. **781.**
Декабристы—19. 22. 24. 45. 47. 52. 66. 76. 92. 107. 113. 123. 145. 149. 161. 204—206. 218. 223. 235. 236. 246. 253. 283. 298—300. 348. 376. 399. 403. 426. 430. 454. 456. 459. 478. 545.
Декартъ—340.
Делавинь, Казиміръ—158.
Деларю, Михаилъ Даниловичъ—66 (20. 27). 432. 508. **509—511.** 512. 552.
Деларю, Ѳедоръ Михайловичъ—510.
Делиль—405.

lib.pushkinskijdom.ru

Дельвигъ, баронъ Андрей Ивановичъ—466.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ—94. 118. 127. 132. 134. 139. 304. 313 342. 389. 436. 466. 482. 503. 509. 510. 515. 517.
Демидовъ—353.
«Демонъ» (стих.)—275. 385. 480.
Демосѳенъ—375.
Демуленъ, Камиль—144.
Денисовъ, атаманъ—348.
Денферъ, Августъ Ульяновичъ—55. **420.**
Дергамъ, лордъ—446.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ—120. 188. 515. 538. 548. 549.
Дибичъ, Иванъ Ивановичъ—298. 300. 348.
Дивовъ, Павелъ Гавриловичъ—111. 147. 224. 243. 357. 358. 434. 462. 489.
Дидро—187
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ—94. 117. 121. 122. 128—130. 238. 357. 522. 537. 539.
Добрынинъ, Гавріилъ Ивановичъ—252.
Долгорукая, княгиня, ур. Апраксина—242.
Долгорукая, княг. Екатерина Ѳедоровна, ур. Барятинская—53. **405.**
Долгорукіе, князья—233.
Долгорукій, князь Василій Васильевичъ. См. Долгоруковъ.
Долгорукій, князь Иванъ Михайловичъ—255.
Долгорукова, княг. Ольга Александровна, ур. Булгакова—63. 462. 482. **486—488.** 489. 490.
Долгоруковъ, князь Александръ Сергѣевичъ—486.
Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ—17. 28. 40. 47 (28, 30). **283.** 401. 405.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ—151. 369.
Долгоруковъ, князь Ѳедоръ—233.
«Домикъ въ Коломнѣ» (повѣсть въ стихахъ)—173. 178. 512.
Дондуковъ-Корсаковъ, Александръ Михайловичъ—381. 384.
Дондуковъ-Корсаковъ, Михаилъ Александровичъ—25. 69. 79. 321. 361. 509. **539.**
Драшусова, Е. А.—333.
Дроздовъ, И. И.—295.
«Дружба» (стих.)—481.
«Друзьямъ» (стих.)—98.
Дуббельтъ, Леонтій Васильевичъ 13. 14. 28. 31. 356. 456. 522.
Дубровинъ, Николай Ѳедоровичъ—253.
«Дубровскій» (повѣсть)—365.
Дундуковъ. См. Дондуковъ-Корсаковъ.
Дуро, маркизъ—64. **498.**
Дѣева, Юліана Михайловна. См. гр. Ламбертъ.
«Дѣтскія сказочки»—316.
Дюме—257.
Дюссьс—243.

«Евгеній Онѣгинъ» (романъ)—87. 117. 127. 177. 208. 210. 231. 254. 310. 467. 481. 513. 542.
«Египетскія ночи» (повѣсть)—314. 389.
Егоровъ, Алексѣй Егоровичъ—395.
Екатерина I, императрица—65. 78. 425. **503.**
Екатерина II, императрица—18. 19. 25. 28. 37. 38 (5, 7, 8, 15, 16, 22). 41 (23, 32). 42 (2, 5, 8) 57. 58. 60. 61. 63. 67. 74. 75. 77. 79. 145. 180. 184. 186—190. 192 193. 215. 221. 225. 251. 252. 255. 271. 291. 292. 327. 365. 396. 397. 405. 415. 423—425. **437—438.** 439. 462. 477. 483—485. 488. 493. **522.** 535.
Екатерингофское гулянье—55. **425—426.**
«Ex ungue leonem» (эпиграмма)—309.
Елена Павловна, вел. княгиня—25. 59 (10, 12, 15). 67 (26, 31). 77. 78. 240. 363. 421. **448—450.** 524.
Елиза (Elisa). См. Хитрово, Елизавета Михайловна.
Елизавета Алексѣевна, императрица—39 (2, 5). 46. 74. 195. 293.
Елизавета-Луиза, королева—464.
Елизавета Петровна, императрица—38. 74. 180. 187. 194. 195. 365. 425. 503. 505. 544.
«Enfants d'Edouard» (трагедія Делавиня)—37. **158.**
Ермолова (m-me Iermoloff), Жозефина-Шарлотта, ур. де-Лассаль—63. **493.**
Ермоловъ, Александръ Сергѣевичъ—493.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ—24. 25. 41. 59. 75. 124. **458—460.**
Ермоловъ, Алексѣй Сергѣевичъ—**11.** 112.

lib.pushkinskijdom.ru

Ермоловъ, Михаилъ Александровичъ—498.
«Если жизнь тебя обманетъ» (стих.)—309.
Ефимовскіе, графы—503.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ—7—9. 11—13. 25—27. 31. 94. 95. 151. 206. 219. 230. 231. 291. 313. 314. 354. 370. 377. 463. 486. 497. 505. 545.

Жерве, Викторъ Всеволодовичъ—519.
Жомини (прозвище гр. Д. П. Бутурлина)—37. 161.
Жуберъ, эмигрантъ—258.
Жуковскій, Василій Андреевичъ—13. 14. 21. 28—31. 35. 40. 45. 50. 53. 56. 57 (6, 34). 59 (19, 22). 69. 74—77. **84—100.** 104. 113—117. 119. 122. 125—130. 132. 136. 137. 139. 154. 156. 170—174. 177. 178. 198. 201. 206. 215. 219. 221. 230—232. 237. 264. 267. 271. 274. 275. 283—286. 288—290. 313. 337. 339. 341—344. 357. 379. 414. 418. 427. 428. 431—434. 436. 459. 465. 473. 474. 488. 500 510. 512. 515—519. 522. 523. 531. 532. 534. 544. 545. 549.
Жюльвекуръ, виконтъ—258.
Жюльвекуръ, Л. П., ур. Всеволожская—258.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парфентьевичъ—105. 391. 454. 455. 552.
Забѣла, графъ—378.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ—477.
Завальевскій—132.
Зачитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ—336. 337.
Загоскинъ, Сергѣй Михайловичъ—487.
Загряжская, Екатерина Ивановна—54. 97. 328. **378—379.** 414. 431.
Загряжская, Елизавета Александровна. См. Строганова.
Загряжская, Наталія Ивановна. См. Гончарова.
Загряжская, Наталія Кирилловна, ур. Разумовская—9. 19. 21. 23. 38 (4, 5, 24). 41. 74. 75. **180—186.** 190—192. 194. 248. 463. 524.
Загряжскіе—406.
Загряжскій, Николай Александровичъ—181.
Зайцевскій, Ефимъ Петровичъ—49. 76. 319. **352.**
Зайцевъ, Иванъ Кондратьевичъ—164.
Закревскій, гр. Арсеній Андреевичъ—201.
Закхеймъ, Артуръ—365.
Записки Екатерины II—67. **522.**
Записки императрицъ Маріи Ѳедоровны, Елизаветы Алексѣевны и Александры Ѳедоровны—39. (1, 5). **195.**
Записки А. В. Храповицкаго—38. **192—194.**
«Застольныя бесѣды» (Tabl—Talk)—186. 463.
Звѣздинъ, А. П.—486.
Зеленцовъ, Капитонъ Алексѣевичъ—395.
Зубова, княгиня Текла Ивановна, ур. Валентиновичъ—232. 266.
Зубовъ, кн. Платонъ Александровичъ—58 (3, 6, 8, 14). 232. 457.

Ибрагимъ-паша—147.
Ивановъ, Петръ Ивановичъ—427.
Иванъ IV Васильевичъ, Грозный (**Jean le Terrible**)—180.
Игнатьева, Анна Ивановна. См. Лобкова.
Игнатьевъ—55. **420.**
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ—316.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ—529.
Икскуль—48. **347.**
Икскуль, баронъ Александръ Карловичъ—347.
Икскуль, баронъ Карлъ Борисовичъ—347.
Иловайскій, атаманъ—348.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ—191.
Ильинъ, книгопродавецъ—512
Имеретинскій, князь Николай Константиновичъ—165.
«Инвалидъ» (газета). См. «Русскій Инвалидъ»
Ивановъ, Иванъ Никаноровичъ—63. 87. 104, 105. 229. 230. 254. 372. 382—384. 389. 492. **493—497.**
Писарскій, Василій Антоновичъ—448
Писпанти, князь Александръ—104—106.
«Историческіе замѣчанія» (статья)—438. 528.
«Исторія Пугачевскаго бунта»—21. 31. 32. 42—44. 62. 69. 75. 76. 78. 79. 100 177. 198. 220.

lib.pushkinskijdom.ru

221. 234. 245. **265—266. 267—268.** 306. 350. 361. 378. 420. **486.** 519 520 529. **537—538.**

Іоаннъ Златоустъ— 86.
Jovel—131.

К., жандармскій офицеръ—167.
Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ—270. 324.
Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ—449.
Каверинъ, Петръ Павловичъ—547.
«Кавказскій плѣнникъ» (поэма)—117. 120. 124. 128. 129. 459.
Кадудаль, Жоржъ—497.
Казаковъ, Матвѣй Ѳедоровичъ—477.
Казарскій, Александръ Ивановичъ—352.
Казначеевъ, Александръ Петровичъ—384. 388.
«Какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Ник.» (повѣсть Гоголя)—58.
Калашъ, Владиміръ Владиміровичъ—250. 269. 277. 290. 291. 511. 516. 517. 551.
Камеръ-юнкерство Пушкина—41. (1, 11). 42 (16, 23). 53. 57. 75. 97. 232. **237—241.** 410. 466. 469. 470. 540.
Канкринъ, графъ Егоръ Францевичъ—69. 114. 211. 269. 359.
Каннингъ (Кенningъ), Джорджъ—64. 498.
Каннингъ, Чарльзъ—498.
Каннингъ (Стратфордъ)—59. 444. 445. **447—448.**
Кантъ—340.
«Капитанская дочка» (повѣсть)—365.
Капнистъ, Василій Васильевичъ—188.
Капнистъ, графъ Петръ Ивановичъ—385.
Каподистрія, графъ Іоаннъ—230. 494. 495.
Карабановъ, Павелъ Ѳедоровичъ—194. 426. 522.
Карамзина, Екатерина Андреевна, ур. кн. Вяземская—21. 23. 25. 35. 39. 59. 74. 77. **83—84.** 278. 288. 337. 368. 409. 421.
Карамзина, Екатерина Николаевна. См. кн. Мещерская.
Карамзина, Софья Николаевна—50. 213. 238. **368—369.**
Карамзинъ, Андрей Николаевичъ—369.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ—39. 83. 87. 90. 117. 123 126. 128. 129. 133. 198. 206. 230. 235. 237. 274 313. 326. 328. 358. 368. 428. 431. 505. 516 522 536.
Карамзины—83. 328. 329. 368. 414.
Каратыгинъ, Василій Андреевичъ—330 331.
Каратыгинъ, Петръ Петровичъ—406.
Карбонаріи и карбонаризмъ—35.
Карлгофъ, Вильгельмъ Ивановичъ—333.
Карлъ X, король—256. 258. 327.
Карлъ, принцъ прусскій—149.
Карновичъ, Евгеній Петровичъ—498.
Каролина-Матильда, королева датская—530.
Каролина-Фердинанда-Луиза, герцогиня Беррійская—256.
Карцовъ—48. 76. **329.**
Карцовъ, Павелъ Петровичъ—434.
Карцовы—329.
Касьяновъ, Касьянъ—527.
Катакази, Константинъ Антоновичъ—104.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ—128. 130. 131. 453.
Каховскій, Петръ Григорьевичъ—259. 426.
Качеповскій, Михаилъ Трофимовичъ—117. 120. 128. 130.
К-ва—44. 546.
Кешевичъ, Владиславъ Ѳеофиловичъ—450.
Кернъ, Анна Петровна—83. 499. 539.
Кизеветеръ—545.
Кицдякова, Елизавета Петровна. См. Раевская.
Кипренскій, Орестъ Адамовичъ—540.
«Кирджали» (разсказъ)—492. 493. 514.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ—84. 268.
Кис. гр.—50. **369. 546.**
Киселева, граф. Софья Станиславовна, ур. Потоцкая—391. 392.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ—59 (23, 31). 77. 104. 105. 391—392. **453—458.**
Китаевъ—288. 289.
«Кишиневскій дневникъ» Пушкина—32. 104.
«Клеветникамъ Россіи» (стих.)—94. 96. 99. 124. 361. 500. 550.
Клейнмихель, Петръ Андреевичъ—55. 269. 350. **419—420.** 552

lib.pushkinskijdom.ru

Клитинъ, Василій Петровичъ—247.
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ—510.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ—510.
Княжнинъ, Борисъ Яковлевичъ—419.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ—188.
Князевъ, Анисимъ Титовичъ—502.
«Князь Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій», трагедія Кукольника—48. **331.**
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ—324.
«Коварность» (стих.)—480.
Кожина, Л. Н., ур. Всеволжская—258.
Козицкая, Александра Григорьевна. См. Лаваль.
Козицкая, Анна Григорьевна. См. княг. Бѣлосельская-Бѣлозерская.
Козицкая, Екатерина Ивановна, ур. Мясникова—430.
Козицкій, Григорій Васильевичъ—430.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ—102.
Козьминъ, Николай Кировичъ—186.
Кокошкинъ, С. А.—528.
Coleridge, Samuel Tailor—186.
Колмаковъ, Николай Мэрковичъ—254. 398. 511.
Коловратъ, графъ—101.
Кологривовы—138.
Комаровскій, графъ Николай Егоровичъ—273. 274. 392.
Комбурлей, Елизавета Михайловна. См. Бутурлина.
Комовскій, Василій Дмитріевичъ—520.
Кони, Анатолій Ѳедоровичъ—280.
Коноплевъ—205.
«Конрадъ Валленродъ» (переводъ Пушкина)—501.
Константинъ Константиновичъ, вел. князь—13.
Константинъ Павловичъ, вел. князь—58. 64. 146. 243. 264. 300. 453.
Концертъ для бѣдныхъ—52. **404—405.**
Коншинъ, Николай Михайловичъ—340.
Кормилица Екатерины II—41. **251—252.**
Корнелій Непотъ—322.
Корнъ—422.
Корсаковъ, Николай Александровичъ—539.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ—149. 204. 214. 215. 217. 230. 241. 247. 255. 322. 323. 354. 370. **372—375.** 457.
Корфъ, баронъ Ѳедоръ Андреевичъ—**375.**
Корфы—50. **372—375.**
Коскуль, графиня Анна Ивановна, ур. Ламздорфъ—369.
Коскуль, графъ—369.
Коссаковская, графиня Александра Ивановна, ур. Лаваль—369. 430. **546.**
Коссаковскій, К. Ѳ.—165.
Коссаковскій, графъ Станиславъ Осиповичъ—369.
Котельниковъ, Семенъ Кирилловичъ—187.
Котляревскій, Петръ Степановичъ—51. 124. **390—391.**
Коцебу, Августъ—267.
Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ—69. 534. **537.**
Кочтовъ. См. Кочетовъ.
Кочубей, князья—182. 248.
Кочубей, княг. Марія Васильевна, ур. Васильчикова—38. 181. 183. **191—192.** 222. 231. 463.
Кочубей, князь Викторъ Павловичъ—19. 24. 39. 40 (8, 13). 44 (17, 18). 55. 60 (10, 15, 24, 25). 74. 78. 181—183. 191. 192. **221—226.** 248. 350. 358. 415. 423. **462—463.**
Кошанскій, Николай Ѳедоровичъ—322. 323.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ—236. 268. 277. 285. 337. 431.
Крѣвскій, Андрей Александровичъ—340.
Красовскій, Александръ Ивановичъ—59. 69. 77. 449. **450—452.** 541. 542.
Кривцовъ, Николай Ивановичъ—406.
Кристинъ, Фердинандъ—292. 294. 296.
«Критическія замѣтки»—503.
Круглый, Александръ Осиповичъ—453.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ—66. 121—123. 129. 237. 294. 450. 511. 515. 523.
Кубасовъ, Иванъ Андреевичъ—203. 280.
Кузечъ, Викторъ—268.
Кузнецова, Устинья Петровна. См. Пугачева.
Кузнецовъ, Петръ—252.

lib.pushkinskijdom.ru

Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ—32. 48 (17, 23). 76. **330—335.** 341. 343. 356. 421.
Кулибинъ, Иванъ Петровичъ—315.
Куликовъ, Николай Ивановичъ—360. 461.
Кульманъ, Николай Карловичъ—118.
Куницынъ, Александръ Петровичъ—323.
Куракинъ, князь—325.
Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ—347. 522.
Курваль (дочь ген. Моро)—25. 26. 63. **497.**
де-Курваль, виконтъ—497.
Кутузова, Елизавета Михайловна. См. Хитрово.
Кутузовъ, князь Михаилъ Илларіоновичъ. См. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.
«Кухарка». См. «Домикъ въ Коломнѣ».
«Къ Батюшкову» (стих.)—549.
«Къ Вельможѣ» (стих.)—406.
«Къ другу-стихотворцу» (стих.)—549.
«Къ морю» (стих.)—208. 275.
«Къ портрету Жуковского» (стих.)—85.
Кювье—448.
Кюстинъ, маркизъ—431. 448. 449.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ—275. 332.

Л., гр.—50. **369. 546.**
Лаблашъ, Луиджи—416
Лаваль, графиня Александра Григорьевна, ур. Козицкая—369. **430—431.**
Лаваль, графиня Александра Ивановна. См. Коссаковская.
Лаваль, графиня Екатерина Ивановна. См. Трубецкая.
Лаваль, графиня Зинаида Ивановна. См. Лебцельтернъ.
Лаваль, графиня Софья Ивановна. См. Борхъ.
Лаваль, графъ Владимиръ Ивановичъ—430.
Лаваль, графъ Иванъ Степановичъ—56. 369. **430—431.**
Лагаринъ Фридрихъ-Цезарь, въ Россіи Петръ Ивановичъ—25. 27. 58. (16, 27). 162. 405. **438—440.**
Лагренэ—444.
Ладюрнеръ, Адольфъ Игнатьевичъ—256.
Лакіеръ Александръ Борисовичъ—502.
Лалаевъ, Матвѣй Степановичъ—166.
Ламбертъ, графиня Юліана Михайловна, ур. Дѣева—99. 289. **429—430.**
Ламбертъ, графъ Карлъ Карловичъ—429.
Ламбертъ, графъ Карлъ Осиповичъ—56. 369. **429—430.** 552.
Lambert, Michel—56. **428—429.**
Ламедорфъ, гр. Анна Ивановна. См. Коскуль.
Ламедорфъ, графъ Иванъ Матвѣевичъ—369.
Ламедорфъ, графъ Матвѣй Ивановичъ—162.
Ланжеронъ, графъ Александръ Ѳедоровичъ—25. 27. 58. (19, 21). 267. 297. 369. **441—443.** 494.
Ланская, Александра Петровна. См. Арапова.
Ланская, Надежда Николаевна, ур. Маслова—45 (8, 11). **282.**
Ланская, Наталья Николаевна (въ 1-омъ бракѣ Пушкина)—15. 29.
Ланская, Ольга Степановна. См. кн. Одоевская.
Ланской, Александръ Дмитріевичъ—439.
Ланской, Павелъ Петровичъ—282.
Ланской, Петръ Петровичъ—29. 412. 414.
de Lassale, графиня Жозефина-Шарлотта. См. Ермолова.
де-Лассаль, графъ—493.
Лафатеръ—279
Лафонтенъ—523. 529.
Лебедевъ, Касторъ Никифоровичъ—329. 457.
Лебцельтернъ, граф. Зинаида Ивановна,—ур. Лаваль—430.
Лебцельтернъ, графъ Людвигъ—430.
Левашева, граф. Александра Васильевна—369.
Левашева, графиня Екатерина Петровна, ур. Мятлева—369.
Левашевъ, графъ Василій Васильевичъ—369.
Лексъ, Михаилъ Ивановичъ—25. 63. 78. **491—492.**
Лелевель, Іоакимъ—52 (5, 9, 18, 27) 77 398—400. **402—404.** 518. 547.
Лемке, Михаилъ Константиновичъ—32. 220. 259. 263. 355. 456.
Лемонте—122.
Ленскій, Адамъ Осиповичъ—64. 78. **498—499.** 501.
Ленцъ, Вильгельмъ—141. 279. 281, 283. 364. 408. 415.

lib.pushkinskijdom.ru

Леопольдовъ—205. 463.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ—213 284. 368.
Лернеръ, Николай Осиповичъ—27, 30. 73. 104 132 136. 138 178. 245. 305. 311. 318. 362. 367. 387. 388. 393. 403. 479. 480. 519. 520.
Лерхманъ—41. **251.**
Ливенъ, княгиня Доротея Христофоровна, ур. Бенкендорфъ—159. 446.
Ливенъ княгиня Шарлотта Карловна, ур. фонъ-Поссе—446.
Ливенъ князь Христоферъ Андреевичъ—59. 445. **446—447.**
«Лиза въ городѣ жила» (эпиграмма)—152.
Липранди, Иванъ Петровичъ—249. 250. 317. 372. 385. 492.
Литке—547.
Литта, граф. Екатерина Васильевна, ур Энгельгардтъ—415.
Литта, графъ Юлій Помпеевичъ—16. 53 (15, 22). 77. 240 369. **415—416.**
Литтре—321.
Лицейскія записки Пушкина—84.
Лицейскія стихотворенія Пушкина—86. 323.
Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Борисовичъ—424.
Лобкова, Анна Ивановна, ур. Игнатьева—268.
Лобода, Андрей Митрофановичъ—479.
Loève-Veimar—365.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ—129. 133. 264. 388. 396. 433. 471. 515. 536.
Louandre Charles—428.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ—250.
Лонгиновъ, Николай Михайловичъ—371.
Лопухина—293.
Лопухина, княг. Е. Н.—296.
Лопухина, княжна Анна Петровна—191. 222.
Лореръ, Екатерина Евсѣевна, ур. кн. Дицианова—291.
Лористонъ, маркизъ—371. 530.
Лосенко (въ), Антонъ Павловичъ—395.
Лубяновскій, Осдоръ Петровичъ—246, 354, 522.
Луиза, королева—231. 463.
Лукьяновскій, Борисъ Евгеньевичъ—169.
Львовъ, Алексѣй Ѳедоровичъ—464.
Львовъ, П. А.—511.
Любецкій, князь—498.
Людвикъ I—166.
Людовикъ XIV—242—243.
Людовикъ XV—425.
Людовикъ XVI—365.
Людовикъ XVII (дофинъ)—184.
Людовикъ XVIII—430. 445. 475.
«Іянуновъ» (трагедія Кукольника). См. «Князь Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій».
«Іянуновъ» (неоконченная трагедія Хомякова)—48. 337.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ—270. 351. 370. 371.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ—27. 32. 84. 85. 123. 186. 239. 271. 324. 373. 374. 543. 549.
Макаровъ—252.
Макаровъ, Александръ Николаевичъ—486.
Максимиліанъ I, король—464.
«Маленькій лжецъ» (сказочка)—316.
Малиновская, Марія Васильевна. См. Вольховская.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ—377.
Малышевъ, А. А.—511.
Мальцевъ, Иванъ Сергѣевичъ—336.
Мальцевы, братья—268.
Мамаевъ, Николай Ивановичъ—244.
Мансуровъ, Владиміръ Александровичъ—267.
Манцъ—243.
Маріо, пѣвецъ—273.
Марія-Антуанетта—141. 366.
Марія Ѳеодоровна, императрица—39. 46. 74. 162. 195. 232. 255. 256. 283. 292—294. 365. 445. 446. 526.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ—388.
Маркевичъ, Николай Андреевичъ—335.
Марлинскій. См. Бестужевъ А. А.
Мартыновъ, И. И.—126.
Мартыновъ, Павелъ Петровичъ—25. 27. 36. 39. 67. 68. 79. **149.** 150. **525.**
Марченко, Василій Романовичъ—419.
Маслова, Надежда Николаевна. См. Полетика и Ланская.
Матвѣевъ, Андрей—395
Матвѣевъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ—395.

lib.pushkinskijdom.ru

Матвѣевъ-Таинискій—489.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ—271.
Махмудъ II, султанъ—145. 147. 148. 447.
Маццини, Джузепге—404.
Мегметъ-Али—147.
Медемъ, графъ Павелъ Ивановичъ—58. 59. **443. 446.**
езонъ, маршалъ—61. 78. **475—476.**
Мейендорфъ, баронъ—543.
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ—199.
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ—39. **199—200.** 456.
Мердеръ, Карлъ Карловичъ—25. 55 (3, 25). 77. **417—418.**
Мердеръ, Марія Карловна—409.
Мериме, Проспе́ръ—268. 333.
де-Местръ, Жозефъ—347.
Метманъ, Луи—256. 525.
Меттернихъ, князь—101. 106. 227.
Мещерская, княг. Екатерина Николаевна, ур. Карамзина—157. **328—329.** 368.
Мещерскіе, князья—59. 77. **328—329.** 368. 414.
Мещерскій, князь Александръ Васильевичъ—489.
Мещерскій, князь Владиміръ Петровичъ—329. 362. 363. 369.
Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ—48. 76. **328—329.**
Милена—66.
Миллеръ, Павелъ Ивановичъ—432.
Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ—56 (1, 10). 297. 425. **426—427.** 463. 514—516.
Милютинъ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ—108. 110. 149. 163. 457.
Милютинъ, Николай Алексѣевичъ—449.
Мипкина, Настасья Ѳедоровна—299.
Михайловскій-Данилевскій, Александръ Ивановичъ—349. 354.
Михайловскій замокъ—68. 526.
Михаилъ Павловичъ, вел. князь—4. 27. 39. 42. 44. 62. 64. 65 (1, 10, 19. 20). 66. 75. 78. 140. **162—168.** 184. 199. 219. 231. 241. 257. 350. 399. 405. 442. 448. 493. **501.** 503. **507—508. 513.**
Михневичъ, Владиміръ Осиповичъ—503.
Мицкевичъ, Адамъ—22. 64. 78. 268. 336. **499—501.**
де-Мишель—396.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ—13. 27. 29. 31. 186. 243. 325. 365. 368. 399. 452. 485. 544. 547.
Мойеръ, Иванъ Филипповичъ—89. 90.
Молчановъ, прапорщикъ—205.
Мольеръ—56. 174. 250. **428. 429.**
Мономахъ князь Владиміръ Всеволодовичъ)—505.
Монтескье—187.
Мон ферранъ, Августъ Августовичъ—168. 478.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ—219. 220. 246. 415.
Мордвиновъ, графъ Николай Семеновичъ—423.
Мордвиновы, графы—423
«Море» стих.). См. «Такъ море, древній душегубец».
Мотпау—157.
Моро, Жанъ-Викторъ—25. 63. 314. **497—498.**
Морозовъ, Петръ Осиповичъ—6. 9. 11. 12. 27. 30. 31. 194. 291. 370. 389. 412. 504. 506.
Московскіе пожары 1834 года—63. **489—491.**
«Московскій телеграфъ»—50 (4, 9, 10). **355—358.**
«Моцартъ и Сальери» (трагедія)—94. 177.
«Моя родословная» (стих.)—98. 305. 503. 505. 552.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ—509. 512.
Муравьевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ—195.
Муравьевъ, Николай Николаевичъ—147.
Мурзакевичъ, Николай Никифоровичъ—391. 495.
Муръ, Томасъ—86. 128. 129. 523.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ (въ тексте—Пушкинъ)—411.
Мухановъ, Владиміръ Алексѣевичъ—228. 338.
Мухановъ, Павелъ Алексѣевичъ—337.
«Мысли на дорогѣ» (статья)—282. 433. 506.
«Мѣдный Всадникъ» (поэма)—19. 32. 39. 74. **220—221.** 275. 466. 467. 470. 499. 501. 528. 550.
Мясникова, Екатерина Ивановна. См. Козицкая.
Мясниковъ, Иванъ Семеновичъ—430.
Мятлева, Екатерина Левашева.

lib.pushkinskijdom.ru

Мятлевъ, Иванъ Петровичъ—39. 74. **211—216.** 284.

«На выздоровленіе Лукулла» (стих.)—359. 360. 362. 370.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ—132.

«Надпись къ портрету П. А. Вяземскаго» (стих.)—114.

Наполеонъ I—100. 101. 107. 145. 148. 160—162. 222. 226. 228. 234. 255. 292. 297. 301. 347. 355. 370. 380. 405 429. 441. 453. 475. 493. 497. 506.

Наполеонъ III—456.

Нарышкина, Марія Алексѣевна, ур. Сенявина—327.

Нарышкина, Екатерина Ивановна. См. Разумовская.

Нарышкина, Марія Антоновна, ур. княжна Четвертинская—266. 292. 293. 391. 392. 519.

Нарышкина, Ольга Станиславовна, ур. гр. Потоцкая—51. **391—392.**

Нарышкина, Софья Дмитріевна—266.

Нарышкина, Софья Львовна. См. гр. Шувалова.

Нарышкинъ, Александръ Александровичъ—189. 190.

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ—327

Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ—421.

Нарышкинъ, Кириллъ Александровичъ—47 (30, 32). 48. 53 (23, 26). 54. 76. **327.** 416.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ (дѣдъ)—188. 327.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ (внукъ)—391. 392.

Нарышкины—442.

Пащокинъ, Павелъ Войновичъ—25. 60. 78. 103. 127. 221. 267. **460—462.** 468. 485. 514. 522. 537.

Невзоровъ, Николай Кесаріевичъ—139.

Недюжинъ, Дмитрій Никифоровичъ—252.

«Не знаю, гдѣ, но не у насъ», эпиграмма—386.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ—353.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ—154.

Нелидовъ, Иванъ Аркадьевичъ—296.

«Нероида» (стих.)—304.

Нессельроде, графиня Елена Карловна. См. гр. Хрептовичъ.

Нессельроде, графиня Марія Дмитріевна, ур. гр. Гурьева—**229—231.**

Нессельроде, графъ Вильгельмъ Карлъ (Василій)—226.

Нессельроде, графъ Карлъ Васильевичъ—19. 27. 39. 40. 74. 101. 125. **226—231.** 362. 382. 387. 389. 424. 444.

Нессельроде—Эрестофенъ, графскій родъ—226.

«Не то бѣда, что ты полякъ» (эпиграмма)—305. 552.

Нефѣловъ, Николай Дмитріевичъ—214.

Никитенко, Александръ Васильевичъ—19. 25. 32. 66. 69. 78. 79. 301. 321. 325. 331. 333. 361. 452. **508—509.** 513. 532. 534. **539—541.**

Никитинъ, Алексѣй Петровичъ—36. **149—150.**

Николай Михайловичъ, вел. кн.—10. 31. 192. 95. 200. 208. 224. 255. 297. 392. 397. 405. 415. 429. 439. 440. 442. 493.

Николай I Павловичъ—22—25. 28. 31. 32. 35. 36 (8, 13, 19 25, 25). 37. 39 (4, 7, 22). 41 (12, 15). 42 (15, 23). 43 (5, 10, 24, 27). 44. 45 (1, 14, 19, 27). 47. 50. 53—56. 57 (5. 7, 14, 15, 20, 29). 58 (29, 31). 59. 60. 62. 63 (1, 6, 11, 16, 28). 64 (11, 15). 65 (12, 13, 17). 66. 67 (16, 19, 21). 68 (11, 28). 69 (3, 7, 14). 74—76. 78. 91. 92. 95—99. 101. 105. 107. 109. 112. 114. 137. 138. 145—147. 149—151. 159. 161—163. 165. 167. 168. 186. 195. 196 198. 200 206. 211. 214—217. 219—221. 223. 224. 226. 227. 231. 233. 237. 241. 244. 246. 248—250. 253. 254. 256. **258—265.** 266. 268. 269. 274. 280 284. 290. 298—300. 303. 311. 326. 330. 347. 349. 350. 353. 355. 359. 361. 365. 373. 379. 280. 401. 403. 405. 408. 410. 411. 415. 417. 418—424. 431. 432. 434. 444—446. 448. 449. 453—456 459. 462—464. 467. 470. 472—476. 478. 482. 486—488. 491. 497—499. 506—509 520—522. 525. 526. 531. 532. 534. 535. 547.

Никольскій, П. К.—532. 534.

Никонъ, патріархъ—47. 325.

Новиковъ, Николай Ивановичъ—192.

lib.pushkinskijdom.ru

Новосильцева—163.
Новосильцевъ, Николай Николаевичъ—113. 126. 222.
Нордингъ, Густавъ—25. 65. 78. **502.**
Норманъ,—41. **251.**
«Нѣсколько словъ о мизинцѣ Булгарина и о прочемъ» (статья)—133. 305.

Оболенскій, Василій Ивановичъ—336.
Оболенскій, князь Дмитрій Александровичъ—149.
Обольяниновъ, Николай Александровичъ—527.
Обертей, Идалія Григорьевна. См. Полетика
Овидій—317.
«О выходкахъ противъ литературной аристократіи» (статья)—133.
Огарковъ, Василій Васильевичъ—191
«О госпожѣ Сталь» (статья)—309.
«Ода его сіятельству гр. ф. Хвостову»—519.
«О дворянствѣ» (черновые наброски)—247. 506.
Одоевская, княгиня Ольга Степановна, ур. Лисская—45. **283.**
Одоевскій, князь Владиміръ Одоевичъ—21. 45. 46. 49 (17, 20). 50. 75. 76. 139. 174. 236. 238. **275—282.** 284. 320. 321. 332 337. 354. 364 498. 427. 448.
«О драмѣ» (отрывокъ)—336.
«О запискахъ Видока» (статья)—305.
Озерецковскій, Николай Яковлевичъ—187.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ—121. 123. 128.
Окенъ—275.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ—451.
Олениныы—511.
Олизаръ, графъ Густавъ—99.
«О личностяхъ въ критикѣ» (статья)—305.
Ольденбургскій, принцъ Петръ—329.
О. Н. См. Карамзина, Ольга Станиславовна.
«О народномъ воспитаніи» (статья)—508.
«О неблаговидности нападокъ на дворянство» (статья)—133. 305.
Олѣнинъ, Александръ Оедоровичъ—29.
«О предисловіи г. Лемонтэ къ переводу басенъ Крылова» (статья)—122. 309.
Орловскій, Александръ Осиповичъ—527.
Орловъ, Александръ Анонимовичъ—305.
Орловъ, графъ Алексѣй Оедоровичъ—36. 46. 125. **145—147.** 148. 350. 457. 458.
Орловъ, графъ Григорій Владимировичъ—122.
Орловъ, графъ Григорій Григорьевичъ—255.
Орловъ, Михаилъ Оедоровичъ—145. 372. 385. 454. 459. 482.
Орловы, братья—145. 181.
Осипова, Прасковья Александровна—88. 409 467. 470. 485.
Отставка Пушкина—61. **464—475.**

Павелъ I Петровичъ, императоръ—10. 46. 58. 61 (12, 14). 68. 76. 77. 143. 158. 184. 189. 191. 192. 222. 225. 252. 255. 266. 267. 294. 296. 397. 405. 415. 430. 431. 439. 440. **452.** 477. 493. 495. 502. 522. 526. 527.
Павлищева, Ольга Сергѣевна, ур. Пушкина—5. 97. 238. 378. 393. 408. 409. 486.
Павлищевъ, Левъ Николаевичъ—5—7. 9—11. 29. 31. 232. 238. 270. 271. 290. 363. 408.
Павлищевъ, Николай Ивановичъ—97. 408. 486.
Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ—275.
Павскій, Герасимъ Петровичъ—68. (25, 26, 29, 31. 32). 69. 79. 418. 511. **531—535.** 537.
Пальмеретонъ—444. 445.
«Памятникъ» (стих.)—168.
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ—247. 521.
Панаевъ, Иванъ Ивановичъ—32. 254. 277. 279. 283. 333—335. 341. 368.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ—68. **525—526.** 546.
Панинъ, графъ Никита Петровичъ—61.
Панчулидзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ—244. 257. 282. 298. 401.
Пасквичъ, графъ Иванъ Оедоровичъ—50. 370. 376. 377. 444. 460. 464. 475. 476.

lib.pushkinskijdom.ru

Пакевичъ, Степанъ Ѳедоровичъ—50. **370.**
Пассекъ, Петръ Богдановичъ—252.
Педашенко, С. А.—483.
«Пелымовъ». См. «Русскій Пеламъ».
Пеньковскій, Іосифъ Матвѣевичъ—485. 486.
Перехваченное письмо Пушкина—56. **431—434.**
Праздникъ совершеннолѣтія Наслѣдника—54. **417.**
Перовскій, Василій Алексѣевичъ—39.42.155. 156 **195—198.** 456. 488.
Пестель, Павелъ Ивановичъ—5. 35 (11. 12). 74. **104—105.** 348. 454.
Петровъ, А. П.—510.
Петръ I, императоръ—4. 21. 25. 31. 56. 58. 68. 79. 168. 180. 199. 275 326. 332. 345. 375. 395. 396. 424—426. 438. 467. 483. 499—503. 505—507. **528—529.** 541.
Петръ III, императоръ—38. 55. 180. 184. 189. 190. 405. 423. 424.
«Пиковая дама» (повѣсть)—3. 32. 50. 76. 281. **364—365.** 367. 514. 519.
Пикольновъ, Николай Кириакович—135. 305.
де-Пина, маркизъ—4. 43. 75. **258.**
«Пирующіе студенты» (стих.)—323.
«Пиръ Петра Великаго» (стих.)—528.
Писаревъ, Александръ Ивановичъ—549.
Пишегрю, Шарль—497.
Плавильщиковъ, книгопродавецъ—512.
Плетневъ, Петръ Александровичъ—91. 94. 116. 119. 127. 139. 174. 175. 177—179. 202. 283. 320. 333. 361. 376. 377. 414. 465. 467. 511. 513. 528. 537. 539—541. 544. 545.
Плюскова, Наталья Яковлевна—194.
Плюшаръ, Адольфъ Александровичъ—19. 46. 76. **318—321.** 322. 325. **354.**
«Повѣсти А. С. Пушкина»—306.
«Повѣсти Бѣлкина»—365. 523.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ—118. 132. 135. 177. 178. 228. 250. 302. 311—314. 336. 371. 490. 522. 529.
Подолинскій, Андрей Ивановичъ 511.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ—308. 311. 312. 316. 318 355. 356. 499.
Полевой, Николай Алексѣевичъ—24. 46. 50 (7, 13). 51. 53. 76. 77. 87. 114. 118. 130—133. 135. 175. 202. 238. **308—314.** 316. 317. 330. 331. 340. **355—358.** 361. 362. 504. 538.
Полетика, Александръ Михайловичъ—397.
Полетика, Идалія Григорьевна (Обертей)—397.
Полетика, Надежда Николаевна, ур. Маслова—45. 282.
Полетика, Петръ Ивановичъ—57 (33, 34). 58. 59 (19, 20). 77. 289. **435—436.**
Поливановъ, Левъ Ивановичъ—229. 230. 394.
Поліевктовъ, Михаилъ Александровичъ—223. 259.
«Полководецъ» (стих.)—177.
Полонскій, Яковъ Петровичъ—283. 287. 288.
Полотняный Заводъ (имѣніе)—62 **483—484.**
«Полтава» (поэма)—528.
Полторацкій, Владиміръ Александровичъ—457.
«Полу-герой, полу-невѣжда» (эпиграмма)—386.
Полье, графиня Варвара Петровна, ур. княж. Шаховская—48. 76. **327—328.**
Полье, графъ Адольфъ Александровичъ—327.
Поляковъ, Александръ Сергѣевичъ—231. 258.
Поповъ, А. Н.—498.
«Посланіе Ф. Ф. Вигелю» (стих.)—250. 251.
«Посланіе кн. Вяземскому» (стих.)—15. 550.
«Посланіе Галичу» «Гдѣ ты, лѣнивецъ мой» (стих.)—324.
«Посланіе Галичу» («Пускай угрюмый Риѳмотворъ»... стих.)—324.
«Посланіе А. М. Горчакову» (стих.)—161.
«Посланіе Жуковскому» (стих.)—84.
«Посланіе гр. Олизару»—99.
«Посланіе А. Ѳ. Орлову»—146. 457.
«Посланіе (Первое) цензору» (стих.)—541.
«Посланіе (Второе) цензору» (стих.)—324. 452. 536. 541.

lib.pushkinskijdom.ru

«Посланіе Чаадаеву»—304.
«Посланіе В. В. Энгельгардту» (стих.)—106.
фонъ-Поссе, Шарлотта Карловна. См. Ливенъ.
Потемкинъ, князь Григорій Александровичъ—53. 106. 180. 292. 294. 405. 415. 441. 519.
Потоцкая, граф. Ольга Станиславовна—см. Нарышкина О. С.
Потоцкій—148.
Потоцкій, С.—494.
Поццо-ди-Борго, графъ Карлъ Осиповичъ—446.
«Поэмы и повѣсти» Пушкина—514.
Пржецлавскій—499.
Принцъ Оранскій. См. Вильгельмъ III, король.
«Пріятелямъ» (эпиграмма)—304. 309.
Прокоповичъ, Николай Яковлевичъ—177.
Пронинъ, художникъ—254.
«Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» (стих.)—304.
Прусскій Кронъ-Принцъ. См. Фридрихъ-Вильгельмъ IV.
Псевдо-Пушкиніана—463.
«Птичка» (стих.)—304.
Пугачева, Аграфена Емельяновна—252. 253.
Пугачева, Софья Дмитріевна—252. 253.
Пугачева, Устинья Петровна—252. 253.
Пугачева, Христина Емельяновна—252. 253.
Пугачевъ, Дементій Ивановичъ—252.
Пугачевъ. Емельянъ Ивановичъ—22. 41. 75. 77. 198. 245. **252—253.** 456. 519. 520. 521. 538.
Пугачевъ, Трофимъ Емельяновичъ—252. 253.
Пулавскій—52. 400. **547.**
«Путешествіе въ Арзрумъ—377. 459.
Пуфъ, докторъ (псевд. В. Ѳ. Одоевскаго)—279.
Пушкина, Анна Львовна—451.
Пушкина, Марія Александровна—475.
Пушкина, Надежда Осиповна, ур. Ганнибалъ—89. 126. 137. 238. 452.
Пушкина, Наталья Николаевна, ур. Гончарова—3. 14. 27. 29. 41. **43** (4, 12). 44. 53. 57. 62. 63. 64. 67. 75. 77. 78. 97. 103. 127. 156. 157. 171. 174. 232. 238. 240. 243. 257. 263. 265. 274. 288—290. 329. 338. 364. 378. 379. 396—399. **405—414.** 416—418. 420. 421. 431. 433. 449. 450. 464—472. 474—476. 484. 486. 487. 510. **522.** 524. 551.
Пушкинъ. См. Мусинъ-Пушкинъ.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ—4—7. 9—13. 15. 27. 29. 30. 31. 431. 475.
Пушкинъ, Александръ Петровичъ—485.
Пушкинъ, Василій Львовичъ—84. 117. 126. 130. 210. 271. 428.
Пушкинъ, Гавріилъ Григорьевичъ—504.
Пушкинъ, Левъ Александровичъ—485.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ—89. 268. 270. 304. 309. 458. 460. 480. 486. 516. 542.
Пушкинъ, Матвѣй Степановичъ—505.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ—84. 86. 126. 468. 472. 485. 517.
Пушкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ—484.
Пушкины (родъ)—484.
Пушкины (семья А. С. Пушкина)—29. 96. 258. 378. 399. 408. 412.
Пушкины (семья С. Л. Пушкина)—126.
«Пушкиніана»—32.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ—466.
Пущинъ, Михаилъ Ивановичъ—376.
Пущинъ, Павелъ Сергѣевичъ—104. 372.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ—251. 439. 440.
Пыхачевъ, И. Г.—520.
«Пѣсня Земфиры» (романсъ М. Віельгорскаго на слова Пушкина)—273.
Пятковскій, Александръ Яковлевичъ—280.

Радзивиллъ, граф. Стефанія Доминиковна. См. гр. Витгенштейнъ.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ—191. 194.
Раевская, Александра Александровна—479.
Раевская, Екатерина Петровна, ур. Киндякова—479.
Раевскіе—458. 518.
Раевскій, Александръ Николае-

lib.pushkinskijdom.ru

вичъ—62. 257. 385. 393. 394. **478—482.**
Раевскій, Владиміръ Ѳедосеевичъ—317.
Раевскій, Николай Николаевичъ—(старшій)—437. 458. 478. 479. 496.
Раевскій, Николай Николаевичъ (младшій)—376. 458. 547.
«Разборъ романа Иванъ Выжигинъ» Булгарина (статья)—305.
«Разговоры Н. К. Загряжской» — 186.
Разумовская, гр. Екатерина Ивановна, ур. Нарышкина—180.
Разумовская, гр. Наталья Кирилловна. См. Загряжская.
Разумовскіе, графы—180. 191. 195. 222.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кирилловичъ—195.
Разумовскій, графъ Андрей Кирилловичъ—228.
Разумовскій, гр. Кириллъ Григорьевичъ—38. 180. 182. 194.
Раичъ, Семенъ Егоровичъ—134. 268. 275. 309. 336.
Ранцау, министръ—530.
Расинъ—118. 283
Растрелли, графъ Варѳоломей Варѳоломеевичъ—425.
Раупахъ, Эрнстъ—324.
Рафаэль—285. 525.
Рахмановъ, А.—522.
Реймарсъ, Николай Ѳедоровичъ—240. 416. 470.
Рейхманъ, К.—485.
Рекамье, Юлія-Аделаида—368. 405.
Ренкевичъ—270.
фонъ-**Ренне,** Марія Карловна. См. Хрептовичъ.
Ренненкампфъ, генералъ—109.
Репнинъ, князь Николай Васильевичъ—477.
Решидъ-паша—147.
Ржевскіе—65. 502.
Ривароль, Антуанъ—405.
Ризничъ, Амалія—385. 393.
Рихтеръ, Вильгельмъ Михайловичъ—336.
Рихтеръ, Жанъ-Поль—282.
Ричардъ, герцогъ Глостерскій—158.
Ріего-и-Нуньецъ, Рафаэль—386.
Robespierre—231. 506.
«Родословная моего героя» (стих.)—364. 503. 505.
«Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ»—485. 504.
Рожалинъ, Николай Матвѣевичъ—336.
Розановъ, Иванъ Никаноровичъ—116. 515.
Розенъ, баронъ Григорій Владиміровичъ—377.
Розенъ, баронъ Егоръ Ѳедоровичъ—48. 76. **339—344.**
фонъ-**Розенъ,** бароны—339.
Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ—423.
Романовы (les Romanoff)—4. 66. 168. 507.
Роммъ, Шарль-Жильберъ—396.
«Рославлевъ» (повѣсть)—135.
Россетъ, Александра Осиповна. См. Смирнова.
Россетъ, Аркадій Осиповичъ—292. 393.
Россетъ, Осипъ Ивановичъ—283.
Россини—130.
Россійская Академія. См. Русская Академія.
Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ—510. 525.
Ростопчина, графиня Евдокія Петровна—269. 284. 368.
Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ—247.
Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ—273. 448.
Рубинштейнъ, Николай Григорьевичъ—273. 448.
«Рука Всевышняго отечество спасла» (драма Н. В. Кукольника)—48. **330—331.**
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ—227. 347.
Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ—62. **482—483.**
Руничъ, Дмитрій Павловичъ—324.
«Русланъ и Людмила» (поэма Пушкина и опера Глинки)—86. 128. 129. 178. 249. 334. 513. 516. 523.
Русская Академія—38. 51. 69.
Русскій Инвалидъ (газета)—54. 125.
«Русскій Инвалидъ» (псевдонимъ И. Н. Скобелева)—200. **202—204.**
Русскій Музеумъ Н. Н. Свиньина—51. **394—396.**
«Русскіе Пеламъ» (черновые наброски)—402.
Русскія народныя пѣсни (въ переводѣ Пушкина)—369.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ—87. 129.
Рюриковичи—276.
Рюрикъ, князь—504. 505.

С.—7. 27.
S.—22. 24. 50—51. 65. 78. **363—364.**

lib.pushkinskijdom.ru

С., княгиня (С—ва)—27. 44 (25, 30. 32). 45. **545—546.**
С., князь (С—въ)—44.
Саблуковъ, Николай Александровичъ—267.
Саводникъ, Владиміръ Ѳедоровичъ—175.
Сантовъ, Владиміръ Ивановичъ («Переписка Пушкина»)—10. 13. 83. 86—92. 94. 116—119. 120. 122. 124. 128. 139. 155—157. 167. 171—176. 186. 194. 198. 210. 214. 215. 220. 221. 240. 243. 245. 248. 250 251. 254. 264. 265. 267. 268. 270. 271. 274. 280. 281. 304. 309—311. 313. 318. 320. 321. 326. 328. 329. 333. 337. 342. 343. 351. 354. 360. 362. 364. 375. 377. 378. 383. 384. 386. 388. 389. 394. 399. 403. 407 410. 414. 416. 417. 419—421. 429—431. 433. 434. 443. 450—453. 458. 460 .461. 463. 470—475. 482. 485. 486. 493. 497. 504. 506. 511. 514. 516. 517. 519. 520. 522. 524. 528. 529. 538. 539. 541. 542. 544. 551.
Сакулинъ, Павелъ Никитичъ—279.
Салтыковъ, Сергѣй Васильевичъ—25. 36. 43. 63. 74. 75. 78. **140—145.** 543.
Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ—287. 449.
Самсоновъ—273.
де-Сангленъ, Яковъ Ивановичъ—354. 370.
Сапожниковъ, Д. И.—29.
«Сарапча летѣла, летѣла» (стих.)—388.
Сафоновичъ, Валеріанъ Ивановичъ—182. 184. 226. 469.
Сведенборгъ—495.
Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ—317. 327—328. 344. 531. 552.
Свиньинъ, Павель Петровичъ—22. 46. 51 (19, 22). 76. 194. **314—318.** 319. **394—396.** 497. 498.
Свистуновъ, Алексѣй Николаевичъ—364.
Свистуновъ, Николай Алексѣевичъ—165.
Северинъ. См. Сѣверинъ.
Сегюръ, графъ Луи-Филиппъ—185. 405.
Селивановскій, Семенъ Іоанникіевичъ—320.
Семевскій, Василій Ивановичъ—191.
Сенковскій, Осипъ Ивановичъ—213. 239. 300. 307. 318. 319. 332. 335. **514. 519.**
Сенъ-Симонъ, герцогъ—242. 250.
Сенявина, Марія Алексѣевна. См. Нарышкина.
Серафимъ, митрополитъ—68. 69. 509. 510. **511—512.** 533. 534. 536.
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ—528.
Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ—247.
Синявскій, Николай Александровичъ—95.
S. K. См. Карамзина, Софья Николаевна.
Скабичевскій, Александръ Михайловичъ—451.
Скавронская, Анна Самойловна—503.
Скавронская, граф. Екатерина Васильевна, ур. Энгельгардтъ—415.
Скавронская, Марта Самойловна. См. Екатерина I.
Скавронская, Христина Самойловна—503.
Скавронскіе, графы—503.
Скавронскій, Карлъ Самойловичъ—503.
Скавронскій, Ѳедоръ Самойловичъ—503.
«Сказали разъ царю» (эпиграмма)—385.
«Сказка о золотомъ пѣтушкѣ»—69. 79. 452.
«Сказка о Мертвой царевнѣ»—514.
«Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ»—178, 289.
«Сказка о царѣ Салтанѣ»—94. 178.
Скарятина, Наталья Григорьевна, ур. княж. Щербатова—266.
Скарятинъ, Александръ Яковлевичъ—266.
Скарятинъ, Дмитрій Яковлевичъ—267.
Скарятинъ, Николай Яковлевичъ—267.
Скарятинъ, Яковъ Ѳедоровичъ—10. 19. 22. 25. 44. 45 (26, 29). 47. 75. 76. **266—267.**
Скарятинъ, Ѳедоръ Яковлевичъ—266.
Скобелевъ, Иванъ Никитичъ—25. 39. **200—206.**
Скоропадская, А.—415.
Скрибъ—529 530.
Славинскій, М.—500.
Сленинъ, Иванъ Васильевичъ—426.
Смирдинъ, Александръ Филипповичъ—12. 39. 66. 221. 254. 327. 375. 468. **512—514.** 540.

lib.pushkinskijdom.ru

Смирнова, Александра Осиповна, ур. Россетъ—11. 21. 25. 27. 39 (Ст. или См.). 45. 55. 74. 76. 77, 93. 99. 159. 170. 171. 173. 179. 184. 232. 239. 250. 254. **283—291.** 292. 344. 345. 363. 364. 368. 409. **420.** 421. 429. 430. 436. 523. 544.

Смирнова, Ольга Николаевна—290. 291. 420. 523.

Смирнова, Софья Михайловна—67, **523.**

Смирнова, Ѳедосья Петровна, ур. Бухвостова—345.

Смирновъ, игрокъ—48.

Смирновъ, Михаилъ Николаевичъ—287.

Смирновъ, Николай Михайловичъ—48. 49 (3, 12). 76. 154. 155. 159. 239. 258. 284. 286. **344—347.** 353. 523.

Смирновы—57. 59.

Снегиревъ, В. Л.—528.

Соболевская, Марія Михайловна, впослѣд. Денисьева—195.

Соболевскій, Сергѣй Александровичъ—45 (5, 7, 13). 138. 214. 250. 254. **268—271.** 274. 277. 283. 336. 344. 393. 465. 492. 552.

«Собраніе насѣкомыхъ» (эпиграмма)—316.

Соймоновъ, Александръ Николаевичъ—268.

Соколовъ, Дмитрій Николаевичъ—198.

Соловьевъ, Архангелъ—535.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ—259. 358.

Сологубъ, граф. Надежда Львовна—**363—364.** 450.

Сологубъ, графъ Владиміръ Александровичъ—3. 83. 153. 154. 166. 167. 236. 254. 258. 271—274. 279. 327. 363. 390. 392. 405. 442. 443. 469. 470. 544.

Сомовъ, полковникъ—490.

Сомовъ (**Somoff**), Орестъ Михайловичъ—134.

Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ—291. 499.

Сперанская, Елизавета Михайловна. См. Фролова-Багрѣева.

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ—21. 23. 41. 49 (25, 35). 75. 76. 222—224. 227. **244—249. 354—355.** 370—372. 415. 462. 486. 506. 514. 530.

Спиноза—340.

Спиридовъ, Михаилъ Матвѣевичъ—253.

Срединъ, Александръ Валентиновичъ—484.

Ст. (См)—39. **544.**

Стакельбергъ, графъ Рейнгольдъ-Андрей. См. гр. Штакельбергъ.

де-Сталь, баронесса Анна-Луиза Жерменъ—431.

«Стансы» (стих. «Въ надеждѣ славы и добра»)—98. 528.

Степановъ, Александръ Петровичъ—280.

Стихотворныя шутки Пушкина—214.

Столыпинскій, П. Н.—546.

Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ—537.

Строганова, гр. Анна Сергѣевна, ур. кн. Трубецкая—397.

Строганова, гр. Елизавета Александровна, ур. Загряжская—396.

Строганова, графиня С. В.—511.

Строганова, гр. Юлія Петровна, ур. Д'Альмейдъ, граф. д'Оейнгаузенъ—398.

Строгановъ, баронъ Александръ Николаевичъ—396.

Строгановъ, графъ Григорій Александровичъ—14. 29. 51. 77. **396—399.** 403.

Строгановъ, графъ Павелъ Александровичъ—222.

Строгановъ, баронъ Сергѣй Николаевичъ—544.

Строгановы—328.

Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ—334.

Струэнзе—530.

Стурдза, Александръ Скарлатовичъ—419. 443.

Сув.—27. 53. **545.**

Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ—6. 7. 24. 95. 151. 191. 279. 370.

Суворова, княг. Любовь Васильевна, ур. Ярцева—545.

Суворова, княж. Варвара Аркадьевна. См. Башмакова и княг. Горчакова.

Суворова, княж. Марія Аркадьевна. См. княг. Голицына.

Суворовъ, князь Александръ Аркадьевичъ—545. 546.

Суворовъ, князь Александръ Васильевичъ—266. 296. 396. 426. 453. 493. 497. 529. 545. 548.

Сулье—243.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ—133. 192.

Сумароковъ, Павелъ Ивановичъ—437.

lib.pushkinskijdom.ru

Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ—280.
Супонева, Ольга Петровна—194.
Сухозанетъ, Екатерина Александровна, ур. княж. Бѣлосельская-Бѣлозерская—108.
Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ—35. 36. 74 **107—111**. 150.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ—30. 31. 187. 259. 263. 316. 355. 356. 358. 439. 440. 536. 537.
Сухоруковъ, сотникъ—350. 351.
Сухтеленъ, графъ Петръ Корниліевичъ—40. **233—234**.
Сухтельнъ—см. Сухтеленъ.
Суццо, князь Михаилъ—35 (7, 14,). 74. **104—106**.
Сушковъ, Николай Васильевичъ—132.
Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ—136.
«Сѣверная Пчела» (газета)—49. 65 (11, 12). **507. 546**.
«Сѣтованіе» (стих.)—518—519.
С. О. (псевдонимъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго)—280.

«Table-Talk» (собраніе истор. анекдотовъ). См. Застольныя бесѣды.
Тагѣевъ В.—197.
Танцы (имѣніе)—59. **452**.
«Такъ море, древній душегубецъ» (стих.)—116. 310.
Талейранъ—227.
«Талисманъ» (стих.)—394.
Танскій—400.
Тараканова, княжна—194.
Тарутинскій памятникъ—62. **482—483**.
Татищевъ, Сергѣй Спиридоновичъ—147—148.
Твердышевъ, Иванъ Борисовичъ—430.
Твердышевъ, Яковъ Борисовичъ—430.
Т—въ, В.—461.
«Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою» (стих.)—520.
«Телеграфъ» (журналъ)—см. «Московскій Телеграфъ.
«Телѣга жизни» (стих.)—309.
Теньеръ—285.
Тизенгаузенъ, граф. Аделаида Павловна—см. гр. Штакельбергъ.
Тизенгаузенъ, граф. Дарья Ѳедоровна—см. гр. Фикельмонъ.
Тизенгаузенъ, гр. Елизавета Михайловна—см. Хитрово.
Тизенгаузенъ, графъ Павелъ Ивановичъ—151.
Тизенгаузенъ, графъ Ѳедоръ Ивановичъ—102. 151.
Тиковъ ученикъ—40. 75. **544—545**.
Тикъ, Людвигъ—544.
Тимковскій, Иванъ Осиповичъ—451. 541.
«Тимковскій царствовалъ» (эпиграмма)—541.
Титовъ, Владиміръ Павловичъ—336. 337.
Тихонравовъ, Николай Саввичъ—367. 427. 428. 548.
Толстой, графъ Петръ Александровичъ—227.
Толстой, графъ Ѳедоръ Ивановичъ («американецъ»)—117. 270. 406.
Толстой, Ѳеофилъ Матвѣевичъ—366.
Толь, графъ Карлъ Ѳедоровичъ—538.
«Торквато Тассо» (драма Н. В. Кукольника)—48.
Торнау, баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ—159.
Третьяковскій, Василій Кирилловичъ—548.
Третьякъ (Tretiak)—499.
«Три ключа» (стих.)—368.
Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ—19. 61 (12, 15, 22, 24, 26, 32). 78. **477—478**.
Трубецкая, княжна Анна Сергѣевна.—см. Строганова.
Трубецкая, княг. Екатерина Ивановна, ур. гр. Лаваль—430.
Трубецкіе—329.
Трубецкой, князь Василій Сергѣевичъ—43. 75. **225**. 545.
Трубецкой, князь Дмитрій Юрьевичъ—61. 476.
Трубецкой, князь Николай Ивановичъ—48. 76. **329**.
Трубецкой, князь Сергѣей Петровичъ—430.
Трубецкой, князь Юрій Никитичъ—493.
Трубицынъ, Н. Н.—365.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ—28. 93. 114. 123. 124. 126. 127. 132. 154. 232. 249. 270. 289. 337. 359. 382. 384. 389. 420. 433. 434. 436. 488. 495. 497. 516. 518.
Тургеневъ, Александръ Михайловичъ—189.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ—202. 212. 288.

lib.pushkinskijdom.ru

Тургеневъ, Николай Ивановичъ—440. 441.
Тургеневы, братья—249. 275. **440**—441.
Турецкое посольство—36. **147**—**148.**
Туркестанова, княжна Варвара Ильинична—17. 46. 76. **292**—**294.** 295. 296.
Туркестанова, Марія (Мими)—296.
«Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь» (эпиграмма)—305.
Тьебо, академикъ—190.
Тютчевъ, Оедоръ Ивановичъ—166. 228. 236. 329.

Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ—22. 25. 50. 51 (16, 20). 69 (9, 15, 26). 76. 79. 124. 171. 251. 275. 280. 326. 355. 356. **358**—**362.** 396. 509. **538.** 539. 540. 550.
Уваровъ, Оедоръ Петровичъ—10. 46 (12, 15). **296**—**298.** 401.
Указъ 17 апрѣля 1834 г.—53. 55. 77. **416**—**417. 422**—**424.**
Унгернъ-Штернбергъ, баронесса Анна Владиміровна.—см. гр. Бобринская.
Урусова, княжна Софья Александровна—173.
Усовъ, Павелъ Степановичъ—301.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ—47. **325**—**327.**
Устряловъ, Оедоръ Николаевичъ—326.

Фадѣевъ, Андрей Михайловичъ—225. 226. 295. 494. 495.
Фальконе(тъ), Этьенъ-Морисъ—275.
«Фаустъ» (трагедія Гете)—40. 75. 544. 545.
Фердинандъ, герцогъ Вюртембергскій—**255.**
Ферзенъ, графъ—266.
Ферсталкъ-фонъ-Зеленъ—159.
Фикельмонъ, граф. Дарья Оедоровна, ур. Тизенгаузенъ—4. **102**—**104.** 151. 152. 407. 543.
Фикельмонъ, графъ Карлъ-Людвигъ—3. 24. 25. 35. 36. 44. 45. 47 (8, 14). 50. 60. 64. 68. 74—76. **100**—**101.** 151. 159. 267. 493. 530.
Фикельмоны, графы—**102**—**103.**
Филаретъ, митрополитъ—54. 66. 68. 154. 532—534.
Фильдингъ—174.
Фихте—340.
фонъ-Фокъ, Борисъ Борисовичъ—477.
фон-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ—135.
Фоминъ, Александръ Григорьевичъ—300.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ—118. 119. 139. 188. 267. 284. 396. 523.
Voss —87.
Фотій, архимандритъ—351. 511.
Франклинъ—116.
«Франкфуртская газета»—51. 77. 398. **399**—**402.** 403. 422. 424. 462.
«Франкфуртскій журналъ» («**Journal de Francfort**»)—см. «Франкфуртская газета».
Фридрихъ II Великій, король—187. 240.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, король—231. 463.
Фридрихъ—Вильгельмъ IV, король—60. **463**—**464.**
Фролова-Багрѣева. Елизавета Михайловна, ур. Сперанская—248.
Фусесъ, Павелъ Николаевичъ—321.

Ханенко, И. И.—511.
Хатовъ, Александръ Ильичъ—160.
Хвостова, граф. Аграфена Ивановна, ур. Горчакова—548.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ—56. 425. 426. 428. **547**—**551.**
Хилкова, княжна Любовь Александровна.—см. Безобразова.
Хилковъ, князь Степанъ Александровичъ—42. **244.**
Хитрова—см. Хитрово, Елизавета Михайловна.
Хитрово, Елизавета Михайловна, ур. кн. Голенищева-Кутузова-Смоленская, по 1-му браку гр. Тизенгаузенъ—31. 60. 65. 78. 102. 135. **151**—**158.** 167. 409. 442.
Хитрово. Николай Оедоровичъ—102. 151. 552.
Хлоя—66.
Хованская, княж. Наталья Васильевна.—см. Булгакова.
Ходневъ, Алексѣй Ивановичъ—233.
«Холопъ вѣнчаннаго солдата» (эпиграмма)—419.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ—48. 76. 284. **335**—**339.** 368. 520.
Хомяковъ, Оедоръ Степановичъ—336.

lib.pushkinskijdom.ru

Храповицкій, Александръ Васильевичъ—9. 26. 38. 189. 190. **192—194.** 318.
Хребтовичъ, графиня.—см. Хрептовичъ.
Хрептовичъ, графиня Елена Карловна, ур. Нессельроде — 56. **424.**
Хрептовичъ, графиня Марія Карловна, ур. фонъ-Ренне—56. **424.**
Хрептовичъ, графъ Иринеи Ефимовичъ—424.
Хрептовичъ, графъ Михаилъ Иринеевичъ—424.
Христинъ—см. Кристинъ, Ф.
Христіанъ VII, король дат—530.

«Циклопъ» (стих.) —450.
Циціанова, княжна Екатерина Евсѣевна—см. Лореръ.
Циціановъ, кн. Дмитрій Евсѣевичъ—45. **291—292.** 463.
Циціановъ, кн. Павелъ Дмитріевичъ—380.
Ц. н. анекдоты—см. Циціановъ, Дмитрій Евсѣевичъ.
«Цыганка» (поэма) см. «Цыганы».
«Цыганская пѣсня» (стих.)—309.
«Цыганы» (поэма)—120. 209.
«Цыганы» (незакончен. опера Мих. Вѣльгорскаго)—273.
Цявловскій, Мстиславъ Александровичъ—95. 103. 283. 288. 312. 372.

Чаадаевъ (Чедаевъ), Петръ Яковлевичъ—129. 250. 251. 459. 547.
Чарторижскій, князь Адамъ Адамовичъ—222.
Чарыковъ, П. В.—159.
Черкасскій, князь Владиміръ Александровичъ—449.
«Черная шаль» (романсъ Мих. Вѣльгорскаго на слова Пушкина)—273.
Чернышева, Наталья Петровна—см. княг. Голицына.
Чернышевъ, графъ Александръ Ивановичъ—49. 108. 151. 300. **347—351.** 353. 354. 510. 552.
Чернышевъ, графъ Иванъ Григорьевичъ—188.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ—348.
Чернышевъ, графъ Петръ Григорьевичъ—365.
Чертковъ, Евграфъ Александровичъ—58 (1, 4, 9). **437.**
Четвертинская, княжна Марія Антоновна—см. Нарышкина.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ—191. 224. 437.
Чириковъ, Г. С.—492.
Чистовичъ, Иларіонъ Алексѣевичъ—535.
Чичерина, фрейлина—450.
Чулковъ, Николай Петровичъ—267. 298. 350.
Чумиковъ, А. А.—326.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ—134. 135. 310. 340.
Шапель, Клодь-Эммануэль—128.
Шафонскій («Господина Шафонскаго»—стихотв. отрывокъ)—216.
Шаховская, княж. Варвара Петровна—см. кн. Полье.
Шаховская-Глѣбова-Стрѣшнева, княг. Е. Ф.—293. 296.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ—117. 327.
Шебуевъ, Василій Кузьмичъ—395.
Шевалье д'Эонъ—184.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ—312. 336. 343.—344.
Шекспиръ—158. 332.
Шеллингъ и шеллингіанство—275. 322. 324. 325.
Шенинъ, Александръ Ѳедоровичъ—319.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ—169. 173. 177—179. 427. 461.
Шенье, Андрей—129.
Шереметевъ, В. А., кавалергардъ—453.
Шереметевъ, Василій Александровичъ—50. **370. 546—547.**
Шереметевъ, Д. Н.—370.
Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ—207.
Шиллеръ—343.
Шильдеръ, Николай Карловичъ—106. 161. 216. 217. 300. 351. 417 442. 445. 454. 478. 491. 530.
Schiemann Th.—444. 454. 531. 547.
Шипулинскій—354.
Ширлинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ — 548. 549.
Шишковъ, Александръ Ардаліоновичъ—544.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ—68. 126. 275. 316. 428 450. 451. **535—537.** 542. 548.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ—29. 520. 551.
Шольe, Гильомъ—117.

lib.pushkinskijdom.ru

«Шотландская пѣсня» (романсъ Мих. Вielьгорскаго на слова Пушкина)—273.
Штакельбергъ, графиня Аделаида Павловна, ур. Тизенгаузенъ—36. **151.**
Штакельбергъ, графъ—228.
Штакельбергъ, графъ Рейнгольдъ Андрей (Андрей Ивановичъ)—151.
фонъ-**Штейнъ**, Генрихъ—358.
Штиллингъ—см. Юнгъ-Штиллингъ.
Шубертъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ—376.
Шувалова, граф. Софья Львовна, ур. Нарышкина—392.
Шувалова, граф. Текла Игнатьевна, ур. Валентиновичъ—40. 53. **232.** 266.
Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ—17. 44. 47. 75. 232. **266.**
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ—433. 529.
Шуваловъ, графъ Павелъ Андреевичъ—327.
Шуваловъ, графъ П. П.—392.
Шуманъ—273.
Шуточные стихи Пушкина (по поводу полученія Вяземскимъ званія камергера)—139.

Щеголевъ, Павелъ Елисеевичъ—5. 97. 99. 159. 241. 258. 259. 379. 408. 409. 412. 413. 476. 502. 524. 525. 530. 544.
Щедринъ, Семенъ Ѳедоровичъ—395.
Щербатова, княжна Наталья Григорьевна—см. Скарятина.
Щербатовъ, князь—444. 464. 476.
Щербининъ, Михаилъ Павловичъ—381.
Щукинъ, Петръ Ивановичъ — 339. 410. 525.

Эдуардъ IV, король англ.—158.
Экернъ—см. Геккеренъ.
Экхартсгаузенъ—495.
Элегіи Пушкина (лицейскаго періода)—85.
«Элегія на смерть Анны Львовны» (стих.)—451.
Элиза—см. Хитрово, Елизавета Михайловна.
Энгельгардтъ, Варвара Васильевна—см. кн. Голицына.
Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ—35 (20, 23) 74. **106—107.** 404.
Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ—324.
Энгельгардтъ, Екатерина Васильевна—см. гр. Скавронская и графиня Литта.
«Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара—19. 46. 49 (18, 22). 76. 306. **318—321.** 322. 325. **354.**
Эпиграмма на Д. Н. Блудова—237.
Эпиграмма на кн. А. Н. Голицына—231.
Эпиграмма на кн. М. А. Дондукова-Корсакова—539.
Эпиграмма на А. Е. Измайлова («Ex ungue leonem»)—309.
Эпиграмма на Смирдина—513.
Эпиграмма на Е. М. Хитрово 152.
Эпиграмма на цензоровъ—451. 541.
Эпиграммы на Аракчеева—419.
Эпиграммы на Булгарина—305. 552.
Эпиграммы— на М. С. Воронцова—385—386.
Эпилогъ къ «Кавказскому Плѣннику» — 390.
Эпитафія кн. В. П. Кочубею—60. **226.**
Этерія—см. Гетерія.

Юго В.—см. Гюго.
Юзефовичъ, Михаилъ Владиміровичъ—351.
Юнгъ-Штиллингъ—495.
Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевичъ—418.
Юрьевъ, Сергѣй Андреевичъ—5. 29.
Юсупова, княгиня—488.
Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ—119.

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ—536.
Языковъ, Александръ Михайловичъ—139. 453. 520.
Языковъ, Дмитрій Ивановичъ—320.
Языковъ Николай Михайловичъ—139. 337. 453. 520.
Языковы—519.
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ—322. 513.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ—453.
Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ—370. 454.

lib.pushkinskijdom.ru

Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ— 6—8. 25. 28. 29. 102. 191. 194. 259. 419.

Янькова, Елизавета Петровна— 365.

Ярцева, Любовь Васильевна—см. княг. Суворова.

Яшвиль, князь Владиміръ Михайловичъ—267.

Яшвиль, князь Левъ Михайловичъ—25. 27. 36. 109. 148. 150.

Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь—396.

Ѳирсовъ, Николай Николаевичъ— 32. 259. 261. 264. 538.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

От редакціи V

Предисловіе 1

Дневникъ А. С. Пушкина (текстъ) 33

Хронологическая канва 71

Комментарій къ Дневнику 81

Дополненія и поправки 543

Указатель 553

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 42 (ркп. 10).

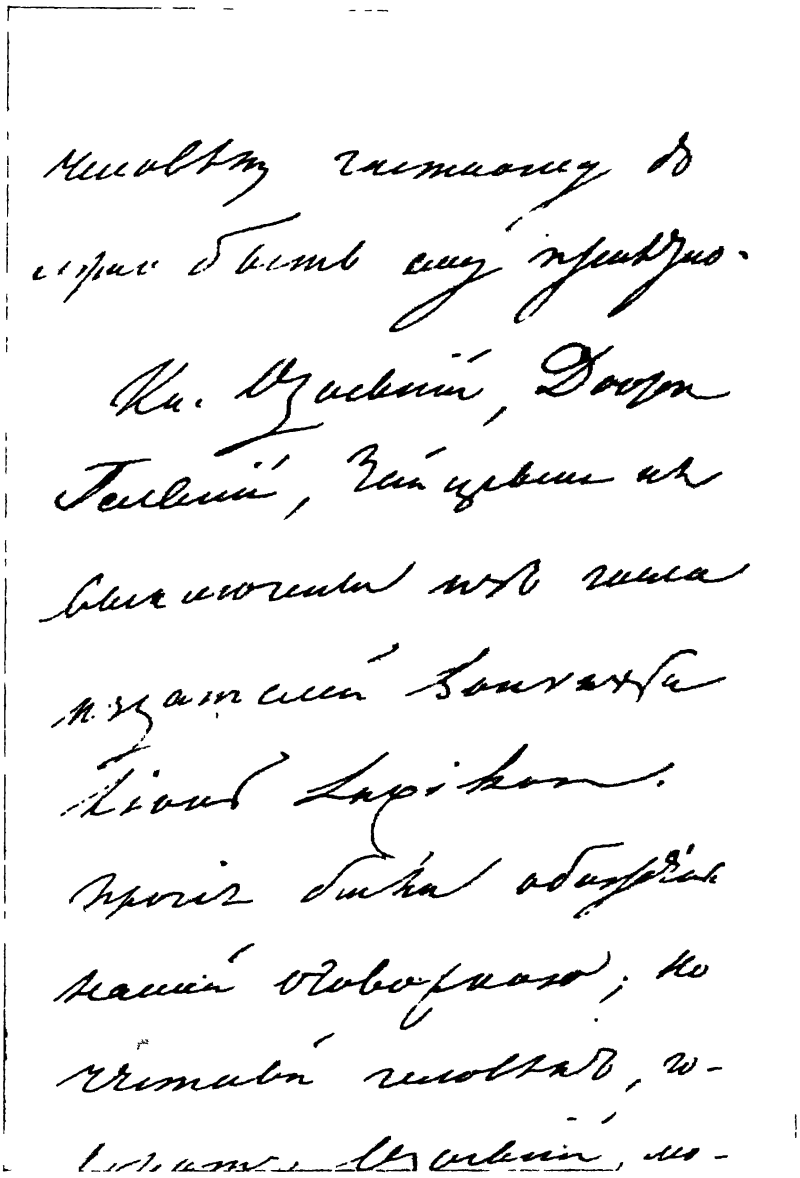
lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 47 (ркп. 16²).

lib.pushkinskijdom.ru

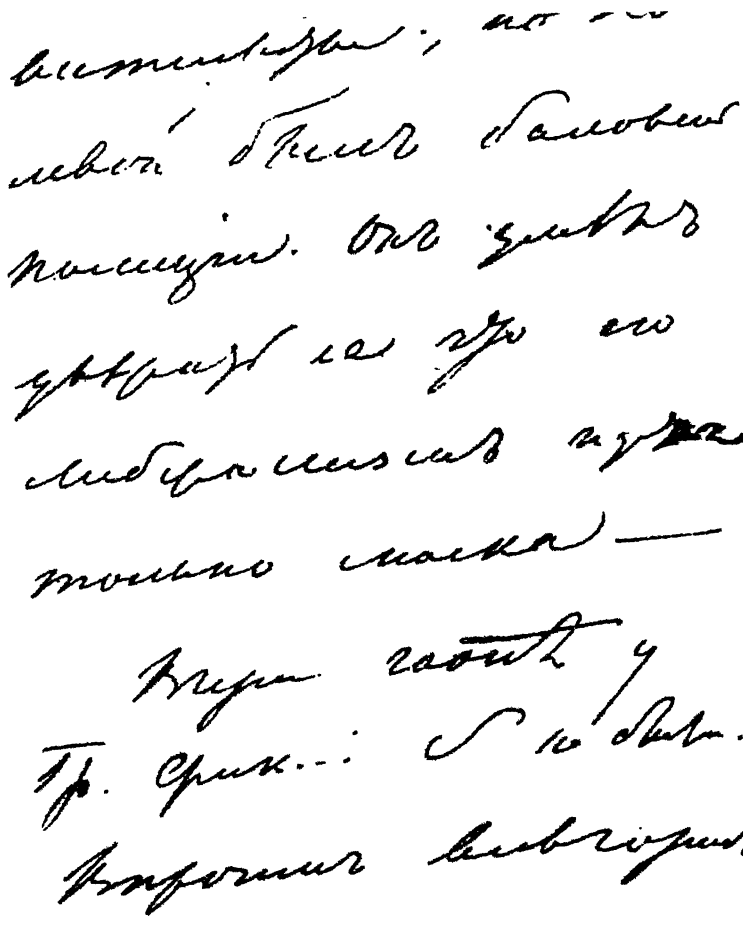
lib.pushkinskijdom.ru



Стр. 49 (ркп. 19³).

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru



Стр. 50 (ркп. 21).

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 50—51 (ркп. 22).

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

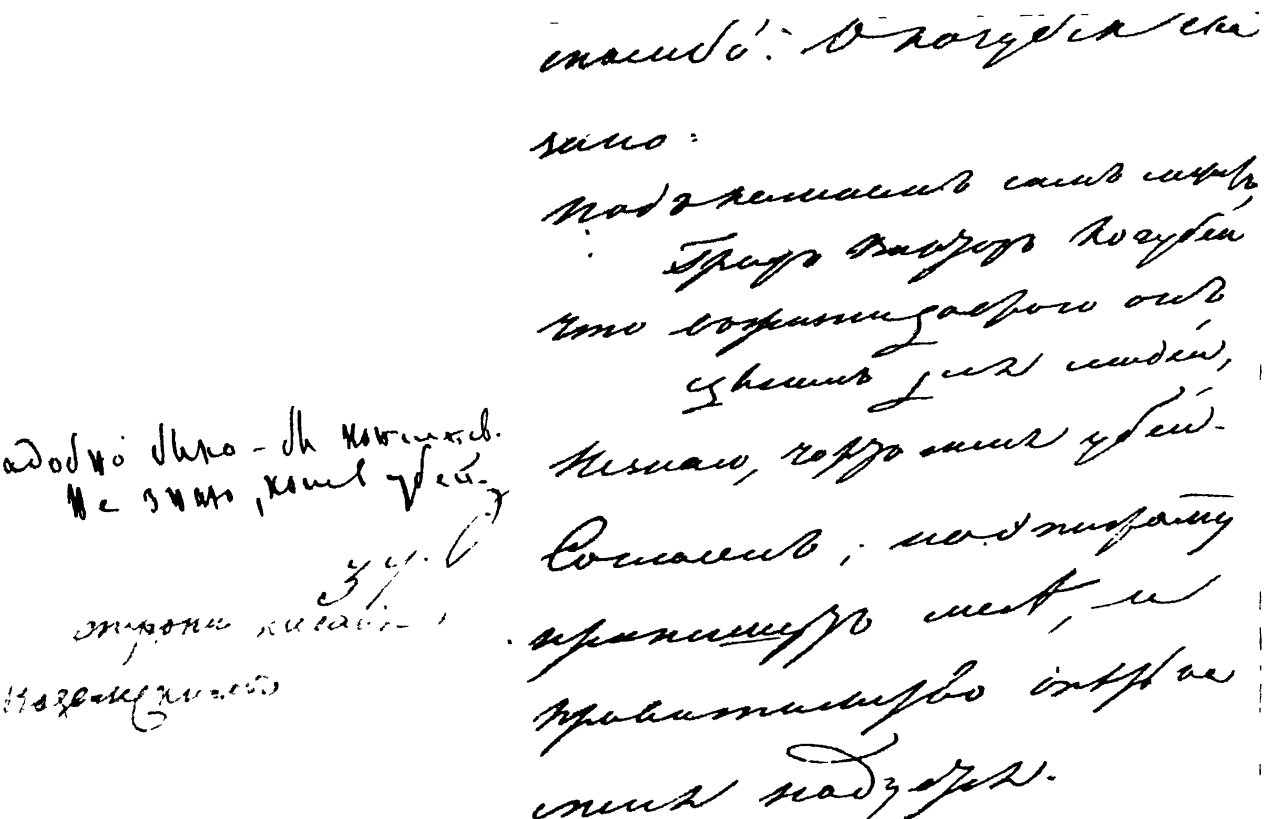
10 апр. Вчера вечеръ
у Уварова — живыя
картины — Долго са-
дѣли въ темнотѣ.
Небольшо — скупа
смертная. Послѣ кар-
тинъ вальсъ и недви-
жимъ плохой — Го-
воря о Свиньинѣ пре-
длагающимъ Р. Ан-
дѣкіи свои мону-

Стр. 51 (ркп. 23).

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru



lib.pushkinskijdom.ru

Вчера (17) вечеръ у С—
Разговоръ съ Нарышкинымъ
о Р. дворянствѣ, о гербахъ,
о семействѣ Екатерины I-ой
Ц. Гербы наши вѣ-
вѣвшія навѣ. Отсюда
въ Гербѣ Кн. Вяземскихъ, Ржевскихъ,
пушка. Многія изъ
нынѣшнихъ дворянъ дво-
рянъ не имѣютъ
гербовъ.

22 дек. суббота — въ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Москва **ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО** Петроград

Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8. Тел. 1-51-21.

ИСТОРИЯ и КРИТИКА ЛИТЕРАТУРЫ.

Бабенчиков, М. Ал. Блок и Россия. Стр. 92. Ц. 40 к.

Белинский, В. Г. Басни Крылова. Стихи Ап. Майкова. Петербургский сборник. О жизни и сочинениях Кольцова. Ц. 40 к.

Его же. Критические статьи. Герой нашего времени. Стихотворения М. Лермонтова. Стр. 224. Ц. 40 к.

Его же. „Горе от ума". Вступительная статья И. П. Кубикова. Стр. 103. Ц. 25 к.

Его же. 4 статьи о Гоголе. Стр. 148. Ц. 30 к.

Его же. Сочинения А. Пушкина. Вып. I. Стр. 400.

Его же. Сочинения А. Пушкина. Вып. II. Стр. 156.

Бирюков, П. И. Биография Льва Николаевича Толстого, с иллюстрац. Т. I. Стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Биография Льва Николаевича Толстого. С иллюстрац. Т. II. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Валидов, Д. Очерки истории образованности и литературы волжских татар (до рев. 1917 г.). Вып. I. Стр. 106. Ц. 50 к.

Воронский, А. На Стыке. Литературные силуэты. Стр. 351. Ц. 1 р.

Гаррис. Уголок Пушкина. С фотогр. снимками. Стр. 196. Ц. 50 к.

Гершензон, М. О. История молодой России. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Руководство для изучения итальянского языка. С прилож. словаря. Стр. 208. Ц. 2 р.

Гроссман, Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография, комментарии. Стр. 117. Ц. 1 р.

Гзелль, П. Беседы Анатоля Франса. Под ред. Н. Радлова. Стр. 217. Ц 70. к.

Долгов, Н. Островский. Жизнь и Творчество (1823—1923). Стр. 272. Ц. 75 к.

Документы по истории литературы и общественности. Вып. II. И. С. Тургенев. Стр. 164. Ц. 90 к.

Добролюбов, Н. А. Забитые люди. Вступ. статья И. И. Кубикова. Стр. 77. Ц. 20 к.

Его же. Когда же придет настоящий день? Ц. 15 к.

Его же, Луч света в темном царстве. Стр. 112. Ц. 20 к.

Его же. Темное царство. Стр. 216. Ц. 40 к.

Его же. Что такое обломовщина? Ц. 20 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей. Ред. Н. К. Пиксанова. Стр. 140. Ц. 50 к.

Ермаков, И. Д. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Стр. 193. Ц. 1 р.

Келли, Джеме. Испанская литература. Перев. с пред. С. Кулаковского. Стр. 342. Ц. 3 р. 50 к.

Коган, П. С. Очерки по истории западно-европейской литературы. Т. I. Изд. 8-е. Стр. 376. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. II. Изд. 7-е Стр. 405. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очерки по истории древних литератур. Т. III. Греческая литература. Стр. 354. Ц. 80 к.

Луначарский, А. В. Этюды. Сборник статей 1923 г. Стр. 342. Ц. 1 р. 50 к.

Мандельштам, Р. С. Художественная литература в оценке русской марксистской критики. Ред. и предис. Н. К. Пиксанова. Стр. 95. Ц. 35 к.

О Белинском. К 75-летней годовщине. Стр. 38. Ц. 20 к.

Оветт, А. Итальянская литература. Перевод С. Соболевского. Стр. 351. Ц. 1 р. 60 к.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. Собрание сочинений. Т. I. Гоголь. Стр. 160. Ц. 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. II. Тургенев. Стр. 216. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. III. Л. Н. Толстой. Стр. 245. Ц. 1 р.

Пиксанов, Н. К. Два века русской литературы. Темы, вопросники, библиография. Стр. 208. Ц. 95 к.

Его же. Старорусская повесть. Стр. 92. Ц. 60 к.

Его же. Грибоедов и Мольер. Стр. 80. Ц. 30 к.

Писарев, Д. И. Промахи незрелой мысли. Старое барство. Стр. 117. Ц. 30 к.

Его же. Реалисты. Стр. 208. Ц. 35 к.

Его же. Базаров. Посмотрим. Стр. 169. Ц. 30 к.

lib.pushkinskijdom.ru

Плеханов, Г. В. В. Г. Белинский. Сборник статей с предисл. В. Ваганяна. Стр. 336. Ц. 80 к.

Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Под ред. Н. В. Яковлева. Стр. 362. Ц. 3р., на лучш. бум. 3 р. 50 к.

Поляков, А. С. О смерти Пушкина. Труды Пушкинского Дома при Росс. Ак. Наук. Стр. 115. Ц. 40 к.

Полянский, В. (В. И. Лебедев). А. Н. Островский. К столетию со дня рождения, с портретом. Стр. 87. Ц. 25 к.

Розанов, М. Н. Очерки истории английской литературы XIX века. (Эпоха Байрона.) Стр. 347. Ц. 1 р.

Русские критики об Островском. Сборник с предисловием Н. Мещерякова. Стр. 298. Ц. 1 р. 40 к.

Салтыков, К. М. Интимный Щедрин. С предисл. Н. Мещерякова. Стр. 79. Ц. 70 к.

Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм. Ч. I. Стр. 304. Ц. 1 р.

Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Стр. 351. Ц. 2 р., на лучш. бум. 2 р. 50 к.

Святловский, Вл. Русский утопический роман. Стр. 52. Ц. 20 к.

Семенников, В. П. Радищев. Очерки и исследования. Стр. 484. Ц. 3 р.

Творчество А. Н. Островского. Юбилейный сборник под ред. С. К. Шамбинаго. Стр. 365. Ц. 3 р.

Фриче, В. Корифеи мировой литературы и Советская Россия. Стр. 27. Ц. 7 к.

Его же. Очерки развития Западно-Европейской литературы. Стр. 263. Ц. 1 р.

Цвейг, С. Ромэн Роллан. Его жизнь и творчество. Пер. Г. Генкеля. Стр. 413. Ц. 1 р. 20 к.

Шагинян, М. Путешествие в Веймар. Стр. 141. Ц. 1 р.

Шенгели, Г. Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика. Стр. 181. Ц. 2 р.

Шюкэ. Немецкая литература. Стр. 254. Ц. 1 р.

«Экспрессионизм». Сборник статей под ред. Е. М. Браудо, Н. Э. Радлова. Стр. 234. Ц. 1 р.

Якобсон, Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Сборник по теории поэтического языка. В. V. Стр. 120. Ц. 60 к.

Цены указаны в червонцах.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА: Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.
ПЕТРОГРАД: Проспект 25-го Октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Вологда—Площадь Свободы; **Воронеж**—Проспект Революции, 1-й дом Совета; **Казань**—Гостинодворск., Гостиный Двор; **Киев**—Крещатик, 38; **Кострома**—Советская, 11; **Краснодар**—Красная, 33; **Нижний-Новгород**—Б. Покровка, 12; **Одесса**—ул. Лассаля, 12; **Пенза**—Интернациональная, 39/43; **Пятигорск**—Советский пр., 48; **Ростов-на/Дону**—ул. Фридриха Энгельса, 106; **Саратов**—ул. Республики, 42; **Тамбов**—Коммунальная, 14; **Тифлис**—Проспект Руставели, 16; **Харьков**—Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл., под гостиницей „Дрезден". Тел. 1-28-94; 2) Моховая, ул., 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (зд. консерватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул. Тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 2-84-82; 6) Кузнецкий Мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Лялин пер., 11. Тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4; 9) Ильинка, Богоявленский пер., 4.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25-го Октября (Невский), 28. 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21. 3) Проспект 25-го Октября (Невский), 13.

Все новости о книгах—в бюллетенях Торгсектора.

Очередной номер бюллетеня Торгсектора высылается по получении 10 коп. почтовыми марками.

lib.pushkinskijdom.ru